

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY

OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

IN EXCHANGE WITH

Gos. Russkoe geograficheskoe
obshchestvo.

Received

April 21, 1933.

З А П И С К И
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Я

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

8

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
дѣйств. члена П. А. МАТВѢЕВА.

— < 8 > —

С.-Петербургъ.

Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Фин., на Дворц. площ.

1878.

26887

L Soc. 100.342.14.1

H.D. Exchange gift
scientific

Das russische Geographische
Abhandlungen

Spec. Abt. 21, 1933

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

34-103
78

СБОРНИКЪ

НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1878

1821

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран
Предисловіе	IX
Отдѣлъ первый: Юридическіе обычаи Русскаго народа.	
Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству. Д. чл. Н. В. Калачова	1
Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи. Д. чл. П. А. Матвѣева	11
Договоръ найма пастуховъ. Чл.-с. П. С. Ефименка	47
Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа. Чл.-с. А. Θ. Кистяковскаго	161
Отдѣлъ второй: Юридическіе обычаи инородцевъ.	
Юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи. Чл.-с. А. Я. Ефименко	1
Замѣтки о киргизскомъ судѣ. И. И. Ибрагимова	233
Юридическіе обычаи Якутовъ. Чл.-с. князя Н. А. Кострова	259
Отдѣлъ третій: Замѣтки по обычному праву.	
Народные обычаи по уголовному праву. Д. чл. И. Я. Фойницкаго	3
Семейная община въ Курскомъ уѣздѣ. Д. чл. Д. Я. Самоквасова	11
Самосуды у крестьянъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи. Чл.-с. Е. Т. Соловьева	15
Судья-земля. Н. Соколова	17
Замѣтка по поводу предшествующей статьи. Д. чл. П. А. Матвѣева	18

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Стран.

Программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ:

по гражданскому праву, д. чл. П. А. Матвѣева . . . 1

по уголовному праву, д. чл. И. Я. Фойницкаго . . . 61

Журналы засѣданій Коммиссіи о народныхъ юридическихъ обы-

чаяхъ съ 17-го февраля 1876 года по 8-е ноября 1877 года,

составленные секретаремъ Коммиссіи П. А. Матвѣевымъ 77

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе народнаго юридическаго быта постоянно обращало на себя вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, какъ это видно изъ общей программы Общества, составленной въ 1847 году, и специальной, собственно для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданной въ 1864 году. Наконецъ развитіе, которое получила за послѣдніе годы разработка общаго права, вызвало въ средѣ Общества мысль объ учрежденіи особой Комиссіи для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

По предложенію извѣстнаго знатока народнаго юридическаго быта, дѣйствительнаго члена Общества Н. В. Калачова, Комиссія эта организовалась въ февралѣ 1876 года ¹⁾. Въ первомъ же засѣданіи Комиссіи на меня возложено было исполненіе обязанности секретаря. Согласно выработанной въ этомъ засѣданіи (17-го февраля 1876 г.) программѣ занятій, дѣятельность Комиссіи сосредоточилась

¹⁾ Въ составъ этой Комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. В. Калачова, вошли: директоръ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ О. А. Барыковъ, старшій членовникъ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи С. В. Пахманъ, предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Л. Н. Майковъ, товарищъ оберъ-прокурора гражданскаго департамента кассационнаго сената П. А. Мулловъ и нѣк. другіе. Позднѣе, именно съ 1877 г., въ засѣданіяхъ Комиссіи приняли участіе извѣстный изслѣдователь волостныхъ судовъ и юридическихъ обычаевъ Юго-Западнаго края П. П. Чубинскій и профессора С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкій и Н. С. Таганцевъ, послѣдніе—лишь съ осени этого года, когда обсуждалась программа для собранія обычаевъ по уголовному праву.

по преимуществу на выполненіи слѣдующихъ двухъ задачъ: 1) на составленіи и изданіи новой программы для собранія юридическихъ обычаевъ, и 2) на изданіи сборника этихъ обычаевъ. Эта послѣдняя работа была спеціально поручена мнѣ, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось не только разсмотрѣть статьи и матеріалы по юридическимъ обычаямъ, имѣвшіеся въ распоряженіи Отдѣленія Этнографіи, но также войти въ сношенія съ извѣстными изслѣдователями народнаго юридическаго быта въ различныхъ мѣстностяхъ, именно—съ П. С. Ефименкомъ, А. Я. Ефименко, профессоромъ уголовного права въ Университетѣ св. Владиміра А. О. Кистяковскимъ, Е. И. Якушкинымъ и княземъ Н. А. Костровымъ. Когда я приступалъ къ составленію этого сборника, въ моихъ рукахъ уже были нѣкоторые матеріалы, благодаря содѣйствію нашего извѣстнаго и неутомимаго изслѣдователя народнаго юридическаго быта П. С. Ефименка и даровитой сотрудницѣ его въ этихъ изслѣдованіяхъ А. Я. Ефименко. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ мнѣ удалось составить, приготовить къ печати, снабдить примѣчаніями и издать первый томъ сборника, который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ VIII-й томъ Записокъ Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.

Въ этомъ томѣ отведено, быть можетъ, слишкомъ много мѣста юридическому быту нашихъ отдаленныхъ окраинъ, обычаемъ нашихъ инородцевъ. Признавая вполне научный интересъ и значеніе этихъ обычаевъ которые, какъ первичныя и простѣйшія формы развитія права, даютъ богатый матеріалъ для сравнительнаго изученія юридическихъ обычаевъ Русскаго народа, я тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ объяснить, что такое мѣсто отведено имъ въ настоящемъ сборникѣ не по личному моему усмотрѣнію или желанію, а благодаря обилію статей и матеріаловъ, доставленныхъ въ Географическое Общество по этому отдѣлу обычнаго права.

Причину этого явленія надо искать въ нашемъ законодательствѣ, которое до сихъ поръ обращало гораздо болѣе вни-

манія на особенности юридическаго быта инородцевъ (сибирскіе различныхъ сословій обыватели, Киргизы, Калмыки, Кавказскіе горцы, Мезенскіе Самоѣды и т. д.), чѣмъ на обычаи кореннаго Русскаго населенія. Такимъ образомъ понятно, что у насъ имѣется болѣе свѣдѣній, касающихся юридическихъ обычаевъ этихъ инородцевъ, чѣмъ Русскаго населенія, юридическій бытъ котораго до сихъ поръ игнорируется нашимъ Сводомъ Законовъ, хотя въ области суда уголовного народнымъ юридическимъ воззрѣніемъ, въ лицѣ присяжныхъ, фактически дано весьма широкое примѣненіе. Руководить же работами изслѣдователей въ области изученія народнаго юридическаго быта Комиссія, очевидно, не могла по отсутствію въ ея распоряженіи матеріальныхъ средствъ, для того чтобы поручать исполненіе той или другой работы, а тѣмъ болѣе для снаряженія экспедицій съ цѣлью изслѣдованія юридическихъ обычаевъ на мѣстахъ.

Кромѣ выбора статей, которыя имѣли бы наиболѣе научнаго достоинства и достовѣрности, мнѣ, въ качествѣ редактора сборника, предстояло провѣрять собранные для печати матеріалы другими источниками и описаніями народнаго быта, встрѣчающимися въ нашей печатной литературѣ, и снабжать ихъ необходимыми примѣчаніями. Нѣкоторые изъ почтенныхъ сотрудниковъ настоящаго сборника, проживая постоянно въ провинціи, лишены были возможности пользоваться необходимыми учебными пособіями для справокъ, вслѣдствіе чего статьи ихъ, сами по себѣ отличающіяся большими достоинствами, и вообще говоря, весьма цѣнныя, требовали нѣкотораго пересмотра и исправленій. Для примѣра укажу на прекрасную статью А. Я. Ефименко: „Юридическіе обычаи Самоѣдовъ Архангельской губерніи“. Почтенный авторъ, не имѣвшій подъ руками Полнаго Собранія Законовъ, не могъ ознакомиться съ Высочайше утвержденнымъ уставомъ объ управленіи Самоѣдами, обитающими въ Мезенскомъ уѣздѣ. (П. С. З., Собр. второе, т. X. № 8071,) и съ положеніемъ о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ Самоѣдами между

IV

собой и съ лицами посторонними (тамъ же, № 8072), вслѣдствіе чего въ его изложеніи этихъ обычаевъ вкралась нѣкоторая неточность въ цитатахъ дѣйствующихъ относительно Самоѣдовъ узаконеній и смѣшеніе постановленій, въ законодательномъ порядкѣ утвержденныхъ, съ правилами, составленными на основаніи 37 § этого устава мѣстнымъ начальствомъ. Поэтому въ указанной статьѣ пришлось сдѣлать нѣкоторыя поправки, какъ въ видѣ примѣчаній, такъ и текстъ (второй отдѣлъ сборника, стр. 192) ¹⁾.

Отношенія нашего законодательства къ многочисленнымъ инородческимъ племенамъ, населяющимъ наше обширное отечество, составляетъ предметъ крайне мало разработанный, хотя и представляющій значительный интересъ. Эти инородческія племена, постепенно входившія въ составъ Россійской имперіи, вслѣдствіе особенностей своего быта издавна обращали на себя вниманіе правительства и законодательства — конечно, прежде всего въ отношеніи сбора съ нихъ ясака и отбыванія ими воинской службы, но также и въ отношеніи ихъ суда и обычаевъ.

Въ договорахъ объ подданствѣ Россійскому престолу, заключенныхъ съ разными инородцами, встрѣчаются указанія на признаніе обычнаго права этихъ инородцевъ ²⁾.

Съ начала XVIII вѣка въ Полномъ Собраніи Законовъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ Высочайшихъ указовъ и инструкцій должностнымъ лицамъ, получавшимъ различныя назначенія по управленію такъ-называемыми *ясачными* инородцами, въ которыхъ

¹⁾ Примѣчанія на страницахъ 164 и 173 того же отдѣла сборника принадлежатъ редакціи, что по недосмотру типографіи не отмѣчено.

²⁾ П. С. З., 15-го января 1869 г. № 1329: Договоръ, заключенный Россійскимъ посломъ на Китайской границѣ Головиннымъ съ Мунгальскими (Бурятскими) тайшами о вѣчномъ подданствѣ ихъ Россійскому престолу, а также записи о подданствѣ Калмыковъ, Татаръ, Грузинъ, Биргизовъ Кабардинцевъ и другихъ инородцевъ въ П. С. З., т. I, II и слѣд. Кромѣ того, отношенія воеводъ къ инородцамъ обсуждались въ наказахъ этимъ послѣднимъ. См. наказы Нерчинскимъ воеводамъ — П. С. З., 18-го февраля 1696 г. № 1542, т. III; 5 января 1701 г., № 1822, и 1-го февраля 1801 г. № 1835, т. IV.

содержатся указанія на различныя права и преимущества этихъ инородцевъ, и въ томъ числѣ — на право разбираться своимъ судомъ и по своимъ обычаямъ.

Не перечисляя всѣхъ постановленій по этому вопросу, встрѣчающихся въ Полномъ Собраніи Законовъ, большая часть которыхъ касается сибирскихъ инородцевъ, замѣтимъ, что правительство обращало вниманіе на обычай инородцевъ и другихъ мѣстностей.

О предоставленіи сибирскимъ инородцамъ собственныхъ ихъ правъ и обычаевъ въ разбирательствѣ маловажныхъ дѣлъ весьма обстоятельно и изложено въ § IX Именнаго Высочайшаго повелѣнія, даннаго 23-го мая 1803 года дѣйствительному тайному совѣтнику Тобольскому и Иркутскому генералъ-губернатору Селифонтову объ образѣ управления семи губерніями ¹⁾.

М. М. Сперанскій во время управленія Сибирью обратилъ вниманіе на необходимость привести въ извѣстность обычай инородцевъ, населяющихъ этотъ край. Вскорѣ послѣ возвращенія Сперанскаго изъ Сибири въ Петербургъ, именно 22-го іюля 1822 года, былъ Высочайше утвержденъ уставъ объ управленіи инородцевъ этого края, на основаніи § 68 котораго на мѣстное начальство возложена была обязанность собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о степныхъ законахъ отъ почетнѣйшихъ людей изъ среды этихъ инородцевъ, рассмотреть ихъ по губерніямъ въ особнхъ временныхъ комитетахъ, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими узаконеніями, и расположить въ надлежащемъ порядкѣ, представить главному мѣстному управленію на утвержденіе.

Такимъ образомъ, утвержденные степные законы повелѣно было напечатать на русскомъ языкѣ, и если можно, на языкѣ тѣхъ самыхъ племенъ, до коихъ они относятся, или на языкѣ, сходственномъ съ употребляемымъ ими; по напечатаніи представить въ правительствующій сенатъ, и принимая ихъ въ осно-

¹⁾ П. С. З., № 20771.

ваніе при сужденіяхъ о дѣлахъ кочующихъ и бродячихъ инородцевъ, не только въ родовыхъ управахъ, но и въ присутственныхъ мѣстахъ, когда по жалобамъ поступать на ревизію, а недостатковъ дополняя уже при рѣшеніи дѣлъ російскими узаконеніями, не допускать въ степныхъ законахъ никакихъ измѣненій, пока, съ переменою образа жизни и степени образованія, не будетъ надобности измѣнить образъ самаго управленія инородцевъ. Къ исполненію сего, въ обѣихъ губерніяхъ Восточной Сибири открыты были, подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ, комитеты, которые, вызвавъ отъ каждаго изъ инородческихъ вѣдомствъ соотвѣтственное народонаселенію число депутатовъ, по совѣщаніи съ ними составили два проекта степныхъ законовъ: одинъ — для инородцевъ Иркутской, а другой — для инородцевъ Енисейской губерніи.

Проекты эти, разсмотрѣнные въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, внесены генералъ-губернаторомъ на утвержденіе Сибирскаго комитета, а изъ онаго переданы, для подробнаго ихъ разсмотрѣнія, пазначенной особо комиссіи изъ трехъ чиновниковъ отъ министерствъ юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и одного изъ состоящихъ въ канцеляріи Сибирскаго комитета.

Закрытіе Сибирскаго комитета (въ 1838 году) и смерть Сперанскаго (въ 1839 году) на первое время не остановили хода дѣла. Избранный Сперанскимъ для этой работы дѣйств. ст. сов. Величко дѣятельно продолжалъ ее и въ сентябрѣ 1841 г. сводъ степныхъ законовъ былъ напечатанъ и внесенъ въ государственный совѣтъ.¹⁾ съ пояснительными къ нему примѣчаніями, состоящими изъ шести статей, и между прочимъ, словаря мѣстныхъ словъ и выраженій, поавшихъ въ сводѣ.

¹⁾ Первый проектъ свода былъ составленъ еще при гр. Сперанскомъ и напечатанъ въ 1837 году, затѣмъ онъ подвергся значительной переработкѣ въ комиссіи, въ видахъ возможно большаго согласія его съ показаніями инородцевъ о своихъ обычаяхъ и въ этомъ видѣ внесенъ въ государственный совѣтъ.

Государственный совѣтъ отослалъ сводъ степныхъ законовъ на заключеніе министра юстиціи и во II-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Здѣсь ясно сказалось отсутствіе гр. Сперанскаго: вся эта работа, на которую было потрачено не мало времени, труда и денегъ, стала гложуть, и наконецъ, попала совѣтъ подъ спудъ. Эта во всякомъ случаѣ замѣчательная работа не только не получила дальнѣйшаго законодательнаго движенія, но до сихъ поръ не опубликована. Сводъ степныхъ законовъ былъ напечатанъ въ 1841 г. въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и составляетъ малодоступную библиографическую рѣдкость. Профессоръ Варшавскаго университета Д. Я. Самковасовъ, издавшій въ 1876 г. рукопись, пріобрѣтенную этимъ университетомъ отъ сенатора Губе, подъ названіемъ: „Сборникъ Обычнаго Права Сибирскихъ инородцевъ“, очевидно не имѣлъ свѣдѣній о Сводѣ степныхъ законовъ для кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири и не былъ знакомъ съ ходомъ работъ, вызвавшихъ собраніе тѣхъ матеріаловъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, которые находятся въ этомъ сборникѣ, хотя нѣкоторые указанія по этому предмету встрѣчаются не только въ архивныхъ матеріалахъ, но и въ Полномъ Собраніи Законовъ¹⁾.

Дальнѣйшая судьба свода степныхъ законовъ, по собраннѣ мною свѣдѣніямъ (впрочемъ далеко не полнымъ, такъ что по этому вопросу весьма желателенъ тщательный просмотръ матеріаловъ заключающихся въ архивѣ и канцеляріи II-го Отдѣленія, а также и государственнаго совѣта), была слѣдующая:

Въ государственномъ совѣтѣ степные законы не прошли; они не были прямо и положительно отвергнуты, но признаны равносрменными. Въ октябрѣ 1847 года государственный совѣтъ поручилъ передать дѣло о составленіи свода степныхъ законовъ генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Му-

¹⁾ Ссылки на степные законы встрѣчаются и въ нашемъ Сводѣ Законовъ (V Разд. IX т. Св. о состоявіи сибирскихъ инородцевъ, ст. 1228, 1229 и 1230); статья 1229 прямо говоритъ, что „сіи законы пріемяются въ основаніе въ сужденіяхъ о дѣлахъ инородцевъ“.

VIII

равьеву, съ тѣмъ чтобы сводъ по пересмотрѣ его этимъ послѣднимъ, вновь былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Генераль-губернаторъ нашелъ изданіе этого свода рановременнымъ; впрочемъ такое заключеніе не было результатомъ опыта и личнаго знакомства съ дѣломъ, такъ какъ оно высказано было лицомъ, вновь назначеннымъ для управленія Восточной Сибирью и не успѣвшимъ достаточно изучить вѣренныи ему для управленія край. Хотя предположеніе высказанное въ этомъ заключеніи генераль-Губернатора, что сибирскіе инородцы начинаютъ забывать свои обычаи и подчиняться общимъ законамъ, вслѣдствіе чего онъ и полагалъ, что изданіе для нихъ особаго свода можетъ только отдалить время ихъ подчиненія общимъ законамъ, не оправдалось опытомъ, тѣмъ не менѣе сибирская администрація до сихъ поръ не воспользовалась выговореннымъ ею въ то время правомъ поднять въ свое время вопросъ объ изданіи свода мѣстныхъ законовъ.

Въ связи съ этою крупною правительственною дѣятельностью по предмету изученія юридическихъ обычаевъ, идетъ рядъ работъ и изслѣдованій, предпринятыхъ съ цѣлью изученій другихъ отраслей нашихъ инородцевъ, напримѣръ, Мезенскихъ Самоѣдовъ, Кавказскихъ горцевъ и т. д.

Изъ вышеизложеннаго становится понятно, почему у насъ ищется болѣе свѣдѣній объ обычаяхъ инородцевъ, чѣмъ кореннаго русскаго населенія, особенности юридического быта котораго, послѣ изданія положенія 19-го февраля 1861 года, однако настоятельно требуютъ серьезнаго и внимательнаго изслѣдованія.

Въ 1871 году была учреждена особая правительственная комиссія для изслѣдованія вопроса о положеніи волостнаго суда и притомъ не только какъ судебного учрежденія вообще, но и какъ суда по народному обычаю. Хотя результатомъ дѣятельности этой комиссіи явилось обширное и весьма полезное собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ въ 15 губерніяхъ различныхъ полось Имперіи, однако ошибочно было бы думать, что

задача изученія народнаго юридическаго быта начерпана этою комиссией до конца.

Сравнивая изданные этою Комиссией труды съ работами предпринятыми 50 дѣтъ тому назадъ для изслѣдованія юридическаго быта сибирскихъ инородцевъ, нельзя не прійти къ заключенію, что въ то время эта задача понималась серьезно. Къ изслѣдованію юридическаго быта сибирскихъ инородцевъ было приступлено по строго обдуманному плану, послѣ весьма обстоятельной подготовки, и что всего важнѣе—къ участию въ этомъ дѣлѣ были приглашены лица, специально съ нимъ знакомые.

Опытъ показываетъ, что не смотря на возрастающее у насъ съ каждымъ годомъ число изслѣдователей народнаго юридическаго быта, частная инициатива въ этомъ дѣлѣ является крайне недостаточною и даже совершенно безсильною для того, чтобы довести дѣло до желаемыхъ результатовъ. Здѣсь нуженъ правительственный починъ. Предстоящая задача полнаго и систематическаго изслѣдованія народнаго юридическаго быта такъ велика и сложна, что выполненіе ея единичными силами частныхъ изслѣдователей надо признать очевидно и положительно невозможною.

Итакъ, предпріятыя по инициативѣ правительства изслѣдованія въ области юридическаго быта нашихъ инородцевъ дали толчокъ дѣятельности частныхъ изслѣдователей и преимущественно въ этой области народныхъ обычаевъ у насъ кое-что сдѣлано. Что же касается народнаго юридическаго быта кореннаго населенія центральныхъ губерній, то не смотря на значительное количество статей и замѣтокъ, приведенныхъ въ прекрасномъ библиографическомъ трудѣ по обычному праву Е. И. Якушкина, въ этой области сдѣлано до сихъ поръ весьма мало—если не по количеству, то по качеству. Въ большинствѣ случаевъ это—отрывочныя случайныя замѣтки. Исключеніе составляютъ лишь прекрасныя изслѣдованія П. С. Ефименка относительно юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи и труды экспедиціи, снаряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ въ Юго-Западный

Х

врай. Въ шестомъ выпускѣ Трудовъ этой экспедиціи собраны рѣшенія волостныхъ судовъ семи губерній Юго-Западнаго края (со включеніемъ губерній Минской и Гродненской, Полтавской и Бессарабской области), изложенныя въ систематическомъ порядкѣ и обработанныя П. П. Чубинскимъ—по гражданскому праву, и А. О. Вистяковскимъ—по уголовному праву.

Цѣль изданія настоящаго сборника—объединить по возможности работы нашихъ изслѣдователей народнаго юридическаго быта, разбрасываемыя или въ различныхъ малодоступныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, дополняя ихъ необходимыми справками и указаніями и провѣряя ихъ по возможности тѣмъ, что сдѣлано трудами предшествующихъ изслѣдователей. При составленіи сборника достаточно обнаружилось, что изученіе нашего обычнаго права достигло извѣстной степени зрѣлости и развитія, и что наступаетъ время, когда разработка его не только сдѣлалась возможна и полезна съ общей этнографической точки зрѣнія, но и должна быть обособлена со спеціальной точки зрѣнія юридической. Тѣмъ не менѣе естественно, что настоящій сборникъ, стремясь удовлетворить какъ требованіямъ этнографовъ, такъ и юристовъ, заключаетъ въ себѣ и такой матеріалъ по народному быту, который могъ бы быть почтенъ излишнимъ съ точки зрѣнія юристовъ.

Павелъ Матвѣевъ.

1. марта 1878 года
С. Петербургъ..

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ РУССКАГО НАРОДА.

ОБЪ ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ¹⁾.

Милостивые государи! Предметъ, на который я намѣренъ настоящимъ докладомъ обратить ваше вниманіе, заслуживаетъ, бесспорно, самаго тщательнаго и всесторонняго обсужденія. Обычай нашей народной жизни, на сколько они намъ до сихъ поръ извѣстны, примѣнительно къ отношеніямъ и сдѣлкамъ, существующимъ какъ между отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми группами лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ *общинъ* и *артелей* и потому долженствующихъ носить названіе отношеній и сдѣлокъ *юридическихъ*, не могутъ быть чужды нашему законодательству. Скажу болѣе: законодательство уже признало, уже утвердило силу такихъ обычаевъ, какъ нормъ юридическихъ отношеній, въ разныхъ слояхъ и въ разныхъ сдѣлкахъ нашего общества. Въ дѣлахъ торговыхъ обычаямъ во всѣхъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, уже присвоено значеніе началъ, опредѣляющихъ и устанавливающихъ разнообразныя приемы и дѣйствія коммерсантовъ. Въ Положеніяхъ о крестьянахъ во многихъ статьяхъ не только вполне утверждена, но и освящена сила обычаевъ примѣнительно къ разнымъ отношеніямъ въ быту семейномъ, гражданскомъ и общественномъ. Можно связать, что и волостные суды, установленные этими Положеніями, отдѣлены въ особую группу судовъ не только потому, что они близки къ крестьянамъ по мѣсту ихъ жительства, но и потому, что они разбираютъ ихъ дѣла по обычаямъ, установившимся не

¹⁾ Рѣчь, читанная на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 г.

въ силу положеній законодательныхъ, а по всеобщему признанію ихъ твердыми правилами разнообразныхъ отношеній и сдѣлокъ въ крестьянскомъ быту съ *незапамятныхъ* временъ, какъ *пошло изъ старины*, по словамъ нашихъ древнихъ памятниковъ. Но на признаніи юридической силы обычая въ волостныхъ судахъ и остановилось наше законодательство, не признавая возможнымъ распространить ихъ обязательность и на отношенія въ другихъ слояхъ общества, кромѣ крестьянъ. Правда, была попытка выдвинуть вопросъ о значеніи и силѣ обычая и въ новыхъ судахъ въ то время какъ составлялись уставы, которыми они должны руководствоваться. Вопросъ этотъ возникъ при составленіи правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Онъ былъ возбужденъ мною въ комисіи, на которую было возложено начертаніе судебныхъ уставовъ, на томъ основаніи, что мировые судьи, такъ близко стоящіе къ сельскому населенію, не могутъ, какъ мнѣ казалось, оставаться чуждыми къ тѣмъ обычаямъ, которые управляютъ дѣйствіями крестьянъ не только въ отношеніяхъ между ими одними, но и въ сдѣлкахъ съ помѣщиками и лицами другихъ сословій. Я долженъ сознаться, что мое тогдашнее предложеніе какъ въ отдѣленіи юридическомъ, такъ и въ общемъ собраніи комисіи было выслушано съ большимъ вниманіемъ и даже сочувствіемъ; но въ то время, какъ и теперь, обычай, управляющіе крестьянскимъ бытомъ, были такъ мало извѣстны, или лучше сказать, вовсе неизвѣстны, что нельзя было признать юридическую силу обычая уже *вообще*, а не только въ отношеніяхъ между крестьянами, иначе какъ съ самою большою осторожностью. Вотъ почему и была постановлена статья 130 Устава Гражданскаго судопроизводства въ такой редакціи: „При постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общезвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ законами“. Силою этой статьи обычай признанъ источникомъ права, признана даже ихъ обязательность, но чтобы убѣдиться въ томъ, что извѣстный обычай существуетъ на мѣстѣ, мировому судѣ приходится, при несогласіи спорящихъ сторонъ въ существованіи обычая, собирать о немъ свѣдѣнія въ своемъ

о кругѣ и лишь въ томъ случаѣ, если показаніе о немъ подтвердится, принимать его въ уваженіе, да и то лишь тогда, если спорный случай не разрѣшается положительно закономъ. Понятно, что къ такимъ разысканіямъ на счетъ обычнаго права мировые судьи не приступаютъ за неизмѣнимъ времени, и потому обычаями не руководствуются. Еще менѣе можетъ быть рѣчь о признаніи силы обычаевъ въ какихъ-либо судахъ общихъ, начиная съ судовъ окружныхъ до кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Отсюда прямой выводъ, что, говоря строго, обычай признаются у насъ имѣющими юридическую силу только въ крестьянскомъ быту и въ отношеніяхъ между одними крестьянами. Притомъ они допускаются по причинѣ неграмотности крестьянъ, и слѣдовательно, по невозможности имъ руководствоваться законами писанными. На вопросъ же о томъ: въ какомъ отношеніи находится законъ къ обычаю, когда существуетъ и тотъ и другой,—до сихъ поръ не представлялось надобности останавливаться. Въ мировыхъ судахъ, какъ мы видѣли, обычай допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ тогда лишь, когда они именно указаны, то-есть, опредѣлены въ точности закономъ, или когда нѣтъ вовсе закона, который могъ бы разсматриваемый случай рѣшать иначе, чѣмъ рѣшаетъ его обычай. Въ судахъ волостныхъ, напротивъ того, крестьяне не обязаны руководствоваться непременно закономъ, хотя бъ онъ былъ и несогласенъ съ обычаемъ. Отсюда явилось въ волостныхъ судахъ то зло, на которое такъ основательно нападаютъ противники обычнаго права: рѣшенія совершенно произвольныя и даже часто не мотивированныя никакими обычаями; рѣшенія, противныя не только законамъ существующимъ, но и принципамъ нравственности, благоустройства и т. п. Не слѣдуетъ ли—продолжаютъ изъ-за этого враги обычнаго права—не только воспретить крестьянамъ руководствоваться обычаями, но и самыя волостныя суды ихъ уничтожить?..

Вамъ извѣстно, мм. гг., что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по этому вопросу, учреждена при министерствѣ юстиціи комиссія, которая должна была на мѣстахъ ознакомиться съ дѣятельностью волостныхъ судовъ и по возможности собрать рѣшенія этихъ судовъ. Комиссія объѣхала много губерній и издала въ свѣтъ семь томовъ, которые представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для

изученія нашего народнаго быта, хотя нельзя при этомъ не замѣтить, что матеріалы составлялись и собирались для комисіи весьма часто такъ, что нельзя пользоваться ими иначе какъ съ самою осторожною критикой. Какъ бы то ни было, теперь намъ представляется самый животрепещущій вопросъ: быть или не быть волостнымъ судамъ въ ихъ настоящемъ значеніи, продолжать существовать крестьянскимъ обычаямъ или кануть имъ въ вѣчность, то-есть, быть признанными однажды на всегда отмиѣненными, утратившими всякую практическую силу? Странно, что этотъ вопросъ возбуждается въ то самое время, какъ наша литература съ такою любовью и жаромъ устремилась какъ на изученіе народнаго быта вообще, такъ и въ особенности юридическихъ обычаевъ. Въ отношеніи послѣднихъ то и дѣло выходятъ цѣлмя изслѣдованія, сборники и статьи. Еще недавно мы читали прекрасные труды гг. Богишича и Карасевича, правда, не относящіеся прямо къ русскому обычному праву, но заключающіе въ себѣ драгоценныя и для насъ указанія и мысли. Но и сборники нашего туземнаго обычнаго права дѣйтельно составляются въ разныхъ мѣстахъ, разными обществами и лицами. Кромѣ относящихся сюда матеріаловъ въ разныхъ журналахъ, мы слышали объ одномъ такомъ сборникѣ, находящемся въ рукахъ г. Якушкина (въ Ярославлѣ) ¹⁾. Но особенно считаю нужнымъ остановиться при этомъ на трудахъ С.-Петербургскаго Географическаго Общества. Оно уже давно, почти съ самаго его основанія, собираетъ матеріалы, относящіеся къ народному быту. Въ 1860-хъ годахъ составлена была имъ программа для собиранія народныхъ обычаевъ, которая уже вся разошлась, и въ настоящее время Общество приступило къ составленію новой программы, въ основу которой будутъ положены программа, составленная для собиранія юридическихъ обычаевъ г. Богишичемъ и составляемая нарочно для Общества программа г. Ефименко. Правда, что труды Общества до сихъ поръ еще мало увѣичались успѣхомъ: отвѣтовъ на программу его, разосланную въ разные концы Россіи, получено весьма немного; но надѣ замѣтить, что были при этомъ и недостатки со стороны Общества въ способѣ разсылки программы и сношеній съ тѣми, отъ кого можно бы надѣяться получить на нее

¹⁾ Первый томъ этого сборника уже вышелъ въ концѣ 1875 г.

желательные отвѣты. Безъ сомнѣнія, теперь дѣло пойдетъ успѣшнѣе, особенно съ помощью нѣкоторыхъ лицъ, взявшихъ на себя въ разныхъ мѣстахъ собираніе народныхъ обычаевъ, и вотъ еще недавно получена Обществомъ превосходная статья въ этомъ родѣ, составленная женщиной среди ея другихъ сельскихъ занятій. Все это я говорю къ тому, чтобы выяснитъ необходимость, прежде чѣмъ правительство рѣшится закрывать настоящіе волостные суды, а съ ними предавать забвенію и народные обычаи, — какъ можно тщательнѣе вникнуть въ самый бытъ нашихъ крестьянъ и изучитъ обычаи, которыми они руководствуются. Имѣю полное основаніе думать, что трудовъ комисіи, работающей подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, для этой цѣли еще недостаточно. Лучшимъ подтвержденіемъ моему мнѣнію можетъ служить вышедшая недавно брошюра одного изъ членовъ этой комисіи, М. И. Заруднаго, подъ заглавіемъ: „Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ“. Вотъ къ какому результату приходитъ авторъ послѣ разсмотрѣнія волостныхъ судовъ и ихъ обычаевъ въ разныхъ мѣстностяхъ:

„По истинѣ можно выразитъ ту мысль, что легче было бы составить проектъ преобразованія даже кассационнаго сената, чѣмъ мѣстнаго суда, затрогивающаго всѣ струны народной жизни. Тамъ есть указаніе науки, опытъ другихъ странъ, образцовые кодексы, наконецъ ученые судьи; здѣсь же одна ширь да гладь, въ которой ничего и ничего не видно. Притомъ трудность установленія у насъ одного общаго суда для мелкихъ дѣлъ обусловливается еще и своеобразнымъ складомъ именно крестьянскаго быта. Здѣсь непремѣнно слѣдуетъ имѣть въ виду, что признанный закономъ 1861 года крестьянскій обычай выражается въ возможности въ каждомъ отдѣльномъ случаю примѣнять не строгія и постоянныя требованія права, но видоизмѣпляющія требованія жизни; что волостной судъ можетъ обусловливать свои рѣшенія не только буквальнымъ смысломъ закона, но и требованіями справедливости, нерѣдко своеобразной по примѣненію къ крестьянскому быту; что рѣшенія волостнаго суда (напримѣръ, въ дѣлахъ о наследствахъ, раздѣлахъ, выдѣлахъ; убыткахъ и проч.) весьма часто объясняются и столько юридическими, сколько хозяйственными соображеніями относительно исправности въ платежѣ податей, трезвой или пьяной жизни и т. п.

условіями жизни громадной неграмотной массы, разсыпанной по безпредѣльнымъ пространствамъ и связанной между собою не существующими на западной почвѣ условіями (круговая порука и общинное землевладѣніе); что договоры между крестьянами обусловливаются не писанными контрактами, а напимѣрь, битьемъ по рукамъ, когда торгуются, обращеніемъ къ Богу (молитвою), когда торгъ состоялся; что въ семейной сферѣ порядокъ сватовства, право жены и мужа на приданое, власть отца и мужа, власть хозяина по отношенію къ работникамъ и сочленамъ семьи,—всѣ эти отношенія обусловливаются исключительно обычаями, иногда совпадающими даже съ началами римскаго права (гдѣ отецъ имѣлъ почти неограниченное право надъ дѣтьми); что трудность разысканія и опредѣленія обычаевъ большею частью объясняется не столько неразвитостію крестьянской среды и непривычкою ея къ теоретическимъ разсужденіямъ (какъ многіе думаютъ), сколько недостаточною подготовкою, неопытностію, непривычкою говорить безхитростнымъ русскимъ языкомъ и бѣдностью средствъ самаго изслѣдователя,—и наконецъ, что улучшенію волостныхъ судовъ, поднятію ихъ нравственнаго и юридическаго уровня можетъ содѣйствовать преимущественно развитіе грамотности“ (стр. 188—190).

Считаю долгомъ заявить, что во всемъ сказанномъ М. И. Заруднымъ я ему вполнѣ сочувствую; но съ другой стороны, не могу отвергать и тѣ возраженія, которыя дѣлаются противниками волостныхъ судовъ и крестьянскихъ обычаевъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что эти суды постановляютъ свои рѣшенія на какихъ-либо основательныхъ соображеніяхъ, необходимо имѣть въ виду эти соображенія и тѣ обычаи, которыми они вызываются. Между тѣмъ что видимъ мы въ самой значительной массѣ судебныхъ рѣшеній? Одни приговоры или доводы личные волостныхъ судей, или наконецъ, основанія религіозныя, нравственныя (да и то по понятіямъ крестьянъ). Самая суть дѣла—обычай—не выдвинуть въ такихъ рѣшеніяхъ, какъ бы это слѣдовало, а умолченъ какъ слѣдуетъ извѣстный, бесспорный. Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ? Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, то-есть, не знающаго крестьянскаго быта, и юриста, то-есть, лица, знакомаго съ одними законами, такіа рѣшенія должны казаться весьма часто не только несправедли-

выми, но даже и абсурдными. И каждую минуту такой критикъ можетъ подтвердить свои слова самими, по видимому, убѣдительными доказательствами. Вотъ, наприимѣръ, рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки: волостные судьи, какъ извѣстно, большею частію вслѣдъ за пронаесеніемъ своихъ рѣшеній угощаются стороною оправданною или даже обѣими, но иногда та или другая сторона ухитряется и до суда задобрить виномъ кого нужно. Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже неясно: приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе, или только потому, что на него принесена извѣстная жалоба; а есть и такіа рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розысканія или хотя бы допроса по жалобѣ произведено не было.

Чтобы устранить подобныя возраженія, необходимо представить критикамъ волостныхъ судовъ и обычнаго права: 1) самые обычаи, которыми вызвано то или другое рѣшеніе; 2) основаніе, почему тотъ или другой обычай примѣняется къ извѣстному случаю, съ доказательствомъ, что онъ вполнѣ или въ значительной мѣрѣ подходитъ къ этому случаю и оправдывается мѣстными условіями; другими словами: необходимо собрать всѣ обычаи, которые могутъ быть названы *юридическими*, записать ихъ и комментировать, то-есть, обставить тѣми соображеніями, которые оправдываютъ ихъ и разъясняютъ. Дѣло это, конечно, весьма нелегкое и не могло быть исполнено комиссіей, которая объѣзжала волости официально и просматривала рѣшенія, записанныя въ волостныхъ судахъ лицами, часто совершенно чуждыми мѣстному населенію и хвастающимися умѣньемъ подводить рѣшеніе подъ ту или другую статью Свода Законовъ, какъ справедливо отзывался М. И. Зарудный о писаряхъ волостныхъ судовъ. Здѣсь, напротивъ того, нуженъ приемъ совершенно другаго рода. Необходимо, чтобы рѣшенія и обычаи, на коихъ они основаны, были взяты, такъ сказать, прямо изъ народной жизни и притомъ лицомъ, блвако знающимъ эту жизнь и именно желающимъ выставить и уяснить намъ крестьянскій бытъ, а не выказывать свою мнимую ученость и знаніе Свода Законовъ. Дѣло это должно потому не только пройти по волости, а пожить въ ней болѣе продолжительное время. Всего же лучше такое собраніе юридическихъ обычаевъ и обстановка ихъ нужными

соображеніями могла бы быть исполнена истинными обывателями, интересующимися этихъ дѣломъ и понимающими, что исполненіемъ его они окажутъ истинную услугу наукѣ и обществу. Но для направленія дѣятельности такихъ мѣстныхъ собирателей обычаевъ должна бы быть учреждена особая коммисія въ Петербургѣ или Москвѣ, которая съ одной стороны прискала бы и вызвала такихъ дѣятелей къ подлежащему имъ труду, а съ другой стороны подготовила бы изъ этихъ трудовъ *Сборникъ юридическихъ обычаевъ* по разнымъ мѣстностямъ, съ основаніями, которыми эти обычаи установились въ практикѣ. Такой сборникъ могъ бы служить правительству или даже коммисіи г. Любоцинскаго лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ юридическими обычаями и для составленія, подъ вліяніемъ ихъ, *Сельскаго Судебнаго Устава*, о необходимости коего заявлялось уже не разъ разными вѣдомствами, управляющими крестьянами, и между прочимъ бывшими редакціонными коммисіями по крестьянскому дѣлу. Такой уставъ, рассмотрѣнный въ законодательномъ порядкѣ, могъ бы быть примѣненъ, если бы то было признано полезнымъ, ко всѣмъ однообразнымъ отношеніямъ не только между крестьянами, но и лицами другихъ сословій. Такимъ образомъ обычаи перешли бы въ законъ, и притомъ въ такой законъ, который согласовался бы вполне съ народными потребностями и условіями жизни поселенъ, коихъ отношенія опредѣляются не только общими основаніями сдѣлокъ, но и разнообразятся мѣстными требованіями и особенностями земли, воды и климата. Въ пользу внесенія такого практикою осмысленнаго элемента права въ законодательство не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо если обычаи удержаны до сихъ поръ самимъ правительствомъ между крестьянами, то нѣтъ основанія думать, чтобъ они вскорѣ оказались для крестьянъ же совершенно ненужными и бесполезными. Напротивъ, возведеніе ихъ въ законъ и распространеніе и на лица другихъ сословій, находящіяся въ томъ же положеніи, какое вызвало эти обычаи въ сословіи крестьянъ, придастъ имъ не только извѣстность и болѣшую обязательность, но во многихъ случаяхъ принесетъ практическую пользу какъ испытанный уже регуляторъ взаимныхъ отношеній и сдѣлокъ между лицами, живущими въ средѣ, которою было издревле обусловлено ихъ возникновеніе и развитіе. Нельзя поэтому сомнѣваться, что

такой способъ восполненія законодательства слѣдуетъ признать самымъ надежнымъ для пригодности и твердости новыхъ законовъ. Наконецъ, такого рода приѣмъ былъ много разъ и съ полнымъ успѣхомъ испытанъ во всѣхъ законодательствахъ, начиная съ римскаго права. Какъ много обычаевъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи, вошло въ послѣдующее французское законодательство, можно видѣть въ упомянутомъ выше сочиненіи профессора Карасевича. Но и русское законодательство въ основу даже дѣйствующаго нынѣ Свода положило обычное право, такъ какъ краеугольный камень Свода—Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, составлено, помимо иноземныхъ источниковъ—византійскихъ и Литовскаго Статута и туземныхъ казуистическихъ рѣшеній—изъ статей, внесенныхъ въ предшествующіе памятники законодательства какъ положенія обычнаго права.

Вотъ, мм. гг., моя мысль о значеніи нашихъ юридическихъ обычаевъ и о томъ примѣненіи, которое они должны бы получить въ дальнѣйшей судьбѣ нашего юридическаго быта. По спорности однако этого моего воззрѣнія, по тѣмъ возраженіямъ, которыя, какъ намъ всѣмъ извѣстно, въ ходу противъ юридическихъ обычаевъ, я считаю долгомъ просить вашего мнѣнія по настоящему вопросу ¹⁾.

Н. Калачовъ.

¹⁾ Возникшія вслѣдъ за этимъ чтеніемъ пренія на первомъ сѣздѣ юристовъ будутъ сообщены въ Трудахъ этого сѣзда. Н. К.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

I. ВОТУПЛЕНІЕ.

Этнографическій составъ населенія.—Ходъ заселенія края и общая характеристика послѣдняго.—Источники и литература предмета.

Этнографическій составъ населенія Самарской губерніи отличается замѣтательною пестротой. Не даромъ этотъ край кто-то сравнилъ съ Ноевымъ ковчегомъ различныхъ расъ, племенъ, религій и языковъ. Почти (нѣсколько менѣе) двухъ-милліонное населеніе ¹⁾ этой губерніи образовалось изъ Великоруссовъ, которыхъ болѣе 63%, Малороссовъ слишкомъ 4%, Нѣмцевъ-колонистовъ слишкомъ 8%, Мордвы 10%, Татаръ 5%, Башкировъ 4%, далѣе Чуваши, Вотяки, Эсты и Поляки, послѣднихъ правда немного. Мордва, которой въ Самарской губерніи (по свѣдѣніямъ подворной описи 1867 г.) 180,971 душъ, распадается на два отдѣльные рода и въ видѣ свои совершенно различныя діалекты: Мордва-Мокша и Мордва-Ерая, которые не понимаютъ другъ друга. Еще недавно около Ставрополя были Калмыки, но теперь они перекочевали, и отъ нихъ осталось лишь нѣсколько человѣкъ въ составѣ очередныхъ казачьихъ командъ. Коренные жители края—Вашкиры и Татары, преимущественно рода Ногайскаго, да русскіе гулящіе люди.

¹⁾ По свѣдѣніямъ Сам. Стат. Комитета за 1872 годъ, цифра населенія простиралась до 1.904.153 чел.; см. Памятную книжку Самарск. губ. за 1874 г., стр. 28.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе распадается такимъ образомъ: 1.276,000 православныхъ (въ официальную цифру которыхъ попало нѣсколько тысячъ раскольниковъ), что составляетъ 77% всего населенія; официально признанныхъ раскольниковъ 3%, католиковъ 2%, лютеранъ, реформатовъ и кальвинистовъ съ менонитами около 6%; магометанъ слишкомъ 10%; есть также идолопоклонники, преимущественно въ Бугульминскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ—3,400 съ небольшимъ душъ.

Начало русской колонизаціи въ Самарскомъ краѣ идетъ издавна: это наши степные сторожки и поселки, обратившіеся впоследствии въ такіе города, какъ Самара и Саратовъ; легенда говоритъ, что на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Самарой, еще въ XIV вѣкѣ жили русскіе люди, и что митрополитъ Алексѣй проѣздомъ въ Орду нашелъ здѣсь нѣкоего благочестиваго отшельника. Но большая часть поселеній Самарской губерніи, за исключеніемъ самой Самары, получила свое начало въ прошломъ вѣкѣ. До XVIII столѣтія колонизація края имѣла преимущественно военный характеръ: строились крѣпости, редуты, фельдшанцы и т. п. укрѣпленія, которыя, правда, все болѣе и болѣе расширялись и росли; но только съ 4-го декабря 1762 г., то-есть, съ изданія императрицей Еватеріной II манифеста, призвавшаго въ эти степи иностранныхъ поселенцевъ и бѣжавшихъ Русскихъ, колонизація получила другой характеръ. Первые на этотъ призывъ отозвались проживавшіе въ Польшѣ раскольники, которые облюбовали мѣста по Иртызу и основали на первое время три селенія: Мечетное (нынѣ г. Николаевскъ), Каменку и Балаково. Водвореніе иностранныхъ колонистовъ началось нѣсколько позднѣе. Первые выходцы были изъ Виртенберга, Бадена, изъ Швейцаріи, отчасти Голландіи и Пфальца; они поселились по Волгѣ между вышеупомянутымъ с. Балаковымъ и Покровскою слободой—Kasakstadt, какъ зовутъ ее колонисты, и еще ниже до самой границы Астраханской губерніи. Заселеніе края усильно подвигалось, не смотря на разныя неблагопріятныя обстоятельства, изъ которыхъ достаточно указать на Пугачевщину, особенно забаламутившую еще не успѣвшее хорошо осѣсть населеніе края. Но особенно усилилось сюда переселеніе въ промежутокъ между седьмою и восьмою ревизіей (1816—1834 гг.) выходцами изъ малороссійскихъ и внутреннихъ губерній. Въ этотъ періодъ населеніе Николаевскаго

и Новоузенскаго уѣзда увеличилось болѣе чѣмъ на 50% (изъ нихъ 23% падаетъ на переселенцевъ); вслѣдствіе того слободы Мечетная на Большомъ Иргизѣ и Чертанья на Большомъ Узенѣ назначены были уѣздными городами, съ переименованіемъ ихъ въ Николаевскъ и Новоузенскъ.

Русское населеніе распространено по всей губерніи и является преобладающимъ вездѣ, за исключеніемъ Бугульминскаго уѣзда, гдѣ оно составляетъ 31%, а Башкиры съ Татарами составляютъ 43%. Русскіе собрались сюда почти изъ всѣхъ губерній, какъ это видно даже изъ названій многихъ селеній: Московка, Питерка, Тульская, Курская, Харьковка, Пензенка, Пензятка, Тамбовка, Моршанка и т. д. Эти переселенцы, не смотря на давность поселенія въ здѣшнемъ краѣ, не смотря на мѣстные условія, частыя сношенія и близкое сосѣдство съ инородцами, сохранили въ большей части случаевъ отлечія наружнаго вида, характера быта и говора, напримѣръ, черныя и бѣлыя избы—смотря по тому, изъ какой губерніи вышли поселенцы; расположеніе избы также различно, напримѣръ, у Кураковъ окна дѣлаются на дворъ, печь въ переднемъ углу, гдѣ у другихъ образа, палатей не дѣлаются, избы топятъ по бѣлу; у Туляковъ, Пензяковъ и Рязанцевъ избы курныя, но полы деревянные¹⁾. Отъ этого нерѣдко, по замѣчанію покойнаго А. И. Артемьева, въ одной и той же деревнѣ тины поселенцевъ, говоръ ихъ и костюмы весьма разнообразны, какъ бы на какой выставкѣ²⁾. Отсюда нѣкоторые мѣстные изслѣдователи дѣлаютъ выводъ, что въ народномъ быту нѣтъ установившихся обычаевъ, ссылаясь на извѣстную народную поговорку: *что городъ, то порокъ, что деревня, то обычай*³⁾, поговорку, замѣтнмъ, сложившуюся не здѣсь и распространенную и въ другихъ губерніяхъ. Мнѣніе, что установившіеся обычаи въ средѣ населенія Самарской губерніи суще-

¹⁾ Очеркъ с. Березовки Самарскаго уѣзда, свая. Демидова въ *Епарх.* съд. 1876 г., № 10.

²⁾ Списокъ насел. мѣств. Самарской губ., введеніе.

³⁾ На эту поговорку между прочимъ ссылается свая. Архангельскій въ своемъ изслѣдованіи о народныхъ обычаяхъ с. Кракова; которое между прочимъ наглядно показываетъ, что юридическіе обычаи этого селенія въ общихъ основаніяхъ ничѣмъ не отличаются отъ обычаевъ другихъ селеній этого края.

ствуютъ только у Татаръ, было высказано между прочимъ въ Самарскомъ статистическомъ комитетѣ при обсужденіи вопроса объ изученіи народнаго юридическаго быта Самарской губерніи ¹⁾. Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ до сихъ поръ никто изъ сторонниковъ его не указалъ такихъ обычаевъ, которые представляли бы черты кореннаго различія. Конечно, надо сдѣлать исключеніе для Малороссовъ, хотя эти послѣдніе—явленіе замѣчательное—въ здѣшнихъ стѣнахъ весьма быстро усвоили многіе юридическіе обычаи Великороссовъ, то-есть, живутъ большими семьями, даютъ и берутъ владки за невѣсть и т. д. ²⁾.

Такимъ образомъ изученіе народнаго юридическаго быта Самарской губерніи представляетъ, какъ мнѣ кажется, даже исключительный интересъ, во первыхъ, потому, что здѣсь мы можемъ, такъ сказать, прослѣдить самый процессъ формации обычаевъ, и во вторыхъ, потому, что этотъ край представляетъ прямой и рѣзкій контрастъ съ Архангельскою губерніей, юридическій бытъ которой наиболѣе изслѣдованъ, и такимъ образомъ юридическіе обычаи Самарской губерніи даютъ мѣсто весьма интереснымъ сравненіямъ.

Населеніе края на сѣверѣ плотнѣе, чѣмъ на югѣ. Другая особенность южной полосы, гдѣ вообще въ употребленіи не соха, а плугъ, это—болѣе крупныя семьи. На эту особенность южной полосы, сложившуюся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій хозяйства (чтобы орать *цѣлму* южной полосы плугомъ, нужно довольно значительное количество рабочаго скота, которымъ малотяговая семья располагать не можетъ), указано въ моей программѣ для собранія обычаевъ, изд. Самарскимъ статистическимъ комитетомъ въ 1872 г. Комmissiа, изслѣдовавшая положеніе волостныхъ судовъ, остановила свое вниманіе на этомъ вопросѣ, хотя обращеніе ея за разрѣшеніемъ онаго къ самимъ крестьянамъ нельзя назвать удачнымъ. Въ с. Екатериновкѣ, Самарскаго уѣзда, членъ этой комиссиіи М. И. Зарудный обратился къ собраннымъ для его встрѣчи крестьянамъ

¹⁾ См. Журналъ заседанія ст. комитета отъ 30-го октября 1875 г.

²⁾ Поселенцы изъ Малороссіи живутъ только зажиточнѣе своихъ соотѣй-переселенцевъ изъ великорусскихъ губерній и инородцевъ, за исключеніемъ Нѣмцевъ-колонистовъ. Сельское духовенство Самарской епархіи обыкновенно ставитъ въ примѣръ другимъ прихожанамъ ихъ благочестіе и усердіе къ храму Божію.

съ вопросомъ: имѣеть ли вліяніе употребленіе сохи или плуга на ихъ раздѣлы, и разумѣется получить, отвѣтъ, который мы читаемъ на стр. 3, т. VI Трудовъ Комиссіи, въ отдѣлѣ опросовъ крестьянъ: „вліяніе плуга или сохи на раздѣлы не замѣтно, главное—ссора“. За разрѣшеніемъ этого вопроса, и притомъ самымъ точнымъ и основательнымъ, слѣдовало бѣ обратиться въ статистическимъ таблицамъ Самарской губерніи, изданнымъ въ 1870 и 1871 гг. на основаніи весьма обстоятельной подворной описи. Изъ таблицы подъ № 5: „народонаселеніе по семейному составу и рабочимъ силамъ“, между прочимъ оказывается слѣдующее: Въ сѣверныхъ уѣздахъ (гдѣ пашутъ сохой) число семей, имѣющихъ отъ 3 до 5 работниковъ, составляетъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ 8% всего числа семей, въ Ставропольскомъ уѣздѣ 9%; между тѣмъ въ Бузулукскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ такія семьи составляютъ 15%, а въ Николаевскомъ 14%; кромѣ того, семей, имѣющихъ отъ 6 до 10 работниковъ, въ уѣздѣ Бузулукскомъ 195, Николаевскомъ 194, Новоузенскомъ 118, а въ Ставропольскомъ 28, въ Бугульминскомъ 22; наконецъ, семей, имѣющихъ болѣе десяти работниковъ, въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ вовсе нѣтъ: такія семьи встрѣчаются только въ уѣздахъ Самарскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ и Новоузенскомъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Раевкѣ, населенной переселенцами изъ Курской губерніи, отпущенными на волю помѣщицей г-жей Раевскою еще въ 1834 году, въ недавнее время проживала замѣчательная семья крестьянъ Фортушиныхъ: имѣлъ умершій *большакъ* Михайла стоялъ въ главѣ этой многочисленной семьи, состоявшей изъ его женатыхъ братьевъ, сыновей и внуковъ и владѣвшій земельнымъ участкомъ въ нѣсколько сотъ десятинъ; отецъ Михайлы Иванъ имѣлъ 500 десятинъ земли, купленной имъ у бывшей помѣщицы, которая, какъ мы уже сказали, отпустила всѣхъ крестьянъ дер. Раевки на выкупъ, но этотъ отцовскій участокъ Михайла увеличилъ приобрѣтеніемъ еще нѣсколькихъ сотъ десятинъ ¹⁾. Въ настоящее время эта громадная семья распалась.

Представивъ въ общихъ чертахъ характеристику состава на-

¹⁾ См. любопытное описаніе с. Раевки, составленное свящ. *Викторовымъ* въ *Епарх. Вѣд.* за 1872 г. № 7.

селенія Самарской губерніи, прежде чѣмъ приступить къ очеркамъ юридическихъ обычаевъ этой мѣстности, считаю не лишнимъ указать источники и матеріалы, которыми я пользовался при составленіи ихъ.

Печатная литература почти вся заключается въ мѣстныя *Губернскія* и *Епархіальныя вѣдомостя*. Нѣкоторыя свѣдѣнія о народномъ юридическомъ бытѣ этого края, сверхъ того, можно найти въ правительственныхъ изданіяхъ, а именно въ Докладѣ Комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и промышленности въ Россіи и въ Трудахъ Комиссіи о волостныхъ судахъ, въ VI томѣ которыхъ помѣщено довольно значительное собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ губерніи; послѣднее я имѣлъ случай пополнить нѣкоторыми другими, не вошедшими въ указанное изданіе.

Привожу здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ подробный указатель печатной литературы юридическихъ обычаевъ Самарской губерніи, который нѣсколько полнѣе помѣщеннаго въ книгѣ Е. И. Якушкина ¹⁾.

Самарскія Губернскія Вѣдомости:

1) * *И. Краснова:* Поговорки поселянъ Самарской губерніи (1853 г., № 5, 7 и 19).

2) *А. А.:* Большаки и Большухи (1858 г., № 20). Это риторическое упражненіе на указанную тему при совершенномъ отсутствіи всякаго фактическаго содержанія; упоминаю о немъ лишь потому, что эта статья помѣщена въ Указателѣ г. Якушкина.

3) *Н. Вороновъ:* Обряды Сватовства у Малороссіянъ (1856 г. № 3).

4) *Ерошкинъ:* Свадебные обряды русскихъ поселянъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ (1858 г., № 39 и 40).

5) *И. Л.:* Матеріалы для фізіологіи общества. Судъ надъ мертвыми (изъ быта Чувашъ) (1861 г. № 6). Статья по содержанію подходящая весьма близко къ указанной подъ № 2. Другой же отрывокъ изъ тѣхъ же матеріаловъ для фізіологіи общества, подъ названіемъ „Выборы изъ быта Мордвы“, ошибочно попалъ въ Указатель г. Якушкина, тогда какъ эта замѣтка не имѣетъ никакого отношенія къ народнымъ юридическимъ обычаямъ.

¹⁾ Звѣздочкой означаются статьи и замѣтки, которыхъ нѣтъ въ указателѣ г. Якушкина.

6) Свящ. *И. Дерюжеев*: Семейный бытъ, обычан, повѣрья крестьянъ Покровско - Сосновской волости Бугурусланскаго уѣзда (1867 г., № 73, 75, 77, 79 и 81).

7) *А. Гончаровъ*: Южная часть Новоузенскаго уѣзда (1873 г. № 93). Путевыя замѣтки, въ которыхъ авторъ мимоходомъ касается юридическаго быта населенія этой полосы.

8) Предисловіе къ помѣщенной мной въ *Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1872 г. №№ 47, 48, 57 и 59 программѣ для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, которое заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о юридическомъ бытѣ этого края ¹⁾.

Епархіальная Вѣдомости:

9) * Псаломщикъ *Флоренсовъ*: Слобода, именуемая Бугульмой. (1872 г., № 4).

10) * Свящ. *Викторовъ*: Нѣсколько словъ о с. Раевкѣ, Николаевскаго уѣзда (1872 г., № 7).

11) * Свящ. *Архангельскій*: Приходъ Краковскій, Самарскаго уѣзда (1872 г., № 21, 1873 г. № 5 и 6). Описаніе этого прихода, подобное многимъ другимъ, печатавшимся въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*; имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ занимающему насъ предмету. Въ послѣдствіи въ отвѣтъ на мою программу юридическихъ обычаевъ свящ. Архангельскій составилъ особое изслѣдованіе обычаевъ с. Кракова, упоминаемое мною ниже. Это послѣднее — самый серьезный трудъ изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ о юридическихъ обычаяхъ Самарской губерніи.

12) * Свящ. *Лавровскій*: Обычан и повѣрья прихожанъ с. Баринки, Бузулукскаго уѣзда. (1873 г., № 3 и 4).

13) * Діаконъ *Блорнченскій*: Историческій очеркъ с. Лабазъ, Бузулукскаго уѣзда (1875 г., № 12 и 19).

14) * Свящ. *Архангельскій*: Народныя обычан с. Кракова, Самарскаго уѣзда. Обширное изслѣдованіе, о которомъ мы упоминали выше; оно началось печатаніемъ съ № 3 въ 1875 году и продолжалось въ 1876 году.

15) * Свящ. *Демидовъ*: Историческій очеркъ с. Березовки (1876 г., № 10).

¹⁾ Эта программа была перепечатана дѣликомъ въ видѣ приложенія къ *Епархіальнымъ Вѣдомостямъ* за тотъ же 1872 годъ.

Московскія Вѣдомости:

16) *К. Д. Кавелинъ*: Письма изъ деревни (1860, № 192 и 194). Въ этихъ любопытныхъ замѣткахъ нашъ извѣстный юристъ касается юридическихъ обычаевъ Самарской губернии.

Кромѣ этихъ печатныхъ источниковъ, я пользовался нѣкоторыми рукописными матеріалами, а именно статьями и замѣтками, доставленными мнѣ разными лицами въ отвѣтъ на мою программу юридическихъ обычаевъ, напечатанную въ *Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1872 годъ. По Бугульминскому уѣзду свѣдѣнія мнѣ были доставлены помощникомъ акцизнаго надзирателя г. Забудскимъ, по Николаевскому уѣзду, также акцизнымъ чиновникомъ г. Гуковымъ, по Бузулукскому уѣзду гг. Соколовымъ и Третьяковымъ ¹⁾ и по Новоузенскому уѣзду отъ г. Любимова и бывшаго мирового посредника г. Шафрата. Всѣ эти свѣдѣнія я имѣлъ случай провѣрить и дополнить личными наблюденіями, прослуживъ въ Самарской губернии слишкомъ пять лѣтъ въ должности члена окружнаго суда. Съ этою цѣлью я обращался къ крестьянамъ, которые призывались въ судъ въ качествѣ присяжныхъ и свидѣтелей, а также предпринималъ нѣкоторыя экскурсіи въ уѣзды Бугурусланскій, Николаевскій, Ставропольскій и Самарскій.

Наиболѣе свѣдѣній въ собранныхъ мною матеріалахъ относится къ семейному быту—устройству семьи и возникающимъ въ средѣ ея юридическимъ отношеніямъ. Сравнительное обиліе матеріаловъ дало мнѣ возможность сдѣлать по этому предмету нѣкоторые выводы. Что касается сдѣлокъ и договоровъ, то имѣющіеся у меня матеріалы заключаются преимущественно въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, кромѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, довольно любопытныхъ, о договорѣ *найма земли изъ мѣшка*, то-есть, такого найма, при коемъ плата за землю производится изъ урожая и только въ случаѣ урожая. Но въ настоящихъ очеркахъ я не коснусь этого предмета, такъ какъ намѣренъ посвятить ему особую статью. Весьма важный вопросъ о земельной общинѣ, передѣлѣ полей, раздѣлѣ сѣнокосныхъ и другихъ угодій былъ едва затронутъ въ программѣ

¹⁾ Г. Третьяковъ, занимавшійся по порученію Самарскаго статистическаго комитета изученіемъ экономическаго быта края, доставилъ мнѣ монографическое описаніе одного селенія Бузулукскаго уѣзда.

Отдѣленія Этнографіи 1864 г., въ которой между цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ и притомъ лишь въ примѣчаніи вскользь упоминалось о передѣлѣ и раздѣлѣ общественныхъ земель и сѣнокосовъ и о способѣ пользованія разными земельными и лѣсными угодьями. Составляя мою программу по образцу программы Отдѣленія Этнографіи и не будучи въ то время достаточно знакомъ съ вопросомъ объ устройствѣ крестьянской земельной общины, я не рѣшился составить свою программу по этому отдѣлу; такимъ образомъ въ собранныхъ мною матеріалахъ, за исключеніемъ разпросовъ крестьянъ, которые мнѣ лично доводилось дѣлать, совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія объ этомъ капитальномъ предметѣ народнаго юридическаго быта.

Въ настоящей статьѣ я ограничусь очерками народнаго семейнаго быта крестьянъ Самарской губерніи и нѣкоторыми замѣчаніями по вопросу о доказательствахъ въ народномъ судѣ.

II. СЕМЕЙНЫЙ БЫТЪ.

А) Большая и малая семья.—Кладка.—Имущественное положеніе женщины и женское добро.

Въ народномъ бытѣ Самарской губерніи еще сохранилась *большая* или *родовая семья* съ своими своеобразными особенностями, съ своими *большаками* и *большухами*, хотя эта форма семейнаго быта постепенно разрушается и вымираетъ и адѣсь, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, благодаря измѣненію нравовъ, стремленію къ обособленію личности—и главное—бабамъ, какъ это сознаетъ и самъ народъ: малая семья вытѣсняетъ большую. Всякій экономическій кризисъ въ народномъ быту увеличиваетъ дробимость семей; таково было вліяніе голода 1873 г., послѣ котораго дѣлежи возросли въ огромныхъ размѣрахъ, также какъ и послѣ реформы 1861 года.

Малая семья—это такая, которая состоитъ изъ мужа, жены и холостыхъ сыновей; всякой женатый сынъ выдѣляется; чистый типъ этой формы семьи мы встрѣчаемъ въ Малороссіи и Архангельской губерніи. Въ Самарѣ, какъ и во многихъ другихъ велико-

русскихъ губерніяхъ, много малыхъ семей смѣшаннаго типа, то-есть, такихъ, гдѣ отецъ глава дома живётъ съ своими женатыми сыновьями, которые обыкновенно по смерти его, а часто и раньше дѣлятся. Въ излагаемомъ очеркѣ я и эти семьи смѣшаннаго типа называю малыми, такъ какъ имущественныя и личныя отношенія членовъ въ нихъ одни и тѣ же.

Устройство большой семьи довольно сложное. Въ ней хозяинъ дома—глава обширной хозяйственной артели или семейной общины, насчитывающей иногда въ своей средѣ болѣе десяти работниковъ (такихъ семей въ Бузулукскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ подворной описи 1867 г., было 8, а семей, имѣющихъ отъ 6 до 10 работниковъ, 195; въ Николаевскомъ же ихъ было 194, при чемъ глава дома, хозяинъ—нѣкоторымъ членамъ семьи не только не отецъ, но даже и не дѣдъ.

Хотя по количеству работниковъ нельзя вполне точно опредѣлить, въ какому типу принадлежитъ семья, но можно безошибочно сказать, что семья, въ которой болѣе десяти работниковъ, принадлежитъ къ типу большой семьи. Въ с. Краковѣ, Тростанской волости, Самарскаго уѣзда, въ которой уже 1867 г. не было ни одной семьи съ шестью или болѣе работниками, свящ. Архангельскій насчитываетъ 4 семьи, принадлежащія къ типу большой семьи, 90 типа малой семьи, и 38 семей съ характеромъ смѣшаннымъ¹⁾.

Женщина не есть дольщица имущества семьи; въ этомъ отношеніи положеніе ея въ большой и малой семьѣ одинаково, хотя ея имущественное положеніе въ малой семьѣ лучше: въ послѣдней, *споровая* доробью — приданое дочери невѣсты, она не стѣснена контролемъ остальныхъ членовъ семьи, на который такъ горько жалуются бабы въ большей семьѣ, говоря, что у нихъ „и стѣны глаза имѣють“.

Въ большой и малой семьѣ женщина — самостоятельная имущественная единица, а не дольщица общаго достоянія семьи. Женщинѣ дозволяется имѣть свое отдѣльное имущество—*коробью*, чего не полагается остальнымъ членамъ семьи. За нею признается право получать въ свою пользу деньги за извѣстные заработки (деньги за грибы, ягоды, а въ малой семьѣ молочный скотъ, яйца и пти-

¹⁾ *Епарх. Вид.* 1876 г., стр. 401.

цеводство—бабье добро). Кроме того, бабамъ дается изъ общаго достоянія семьи волокна льна, пеньки и поскони, а также шерсть для изготовленія бѣлья и одежды какъ себѣ, такъ и для семьи, причѣмъ остатки идутъ въ пользу бабъ. Все это распределяется по долямъ между ними такимъ порядкомъ: Свекровь, будетъ ли она при мужѣ или вдова, во всякомъ случаѣ получаетъ полную долю. Если у нея есть холостые сыновья, то на долю каждаго изъ нихъ дается еще по $\frac{1}{2}$ доли. Каждая сноха, каждая женщина въ семьѣ, при мужѣ, получаютъ по долѣ. Каждая мать на сына подростка получаетъ по $\frac{1}{2}$ доли. Сноха-вдова, какъ холостые подростки, получаетъ по $\frac{1}{2}$ доли. Большуха въ семьѣ, если она не свекровь, въ раздѣлѣ вышеуказаннаго женскаго добра не имѣетъ никакого преимущества; ея привилегіи заключаются въ томъ, что она распоряжается женскою работою въ семьѣ, что у нея въ рукахъ *квашня* и *страпня*, и что она, какъ говорится, — „не смотритъ изъ чужихъ рукъ куска“, и это составляетъ предметъ тайныхъ желаній большинства бабъ, которыя не имѣютъ такого завиднаго преимущества ¹⁾.

Крестьянскимъ дѣвушкамъ при этомъ дѣлѣжь льна, пеньки, поскони и шерсти не дается ничего; съ ними дѣлятся матери изъ своей части и изъ части сыновей-подростковъ, а сестры за это должны снаряжать всѣмъ нужнымъ для одежды своихъ холостыхъ братьевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время и притомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне живутъ подѣлввшись, какъ на примѣръ, въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ свящ. Архангельскаго, крестьянскимъ дѣвушкамъ изъ поименованнаго женскаго добра стали удѣлять части ровныя съ подростками.

Семья, не освобождая дѣвушку отъ общей работы, даетъ ей однако возможность работать на себя; на примѣръ, тамъ, гдѣ есть бабчи или огороды, сажаніе на нихъ овощей, полотье и уборка ихъ, а также отчасти уборка сѣна, полотье яровыхъ хлѣбовъ, дѣланье вязяка, то-есть, топлива изъ навоза, и *чульки*—это ихъ достояніе. Гულъ-

¹⁾ См. статью свящ. *Архангельскаго*: Народные обычаи въ с. Краковѣ *Епарх. Вид.* за 1876 г., стр. 341. Такой же порядокъ дѣлежа льна, поскони и шерсти существуетъ и въ другихъ селеніяхъ Самарскаго уѣзда, а также въ уѣздахъ Николаевскомъ и Бугурусланскомъ въ средѣ русскаго населенія. Нѣкоторая разница мною болѣе замѣчена лишь въ распределеніи долей шерсти.

ками называется праздничная уборка хлѣба (жнитво) или сѣна, для которой собираются дѣвушки партіями отъ 6 до 10 человекъ; сговорившись на такую работу съ вечера, онѣ рано утромъ выходятъ на работу; расчетливые хозяева обыкновенно нанимаютъ эти *гульки* ниже существующей заработной платы. На эти заработки, подѣляясь и заботами матери и изъ долей льна, пеньки и поскони какъ матери, такъ и холостыхъ братьевъ, крестьянская дѣвушка копитъ себѣ *коробью*, снаряжая которую въ большой семьѣ она стѣснена контролемъ *большака* и *болышухи*, а также и прочихъ членовъ семьи, ревниво наблюдающихъ, чтобы бабы не тащили чего лишняго для коробки дочерей. Кромѣ того, въ большой семьѣ хозяйинъ дома, выдавая шерсть, наблюдаетъ, чтобы бабы брали не болѣе того, сколько нужно для одежды; остатки же шерсти составляютъ достояніе семьи и учитываются хозяиномъ дома. Въ малой семьѣ шерстью бабы распоряжаются безконтрольно.

Изъ такого положенія крестьянской дѣвушки въ семьѣ выходитъ обычай брать *кладку* или *кладки* за невѣсту—общій во всей губерніи и усвоенный даже поселившимися здѣсь Малороссами, хотя въ коренной Малороссіи онъ неизвѣстенъ¹⁾.

Кладку не слѣдуетъ смѣшивать ни съ платой за невѣсту или *калымомъ* нашихъ инородцевъ, ни съ выводными деньгами, которыя брали помѣщики при крѣпостномъ правѣ, выдавая своихъ крѣпостныхъ замужъ въ чужое селеніе. При всемъ сходствѣ *кладки* съ *калымомъ* между ними есть одно существенное различіе: *калымъ*—это покупка или выкупъ невѣсты, *кладка*—выкупъ коробки невѣсты и вознагражденіе свадебныхъ расходовъ семьи невѣсты. *Кладка*—это народный русскій обычай, вытекающій изъ устройства и имущественныхъ отношеній членовъ крестьянской семьи. Крестьянская дѣвушка собираетъ себѣ коробью изъ частей, отпус-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Любиновымъ, между Хохлами, какъ зоветъ ихъ названный собиратель, придерживаясь народнаго говора,—*кладка* называется *детьми на столъ*. Въ сосѣднемъ Саратовскомъ уѣздѣ *кладка*, или точнѣе, та часть ея, которая составляетъ вознагражденіе свадебныхъ расходовъ семьи невѣсты, называется *столовыми детьми* (см. рѣшеніе суда Голицынской волости за 1871 г. въ Трудахъ Комисіи, т. VI, стр. 380 и 381).

заемныхъ изъ общаго достоянiя семьи на снабженiе ея холостныхъ братьевъ, а также изъ долей женскаго добра, отпускаемаго матери. Выходя замужъ, она уноситъ въ другую семью коробью, изъ которой будетъ снаряжать, одѣвать мужа; потому женихъ и его семья должны за это вознаградить мать невѣсты и ея холостныхъ братьевъ, такъ какъ только они безъ участiя женатыхъ братьевъ пользуются деньгами, получаемыми въ видѣ кладки.

По общему народному воззрѣнiю, дѣвушка въ семьѣ—это *пустокормъ*; крестьяне говорятъ: *отца-матерь кормлю долть плачу, сыновей въ моды вывожаю—въ займы даю, дочь снабжаю—за окоя бросаю*¹⁾. Поэтому семья, снаряжая дочь замужъ, не охотно на нее тратится. Семья жениха, приобретаая въ ней работницу, которая будетъ одѣвать своего мужа, должна нести расходы на свадебное гулянье. Поэтому всѣ вообще брачныя издержки оплачиваются впередъ женихомъ или его семействомъ. Обыкновенно во избѣжанiе нареканiй по поводу угощенiя эта часть кладки берется только отчасти деньгами, а болѣе натурой, то-есть, водкой, брагой, медомъ, хлѣбомъ, мясомъ и т. д. Кромѣ того, невѣста должна кланяться жениху и его роднымъ *блжими дарами*, то-есть, своимъ рукодѣльемъ, количество и качество котораго также имѣетъ влiянiе на размѣръ кладки; эта послѣдняя такимъ образомъ бываетъ весьма различна—отъ 20 до 80 и болѣе рублей¹⁾. При этомъ надо обратить вниманiе на то, что количество кладки, обуславливается не только достаткомъ жениха или его семьи, но всѣми вышеуказанными соображенiями.

Размѣръ кладки опредѣляется послѣ согласiя невѣсты и ея родителей на бракъ, когда назначается вечеръ на рукобитiй и смотрины. Въ этомъ отношенiи опять представляется различiе между калымомъ и кладкой.

Въ случаѣ, если свадьба не состоится, родные невѣсты должны возвратить кладку; это положенiе можно поддерѣпить многими

¹⁾ Свящ. Архангельскiй въ своемъ описанiи народнаго быта с. Кривога, опредѣляетъ ее на стр. 92 отъ 20 до 70, а на стр. 213 отъ 20 до 60 р., но я знаю случаи, когда она достигала 80 и болѣе руб. Свящ. Лавровскiй, описывая народный бытъ с. Бариновки, Самарскаго уѣзда, опредѣляетъ размѣръ кладки въ 40 руб., прибавляя, что богатые крестьяне расколутъ на свадьбу сына не менѣе 100 руб. (*Сам. Губ. Вѣд.* за 1878 г. № 3 и 4).

рѣшеніями волостныхъ судовъ, практика которыхъ въ этомъ пунктѣ твердо установилась; для примѣра можно привести рѣшеніе Старо-Буяновскаго волостнаго суда за 1871 г., напечатанное въ т. VI Трудовъ Коммисіи, и многія другія¹⁾.

Женщина въ крестьянской семьѣ составляетъ самостоятельную единицу; это, сверхъ указаннаго, подкрѣпляется еще слѣдующими данными: ключи отъ коробки всегда хранятся у женщины; хозяинъ дома можетъ вскрыть коробку только въ случаѣ подозрѣнія, что баба стала таскать въ нее что-либо изъ общаго достоянія семьи. Это послѣднее обстоятельство считается большимъ зломъ для благосостоянія дома: „когда баба пойдетъ *мести* (то-есть, тихонько таскать), то весь домъ вымететь“, говоритъ народъ—и народный обычай уполномочиваетъ хозяина дома всячески этому противо-дѣйствовать.

Неприкосновенность женской коробки установлена обычаемъ и охраняется міромъ, строго соблюдающимъ этотъ обычай. Песнягательства на нее со стороны мужа встрѣчаются въ малой семьѣ, въ большой семьѣ я про подобные случаи не слыхалъ.

Жена не имѣетъ права продавать ни хлѣба, ни соломы, ни другихъ продуктовъ, составляющихъ достояніе дома. Напримѣръ, былъ такой случай: одна баба тихонько отъ мужа продала хлѣбъ, и разумѣется, по цѣнѣ ниже стоявшей тогда, такъ какъ иначе никто и не купилъ бы у нея. Волостной судъ по жалобѣ мужа на покупателя постановилъ: взыскать съ покупателя въ пользу истца недоданныя деньги и оштрафовать покупателя и продавщицу 50 коп. cadaго (Тростянская волость Самарскаго уѣзда).

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго можно вывести заключеніе, что въ крестьянскомъ быту женщина разсматривается какъ самостоятельная имущественная единица. Это мнѣніе высказываетъ и почтенный изслѣдователь народнаго быта с. Кривова свѣщ. Архангельскій въ вышеуказанной статьѣ своей.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, напечатанныхъ въ Трудахъ Коммисіи, иногда встрѣчаются приговоры, указывающіе какъ бы противное, напримѣръ, жена присуждается къ уплатѣ долга мужа (Ежа-

¹⁾ То же и въ сосѣдней Саратовской губерніи; см. вышеприведенное рѣшеніе суда Голицынской волости.

терниновская волость); но это ничего не доказывает, такъ какъ въ этомъ рѣшеніи обстоятельства дѣла изложены весьма кратко. Очень можетъ быть, что приговоренная къ уплатѣ долга вдова осталась послѣ мужа хозяйкою дома, то-есть, принявши отъ мужа домъ съ хозяйствомъ, она очевидно должна была платить долги, сдѣланные покойнымъ мужемъ для дома.

По смерти бездѣтной жены, мужъ возвращаетъ безусловно все ея дѣвичье имущество, то-есть, коробью, прежней семьѣ, и тамъ оно не поступаетъ въ общее достояніе дома, но получаетъ его мать умершей, или за смертью послѣдней дѣвушки-дочери, а если таковыхъ нѣтъ, холостые братья.

Указанное движеніе имущества умершей бездѣтной женщины твердо установлено обычаемъ; но затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ никого изъ вышеуказанныхъ лицъ для полученія коробьи умершей, то иногда это имущество идетъ на поминъ ея души. На этотъ обычай, далеко впрочемъ не общій, охотно указываютъ собиратели обычаевъ изъ сельскаго духовенства, хотя на самомъ дѣлѣ нерѣдко въ этомъ случаѣ мужъ покойной или свекръ оставляютъ ея коробью за собою.

Замѣчательно, что въ рѣшеніяхъ судовъ нѣкоторыхъ волостей, напримѣръ, Тростянской, Самарскаго уѣзда, нѣтъ вовсе случаевъ взыскапія съ мужа имущества, то-есть, коробьи покойной жены, такъ какъ мужъ по совѣсти долженъ возвратитъ его семьѣ покойной, а взыскивать съ него что-либо изъ такого имущества, по мнѣнію народа, дѣло не хорошее, это значить— „*трясти душу покойной*“¹⁾. Это взглядъ Псковской судной грамоты 1467 года: „а у котораго *человѣка* помереть жена, а мужъ ея оженится і женна мать (то-есть, теща) или сестра или иное племя и имутъ искать платья, ино мужъ ея право по души (по чистой совѣсти) платья отдасть, а на останки мужевн о женнн платья целованья нѣтъ“²⁾. Въ Тростянской волости мужъ не наследуетъ даже постели покойной жены; ему достается только благословенная игона. Между тѣмъ въ Елховской и Алексѣевской

¹⁾ Но не вездѣ такъ; въ другихъ волостяхъ того же Самарскаго уѣзда, напримѣръ, въ Елховской и Алексѣевской (послѣдняя сплошь населена Русскими), *трясутъ* нерѣдко душу покойной дочери, какъ это видно изъ многихъ рѣшеній волостныхъ судовъ.

²⁾ Псковская судная грамота. Изд. Н. Муравьева. Одесса. 1868. Стр. 22.

волостяхъ, того же Самарскаго уѣзда, постель всегда оставляется мужу покойной, и волостной судъ, присуждая ему постель, обыкновенно ссылается на общезвѣстный мѣстный обычай.

Что истрачено мужемъ при жизни жены съ ея согласія или даже безъ него (послѣдній случай возможенъ только въ малой семьѣ), то послѣ смерти семья покойной отъ мужа требовать не можетъ. На этомъ твердо стоять и мирскіе сходы, и волостные суды.

Охраняя свою коробью, бабы прибѣгаютъ иногда къ хитрости, чтобы спасти его отъ расхищенія на случай смерти; при тяжелой болѣзни или беременности тихонько черезъ подручицъ перетаскиваютъ свою коробью въ домъ матери.

Чтобы закончить представленную характеристику большой и малой семьи, я долженъ сказать, что въ малой семьѣ бываютъ случаи, когда главенство переходитъ въ руки *бабы*, которая дѣлается иногда по смерти мужа, если у нея есть *подростки-сыновья*, настоящею хозяйкой; въ большой семьѣ этихъ случаевъ не бываетъ и быть не можетъ.

Свящ. Архангельскій утверждаетъ, что въ малой семьѣ даже бездѣтная вдова *можетъ быть* хозяйкой дома, если возьмется править душу покойнаго мужа, то-есть, платить причитающіяся на его душевой надѣлъ подати и повинности. Но это, кажется, только предположеніе нашего почтеннаго изслѣдователя, не подкрѣпленное фактами и не находящее подтвержденія въ собранныхъ мною матеріалахъ.

В) Имущественныя отношенія членовъ семьи—участниковъ общаго достоянія дома и семейныя дѣлежи.—Духовныя завѣщанія или памяти.—Случайные члены семьи: приемши, пасынки и зятья-власени; оставшие салдаты.

По мнѣнію крестьянъ, дѣлежи дѣйствуютъ на нихъ разорительно, и вообще говоря, крупныя семьи живутъ зажиточнѣе. Хотя нѣкоторые изслѣдователи народнаго быта—это мнѣніе было между прочимъ высказано г. Анучинымъ въ засѣданіи Самарскаго статистическаго комитета 30-го октября 1875 г.,—полагаютъ, основываясь на цифрѣ скота, что дѣлежи содѣйствуютъ развитію народнаго благосостоянія, но это предположеніе не вѣрно. Напримѣръ,

положимъ: въ крестьянскомъ домѣ на 4 мужскихъ души, одна корова, а въ подѣлившихся ихъ двѣ, но несомнѣнно, что это уже будутъ не коровы, а *коровенки*.

Съ дѣлежами въ крестьянскомъ хозяйствѣ все мельчаетъ и слабѣетъ—не только число людскихъ рабочихъ силъ, но и качество скота, земледѣльческихъ орудій, построекъ и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ накаплиются разныя недоимены, потому что одинокому крестьянину нельзя ни извозомъ заняться, ни въ степь въ башкирскія земли или другой какой промыселъ уйдти. „Подѣмься такой-то домъ“, говорятъ сами крестьяне, — „ну и послабѣли во всемъ, что скотиной, что въ лошадаяхъ, что и глѣбушкою“.

Переходя въ крестьянскимъ *раздѣламъ*, надо прежде всего указать, что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *выдѣлами*, *отдѣлами* и наконецъ *отходами*.

Собственно говоря, *раздѣлы* бываютъ только въ большой семьѣ, гдѣ есть нѣсколько представителей семейнаго имущества, полноправныхъ и равноправныхъ дольщиковъ общаго достоянiя дома, напримѣръ, нѣсколько женатыхъ братьевъ, у которыхъ притомъ нѣтъ въ живыхъ отца. При раздѣлѣ имущество дѣлится на равныя пай, и затѣмъ бросается жребій, кому какой выпадетъ. На раздѣлѣ имѣютъ право женатые внуки при жизни дѣда, если только ихъ отецъ умеръ.

Выдѣлы бываютъ въ малой семьѣ, то-есть, въ такой семьѣ, гдѣ глава дома отецъ. Разница между выдѣломъ и отдѣломъ та, что при выдѣлѣ дается полный пай, а при отдѣлѣ часть пая—по усмотрѣнiю отца главы семейства. Какъ выдѣлъ, такъ и отдѣлъ, зависятъ отъ отца и дѣлаются съ его согласiя. Если же при жизни отца-хозяина сынъ уходитъ изъ семьи по собственной волѣ, то это называется *отходомъ*; отецъ можетъ въ такомъ случаѣ не дать ему ничего, какъ это обыкновенно и бываетъ, пустить его, какъ говорить народъ „съ однимъ крестомъ“: миръ за него въ этомъ случаѣ не вступится.

Отходъ бываетъ и въ большой семьѣ, гдѣ хозяинъ старшiй братъ, но рѣже чѣмъ въ малой, напримѣръ, если пожелаетъ уйдти изъ семьи младшiй братъ не женатый; но если уходитъ женатый братъ, то *раздѣлъ* обязательенъ, и братья получаютъ каждый свой пай. Это случается, вопервыхъ, въ бѣдныхъ семьяхъ, если холостой братъ

сговорился уйдти въ другую семью *затѣмъ-власѣнѣмъ*, который вступаетъ въ семью жены на правахъ дольщика семейнаго имущества и даже принимаетъ прозвище того дома, въ который поступаетъ. Вотърыхъ, это бываетъ съ безшабашными головами, безпутными людьми, тѣми добровольными бобылями, которые, отбиваясь отъ семьи и пренебрегая трудовою тяжелою крестьянскою собственностью, обремененною податями и повинностями, промышляютъ чужимъ добромъ и особенно лошадьми. Изъ этого-то люда, отбившагося отъ семьи, земли и труда, этого народнаго пролетаріата, вербуются такъ-называемые *каштаны* (конокрады), которые, образуя изъ себя артели, обратили свою дѣятельность, гибельную для благосостоянія сельскаго рабочаго населенія края, въ организованное ремесло. Въ виду совершеннаго безсилія правительственной судебной власти бороться съ этимъ жестокимъ для нашихъ деревень зломъ, народъ, разоряемый этими каштанами, которые не только крадутъ лошадей, но и берутъ сборы за то, чтобы не красть ихъ, дошелъ до такого озлобленія, что сталъ расправляться съ ними своими судомъ. Случаи убійства этихъ каштановъ все болѣе и болѣе часты. Крестьяне дѣлаютъ на нихъ облавы, мечутъ жребій, кому изъ односельчанъ порѣшить такого каштана, приговореннаго мирскимъ судомъ къ смерти, и ежегодно избиваютъ каштановъ десятками. Присяжные изъ крестьянъ постоянно оправдываютъ такіа убійства. Обыкновенно эти каштаны холостые или вдовы и бездомные бобыли, но въ недавнее время въ Самарской губерніи убитъ одинъ конокрадъ съ женой, которая занималась конокрадствомъ вмѣстѣ съ мужемъ и лихо ѣздила верхомъ ¹⁾.

Дѣдъ имѣетъ право отдѣлить сноху вдову съ малолѣтними сыновьями отъ своего семейства; въ этомъ случаѣ онъ даетъ ей полный пай, а если не полный, то съ обязательствомъ добавить его, когда сыновья подростутъ и одинъ изъ нихъ женится. Если у такой вдовы холостые дѣти, она при желаніи сохраняетъ до самой смерти главенство въ своей семьѣ. Если отдѣляется вдова съ сы-

¹⁾ Свѣдѣніе это почерпнуто изъ газетной корреспонденціи, а потому я за него не ручаюсь.

новьями, изъ которыхъ хотя одинъ женатъ, то главенство принадлежитъ ему.

Наслѣдства у крестьянъ въ смыслѣ положительнаго закона нѣтъ. Каждый членъ семьи, если онъ только дольщикъ общаго достоянія, уходя уносить съ собою часть имущества дома. Семья есть отдѣльная имущественная корпорація или община, на имущественное достояніе которой никто изъ чужой семьи, какой бы онъ ни былъ близкій родственникъ по крови, разчитывать не можетъ.

Если терминъ „наслѣдство“ можно примѣнить къ народному быту, то только въ томъ смыслѣ, что смерть отца открываетъ дѣтямъ право на представительство въ имуществѣ дома, хотя бы отецъ и не былъ хозяиномъ дома, то-есть, они могутъ требовать *раздѣла*, иначе говоря—дѣлежа съ полученіемъ полнаго пая.

Изъ сказаннаго ясно, что завѣщаніе возможно и бываетъ только въ малой семьѣ, въ которой отецъ или мать, когда она глава дома, умирая можетъ дѣлать распоряженіе имуществомъ. Въ большой семьѣ, гдѣ нѣсколько представителей или дольщиковъ имущества и нѣтъ ни одного полноправнаго распорядителя (власть большака хотя и велика, но она скорѣе административнаго характера), очевидно, о духовномъ завѣщаніи не можетъ быть и рѣчи. Всѣ члены — представители общаго имущества, и въ передачѣ его личная воля не можетъ имѣть смысла и дѣйствительно не проявляется.

Но въ малой семьѣ уже проглядываетъ личность отца, хозяина и распорядителя дома, который замѣняетъ собою корпоративныя права членовъ семьи. Въ такой семьѣ волостные и сельскіе суды признаютъ силу и дѣйствіе завѣщаній или *духовныхъ памятей*, количество которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ распадающейся большой семьи. Эти духовныя завѣщанія словесныя и письменныя признаются волостнымъ и сельскимъ народнымъ судомъ даже въ такомъ случаѣ, когда является сторона, оспаривающая духовное завѣщаніе; при этомъ дѣло рѣшается сообразно съ показаніями свидѣтелей послѣдней воли умершаго (рѣшенія Троицкаго волостнаго суда за 1871 г.).

Свящ. Архангельскій, ссылаясь на рѣшенія волостнаго суда, говоритъ, что бывали случаи (въ малой семьѣ), что завѣщаніе матери, бывшей хозяйки, распорядившейся частью имущества дома,—

именно она завѣщала нѣкоторую часть замужней дочери—было признано обязательнымъ для жившаго съ нею въ одномъ домѣ женатаго сына, заступившаго мать въ хозяйствѣ домою послѣ ея смерти. Вообще говоря, за женщиною, какъ самостоятельную имущественною единицей, признается право завѣщать свое имущество ¹⁾).

Что касается *случайныхъ членовъ семьи*, то-есть, *пріемшей, пасынковъ и зятъевъ-власней*, то положеніе ихъ различно, смотря по тому, въ какую семью они попали.

Зятья-власени принимаются обыкновенно малыми семьями, потому что если бы не только одинъ изъ членовъ большой семьи, но и самъ большакъ вздумалъ взять въ семью зятя, то остальные могутъ этому воспротивиться. Положеніе зятя-власеня различно, смотря по тому, есть ли у принявшаго его тестя женатые сыновья, или нѣтъ: если есть, то онъ никакой доли, по обычному праву, въ имуществѣ дома не имѣетъ, и если ему что даютъ, то изъ милости, обыкновенно при жизни теста, по смерти котораго ему пришлось бы отойти изъ семьи „съ однимъ крестомъ“. Поэтому тесть передъ смертью, жалѣя хорошаго зятя-власеня, можетъ дать ему имущественное представительство, хотя, кажется, только въ томъ случаѣ, если родные сыновья—люди безпутные, при чемъ онъ заявляетъ о томъ міру и получаетъ его согласіе. Если жъ у теста нѣтъ сыновей, или они холостые, зять-власень дѣлается дольщикомъ имущества на равныхъ правахъ съ сыновьями. Бываютъ такіе случаи, что тесть, не имѣющій сыновей, приметъ зятя-власеня, а затѣмъ у него родится сынъ, права котораго равны съ правами сына; въ такомъ случаѣ тесть пользуется обыкновенно правомъ отдѣлить зятя, то-есть, отпускаетъ его изъ семьи съ неполнымъ паемъ, такъ какъ иначе зять, совершенно равноправный съ сыномъ и даже имѣющій передъ нимъ преимущество, какъ старшій, станетъ пожалуй по смерти теста тѣснить сына.

Мальчикъ—сирота, остающійся съ матерью въ семьѣ отца, есть безспорный представитель семейнаго пая своего отца. Но право про-

¹⁾ Духовныя завѣщанія письменныя обыкновенно предъявляются въ волостномъ правленіи и записываются въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Одно изъ такихъ завѣщаній я привожу въ приложенияхъ къ настоящей статьѣ.

сѣть раздѣла онъ получаетъ только тогда, когда женится; при выходѣ же матери вторично замужъ во время его малолѣтства, онъ идетъ обыкновенно за нею и вступаетъ пасынкомъ въ чужую семью. Семья умершаго отца въ этомъ случаѣ не обязана выдать сиротѣ полный пай его отца, хотя *по божески*, какъ выражаются крестьяне, — то-есть, по совѣсти, домохозяинъ обязанъ выдѣлить отходящему сиротѣ лошадь, двѣ-три овцы, борону, соху, косу и хлѣбныхъ сѣмянъ, сколько требуется на обмѣненіе душеваго надѣла. Миръ, то-есть, сельскій сходъ, обыкновенно заботится, чтобы такого сироту не слишкомъ *обдѣляли*, такъ какъ изъ него можетъ выйти хорошій и доловитый работникъ, то-есть, полезный членъ крестьянской общины, который, войдя въ возрастъ и женившись, станетъ податною душой вмѣсто отца, получить его душевой надѣлъ и поэтому долженъ быть снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями для обработки этого надѣла.

Если, какъ я сказала выше, — отъ старшаго брата хозяина отходитъ младшій, не женатый и „съ однимъ крестомъ“, то миръ въ это не вмѣшивается, считая этого послѣдняго пустымъ человекомъ, шелопутомъ, такъ какъ хорошій мужикъ при такихъ условіяхъ отходить изъ семьи не будетъ. Полученіе неполнаго *отцовскаго пая* сиротой, отходящимъ изъ дома съ матерью, мотивируется тѣмъ, что семья умершаго до рабочаго возраста сироты, что обыкновенно совпадаетъ со вступленіемъ его въ бракъ, должна нести всѣ подати и повинности его отца. Такимъ образомъ пасынокъ въ семьѣ втораго мужа своей матери — какъ бы чужой, имѣющій свое особое имущество. Имущественныя отношенія у него устанавливаются только съ отчимомъ, а не со всею семьей. Если отчимъ женитъ пасынка, то онъ становится дольщикомъ семейнаго имущества отчима, но обыкновенно пасынокъ женится самъ по себѣ, часто становясь батракомъ или образуя новую семью и получая отцовскій надѣлъ.

Въ случаѣ, если отчимъ „*выводитъ пасынка въ люди и женитъ его*“, на что требуется согласіе всѣхъ членовъ въ большей семьѣ, — то права пасынка на долю въ общемъ достояніи семьи охраняются волостнымъ судомъ (изъ книги рѣшеній Тростянской волости за 1866 г.), который привзываетъ за нимъ таковой же пай, какъ и за собственнымъ сыномъ отчима; впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, такия дѣла отдѣль 1. 3

доходятъ до разсмотрѣнія суда только въ случаѣ смерти отчима. Только при бездѣтномъ отчимѣ, не но доброй волѣ послѣдняго, а въ силу обычая, пасынокъ въ малой семьѣ ставится дольщикомъ имущества дома. Вообще положеніе пасынка незавидное, но всего хуже положеніе его въ малой семьѣ, гдѣ по смерти хозяина дома его мѣсто занимаетъ мачиха, имѣющая своихъ собственныхъ сыновей. Что касается пріемншей, то права ихъ одинаковы съ правами зятъевъ-власеней. Таковы въ общихъ чертахъ основанія, по которымъ опредѣляются имущественныя отношенія членовъ семьи и доля ихъ участія въ общемъ достояніи семьи. Къ этому надо прибавить, что при некровномъ главенствѣ, когда глава дома — не всѣмъ членамъ его отецъ, извѣстное вліяніе на опредѣленіе имущественныхъ отношеній оказываетъ *воспитательство*. Народъ говоритъ: „Не тотъ отецъ кто родилъ, а тотъ—кто вскормилъ да въ люди вывелъ“. Въ силу этого права старшій братъ, воспитавшій младшихъ братьевъ, при раздѣлѣ можетъ дать младшимъ пай равные съ своими собственными сыновьями; одинъ такой случай мнѣ извѣстенъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, другой въ Николаевскомъ.

Что касается солдатъ, то поступаая на службу, они отдѣляются отъ семьи, если у нихъ въ семьѣ не остается жены. Жена солдата, особенно если у нея есть сынъ, служить имущественною связью солдата съ его родною семьей; она съ сыномъ представительница имущественнаго пая солдата въ семьѣ, и этотъ пай, пока солдатка живетъ въ семьѣ своего мужа, вполне обезпеченъ за нею, хотя семья, особенно послѣ смерти свекра, то-есть, отца солдата, всячески старается *скачать* ее съ рукъ, то-есть, удалить изъ семьи. Но спроводить солдатку изъ семьи, когда у нея есть сынъ, трудно, такъ какъ она можетъ жаловаться міру, у котораго правда въ этомъ только случаѣ и находить защиту.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, крестьянская семья представляетъ замкнутую корпоративную единицу, съ своимъ обычаемъ, твердо установленнымъ уставомъ.

Не смотря на нѣкоторое неважное различіе въ частностяхъ и подробностяхъ, этотъ уставъ крестьянской семьи для всего русскаго населенія край одинъ и тотъ же. Разница будетъ въ томъ, что въ одной мѣстности поселенцы, на примѣръ, изъ Пензенской

губерніи даютъ бабамъ всё нужные матеріалы для снаряженія мужей и холостыхъ членомъ семьи, и въ случаѣ недостатка, хозяинъ дома покупаетъ на средства общаго достоянія дома нужные матеріалы, а въ другихъ, какъ напримѣръ, въ дер. Патровкѣ, Бузулувскаго уѣзда, среди переселенцевъ изъ Тамбовской губерніи, бабы сами должны изыскивать средства для одѣванія мужа и дѣтей, если шерсти, поскони и т. п. не хватаетъ на это изъ общаго достоянія дома¹⁾.

Въ одной мѣстности бабы получаютъ на себя льняное сѣмя, но за то сами, то-есть, на свой счетъ, красятъ (синятъ) холстъ и пряжу; въ другой мѣстности льняное сѣмя есть общее достояніе дома, но большакъ-хозяинъ оплачиваетъ отъ себя краску холста и т. д.

Основная связь своеобразной общины, которую представляетъ крестьянская семья, есть кровное происхождение изъ одного рода; но значительную роль играетъ въ ней и экономическое (трудовое) начало, опредѣляющее имущественное право женщинъ, охраняющее въ извѣстныхъ указанныхъ нами случаяхъ права сиротъ, отходящихъ съ матерью въ другую семью, опредѣляющее взглядъ народа на право собственности и т. д.

Въ крестьянской семьѣ, пока она составляетъ одно цѣлое права всѣхъ членомъ уравновѣшены.

Мальчики находятся на полномъ обезпеченіи своихъ матерей или другихъ женскихъ членомъ семьи; изъ общаго же семейнаго достоянія, пока не сдѣлаются подростками, они ничего не получаютъ. Подростки и вообще холостые семьи, кто бы они не были: кровные ли дѣти, племянники ли и пріемыши, солдатскіе ли дѣти, незаконнорожденные—всѣ, какъ рабочая сила, получаютъ изъ женскаго добра (то-есть, матеріала для снабженія бѣльемъ и одежей) по одинаковой долѣ и снабжаются одинаковой по возможности стоимости обувью, одеждой и бѣльемъ. Матери зорко наблюдаютъ за такою равноправностью своихъ дѣтей.

Столь у всѣхъ членомъ семьи одинъ и тотъ же, столуются, то-есть, обѣдаютъ и ужинаютъ и т. д. вмѣстѣ, хотя бы семья была такъ велика, что члены ея должны были жить въ разныхъ избахъ. Женатые члены получаютъ обувь, одежду и нарядъ частью изъ семейнаго достоянія, частью изъ коробки жены, и между ними въ

¹⁾ По свѣдѣніямъ г. Третьякова.

этомъ отношеніи бываетъ разнида, которая опредѣляется, какъ по-
воженіемъ ихъ въ семьѣ, такъ и достаткомъ женской веробыи и
личнымъ мастерствомъ жены, ея умѣніемъ снаряжать мужа.

В. Условія для вступленія въ бракъ: согласіе родителей и брачущихся, возрастъ
послѣднихъ, отсутствіе родства.—Вторичные браки.

Въ заключеніе моего очерка народнаго семейнаго быта въ Са-
марской губерніи мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ усло-
віяхъ для вступленія въ бракъ.

Согласіе родителей есть общее условіе; браки *убытомъ* весьма
рѣдки, и то большею частью дѣлаются только для *видимости* —
во избѣжаніе свадебныхъ расходовъ или въ случаѣ выхода за-
мужъ дѣвушки какого-нибудь раскольничьяго толка за правосла-
внаго. Невѣста иногда бѣжитъ изъ родительскаго дома съ женихомъ
въ церковь съ вѣдома и согласія отца и матери, чтобы старикамъ
не стыдно было передъ своими, что выдали своею охотой дочь за
мужа другой вѣры и тѣмъ обнаружили холодность къ своей. Со-
гласіе требуется не только отъ родителей, но и отъ хозяевъ дома;
такимъ образомъ согласіе требуется не на бракъ собственно го-
воря, а на вступленіе въ семью и выходъ изъ нея. Кромѣ того,
кажется, требуется согласіе брачущихся. По крайней мѣрѣ я знаю
нѣсколько случаевъ, что родители условливались о бракѣ, но дѣло
разстраивалось за отказомъ жениха или невесты. Въ Трудахъ Ком-
миссіи встрѣчаются такія рѣшенія судовъ: по пріѣздѣ жениха за
невестой отецъ послѣдней отказался отдать дочь, потому что—
приводимъ буквально слова рѣшенія— *„невеста на вступленіе въ
замужество за Г. желанія не изъявила“* за неудовольствіе съ ея
стороны и за неприличное обращеніе“ (Екатериновская волость
Сам. уѣзда). Что касается вліянія родства и возраста на заклю-
ченіе брака ¹⁾, то по свидѣтельству священника Архангельскаго,
имѣвшаго возможность, по своему положенію, близко изучить этотъ
вопросъ, народныя обычаи не имѣютъ въ этомъ случаѣ са-
мостоятельнаго значенія, такъ какъ взглядъ крестьянъ на этотъ
предметъ носитъ на себѣ очевидное вліяніе Кормчей книги, то-

¹⁾ См. Труды Комиссіи о Вол. Судахъ. Томъ VI: Самарская губернія,
стр. 12.

есть, относительно степеней родства строже X тома Свода Зак., а по возрасту допускает браки раньше дозволенного въ законѣ брака.

Дѣйствительно народный обычай расходится съ закономъ относительно возраста для вступленія въ бракъ, и Самарскому окружному суду неоднократно приходилось разсматривать дѣла по обвиненію во вступленіи въ бракъ раньше опредѣленнаго законами возраста. Особенную склонность къ такимъ раннимъ бракамъ обнаруживаютъ старообрядцы и магометане. Но въ виду этого послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ допустить, кромѣ вліянія Кормчей книги, и другіе мотивы раннего вступленія въ бракъ конечно, прежде всего экономическія. Тягло накладывается только на женатаго; вотъ гдѣ главное основаніе для раннихъ браковъ, и притомъ такъ какъ народный обычай осуждаетъ неравные по возрасту браки, то молодаго, не достигшаго законнаго возраста, парня женить на такой же дѣвушкѣ.

Родство, не только кровное, но и духовное, признается, по народнымъ воззрѣніямъ, препятствіемъ для вступленія въ бракъ. Это послѣднее особенно развито между поселенцами изъ Малороссіи. Препятствіемъ для брака считается не только кумовство, но и крестное братство, существующее какъ въ средѣ православнаго населенія, такъ и между старообрядцами ¹⁾. Въ свѣдѣніяхъ, которыя до сихъ поръ мнѣ приходилось встрѣчать о бракахъ между пріемышами, ихъ принимаателями и дѣтьми послѣднихъ, представлялось большое разнорѣчіе и путаница, но наконецъ мнѣ удалось разъяснить путемъ личныхъ наблюденій, что причина тому заключается не въ шаткости народныхъ обычаевъ или воззрѣній на этотъ предметъ, а въ пріемахъ самихъ наблюдателей. Народный обычай не допускаетъ браковъ между пріемышами и принимае-

¹⁾ Собранныя мною свѣдѣнія касаются исключительно православнаго населенія и старообрядцевъ. У безпоповщинъ, какъ я слышалъ, не только допускается брачное сожитіе между самыми близкими родственниками, но даже, такъ сказать, предписывается обычаемъ. Иностранцы, населяющіе Самарскую губернію, какъ-то Мордва, Чуваши, не говоря ужъ о Татаррахъ, также не видятъ въ кровномъ родствѣ, напримѣръ, двоюродныхъ, препятствій для брака, и если такіе браки между крещеными иностранцами рѣдки, то потому только, что духовенство не допускаетъ ихъ.

лами по причинѣ разницы въ возрастѣ, и кромѣ того, такіе браки очевидно нарушали бѣ издавна установившійся въ крестьянскомъ быту семейный складъ. Вдова, выходя замужъ за молодаго приемыша, взятаго въ домъ ея первымъ мужемъ, стала бѣ отъ него въ зависимость, то-есть, изъ хозяйки дома, распорядившейся приемышемъ какъ рабочею силою, стала бѣ его подчиненною. Вотъ причина, почему такіе браки не допускаются въ народномъ быту, а не духовное родство, которое будто бѣ устанавливается между приемышами и ихъ принимаателями. Поэтому приемыши совершенно свободно могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми своихъ принимаателей, которые часто съ этою именно цѣлью и берутъ себѣ въ домъ мальчика-приемыша; именно когда у крестьянина-козьяна есть дочери и нѣтъ сына, онъ беретъ себѣ приемыша, чтобы женить его на дочери.

Только первый бракъ сопровождается въ народномъ быту веселіемъ и установленною обычаями обрядностью; такимъ образомъ народный обычай хотя допускаетъ второй и третій браки—обыкновенно крестьяне не долго остаются вдовыми и скоро опять женятся, — но придаетъ особое значеніе первому браку. Въ этомъ случаѣ надо допустить вліяніе церковнаго ученія, которое видитъ во второмъ и третьемъ бракѣ послабленіе немощи человѣческой, что выражается и въ самомъ обрядѣ церковнаго вѣнчанія.

III. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ.

Существуетъ мнѣніе, довольно распространенное даже между изслѣдователями народнаго быта, что въ народномъ судѣ прямыя доказательства играютъ главную и притомъ чуть ли не исключительную роль; это—такъ называемыя показанія *видокоевъ* и *нослуковъ*. Говорятъ, что крестьяне не придаютъ никакого значенія косвеннымъ уликамъ, не умѣя пользоваться ими, и вслѣдствіе того, за немнѣніемъ по дѣлу *видокоевъ* и *нослуковъ*, прибѣгаютъ къ очистительной присягѣ или *божьей*, то-есть, заставляютъ клясться то подсудимаго, то обвинителя, а иногда обоихъ вмѣстѣ, *глядя по человѣку*, и нерѣдко, не умѣя справиться съ доказательствами, обращаются къ суду Божію, зажигаютъ *обидящую свѣчу* или прибѣгаютъ къ такимъ суевѣрнымъ средствамъ, какъ бросаніе обрѣзка или части того, что осталось на мѣстѣ вражи, въ кузнечный мѣхъ или подъ мельничныи жерновъ въ чая-

ни тѣмъ причинить болѣзнь вору: онъ де станетъ пухнуть и черезъ годъ умереть.

Такой взглядъ на значеніе доказательствъ въ народномъ судѣ однако не соответствуетъ дѣйствительности и объясняется не столько самими свойствами народнаго юридическаго быта, сколько личнымъ характеромъ собирателей не юристовъ, которыхъ болѣе всего занимала обрядовая, бытовая сторона предмета и они только ее и заносили въ свои замѣтки, указывая на различные виды присяги и божбы (*божба до граду*, принятіе кусочка хлѣба съ конца ножа, самая дѣйствительная присяга для Чувашъ и Мордвы, влятва передъ медвѣжьей шкурой у сибирскихъ инородцевъ и т. д.). Односторонность такого матеріала, конечно, не могли пополнить случайные матеріалы въ видѣ корреспонденцій, сообщавшіе въ газеты разные курьезы изъ дѣятельности народныхъ судовъ.

Въ указателѣ литературы обычнаго права, Е. И. Якушкина¹⁾ при перечисленіи различныхъ видовъ судебныхъ доказательствъ въ народномъ судѣ (собственное признаніе, свидѣтельскія показанія, письменные акты, знаки собственности и присяга) объ уликахъ даже вовсе не упоминается, какъ будто онѣ вовсе не существуютъ въ народномъ судѣ. Г. Мулловъ въ своей статьѣ: „Нѣсколько словъ о матеріалахъ для объясненія народнаго юридическаго быта“, посвященной исключительно вопросу о доказательствахъ въ народномъ судѣ²⁾, приводитъ слѣдующій случай примѣненія улики волостнымъ судомъ при дѣлежѣ крестьянскаго дома, какъ примѣръ того, что крестьяне, кромѣ прямыхъ доказательствъ, допускаютъ и улики. Дядя, хозяинъ дома, дѣлившійся съ племянникомъ, хотѣлъ утаить хранившіяся у него деньги, нажитыя трудами всей семьи; именно—не отрицая существованія этихъ денегъ, онъ объявилъ, что во время бывшаго въ ихъ деревнѣ передъ тѣмъ пожара, въ суматохѣ не успѣлъ вынести ихъ изъ загорѣвшейся клѣтки. „А въ чемъ у тебя были деньги?“ спросилъ его одинъ изъ судей.— „Въ сундукѣ, вѣстимо въ чемъ“. Произвели обыскъ, и сундукъ оказался цѣль; такимъ образомъ неправда обличилась. Хотя по-

¹⁾ См. Систематическій Указатель, стр. 196 и 197 его книги: Обычное Право. Выпускъ I. Ярославль 1875 г.

²⁾ Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этнографіи, т. I.

чтенный авторъ ограничился однимъ только этимъ случаемъ ¹⁾, но примѣненіе, и притомъ весьма удачное, уликъ для обнаруженія правды на судѣ—явленіе далеко нерѣдкое въ нашемъ народномъ быту: съ этимъ—полагаю—согласится всякій, кому приходилось наблюдать дѣятельность присяжныхъ изъ крестьянъ и присутствовать при разбирабельствѣ дѣлъ волостнымъ судомъ.

Существованіе въ народѣ матеріальныхъ знаковъ собственности (пятна, знамена, мѣтки, тамги и тавры), служащихъ, такъ сказать, средствами для укрѣпленія правъ на имущество, и договорныхъ знаковъ или *бирокъ* свидѣтельствуетъ объ умѣннѣ народа извлекать доказательства изъ внѣшняго матеріальнаго міра, не ограничиваясь одними свидѣтельскими показаніями.

Этими семейными, родовыми и договорными знаками, подробно изслѣдованными г. Ефименкомъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи, волостные суды весьма удачно пользуются, какъ судебнымъ доказательствомъ, что подтверждается многими рѣшеніями волостныхъ судовъ, какъ этой, такъ и другихъ губерній, въ томъ числѣ и Самарской. Соскобленіе у домашней посуды того мѣста, гдѣ обыкновенно кладется семейное клеймо, въ мѣстностяхъ, гдѣ есть такое обыкновеніе, считается уликой въ кражѣ: такъ на примѣръ, были украдены стаканы и найдены совершенно такіе же у одного крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ, при чемъ дно (на которомъ ставится обыкновенно клеймо), оказалось соструганнымъ: это и послужило достаточною уликой въ признанію его виновности въ кражѣ (рѣшеніе Устьпаденскаго волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда). Мнѣ извѣстно подобное же рѣшеніе волостнаго суда Николаевскаго уѣзда: у крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ телеги, оказалась телега, одинаковая съ украденною, и притомъ вырѣзка или насѣчка ²⁾ на ея передкѣ, по которой можно было бы опредѣлить чья она, оказалась соструганною: на этомъ обстоятельствѣ волостной судъ и основалъ свое рѣшеніе.

¹⁾ Этотъ разсказъ заимствованъ г. Муловымъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* за 1862 г., № 77.

²⁾ Вырѣзка дѣлается на передкѣ телеги для ея украшенія, и какъ видно изъ этого рѣшенія волостнаго суда, можетъ служить примѣтой для опредѣленія ея принадлежности.

Знаки собственности встрѣчаются въ народномъ быту Самарской губерніи, хотя здѣсь они и не получили такого развитія, какъ на сѣверѣ. Мнѣ случилось видѣть ихъ только на лошадыхъ и на домашнемъ скотѣ, особенно на овцахъ, на которыхъ они встрѣчаются чаще всего. Я слышалъ также, что особыми мѣтками или мѣтками отмѣчаются срубленный дѣсь, топоры и другіе предметы. Существуютъ также особыя мѣтки для птицы: ей подсѣкаютъ ногти или разрѣзываютъ перенонну, (напримѣръ, у гусей — на ногахъ; впрочемъ птицеводство здѣсь мало развито. Порча знака или мѣтки на домашнемъ скотѣ строго преслѣдуется волостнымъ судомъ. Кража скота и лошадей съ перемѣной мѣтки имѣетъ значеніе особо преступной кражи въ глазахъ народа и обыкновенно наказывается розгами. Въ Трудахъ Комиссія о волостныхъ судахъ (т. VI, стр. 217) напечатано любопытное рѣшеніе Султаугуловскаго волостнаго суда, Бугурусланскаго уѣзда, изъ котораго видно, что Башкирецъ А., у котораго была украдена съ поля овца, *умчилъ* вора, нашедши у него овцу со своею мѣтой: *правое ухо стади попереку до половины — немного распорото*. Укравшій, когда на него пало подозрѣніе, хотѣлъ *подмитить* эту овцу подъ *мѣту* своего стада, но это было обнаружено на судѣ, который и приговорилъ его въ возвращенію овцы и въ наказанію 20 ударами розогъ.

Обычай мѣтить овецъ встрѣчается не только у инородцевъ Самарской губерніи, но и среди русскаго населенія. Пастухи и табунщики должны знать мѣту всѣхъ домохозяевъ деревни. Стадо или табунъ часто пасется въ степи далеко отъ деревни, такъ что въ случаѣ если падеть или будетъ зарѣзана звѣремъ (волкомъ) какая-либо штука изъ стада, пастухъ въ удостовѣреніе этого обстоятельства долженъ представить хозяину ея шкуру съ ушами, или по крайней мѣрѣ, одни уши. Въ случаѣ похищенія домашняго животнаго изъ стада звѣремъ шкура можетъ быть изодрана, но уши остаются цѣлы, такъ какъ звѣрь головы не ѣстъ, и пастухъ, который обязанъ въ этомъ случаѣ прослѣдить звѣря, долженъ принести уши хозяину, въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ отвѣтственности. Въ одномъ рѣшеніи Екатеринбургскаго волостнаго суда Самарскаго уѣзда (1871 г., № 48) прямо сказано: „Въ крестьянскомъ быту въ этомъ случаѣ существуетъ порядокъ такой, что въ случаѣ падежа каковой-либо скотины, если

уже не шекура ея, то уши для доказательства представляются хозьяну" ¹⁾.

Приведу еще одинъ случай изъ личной моей служебной практики. Въ 1871 году въ Самарскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію одного крестьянина табунщика въ похищеніи, вмѣстѣ съ другими лицами, лошадей изъ ввѣреннаго ему табуна; онъ судился за кражу въ третій разъ, и дѣло разсматривалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ составъ которыхъ вошли почти исключительно крестьяне. Судебное слѣдствіе по причинѣ сбивчивости показаній свидѣтелей, которые давали ихъ крайне безтолково и неохотно, опровергало выводы обвинительнаго акта; дѣло запуталось, и прокурорскій надзоръ отказался поддерживать обвиненіе, не обративъ вниманія на предложенный однимъ изъ присяжныхъ вопросъ, по видимому, весьма не важный и какъ бы вовсе не идущій къ дѣлу; именно—такъ какъ подсудимый табунщикъ вообще отрицалъ самую наличность факта преступленія, объясняя, что лошади вовсе не были украдены изъ табуна, а зарѣзаны волкомъ въ степи, то одинъ присяжный изъ крестьянъ спросилъ его: куда жъ онъ дѣвалъ уши павшихъ лошадей, и принесъ ли онъ ихъ хозяну. Оказалось, что онъ этого не сдѣлалъ, и это обстоятельство послужило поводомъ къ обвинительному приговору присяжныхъ, совершенно неожиданному для коронныхъ судей.

Доказательства въ народномъ судѣ—эта та область народного юридическаго быта, въ которой успѣшное собраніе матеріаловъ доступно только для юристовъ; но такъ какъ никто изъ мѣстныхъ

¹⁾ См. Труды Комиссіи о вол. судахъ. Томъ VI: Самарская губернія, стр. 6. Кроме того, въ Трудахъ Комиссіи встрѣчается еще нѣсколько рѣшеній, подтверждающихъ этотъ обычай, именно—въ Самарскомъ уѣздѣ рѣшенія суда Алексѣевской волости, стр. 57, № 4, и стр. 70, № 77; въ Вузлукомъ уѣздѣ рѣшенія Мало-Мамышевскаго волостнаго суда, стр. 106, № 52. Считаю не лишнимъ прибавить, что этотъ обычай существуетъ и въ другихъ уѣздахъ, хотя въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, напечатанныхъ въ Трудахъ, на это нѣтъ указаній.

²⁾ Надо сказать, что въ Самарской губерніи обыкновенно въ пастухи и табунщики нанимаютъ извѣстныхъ конокрадовъ въ томъ убѣжденіи, что никто лучше ихъ не устережетъ табуна, а въ случаѣ покражи никто такъ скоро не разыщетъ украденныхъ лошадей.

юристовъ на мою программу не отозвался, то матеріалы мои по этому отдѣлу весьма скудны и ограничиваются моими личными наблюденіями да немногими рѣшеніями волостныхъ судовъ, казъ напечатанными въ Трудахъ Комиссіи о волостныхъ судахъ, такъ и лично мною собранными. При такой скудности матеріаловъ писать специальное изслѣдованіе о доказательствахъ въ народномъ судѣ Самарской губерніи дѣло очевидно невозможное, и притомъ едва ли не излишнее, такъ какъ эта часть народнаго обычнаго права Самарскаго края представляетъ весьма мало оригинальнаго и отличнаго отъ другихъ губерній.

Можно однако замѣтить, что арсеналъ доказательствъ, практикуемыхъ здѣсь народнымъ судомъ, бѣднѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Ничего новаго въ этомъ отношеніи Самарцы не изобрѣли, а изъ стараго кое-что позабыли. Напримѣръ, на сѣверѣ существуетъ старинный изъ глубокой древности ведущійся обычай въ случаѣ спора о межахъ обращаться къ суду матери сырой земли; обычай этотъ сохранившійся до сихъ поръ въ Олонецкой губерніи ¹⁾, заключается въ томъ, что одна изъ сторонъ, по взаимному соглашенію, взявъ на голову глыбу дерна или земли, обходить такимъ образомъ межу, которая послѣ того считается безспорною. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто глыбы земли одна изъ сторонъ беретъ особенно чтимую икону и съ нею обходить спорную межу. Въ Самарской губерніи этотъ обычай, вѣжестся, не извѣстенъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось его обнаружить, и о существованіи его я даже не слышалъ отъ мѣстныхъ сторожиловъ и знатоковъ края. Это объясняется, можетъ быть, дешевизной земли, которая здѣсь очень недавно стала подыматься въ цѣнѣ; немного лѣтъ тому назадъ земля стояла здѣсь такъ дешево, что упорная тяжба изъ-за какого-нибудь клочка земли не могла и возникнуть. Здѣшніе старики изъ крестьянъ помнятъ то привольное и блаженное, по ихъ разказамъ, время, когда никому не было запрета косить сѣно гдѣ вздумается, сколько косецъ могъ самъ унести, а то пожалуй, и увезти на одномъ возу.

Обрядовая сторона, конечно, играетъ и здѣсь видную роль при

¹⁾ По свидѣніямъ, доставленнымъ изъ Каргопольскаго уѣзда сельскимъ учителемъ г. Соколовымъ.

опредѣленія значенія и силы доказательствъ въ народномъ судѣ. „Можно крестъ цѣловать, да какъ цѣловать“, говорятъ крестьяне;— „воръ и крестъ воровски цѣлуешь, Бога обмануть нарочить“. Тому кто неправильно показывалъ подъ присягой, говорятъ: „Видно ты крестъ носомъ цѣловалъ“. Въ сомнительныхъ случаяхъ предлагаютъ тяжущихся *взять дѣло на соотсть*, то-есть, побоятся передъ образомъ, или рѣшаютъ дѣло по правилу *трьхъ-пополамъ*. Первый способъ рѣшенія дѣлъ впрочемъ чаще практикуется скодомъ стариковъ или сельскимъ скодомъ, чѣмъ волостнымъ судомъ.

Народный голосъ осуждаетъ судъ, который плодитъ неправильные иски, ябеды; на этотъ счетъ даже сложилась пословица: „Богъ любитъ праведника, а судья любитъ ябедника“. Другая характерная пословица, которую мнѣ привелось слышать на Волгѣ, и которая выражаетъ разладъ, сознаваемый народомъ между его бытомъ и понятіемъ о правдѣ и писаннымъ закономъ: „Законъ что дышло, куда хочешь туда и воротишь“, говорятъ понизовые крестьяне, и затѣмъ прибавляютъ: „Законъ нужды не знаетъ, а черезъ—шагаетъ“.

Приложенія.

I.

Духовное завѣщаніе.

(Боровской волости Бузулукскаго уѣзда).

1871 года января 16-го. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Я, нижеподписавшая Самарской губерніи Бузулукскаго уѣзда Боровской волости села Домнатовки государственная крестьянка Агапія Алексѣева, по мужѣ Начарова, находясь въ здоровомъ разсудкѣ и свѣжей памяти, по согласію своего мужа Ефрема Васильева Начарова, заблагоразсудила сдѣлать сіе завѣщаніе, въ присутствіи отца своего духовнаго, священника Петра Архангельскаго, при сельскомъ старостѣ Иванѣ Неделецкѣй и при постороннихъ свидѣтеляхъ с. Домнатовки государственныхъ крестьянахъ Ѳеодосѣй Чернышовѣ, Ѳеодорѣ Кондратьевѣ, Степанѣ Нестеровѣ, Тихонѣ Кондратьевѣ, Сидорѣ Нестеровѣ, Никанорѣ Назаровѣ, Дмитріѣ Ярославцевѣ въ томъ, что я Начарова послѣ умершаго своего перваго мужа деревни Колташевки крестьянина Степана Яковлева Козлова оставшимся дѣтямъ дѣвцамъ Евдокіи 10 лѣтъ и Агриппинѣ 4 лѣтъ, предоставляю въ полное владѣніе оставшуюся послѣ умершаго мужа Козлова избу, перенесенную изъ деревни Колташевки въ с. Домнатовку, выстроенную изъ сосноваго лѣса; какъ на воспитаніе, такъ и на выходъ изъ въ

замужестве ты ибѣ должна послушать нѣх дочерямъ Евдокіи и Агриппинѣ, а надворное стрѣліе, состоящее при дворѣ, предоставило мужу своему Ефрему Васильеву Назарову, со всею охотой и хлѣбомъ, съ тѣмъ, чтобы дѣти мои въ это не вступали; что же касается дома въ случаѣ какого-либо могущаго произойти отъ воли Божіей или неблагонравнаго человѣка, то-есть, отъ пожара, то страховка съ домъ деньгами должна послушать тѣмъ моимъ дочерямъ.

Каковое завѣщаніе мое по распоряженію моему должно быть соблюдено по всей справедливости 1870 года декабря 11-го дня, къ подлинному завѣщанію по личной просьбѣ завѣщательницы и мужа ея, крестьянки с. Домнатовки, Агапіи Алексѣевой и мужа ея Ефрема Васильева Назарова, подписанъ крестьянинъ Федоръ Кондратьевъ. Что духовная эта писана крестьянкой Агашьей Алексѣевой Назаровой въ здоровомъ разсудкѣ и свѣжей памяти и подписано ей правильно, въ томъ свидѣтельству духовный отецъ ея Бузулукскаго уѣзда с. Домнатовки Казанско-Богородицкой церкви священникъ Петръ Архангельской и приложена церковная печать.

Въ томъ же свидѣтельствемъ односельцы государственные крестьяне Феофанъ Чернышовъ, Федоръ Кондратьевъ, Степанъ Нестеровъ, Тихонъ Кондратьевъ, Сидоръ Нестеровъ, Никаноръ Назаровъ, Дмитрій Ярославцевъ а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по личной просьбѣ росписанъ крестьянинъ Федоръ Кондратьевъ, при томъ свидѣтель былъ при написаніи подлиннаго завѣщанія сельскій староста Иванъ Евдокимовъ Неденевъ, а по безграмотству приложилъ должностную печать.

II.

Рѣшеніе волостнаго суда Султангуловской волости Бугурусланскаго уѣзда 11-го іюля 1871 года.

Слушали словесное заявленіе сельскаго старосты И., заключающееся въ томъ, что башкирецъ А. въ первыхъ числахъ минувшаго Мая ему объявилъ, что въ прошломъ году осенью съ поля пропала принадлежащая ему овца шерсти бѣлой, у коей правое ухо сзади поперегъ (до половины) немного распорото, между тѣмъ весною сего года овцу эту онъ призналъ у Х. уже съ ягненокъ; по освидѣтельствваніи же Н. и башкиромъ К. мѣта у опознанной А. овцы оказалось та самая, какая и у другихъ овецъ А., а къ овцамъ Н. вовсе не подходитъ, такъ какъ у овецъ его правое ухо съ конца порото и сзади поперегъ немного разрѣзано, но по осмотру у опознанной овцы распорота съ конца знака вовсе не оказалось; Х. же на другой день овцу эту подмѣтилъ подъ свою мѣту, то-есть, разрѣзалъ ухо, что показали проситель А. и свидѣтель К. Отвѣчиль же Х. противу сего возразилъ, что овца эта принадлежитъ ему; что же касается до неимѣнія у опознаваемой овцы на правомъ ухѣ разрѣзаннаго знака, то таковой будто бы заросъ, подмѣтивъ же овцу подъ свою мѣту его побудило то, что староста по окончаніи осмотра ему ничего не объяснилъ, почему онъ и полагалъ, что овца эта должна поступить въ его пользу, но какъ при тоекратномъ требованіи волостнаго суда, состоявшагоса собственно для сего предмета, и въ разное время для осмотра овцы, Х. таковую не представлялъ, а отказался, что судьи таковую никогда не увидятъ, да и не дозволить дѣлать таковой личный осмотръ, при чемъ старшина представилъ въ волостной судъ прошеніе Х., писанное на татарскомъ діалектѣ, которымъ просить его възсказать съ А. за про-

дориъ сказанной оцци деньги за все время столько, сколько будетъ причитаться, а потому волостные судьи, по разсмотрѣніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ этого дѣла, опредѣлили: какъ по убѣжденію нашему признаемъ X. въ присвоenanіи къ своей собственности принадлежащей A. оцци виновнымъ, то таковую вмѣстѣ съ агненкомъ отъ него отобрать и вручить A., а за самовольную подѣлку мѣти и неоповѣщеніе волостному суду, на основ. ст. 102 Общ. Полож., наказать розгами 20 ударами.

(Изъ Трудовъ Коммиссіи о Волостныхъ Судахъ).

И. Матвѣевъ.

16-го декабря
1876 года.

ДОГОВОРЪ НАЙМА ПАСТУХОВЪ ¹⁾.

Никогда у нихъ (крестьянъ) не возникаетъ по поводу такихъ договоровъ недоразумѣній ни между собою, ни съ пастухами; стало быть, есть-какія нибудь точныя правила, по которымъ разбираются казусные случаи; но эти правила нигдѣ не записаны, не возведены въ юридическія начала.

К. Кавелинъ.

(Письма изъ деревни).

Обыкновеніе сѣверныхъ крестьянъ обходиться безъ пастуховъ и причина его.— Очередная пастьба скота во внутреннихъ губерніяхъ.— Возрѣнія крестьянъ на пастуха.— Предварительныя свѣдѣнія о наймѣ пастуховъ.— Время и способъ заключенія договора съ пастухами.— Условія договора: сроки пастьбы, способы вознагражденія пастуха; череды и ихъ значеніе.— Раскладка и сборъ пастушной платы, способы и сроки ея уплаты.— Обязанности пастуха.— Отвѣтственность его за утрату скота и за погравы.— Нарушеніе и прекращеніе договора пастухомъ и обществомъ.

Обычай нашего крестьянства, опредѣляющіе отношеніе сельской общины и отдѣльныхъ ея членовъ къ пастухамъ, какъ и всѣ вообще народныя юридическіе обычаи, могутъ быть отнесены къ двумъ категоріямъ: одни изъ нихъ общи всему русскому населенію, другіе, которыхъ, вѣжется, немного, присущи лишь отдѣльнымъ мѣстностямъ. Первые изъ нихъ порождены общими историческими, географическими, и главнымъ образомъ, экономическими условіями; вторые суть результаты мѣстныхъ особенностей того или иного края. А какъ наиболѣе рѣзкими особенностями гео-

¹⁾ Въ комиссіи для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при Географическомъ Обществѣ подъ предѣтельствомъ Н. В. Калачова, не разъ была высказываема мысль о необходимости сгруппиро-

графическими, климатическими, экономическими и т. д. отличаются крайний сѣверъ и южныя губерніи, въ особенности степныя, то разумѣется, въ этихъ именно окраинахъ всего замѣтнѣе проявляется разница въ указанныхъ выше обычаяхъ. Нужно однако сказать, что мы пока имѣемъ еще мало данныхъ для географическаго распредѣленія интересующихъ насъ обычаевъ, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можемъ сказать — примѣняется ли данный обычай лишь въ известной мѣстности, или же районъ его распространенія довольно обширенъ. Какъ бы то ни было, мы считаемъ необходимымъ по возможности распредѣлить приводимые ниже обычаи по нѣсколькимъ полосамъ.

Русское населеніе крайняго сѣвера (Архангельская губернія) не только отпускаетъ нерѣдко свой скотъ пастись на лугахъ, остро-

вать уже собранные и обнародованные юридическіе обычаи. Предположеніе это имѣетъ за себя много доводовъ, главнымъ же образомъ то, что большая часть обнародованнаго до сихъ поръ матеріала по обычному праву недоступна не только для публики, но и для людей науки, такъ какъ она разбросана, и такъ сказать, погребена въ массѣ изданій, по преимуществу періодическихъ и большою частью провинціальныхъ. Въ виду выше упомянутой мысли я задался цѣлью сдѣлать въ какой-нибудь частной области обычнаго права опытъ такой группировки и остановился на договорѣ найма пастуховъ, такъ какъ у меня по этому предмету оказался достаточно полный матеріалъ. Итакъ, въ настоящей статьѣ сгруппированы почти всѣ матеріалы, указанные въ почтенномъ трудѣ Е. И. Якушкина по библиографіи обычнаго права. Но я внесъ въ мою статью также матеріалы и нигдѣ еще не обнародованные а именно: все то, что мнѣ удалось получить отъ разныхъ лицъ въ Архангельской губерніи, то, что записано мною лично въ Самарской губерніи или извлечено изъ рукописныхъ описаній отдѣльныхъ селеній этой губерніи, хранящихся въ мѣстномъ Статистическомъ Комитетѣ, или доставлено священникомъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда І. Архангельскимъ. Кроме того, сюда включены и письменные матеріалы, собранные Е. И. Якушкинымъ въ Ярославской и Нижегородской губерніяхъ. Не могу не выразить искренней благодарности этому изслѣдователю обычнаго права за его обязательное сообщеніе мнѣ матеріаловъ, какъ лично записанныхъ имъ, такъ и помѣщенныхъ въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ, которыхъ я не могъ достать. Долгъ справедливости требуетъ выразить также признательность и священнику І. Архангельскому, такъ разумно относящемуся къ обычному праву, за его разъясненія многихъ вопросовъ, касающихся найма пастуховъ, въ сообщенныхъ имъ матеріалахъ.

И. Е.

вахъ и въ лѣсахъ безъ пастуховъ, но и оставляетъ его тамъ почти безъ всякаго надзора въ продолженіе всего лѣта. Въ особенности овцы по долгу ходятъ на подножномъ корму безъ береженія даже мальчиговъ. Лошадей также бросаютъ зачастую на произволъ судьбы на пастбищахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, и это иногда доводитъ до того, что иная лошадь *облѣшаетъ*, какъ говорятъ крестьяне, то-есть, одичаетъ, перестанетъ быть ручной, бродя по лѣсу. Такимъ образомъ скотъ гуляетъ гдѣ ему вздумается, иногда уходя отъ жилья въ разныя стороны за десятки верстъ; при этомъ онъ обыкновенно остается цѣль и невредимъ.

Отдѣльные случаи нападенія дикихъ звѣрей на скотъ и засѣданія его въ топи, конечно, бываютъ, но не столь часто, чтобы побуждать жителей къ обзаведенію ради этого пастухами. Въ лѣсахъ крайняго сѣвера, за исключеніемъ открытой запечорской тундры, волковъ чрезвычайно мало, а главнымъ врагомъ скота является „черный звѣрь, широколапый медвѣдь“, противъ котораго крестьяне стараются принимать свои мѣры. Овцы чаще всего подвергаются нападенію домашнихъ собакъ, но за это строго выскивается, и ихъ домохозяева почти все лѣто держатъ на привязи ¹⁾.

Иногда крестьяне, не желая, чтобы ихъ скотъ (въ особенности телята и овцы, а въ иныхъ мѣстахъ и лошади) бродилъ по волѣ и удалялся въ лѣсъ, держатъ его въ загороженныхъ мѣстахъ, вблизи отъ селеній, въ такъ называемыхъ *телятникахъ* ²⁾. Въ Пинежскомъ уѣздѣ подъ такія отгороженные мѣста назначается всегда земля плохого качества съ тощею мелкою растительностію которой даже и для телятъ иногда бываетъ недостаточно, такъ что хозяева бываютъ принуждены носить туда свѣженакошенную траву или сѣно. Лошади же, оставляемыя для работъ, пасутся въ лугахъ на *коновязяхъ* (мѣсто, гдѣ вбитъ въ землю приколь, въ которому привязывается лошадь арканомъ).

За пастухами въ Архангельской губерніи ходить, и то не вездѣ,

¹⁾ *Архан. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 57: Обычай въ губерніи не пасты скота. Н. Ивонинъ.

²⁾ Въ Сибирѣ называется *телятникомъ* также особый большой дворъ на выгонѣ для телятъ. Опытъ области. великор. словаря, изд. Акад. Наукъ.

лишь коровы да оленьи стада въ пустынныхъ тундрахъ. Не держать пастуховъ даже въ нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ городовъ. Такъ, въ Пинегѣ нѣтъ ни пастуха, ни особаго надсмотрщика, за тѣмъ, чтобы коровы не бродили по городу, Въ Холмогорахъ занимается лишь караульщикъ или привратникъ, который сидитъ у устроенныхъ на лѣто при въѣздѣ въ городъ воротъ и трещоткой отгоняетъ скотъ отъ входа въ городъ, но вовсе не пасетъ скота. И въ селахъ имѣютъ иногда островныхъ и полевыхъ сторожей, которые наблюдаютъ за исправностью изгородей и охраняютъ поля или луга отъ погравъ скотомъ. Въ упомянутыхъ выше городахъ для доенія коровъ, ежедневно, въ извѣстные часы дня, отправляются женщины къ стаду, которое привыкло къ опредѣленному времени подходить ближе къ городу. Въ нѣкоторыхъ селахъ принято такое же обыкновеніе, напримѣръ, въ Курь-островѣ, Холмогорскаго уѣзда. Такой порядокъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ тому благоприятствуютъ условія мѣстности, гдѣ скотъ пасется на ближайшихъ островахъ (Пинега, Курь-островъ), или гдѣ мѣстность значительно открытая, но ограждена естественными границами (рѣками), не позволяющими скоту переходить черезъ нихъ и скрываться (Холмогоры). Въ другихъ мѣстахъ считается не возможнымъ обойтись безъ пастуха для коровъ. Пастухи для овецъ и лошадей составляютъ рѣдкость. Мнѣ извѣстно, что конскій пастухъ есть, напримѣръ, въ с. Лямицѣ, Онежскаго уѣзда овечьи пастухи—у крестьянъ сс. Матигоръ (близъ г. Холмогоръ) и Карьпольскаго (Пинежск. у.). Овцы пасутся также за особымъ пастухомъ въ с. Ступинѣ, на Двинѣ (Холмог. у.), куда свозятся онѣ изъ всѣхъ ближайшихъ деревень (верстъ за 20 вокругъ); тамъ онѣ помѣщаются бесплатно въ чьемъ-нибудь дворѣ, кто пожелаетъ ихъ взять; за это хозяинъ двора пользуется лишь навозомъ отъ овецъ ¹⁾).

Указанное выше обыкновеніе архангельскихъ крестьянъ—обходится во многихъ случаяхъ безъ пастуховъ извѣстно и въ другихъ

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 57, также рукопись *П. А. Иванова* о пастьбѣ скота въ Пинежск. у. Изъ послѣдней рукописи взяты всѣ свѣдѣнія, касающіяся найма пастуховъ въ Пинежск. у. Арханг. губ. Свѣдѣнія о другихъ мѣстностяхъ Арханг. губ. или лично собраны мною, или взяты изъ рукописныхъ отвѣтовъ на программу общаго права, доставленныхъ разными лицами.

сѣверныхъ губерніяхъ, наиримѣрь, Олонецкой, Вятской, Вологодской и проч. Такъ, прибрежные жители Ладожскаго озера, переводя скотъ съ берега на островъ Коневецъ, оставляютъ его на тамошнихъ пастбищахъ въ теченіе цѣлаго лѣта безъ всякаго надзора ¹⁾. Отсутствіе пастуховъ въ Вятской губерніи засвидѣтельствовано еще недавно ходатайствомъ Малмыжскаго уѣднаго земскаго собранія о введеніи обязательной пастбы скота. Этою мѣрою собраніе надѣется достигнуть не только охраненія скота отъ истребленія хищными звѣрями, но и уменьшить истребленіе лѣсовъ ²⁾.

У крестьянъ Вологодской губерніи лошади и мелкій скотъ не пасутся за пастухомъ, а отпускаются на волю Божію, и случается такъ, что иной хозяинъ не видитъ цѣлое лѣто своей овцы или барана, а иногда лошади уходятъ врозь за 20—30; только коровъ пригоняютъ домой каждый день, а лошади берутся лишь тогда, когда они понадобятся для какой-либо работы. Такъ, по крайней мѣрѣ, водятся въ Устьинскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ. Тамъ не отводится особой земли для пастбы домашнихъ животныхъ, если подъ стѣнъ разужить какое-нибудь опредѣленное мѣсто, имѣющее извѣстныя точныя границы, а весь скотъ, исключая развѣ коровъ, можетъ, какъ сказано выше, бродить вездѣ. Выгоны не распределены даже между обществами; они обыкновенно состоятъ изъ пустой и не занятой никѣмъ земли, слѣдовательно, заключаютъ въ себя все, что окружаетъ извѣстную волость общество или деревню, а потому и пользованіе ими не ограничено ни какими правилами. Впрочемъ, для коровъ иногда отводятъ особые выгоны: это—лѣта со стороны лѣса, отдѣленные иногда огородами, иногда засѣвами изъ поваленныхъ въ извѣстномъ направленіи крупныхъ деревьевъ. Засѣвы дѣлаются чаще всего тогда, когда медвѣдь приберетъ къ себѣ какую-нибудь корову. Во избѣжаніе погравъ пахотныя поля и сѣнокошныя луга всегда огораживаются изгородями изъ жердей ³⁾. Въ Восточной Сибири (Иркутская губернія и Камчатка)

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 57.

²⁾ *Правит. вѣстн.* 1877 г., № 28.

³⁾ *Молода* 1876 г., № 31. Материалы для изученія общиннаго землевладѣнія, *Остроумова*.

пастбища также ограничиваются особыми изгородями, которые носят название *поскотинъ* ¹⁾, Кроме поскотинъ скотъ пасется на воляхъ и на другихъ мѣстахъ, и пастуховъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ нѣкъ при овцахъ ²⁾.

Въ Архангельской губерніи, подобно тому какъ и въ Вологодской, можно часто замѣтить, что въ одной поскотинѣ пасется скотъ, принадлежащій различнымъ деревнямъ и селамъ, даже владѣльцамъ, особенно, когда поселенія находятся на одной и той же сторонѣ рѣки. Это можно объяснить, во первыхъ, тѣмъ, что земли нѣсколькихъ деревень дѣйствительно лежатъ зачастую въ площади общаго владѣнія и особнхъ границъ не имѣютъ, такъ какъ крестьянскія земли въ губерніи вообще (за исключеніемъ удѣльныхъ земель Шенкурскаго уѣзда) не разграничены, а во вторыхъ, тѣмъ, что хотя крестьяне иногда и знаютъ предѣлы своимъ угодьямъ, но по старинному обыкновенію и вслѣдствіе изобилія пустопорожнихъ земель, не воспрещаютъ пользоваться ими сосѣдямъ для пастбы скота. Бываетъ однако и такъ, что отдѣльными селами имѣютъ свои особны поскотинны (выгоны), огороженные изгородью, которая называется *поскотиннымъ огородомъ* или *оскою* (засѣка).

Полей и *поженъ* (сѣновосныя мѣста) никогда не оставляютъ безъ изгородей, хотя бѣ они лежали вдоль *почтовика* (почтовая дорога); при началѣ селеній въ этихъ изгородяхъ, для пробада и прогона скота, устраиваются особаго рода ворота изъ жердей. Кроме изгородей, принадлежащихъ отдѣльнымъ деревнямъ, на крайнемъ сѣверѣ бываютъ еще изгороди общія нѣсколькимъ деревнямъ или селамъ: ихъ устраиваютъ въ такихъ случаяхъ, когда пожни одной деревни перемежаны съ пожнями другой, или на островахъ, находящихся въ пользованіи двухъ-трехъ селеній, если на нихъ рядомъ съ пожнями имѣются поскотинны, или рѣка не очень широка, такъ что скотъ можетъ переплывать на такой островъ. Подобныя изгороди имѣютъ важное значеніе для

¹⁾ Въ Тверской губерніи огороженное мѣсто, назначенное для пастбы скота, называется *примуръ*, а въ Пермской *рудка*. Оमितъ области. великор. словаря, изд. Ак. Наукъ.

²⁾ *Мадико-топоръ. Сборникъ* 1870 г.: Верховскій округъ Иркутск. губ. Штерка, стр. 157.

крестьянъ, наприѣвъ, по отношенію къ потравѣ, и сельскіе жители строго блюдутъ за нихъ чуждостью и чужестранствомъ.

Но поводу такихъ изгородей иногда заключаются особые договоры между жителями сосѣднихъ поселеній. Такъ наприѣвъ, между крестьянами сс. Воньги, Цымоли и Валдоурьи, совместно съ Пинежскими мѣщанами, заключенъ полюбовный актъ, въ силу котораго названнныя владѣльцы сѣнежесовъ на Большомъ Наваловѣ (островъ противъ г. Пинеги, между рѣчками Вонгой и Волочанкой) обязались навсегда, чтобы *стѣну* ¹⁾ имъ ставить не позже Иванова дня (20-го іюня), а разрубать не ранѣе Семеменова дня. Такое соглашеніе состоялось въ виду того, что въ названномъ островѣ за оскон (затѣка) дается скотъ означенныхъ поселеній, могущій сдѣлать поправу съ весны истоптаніемъ травы, а поздъ осень истребленіемъ скошеннаго сѣна ²⁾. Иногда между крестьянами одного и того же общества происходятъ изъ-за частыхъ поправъ несогласія и споры, вслѣдствіе того, что скотъ, въ особенности лошади, не будучи оберегаемъ пастухомъ, повсемѣстно бродитъ. Тогда общество составляетъ приговоръ отвести для бродящаго скота особую поскотину, огородивъ ее изгородью, и при этомъ опредѣляетъ мѣры отвѣтственности за поправу, но все же не назначаетъ пастуха ³⁾.

Изъ всего сказаннаго выше мы видимъ, что изобиліе лѣсовъ на сѣверѣ обусловило собой всеобщее распространеніе полевыхъ, луговыхъ и отчасти пастбищныхъ изгородей, а присутствіе большаго или меньшаго числа изгородей въ значительной степени повліяло на характеръ надзора за стадами, а именно—существованіе изгородей, защищающихъ поля отъ поправъ, послужило причиною образованія общаго или вовсе не держать пастуховъ, или имѣть ихъ лишь для такого рода скота, который долженъ быть ежедневно пригоняемъ домой: „Въ мѣстахъ лѣсныхъ и особенно въ Сѣверной Россіи,“ подтверждаетъ „Ручная книжка для грамотнаго поселяннина“ (С.-Пб., 1866, стр. 107),—„огораживаютъ поля и луга отъ поправы скотомъ, для котораго и не держатъ особаго пастуха“.

¹⁾ Стѣной называется изгородь общаго нѣсколькимъ деревнямъ.

²⁾ О пастбищѣ свята въ Пинежск. уѣздѣ П. Исмаиловъ.

³⁾ Наприѣвъ, приговоръ крестьянъ д. Устьцильми, Замечерскаго края, состоявшійся 18-го мая 1869 г.

Само собою разумеется, что если бы не благоприятствовали другія мѣстныя условія, обыкновеніе обходиться безъ пастуховъ не могло бы удержаться. Въ таинимъ условіямъ относятся незначительность преступленій кражи скота и обиліе пустокоромныхъ, гнѣснщнхъ и болоуистыхъ мѣсть, такъ что они нерѣдко не разграничиваются даже между крестьянскими обществами разныхъ волостей; если бы чужому скоту никогда не дозволялось переходить за предѣлы земель извѣстнаго поселенія, то въ такомъ случаѣ, равно какъ и при значительномъ развитіи кражъ скота, не возможно было бы обойтись безъ пастуховъ.

Во внутреннихъ и южныхъ губерніяхъ стада обыкновенно ходятъ за пастухами. Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, изобилующемъ лѣсами, значительными по пространству, именно по изобилію лѣса, оставить стадо безъ пастуха считается крайнимъ непорядкомъ, въ виду изрѣдко случающихся нападений волка или лихаго человѣка ¹⁾. Но въ другихъ губерніяхъ той же полосы бываютъ исключенія изъ этого правила. Такъ въ Пензенской губерніи существуетъ даже особое названіе для скота пасущагося безъ пастуха, — *вольница*. Въ другихъ мѣстахъ иногда какой-либо мелкій скотъ, напримѣръ, телята, бродитъ безъ постоянного надзора на отведенномъ для него мѣстѣ. Въ с. Крakovѣ, Самарскаго уѣзда, весь скотъ долженъ быть въ стадѣ. Исключеніе составляютъ обьягившіяся во время лѣта или весны овцы. Онѣ съ недѣлю не гонятся въ стадо, гуляя на выпускѣ. Потому телята-*поюны*; они остаются дома, внѣ телячьаго стада по необходимости же, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Родившіяся теленки требуютъ шести-семи недѣль домашняго ухода (*выпойки*), прежде нежели сдѣлается способнымъ къ подожному корму. Затѣмъ онѣ могъ бы быть отправлены въ телячье стадо, но хозяину не хочется уплатить денегъ за первый періодъ пастбы (до 29-го іюня), когда теленку остается провести въ стадѣ двѣ-три недѣли или нѣсколько дней. Поэтому большая часть телятъ, родившихся въ первый періодъ пастбы, гуляютъ по задворкамъ и на выгонѣ,

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія на счетъ пайки пастуховъ въ Даниловск. уѣздѣ Яросл. губ. заимствованы изъ рукописи г. Ушалева, доставленной мнѣ Е. И. Якушкинымъ.

до начала второй половины, съ которой и должны поступать въ стадо. Родившіеся же во второй половинѣ большею частью вовсе не попадаютъ въ стадо. Впрочемъ на злоупотребленіе въ этомъ случаѣ смотреть снисходительно. Жалобу: „некуда или нельзя выпустить теленка“ крестьянинъ считаетъ самою резонною и заслуживающею общаго сочувствія. Законъ о потравѣ теленкомъ считается въ крестьянствѣ обиднымъ и несправедливымъ ¹⁾. Рабочій скотъ, во время полевыхъ работъ или во все лѣто, также кое-гдѣ оставляется безъ пастуховъ. Но въ другихъ мѣстахъ для пастьбы рабочаго скота, въ особенности лошадей, введенъ особый порядокъ, примѣняемый иногда даже къ коровамъ. Общество не нанимаетъ пастуха, а приговариваетъ пасти скотъ самимъ крестьянамъ по очереди дворовъ. Нерѣдко очередь отбываютъ по два крестьянина, при чемъ одинъ караулитъ днемъ, другой ночью ²⁾. Но бываетъ и такое распределеніе: для дневной пастьбы назначается одно лицо (то-есть, отъ одного двора), а для ночнаго караула два лица (отъ двухъ дворовъ). Въ послѣднемъ случаѣ они стерегутъ или одновременно, или по очереди: одинъ съ вечера до полуночи, другой—съ полуночи до разсвѣта. Дворъ можетъ посылать для караула не только взрослыхъ мужчинъ, но и женщинъ и даже мальчиковъ ³⁾.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи пастьба скота самими крестьянами производится только тогда, когда они не успѣли съ весны порядить себѣ подходящаго пастуха, и еще среди лѣта, если они прогнали пастуха за крайнее нерадѣніе его или пьянство, а также тогда, когда самъ пастухъ сошелъ отъ нихъ и порядился въ другую деревню подороже. Тамъ съ самой весны по Петровъ день зачастую пастухи сходятъ съ мѣста изъ-за жалованья, чтобы подороже взять. Особенно этимъ отмѣчаются Архангельцы, ребята,

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о пастьбѣ скота и наймѣ пастуха въ с. Краковѣ, Самарск. у., заимствованы изъ письменныхъ отвѣтовъ свящ. І. Архангельскаго и рукописнаго описанія села Кракова, находящагося въ Самарск. стат. книгѣ.

²⁾ Труды Комиссіи для преобраз. вод. судовъ, т. VI, стр. 243: Самарск. губ., Вуггурск. у.; VI, 57: Саратов. губ.

³⁾ Тамъ же, I, 219: Тамб. губ., Спасск. у.; II, 467: Моск., Колом.; III, 132: Ярослав. губ., Мологск. у.

привыкшіе переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного хозяина къ другому. Архангельцы и Вологжане, какъ мужчины, такъ и женщины, цѣлыми партіями переходятъ, обыкновенно на Егорьевъ день, въ Даниловъ и на базары въ торговня большія села, гдѣ ихъ и рядятъ, кого въ пастухи, кого въ подпаски, работники и работницы. Если случится уже такая бѣда, что пастуха не окажется въ деревнѣ по какой бы то ни было причинѣ, то *десятокъ*, то-есть, всѣ домохозяева, правящіе большинство и составляющіе деревенскій сходъ, соберутся, и потолковавъ промежь собою, устанавливаютъ *череду* (очередь) пасти скотину всею деревней. Въ основаніе очереди постоянно принимается число *скотинъ* (чередовъ) каждаго домохозяина. Во время работъ, лошадей по ночамъ на пожнѣ всегда пасутъ сами хозяева, посылая для этого каждый отъ своего дома кого-нибудь изъ мальчиковъ, дѣвушекъ, взрослыхъ. Въ вешнюю пашню по ночамъ не пасутъ лошадей, такъ какъ до 1-го іюня травы вообще плохо поднимаются, слѣдовательно, скотинѣ голодно на пожняхъ, и пасти не стоитъ, а напротивъ рабочую лошадь кормятъ въ эту пору дома, стараясь содержать ее какъ можно лучше. Въ навозницу (около 16-го іюня), въ паровую пашню (когда пахутъ вывезенное подъ рожь удобреніе) и затѣмъ въ августѣ, когда раздѣлываютъ годовую пашню подъ посѣвъ ржи, лошадей пасутъ по ночамъ. Ихъ обыкновенно спутываютъ на ночь, треножать или навязываютъ на *ужнице* (длинная веревка), а иногда смиренныхъ лошадей прямо пускаютъ на волю и артелью стерегутъ всѣ, чьи лошади пасутся; берутъ съ собою собакъ, разводятъ костеръ и коротаютъ время, какъ умѣютъ. На утро ловятъ лошадей на узду, приводятъ домой и сдаютъ пастуху съ ружъ на руки.

Во многихъ мѣстностяхъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи вслѣдствіе отдаленности пастбищъ отъ селъ и скудости травъ, рогатый скотъ также оставляется на нѣкоторое время на пастбищѣ на ночь; поэтому туда каждое утро и вечеръ женщины цѣлымъ селеніемъ ходятъ донить коровъ; въ такомъ случаѣ по ночамъ бываетъ очередная сторожъ ¹⁾).

Въ с. Сопелвахъ, Ярославской г., пастьбу лошадей во время ночи

¹⁾ Яросл. Губ. Вид. 1864 г., № 1.

(ночѣе, ночѣма, конюшѣе) крестьяне управляютъ во лошадиныѣ чередомъ; до времени сѣнокоса каждый чередъ стережетъ одну ночь, послѣ сѣнокоса съ двухъ чередовъ одну ночь. Во время же самого сѣнокоса, дней пятнадцать, лошадей ночью пасетъ пастухъ, нанятый для пастбы всего скота. Въ мѣстности, называемой Гамаянщиной, которая лежитъ противъ г. Калуги, за р. Окой, и состоитъ изъ 17 деревень, пастуховъ нанимаютъ только для рогатаго скота и свиней, для лошадей же нѣтъ пастуховъ, такъ какъ онѣ безпрестанно въ работѣ, а въ промежуткѣ сами хозяева караулятъ ихъ. По ночамъ конскій табунъ соединяется, и для пастбы его посылаются отъ cadaго двора по челоуѣку, но большей части дѣти отъ 7 до 14 лѣтъ. Изъ этого общества одинъ (по очереди дворовъ) остается караулить на всю ночь; а остальные спать возлѣ табуна. Въ очереди караулить табуна на всю ночь приходится за двѣ лошади ¹⁾.

Лица, надзирающія за скотомъ по очереди, называются у крестьянъ *очередными караульщиками* или *караульными*, также *сторожами*, а не то—просто пастухами ²⁾. Въ Малороссіи ночные караульщики конскихъ табуновъ носятъ названіе *ночмошникивъ*. Что касается до настоящихъ пастуховъ, то они въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи, и смотря по роду скота, который пасутъ, получаютъ особныя названія, именно: *бараниникъ*—пастухъ барановъ и овецъ (Симбирск. г.), *овчаръ, чабанъ* (Бурск. г.)—пастухъ овецъ, *телятникъ*—телятъ (Сибирь), *мелочной пастухъ*—пастухъ всего мелкаго скота, *табуниникъ* или *табунирикъ* (Костр., Самарск.)—врунаго скота, преимущественно лошадей, *конюхъ* (Московск.) или *конный пастухъ* (Самарск.), *чередникъ* (Бурск. г.),—то же, что *коровникъ* (Воронежск. г.). Для помощниковъ пастуха существуетъ общее наименованіе—*подпасокъ*, и частныя:—*запасокъ, притасокъ, стапекъ, мадопасокъ, казаченокъ* (Псковск. и Тверск. г.) ³⁾.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сложились различныя отношенія къ пастухамъ, благодаря тому, что за эту профессію берутся преимущественно люди извѣстнаго возраста, экономическаго положенія и пр.

¹⁾ Памят. кн. Калуж. губ. на 1862—63 г. Гамаянщина, Г. Потанина.

²⁾ Тр. Ком. о вол. оудакъ, II, 467; VI, 243.

³⁾ Опытъ област. великор. слов., над. А. В. Науль.

На крайнемъ сѣверѣ въ пастухи занимаются большею частью люди престарѣлые или мальчуганъ лѣтъ 15-ти; бываютъ и молодые мужчины, но вообще люди самые бѣдные, не имѣющіе у себя ничего и неспособные въ другихъ занятіяхъ или почему-либо не нашедшіе таковыхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ въ пастухи идутъ подростки и старики, безъ которыхъ семейства ихъ легко обходятся во время лѣтнихъ работъ, или люди крайне бѣдные. Такъ, въ Московской губерніи пастухъ бываетъ по большей части бездомовникъ, наемаемый изъ другой деревни и даже изъ другаго уѣзда ¹⁾. Контигентъ пастуховъ Самарской и Омской губерній, по словамъ свѣд. І. Архангельскаго, большею частью также вербуется изъ бѣдняковъ или людей, не умѣющихъ приложить рукъ къ обычному крестьянскому дѣлу. „Дай сронъ, къ стаду наемся, весь міръ въ долгу будетъ“, прощипываютъ крестьяне надъ бѣдными людьми и пастухами. Въ этомъ случаѣ пастухи раздѣляютъ общую судьбу съ тѣми людьми, хотя бы зажиточнымъ, который ведетъ жизнь не на обычныхъ пріемахъ крестьянства. Точно также въ Малороссіи, если хвалить чьи-либо порядки въ хозяйствѣ, хозяинъ шутитъ: „ак розживемя, такъ и въ пастухи наймеся“. Но вообще занятія пастуха считаются весьма легкими и вольготными: „Колыбъ можна бутъ черезъ зиму котомъ, черезъ літо пастухомъ, а на Великъ день попомъ;“ или: „Пастухъ за ворота-кімса (кусокъ хлѣба) въ его колорета,“ говорятъ Малороссіане ²⁾.

Въ Самарской губерніи, гдѣ скотоводство развито въ значительной степени, держатъ пастуховъ совершеннолѣтнихъ. По словамъ жителя с. Новопавловки, Ниволавскаго уѣзда ³⁾, въ пастухи нанимаютъ взрослыхъ, чтобы можно было довѣрить скотину; въ особенности въ конные пастухи, даже въ подпаски къ нимъ берутся взрослые парни, потому что лошадей пасти довольно трудно. Есть и такія мѣстности въ Самарскомъ краѣ, въ которыхъ, въ виду сильнаго развитія конокрадства, въ конные пастухи приглашаются конограды, въ надеждѣ, что они будутъ

¹⁾ Моск. Губ. Вид. 1854 г., № 26: Лѣтн. праздники у поселянъ Московской губерніи.

²⁾ Сборникъ малорос. пословицъ *Номиса*.

³⁾ Свѣдѣнія о наймѣ пастуховъ въ с. Новопавловкѣ; Николаевск. у. Самар. губ.; записаны женою съ словъ таежника-жителя.

честно охраняли вѣрными иль стада отъ стороннихъ веровъ. Званіе свиномаса въ Симбирской губерніи въ деревнѣхъ, также какъ, напримѣръ, въ Малороссіи. „Треба ему ще свѣзъ дѣти свиной части“; или: „Хочше, пасы свиной, та тоді вже и шадей“, говорится въ малороссійскіхъ пословицахъ.

Нѣкоторыя мѣстности Владимирской губерніи выкупаютъ въ пастухи лишь стариковъ и подростковъ, но за то въ другихъ — дѣля села сплошь занимаютъ пастушествомъ, слѣдовательно, въ пастухи выкупаютъ и взрослые мужчины. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Дубенскимъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ во Владимирскомъ уѣздѣ, Петроковская волость государственныхъ крестьянъ, Ельтеусуновское сельское общество, Ставровской волости, и большая часть крестьянъ сосѣднихъ помѣщичьихъ селеній Владимирскаго и Юрьевского уѣздовъ главнымъ промысломъ имѣютъ пастушество. Ежегодно въ весеннюю распутицу выходятъ изъ этой мѣстности до трехъ тысячъ человѣкъ въ пастухи и подпаски стада Ярославской, Тверской, Московской и Владимирской губерній. Въ Мелеховскомъ уѣздѣ въ д. Маломъ-Приклонѣ и въ двухъ-трехъ помѣщичьихъ селеніяхъ насчитывается также до ста пастуховъ, которые занимаютъ въ сосѣднихъ уѣздахъ своей губерніи и рѣдко выходятъ въ другія губерніи. Въ округѣ Петроковской волости рѣдкій крестьянинъ не былъ въ своей жизни пастухомъ. Въ молодости, между 12—18 годами, подростки идутъ со старыми пастухами въ подпаски. У каждаго пастуха есть свой любимый уголъ, гдѣ онъ ежегодно занимается. Нѣкоторые съ молодыхъ лѣтъ до старости пасутъ въ одномъ селеніи. Впрочемъ: нужно сказать, что въ указанныхъ мѣстахъ пастушество еще съ пятидесятихъ годовъ начало уступать мѣсто другимъ промысламъ, и многіе пастухи стали ходить въ Москву въ каменщики¹⁾).

Однако занятіе пастушествомъ, какъ особый промыселъ, поддерживается и теперь во Владимирской губерніи, какъ свидѣтельствуемъ г. Максимовъ: „Петровскіе мужчины уходятъ жить въ пастухахъ чужой скотъ пасты, на рогу играть. И никому на трубѣ такъ не сыграть въ цѣломъ свѣтѣ. Куда ни придетъ, гдѣ

1. Ч *Журн. Мин. Внутр. Дѣл.* 1856 г., сент.: О промыслахъ Владимирской губ., стр. 63—68.

на сважетяхъ Владимірскомъ, другихъ сторожей не наде: Обезьянъ петроковскіе пастухи возвращаются домой, заручившись кѣтою въ насаженомъ углѣ и подрадившись съ заданкомъ" ¹⁾).

При такихъ условіяхъ, пастухъ во Владимірской губерніи не можетъ быть въ презрѣніи, также точно, какъ и въ Ярославской. Въ Даніловскомъ уездѣ замѣтна даже нѣкоторая доля уваженія къ пастуху. Пастухъ тамъ вовсе не бранное слово и не низкое занятіе; напротивъ того, многіе изъ лучшихъ крестьянъ въ молодости своей, когда были ребятами отъ 9 до 13 лѣтъ, были пастухами. Въ настоящее время то же самое: довольно зажиточные родители (конечно, не богачи, подрядчики) если имѣютъ сына, мальчика лѣтъ 9—10, перво-на-перво порядятъ его въ подпаски, въ лѣто рублей за 12 или 14. На слѣдующій годъ, когда сдѣлается извѣстнымъ, что мальчикъ былъ уже въ подпаскахъ дѣломъ прошлое лѣто, ему прибавляютъ въ цѣнѣ рубля 2, 3 и 5; на третій годъ, если мальчикъ шустрый, расторопный, онъ уже берется пасти за пастуха каной-нибудь небольшой деревни стадо и получаетъ рублей отъ 18 до 25 въ лѣто. Отъ 25 до 35 руб. даютъ настоящимъ пастухамъ, лѣтъ отъ 18 и болѣе. Въ большихъ деревняхъ радятъ обыкновенно пастуха съ водпаскомъ цѣной отъ 40 до 50 и даже до 60 руб. Пастухами дорожатъ, и чередной трезвый пастухъ; желательно можно сказать, пользуется уваженіемъ крестьянъ. Конечно, домохозяйка или нѣкъ заплиніе взрослые работники стараются найти болѣе выгодное для себя занятіе; въ лѣтнюю пору, они или хозяйствуютъ дома у себя, или идутъ на заработки на сторону и добываютъ себѣ въ лѣто отъ 60 до 120 руб.; слѣдовательно, не изъ пренебреженія, а изъ расчета не радятся въ пастухи.

На сѣверѣ сложился особенный взглядъ на пастуховъ. Тамъ въ Новгородскомъ краѣ пастухъ есть лице тинчское. Нѣтъ чаще всего биваетъ выходецъ изъ Псковской и Витебской губерній. Забѣлательно, что мѣстный крестьянинъ, вообще туго поддающийся влиянію посторонняго лица въ отношеніи своего быта, охотно уступаетъ полевой уходъ за своимъ своимъ человеку пришельцу, втораго онъ рѣдко отличаетъ отъ себя именуя *Поляка*, какъ онъ

¹⁾ *Отск. Зам.* 1876 г., № 10: Бродяч. Русь, стр. 466—467; также Труды вол. комиссіи, II, 495 и 496: Моск. губернія, Дмитр. уездъ.

называетъ всѣхъ мазандовъ изъ западно-русскаго края, обозначая этимъ словомъ и занятіе пастуха (палатъ, то-есть, пашенной челядьки, скотоводъ), котораго онъ самъ чуждается. Быть пастухомъ самому новгородскому крестьянину, по его понятіямъ, весьма безчестно. Онъ будетъ рыбакомъ, бурлакомъ, негодяиномъ лошадей на бичевникѣ,—чѣмъ захочетъ, но только не пастукомъ. Отецъ для отщепенія къ труду своего лѣниваго сына страдаетъ свое дѣло тѣмъ, что онъ отдастъ его въ пастуки; кокетливая дѣвушка, при искреннемъ желаніи быть всегда опрятною, не безъ нѣкотораго опасенія рѣшится вычесать себѣ голову къ ночи, потому что есть мѣстная примѣта: если дѣвица чешетъ голову къ ночи, то ея суженный будетъ пастухъ; словомъ, пастухъ послѣднее существо въ Новгородскомъ краѣ.

Авторъ, сообщая пріведенныя свѣдѣнія о пастухахъ Новгородской губерніи, видитъ въ самой обстановкѣ пастуха презрѣніе мѣстныхъ крестьянъ къ его занятію, именно въ томъ, что пастухъ пользуется очередною квартирою и одеждою. „Всено“, говоритъ онъ,—что, обставля такъ бытъ пастуха, деревня смотритъ на него, какъ на существо рѣшительно чужое, какъ на трупя, котораго держать при себѣ, какъ необходимое зло до поры до времени“. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ согласиться нельзя, такъ какъ извѣстно, что обыкновеніе давать пастуху немѣщение и содержаніе въ очередномъ порядкѣ существуетъ повсемѣстно, а не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ аваліе пастуха въ презрѣніи. Но послѣдующія заключенія автора не безъосновательны, хотя и высказаны безпорядочно: „Пастухъ, что весьма замѣчательно,—со своей стороны не прочь отъ этого образа жизни, потому что онъ доставляетъ ему свои выгоды. Чужестранецъ въ краѣ,—какъ палатъ, находясь цѣлый день вдали отъ сельскаго общества со своимъ стадомъ, онъ тѣмъ внимательнѣе становится ко всему тому, что дѣлается подъ вечеръ въ той избѣ, куда онъ является на ночлегъ, и тѣмъ удобнѣе становится загадкою для сельскаго общества, что при такомъ ежедневномъ перекочевываніи его изъ избы въ избу черты личнаго характера пастуха легко усматривать отъ рѣшительнаго и прочнаго наблюденія надъ ними со стороны того или другаго крестьянина въ частности. Если притомъ пастухъ—смышленный шарлатанъ, то при такихъ условіяхъ, ему весьма легко

ввести суевѣрную простоту деревни въ заблужденіе относительно своихъ мнимыхъ познаній въ ворожбѣ и жинныхъ связяхъ своихъ съ лѣсовникомъ. Для этого стоитъ только подмѣтить и прослѣдить какую-нибудь нитрижку между сосѣдами, и затѣмъ, въ случаѣ нужды, легко развязать ее подъ видомъ чаръ съ вѣтверженными зачатіями (указать, напримѣръ, дѣвущкѣ на ея суженаго, открыть воровство и т. п.), а при естественномъ для пастуха знаніи цѣлбныхъ или вредныхъ для здоровья травъ помочь недугу или повредить здоровью (испортить),—и на вѣрное, пастухъ прослыветъ въ деревнѣ колдуномъ. Даже и безъ шарлатанства пастуху весьма легко прослыть колдуномъ; можно сказать даже безъ его вѣдома, потому что у крестьянъ предварительно, или лучше —поздари, разсуждено, что нельзя быть пастухомъ и въ то же время не быть колдуномъ. Вслѣдствіе такого предрасудка, всякій пастухъ, хотя бы онъ и не былъ такъ называемый полякъ, считается у крестьянъ колдуномъ, и всякій полякъ, хотя бы и не пастухъ, также болѣею частью признается колдуномъ. Оттого въ Новгородскомъ краѣ ходятъ много разсказовъ о колдовствѣ пастуховъ и объ ихъ сношеніяхъ съ лѣвими... Для сохраненія стада пастухъ, по повѣртіямъ крестьянъ, заключаетъ съ лѣсовникомъ условіе, по которому лѣсовникъ обязанъ охранять стадо, а пастухъ съ своей стороны платитъ ему за то двумя или тремя коровами въ лѣто или же молокомъ, содержащимся въ трехъ-двухъ или одномъ соскѣ коровы. Оттого-то, говорятъ,—и пропадаютъ безъ вѣсти коровы, или же лная корова неожиданно сбавляетъ молока. Пастухъ, пользуясь такимъ повѣртіемъ, имѣетъ полную возможность слагать свою вину на лѣсовника. О тѣхъ же пастухахъ, которые почестиве и повнимательнѣе къ своему дѣлу, повѣрье говоритъ, что они уговариваются съ лѣсовникомъ на куриномъ яйцѣ, такъ что пастухъ половину куриного яйца отдаетъ лѣсовнику, а другую съѣдаетъ самъ¹⁾).

Возврътіе на пастуха, какъ на колдуна, обще всему глубокому сѣверу, напримѣръ, Архангельской и Олонецкой губерніямъ, то-есть, тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ пастухи вовсе не пришлый народъ, а туземный; следовательно, на образованіе сказаннаго повѣртія на пастуховъ

¹⁾ Повтор. Сборн. изд. Стат. Комит., вып. III, 1865 г. Народн. взглядъ на уходъ за рогатымъ скотомъ, Н. Водрова.

вляли общія всему сѣверу причины. Въ Шилежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи пастухъ непременно долженъ знать „молитву скотъ пасти“ и другія заклинанія на невредимость скота. Въ другихъ уѣздахъ только пожилые пастухи, особенно опытные въ своемъ дѣлѣ, знаютъ *отпуски* скота, и поэтому особенно уважаются крестьянами. Мнѣ сообщали въ г. Онегѣ, что въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ, собственно для перваго выгона скота и исполненія необходимыхъ при этомъ охранительныхъ для скота обрядовъ и заклинаній, вызываютъ знающихъ пастуховъ изъ поморья, за нѣсколько десятковъ верстъ. Повсемѣстно въ Архангельской губерніи повѣрье, что знающіе пастухи входятъ въ дружбу съ лѣшими, и тѣ, вмѣсто ихъ, пасутъ скотъ, но для этого пастухъ обязывается одарить лѣшаго первымъ яйцемъ, полученнымъ отъ попа во время христованья и одношерстною скотиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ пастухи строго воспрещаютъ въ теченіе лѣта убивать скотъ, потому что ежели *окровавить поскотину*, то звѣрь (медвѣдь), по наущенію лѣшаго, станетъ *пакостить* (то-есть, душить скотину). Благодаря этому повѣрью, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи лѣтомъ съ крайнимъ трудомъ можно достать свѣжей говядины (напримѣръ, въ г. Онегѣ).

Корень всѣхъ этихъ суевѣрій, кажется, легче всего можетъ быть отысканъ въ лѣсности сѣвернаго края. Мрачныя непроходимыя дебри сѣвера, болѣе всего дѣйствуя на народное воображеніе, постоянно недерживали жаднаго возникшую вѣру въ существованіе особаго духа лѣсовъ, который покровительствовалъ всѣмъ постояннымъ и временнымъ обитателямъ этихъ лѣсовъ—дикимъ и домашнимъ животнымъ, пребывающимъ въ лѣсахъ. Естественное, что и пастухъ, постоянно бродящій по лѣсамъ, поставленъ былъ народною фантазіей въ ближайшее соприкосновеніе съ лѣшимъ. Пастухъ, по представленію сѣвернаго крестьянина, имѣетъ всегда возможность войти въ сношенія съ лѣшимъ и можетъ даже подкупить его. Себѣ же того, что ему нечего будетъ заботиться о стадѣ, лѣшій ставитъ исполнять его обязанности. Поставивъ пастуха въ ближайшія отношенія къ лѣшему, крестьяне зрѣли: это самое причислили его, какъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находятся въ связи съ какимъ бы то ни было духомъ, къ числу колдуновъ. Такимъ онъ и дѣйствительно являет-

ся въ представлении сѣвернаго населенія. Въ Новгородской губерніи на поддержаніе вѣнчій о пастухѣ, какъ о колдунѣ, повліяло отчасти, въ видѣ второстепенной причины, и то обстоятельство, что тамъ пастуки-полюки—народъ пришлый и отличный отъ кореннаго Новгородскаго населенія, который подходитъ, по своему выговору, къ Вѣлорусскому племени: известно же, что у насъ одни племена считали и считаютъ другихъ за колдуновъ; въ особенности Вѣлорусское племя прослѣло вѣнчій. Вѣроятно, разнородность племенъ отразилась также на возрѣніи новгородскихъ крестьянъ на пастуха какъ на колдуна, и на занятіе ихъ, какъ на дѣло, до того презрѣнное, что мѣстный крестьянинъ ни за что за него не возьмется.

На крайнемъ сѣверѣ, гдѣ населенія неплкія, пастуха нанимають дѣлая деревня или село сообща. Для сообщанія объ этомъ дѣлѣ всѣ домохозяева сходятся на сходку (сходка). Небольшія деревни по двѣ, по три и болѣе, нанимають общаго пастуха. Мы видѣемъ примѣръ изъ Волховско-Николаевской волости, Шенкурскаго уѣзда, что даже семь деревень нанимали одного пастуха. Въ этихъ случаяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ наймѣ пастуха участвуютъ уполномоченные отъ селеній по два или по три человека, которые и заключаютъ договоръ съ пастухомъ. Въ другихъ губерніяхъ наемъ пастуха производится или цѣлымъ сельскимъ обществомъ, чтобъ пасты все мірское стадо, или частями его, для пастыбн отдѣльныхъ стадъ. Тутъ все зависитъ отъ числа стадъ одного и того скота, а послѣднее обусловливается количествомъ скота. Въ Самарской губерніи, напримѣръ, волскій табунъ обыкновенно бываетъ одинъ на все село, а потому конюха нанимають цѣлымъ обществомъ, другихъ же стадъ по нѣсколькѣ, и въ такомъ случаѣ каждая часть общества имѣетъ своего пастуха; нѣрѣдко пастуховъ нанимають *норядками*, то-есть, улицами: коровы крайнихъ норядковъ пасутся за своими пастухами, средняго порядка опять за своими ¹⁾. Въ с. Орѣховкѣ, Вузугукскаго уѣзда Самарской губерніи, всего одинъ волскій табунъ, коровьихъ стадъ три, телячьихъ два, овечьихъ пять. Въ с. Новопаоловкѣ, Нинюльскаго уѣзда, волскій табунъ, въ которомъ пасутся и воли, одинъ коровьихъ

¹⁾ Труд. вол. Вол., I, 783: Тамб. губерніи, Липецк. уѣздъ.

2 стада; овечьих 6, свиней и телятъ по одному стаду. Въ с. Елховкѣ, Самарскаго уѣзда, рогатый скотъ раздѣляется на три табуна: въ двухъ дойныя коровы, а въ третьемъ быки и молодыя телки, овцы раздѣляются на 10 косяковъ; лошади и свиньи составляютъ по одному отдѣльному стаду.

Очевидно, что въ приведенныхъ случаяхъ приходится нанимать пастуховъ отдѣльнымъ частямъ общества. Въ Малороссіи пастухи бывають или общественные на все село, или поставленные отъ одного хозяина (преимущественно у богатыхъ козаковъ); послѣдніе пасутъ какъ хозяйскій, такъ и *прійманскій* скотъ (пріятій козевани со стороны). То же случается и въ великорусскихъ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ. Тамъ нанимають особиль пастуховъ тѣ изъ крестьянъ-общинниковъ, которые на отдѣльно арендуемыхъ участкахъ выпаскають дурты скота на убой, или тѣ изъ крестьянъ, которые набирають на участки за особую плату стадо лошадей или коровъ для пастбы, съ отвѣтственностію за пропажу. Бываетъ и такъ, что скотъ, въ особенности рогатый, отдѣльныхъ членовъ общины пасется особо за натымъ пастухомъ или подъ присмотромъ какого-либо мальчишки изъ семьи. Такое стадо въ Самарской губерніи называется *особнякомъ*. Но эти особняки и отдѣльныя стада одного и того же скота съ особыми пастухами мыслимы тамъ, гдѣ много скота и довольно земли. Во внутреннихъ же губерніяхъ этого не бываетъ. Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, напримѣръ, отдѣльные домохозяева изъ крестьянъ не могутъ даже желать порадить для своей скотины особаго пастуха, такъ какъ скотинъ-то крупныхъ у самаго зажиточнаго изъ тамошнихъ крестьянъ не найдется болѣе 8 или 10 штукъ, у большинства же, среднимъ числомъ, 3 или 4 скотины; слѣдовательно, прямая, личная выгода каждому изъ домохозяевъ — не нанимать для себя отдѣльнаго, не то чтобы пастуха, а даже подпаска. Поле, гдѣ пасется деревенская скотина, — общее всей деревни; слѣдовательно, тоже не мыслимо рамъ къ одному стаду, которое пасется на такомъ полѣ, исключительно пастись своимъ 3, 4 или даже 10 скотинъ, не обращая вниманія на остальную скотину своихъ сосѣдей. Даже сосѣди помѣщики или священно и церковнослужители, имѣющіе у себя скотъ, нерѣдко соединяють свое стадо со стадомъ крестьянскимъ ближайшей сосѣд-
отдѣлъ I.—5.

ней деревни, съ цѣлью менѣе платить пастуху за *пастушину*, такъ какъ въ большомъ стадѣ обыкновенно покотинная плата бываетъ меньше, чѣмъ въ стадѣ небольшомъ, а въ соединенныхъ стадахъ пространство пастушни дѣлается больше.

Для пастбы одного стада общество обыкновенно нанимаетъ одного пастуха, рѣдко двухъ; а если стада небольшія, то часто для разнороднаго скота, пасущагося въ одномъ или въ двухъ стадахъ, приглашается общій пастухъ. Хотя общество нанимаетъ къ стаду обыкновенно одного пастуха, но послѣдній нерѣдко принимаетъ къ себѣ товарищей, а чаще всего мальчиковъ-подпасковъ. Товарищей, и въ особенности подпасковъ, нанимаетъ етъ себя самъ пастухъ, и только нерѣдко первые приглашаются обществомъ.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи подпасковъ обыкновенно рѣдять сами пастухи, и подпаски наемной отвѣтственности передъ деревней въ стадѣ не несутъ. Если случится деревни порѣдять врознь пастуха и подпаска, то обыкновенно послѣдній беретъ пасти телятъ или овецъ, за цѣдность которыхъ онъ и отвѣчаетъ, а главный пастухъ беретъ на свою отвѣтственность пасти крупную скотину.

Число подпасковъ, равно какъ и товарищей, зависитъ отъ размѣра стада. Въ Архангельской губерніи, гдѣ стада небольшія, подпасковъ обыкновенно принимаютъ лишь тогда, когда, вслѣдствіе накопленія значительнаго количества скота, онъ разводится на два стада. Въ другихъ мѣстностяхъ, въ особенности степныхъ, при каждомъ стадѣ бываетъ, кромѣ пастуха, по одному и болѣе подпасковъ. Такъ въ с. Новопавловкѣ, Николаевского уѣзда Самарской губ., за вонскимъ табуномъ ходитъ сверхъ пастуха, три подпаска, за остальными стадами по одному. Иногда, вмѣсто подпасковъ пастухи поручаютъ исправлять ихъ обязанности своимъ дѣтямъ, мальчикамъ и даже дѣвочкамъ. Слѣдующіе примѣры показываютъ, что относительно числа пастушковъ при стадахъ существуетъ значительное разнообразіе въ разныхъ селахъ, обуславливаемое количествомъ скота и стадъ. Пастухъ нанимается для пастбы свиней и овецъ, а онъ нанимаетъ отъ себя подпаска ¹⁾. Пастухъ наемръ пасти рогатый и конный скотъ, но онъ имѣетъ у себя двухъ под-

¹⁾ Трудъ вел. ком., I, 708. Тамб., г.: Липецк. у.

пасковъ ¹⁾). Лошадей пасеть пастухъ, а его подпасокъ—мелкій скотъ ²⁾). Въ с. Сопелкахъ, Ярославской губ. ³⁾, два стада: первое— лошадей и коровъ, при которомъ находится пастухъ съ подпаскомъ, второе—овець и телятъ, при которыхъ два мальчичка. Какъ подпаска, такъ и мальчиковъ, пастухъ ставитъ отъ себя. Въ селѣхъ Константиновскомъ, Новоузенскаго уѣзда, стадо крупнаго и мелкаго скота пасется однимъ пастухомъ съ подпаскомъ, табунъ—табунщикомъ ⁴⁾. Нерѣдко лошади пасутся двумя пастухами ⁵⁾. Иногда два самостоятельные пастуха пасутъ рогатый скотъ ⁶⁾. Тамъ, гдѣ скотоводство ведется въ большихъ размѣрахъ, напримѣръ, у крестьянъ-гуртовщиковъ Самарской губерніи, количество пастуховъ еще больше при правильной группировкѣ стада. Одно товарищество въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, въ 1873 г. имѣвшее 3000 головъ овецъ и 230 штукъ рогатаго скота, наняло для рогатаго скота 5 человекъ пастуховъ (или 1 пастухъ на 46 головъ); овцы же были разбиты на двѣ кошары, а каждая кошара—на два табуна; у каждой кошары своя повозка и свой *передовой*, завѣдующій хозяйствомъ повозки и наблюдающій за пастухами; онъ обязанъ наблюдать за нагуломъ скота (количествомъ сала, получаемаго съ овецъ); у каждой кошары также свой капеварь; у каждаго табуна было по два пастуха, считая съ передовыми, всего 10 человекъ пастуховъ; слѣдовательно, на 300 головъ одинъ человекъ.

Прежде нежели говорить объ условіяхъ найма пастуховъ, приведемъ два мнѣнія о положеніи подпасковъ и обязанностяхъ ихъ въ отношеніи къ своимъ пастухамъ. Въ Оленинской волости, Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губ., въ подпаски чаще всего попадаютъ круглыя сироты. Жизнь подпаска весьма тяжела: не говори уже о трудности проводить цѣлые дни въ полѣ, въ осеннее сырое и дождливое время, при плохомъ одѣяніи мальчиковъ, обращеніе пастуховъ съ подпасками рѣдко бываетъ человѣчно. Пропан-

¹⁾ Тамъ же, VI, 227: Самарск. г., Вугурусск. у.

²⁾ Тамъ же, II, 496: Моск. г., Дмитр. у.

³⁾ Всѣ свидѣнія о частяхъ скота и наймѣ пастуховъ въ с. Сопелкахъ сообщены Е. И. Якушкинымъ.

⁴⁾ Моск. езд. 1860 г., № 194: Письма изъ деревни, Е. Кавелина.

⁵⁾ Труд. вол. кож., II, 327: Моск. г., Волокол. у.

⁶⁾ Тамъ же, I, 99: Тамб. губ. Морш. у.; I, 150: Шацк. уѣздъ.

детъ ли въ стадѣ корова или овца, — мѣръ, занимающій пастуха, вычитаетъ изъ жалованья пастуха, а пастухъ, при каждой потерѣ, вымѣщаетъ свое неудовольствіе на мальчицъ; забѣжить ли скотина въ чужое поле, и сосѣдніе крестьяне принесутъ жалобу или побьютъ пастуха, онъ всегда свалитъ вину на мальчика, что весьма легко уже потому, что пастухъ занимается въ полѣ плетеніемъ лаптей, а надзоръ за стадомъ поручаетъ исключительно подпаску ¹⁾. Въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губ. пастыба скота производится безъ надлежащаго за нимъ надзора, отчего происходятъ частыя поправки хлѣба. Для пастыбы скота нанимаются общиною обыкновенно, взрослые крестьяне, съ соразмѣрною съ ихъ возрастомъ платою; но эти послѣдніе, забравъ всю договорную плату впередъ, всегда почти посылаютъ за себя мальчиговъ отъ 7 до 10 лѣтъ отъ роду, изъ своихъ семействъ, или нанятыхъ ими самими. Понятно, каковъ присмотръ такихъ пастуховъ. Ропотъ на такіе поступки нанятыхъ пастуховъ слышится повсемѣстно, но никто первый не рѣшается принести жалобы, чтобы не быть именно первымъ, а также изъ опасенія, чтобы пастухъ, обыкновенно нанятый безъ всякаго письменнаго условія и забравшій впередъ всю плату, не бросилъ стадо и вовсе безъ присмотра. Письменныхъ договоровъ съ пастухами не заключается, частью по безопасности крестьянъ и внимательству въ это дѣло мироѣдовъ, имѣющихъ на то свои виды, а частью и отъ несогласія на то самихъ пастуховъ, которымъ легче уклоняться отъ словеснаго, чѣмъ отъ письменнаго договора, въ случаѣ нарушенія его ²⁾.

Какъ во всей цитированной статьѣ, направленной противъ общиннаго землевладѣнія, такъ и въ приведенномъ мѣстѣ, замѣчается односторонность и тенденціозность, тѣмъ не менѣе кое-что изъ сообщеннаго вполне соответствуетъ дѣйствительности, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Тѣ пастухи Владимірской губерніи, которые выходятъ изъ указанныхъ ранѣе селъ и нанимаются обыкновенно въ одной и той же

¹⁾ *Нижегор. Сборн.*, изд. Ст. Ком., т., V.: Село-Озьяно, *Бригадой*, стр. 163

²⁾ *Памят. кн. Тамб. губ.* на 1864 г., изд. Стат. Ком.: О причинахъ, препятствующихъ хлѣбной производительности въ Липецкомъ уѣздѣ, *Маріонкова*; см. также *Труды вол. ком.*, I, 708.

жѣстности, по окончаніи пастъби осенью рядятся снова на будущее лѣто и получаютъ небольшой задатокъ. Пастухи, не порядившіеся съ осени, ходятъ для ряды въ знакомыя имъ селенія во время осеннихъ и зимнихъ праздниковъ или во время святокъ и масляницы, потому что тогда легко застать хозяевъ дома. Послѣдній срокъ для найма пастуховъ—весенняя распутица отъ Благовѣщенія до Егорія (23-го апрѣля) и непременно въ недѣлю Святой Пасхи, въ послѣдніе дни которой пастухи являются въ селенія для окончательной сдѣлки. Ряду дѣлаетъ большею частію, одинъ пастухъ, и только въ большихъ селеніяхъ рядятся двое и трое ¹⁾. Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губ. пастуховъ обыкновенно рядятъ передъ Егорьевымъ днемъ. Отъ Егорья до Николи (9-го мая) рѣшительно во всѣхъ деревняхъ пастухи уже поражены, такъ какъ повсемѣстно въ этотъ промежутокъ времени скотину выгоняютъ на пастбища. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, наемъ пастуховъ продолжается въ періодъ времени съ 15-го ноября и до середины января.

Договоры съ пастухами обыкновенно заключаются словесно, но бывають и исключенія. Иногда договоръ облекается въ письменную форму и даже вносится въ книгу сдѣлокъ и договоровъ, имѣющуюся при волостныхъ правленіяхъ ²⁾.

Какъ всякій договоръ, наемъ пастуховъ не остается безъ битья по рукамъ, молитвы и въ особенности безъ магарыча. Въ с. Краковѣ Самарскаго уѣзда прежде запроса платы со стороны нанимаемыхъ, отъ нихъ слышится вопросъ—кто и сколько будетъ ставить мірскаго вина, на что обыкновенно отвѣчаютъ, что вино ставятъ нанимаемые.

Дѣйствительно, въ Самарской губерніи, магарычъ ставятъ пастухъ. Тамъ съ конныхъ пастуховъ пьютъ *давача* цѣлымъ обществомъ въ сборнѣ ³⁾, потому что конюховъ нанимаетъ всегда общество, а съ прочихъ пьютъ—гдѣ придется, у кого-либо на дому или въ

¹⁾ Жур. Мин. Вн. Дѣлъ 1858 г., сент.: О промыслахъ Владимірской губ. Дубенскаго.

²⁾ Труд. ком. о пол. судахъ, VI, 227 и 248: Самарск. г., Бугурусл. у.

³⁾ Мѣсто собранія общественныхъ или мірскихъ сходокъ.

Прим. ред.

кабакѣ, только тѣ домохозяева, у которыхъ скотъ въ стадѣ. Въ с. Новопавловкѣ конскій пастухъ ставитъ обществу ведра два вина, коровій пастухъ выставляетъ своимъ нанимателямъ полведра, а овецій и другіе—небольше четверти. Въ попойкѣ, разумѣется, участвуютъ не всѣ однообщественники или домохозяева, а тѣ, кому удастся быть при этомъ; въ особенности мироѣды не пропускаютъ подобныхъ случаевъ. Эти послѣдніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ради попойки, назначаютъ для магаричей пастухамъ излишекъ платы на счетъ общества ¹⁾).

По свѣдѣніямъ изъ Даниловскаго уѣзда, тамъ не только наемъ пастуха, дѣло важное въ деревенской жизни, но и вообще заключеніе какаго бы то ни было словеснаго договора съ кѣмъ бы то ни было принято закрѣплять рукобитьемъ, молениемъ Богу и магаричемъ, который называется *литками*. Нарушать словесныя условія договора послѣ рукобитья и моления Богу рѣшаются немногіе изъ крестьянъ. Напротивъ того, многіе не согласятся взять грѣха на душу ни за какія деньги, чтобы спятиться послѣ даннаго слова. Литки скорѣе служатъ задаткомъ. При уговорѣ условливаются—съ кого пить литки: обыкновенно тамъ литки *пьютъ съ денегъ*, то-есть съ того, кто получаетъ деньги, но бываютъ различныя уговоры, иногда пьютъ *литки пополамъ*. Наплывъ новой рабочей силы, Архангельцевъ и Вологжанъ, нѣсколько понизилъ значеніе рукобитья и моления Богу при договорѣ съ пастухами. Эти бродячіе работники, особенно изъ молодыхъ, рѣдко бываютъ надежны и съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Встаетъ упомянуть, что болѣе старые работники изъ бродячихъ болѣе заботливы, работающіе, совѣстливѣе, чѣмъ молодые, но какъ тѣ, такъ и другіе, не замѣчуются въ воровствѣ; честность ихъ извѣстна не менѣе ихъ лѣности и непригодности къ полевымъ работамъ.

Договоръ найма пастуховъ состоитъ, кромѣ условія о магаричѣ, въ опредѣленіи сроковъ пастыби скота, количества наемной платы, способовъ и сроковъ уплаты вознагражденія и мѣры ответственности пастуховъ, въ случаѣ нанесенія какаго-либо ущерба напи-

¹⁾ *Памяти. кн. Тамбовской губ. на 1866 г., ст. Миронкова.*

мателямъ. Это главныя и необходимыя условія каждаго подобнаго договора. Но иногда онъ сопровождается побочными болѣе или менѣе случайными условіями, въ родѣ нижеслѣдующихъ: Въ одномъ случаѣ условлено было обществомъ, чтобы пастухъ нанялъ себѣ двухъ помощниковъ, въ другомъ случаѣ, по увѣренію пастуха, онъ условливался съ обществомъ, чтобы въ случаѣ его отсутствія обязанность его могла исполнять женщина. Разъ въ договорѣ было внесено условіе, чтобы конюху пастуху въ августѣ мѣсяцѣ „въ ночное время 20 ночей отстеречь“; другой разъ конюхъ обязался „пасти утренники“¹⁾. Въ степныхъ уѣздахъ Самарской губерніи, напримѣръ, въ Николаевскомъ, гдѣ вслѣдствіе быстраго роста травъ въ дождливый годъ не возможно пахать поле, если трава не будетъ стравлена, пастухъ по условію обязывается исходить со стадомъ и потравить все поле.

Въ большихъ селеніяхъ Ярославской губерніи является такая разборчивость въ отношеніи пастуха, какая немислима въ малыхъ деревняхъ; напримѣръ, отъ пастуха, по условію, иногда требуется искусной игры на рожкѣ, и степень искусства имѣетъ вліяніе на размѣръ наемной платы.

Сроки, съ которыхъ и по которымъ пастухи обызываются пасти скотъ, въ разныхъ частяхъ Россіи биваютъ различны; они обусловливаются географическимъ положеніемъ мѣстности и ея климатическимъ состояніемъ, но нерѣдко опредѣляются обычаемъ, вопреки измѣняющихся климатическихъ условій. Въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи пастухи заподряжаются пасти рогатый скотъ съ половины мая или съ 1-го іюня, иногда даже съ Иванова дня (24-го іюня), то-есть, со дня закрытія полевыхъ нагородей и до Воздвиженія (14-го сентября), иногда до 1-го октября. Въ Зимней Золотицѣ, Архангельскаго уѣзда конечный срокъ— 14-е сентября, а начальный съ Николы Вешняго (9-е мая), какъ и въ с. Тульгасѣ, Шенкурскаго уѣзда; въ д. Товрѣ, Холмогорскаго уѣзда,—съ вешняго же Николы, иногда немного раньше или позже, смотря по тому, есть ли трава, и до конца августа, до праздника Успеніи Главы Іоанна Предтечи. Среднимъ срокомъ пастьбы

¹⁾ Труд. вол. Ком., II, 186, 139, 571: Моск. губ., Сергиев., Можайск., Клинск. уѣзды.

для Архангельской губерніи можно принять—съ 9-го мая по 14-е сентября. День празднива Воздвиженія Креста Господня, когда, по понятіямъ сѣвернаго жителя, всякое животное убирается во свои нери и логовища на зимній покой, есть общій срокъ окончанія пастьбы для многихъ мѣстностей сѣверной Россіи. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, если бы случилось такъ, что послѣ Воздвиженія стояла хорошая погода, позволяющая быть на подножномъ корму, пастухъ все-таки не обязанъ оставаться при своей должности далѣе условленнаго срока.

Но уже въ Новгородской губерніи указанный выше срокъ значительно расширяется; тамъ скотъ ходитъ за пастухомъ съ 23-го апрѣля по 1-е октября¹⁾.

Во внутреннихъ и малороссійскихъ губерніяхъ начало пастьбы рогатаго скота бываетъ обыкновенно съ празднива св. Георгія (23-го апрѣля). Въ этотъ день Великороссіане, слѣдуя поговоркѣ: „гони животину на Юрьеву росу“, выгоняютъ скотъ рано утромъ всею деревнею: собираются всѣмъ міромъ, служатъ молебны на поляхъ, угощаютъ пастуховъ водкою *моленниками* — бороваями (поговорка: „моленникъ пастуху—крохи скоту“) и яшнвицею, надѣляютъ холстомъ и деньгами, и сами, разумѣется угощаются. Въ этотъ день, считающійся пастушіймъ праздникомъ, пастуховъ ошачиваютъ водою, чтобы не дремали все лѣто. То же и въ Малороссіи.

Жители Украйны въ этотъ первый день выгона скота на пастбища также пируютъ на поляхъ: служатъ молебны, дарятъ пастуховъ хлѣбомъ, яйцами и разными жаркими, прося ихъ беречь скотъ, который, сверхъ того, поручается особому покровительству св. Георгія. Но это относится только къ рогатому скоту. Овчарь въ Малороссіи обязанъ пасты овецъ съ Благовѣщенія (25-го марта): овецъ раньше выгоняютъ въ поле; потому что онѣ могутъ щипать низкую траву. *Комюха* (жонскіе пастухи) въ Великороссіи²⁾ и Бѣлорус-

¹⁾ *Нов. Сборн.* 1865 г., вып. III, статья *Кедрова*.

²⁾ Оставляетъ къ отвѣтственности автора предположеніе, что въ великорусскихъ губерніяхъ вообще конскаго пастуха называютъ *комюхомъ*. Если не ошибаемся, это названіе встрѣчается только въ нѣкоторыхъ и притомъ не многихъ мѣстностяхъ. *Коиюхами* обыкновенно называютъ не пастуховъ, а присматривающихъ за лошадьми на конюшнѣ. *Прим. ред.*

сін, вступають въ отправленіе свѣихъ обязанностей повже коровниковъ, именно съ Никола вешняго (9-го маа): „Юрій коровъ запасаеъ“ (начинаеъ пастн обновляеъ паству), „Никола осенній лошадей на дворъ гонить“, „Никола весенній откормить“, говорятъ пословицы. Въ день этого святаго, который считается покровителемъ лошадей и конюховъ, выгоняють лошадей на починки, на пашинну, на ночной подножный кормъ: ребята празднуютъ съ лошадьми въ полѣ. Срокомъ окончанія пастбы во внутреннихъ губерніяхъ Россіи надобно признать 1-е октября, хотя кое-гдѣ пастба оканчивается и 15-го сентября. Иногда этотъ срокъ удлинается до архистратига Михаила (8-го ноября). По словамъ Даля, на Покровъ закармливають скотину поживальнымъ (последнимъ) снопомъ, и съ этого дня ее держать дома: съ архистратига Михаила скоть загоняють на зимній кормъ. Еще южнѣе, въ малороссійскихъ и юговосточныхъ губерніяхъ, срокъ пастбы скота отодвигается до дня Филиповскаго заговѣнья, то-есть, до 14-го ноября. Въ с. Новонавловкѣ, Николаевскаго уѣзда, всякаго рода скоть начинаеъ пастись „съ открытія весны“. Но дѣйствительное открытіе весны для пастбы различнаго скота бываетъ одновременно: такъ, прежде всего выгоняють на подножный кормъ лошадей и коровъ, потому что эти животныя не боятся разлива воды, а потомъ, когда станетъ посуше, овецъ и свиней, напоследокъ телятъ. Ходить скоть за пастухами до 14-го ноября, кромѣ свиней, которыхъ пасутъ лишь до Покрова (1-го октября)¹⁾. При заключеніи договоровъ съ пастухами иногда начало и конецъ пастбы или лишь конечный срокъ опредѣляется въ общихъ выраженіяхъ. По словамъ г. Кавелина, въ с. Константиновскомъ, Новоузенскаго уѣзда, пастухъ и табунщикъ нанимаются „на все то время, пока скоть и лошади могутъ пастись въ степи“. Въ с. Сопелкахъ, Ярославской губернии, рада съ Егорьева дня до снѣга.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ, всё кто ридитъ пастуховъ, не опредѣляютъ срока окончанія пастушины извѣстнымъ днемъ, а договариваются съ ними пастн скотину до того времени, когда при-

¹⁾ Пословицы Русск. нар. Даля; Ярило, славянорусское божество П. Ефименко, стр. 12—23, и въ *Зап. по Отд. Этногр.*, т. II; Труды этногр. экспедиціи въ западно-р. край, т. VI; *Юрид. записки Рьдкина*, т. 2-й: Юрид. бытъ Малор., стр. 40.

ведется скотину ставить на дворъ, когда на поляхъ и пожняхъ рѣшительно нечего будетъ взять, то-есть, до снѣгу. Если снѣгъ выпадетъ въ концѣ сентября, что тамъ случается, то обыкновенно дожидаются, когда онъ сойдетъ, и послѣ перваго снѣга часто случается еще недѣли двѣ-три и даже четыре пропасты скотину. Обыкновенно же около осенней Казанской (22-го октября) скотину ставить на дворъ окончательно и тогда расчитываютъ повсемѣстно пастуховъ.

Въ одномъ селѣ Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, пастухъ обязывался пасти скоть съ 23-го апрѣля и до запора скота на дворъ, то-есть, до покрытія земли снѣгомъ¹⁾. Малороссійская пословица на этотъ счетъ говоритъ: „Як снѣг упаде, той пастухъ пропаде; як снѣг ростане, той пастухъ встане“.

Въ с. Краковѣ пастухи пасутъ стадо со дня выгона до 15-го ноября, если представится къ тому возможность. День выгона предоставляется усмотрѣнію міра, а не пастуховъ; міръ также рѣшаетъ вопросъ осенью о возможности или невозможности пасти до опредѣленнаго срока, то-есть, до 15-го ноября. Когда не возможно бываетъ пасти скоть осенью по причинѣ морозовъ и выпавшаго снѣга, то скоть загоняется на дворы. Но если послѣ этого загона опять представится, по сознанию схода, возможность пасти скоть, пастухъ обязанъ вновь выгонять, сколько бы разъ загонъ на дворы и выгонъ для пастьбы ни производились. Обычай этотъ существуетъ, не смотря на его вредъ для скота, состоящій въ томъ, что послѣ выпавшаго и лежалаго снѣга пастьба скота большею частью сопровождается выкидышомъ приплода. Начало ночевки *отгоннаго стада* въ полѣ (стадо, не возвращающееся для ночлега домой; оно состоитъ изъ лошадей—рабочихъ, третьяковъ, стригуновъ, сосуновъ и телятъ—полуторниковъ и двойниковъ) зависитъ отъ усмотрѣнія міра и обуславливается состояніемъ погоды и подножныхъ кормовъ въ полѣ. Окончаніе же полевой ночевки, то-есть, каждодневный пригонъ скота для ночевки домой, полагается тамъ съ 14-го сентября, а въ другихъ мѣстахъ—съ Флорова дня, то-есть, съ 18-го августа.

Плата пастуху называется *пастушиной* или *пастушинымъ*, также

¹⁾ Тр. волостной коммисія, II, 571: Моск. губ., Клинск. уѣздъ.

пастушескими сбережѣніями и пастушескими деньгами ¹⁾). Размѣръ платы въ разныхъ мѣстностяхъ бываетъ различный. Кроме ея, пастухи пользуются и другими выгодами.

Въ Зимней Золотницѣ, Архангельскаго уѣзда, пастухъ получаетъ по 20 коп. со скотины въ лѣто, за пару телятъ то же, что за скотину; кормится у хозяевъ, за каждую скотину день и за пару телятъ день. Лямиицкіе крестьяне, Онежскаго уѣзда, коровьему пастуху платятъ отъ 20 до 35 к. со скотины на готовомъ мирскомъ хлѣбѣ, и сверхъ того, о Петровѣ днѣ пастухъ собираетъ топленое масло съ cadaго дома, кто сколько дастъ, и *отпасное*, то-есть, сборъ печенымъ хлѣбомъ, по окончаніи пастбы. Лошадиный пастухъ, прокормливаемый на готовомъ же хлѣбѣ, получаетъ плату отъ 20 до 30 руб. въ лѣто. Въ Тулгаскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда, плата кругомъ со скотины 25 и 30 коп., кроме даваемого каждымъ хозяиномъ пропитанія и временно одежды. Въ томъ же уѣздѣ даютъ пастуху досильники (корован) по окончаніи пастбы скота; обыкновенно по короваю со двора.

Въ селахъ Холмогорскаго уѣзда условія вознагражденія пастуховъ слѣдующія: въ Пингишахъ пастуху радятъ отъ 15 до 25 коп. со скотины, готовое содержаніе, бѣлье и верхнее платье, о праздникахъ водва и волобъ ¹⁾ съ cadaго двора. Въ Товрѣ пастуха подражаютъ съ платою гуртомъ, а не со скотины, потому уже раскладываютъ плату по числу скотинъ, и доводится съ скотины отъ 20 до 25 коп.; эту плату пастухъ получаетъ съ cadaго хозяина отдѣльно. Въ Ступинѣ плата овечьему пастуху съ овцы отъ 10 до 12 коп. Въ Быстрокурѣ каждый хозяинъ за свою дойную корову, если она пасется въ лугахъ, платитъ по 15—20 коп., а за недоинныя, пасущіяся въ лѣсу, 50—60 коп. Въ лѣсныхъ поскотинахъ, кроме того, пастуху полагается и платье отъ хозяевъ: рубаха, струсны (лапти) и портянки. Содержаніе пастуха производится такъ: въ каждомъ домѣ онъ ужинаетъ столько дней, сколько въ этого дома ходитъ на поскотину коровъ; въ томъ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ, обязаны накормить его ужиномъ, а по утрамъ—завтракомъ, и сверхъ того, снабдить на день провизіей: съ послѣднею цѣлью ему дается небольшой коровай хлѣба, кулебячка съ ры-

¹⁾ Колобомъ называется небольшая ячменная лепешка на маслѣ. Колобы пекутъ въ сѣверныхъ губернахъ, гдѣ съютъ ячень. *Прим. ред.*

бой, и тому под. Обойдя всѣхъ хозяевъ, пастухъ опять начинается съ перваго. Этотъ кругъ называется *обводомъ*. Если за пастухомъ ходитъ 30 скотинъ, по одной отъ cadaго хозяина, то онъ сбѣгаетъ на лѣто около пяти обводовъ. Въ Пинежскомъ уѣздѣ плата пастуху бываетъ отъ 15 до 30 коп. съ коровы или быка, съ пары телятъ столько же, сколько съ коровы. Самое опредѣленіе платы зависитъ отъ числа скота, близости, отдаленности и качества пастбищъ. Для прокормленія пастухъ, какъ и въ другихъ уѣздахъ, переходитъ изъ дома въ домъ по чередѣ (по очереди) или порядку. Одежда дается ему отъ нанимателей, но обувь, такъ же какъ и пастушій рогъ или трубу, онъ долженъ имѣть свои. Чистыя рубахи даютъ хозяйки тѣхъ дворовъ, которымъ приходится очередь кормить пастуха: по полученіи новой рубахи прежде бѣлье пастухъ относитъ той хозяйкѣ, которая снабдила его рабѣе. Если пастухъ отслужитъ службу хорошо, и его заслугу въ этомъ отношеніи признаетъ все общество, то онъ, при окончательномъ расчетѣ, получаетъ иногда, въ видѣ награды, прибавку къ радѣ, состоящую изъ одной или болѣе копѣекъ на каждую скотину, или же даютъ ему *отдальнѣ*, прощальное угощеніе водкою съ закуской.

Жители деревни Кляжой Горы, Лугскаго уѣзда С.-Петербургской губ., даютъ пастухамъ слѣдующее вознагражденіе: куль или полтора хлѣба, и кромѣ того, въ Егорьевъ день, когда они выгоняютъ скотъ, имъ даютъ съ cadaго дома по куску говядины и по извѣстному количеству творага и масла. Это называется *сыгонно*. Въ Троицу, весенняго Николу и Петровъ день они получаютъ по одному яйцу или по два съ каждой избы, *со-дно*, по выраженію крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они собираютъ яйца во всякое воскресенье и въ каждый праздникъ. Наконецъ осенью, когда скотъ перестанетъ ходить на пастбища, пастуху опять даютъ по куску говядины со всякой избы. Это *запорно*. Денежную плату пастухи получаютъ очень рѣдко и то не болѣе 3 или 5 руб., вмѣсто извѣстнаго количества хлѣба. За то пастухи обыкновенно плетутъ цѣлый день лапти, которые продаютъ по 3 коп. за пару ¹⁾.

¹⁾ *Записки Руск. Геогр. Общ. Отд. Этногр.*, т. IV: Деревня Кляжая Гора.

Въ Московской губерніи пастуху, кромѣ денегъ, дается житье и платье. Платье и житье опредѣляется пастуху по *кучамъ* и *ногамъ*. Кучею называется лошадь, корова, двѣ овцы, двѣ свиньи, два годовалые теленка, ногою одна овца, свинья, два молодых теленка и жеребенокъ. Сколько у какого крестьянина кучъ, столько дней пастухъ живетъ въ его избѣ на хлѣбѣ. За ногу полагается половина. Обѣдать пастуху носить въ поле по очереди, соображаясь съ числомъ кучъ каждого владѣльца 1).

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Е. И. Дружининымъ относительно Ярославской и Нижегородской губерній, въ с. Сопелкахъ, Ярославскаго уѣзда, пастухъ крупнаго и вмѣстѣ мелкаго стада получаетъ 135 руб., но на свой счетъ нанимаетъ подпаска и двухъ мальчиковъ. Плата пастуху идетъ съ чередовъ. Череть составляютъ: корова или лошадь или *стригунъ*, два *макинника* (полоторагодовалые телата) и четыре овцы; сосунки-жеребята вовсе не считаются. Пастухъ с. Боровава, Вормской волости, Ростовскаго уѣзда, получаетъ (1872 г.) 150 руб.; двухъ подпасковъ онъ нанимаетъ отъ себя; кормится онъ у каждого хозяина столько дней, сколько у хозяина головъ скота (три или четыре теленка равняются одной головѣ). Пастухъ и подпаски получаютъ отъ хозяина, у котораго кормятся, все платье, кромѣ обуви и шапки, и мѣшокъ для хлѣба. Въ дер. Рыбнѣкахъ, Мологскаго у., пастухъ кормится такимъ же порядкомъ и получаетъ бѣлье отъ хозяина, но кафтана, обуви и шапки не получаетъ. Бѣлье дается потому, что пастуху негдѣ его мыть. Иному пастуху дается кафтанъ, но тогда плата дешевле. Въ селѣ Копринѣ, Рыбинскаго уѣзда, пастухъ живетъ постоянно въ селѣ круглый годъ. Онъ не получаетъ бѣлья, а только кафтанъ; прежде случалось, что давали бѣлье; пастухъ церемѣнялъ бѣлье у того хозяина, въ банѣ котораго мылся, и носилъ его цѣлую недѣлю. Въ Петровѣ постѣ онъ, по обычаю, собираетъ яйца со всѣхъ дворовъ.

Крестьяне Даниловскаго уѣзда платятъ пастуху поскотинно. Подъ именемъ же *скотины* разумѣютъ череть: 1 лошадь рабочую, 1 корову, двухъ *подтелковъ* (они же *полускотинники* или *назимки*) принимаютъ за одну скотину; телата или не идутъ въ счетъ или также трехъ принимаютъ за одну скотину, двухъ *стригуновъ* (отъ

1) Моск. Губ. Вѣд. 1854 г., № 26: Дѣтя. правд. у помещанъ. Моск. г.

году до двухъ лѣтъ) считаютъ за лошадь, а также и двухъ *учекъ* (такъ называютъ молодыхъ лошадей-двулѣтнихъ по третьему году, потому что къ этому возрасту ихъ начинаютъ приучать къ ѣздѣ); сосунки въ счетъ не идутъ, они при маткѣ, также, какъ ягнята; хотя бы ихъ было семь штукъ у овцы, они въ счетъ не идутъ. Быкъ-поросъ гуляетъ въ стадѣ за хозяина стада. Рѣдко случается, что въ одномъ стадѣ найдется два-три быка, болѣе все одинъ; но въ такомъ случаѣ, если всѣ они принадлежать одному домохозяину, то въ счетъ не идетъ только одинъ быкъ, а прочіе принимаются каждый за скотину; если всѣ они принадлежать разнымъ домохозяевамъ, то въ счетъ ихъ не владутъ никому. Десятокъ (домохозяева, составляющіе деревенскій сходъ) объяснивъ нанимающемуся къ нимъ въ пастухи число скотинъ въ деревнѣ, договариваются съ нимъ въ цѣнѣ. Чѣмъ больше чередовъ, тѣмъ болѣе плата за пастбу. На величину платы имѣетъ вліяніе и количество составныхъ чередовъ; если много мелкой скотины, то необходимо передать (прибавить) при рядѣ пастуху, такъ какъ болѣе ответственности съ него. Прибавить къ этому надо, что пастба въ поляхъ, отгороженныхъ обыкновенными огородами въ 4, 5 или 6 жердей считается иначе, чѣмъ пастба въ отхожихъ пустошахъ, гдѣ часто не бываетъ огородовъ, или вовсе неогороженныхъ поляхъ. Платится съ череда, потому что при расчетѣ пастуха платою съ головы, явились бы разныя единицы платежа, соответственныя возрасту животнаго, чрезъ что въ расчетахъ крестьянъ между собою и съ пастухомъ неминуемо вышли бы споры и вообще явилась бы сложность и спутанность въ исчисленіи платы. Не только плата пастуху разверстывается по чередамъ, но даже арендная плата за пожни, взятыя подъ пастбу скота, раскладывается по чередамъ же. Пастухъ кормится деревней по числу чередовъ. Во многихъ мѣстахъ, особенно гдѣ стада сосѣднихъ деревень сходятся, или когда при пастухѣ имѣется подпасокъ, пастухи въ обѣденную пору оставляютъ стадо подъ присмотромъ товарища, сосѣдняго пастуха или своего подпасака, а сами отправляются обѣдать въ деревню, на что теряется часть времени и даже болѣе: если деревня далеко отъ выгона, гдѣ пасется скотина, и пастуху замѣниться не кѣмъ, то онъ, отправляясь на пастбу, еще съ утра беретъ съ собою хлѣба и

чего-нибудь съестнаго у того домохозяина, у кого на очереди бываетъ онъ. Часте одежда верхняя, рубашки и обувь пастуху отъ хозяевъ; кто пастуха кормить, тотъ и даетъ ему одежду и обувь, на день на два или болѣе, смотря по числу чередовъ. Переходя въ слѣдующій домъ, къ сосѣду, пастухъ возвращаетъ все, что на немъ было отъ стараго хозяина, ему обратно, до слѣдующаго раза, когда опять дойдетъ до него чередъ. Нѣкоторые же изъ крестьянъ, чтобы освободиться отъ хлопотъ выдавать каждый разъ свои платья и обувь пастуху, платятъ ему одновременно по уговору известную сумму.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи ¹⁾ бываютъ отдѣльные конскіе пастухи, которые получаютъ 60—70 руб. съ поднаскомъ, коровьи, получившіе 40—50 р., и овечьи, получающіе 25—30 р. Последніе болѣею частью бываютъ мальчики. Плата раскладывается по числу чередовъ. Корова или лошадь или шесть овецъ составляютъ одинъ чередъ. Полутретаговая телка или стригунка (двухлѣтній жеребенокъ) равняется половинѣ череда. Телята и жеребята меньшаго возраста не идутъ въ чередъ; за нихъ платится отдѣльно по 10 коп. съ головы. Въ Оленинской волости, Горбатовскаго уѣзда, каждый деревня платитъ своему пастуху отъ 40—50 р. въ лѣто, и пастухъ нанимаетъ ужъ отъ себя подивска—мальчика отъ 9 лѣтъ и старше, съ платомъ до 9 р. за все время пастыби ²⁾.

Во Владимирской губерніи опытный и пользующійся довѣріемъ пастухъ получаетъ въ лѣто отъ 50 до 75 р., но такихъ очень немного; обыкновенно же на долю старшаго пастуха остается отъ 35 до 43 р., помощнику или товарищу отъ 25 до 30 р., а остатокъ общей платы отдается подивскамъ, или вабъ изъ иногда называютъ, мелкими пастухамъ, отъ 7 до 12 руб. въ лѣто, смотря по возрасту, ловкости и навыку. Во все лѣто пастухи содержатся хозяевами по очереди: иногда пастухъ переходитъ изъ дома въ сосѣдній по порядку, или же черезъ домъ, а въ промежуточный доставляется идти товарищу его. Если нѣкоторымъ домохозяевамъ придется отправить

¹⁾ Слѣдствія изъ различнаго села Ярск. губ., кромѣ Даниловскаго уѣзда, сообщены Е. И. Якушкинымъ, также какъ изъ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

²⁾ Нижегород. Сборн., т. V: Село Оленино, Врѣшской.

лишний чередъ противу другихъ, то онъ беретса въ расчетъ въ слѣдующее лѣто. Чередовое семейство должно поить и кормить пастуха и давать ему нижнее бѣлье (рубашки и портян), пока онъ въ немъ живетъ. Верхнее платье и обувь пастуха носить свои. Когда пастухъ стоитъ на череду, хозяйка смотритъ на него какъ на гостя, готовить для него лучший столъ и кормить его даже на особицу, для избѣжанія сплетень, будто въ такомъ-то домѣ нечего ѣсть. Въ селеніяхъ торговыхъ общество занимаютъ для пастуховъ особую квартиру: со столомъ и съ нижнимъ бѣльемъ, а въ городахъ и промышленныхъ селахъ пастухамъ, по взаимному согласію, прибавляется плата на квартиру столъ и бѣлье. Городскіе получаютъ съ каждой коровы по 50 к. въ лѣто и ебравтъ, копѣекъ по пяти въ два раза. Не въ счетъ платы, лѣтомъ, раза два-три собираютъ яйца, въ Троицннъ день, въ Петровки ¹⁾ и въ Успенскій постъ; а осенью, по окончаніи пастьбы, новъ ²⁾; того и другаго набираютъ; впрочемъ, едва ли болѣе 1½ руб. на человѣка ³⁾. Въ мѣстности Владимірской губерніи, называемой Ополецкой; понастухннй счетъ ведется такъ: лошади, корова и свинья отбиваютъ каждая полный чередъ и помяу пастушню, а съ овецъ; въ иныхъ селахъ, за двумя положены чередъ и болвая пастушнн; въ другихъ за трехъ, въ иныхъ за четырехъ и даже за пяти овецъ, приравнивая ихъ къ одной коровѣ; теленокъ равняется получереду ⁴⁾.

Въ мѣстности, называемой Гамаюнщиной, въ Калужской губерніи, рогатый скотъ обыкновенно пасется двумя пастухами — старикомъ и мальчикомъ; первому платятъ около 20 руб., второму около 15 р.; кромѣ того, они имѣютъ ночлегъ у деревенскихъ жителей и живутъ на деревенскихъ харчахъ. Утромъ, выгоняя скотъ въ поле, пастухи берутъ только хлѣба; обѣдъ имъ приносятъ въ поле дѣти,

¹⁾ Въ Псковской и Тверской губерніяхъ сборъ пастухамъ въ Петровъ день молока, прѣслага и кислаго, равно яицъ и масла, называется *Петровщиной*; см. Опытъ оульскнхъ великнхъ словаря.

²⁾ Зерновой хлѣбъ, амалоченный, вѣкоръ, догъ жатыя; см. Опытъ оульскнхъ великор. словаря.

³⁾ *Ж. М. Вн. Д.* 1867 г., № 9: О прѣннелгахъ Влад. губ. *Дубенскаго*, стр. 65—68.

⁴⁾ *Современная мѣтоднса* 1871 г., № 4: Крест. и госводск. хозяйство въ Ополецкой, *Дубенскаго*.

а ужинать пастухи приходятъ въ деревню. Въ содержаніи пастуховъ крестьяне чередуются между собою, смотря по числу коровъ, именно—одинъ день полагается за двѣ коровы, за шесть барановъ и шесть свиней ¹⁾).

Въ Саратовской губерніи быкъ или корова составляютъ чередъ. Въ той же губерніи въ чередъ входитъ шесть овецъ, а въ Тульской—десять овецъ. Крестьяне Орловской губерніи чередъ называютъ *днемъ*; день составляютъ одна лошадь, одна корова, три овцы, двѣ свиньи ²⁾. Чѣмъ больше стадо, тѣмъ больше такихъ дней, и тѣмъ дороже пастуху платять ³⁾).

Донскіе козакі Казанской станицы за охраненіе стада рогатаго скота въ теченіе лѣта пастуху платять рублей 30 деньгами, и кромѣ того, съ каждаго десятка скота по 30 фунт. муки и по фунту сала. Харчи въ такомъ случаѣ у пастуха своп. Если же приплаты, то-есть, муки и сала не полагается, то пастухъ харчится у всѣхъ хозяевъ пасомага скота, ходя по очереди по дворамъ ⁴⁾).

Въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи плата за пастебу рогатаго скота въ теченіе лѣта состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда ржи, на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата измѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части казачій выпасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ два года одну руку (часть) поля подъ паръ, или скотъ выпасается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ плата самая дорогая; она колеблется отъ 30 коп. до 1 руб. Въ другихъ частяхъ Полтавской и Черниговской губерніи общественный овчаръ получаетъ

¹⁾ *Памятн. кн. Калужск. губ.* 1862—1863 г., стр. 186.

²⁾ Въ Орловской губерніи не вездѣ такъ; во многихъ селеніяхъ плата пастуху бываетъ *по чередамъ*; что же касается состава череда, то онъ не одинаковъ; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мценскаго, Елецкаго и Дмитровскаго уѣздовъ 6 овецъ составляютъ *чередъ*.

Прим. ред.

³⁾ Опытъ област. великор. словаря, изд. Ак. Наукъ, подъ словомъ *день*; *Записки Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, т. I, 1867 г.: Что сдѣлано у насъ по обычн. праву, *Матѣева*, стр. 650; *Моск. Вѣд.* 1860 г. № 184: Письма изъ деревни, *Кавелина*.

⁴⁾ *Труды Донск. Стат. Ком.*, вып. 2, 1874 г.: Обществ. бытъ и народн. обычай Казанской станицы *Тимошенкова*, стр. 180.

отъ пяти овецъ четверку ржи или гречихи и по 3 коп. деньгами; кромѣ того, отъ каждой получаетъ по 5 фунтовъ ржаной муки. Если же кто не дастъ мукой, тотъ отъ штуки платитъ 10 коп. Плата эта за все лѣто ¹⁾). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ овчару предоставляется право пользоваться молокомъ отъ овецъ. Пастухъ можетъ доить овецъ не иначе, какъ по договору съ крестьянами, и притомъ съ тѣмъ, чтобы не выдаивать молока у всѣхъ овецъ, принадлежащихъ тому или другому хозяину: онъ можетъ пользоваться лишь молокомъ нѣсколькихъ овецъ одного и того же хозяина, такъ какъ сами крестьяне также доятъ своихъ овецъ ²⁾). *Чередникъ* (пастухъ коровъ) получаетъ отъ одной дойной коровы два пуда зерноваго хлѣба, а отъ яловки по 15 или 20 коп., и кромѣ того, каждый хозяинъ по очереди долженъ давать ему дневное пропитаніе. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ развито скотоводство, пастухъ иногда получаетъ плату не деньгами, а опредѣленнымъ количествомъ овецъ, и сверхъ того, пользуется молокомъ козь и овецъ. Впрочемъ плата овцами, кажется существуетъ только у однихъ землевладѣльцевъ. Въ Самарской губерніи пастухи нанимаются на слѣдующихъ условіяхъ: Жители с. Сарайгира, Бугурусланскаго уѣзда, платятъ съ череда конюхамъ за лошадей 19 коп., пастухамъ за коровъ въ одномъ стадѣ 19 коп., въ другомъ 20 к.; за овцу въ одномъ стадѣ 8 к., въ другомъ 6 коп., и т. д. Пастухи, кромѣ конюха, кормятся у хозяевъ скота поочередно ³⁾). Въ с. Орѣховѣ, Бузулукскаго уѣзда, пастуху платятъ за нерабочую лошадь 62 коп., за рабочую 46 к. и 5 фунтовъ муки съ каждой головы. Плата за рабочую лошадь ниже, потому что такая лошадь гораздо рѣже бываетъ въ табунѣ, нежели нерабочая; съ жеребятъ подъ матками плата не назначается. Хозяинъ при десяти лошадяхъ платитъ по уговору за 8, при пяти за 4.

¹⁾ Труды экспед. въ Западно-русс. краѣ, т. I, стр. 76; *Юрид. зап. Родина*, т. 2-й, 1842 г., стр. 40; *Основа* 1862 г., № 2: Наблюд. миров. посредника о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у кр. Кременч. уѣзда Подл. губ.

²⁾ Со общины Н. И. Бѣлозерскій и М. М. Левченко.

³⁾ Всѣ свѣдѣнія, относящіяся до Самарск. губерніи, извлечены изъ рукописныхъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей губерніи, за исключеніемъ свѣдѣній о сс. Новопавловѣ и Константиновскомъ.

Конюха дважды въ лѣто собирають печенный хлѣбъ. Первый хлѣбъ называется *сионный*, второй—*праздничное*. Коровы, овечьи и телячьи пастухи нанимаются оптомъ. Съ коровы за лѣто обошлось 50 к., съ овцы 40 к., съ телки 55 к. Пастухи коровьи и овечьи ѣдятъ по дворамъ: коровій пастухъ за каждую корову имѣеть *ужинъ съ чередъ*, овечій—за пять овецъ тоже. Обычная плата пастуху отъ 35 до 60 руб. въ лѣто. За каждую свинью платять 50 коп. и 8 фунт. хлѣба. Пастухи свиней и телятъ ѣдятъ свой хлѣбъ, какъ и пастухи лошадей. Въ деревнѣ Богдановкѣ, Николаевскаго уѣзда, платять съ лошади 30 к., съ коровы 35 к., съ теленка-зимника 20 к., съ овцы 11 к., и со свиньи 50 к. Съ 1876 года пастухамъ предоставляютъ жить на своемъ содержаніи, тогда какъ въ прежніе годы кормились по дворамъ, кромѣ конюха, который всегда занимался на своемъ содержаніи. Въ с. Колоколовкѣ, того же уѣзда, въ 1876 году къ конному табуну нанять былъ пастухъ за 160 р., къ рогатому скоту за 57 р., и подпасокъ за 22 р., къ телячьему со свиннымъ стадомъ за 48 руб. Продовольствіе конному пастуху полагается сборное отъ общества два раза во все время пастьбы, при чемъ онъ довольствуется тѣмъ, сколько дадутъ. Остальныхъ пастуховъ всякій домохозяинъ долженъ кормить столько, сколько имѣеть чередовъ скота. Плата пастухамъ коннаго табуна, рогатаго скота и мелькаго собирается съ чередовъ. Каждая лошадь, жеребенокъ (рожденный прежде предыдущей зимы), корова и свинья составляютъ чередъ. Телята *полуторники* (рожденные прежде предыдущей зимы) чередъ составляютъ по два. Мелкій скоть (овцы) въ составъ череда входятъ шестью штуками. Въ этомъ селѣ даже плата за землю, арендуемую обществомъ для пастьбы скота и подъ сѣнокось, раскладывается по тѣмъ же чередамъ, но телята, не достигшіе полуторныхъ лѣтъ, равно какъ ягната и свиньи, въ этомъ случаѣ въ составъ череда не входятъ. Такъ въ 1876 г. было нанято обществомъ два участка: первый подъ пастьбу и сѣнокось, второй—подъ одинъ сѣнокось; первый въ 365 десятинъ хозяйственной мѣры (4 тысячи сажень), съ платою за десятину по 1 р. 40 к., всего на сумму 511 руб. При раскладкѣ платы съ cadaго череда сошло по 80 коп. Въ этомъ счетѣ череда, подобно тому какъ ревизскія души при передѣлѣ земли, складываются въ жеребья. Сто чередовъ состав-

*

ляют жеребей. Во второмъ участкѣ, нанятомъ исключительно подь сѣнокосъ, на каждый жребій досталось по 5 хозяйственныхъ десятинъ, а на чередъ по 200 кв. сажень. Въ Новопавловкѣ, того же уѣзда, плата конюху съ лошади или вола 1 р.; за жеребятъ не платятъ; коровьимъ пастухамъ плата отъ 30 до 40 к. со штуки, пастухамъ свиней и телятъ—по 25 к. и съ овцы по 15 к. Конюхъ выговариваетъ, сверхъ платы, муки фунтовъ 15—20 со скотины, масла или сала полфунта, пшена фунтовъ десять. Табунщикъ пользуется провизіей, а не готовою пищею, потому что табунъ постоянно находится въ степи, тамъ и ночуетъ, тогда какъ остальной скотъ пригоняется на ночь въ село. Изъ полученной провизіи конюхъ приготовляетъ себѣ пищу въ полѣ, а хлѣбъ пекутъ ему въ селеніи, дома или за наемную плату. Пастухъ время отъ времени пріѣзжаетъ въ село, обойдетъ двора два-три, соберетъ муку и провизію, первую отдастъ для печенія хлѣба, а вторую возьметъ съ собою. Остальные пастухи, какъ возвращающіеся на ночь въ селеніе, кормятся по очереди: каждый хозяинъ кормитъужиномъ и даетъ на день хлѣба, сала, огурцовъ и пр. У кого изъ хозяевъ дойная корова, тотъ кормитъ день, у кого два подтелка—тоже день. Если у хозяина одинъ подтелокъ или двѣ овцы, то пастухъ или пропускаетъ очередь, пока составится день, или возьметъ у него лишь хлѣба, а у другого такого же хозяина поужинаетъ: такимъ образомъ два хозяина откормятъ день. Одежда и обувь у пастуховъ своя. По сосѣднимъ селамъ пастухи выговариваютъ себѣ праздничное—по пирогу со двора, гдѣ разъ (на Троицу), а гдѣ и два (Петровъ день) въ лѣто; бываетъ и такъ, что всѣ пастухи на своемъ хлѣбѣ, на примѣръ, въ с. Большой Глушицѣ. Плата въ Новопавловкѣ всѣмъ пастухамъ ниже, нежели въ окрестныхъ селамъ, потому что въ немъ большой выгонъ, слѣдовательно, пастуху вольнѣе; онъ нанимаетъ себѣ меньше подпасковъ, нежели тамъ, гдѣ выгонъ тѣснѣе. Подпаски нанимаются самими пастухами изъ своего жалованья; подпасокъ конюхъ получаетъ 20 — 25 руб., а при коровахъ и овцахъ 10 — 12 руб. Кормятся они вмѣстѣ съ пастухомъ у домохозяевъ по очереди, кромѣ подпасковъ конюха, которые кормятся самимъ конюхомъ изъ выговоренныхъ имъ хлѣба и провизіи.

Въ с. Константиновскомъ, Новоузенскаго уѣзда, по словамъ г. Ка-

велина, раскладка платежа между крестьянами производится пастуху—по чередамъ, а табунщику—по головамъ. Платой облагается каждая скотина и каждая лошадь, исключая тѣхъ, которые „ходятъ подь матерью“, то-есть, сосутъ мать; только между лошадьми нѣтъ разницы; коняшонку, то-есть, сосунку, лишь только становится стригуномъ, зачисляется по платежу въ ровень со взрослыми и старыми лошадьми, а для рогатаго скота и овецъ расчетъ дѣлается иначе: корова и быкъ принимаются за единицы, то-есть, за чередъ, шесть овецъ полагается противъ коровы, то-есть, составляютъ вмѣстѣ чередъ; телушка или бычекъ двухгодовалые идутъ каждый за двѣ овцы, слѣдовательно, за треть череда; трехгодовалые телушки и бычки, каждый противъ трехъ овецъ, то-есть, за полчередъ; годовалая телушка не идетъ въ счетъ, также какъ и агнята, кормящіеся молокомъ матери. Пастухи обѣдаютъ или ужинаютъ съ крестьянами и получаютъ отъ нихъ пироги (пшеничные хлѣбы) на остальное время дня про запасъ. Табунщикъ прѣзжаетъ обѣдать въ деревню, потому что днемъ и ночью лошади остаются въ полѣ, пастухъ же пригоняетъ скотину къ заходу солнца домой на ночь и ужинаетъ съ крестьянами. А такъ какъ каждый крестьянинъ ѣстъ четыре раза въ день, то на время, когда пастухъ и табунщикъ не ѣдятъ съ крестьянами, они и должны получить про запасъ пироги, которые и ѣдятъ въ полѣ. Прокормливаніе пастуха и табунщика раскладывается между крестьянскими дворами по количеству скота и лошадей, которымъ каждый дворъ владѣетъ. Сколько въ каждомъ дворѣ чередовъ скота, столько дней онъ обязанъ прокормить пастуха. Табунщика кормятъ съ шести головъ одинъ разъ. Въ этомъ отношеніи заведена между дворами очередь, которая не измѣняется и идетъ, не прерываясь, изъ года въ годъ. Настанетъ поздняя осень, скотъ и лошади перестаютъ ходить въ степи, и прокормленіе пастуха прерывается. Но съ наступленіемъ весны, когда скотъ и лошади опять выгоняются въ поле, опять начинается довольствованіе пищей пастуха и табунщика, и первый дворъ, на которомъ лежитъ эта обязанность, есть тотъ самый, на которомъ остановилась заведенная очередь, за нимъ слѣдующій и т. д. Если дворъ имѣетъ неполное число чередовъ, а съ дробями, или такое число лошадей, которое не дѣлится на шесть безъ остатка, то дробы сосчитываются вмѣстѣ

и когда составлять полный чередъ или 6 лошадей, тогда за нихъ полагается день прокормленія пастуха или табунщика. Напримѣръ, положимъ, что во дворѣ пять чередовъ скота съ половиной, ему прійдется прокормить пастуха въ первую очередь или кругъ пять дней, а во вторую шесть дней. Если у него четыре череда съ третью, то онъ будетъ кормить въ первый кругъ четыре дня, во второй—четыре же дня, а въ третій кругъ—пять дней и т. д. ¹⁾

У гуртовщиковъ Самарской губерніи пастухи, вромѣ платы, получаютъ отъ хозяевъ опредѣленное количество продуктовъ—хлѣба, масла и проч. Иногда, въ замѣнъ масла, пастухамъ радится приплодъ отъ закупаемыхъ хозяевами весной овецъ. Пастухи продаютъ приплодъ бѣднымъ крестьянамъ и на вырученныя деньги покупаютъ масло. Въ г. Самарѣ пастухъ получаетъ плату съ коровы (отъ 1 до 2 р.), сообразно стоимости скотины; оцѣнка скотины производится, въ присутствіи пастуха, хозяиномъ съ двумя сторонними домохозяевами. Въ с. Березовкѣ, Самарскаго уѣзда, въ стадѣ, состоящемъ изъ лошадей и вмѣстѣ рогатаго скота, каждая особь составляетъ чередъ, вромѣ жеребятъ-стригуновъ и телятъ-полугорниковъ, которыхъ считается по двѣ головы въ чередъ. Рядная плата пастуху съ череда 24 коп. и 5 фунт. ржаной и 5 фунт. пшеничной муки, и больше ничего. Во всемъ этомъ стадѣ въ 1876 г. считалось 400 чередовъ, и слѣдовательно, рядная плата пастуху—96 руб. Впрочемъ, большая часть стригуновъ и полугорниковъ отдавалась для пастбы на сторону, гдѣ были отгонныя стада. Въ овечьемъ стадѣ рядная плата пастуху съ череда (въ счетъ череда не входили ягнята, зимники и подъ матерями) въ 6 головъ овецъ, а дневное содержаніе пастуху съ череда въ 5 головъ овецъ. Плата пастуху съ череда 66 коп., а вся равнялась 53 руб. Въ телячьемъ стадѣ (телята-лѣтники) пастуху плата по 31 к. съ головы, и дневное пропитаніе тоже съ головы теленка. Вся рядная плата 27 р. Въ свиномъ стадѣ пастуху плата и дневное содержаніе съ череда.

Въ с. Краковѣ, по словамъ священника І. Архангельскаго, при заключеніи договора пастухъ спрашиваетъ о приблизительномъ количествѣ скота, долженствующаго попасть въ стадо, а потомъ ужъ идетъ ряда о количествѣ платы. Плата назначается не съ

¹⁾ Моск. Вѣд. 1860 г. № 194: Письма изъ деревни, *Кавелана*.

череда, не съ головы, а опредѣленною цифрой — въ 40, 50, 70 рублей. Порядившись въ цѣнѣ, мѣръ дѣлаетъ раскладку пастушанаго по головамъ скота, а какъ количество скота въ теченіе лѣта измѣняется, то плату раскладываютъ два раза во время пастбы (въ мартѣ и іюнѣ), при чемъ въ оба періода плата съ головы можетъ быть не одинаковая. Содержаніе пастуховъ за время пастбы производится съ череда, а не съ головы, также какъ чередами опредѣляется раскладка платы за арендную землю. Общество с. Кракова въ 1871 году сняло въ аренду у удѣла на девять лѣтъ участокъ земли въ 834 казенныхъ десятины, съ платой 750 руб. въ годъ. Этотъ участокъ раздѣленъ на девять равныхъ частей или картъ, изъ которыхъ три карты засѣвается хлѣбомъ, а шесть употребляется подъ пастбище для скота. Кромѣ того, въ 1873 г. взять у удѣла же участокъ въ 1079 казенныхъ десятинъ за 756 руб. подъ пастбу скота, безъ права распашки. Съ череда въ 1873 году сошло по 1 руб. 49½ коп. Сорокъ чередовъ составляютъ жеребей. На жеребей досталось 8¼ десятинъ. Телячье и свиное стадо на арендуемую землю не гоняются, они всегда пасутся на надѣльной землѣ ¹⁾. Рабочая лошадь-третьякъ, дойная корова и телка-третьякъ (свыше двухъ лѣтъ) и шесть головъ овецъ считаются за чередъ. Жеребята-стригуны и телята-полуторники (до двухъ лѣтъ) тоже считаются за чередъ. За норму череда, по мѣнѣю о. Іоанна Архангельскаго, раздѣляемому, какъ онъ пишетъ— и крестьянами, принята норма зимняго корма, основанная на дѣйствительномъ потребленіи его, и средняя норма предполагаемаго дохода отъ скота — „по приходу и расходу“, говоритъ крестьянство. Корова зимою съѣдаетъ столько, сколько 6 овецъ. Здѣсь принято запасать сѣна на рабочую лошадь 9 возовъ, на корову 6 возовъ, на овцу 1 возъ, на стригуновъ и полуторниковъ-телить по 3 воза на голову. Отсюда видно, что рабочая лошадь съѣдаетъ корма столько сколь-

¹⁾ Для большой ясности дальнѣйшаго изложенія, необходимо сказать о числѣ и родѣ стадъ въ с. Краковѣ: первое — отгонное стадо; сюда входятъ всѣ лошади: рабочія, третьяки, стригуны (по отнятій отъ матери и до 2-хъ лѣтъ) и сосуны (особи подъ матерями), также телята-полуторники и дойники; второе стадо — коровье, куда входятъ дойныя коровы, телки и быки третьяки; третье — овецье стадо; четвертое — телячье стадо, состоящее изъ телятъ-лѣтниковъ, за исключеніемъ поюновъ, и пятое — свиное стадо.

во $1\frac{1}{2}$ коровы. Но съ другой стороны берется во вниманіе, что рабочая лошадь болѣе $\frac{1}{2}$ пастбищнаго періода живетъ на хозяйскомъ уходѣ и корму, и слѣдовательно, на $\frac{1}{2}$ времени не требуетъ ухода пастуха и не потребляетъ пастушнаго корма, и такимъ образомъ норма череда восстанавливается. Особь подъ матерью также предполагается безъ ухода со стороны пастуха и потребления корма. Предполагаемый средній доходъ отъ разнороднаго скота нужно принимать не только какъ балансъ — разность между приходомъ и расходомъ, но и какъ удовлетвореніе потребностей крестьянской семьи. Если, на примѣръ, для удовлетворенія известной крестьянской семьи нужно двѣ коровы, то для удовлетворенія другихъ потребностей этой семьи нужно непременно 12 овецъ. Стригуны-жеребята и полуторники-телята считаются въ с. Краковѣ не за получередь, а за цѣлый чередъ. Это отступленіе крестьяне мотивируютъ тѣмъ, что телята полуторники пасутся здѣсь не въ обычномъ стадѣ, а въ отгонномъ. Слѣдовательно, полуторникъ и день и ночь пребывая въ стадѣ, потребляетъ корму столько же, сколько и корова, которая въ ночное время бываетъ на дворѣ хозяина. Стригунъ считается за чередъ въ параллель полуторнику, чтобъ уравновѣситъ арендную плату. Норма череда въ шесть овецъ въ с. Краковѣ постоянная. Чѣмъ она обуславливается — разъяснено выше. Отступленіе отъ указанной нормы можетъ случиться смотря по обстоятельствамъ. Въ с. Краковѣ, каждый поросенокъ, вышедшій изъ подъ матери, считается за чередъ ¹⁾. Отступленіе это обуславливается именно малымъ свиноводствомъ; оно облегчаетъ плату пастуху рядной суммы и содержаніе его. Равнымъ образомъ содержаніе пастуха въ телячьемъ стадѣ обуславливается количествомъ телятъ известнаго года и усмотрѣніемъ домохозяевъ, то есть, они полагаютъ содержаніе съ одной, двухъ и трехъ головъ, какъ прійдется. Такимъ образомъ видимъ, что телячье стадо и свиное въ общую норму чередовъ остальнаго скота не входятъ и не должны входить по той простой причинѣ, что эти стада не могутъ составлять единичнаго стада ни между собою, ни съ другими стадами, и у нихъ своя безотносительная къ другимъ

¹⁾ Въ другихъ селеніяхъ гдѣ развито свиноводство, за чередъ принимаютъ три поросенка.

Прим. ред.

норма. Всѣ прочія стада могутъ входить въ одно стадо, а особенно овечье и коровье.

Кромѣ указанныхъ выше случаевъ, употребленіе чередовъ, какъ особой нормы или единицы, бываетъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ с. Бережьѣ, Самарскаго уѣзда, крестьяне, нанявъ подѣльщицу у частнаго землевладѣльца уголь земли (безъ опредѣленія мѣры) за 85 руб. 74 коп., плату за него произвели извозомъ хлѣба въ г. Самару въ количествѣ 1429 пудъ (6 коп. съ пуда). Извозъ произведенъ по чередамъ лошадей и рогатаго скота, такъ какъ только эти животныя паслись на участкѣ. На чередъ извоза падало 3 пуда 23 фунта. Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губ. за арендуемый крестьянами выгонъ случается расплачиваться обязательною работою, напримѣръ, выжать 4 (болѣе или менѣе) десятины ржи или яроваго хлѣба, или вывезти удобреніе или взорать определенное число десятинъ въ пользу владѣльца земли. Тогда крестьяне, собравшись въ назначенный день на поле къ владѣльцу, раздѣляютъ землю позагонно, а потомъ разведутъ по числу чередовъ у каждаго, кому сколько причтется выжать загоновъ или взорать. Сколько бы ни было клиновъ въ полѣ, крестьяне разчитаютъ, разбивши землю на загоны, кому сколько причтется въ каждомъ клину обработать. Зачинный выгонъ выбирается по жеребью между двумя крайними домохозяевами деревни; прочіе разстанавливаются по тому порядку, въ какомъ слѣдуютъ въ деревни домъ за домомъ. Обыкновенно при этихъ расчетахъ, кому сколько загоновъ придется отработать, возникаютъ самые горячіе споры, такъ какъ число скота мѣняется въ теченіе всего лѣта у большей части изъ крестьянъ. Кромѣ того, у нихъ встрѣчаются дробы, напримѣръ, полъ-череда, $1\frac{3}{4}$ череда; всѣмъ надо уравниваться въ работѣ, — удивительно ли, что наиболѣе справедливое рѣшеніе практической задачи, кому какую часть слѣдуетъ отработать изъ общей, на всю деревню доставшейся работы, сопровождается постоянно спорами, а иногда и бранью. Но тотчасъ, какъ рѣшили разговоры и вынули жребій, съ какого конца зачинать которому краю, всѣ ставовятся по своимъ мѣстамъ, и работа закипаетъ. Въ спорахъ участвуютъ только тѣ, кто держитъ въ домѣ *большину*; изъ остальныхъ членовъ семейства никто не вступаетъ въ эти пренія. Каждый домохозяинъ знаетъ, возлѣ кого ему работать; домашніе же его всѣ

становятся вѣстѣ съ нимъ, и работы промежь собою, то-есть, своимъ домою, никогда не дѣлать, а отбываютъ ее сообща цѣлымъ семействомъ. Случается, что у извѣстнаго семейства скотны много, а рабочихъ рукъ въ домоу мало; *десятокъ* въ это дѣло не входятъ; самъ домохозяинъ прихватываетъ съ собою наемщицъ или наемщиковъ, чтобъ отъ сосѣдей не отстать въ работѣ. При расчетахъ между собою во время такого отбыванія обязательной работы за пользованіе выгонами у сосѣдняго владѣльца, крестьяне верстаются половинною работою, если скотна продана у кого до Петрова дня, и наваливаютъ работу, какъ за цѣлую скотину, тому, кто продалъ ее послѣ Петрова дня. Тотъ же точно расчетъ и при денежномъ сборѣ за выгонъ, взятый цѣлою деревней въ кортому за извѣстную плату. Причины этого обычая будутъ разяснены ниже, при изложеніи обычая, по которому хозяинъ, хотя нѣсколько дней пускавшій свой скотъ въ стадо, обязанъ уплатить пастуху плату за одну или за обѣ половины пастушнаго періода.

Въ с. Сопелкахъ, Ярославской губ., быкъ для мірскаго стада нанимается, и кто его содержать, тому платять по ровну, съ каждою чередою, но съ однихъ только коровъ. Въ той же губерніи, какъ было сказано ранѣе, очередная пастьба лошадей по ночамъ отбывается крестьянами по конскимъ чередамъ.

Сверхъ платы за пастьбу скота и содержанія, пастухи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользуются еще такими выгодами. Въ с. Новопавловкѣ, Самарской губ., пастухъ выговариваетъ у общества, чтобъ ему было позволено принять нѣсколько штукъ скота (овецъ десять, двадцать, или лошадей десять, пятнадцать) со стороны, изъ другихъ селъ. Плата за пастьбу этого скота идетъ въ его пользу. Въ с. Сопелкахъ пастухъ также получаетъ право брать жеребятъ отъ постороннихъ лицъ для пастьбы въ мірскомъ стадѣ.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ пастухъ условливается при рядѣ со своими хозяевами на счетъ принятія сторонняго скота. Дозволяется это пастуху съ цѣлю сбавить ему рядной цѣны, но всегда опредѣляютъ число скотинъ, болѣе которыхъ пастухъ не можетъ принять, еслибъ ему и предлагали потомъ на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ. Очевидно, дѣлается такое ограниченіе числа чужихъ скотинъ съ цѣлю сберечь кормъ въ поляхъ, гдѣ гуляетъ скотина, исключительно для своей собственной. За жеребенка, взя-

таго въ пастушню на цѣлое лѣто, пастухъ получаетъ отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб., за корову—75 коп., за подтелку—50 коп. Въ Даниловскомъ уѣздѣ, также какъ и въ Сопелвахъ пастуху не дозволяется брать изъ стада лошадей. Тамъ и понятія не имѣютъ, какъ можно дозволить пастуху ѣздить на хозяйскихъ лошадяхъ. Это, во первыхъ, потому, что лошадей немного: изъ деревни дворовъ въ 20 и лошадей-то гуляетъ въ полѣ не болѣе 20 головъ; рѣдкіе изъ тамошнихъ крестьянъ держатъ болѣе одной лошади, а есть и такіе, у которыхъ нѣтъ ни одной; вовторыхъ, лошади, въ лѣтнюю пору, за исключеніемъ сѣнокоса, все рабочія и усталыя; кто позволитъ пастуху ѣздить на своей лошади, когда ей нуженъ отдыхъ; да, втретьихъ, куда пастуху ѣздить? Тамъ нѣтъ степей, а болшею частью огороженныя поля или пустоши, гдѣ имѣется выгонъ, пространствомъ весьма ограниченный, такъ какъ наибольшій крестьянскій надѣлъ на 1 душу всего 4 десятины.

Но въ другихъ мѣстахъ, пастухъ получаетъ право ѣздить на мирскихъ лошадяхъ, если выговорить его себѣ. Такъ въ с. Краковѣ въ отгонномъ стадѣ пастухъ болшею частію нанимается на условіи пользованія общественными лошалями для верховой ѣзды. Чередъ для этого пользованія заведенъ такой: на котораго домохозяина падаетъ дневное содержаніе пастуха, того лошади и употребляются пастухомъ для ѣзды. Въ с. Константиновскомъ подъ табунщикомъ всегда ходитъ лошадь. Въ видахъ уравнинія верховая ѣзда табунщика, какъ и прокормленіе его, раскладывается между дворами по числу владѣемыхъ ими лошадей. Прежде было такъ: четыре лошади давали одну подъ табунщика на день, теперь даютъ одну на сто лошадей. Крестьяне говорятъ, что это сдѣлано для облегченія лошадей. Но возможность такого облегченія произошла отъ того, что число крестьянскихъ лошадей значительно увеличилось. Излишки или недостатки къ шести сосчитываются особо и отслуживаютъ свои конные дни табунщику, точно также, какъ чередовыя дробы скота сосчитываются при раскладкѣ корменныхъ дней ¹⁾). Въ с. Новопавловкѣ пастухи ѣздятъ въ село за провизіей, для розысковъ пропавшей лошади и т. д.

¹⁾ Моск. Вѣд. 1860 г., № 194: Письма изъ деревни *Кавемна*. См. также Тр. Ком. о волост. суд., VI, 248: Самарск. губ.

на своей собственной лошади. Брать изъ табуна лошадей онъ можетъ не иначе, какъ условившись объ этомъ съ обществомъ, при чемъ пользуется лошадьми по очереди. Для того же, чтобы вернуть табунъ, каждый пастухъ имѣетъ право вскочить на первую попавшуюся лошадь изъ табуна.

Теперь переходимъ къ раскладкѣ пастушнаго, способамъ и срокамъ его уплаты. Въ Владимірской губерніи къ числу денежныхъ повинностей крестьянъ, отбываемыхъ въ лѣтнее время, относится сборъ съ нихъ пастушни, которую разверстываютъ между собою крестьяне пропорціонально числу имѣющихся у каждаго домохозяина животныхъ (скотинъ). Для этой обязанности выбираютъ изъ среды односельчанъ особаго сборщика пастушни, который приводитъ въ наличность всю домашнюю скотину въ деревнѣ: коровъ, овецъ, лошадей и т. д., и по безграмотству своему ведетъ счетъ на *подотъ* (палкѣ), по каждому двору отдѣльно. Эта своеобразная запись дѣлается такъ: на длинной, обтесанной брускомъ, палкѣ начинаютъ *мѣтить* скобли ножомъ поперечныя зарубки, означающія чередъ. На смежной сторонѣ подога, повернувъ зарубки къ низу, концомъ ножа наворачиваютъ точки—части чередъ. По окончаніи счета скотинъ одного двора ставится крестъ, который служитъ раздѣломъ чередовъ слѣдующаго двора и т. д. до послѣдняго. Начало чередовъ, какъ и всякій рядъ въ деревнѣ, считается съ крайняго дома—отъ солнечнаго восхода, если селеніе улицей расположено отъ востока на западъ, когда же онъ стоитъ по другому направленію, начинаютъ то съ полуденнаго конца деревни, продолжая считать дворы по ходу солнышка. Денежный расчетъ съ пастухомъ ведется сборщикомъ, сельскій же староста до этого не касается, какъ и десятникъ ¹⁾). Въ Московской губерніи деньги за всю скотину также получаетъ выборный отъ всего міра сборщикъ, который разчитывается съ пастухомъ и наблюдаетъ за его постоемъ ²⁾). Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, гдѣ бывають отдѣльные пастухи для лошадей, коровъ, овецъ и т. д., для сбора денегъ за пастьбу назначаютъ и различные

¹⁾ *Ежегодникъ Владим. Губ. Ст. Ком.* 1876 г., т. 1-й, вып. 1-й: Жизнь, нравы и обыч. крест. Меленковскаго уѣзда *Добрынкина*, стр. 102.

²⁾ *Моск. Губ. Вѣд.* 1854 г., № 26: Лѣтн. правд. у поселянъ.

выборные сборщики—конский, коровий и овечий. Въ Самарской губерніи въ с. Краковѣ, порядившись съ пастухомъ въ общей суммѣ, которую долженъ получить онъ за пастьбу скота, міръ дѣлаетъ раскладку пастушного по головамъ скота за первую половину пастушного періода. Эта первая половина времени пастьбы продолжается съ выгона скота до 29-го іюня. Самая раскладка дѣлается въ мартѣ мѣсяцѣ. Рядную плату обязаны по мірской мѣтѣ съ каждаго домохозяина собрать сами пастухи. Плата собирается съ головы. За первую половину плата собирается до выгона скота въ стадо. За вторую половину по окончаніи пастьбы. Передъ наступленіемъ второй половины, съ 29-го іюня до конца пастьбы, міръ дѣлаетъ новую *мѣту* скота и раскладку пастушного. Напримѣръ, пастухъ порядился пасти стадо за 50 руб.; по первой раскладкѣ разложено было въ сборъ 30 руб.; слѣдовательно, во вторую раскладку пойдутъ 20 руб. Особи подъ матерями и вообще особи, родившіяся по окончаніи пастьбы предыдущаго года, какъ сообщено ранѣе, въ мѣту не входятъ и оплатѣ пастушного не подлежатъ. Въ другихъ же мѣстахъ эти особи не входятъ въ мѣту только за первую половину года. Отсюда понятно, что какая особь попала въ какую мѣту, та и оплачивается пастушнымъ сполна, хотя бы проходила въ стадѣ одинъ день: иначе обычная предварительная раскладка пастушного потеряла бы всякій смыслъ и должна была бы измѣниться въ другой порядокъ.

Въ мірское стадо гоняютъ скотъ всѣ домохозяева селенія. Если же кто не пожелаетъ гнать свой скотъ въ это стадо, а заводитъ свой *особнякъ*, то ему не препятствуютъ; но мірскому пастуху онъ обязанъ заплатить вмѣстѣ съ другими. Міръ нанимаетъ пастуха за известную плату, слѣдовательно, каждый особнякъ, если бы за него не платили, увеличиваетъ плату съ каждой головы скота мірскаго стада. Положимъ міромъ нанять пастухъ для 100 головъ рогатаго скота за 40 руб.; съ головы падаютъ пастушного 40 коп. Предположимъ, что 50 головъ отошло отъ мірскаго стада въ особняки; ясно, что въ такомъ случаѣ за каждую голову, оставшуюся въ стадѣ, нужно увеличить плату вдвое. Такимъ образомъ норма платы, которая имѣлась въ виду при наймѣ пастуха, была бы сильно нарушена. „Міръ долженъ мѣтить всю скотину, какая есть въ селеніи“, и весь скотъ, какой попадетъ въ мѣту, гдѣ бы не пасся, долженъ быть опла-

чень „мірскимъ пастушнымъ“. Хозяинъ особняка освобождается только отъ содержанія мірскаго пастуха. Бывали случаи, что сильная разногосица на сельскомъ сходѣ при наймѣ пастуховъ препятствовала сложиться мірскому стаду, и весь скотъ долженъ былъ пастись особняками. Особняки на пастьбѣ перемѣшивались, и дѣло выходило изъ рукъ вонъ плохо. Жители с. Константиновскаго производятъ наемъ пастуха и табунщика около новаго года, и если съ этого времени произойдетъ какая-либо перемѣна въ числѣ скота или лошадей къ тому времени, когда они выгоняются въ степь на траву, то раскладка сообразно съ тѣмъ измѣняется: у кого уменьшилось количество скота или лошадей, тому излишне полученныя съ него деньги возвращаются, а у кого количество скота увеличилось, съ того, по разчету, дозвмается.

Сборъ наемной платы табунщику или пастуху поручается обществомъ одному изъ стариковъ, который и ходитъ по дворамъ, когда слѣдуетъ, и ведетъ съ крестьянами, пастухомъ и табунщикомъ разчеты. Въ с. Новопавловеѣ плата пастуху назначается не оптомъ, а съ головы скота, такъ что общая сумма не бываетъ въ точности извѣстна пастуху при договорѣ, потому что онъ не знаетъ, сколько будетъ головъ въ стадѣ. Въ этомъ случаѣ онъ самъ ходитъ послѣ договора по дворамъ переписываетъ скотину или мѣтитъ на палкѣ, самъ и собираетъ плату. Согласно съ договоромъ, пастухъ собираетъ половину платы съ хозяевъ весной, потому что ему деньги нужны на подати, на наемъ подпасковъ и пр., а другую половину подучаетъ по окончаніи пастьбы. Бываетъ и такъ: если стадо—положимъ, табунъ лошадей,—на все село одно, тогда пастуху даютъ въ счетъ платы извѣстную сумму изъ общественныхъ денегъ, а потомъ собираютъ съ хозяевъ и пополняютъ общественную сумму. Въ Новопавловеѣ, какъ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, на примѣръ въ Большой Глушицѣ, соблюдаютъ такое правило: если скотина проходила за пастухомъ половину лѣта, то есть, до Троицы или до Петрова дня, то хозяинъ, продавшій ее въ эти праздники, долженъ во всякомъ случаѣ отдать пастуху половину платы; а если она ходила большую половину лѣта, на примѣръ, до Ильина дня или до Усиѣнія, то хозяинъ платитъ сполна, въ случаѣ продажи скотины.

Въ Новопавловеѣ рабочія лошади во время полевныхъ работъ

пасутся не въ общемъ табунѣ, а особо, близь селенія, и только на Тройцу отпускаютъ всѣхъ лошадей въ табунъ, потому что тогда всю недѣлю не работаютъ. Осенью молотятъ лошадьми, такъ что ихъ мало остается въ табунѣ. Тѣмъ не менѣе существуетъ правило: ходила ли, не ходила ли въ табунѣ лошадь—заплати пастуху, пастухъ въ томъ не виноватъ, что лошадей берутъ изъ табуна. Въ с. Богдановѣ, Николаевскаго уѣзда, пастуху платится первая половина жалованья передъ выгономъ скота въ поле, а вторая—среди лѣта. Изъ рѣшенія одного волостнаго суда видно, что два пастуха, нанятые для пастбы коннаго и рогатаго скота цѣною за 73 руб., въ число платы получали съ общества въ задатокъ 25 руб. и послѣ, по ихъ же просьбѣ, имъ дано еще по 6 руб. ¹⁾ Въ другомъ случаѣ пастухъ, нанятый пасти свиней за 48 р., по договору долженъ былъ получить отъ общества 10 руб. задатка и за выпитые съ обществомъ даvasы 2 руб. ²⁾ Въ третьемъ случаѣ пастухъ, обязавшійся у общества пасти рогатый скотъ и лошадей за 60 р., договорился деньги получать такимъ образомъ: при врученіи ему условія 20 р., на Петровъ день 10 р., а остальные 30 р. по истеченіи срока ³⁾. Въ г. Самарѣ пастухъ всю плату беретъ весной, для чего недѣлю черезъ двѣ-три послѣ начала пастбы, загоняетъ скотъ въ чей-либо дворъ и объявляетъ объ этомъ хозяевамъ, чтобы несли плату. Послѣдній способъ полученія платы примѣняется и въ нѣкоторыхъ селахъ Самарской губерніи, напримѣръ, въ Горѣломѣ Гаѣ, Николаевскаго уѣзда.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, въ видахъ по возможности сократить цифру вычета при окончательномъ разчетѣ за всѣ свои прегрѣшенія въ теченіе лѣта, какъ-то: своевольныя отлучки отъ стада, загулы въ праздничное время, потравы хозяйскихъ полей и луговъ, потравы у сосѣдей, увѣчье или пропажу скота и т. п., пастухи всѣми правдами-неправдами стараются забрать свое жалованье впередъ, такъ чтобы при разчетѣ пришлось получить имъ сумму бездѣлицу, на которую, ради ея малости, не кинется, пожалуй, самый скупой изъ хозяевъ. Зарабочая плата при первона-

¹⁾ Тр. Ком. о вол. суд., VI, 248: Самарск. г., Бугурусл. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 118: Самарск. г., Бузулукск. у.

³⁾ Тамъ же, VI, 222: Бугурусл. у.

чальной рядѣ распредѣляется по срокамъ въ теченіе лѣта, что, конечно, бываетъ различно въ разныхъ деревняхъ; общаго тутъ только одинъ срокъ—къ Петрову дню, къ которому пастухи всюду собираютъ съ крестьянъ извѣстную договоренную часть изъ своего жалованья.

Населеніемъ Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи, плата пастуху за рогатый скотъ отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частнымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіе весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину весной, когда животное поступаетъ на пастьбу. Въ другихъ селахъ этого не дѣлаютъ, но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оповѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней въ загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева приносятъ деньги. Въ томъ же уѣздѣ принято, что какъ бы скоро по поступленіи на пастьбу скотина ни была взята хозяиномъ для продажи, пастуху во всякомъ случаѣ дается половина наемной платы за нее ¹⁾.

Въ случаѣ какихъ-либо затрудненій въ сборѣ платы за пастьбу скота или просто отказа отъ уплаты этихъ денегъ, пастухъ обращается или къ представителю общины, сельскому старостѣ, или къ сельскому сходу, а не то и къ волостному суду. Староста самъ ходитъ иногда по дворамъ для сбора причитающейся пастуху платы ²⁾, или производитъ въ волостномъ судѣ искъ денегъ съ крестьянина, не уплатившаго пастушны ³⁾. Иногда бываетъ и такъ, что сельскій сходъ, въ случаѣ неуплаты пастуху нѣкоторыми хозяевами пастушного сбора, разрѣшаетъ сельскому старостѣ взять силою какую-либо вещь у неплательщика, продать ее и уплатить пастуху слѣдующую ему сумму. Въ одномъ случаѣ хозяинъ, у котораго былъ проданъ хомутъ для уплаты пастушного сбора, обратился съ жалобой на дѣйствія старосты въ волостной судъ. Но и судъ,

¹⁾ *Основа* 1862 г., № 2: Наблюд. миров. посредника о нѣкоторыхъ юрид. обычаяхъ у крестьянъ Кременч. уѣзда.

²⁾ Труд. Ком. о вол. суд. II, 252: Моск. губ., Можайск. у.; VI, 398: Саратов. губ.

³⁾ Тамъ же, II, 202: Моск. губ., Серпух. у.

послѣ того, какъ староста объяснилъ при дознаніи, что хомуть взяты у просителя согласно сельскому приговору, и тогда же были взяты и у другихъ крестьянъ вещи за неплатежъ денегъ пастуху, призналъ дѣйствія общества относительно отобранія хомута правильными, потому что, по мѣстному обычаю, такъ въ подобныхъ случаяхъ и прочія общества поступаютъ ¹⁾).

Въ Архангельской губерніи въ случаѣ отказа хозяина отъ платежа денегъ пастуху, на томъ основаніи, что его скотъ не ходилъ на пастьбу, обиженный обращается къ содѣйствію волостнаго суда. Судъ сначала спрашивается о томъ, былъ ли скотъ отвѣтчика въ счету скота, назначеннаго къ пастьбѣ, и если окажется, что былъ, принуждаетъ хозяина къ уплатѣ удерживаемыхъ имъ пастушнихъ денегъ, хотя бы скотъ вовсе не ходилъ въ стадѣ.

Приводимыя ниже рѣшенія лучше уясняютъ указанный обычай. Всѣ эти рѣшенія принадлежатъ Великониколаевскому волостному суду, Шенкурскаго уѣзда, и заимствованы нами изъ подлинныхъ книгъ суда.

1. 1868 года 27-го декабря. Крестьянинъ Никольскаго сельскаго общества Андрей Кузьминъ Будиловъ заявилъ 27-го сего декабря въ Великониколаевскомъ волостномъ судѣ словесную просьбу о взыскаіи съ проживающаго въ деревнѣ Щипуновской, Никольскаго общества, солдата Дмитрія Николаева Семакова, не уплаченныхъ ему за пасеніе лѣтомъ сего года скота денегъ 45 коп. Вызванный на 27-е декабря въ волостной судъ, солдатъ Дмитрій Семаковъ объяснилъ, что у него лѣтомъ сего года за пастухомъ принадлежащій ему скотъ нѣсколько времени не ходилъ, при чемъ сознался, что пастухъ у него жилъ на квартирѣ (то-есть, въ домѣ) и продовольствовался до двухъ разъ, наконецъ и отъ сего объясненія началъ отзывать, заявивъ, что платить взыскаиваемыхъ съ него Будиловымъ денегъ 45 коп. онъ обязаннымъ себя не считаетъ. Сосѣдственные крестьяне деревни Щипуновской на спросъ ихъ въ волостномъ судѣ показали, что при ваимѣ ими пастуха весь скотъ солдата Дмитрія Семакова 3 штуки были въ счету скота, назначеннаго къ пастьбѣ, и что солдатъ Дмитрій Семаковъ содержалъ пастуха на своей квартирѣ и содержаніи до двухъ разъ,

¹⁾ Тамъ же, II, 262: Мося. губ., Можайск. у.

разъяснивъ притомъ, что рѣшено было по 15 к. за скотину, въ количествѣ около 60 головъ. Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, признавая отзывъ солдата Дмитрія Семакова неуважительнымъ, опредѣлилъ взыскать съ него, Семакова, выше означенныя деньги 45 коп., кои ми удовлетворить крестьянина Андрея Будилова, съ объясненіемъ, что недовольная симъ рѣшеніемъ сторона можетъ подать жалобу въ мировой съѣздъ въ тридцатидневный срокъ.

II. 1867 года 6-го марта. Крестьянинъ Федоровскаго сельскаго общества Иванъ Тихановъ Козминъ заявилъ словесную просьбу въ Великоиколаевскомъ волостномъ судѣ о взысканіи съ крестьянина Никольскаго общества Егора Николаева Семакова не доплоченныхъ ему за пасеніе лѣтомъ 1866 года скота денегъ 76½ коп. Вызванный въ волостной судъ крестьянинъ Егоръ Семаковъ объяснилъ, что у него лѣтомъ 1866 года ходило за пастухомъ только двѣ скотины, за которыхъ онъ заплатилъ деньги; остальныхъ же трехъ скотинъ упомянутый крестьянинъ Иванъ Козминъ въ поскотину не ронялъ, почему и платить за нихъ денегъ онъ, Семаковъ, обязанымъ себя не считаетъ. Сосѣдственные крестьяне деревни Щилуновской на спросъ ихъ въ волостномъ судѣ показывали, что при наймѣ ими пастуха весь скотъ крестьянина Егора Семакова 5 штукъ былъ въ счету скота, назначеннаго къ пастыбѣ, почему и плата условлена была гуртомъ за весь скотъ, а не особо за каждую скотину. Вслѣдствіе того волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, признавая отзывъ крестьянина Егора Семакова неуважительнымъ, приговорилъ взыскать съ него помянутыя деньги 76½ к., кои ми и удовлетворить крестьянина Ивана Козмина.

III. 1866 года 6-го ноября. Крестьянинъ Никольскаго сельскаго общества Семенъ Осиповъ Емельяновъ подалъ въ Великоиколаевское волостное правленіе прошеніе о взысканіи съ крестьянъ Володиміровскаго общества, деревень: Сюминъ, Лихошерстовы и у Витковнхъ слѣдующихъ ему за пастыбу у нихъ лѣтомъ 1866 г. скота 85 штукъ, денегъ, по 25 коп. за каждую скотину, такъ какъ нѣкоторые крестьяне съ половины лѣта спустили своего скота за другихъ пастуховъ и отъ платежа ему денегъ отказываются. Вслѣдъ затѣмъ крестьянинъ Семенъ Емельяновъ заявилъ лично въ волостномъ судѣ, что онъ проситъ произвести взыска-

не въ пользу его денегъ только съ трехъ человѣкъ, а именно: Ивана Чеусова, Никиты Ѳеодурна и Ѳеодора Глазачева за 7 скотинъ по 25 коп. за каждую, всего 1 руб. 75 к., и что съ остальныхъ крестьянъ деньги онъ надѣется получить самъ лично безъ суда. Вызванные въ волостной судъ крестьяне Чеусовъ, Ѳеодуринъ и Глазачевъ отозвались, что они въ наймѣ пастуха Емельянова не участвовали и скотъ ихъ большую часть лѣта пасся за другими пастухами, а потому и платить взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ они не желаютъ. Волостной старшина Ѳеодуринъ и сельскій староста Владиміровскаго общества Кривонькинъ, какъ мѣстные обыватели деревни Слюины и Лихошерстова, объяснили, что въ ихъ селеніяхъ существуетъ установившійся съ давняго времени порядокъ, по коему въ наймѣ пастуха участвуютъ обыкновенно какъ бы уполномоченные отъ селеній, два или три человѣка, которые дѣлаютъ съ нанятымъ пастухомъ условіе, и оное условіе распространяется на всѣхъ домохозяевъ упомянутыхъ трехъ селеній и на весь безъ исключенія въ тѣхъ селеніяхъ скотъ. Вслѣдствіе того волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, находя крестьянъ Ивана Чеусова, Никиту Ѳеодурна и Ѳеодора Глазачева нарушителями мѣстнаго обычая, а потому признавая отзывъ ихъ неуважительнымъ, приговорилъ: взыскать съ нихъ Глазачева, Ѳеодурна и Глазачева помянутыя деньги 1 руб. 75 коп. въ пользу пастуха крестьянина Семена Емельянова.

IV. 1866 года 21-го декабря. Крестьянинъ Едемскаго сельскаго общества Алексѣй Никифоровъ Филимоновъ объявилъ въ Великоколпаевскомъ волостномъ судѣ словесную просьбу о взысканіи съ крестьянъ Володимірскаго сельскаго общества деревень Ивановской, Фофановской и печища Толчейнаго за пастбу имъ сего лѣта рогатаго скота 17 штукъ по 30 коп. за каждую, всего 5 руб. 10 к. Вызванные въ волостной судъ крестьяне Василій Пельтихинъ, Александръ, Константинъ, Семень и Яковъ Ежевы признались, что дѣйствительно у нихъ сего лѣта находился пастухомъ крестьянинъ Алексѣй Филимоновъ, и притомъ объяснили, что они удерживаютъ деньги слѣдующія пастуху Филимонову по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1-й, Василій Пельтихинъ — что пастухъ Филимоновъ не пасъ у него скота 4 штукъ во все лѣто, отъ которыхъ Филимоновъ отказался пасти, почему онъ, Пельтихинъ, и перевелъ

*

этотъ скотъ въ другую паству; 2-й, Александръ Ежевъ—что пастухъ Филимоновъ потерялъ бычка и не указалъ костя, за что самое и удерживаетъ за пасеніе трехъ скотинъ 90 коп.; 3-й, Константинъ, Яковъ и Семень Ежевы отозвались, что пастухъ Филимоновъ во все лѣто не пасъ ихъ скота, за что они и удержали деньги. По сдѣланному же дознанію у сосѣдей тѣхъ крестьянъ, оказалось, что пастухъ Филимоновъ былъ пораженъ пасты скотъ сколько есть въ тѣхъ деревняхъ, за что и радимъ кругомъ по 30 в. съ каждой скотины, и что у нихъ условія никакого сдѣлано не было, чтобы за потерянную скотину взымать съ пастуха деньги, а только не отдавать ему Филимонову жалованья за ту скотину, которую онъ потеряетъ, и что крестьяне Ежевы напрасну отываются отъ платежа собственно по упрямству ихъ, Ежевыхъ. Напротивъ же крестьяне Ежевы не кормили все лѣто пастуха хлѣбомъ по неизвѣстности онаго, тогда какъ Филимоновъ пасъ у нихъ, Ежевыхъ, скотъ до половины лѣта. Вслѣдствіе того волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи приговорилъ: взымать съ крестьянъ по 30 коп. за скотину, а именно: Василія Пельтикина за 4 быка за половину лѣта пасенія 60 коп., Александра Ежева за 3 скотины 90 коп. и Константина, Якова и Семена Ежевыхъ за 9 скотинъ 2 р. 70 коп., а всего 4 руб. 20 коп., конми удовлетворить крестьянина Алексѣя Филимонова.

Въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи коренной обычаи, что до Петрова дня сколько бы не пропалась скотина, хотя бы два или три дня, полагается плата пастуху за пѣлую половину всей пастушни. То же самое и послѣ Петрова дня: если скотина будетъ продана хозяевами хотя бы черезъ два дня, а въ эти два дня она гонялась со двора въ пастьбу, плата пастуху идетъ какъ бы за пѣлую пастушню въ теченіе всего лѣтнаго времени отъ сгона со двора до загона

Указанный обычай проявляется и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ другихъ мѣстностей Россіи. Хозяинъ, гонявшій свой скотъ (свиной и овецъ) въ стадо пастуха, по его показанію—лишь два дня, а по словамъ пастуха—двѣ недѣли, пересталъ отпускать его въ общее стадо, а отдалъ стеречь своему мальчику, и потому противъ жалобы пастуха о неуплатѣ пастушни заявилъ, что не считаетъ себя обязаннымъ платить пастуху. Судъ однако при-

говорилъ къ уплатѣ слѣдующаго пастуху пастушнаго сбора ¹⁾. Въ двухъ случаяхъ, вслѣдствіе жалобы пастуховъ въ неплатѣ имъ нѣкоторыми крестьянами пастушни (по показанію самихъ хозяевъ на томъ основаніи, что они никогда не пускали своихъ лошадей въ табунъ), судомъ приговорено взыскать пастушныя деньги съ виновныхъ, въ первомъ случаѣ, „потому что, по мѣстнымъ крестьянскимъ обычаямъ, за всѣхъ лошадей, попавшихъ въ списокъ при наймѣ конюха, должны заплатить слѣдующую плату, хотя пушали или не пушали лошадей“,—во второмъ случаѣ „потому что въ деревнѣ приговорено, если будетъ хозяинъ дома и не пускать скотину въ стадо, а будетъ выгонять въ улицу, то и съ того брать наравнѣ съ прочими пастушныя деньги“ ²⁾.

Иногда пастухъ обращается къ волостному суду съ искомъ объ уплатѣ жалованья не противъ отдѣльнаго домохозяина, а цѣлаго общества. Пастухъ жалуется, что онъ, нанявшись пасти скотъ за 81 р. 40 к., не получилъ отъ старосты и крестьянъ слѣдующихъ ему въ жалованье остальныхъ 16 р. 56 к. Судъ, по случаю неявки довѣреннаго отъ общества, постановилъ заочное рѣшеніе, которымъ онъ приговорилъ удовлетворить пастуха просимымъ ³⁾.

Мать пастуха просила судъ понудить общество къ уплатѣ сыну ея не доплаченныхъ пастушныхъ 2 р. 40 к. за пастбу мелкаго скота. Когда жъ изъ показаній деревенскаго десятскаго и четырехъ домохозяевъ выяснилось, что пастушныя деньги собрали мелочному пастуху 12 р. сполна выборный сборщикъ, а сборщикъ передъ судомъ настоящаго отчета въ уплатѣ пастуху дать не могъ,—то судъ, „видя неаккуратность сельскаго схода—допускать къ сбору такого сборщика, который не можетъ дать отчета“, обратилъ взысканіе денегъ 2 р. 40 к. на міръ ⁴⁾.

Прежде нежели перейдти къ изложенію обязанностей пастуха по отношенію къ нанимателямъ, сообщимъ о наймѣ подпасковъ и объ отношеніи пастуховъ къ послѣднимъ, на сколько эти отношенія выясняются рѣшеніями волостныхъ судовъ. Подпаска нани-

¹⁾ Тр. Ком. о вол. с., I, 703: Тамб. губ., Липецк. у.

²⁾ Тр. Ком. о вол. с., II, 172 и 203: Моск. губ., Мож. у.

³⁾ Тамъ же, II, 97: Моск. у.

⁴⁾ Тамъ же, II, 261: Моск. г., Можайск. у.

масть пастухъ, а не общество ¹⁾. Въ одномъ случаѣ ему назначены, сверхъ денежной платы, сапоги въ три рубля и шесть фунтовъ шерсти ²⁾. Пастухъ скота нанимаетъ другое лицо исправлять его должность, и крестьяне даютъ ему для ношенія во время пастбы одежду, какъ бы пастуху ³⁾. Подпаска кормятъ хлѣбомъ крестьяне по очереди ⁴⁾. Между пастухами и подпасками и между пастухами и обществомъ по поводу подпасковъ происходятъ разнаго рода иски. Напримѣръ, въ одномъ случаѣ подпасокъ жаловался, что нанявшій его за 13 руб. 50 к. пастухъ не выдалъ ему изъ числа зажитаго жалованья 5 рублей. Судъ приговорилъ пастуха къ уплатѣ 3 руб., „исключивъ то (2 руб.), что пронаймовано за подпаска по случаю его болѣзни“ ⁵⁾.—Въ другомъ случаѣ пастухъ, нанявъ двухъ подпасковъ, по 12 р. 85 к. каждому въ лѣто, не выдавалъ имъ денегъ на уплату разныхъ слѣдующихъ съ нихъ денежныхъ повинностей изъ числа уже зажитаго жалованья, отзываясь неимѣніемъ денегъ и тѣмъ, что на розысканіе пропавшей лошади употреблено имъ 15 руб. Судъ нашелъ, что пастухъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по совершенному и явному своему упорству, а потому принудилъ его къ выдачѣ подпаскамъ на уплату повинностей по 5 руб. каждому, а если онъ этой суммы не выдастъ, въ такомъ случаѣ предоставилъ подпаскамъ учинить съ нимъ расчетъ за все лѣто, съ вычетомъ изъ всего жалованья забранныхъ каждымъ денегъ, и за не дослуженное ими время по 5 руб. съ cadaго, а равно и денегъ на расходы за поиски пропавшей лошади по 3 р. 75 к. ⁶⁾.—Судъ приговорилъ съ пастуха, который „не раздѣлываетъ подпаска за пастушню“ взыскать въ пользу послѣдняго 1 руб. 30 коп., и сверхъ того, наказать его десятью ударами розогъ, со внушеніемъ, что ежели онъ и впредь гдѣ-либо будетъ поряженъ въ пастухи, то своевременно раздѣлывать бы подпасковъ и никогда не утруждалъ волостное начальство ⁷⁾.—

¹⁾ Тамъ же, III, 383: Костромск. губ., Кинешемск. у.

²⁾ Тамъ же, I, 399: Тамбовск. губ., Борисоглѣбск. у.

³⁾ Тамъ же, II, 339: Московск. губ., Волокол. у.

⁴⁾ Тамъ же, II, 520: Моск. губ., Дмитровск. у.

⁵⁾ Тамъ же, III, 383: Костр. губ., Кинеш. у.

⁶⁾ Тамъ же, II, 422: Моск. губ., Бронницк. у.

⁷⁾ Тамъ же, III, 379: Костр. губ., Кинеш. у.

Пастухъ жаловался на крестьянъ всей деревни въ томъ, что они не кормятъ его подпаска хлѣбомъ, потому что онъ едѣлся болѣнь. Крестьяне же объяснили, что они рѣдили пастуху пасты послѣ 15-го сентября лошадей, но какъ онъ не сталъ, то они и приказали ему разчестъ и подпаска и съ тѣхъ поръ перестали его кормить хлѣбомъ. Судемъ постановлено: съ пастуха удержать изъ слѣдующей ему за пастбу сумми 2 рубля за то, что онъ взялся пасты лошадей послѣ 15-го сентября, но отказался, а подпаска приказать обществу кормить ¹⁾.— Нанятый пастухомъ, для исправленія его должности, безсрочно отпускнуя рядовой ушелъ изъ селенія и унесъ данную ему равными крестьянами, для ношенія во время пастбы, одежду, на сумму 4 р. 50 к. Крестьяне удержали эту сумму изъ жалованья пастуха, и судъ нашелъ ихъ дѣйствія правильными ²⁾.

Основываясь на вышеизложенномъ укажемъ на существенныя черты крестьянскихъ обычаевъ и обыкновеній собственно по найму пастуховъ:

Пастуховъ нанимаетъ или цѣлая крестьянская община, или отдѣльныя улицы, или какія-либо иныя части села. Это обусловливается числомъ стадъ однороднаго скота. На отдаленномъ сѣверѣ гдѣ села состоятъ изъ отдѣльныхъ деревень, пастухъ часто нанимается сообща нѣсколькими деревнями. Весьма характернымъ для тѣхъ краевъ явленіемъ, хотя и не часто повторяющимся, служитъ обыкновеніе нанимать пастуха или караульщика для скота, принадлежащаго жителямъ разныхъ селъ и даже волостей. Для каждаго отдѣльнаго рода скота бываетъ особый пастухъ; иногда же всѣ домашнія животныя или нѣкоторые роды ихъ, напримѣръ, весь мелкій скотъ, имѣютъ одного общаго пастуха. Это зависитъ отъ количества скота и обусловливаетъ собою тотъ или иной способъ расклада пастушной платы.

У крестьянъ при наймѣ всякаго рода рабочихъ вознагражденіе обыкновенно состоитъ не въ однихъ деньгахъ, но и въ другихъ выгодахъ, предоставляемыхъ нанимателями рабочимъ, напримѣръ, въ помѣщеніи, пищѣ, одеждѣ, перѣдѣ въ разнаго рода

¹⁾ Тамъ же, II, 520: Моск. губ., Дмитр. у.

²⁾ Тамъ же, II, 339: Моск. губ., Волокол. у.

приплатахъ и подаркахъ, какъ денежныхъ, такъ и вещественныхъ. Точно также и пастухъ, по общераспространенному обычаю, имѣеть право на полученіе, сверхъ денежной платы, помѣщенія, пищи, одежды, обычныхъ приплатъ и подарковъ. Но такъ какъ онъ поступаетъ въ услуженіе не къ отдѣльному лицу, а къ цѣлому обществу, то плата и всѣ указанныя вещественныя выгоды должны даваться ему всѣмъ обществомъ. Отсюда возникновеніе особыхъ обычаевъ, по которымъ распредѣляется сборъ платы между домохозяевами, прокормленіе, одежда, помѣщеніе пастуха и т. д.

Крестьянами строго соблюдается принципъ уравниенія между собою всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ общихъ работъ, повинностей, всякаго рода общественныхъ тягостей, равно какъ и разнородныхъ правъ и интересовъ. Этотъ принципъ требуетъ, для болѣе справедливаго уравниженія правъ и обязанностей между членами общины, правилъ, точно опредѣленныхъ и касающихся даже мелочей. Нѣкоторыя изъ правилъ, которыми руководствуются крестьяне при распредѣленіи содержанія и пр. пастуху, въ глазахъ нашихъ могутъ показаться доходящими до щепетильности, но они прямо вытекаютъ изъ экономическаго положенія крестьянъ и того уваженія къ труду, которое питаетъ крестьянство.

Плата за пастбу пастуху въ однихъ мѣстностяхъ назначается оптомъ, гуртомъ, безъ предварительнаго приведенія въ извѣстность общаго количества скота, и потомъ уже раскладывается по числу скота, принадлежащаго каждому домохозяину; въ другихъ же мѣстахъ она опредѣляется числомъ скота, который долженъ ходить за пастухомъ. То количество скота, съ котораго берется плата пастуху, называется чередомъ, иногда—днемъ, кое-гдѣ—кучей. Иногда плата берется не съ череда, а прямо съ головы скота. Этотъ послѣдній способъ бываетъ въ употребленіи тогда, когда отдѣльное стадо, ходящее за особымъ пастухомъ, состоитъ изъ совершенно однороднаго скота, и притомъ, когда въ стадѣ нѣтъ даже животныхъ разныхъ возрастовъ, или такія животныя совершенно уравниены между собою относительно платы пастушнаго сбора, такъ что въ этомъ случаѣ нѣтъ разницы между поголовнымъ и почереднымъ сборомъ. Плата же съ чередовъ практикуется тогда, когда разнородный скотъ или даже разныхъ возрастовъ ходитъ въ одномъ и томъ же стадѣ или нанимается для разнородныхъ стадъ

общій пастухъ. Очевидно, что въ послѣднихъ случаяхъ является необходимость въ какой-либо общей нормѣ для назначенія платы, а распредѣлять плату со штуки было бы затруднительно. Такая норма и есть чередъ.

Для опредѣленія чередовъ за единицу всегда принимается крупное животное—лошадь, корова, быкъ. Къ этимъ единицамъ приравняются мелкія животныя, въ разныхъ мѣстахъ въ различномъ количествѣ. Такъ овецъ въ чередъ полагается въ различныхъ мѣстностяхъ отъ 2 до 10, свиней и жеребятъ до двухлѣтнаго возраста—отъ 1 до 2, телятъ разныхъ возрастовъ—отъ 1 до 4. Впрочемъ, самыя молодыя особи животныхъ часто въ составъ чередовъ не вводятся, а плата съ нихъ взимается съ головы поштучно.

Чтобы опредѣлить число особей того или иного рода животныхъ, которыя должны войти въ составъ чередовъ, принимаются въ соображеніе, главнымъ образомъ, количество корма, потребляемаго этими животными, доходность отъ нихъ, численность скота этого рода въ стадѣ и другія обстоятельства, которыя могутъ быть болѣе или менѣе случайны. Отъ различія упомянутыхъ условій и отъ различнаго ихъ пониманія крестьянами въ разныхъ мѣстахъ зависитъ то, что въ одномъ мѣстѣ въ составъ череда вводится одно количество извѣстнаго скота, въ другомъ—другое и т. д.

По чередамъ распредѣляется не одна плата пастуху, но также содержаніе его, дача ему одежды, пользованіе лошадьми для ѣзды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—арендная плата за земли, нанимаемая обществомъ подъ пастбища, и т. п.

Обычай распредѣленія платы и содержанія пастуховъ по чередамъ нужно отнести къ глубокой старинѣ. Доказательствомъ того служить самое названіе череда. Съ одной стороны, слова *чередъ*, или древне-славянское *чреда*, также провинціальныя *чередъ*, *чередница*, *чередуха*, *чередовка* (Псковская и Тверская губерніи) означаютъ очередь, очередной порядокъ, *чередиться*—приводить въ порядокъ (Оренбургская); съ другой, *чередъ*, въ малороссійскомъ нарѣчьи и провинціальномъ великорусскомъ, также какъ древнее *чреда*, означаетъ стадо, *чередить*—наблюдать, имѣть уходъ за скотомъ, въ пору накормить (Владимірская губ.). Изъ сопоставленія этихъ двухъ значеній слова *чередъ* дѣлается очевиднымъ, что съ древ-

нѣйшихъ временъ въ дѣлѣ пастьбы употреблялись какія-то очереди. Быть можетъ, наши предки первоначально обходились безъ пастуховъ, и тогда пастьба стада, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ животныхъ, производилась ими по очереди, потомъ уже стали пастуховъ приглашать съ вознагражденіемъ ихъ натурой и съ распредѣленіемъ этого вознагражденія по извѣстному порядку, то есть, по чередамъ.

Относительно платы пастуху слѣдуетъ сказать, что она по большей части различается въ разныхъ мѣстностяхъ только своимъ количествомъ, качественное же различіе замѣчается въ немногихъ мѣстностяхъ. Обыкновенно жалованье пастуху назначается денежное; только тамъ, гдѣ ведется въ полномъ смыслѣ натуральное хозяйство, какъ на примѣръ, въ Малороссіи, тамъ пастуху, какъ и другимъ рабочимъ, плата дается не одними деньгами, но и извѣстнымъ количествомъ зерноваго хлѣба. Только въ одной мѣстности Великороссіи изслѣдователями народнаго быта замѣченъ тотъ же обычай, именно въ Лугскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи. Въ Новороссіи кое-гдѣ сохранился еще болѣе первобытный способъ уплаты вознагражденія пастуху натурой, именно назначеніе овечьему пастуху опредѣленнаго количества овецъ. Что это явленіе не случайное, можно подтвердить существованіемъ подобнаго же обычая и у Болгаръ. Въ Болгаріи богатые крестьяне, имѣющіе по 5 или 6 тысячъ овецъ, нанимаютъ двухъ или трехъ главныхъ пастуховъ, которымъ, вмѣсто платы, опредѣляютъ извѣстное количество овецъ, на примѣръ, сто. Эти овцы, пока пастухи находятся на службѣ, считаются какъ бы хозяйскими, но барышъ и приплодъ съ нихъ идетъ тѣмъ пастухамъ. Остальные пастухи, второстепенные, получаютъ лишь денежное жалованье¹⁾. Остатки древняго обычая, вознаграждать пастуха натурой сохранились въ Великороссіи въ видѣ разнаго рода приплатъ или подарковъ, даваемыхъ при началѣ и концѣ найма и въ праздники пастухамъ зерновымъ хлѣбомъ, масломъ и т. п.

Относительно содержанія пастуха почти повсемѣстно удержался древній обычай давать его натурой, по извѣстной очереди, также какъ относительно помѣщенія и одежды; только въ боль-

¹⁾ Pravni obicaji u Slovena. Zagreb, 1867, стр. 187.

шихъ промышленныхъ селахъ и въ городахъ онъ утратился. Въ торговыхъ селеніяхъ общества нанимають пастуху помѣщеніе со столомъ и бѣльемъ, а въ городахъ просто прибавляютъ плату пастуху. Въ степныхъ губерніяхъ очередное прокормленіе пастуха нерѣдко замѣняется выдачею разнаго рода провизіи въ опредѣленномъ количествѣ. Какъ мѣстный обычай, относящійся до прокормленія пастуха, слѣдуетъ отмѣтить обычай, извѣстный въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, пользоваться молокомъ овецъ или ковъ. Пастухъ можетъ употреблять въ пищу молоко этихъ животныхъ не иначе какъ по условію съ крестьянами, и притомъ право его донть овецъ въ извѣстной степени ограничено. Можно полагать, что упомянутый обычай въ древности былъ распространенъ по всей Россіи. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ того, что о немъ упоминается въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ, приписываемомъ Ярославу I ¹⁾. Одною изъ статей Устава воспрещается нанятому пастуху донть коровъ или овецъ тайно отъ хозяина и продавать на сторону молоко. Значитъ съ согласія хозяина и притомъ для собственнаго употребленія пастухъ могъ пользоваться молокомъ. Вотъ текстъ упомянутой статьи: „Аще обратится пастырь нанятый, и доя коровъ или овецъ въ той (слѣдуетъ читать: втай, то-есть, тайно) осподаря своего и продая, биень будетъ и найма своего лишень будетъ“. Какому наказанію подвергается въ настоящее время пастухъ, который донть коровъ или овецъ безъ вѣдома хозяевъ и продаетъ молоко, намъ не извѣстно.

Раскладка и сборъ пастушной платы производится двумя способами. Число чередовъ и головъ скота отмѣчается или самъ пастухъ, или особый выборный сборщикъ; точно также и плату собираетъ пастухъ или сборщикъ. Въ первомъ случаѣ пастуху приходится имѣть дѣло съ каждымъ домохозяиномъ и лично вѣдаться съ нимъ въ

¹⁾ Почтенный авторъ ошибочно полагаетъ, что уставъ этотъ, напечатанный въ I-мъ томѣ Указателя Россійскихъ Законовъ, *Максимовича* (М. 1803), былъ выраженіемъ дѣйствовавшаго въ древней Руси народнаго обычнаго права; этотъ уставъ, невѣрно приписываемый Ярославу I, не самостоятельный законодательный памятникъ, а лишь извлеченіе изъ греко-римскихъ *leges colonariae*. Притомъ, судя по языку, извлеченіе это сдѣлано не при Ярославі, а гораздо поздиѣе. См. П. Собр. Соч. *Е. А. Негомни*, II, 464.
Прим. ред.

случаѣ не уплаты пастушнаго. Во второмъ случаѣ онъ входитъ въ сношенія лишь со сборщикомъ, какъ представителемъ общества.

Раскладка пастушной платы по числу чередовъ и головъ скота въ иныхъ мѣстахъ производится только одинъ разъ, передъ выгономъ стада на пастбище, въ другихъ два раза, при началѣ пастбы и въ половинѣ ея, то-есть, въ концѣ юнѣ. Замѣчательнъ обычай, что всякая особь, попавшая въ мѣту, хотя и не ходила въ стадѣ, подлежитъ оплатѣ пастушнаго. Этотъ обычай косвеннымъ образомъ побуждаетъ крестьянъ заботиться о составленіи общихъ мирскихъ стадъ и удерживаетъ ихъ отъ образованія такъ называемыхъ особняковъ, хотя прямого запрещенія заводить особняки вовсе не существуетъ. Нѣчто подобное было и въ Германіи въ эпоху господства обычнаго права. Памятники стариннаго германскаго обычнаго права указываютъ на то, что общественный наемъ пастуха былъ не только въ употребленіи, но даже обязательнъ въ видахъ охраненія пастбищъ отъ неравномѣрнаго и неумѣреннаго пользованія; отдѣльные хозяева не имѣли права держать своихъ пастуховъ, но должны были отдавать свой скотъ въ общественное стадо подъ надзоръ общаго пастуха ¹⁾.

Относительно періодовъ взноса платы пастухамъ нѣтъ общихъ правилъ; въ разныхъ мѣстахъ на этотъ счетъ свои обыченвенія: плату отдають или всю цѣликомъ при выгонѣ скота, или среди лѣта, или же въ концѣ пастбы, или по частямъ въ два и три срока. Въ случаѣ же неуплаты пастухъ обращается къ сельскому старостѣ, сельскому сходу или къ волостному суду, которые и взыскивають съ неплательщиковъ. Достояно вниманія то обстоятельство, что какъ общество, такъ и пастухъ, имѣють право самовольнаго задержанія чужаго имущества (послѣдній задерживаетъ скотъ) до взноса платы. Впрочемъ это не самостоятельный обычай, то-есть, не такой, который примѣнялся бы лишь въ дѣлѣ пастбы; это есть лишь частное примѣненіе общаго права задержанія имущества должника, какъ обычной между крестьянами мѣры обезпеченія долга и понужденія къ платежу.

Обязанности пастуха въ Архангельской губерніи состоятъ въ

¹⁾ Журн. Гражд. и Уголовн. Права 1875 г., кн. 4: Народн. судъ и право, Оршанскаго, стр. 202.

слѣдующемъ: Пастухъ долженъ обходить по утрамъ всѣ улицы въ деревнѣ и дѣлать пастушьимъ рогомъ или берестяною трубою кличь о выпускѣ скота со двора; въ иныхъ селахъ хозяйки выпускаютъ скотъ просто по крику пастуха подъ окнами дома. Не тратя времени на ожиданіе запоздавшихъ коровъ, тотчасъ какъ скотъ всей деревни сберется въ извѣстномъ мѣстѣ, пастухъ долженъ проводить стадо на лугъ или въ лѣсъ, отгоняя его весною попозже, нежели лѣтомъ, чтобы весной скотина съ раннего утра не прозябла отъ холода, а лѣтомъ пораньше, чтобы успѣла наѣсться сочной травы до наступленія дневнаго жара и появленія оводовъ. Пастухъ также обязанъ: находиться при скотинѣ безотлучно весь день, не обращаться со скотомъ жестоко, не морить его на одномъ мѣстѣ, а переводить его съ одного пункта на другой (эти пункты указываются хозяевами при началѣ пастьбы), наблюдать, чтобы скотъ не разобредся по сторонамъ, чтобы не уходилъ въ лѣсъ, если долженъ пастись въ лугахъ, чтобы не завязъ въ тинѣ и не объѣдался вредными растеніями, чтобы не утонулъ, напримѣръ, стараясь напиться съ приглубыхъ береговъ озера или рѣки, и чтобы вообще не изувѣчилъ себя какимъ-либо образомъ. Кромѣ того, онъ долженъ обращать скотъ въ обратный путь не спѣша, а соображая время, когда должно прійти къ водопою, въ извѣстное время пригонять скотъ въ деревню къ самымъ воротамъ хозяевъ, при наступленіи большой грозы стараться возвратиться со скотомъ домой.

Большая часть перечисленныхъ обязанностей естественнымъ образомъ сопряжена съ занятіемъ пастуха, такъ что даже не входитъ въ число условій договора о наймѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ обязательную силу, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. Впрочемъ, въ иныхъ мѣстностяхъ нельзя не замѣтить въ этомъ отношеніи значительныхъ измѣненій въ обычаяхъ. Такъ напримѣръ, въ с. Сопелкахъ, Ярославской губерніи, пастухъ обязанъ дожидаться съ остальнымъ скотомъ, чтобы всѣ хозяева выгнали къ нему скотъ. Вечеромъ скотъ встрѣчаютъ сами хозяева. Въ Даниловскомъ уѣздѣ пастухъ всегда дожидается въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ хозяева не сгонять со двора своей скотины; онъ обыкновенно живетъ въ томъ концѣ деревни, откуда ему не приходится выгонять скотъ въ поле. По дорогѣ съ этого конца

на другой конец деревни онъ собираетъ все стадо. Обыкновенно сами хозяйки стараются во время доить и не задержать пастуха, а если бы чья скотина прогнаннаго уже стада осталась сзади, то хозяева доставляютъ опоздавшую скотину въ пастуху сами. Вечеромъ пастухъ обязанъ только пригнать все стадо въ цѣлости въ деревню; здѣсь же сами хозяева, каждый въ отдѣльности, загоняютъ свою скотину по своимъ дворамъ. Пастухъ, конечно, пособляетъ кому придется изъ деревенскихъ. День его кончился благополучно, если скотина каждого на дворѣ, и никто жалобъ не произноситъ. Вечеромъ каждый изъ хозяевъ повѣряетъ число головъ своего скота. Въ случаѣ недостачи немедленно заявляютъ пастуху о пропажѣ, и тогда пастухъ обязанъ или отправляться отыскивать отставшую отъ стада скотину (обыкновенно не дожидаясь хозяина, пастухъ самъ заявляетъ, что такая-то скотина отстала, и что ее надо идти поискать народомъ), или объявить причину пропажи.

Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, никакихъ сроковъ для поджиданія скота, выгоняемаго утромъ со дворовъ, нѣтъ; пастухъ поджидаетъ только тотъ скотъ, который движется уже по улицѣ. Запоздалый на дворѣ скотъ обязанъ проводить въ стадо хозяинъ. Пастухъ не имѣетъ права задерживать согнанный на площади скотъ для поджиданія того скота, котораго хозяинъ не выгналъ со двора вмѣстѣ съ другими; пригонъ скота на площадь составляетъ обязанность хозяина. Пастухъ не обязанъ собирать скотъ по улицамъ. Вечеромъ пастухъ обязанъ догнать скотъ до села, а встрѣча скота на обязанности хозяина. Сколько бы не оставалось на улицѣ прогнаннаго скота, пастуху до этого никакого нѣтъ дѣла. Въ случаѣ пропажи скотины, хозяинъ долженъ доказать, что она пропала изъ стада. Когда дѣло сомнительно, то-есть, нельзя узнать—пропала ли скотина изъ стада, или послѣ вечерняго пригона, когда призрѣніе скотины всецѣло лежитъ на обязанности хозяина, то грѣхъ у хозяина съ пастухомъ пополамъ; то же подтверждается и рѣшеніями волостныхъ судовъ.

Въ одномъ случаѣ пастухи, по показанію истца, не пригнали коровы вечеромъ съ поля, а на другой день она пришла сама домой, поврежденная звѣремъ. Отвѣтчики объясняли, что они корову пригнали съ поля вмѣстѣ съ прочими коровами, но въ оправ-

даніе свое никакихъ доказательствъ не представили. Вслѣдствіе того судъ рѣшилъ: за оставленіе въ полѣ коровы, стоящей 20 р., взыскать съ обоихъ пастуховъ 10 р., такъ какъ истецъ продалъ корову за 10 р. ¹⁾—Въ другомъ случаѣ относительно съѣденной волкомъ коровы пастухъ оправдывался, „что корову, какъ съѣли ее звѣри, къ нему въ стадо хозяинъ не гонялъ“ (то-есть, она была съѣдена звѣрами не въ то время, когда хозяинъ гонялъ ее въ стадо), и судъ взыскалъ половину стоимости коровы.—Въ третьемъ случаѣ судъ рѣшилъ дѣло иначе, но тутъ были сторонніе мотивы. Пастухъ обвинялся хозяиномъ въ тратѣ свиней; но обвиняемый отозвался, что свиньи въ цѣлости были пригнаны въ село на закатѣ солнца, а куда онѣ пропали изъ села или изъ его двора, не знаетъ. Судомъ въ искѣ хозяину отказано, на томъ основаніи, что, по удостовѣренію старосты, пастухъ за пропавшихъ свиней отвѣчать не обязывался и самъ проситель въ продажѣ или убійствѣ оныхъ на него подозрѣнія не имѣетъ, а кромѣ того пастухъ во все время производства пастбища скота никогда не загоняетъ на дворъ каждому домохозяину, а самъ домохозяинъ долженъ встрѣчать свой скотъ и загонять на дворъ ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не всѣ животныя пригоняются на ночь въ село для загона по дворамъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, обыкновенно лошади, загоняются въ сдѣланную на полѣ общественную загородку, называемую *варомъ* (Рязанск. г.), *калды* (Самарск. г.) и *приномомъ* (Тамб. и Иркутск. гг.). По большей части такія загородки устраиваются въ случаяхъ отдаленности пастбищъ отъ дворовъ. Но иногда варушки загораживаются не въ полѣ, а близь села, для мелкаго скота, именно для овецъ (Новопавловка, Николаевск. у. Самарск. г.). Калды и варушки устраиваетъ или само общество, или пастухъ изъ даннаго ему матеріала. Въ с. Новопавловкѣ хозяева присутствуютъ по доскѣ или по двѣ и загородятъ варушку. Въ с. Краковѣ загородъ для отгоннаго стада дѣлаетъ самъ пастухъ. Матеріалы для загороди (колья, жерди и мочала) онъ собираетъ съ домохозяевъ. Даютъ эти матеріалы „повольно“, и пока еще не встрѣчалось нужды устанавливать для этого какой-либо порядокъ. Въ случаѣ

¹⁾ Тр. к. о вол. суд., I, 150, 374: Тамбовск. губ., Шацк. п. Козловск. уу.

²⁾ Тамъ же, I, 89: Тамбовск. губ., Моршанск. у.

же необходимости въ этомъ, матеріалы для загороди должны расчислиться „позвенно“, по чередамъ скота.

Калда, или стойло, должно быть сдѣлана прочно, чтобы скотина ночью не прошла изъ нея и не сдѣлала поправки ¹⁾. Если калда устраивается обществомъ, то пастухи, въ случаѣ ночнаго ухода скота изъ нея и пропажи его или сдѣланной имъ поправки, не признавая себя виновными, оправдываются передъ волостнымъ судомъ тѣмъ, что „стойло было ветхое отъ неустройства его обществомъ“, или была „плохая городьба калды“ ²⁾.

Въ Архангельской губерніи отвѣтственность пастуха за утрату скота принимаетъ преимущественно характеръ нравственный, а не юридическій. Объ изъятіи себя отъ матеріальной отвѣтственности пастухъ уговаривается съ деревней при самомъ наймѣ. Въ с. Лампцѣ, Онежскаго уѣзда, пастухъ за скотину вовсе не отвѣчаетъ. Въ Пингишахъ, Холмогорскаго уѣзда, пастухъ не отвѣтственъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы скотина утонула отъ его неосторожности при переправѣ черезъ рѣку. Въ Товрѣ также съ пастуха не взыскиваютъ за пропажу скота, относя ее къ волѣ Божьей; если пастухъ найдетъ кости утраченной скотины—хорошо, но это не непременно обязательно, какъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Быстрокурьи въ случаѣ, если пастухъ не пригонитъ домой чьей-либо скотины, то тотчасъ обращается въ дугъ и отыскиваетъ. Если что случится со скотиной, пастухъ немедленно долженъ объявить о случившемся. За непригонку дѣлаются ему выговоры, какъ лѣнивому и безпечному, а иногда посѣкутъ и розгами. Но какъ самые бѣдные люди, притомъ ребята или старики, пастухи не отвѣчаютъ имущественно ни за потерю скота, ни за увѣче, ни за поправку. Въ Зимней Золотицѣ, Архангельскаго уѣзда, пастухъ не отвѣчаетъ за скотину, съѣденную медвѣдемъ, или за поправку, только развѣ хозяинъ побранитъ пастуха и не отдастъ ему денегъ за пастьбу. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, если какая скотина останется въ лѣсу, то пастухъ обязанъ найти ее же того дня, а въ случаѣ, если съѣстъ звѣрь, отыскать и показать хозяину кости ея,—въ противномъ случаѣ уплатить ему половину стоимости пропавшаго животнаго. Въ

¹⁾ Тр. к. о. вол. суд., VI, 67: Самарск. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 113: Самарск. г., Бузул. у.

другихъ же мѣстахъ этого уѣзда, пастухъ вовсе не отвѣтственъ за пропажу: „такъ какъ пастухъ, кромѣ платы, получаетъ пищу по-дворно, то поэтому до всѣхъ коровъ, кромѣ очереднаго хозяина, ему нѣтъ дѣла; но если онъ не пригонитъ всѣхъ коровъ очереднаго, то не получаетъ ужина“ ¹⁾. Въ Пинежскомъ уѣздѣ пастухъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣтственъ за смерть скотины, послѣдовавшую при переправѣ черезъ рѣку или отъ медвѣдя; въ этомъ случаѣ его обязанность только доказать несомнѣнность пропажи. Въ другихъ случаяхъ онъ отвѣчаетъ за увѣче скотины, побѣгъ ея внѣ пастыби и заболѣваніе скота по его винѣ. Впрочемъ, на дѣлѣ бываетъ чаще такъ, что если скотина завязнетъ въ топкомъ мѣстѣ, и пастухъ самъ вытащить ее не въ силахъ, то онъ обязанъ немедленно дать знать въ деревню о высылкѣ помочи. За изувѣчаніе скотины неосторожнымъ съ нею обращеніемъ, напримѣръ, сильными побоями, пастухъ лишь теряетъ плату за нее. При пропажѣ скота, пастухъ непремѣнно долженъ розыскать ее и представить, если скотина цѣла—живою, а если растерзана звѣремъ—ея кости, хотя бы на отысканіе и требовалась недѣля и болѣе того времени. Если пасомый скотъ сдѣлаеть, по недосмотру пастуха, поправу полей и луговъ, и обиженные не найдуть, на складѣ деревенцевъ, полного себѣ удовольствія, то общество просто прогоняетъ отъ себя пастуха. Такимъ образомъ выходитъ, что скотъ въ большинствѣ случаевъ ввѣряется пастухамъ на одну ихъ совѣсть; поэтому домохозяева преимущественно стараются ублажить пастуха хорошимъ предовольствіемъ и одѣлать его въ праздникъ вкусными колобами и слобными шамъгами.

Дѣйствительно, въ Архангельской губерніи пастухи менѣе отвѣчаютъ за утрату скота и прочее, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Пересмотрѣвъ рѣшенія волостныхъ судовъ этой губерніи за нѣсколько лѣтъ, я не встрѣтилъ ни одного дѣла объ отвѣтственности пастуха за истребленіе скота звѣрями, утонутіе скота въ топкахъ и всякую другую пропажу, а нашель лишь одно рѣшеніе объ отвѣтственности пастуха за недосмотръ скотины, которая была кѣмъ-то яскалѣчена, и три дѣла объ отвѣтственности пастуха за поправу.

¹⁾ *Сельск. хоз. и мѣс. Жур. М. Г. И.* 1865 г., № 9: Охота за медвѣдями въ Шеняурскомъ уѣздѣ, *Воронеж.*

Правда, дѣль о потравахъ вообще велось въ волостныхъ судахъ немало, но по всѣмъ имъ отвѣтственность за поправу возлагается или на хозяевъ плохихъ огородей, чрезъ которыя прошелъ скотъ на поля и луга, или, если изгороди крѣпкія, на хозяевъ скота, но ни какъ не на пастуховъ.

Причины малой отвѣтственности пастуховъ въ Архангельской губерніи можно полагать слѣдующія: первая—та, что тамъ, при господствѣ лѣсовъ и болотъ, для пастуховъ часто становится полною невозможностію избѣжать несчастій со скотомъ; вторая—та, что пастухи тамъ, по большей части, люди самыя бѣдныя, иногда малолѣтніе или дряхлыя старики, съ которыхъ взискывать нечего; третья: очень вѣроятно, что на понятіи народа о малой отвѣтственности пастуха, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и полной невмѣняемости его, отразились суевѣрныя воззрѣнія сѣверныхъ крестьянъ на отношенія пастуха къ лѣсному божеству; утративъ нечаянно или умышленно иввѣда скотину, пастухъ могъ объяснять пропажу ея жертвоприношеніемъ лѣшему, для умилостивленія этого бога, какъ главнаго покровителя и пастыря стадъ; четвертая причина—та, что поля и луга охраняются изгородями. Объ этомъ подробнѣе будетъ объяснено ниже.

Приводимъ упомянутое выше рѣшеніе волостнаго суда Шенкурскаго уѣзда объ отвѣтственности пастуха за недосмотръ скотины, которая была некалѣчена:

„1864 года сентября 20-го дня Устьявжскій волостной судъ слушали просьбу крестьянской вдовы Ростовскаго общества Соломиды Туфановой, слѣдующаго содержанія: Въ 26-е число прошедшаго августа, спустя она за пастуха свою корову въ лѣтъ на подножный кормъ, извѣстившись вечеромъ отъ своего пастуха, что корова ея лежитъ обѣченною у остожья, принадлежащаго Клоновскому священнику, а у оваченнаго остожья въ тотъ же самый день работали нанятыя отъ священника Конецгорскіе крестьяне Осипъ и Матвѣй Поповы съ дѣтьми своими, и причинено убытка въ посѣченіи коровы 10 рублей. Вслѣдствіе чего волостной судъ вызвавъ сего числа для разбирательства просительницу и отвѣтчиковъ пастуха Мезенцева и Поповыхъ и приглашалъ ихъ, на основаніи 107 ст. Общаго Положенія, на мировую сдѣлку, которые сошлись на слѣдующее: принять убытки на три части вмѣстѣ

съ просительницей. Крестьянинъ Степанъ Мезенцевъ, какъ паспій коровъ и не усмотрѣвшій—кто обскѣзъ корову, обязался заплатить нынѣ же въ пользу просительницы третью часть, 3 руб. 33¹/₂ коп.; крестьяне Осипъ и Матвѣй Поповы, работавшіе въ тотъ самый день въ остожѣ, у котораго обрѣзана корова, обязались уплатить просительницѣ на 1-е число ноября сего года тоже третью часть, 3 р. 33¹/₂ к., а остальной убытокъ противу заявки, 3 р. 33 к., просительница Туфанова приняла на себя, какъ никого въ обскѣзъ коровы не обличившая, и на все это, по добровольному своему согласію, осталась довольною. Волостной судъ опредѣлилъ настоящее дѣло, по согласію ихъ, считать рѣшеннымъ“.

Въ другихъ губерніяхъ пастухи болѣе отвѣтственны, нежели въ Архангельской. Тамъ, гдѣ заведенъ ночной караулъ рабочаго скота по очереди самихъ хозяевъ, ежели во время ночнины пропадетъ лошадь или будетъ потрава, то отвѣчаетъ тотъ, кто былъ въ ночнинѣ. По утру караульщики обязаны сдавать пастуху лошадей съ рукъ на руки. Если лошадь не сдана такимъ порядкомъ пастуху послѣ ночной пастьбы, то пастухъ не отвѣчаетъ, если таковая потеряется въ тотъ же день изъ стада. Тамъ, гдѣ скотъ пасутъ не очередные караульщики, а пастухи, отвѣтственность падаетъ на нихъ. Впрочемъ, степень отвѣтственности видоизмѣняется, смотря по роду утраты. Въ иныхъ случаяхъ они вовсе не вознаграждаютъ нанIMATEЛЕЙ.

Если волкъ зарѣжетъ скотину, то пастухъ за это не отвѣчаетъ, но на обязанности пастуха лежитъ своевременно дать знать о случившемся, то-есть, заявить хозяину скота о пропажѣ въ тотъ же день; сверхъ того, онъ долженъ отыскать и показать трупъ или кости скотины. Въ противномъ случаѣ, хотя бы дѣйствительно волкъ похитилъ скотину, пастуха считаютъ виноватымъ и при разчетѣ его, осенью, хозяинъ можетъ удержать всю плату, какая слѣдуетъ съ него пастуху за всю пастьбу. Такъ по крайней мѣрѣ дѣлается въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Волостные суды различныхъ губерній въ этомъ случаѣ разрѣшаютъ искъ хозяевъ различно.

Пастухъ не отвѣчаетъ, если только докажетъ фактически, что скотина зарѣзана волкомъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, когда хозяинъ удержалъ изъ жалованья пастуха 2 р. 50 к. за потеряннаго ба-

*

рана, судъ призналъ его неправымъ въ самовольномъ удержаніи за пастьбу денегъ, такъ какъ пастухъ и его товарищъ доказали, что тотъ самый баранъ, за котораго удержаны деньги, былъ верченый, въ стадо ходить не могъ, почему и оставленъ на пастбищѣ, а впоследствии оказался съѣденнымъ волками, и пастухъ, въ доказательство смерти барана, отрѣзалъ у него уши и представилъ хозяину ¹⁾).

При непредставленіи обычнаго доказательства, пастухъ подвергается денежному или имущественному взысканію въ различной степени. Хозяинъ пропавшей овцы удержалъ изъ жалованья пастуха 1 р. 40 к. По жалобѣ пастуха, судъ постановилъ взыскать 1 р. собственно за то, что пастухъ о пропажѣ овцы никому не заявилъ: „если бы похитилъ волкъ, то долженъ бы заявить старостѣ“ ²⁾). Изъ стада, пасомага двумя пастухами, пропалъ баранъ, о которомъ хотя пастухи показывали, что онъ съѣденъ волкомъ, но въ доказательство ничего не представили. Судъ взыскалъ въ пользу истца съ cadaго изъ пастуховъ по одной молодой овцѣ ³⁾).

Но иногда и не доказавъ пропажи овцы отъ волковъ, пастухъ освобождается отъ вознагражденія хозяина. Это именно тогда, когда отвѣтственность не была обусловлена при самомъ договорѣ, подобные случаи относятся, кажется, исключительно къ пропажѣ овецъ. Пастухъ не заявилъ никому о съѣденной волкомъ овцѣ и освобожденъ судомъ отъ отвѣтственности, „потому что онъ не успѣвалъ отвѣчать за каждую пропавшую овцу“ ⁴⁾).

Въ случаѣ обнаруженнаго недосмотра пастуха, неисполненія имъ своихъ обязанностей, отлучки отъ стада, на пастуха возлагается отвѣтственность по мѣрѣ его вины. Въ одномъ случаѣ волкъ на подножномъ корму съѣлъ овцу. Судъ призналъ пастуха виновнымъ въ недосмотрѣ и позволилъ хозяину удержать изъ жалованья его 75 к., а не 2 р., какъ желалъ хозяинъ. Въ другомъ ⁵⁾).

—случаѣ, по словамъ истца, пастухъ не принялъ его коровы въ стадо, а оставилъ ее ночевать на чужомъ дворѣ, откуда она ушла

¹⁾ Тр. комм. о вол. судахъ, VI, 70: Самарск. у.

²⁾ Тамъ же, II, 311: Моск. губ., Можайск. у.

³⁾ Тр. в. к., I, 366: Тамб. губ., Козл. у.

⁴⁾ Тамъ же, II, 312: Моск. губ., Можайск. у.

⁵⁾ Тамъ же, II, 305: Моск. губ., Можайск. у.

и съѣдена волками; поэтому просилъ взыскаъ 20 р. По словамъ же пастуха, корова пала по болѣзни, а потомъ уже была съѣдена волками. Вслѣдствіе такого разнорѣчія судъ предложилъ прекратить дѣло миролюбиво, и истецъ согласился взять съ отвѣтчика лишь три рубля, но послѣдній на это согласія не изъявилъ. Тогда судъ, „видя оправданіе отвѣтчика не заслуживающимъ никакого уваженія, такъ какъ о падежѣ коровы въ свое время онъ просителю не заявилъ, то трудно заключить, что корова та пала по своей болѣзни“, опредѣлилъ взыскиваемый просителемъ убытокъ 3 руб., такъ какъ онъ ищетъ совершенно челоѣколюбиво, „взыскать съ отвѣтчика“¹⁾. Двѣ коровы были загрызены волками въ то время, когда пастухъ, отлучившись отъ стада, оставилъ стадо подъ присмотромъ женщины. Пастухъ объяснялъ, что онъ брался у общества пасти скотъ съ тѣмъ только, чтобы въ отсутствіе его паса и женщина; но свидѣтели не подтвердили этого условія. Взыскано съ пастуха за отлучку, — въ которое время случилось похищеніе коровы, — 8 руб.²⁾.

Обычай не подвергать отвѣтственности пастуха предъ хозяиномъ въ случаѣ, если скотина будетъ зарѣзана волкомъ, идетъ отъ отдаленной древности. Онъ встрѣчается уже въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ, приписываемомъ Ярославу³⁾. На пастухѣ однако въ то время, какъ и теперь, лежала обязанность доказать фактъ съѣденія волкомъ скотины. Въ доказательство этого онъ долженъ былъ показать хозяину трупъ или кости съѣденнаго животнаго, для чего, конечно, нужно было предварительно заявить хозяину объ потерѣ скотины: „Аще пастырь чредый по обычаю вола прииметъ въ чреду, и приложитъ его къ чредѣ, и прилучится волкови его съести, да покажетъ стерво пастырь осподареви его, и не повиненъ будетъ“. Въ случаѣ непредставленія требуемаго доказательства, пастухъ отвѣтствовалъ отдачей хозяину собственной скотины. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ послѣдующихъ статей, которые будутъ приведены ниже.

¹⁾ Тамъ же, VI, 152: Самарск. г., Бузул. уѣзда.

²⁾ Тамъ же, II, 309: Моск. г., Можайск. у.

³⁾ Въ примѣчаніи на стр. 107 ужъ указано, въ какой мѣрѣ основательно мнѣніе о принадлежности устава о земскихъ дѣлахъ ко времени Ярослава I.

Прим. ред.

Въ с. Новопавловкѣ, Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи, пастухъ не отвѣчаетъ передъ хозяиномъ въ случаѣ, если скотина падетъ отъ болѣзни, только бы своевременно далъ знать о случившемся. Въ случаѣ паденія скотины отъ болѣзни, пастухъ обязанъ снять съ нея кожу и представить хозяину, а если ему нѣкогда это сдѣлать, то заявить хозяину, который уже самъ сниметъ ее. При нуждѣ, когда пастуху почему-либо не удастся снять кожи, въ особенности съ мелкаго скота, онъ обрѣзываетъ уши, на которыхъ обыкновенно находятся мѣтки, и представляетъ хозяину. За непринятіе указанныхъ мѣръ пастухъ платитъ половину стоимости животнаго. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, пастухъ не отвѣчаетъ за павшую отъ болѣзни скотину, если принесетъ уши хозяину или если въ тотъ же вечеръ скажетъ хозяину о смерти скотины и укажетъ мѣсто, гдѣ лежитъ трупъ. По словамъ г. Якушкина, ежели скотина падетъ (издохнетъ отъ болѣзни) не по винѣ пастуха, онъ за нея не отвѣчаетъ, разумѣется, если заявитъ въ тотъ же день хозяину и отыщетъ трупъ или кости. Ежели же скотина падетъ отъ недосмотра пастуха, хотя безъ всякаго влгоумисла съ его стороны, или онъ вообще не можетъ доказать, что невиновенъ въ ея смерти, то платитъ половину цѣны павшей скотины. Нижеслѣдующія же рѣшенія волостныхъ судовъ показываютъ, что размѣры денежнаго взыскапія съ пастуха въ этомъ случаѣ бываютъ больше или меньше, смотря по винѣ пастуха.

Пастухъ не пригналъ съ поля коровы, а сказалъ хозяйкѣ ея, что корова пала, а потомъ объяснилъ, что ее зарѣзалъ волкъ, и она лежитъ въ полѣ, а когда хозяйка требовала отъ него, чтобъ онъ указалъ мѣсто, гдѣ лежитъ корова, то онъ отъ этого отказался. Пастухъ же объяснилъ, что корова осталась на мѣстѣ пастбы въ лѣсу, потому что она не въ состояніи была идти съ прочими коровами, по болѣзненному состоянію или по чему другому, а когда онъ нашелъ ее уже паломъ, то на слѣдующій же третій день утромъ сказалъ объ этомъ мужу хозяйки коровы. Судъ, не вѣривъ потери коровы въ умысленный поступокъ и не освобождая его отъ отвѣтственности за несвоевременное объявленіе о ней хозяину, приговорилъ взыскать, по требованію хозяина, 5 руб. вмѣсто первоначально просимыхъ имъ 20 руб. ¹⁾—О пропавшей телушкѣ, па-

¹⁾ Тамъ же, I, 401: Тамб. губ., Горносл. у.

стухи заявили на судѣ, что она пала о время ненастной погоды и представили отъ нея уши: лѣвое ухо сверху косой срѣзь. По первоначальному показанію истцы стариннѣ, дѣйствительно мѣта на ея телушкѣ была такая. Но когда она увидѣла предъявленныя ей уши, то объяснила, что ея мѣта—на лѣвомъ ухѣ срѣзь косой снизу, и утверждала, что такая же мѣта на ея коровѣ. По свидѣтельству же ея коровы черезъ старосту, у коровы ея мѣта оказалась: лѣвое ухо сверху и снизу по косому наръзу. „Это дѣло рѣшено по обычаю: грѣхъ пополамъ 1). —Крестьянинъ заявилъ суду, что лошадь его, стоящая ему 50 руб., пропала изъ табуна и послѣ розысковъ, слѣданныхъ имъ, не нашлась. Пастухъ, при разборательствѣ дѣла объяснилъ, что лошадь пала, шкуру же съ нея работникъ его, то-есть, подпаски, продали безъ его вѣдома, крестьянину занимающемуся закупкою шкуръ, отрѣзавъ отъ нея уши; на другой день онъ привезъ тѣ уши сельскому старостѣ и просилъ, чтобы тотъ взялъ шкуру отъ покупщика подъ сохраненіе впредь до отысканія ей хозяина (чего староста не исполнилъ); хозяевъ этой шкуры не отыскалось, слѣдовательно, онъ вполне убѣжденъ, что шкура должна быть съ лошади истца, но ту или подмѣненную доставилъ покупщикъ на судъ, онъ не ручается. Дѣйствительность того, что представленная шкура куплена у подпасковъ, подтвердили сельскій староста и два свидѣтеля. Однако истецъ отозвался, что доставленная шкура не съ его лошади, такъ какъ его была карая и мѣченая, а это бурогнѣдая и безъ ушей. Судъ также нашелъ, что пастухъ не доказалъ того, что шкура дѣйствительно снята съ лошади, принадлежащей истцу и не отысканной имъ, а истецъ не представилъ доказательствъ дѣйствительной стоимости лошади, поэтому приговорилъ пастуха къ уплатѣ 30 руб. 2).

Въ случаѣ, если скотина утонетъ въ трясинѣ, пастухъ, въ с. Новопавловкѣ, за это не отвѣчаетъ, при условіи своевременнаго заявленія. Также и въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Но въ послѣдней мѣстности пастухъ отвѣчаетъ половиной стоимости, если скотина свалится въ оврагъ и издохнетъ. По сло-

1) Тамъ же, I, 426: Тамбовск. г., Борисогл. у.

2) Тамъ же, IV, 105: Самарск. губ., Бузул. у.

вамъ священника с. Кракова, если какая-либо скотина будетъ до смерти замята въ тину при водопоѣ, то грѣхъ пополамъ между пастухомъ и хозяиномъ, потому что въ этихъ случаяхъ трудно порѣшить виноватъ онъ или нѣтъ въ гибели скотины. Но если хозяинъ докажетъ, что заматую скотину въ тинѣ пастухъ оставилъ живою, и она издохла уже по отгонѣ стада отъ водопоя, то пастухъ долженъ заплатить цѣну всей скотины, потому что по вынужденію она могла остаться живою и „не было бы грѣха“. Что касается до взыскапія по суду, то отвѣтственность или безотвѣтственность пастуха обуславливается, во первыхъ, договоромъ, заключеннымъ имъ съ обществомъ, вторыхъ, степенью вины пастуха въ гибели скотины, и третьихъ, степенью убѣдительности его доказательствъ.

Хозяинъ утонувшей коровы просилъ взыскать съ пастуха стоимость ея, 25 руб., такъ какъ корова утонула въ рѣкѣ по недосмотру пастуха. При допросѣ отвѣтчикъ оправдывался, что въ тотъ день, когда утонула корова, его не было при пастбѣ, а вмѣсто его находились два человѣка подпасковъ, и корова утонула не отъ него собственно, а одна другую столкнула въ воду, а какъ берега довольно круты, поэтому корова и не могла вылезти; при этомъ онъ добавилъ, что условіемъ онъ не обязывался за подобную убыль скота платить. Поэтому иску съ пастуха ничего не взыскано, на томъ основаніи, что въ письменномъ договорѣ общества съ пастухомъ „о томъ не ничего не упомянуто, что если по какому бы то ни было случаю произойдетъ убыль скота изъ табуна платить по стоимости“, а также изъ дѣла выяснилось, „что корова утонула отъ независимыхъ отъ пастуха причинъ“¹⁾. — Утонула въ болотѣ корова, за которую хозяинъ просилъ взыскать съ пастуха 35 руб. Но пастухъ „признанъ въ отношеніи охраненія коровы правъ“, потому что онъ увидалъ во время обѣда утонувшую корову въ болотѣ, и приступивъ къ освобожденію ея, сталъ ее тащить, но не могъ вытащить, почему и позвалъ живущихъ не подалеку отъ того мѣста крестьянъ, которые также подтвердили, что они вытащили на закатѣ солнца корову еще живою, но не могущею идти до двора, и приговоръ общества съ пастухомъ былъ такого рода: „Если про-

¹⁾ Тамъ же, VI, 227: Самарск. губ., Бугурусл. уѣздъ.

падетъ скотина изъ табуна, то пастухъ обязанъ платить за оную по оцѣнкѣ постороннихъ лицъ, а если гдѣ-либо утонетъ въ водѣ или болотѣ, то онъ не обязанъ отвѣчать" 1).—Хозяинъ жалуется, что пастухъ, выпустивъ по утру пасомый имъ табунъ изъ стойла въ лугъ, отправился по своей надобности въ деревню; во время же его отсутствія лошадь завязла въ трясины, гдѣ и пала; поэтому хозяинъ и просилъ взыскать съ пастуха по стоимости ея 35 руб. Отвѣтчикъ на судѣ объяснилъ, что лошадь завязла въ грязь по утру, и въ обѣдъ на этотъ же день онъ заявилъ хозяину, который явился къ вечеру, въ какое время лошадь вскорѣ пала. По разборѣ дѣла найдено, что лошадь пала собственно отъ нерадѣнія пастуха, который обязанъ былъ освободить ее изъ грязи тотчасъ же, если уже не своимъ силою, то съ помощью своихъ сотоварищей, то-есть, другихъ пастуховъ, но онъ хозяину заявилъ къ вечеру того же дня, въ который лошадь пала, а самъ лично съ своимъ подпаскомъ вовсе не принималъ никакихъ по этому предмету мѣръ. Судъ взыскалъ половину показанной истцомъ цѣны, 17 руб. 50 коп. 2).—За утовленную пастухами корову также взыскана половина ея стоимости, потому что истецъ въ свое время иска не объяснилъ 3).—Хозяинъ коровы жаловался на двухъ пастуховъ своего села, что они, по неосторожности своей, загнали въ оврагъ корову, которая упала и убилась до смерти. Въ оправданіе свое отвѣтчики заявили, что самый прогонъ для скота очень тѣсенъ: съ одной стороны—оврагъ, съ другой—земля, засѣянная хлѣбомъ; поэтому въ столь тѣсномъ мѣстѣ за всю скотину усмотрѣть нельзя; притомъ самый оврагъ долженъ быть огороженъ, а такъ какъ попеченіе въ огороженіи оврага лежитъ на обществѣ, то и отвѣчать должно общество. При всемъ томъ одинъ изъ пастуховъ объявилъ, что онъ добровольно платитъ хозяину съ своей стороны 3 р., а другой добровольно не согласился заплатить. Судъ приговорилъ обоихъ ко взносу по 3 руб. „за неосторожность и плохой присмотръ за скотомъ“, предоставивъ имъ вѣдаться съ обществомъ, какъ знаютъ 4).

1) Тамъ же, VI, 372: Саратовскій уѣздъ.

2) Тамъ же, VI, 9: Самарск. у.

3) Тамъ же, I, 432: Тамбовск. губ., Борп. огл. у.

4) Тамъ же, I, 99: Тамб. губ., Морш. у.

За „безвѣстную пропажу скота, то-есть, если скотина неизвѣстно куда дѣвалась изъ стада, напримѣръ, ушла или гдѣ-либо погибла, за такую пропажу пастухи всегда отвѣчаютъ имущественно. Самый обыкновенный видъ такой отвѣтственности—уплата хозяину половины стоимости пропавшаго животнаго. Обычай платить половину оказывается, по нашимъ свѣдѣнiямъ, въ губерніяхъ Нижегородской (Макарьевскій уѣздъ), и Ярославской (повсемѣстно), у Донскихъ казаковъ, и въ Самарской губерніи, даже въ г. Самарѣ. Волостные суды разныхъ губерній обыкновенно взыскиваютъ также половину цѣны пропавшей лошади. Но это бываетъ не всегда; иногда пастухъ приговаривается къ уплатѣ полной стоимости, хотя рѣдко, иногда—меньшей половины, а случается, что и вовсе освобождается отъ уплаты. Все зависитъ отъ присутствiя въ дѣлѣ тѣхъ мотивовъ, которые приведены раньше. Священникъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, встрѣтилъ въ книгѣ рѣшеній волостнаго суда Троицанской волости нѣсколько дѣлъ о пронажѣ лошадей изъ табуна. Въ однихъ рѣшеніяхъ признанъ „грѣхъ пополамъ“ между истцомъ хозяиномъ и отвѣтчикомъ-пастухомъ, а въ другихъ рѣшеніяхъ истцу присуждалась вся стоимость пропавшей лошади. Мѣстные крестьяне, сообщаетъ священникъ,—мотивы такихъ рѣшеній выясняютъ такъ: въ первомъ случаѣ судьи жалѣли пастуховъ, не усматривая въ этой пронажѣ ихъ злонамѣренности, а въ послѣднемъ случаѣ предполагали эту злонамѣренность (присутствіе въ гражданскомъ дѣлѣ мотивовъ уголовного характера).

Въ трудахъ комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ мнѣ встрѣтилось только два примѣра полной отвѣтственности пастуховъ за потерянныхъ лошадей. Два „конные пастуха“ потеряли изъ табуна лошадь, стоящую 25 руб. Эту сумму хозяинъ лошади просилъ взыскать съ виновныхъ. Не смотря на то, что лошадь пропала въ іюлѣ мѣсяцѣ, и она не была отыскана еще въ половинѣ августа, когда разбиралось дѣло, пастухи просили отсрочки на отысканіе до 6-го декабря. Судъ согласился на это, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неотысканія взыскать съ пастуховъ 25 руб. въ пользу просителя, по равной части съ cadaго пастуха, а если лошадь отыщется спустя недѣлю послѣ 6-го декабря, то лошадь должна остаться у пастуховъ, а взысканныя деньги у истца ¹⁾.—

¹⁾ Тамъ же, VI, 78: Самарск. у.

Пастухъ, у котораго неоднократно пропадали изъ стада овцы, и кромѣ того найдено въ полѣ двѣ овцы, одна неизвѣстно кѣмъ связанная и положенная, а другая зарѣзанная волкомъ, приговоренъ судомъ „за несмотрѣніе“ къ отдачѣ двухъ собственныхъ овецъ хозяину утраченныхъ ¹⁾).

По одному рѣшенію, пастухъ, изъ-подъ присмотра котораго пропала лошадь, приговоренъ къ уплатѣ двухъ третей заявленной хозяиномъ стоимости оной, и сверхъ того, такъ какъ онъ поведенія нехорошаго и изъ-подъ его присмотра пропадаетъ много скота, наказанъ розгами ²⁾).

За неизвѣстно куда пропавшее изъ стада животное пастухъ отвѣтствуетъ уплатой половины его стоимости, на томъ основаніи, что, какъ подтвердили свидѣтели,—при наймѣ конюха идетъ порядокъ уговариваться, чтобы за каждую пропавшую лошадь вѣсикивать половинную часть³⁾. Деньги эти удержаны изъ суммы слѣдующей съ крестьянъ пастуху за сторожку лошадей ⁴⁾.—Два пастуха были наняты обществомъ съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы „за каждую пропавшую лошадь отвѣчать чего она стоитъ“. Однако волостной судъ приговорилъ пастуховъ лишь къ уплатѣ половины стоимости за потерянныхъ ими двухъ лошадей,—не смотря на то, что ссылка пастуховъ на то, что лошади ушли вслѣдствіе плохой городьбы калды, была признана несправедливой ⁴⁾.—Лошадь ушла во время караула ночныхъ очередныхъ сторожей (что было подтверждено свидѣтельскими показаніями), которые заявили суду, что они считаютъ себя невинными, потому что пропажа не объявлена сторожамъ въ теченіи сутокъ. При разбирательствѣ дѣла, крестьяне всѣмъ сельскимъ сходомъ два раза подтверждали волостному суду, что мѣстный обычай у нихъ ведется такъ, что сторожа, какъ дневные, такъ и ночные, за кражу не отвѣчаютъ. Не смотря на это судъ постановилъ: „Такъ какъ вообще по всей волости мѣстный обычай въ крестьянскомъ быту такой, что въ случаѣ пропажи отъ слабаго караула вознаграждать потерпѣвшаго за убытки

¹⁾ Тамъ же, I, 231: Тамб. губ., Спасск. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 42: Самарск. у.

³⁾ Тамъ же, II, 173: Моск. губ., Серпух. у.

⁴⁾ Тамъ же, VI, 113: Самарск. губ., Вузун. у.

въ половинномъ количествѣ той суммы, какая будетъ доказана по оцѣнкѣ (цѣна пропавшей лошади 40 руб.), то взыскать на удовлетвореніе истца съ очередныхъ караульщиковъ двадцать рублей, по равной части“¹⁾).

Иногда за пропавшую скотину самъ истецъ, „на основаніи существующаго обычая“, просить взыскать съ караульщика, или удержать съ пастуха, изъ слѣдующихъ ему за пастбу счета денегъ отъ общества, только половину цѣны животнаго²⁾).

Часто виновные приговариваются къ уплатѣ убытковъ меньше половины. Сельскій сходъ приговорилъ взыскать съ двухъ очередныхъ караульщиковъ за три пропавшія лошади 30 руб. Но они этой суммы не уплатили. Поэтому истцы обратились въ судъ, который нашелъ, что караулъ общества былъ учрежденъ по очереди, но приговора, равно какъ и словеснаго договора относительно отвѣтственности за пропажу лошадей сдѣлано не было, самыя лошади по существующимъ цѣнамъ стоятъ не болѣе 35 руб., а потому опредѣлялъ: „Дабы впредь не могъ ослабѣть болѣе таковой караулъ и происходить въ ономъ какое либо зло, въ примѣръ прочимъ взыскать съ находившихся въ караулѣ крестьянъ по пяти рублей съ каждаго“³⁾).—Изъ-подъ очереднаго караула пропала лошадь, стоящая 100 руб. (которая по тщательному розыску не нашлась). Судьи положили, чтобы сторожъ „за слабый и безпечный ночной караулъ уплатилъ истцу, по бѣдному своему состоянію, по крайней мѣрѣ, третью часть стоимости лошади. На это истецъ было не соглашался, но, по убѣжденію судей, уступилъ⁴⁾).

Два пастуха были наняты обществомъ съ условіемъ, „если пропадетъ изъ стада какія-либо лошадь днемъ, то пастухамъ отвѣтствовать за нее всею суммою ея стоимости, а если ночью, то половиною частью оной. Однако судъ съ этихъ пастуховъ, потерявшихъ „по причинѣ слабого надзора“ лошадей изъ стада, днемъ, приговорилъ взыскать вмѣсто 80 руб., какъ бы слѣдовало по договору, лишь четвертую часть, по 10 руб. съ каждаго, „по совер-

¹⁾ Тамъ же, II, 458: Моск. губ., Колом. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 557: Саратов. губ., Петровск. у.

³⁾ Тамъ же, VI, 451: Саратов. губ., Аткарск. у.

⁴⁾ Тамъ же, VI, 423: Саратов. губ., Аткарск. у.

шешной изъ бѣдности и несостоятельности, да къ тому же и съ согласія истца ¹⁾).

Иногда съ пастухомъ судъ вовсе не разыскиваетъ ничего. Хозяинъ лошади заявилъ въ судѣ, что пущенная имъ лошадь-жеребчикъ, вмѣстѣ съ другими въ табуны, пропала изъ-подъ присмотра очередныхъ караульщиковъ, о чемъ онъ имъ заявилъ уже вечеромъ, а не поутру, когда они сѣялись и когда онъ приходилъ брать двухъ лошадей изъ табуна, хотя онъ и хватился ея поутру, по этому просилъ взыскать съ виновныхъ половину стоимости лошади. Судъ освободилъ караульщиковъ отъ ответственности „по недостаточному доказательству хозяина лошади“, именно, потому что онъ не предъявилъ сѣявшимся пастухамъ о пропавшей лошади и не доказалъ сколько имъ было пущено въ табуны лошадей ²⁾. Въ другомъ случаѣ очередные караульщики были освобождены отъ ответственности за пропажу лошадей, такъ какъ хозяинъ не сдалъ своихъ лошадей въ руки пастухамъ, а просто, приведши къ табуну, бросилъ ихъ тамъ ³⁾.

Розысканіе пропавшей изъ стада скотины производится пастухомъ на собственный счетъ, либо хозяиномъ. Въ последнемъ случаѣ всѣ расходы по розыску падаютъ на пастуха и его товарищей ⁴⁾. Судъ, впрочемъ, уменьшаетъ сумму взыскиваемую хозяиномъ за розыски, если находятъ ее слишкомъ высокою, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія. Изъ-подъ присмотра коннаго пастуха и его товарища пропалъ жеребчикъ, стоящій 20 руб., поэтому хозяинъ просилъ взыскать эти деньги съ пастуховъ. Судъ, принявъ во вниманіе отзывъ пастухомъ, что упомянутый жеребчикъ палъ и что уши его хранятся у нихъ, которые могутъ служить вѣрнымъ доказательствомъ справедливаго отзыва, опредѣлилъ взыскать съ пастуховъ въ пользу истца только пять руб. Между тѣмъ оказалось, что „жеребчикъ ожилъ“ и оказался въ сосѣднихъ выселкахъ пригульнымъ, откуда и получили его хозяинъ. Вслѣдствіе этого, хозяинъ просилъ вторично судъ взыскать съ пастуховъ, за поведеніи и

¹⁾ Тамъ же, II, 327: Моск. губ., Волокол. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 248: Самар. губ., Бугурусл. у.

³⁾ Тамъ же, VI, 572: Саратов. губ., Петровск. у.

⁴⁾ Тамъ же, II, 422: Моск. губ., Бронницк. у.

потрату времени при розысках жеребчика, 10 руб. На этотъ разъ судомъ постановлено взыскать съ пастуха и его товарища въ пользу просителя лишь два рубля, отданныхъ имъ за прокормъ жеребенка, и одинъ рубль за хлопоты при розыскѣ его, а опредѣленныхъ первымъ рѣшеніемъ пяти рублей не взыскивать¹⁾.

Въ старину пастухъ не отвѣчалъ за утрату животнаго изъ стада, если только, также какъ и теперь, въ день утраты его заявлялъ о томъ хозяину. Въ случаѣ же незаавленія, онъ отвѣчалъ отдачей собственной скотины, то-есть, полнымъ вознагражденіемъ истца. Въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ это выражено такъ: „Ащель пастырь вола приѣмъ, погубить и въ тотъ день, въ вонъ же волъ погубить, не повѣдаетъ осподареви вола въ томъ мѣстѣ, и въ томъ видѣль есмь его, чтожь бысть не вѣмъ, да отдасть его; ащели же повѣдаетъ, не повинень будетъ“. Въ случаѣ намѣренной утраты пастухъ подвергался отвѣтственности; но ему предоставлялась возможность снять съ себя подозрѣніе въ этомъ, стоило только принять клятву въ своей невинности: „Аще пастырь чреды приметь волъ отъ земледѣльца, и безъ вѣсти погибнетъ волъ, да клянется именемъ Господнимъ, яко не ухитрилъ есть, ниже причастенъ есть пагубы вола того, и не повинень будетъ.“ За ложную клятву подвергался онъ тяжелому наказанію, какъ будетъ сказано ниже.

Относительно искалѣченія или убіенія пастухомъ скотины въ Ярославской губерніи существуетъ такое обыкновеніе. Если доказано будетъ свидѣтелями, что скотина искалѣчена пастухомъ или убита имъ по неосторожности, хозяева имѣютъ право съ него взыскивать половину ея стоимости; въ Даниловскомъ же уѣздѣ за ушибъ скотины хозяинъ удерживаетъ только плату, слѣдующую пастуху за пастьбу. Если же пастухъ намѣренно извелъ ее или продалъ, то наказывается судомъ и сверхъ того, съ него, взыскивается полная цѣна скотины. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда, за увѣче скотины и ушибъ ея, хотя бы до смерти, пастухъ не отвѣчаетъ по той простой причинѣ, что этого доказать нельзя: ушибъ всегда возможно пастуху „свалить“ на скотину. Въ случаѣ же большаго подозрѣнія, хозяинъ ушибленной скотины можетъ позвать пастуха

1) Тамъ же, VI, 57; Самарск. у.

на сходъ и здѣсь заставить его побожиться въ своей невинности. Это право хозяина не отъемлемо. По рѣшеніямъ волостныхъ судовъ въ указанныхъ выше случаяхъ пастухи отвѣчаютъ уплатой половины или полной стоимости пропавшихъ животныхъ.

Два пастуха пробили коровѣ лобъ и вышибли глазъ, отчего она пала. Свидѣтель показывать, что онъ, находясь на полѣ, видѣлъ когда корова уцала, подойдя же къ ней, замѣтилъ прошибленный лобъ и выбитый глазъ. Отвѣтчики же заирались, что они корову никогда не били, у ней не былъ пробитъ лобъ и выбитъ глазъ. Судъ, соображая просьбу просительницы съ показаніями свидѣтеля и отвѣтчиковъ, и руководствуясь мѣстными обычаями, рѣшилъ: „такъ какъ кромѣ пастуховъ убить коровы было некому, поэтому взыскать съ нихъ половину стоимости оной ¹⁾.—Пастухи перевязали двумъ коровамъ, которыя уходили изъ стада, заднія ноги, и до того скрутили, что у коровъ жилы перервались и они не могли встать. Отвѣтчики оправдывались тѣмъ, что самъ хозяинъ велѣлъ коровамъ вязать ноги. Но хозяинъ отрицалъ это, сознавшись однако, въ томъ, что онъ видѣлъ дѣйствія пастуховъ. Судьи, находя виноватыми обѣ стороны, потому что когда пастухи вязали коровъ, хозяинъ ихъ видѣлъ самъ и не отвлекъ отъ этого, а потому рѣшеніемъ симъ положили грѣхъ пополамъ, съ тѣмъ, чтобы отвѣтчики уплатили половинную часть стоимости коровъ ²⁾).

Тотъ же способъ ответственности примѣненъ и къ слѣдующему случаю. Лошадь во время ночной сторожки очереднаго караульщика оказалась избитою, и именно около задняго прохода мѣсто изранено, и какъ нужно полагать, какимъ нибудь острымъ орудіемъ, такъ что лошадь не могла не только работать, но даже и ѣсть кормъ. При этомъ сынъ караульщика, пасшій вмѣсто отца, показывалъ, что онъ съ лошадью ничего не дѣлалъ и даже не видалъ лягалась ли она съ другими лошадьми, какъ пускалъ хозяинъ въ стадо лошадь онъ не видалъ и можетъ быть она была пущена больною ³⁾.

Вслѣдствіе жалобы хозяина на пастуха, что тотъ потеръ у его

¹⁾ Тамъ же, I, 151: Тамб. губ., Шацк. у.

²⁾ Тамъ же, I, 163: Тамб. губ., Шацк. у.

³⁾ Тамъ же, II, 518: Моск. губ., Дмитр. у.

лошади ноги до костей, судъ приговорилъ „за неосмотръ и нерадѣніе пастуха“ взять у него вмѣсто нездоровой здоровую лошадь до излѣченія потертыхъ у нея ногъ, такъ, чтобы когда онъ излѣчитъ, могъ взять обратно свою собственную лошадь ¹⁾).

За продажу овецъ въ постороннія руки пастухъ подвергся тѣлесному наказанію съ оплатой полной стоимости проданныхъ овецъ ²⁾).

Въ старину, въ случаѣ, если въ стадѣ оказалась скотина искалѣченной, пастухъ не подвергался за это отвѣтственности, если онъ не былъ виновенъ въ умыленномъ причиненіи увѣчья. Для доказательства своей невинности, онъ, какъ сказано въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ, долженъ былъ повлѣстися именовъ Господнимъ: „Аще пастыръ чредый по обычаю пріемъ вола не храма, но здорова, и пригодится ему окрамѣти или ослѣбнути, да клянется пастыръ, яко не хитрилъ есть ни что же нанъ, и не повиненъ есть. Аще пастыръ чредый о погибленіи воловъ, или о храмотѣ, или ослѣбленіи клянется, послѣ же будетъ обличенъ двумя или тремя свидѣтелями, и достойно вѣрными, яко сотворилъ будетъ, языкъ ему да урѣжется, осподаревъ же воловому да отплатитъ“.

И теперь, какъ уже сказано было ранѣе, пастухи въ подобныхъ случаяхъ, для доказательства своей невинности, прибѣгаютъ къ клятвѣ или даже принуждаютъ ихъ къ тому сами хозяева истцы. Но не вездѣ клятва имѣетъ теперь юридическую силу. Такъ, въ Даниловскомъ уѣздѣ, хотя пастухи постоянно клянутся въ своей невинности, но божбѣ и клятвамъ крестьяне мало вѣрятъ, зная по себѣ, что при порубкѣ лѣса въ чужихъ дачахъ они тоже клянутся въ своей невинности до тѣхъ поръ, пока ихъ не уличить поличное; да и во всемъ постоянно, если только „концы въ воду“, а дѣло „шито и крыто“, крестьяне обоого пола одинаково стануть божитися, сколько угодно въ доказательство своей невинности, помня характерную поговорку: „Москва запоромъ крѣпка“.

По Уставу о земскихъ дѣлахъ, въ случаѣ виновности пастуха въ изувѣченіи пасомаго имъ животнаго, его обязывали уплатить стоимость изувѣченной скотины. Но если изувѣчило скотину по-

¹⁾ Тамъ же, VI, 500: Саратов. губ., Саратовск. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 565: Саратов. губ., Саратовск. у.

стороннее лице, пользовавшееся ею на какихъ-либо условіяхъ, то для него было обязательно отдать свою скотину: „Сей пасяй пасьбу, но убіеть, или охромить, даеть волъ за волъ, или осель за осель, или овца за овцу, или конь за конь“. Въ томъ же памятникѣ заключается интересное правило относительно отвѣтственности пастуха за искалѣченіе животнаго, смотря по тому, какимъ орудіемъ оно искалѣчено: „Аще пастырь чредый палицею, юже въ рукахъ держать, расшибеть животину, или ослѣпить, повиненъ есть и заплатитъ; аще ли же камнемъ верже, или древомъ, не повиненъ есть“. Очевидно, что здѣсь различается намѣренное изувѣченіе животнаго отъ неосторожнаго. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, сохранилось ли теперь у крестьянъ или нѣтъ что-нибудь подобное приведенному старому обычаю. Но мы знаемъ, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ у пастуховъ обязательныя орудія пастыби. Такъ, въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, у череднаго пастуха обязательно долженъ быть кнутъ для управленія всѣмъ стадомъ. Но и кнутомъ пастухи злоупотребляютъ, производя увѣчья, за что подвергаются денежными вычетамъ отъ хозяевъ скота. Но дѣло въ томъ, что если бы съ пастуховъ вычитать изъ жалованья за всѣ ихъ провинности, то можно не преувеличивая сказать, что ни одному изъ нихъ не пришлось бы отъ хозяевъ своихъ получить ни копѣйки.

Выше было разъяснено, что въ случаѣ злоумышленнаго истребленія, продажи или присвоенія скота пастухъ подвергается какъ взыскацію полной стоимости скотины, такъ и тѣлесному наказанію. Въ древности въ этихъ случаяхъ онъ наказывался болѣе строго. По всей вѣроятности, его приговаривали къ такому же наказанію, какъ и всякое другое лице. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по отсутствію въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ специальной статьи для наказанія пастуха въ данномъ случаѣ. По Уставу же, „аще кто украдетъ волъ или осель, и обличенъ будетъ, да биенъ будетъ, *субубою* цѣною отдасть той и дѣланіе ихъ все“. И теперь бьютъ всякаго вора, въ томъ числѣ и пастуха за воровство, но такое битье скорѣе имѣетъ видъ мести или самоуправства, а не наказанія по приговору; двойному же взыскацію убытковъ виновный не подвергается.

Въ упомянутомъ уже Уставѣ встрѣчается еще особый видъ во-
отдѣль I—9.

ровства, именно кража звонка, навѣшеннаго на животное, и уязвляется отвѣтственность за это: „аще кто отрѣжетъ колоколь отъ вола, или отъ овцы, или отъ коня, яко тать бьенъ будетъ, аще ли-жь погибнетъ животное, онъ да заплатитъ, иже татьбу колоколу сотворивый“. Эта статья показываетъ, что въ старыя годы, при изобиліи лѣсовъ и трудности сохраненія стадъ, колокольчики на животныхъ имѣли важное значеніе. И теперь еще звонки въ употребленіи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, но только намъ не извѣстно, какой отвѣтственности подвергаются лица виновныя въ похищеніи ихъ.

Для того, чтобы легче отыскать, въ случаѣ надобности, корову или лошадь, пасущуюся въ лѣсу безъ пастуха, крестьяне западныхъ и южныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи привязываютъ на шею этихъ животныхъ бѣтало или подзвонокъ, родъ колокольчика, согнутаго изъ желѣзнаго или мѣднаго листа. Бѣтало также въ употребленіи въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи и Сибири: Пермской, Иркутской, Якутской и пр. ¹⁾; въ Вологодской оно замѣняется довольно порядочнаго объема звонками. Колокольчики на животныхъ въ употребленіи и у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, напримѣръ, у Финновъ, и Кореловъ. Кромѣ указанной практической пользы отъ колокольчиковъ, ихъ навязываютъ животнымъ еще въ увѣренности, что всякій нечаянный звукъ въ состояніи испугать и удалить медвѣдя или волка. Въ Ярославской губерніи цѣль, съ которою на скотину навязываютъ колокольчики, — это разыскать ее въ лѣсу, въ случаѣ, если она отставъ отъ стада, заблудится и домой не прійдетъ на ночь. Но ихъ теперь употребляютъ очень рѣдко, даже въ Даниловскомъ уѣздѣ, относительно говоря, не бѣдномъ лѣсами. Главная причина та, что крестьяне, съ отчужденной крѣпостнаго права, получивъ четырехдесятиный надѣлъ на душу, владѣютъ всего на все только тремя полями; остатокъ земли если и остается отъ пашни подъ лѣсомъ, то небольшой и достаточенъ върубленный, въ которомъ трудно заблудиться. Притомъ же поля у крестьянъ огорожены. При этихъ условіяхъ почти вся скотина на виду у пастуха; если и перейдетъ она въ лѣсъ, то тоже будетъ ходить въ огороженномъ про-

¹⁾ Опытъ област. великор. слов., изд. Ак. Н.

страсти, оруженномъ полями сосѣднихъ деревень. Поэтому старинный обычай навязывать на скотину колокольчики, деревянные волотушки и бубенцы исчезаетъ самъ собою. Съ колокольчиками на шеѣ иногда еще попадаютъ лошади, потому что въ августовскую или сентябрьскую ночи бываетъ полезно при ночной пастушнѣ сторожамъ слышать, что лошадь гуляетъ не далеко отъ нихъ. Въ с. Краковѣ, Самарскаго уѣзда звонковъ въ мирскихъ стадахъ не бываетъ. Но въ стадахъ рабочихъ воловъ, которые всегда насутся „особняками“, на передовомъ быкѣ всегда звононь. И онъ необходимъ: волю имѣють обыкновеніе ночью, замѣта оплошность соннаго пастуха, прятаться отъ него, и стоитъ труда отыскать ихъ. Колоколь—предохранительное средство противъ такого укрывательства рабочихъ воловъ въ степномъ бурьянѣ, укрывательства, которое иногда отнимаетъ у хозяина одинъ или два уповода дневной пашни. Но случается что и колоколь мало помогаетъ. Передовой волъ умѣетъ его такъ прижать или вытянуть шею и ступаетъ такъ осторожно, что не слышать почти никакого звука отъ колокольчика. Въ стѣняхъ Новороссійскаго края также можно иногда слышать, при приближеніи къ стаду овецъ, звукъ колокольчика, но тамъ звонки эти употребляются (ихъ привязываютъ на шею козламъ), вѣжется, больше для развлечения пастуховъ, чѣмъ по необходимости.

Въ случаѣ явной неисправности пастуха подвергаются побоямъ со стороны хозяевъ или тѣлесному наказанію по постановленію волостнаго суда. Но эти случаи довольно рѣдки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе неизвѣстны. Такъ, напримѣръ въ Даниловскомъ уѣздѣ, послѣ уничтоженія вѣрстнаго права и отгнны тѣлеснаго наказанія по рѣшеніямъ общихъ судебныхъ мѣстъ, въ народѣ провзонла радикальная переимѣна во взглядахъ на кулачную расправу, какъ на наказаніе. Винаватый, хотя бы онъ былъ пастухъ, также не дозволить себя прибить, какъ и провинившійся передъ обществомъ староста. Пастуха болятъ обидѣть еще и потому, чтобъ онъ чего не *доспѣлъ* надъ скотиной своего обидчика или надъ всею деревней. Извѣстны случаи, когда прибитый за какую-нибудь неисправность подпасокъ (напримѣръ за то, что не остановится передъ домомъ и не возьметъ въ стадо скотины) ищетъ съ обидчика удовлетворенія

*

через волостной судъ или через мирового судью. „Бить нонче запрещено“, говорятъ всѣ безъ исключенія, и крестьяне это очень хорошо помнятъ. Что сказано о побояхъ, то примѣнимо и къ розгамъ. Но объ этомъ будетъ подробнѣе сказано дальше.

Слѣдующія рѣшенія волостныхъ судовъ указываютъ на отвѣтственность пастуховъ за всякую утрату скота въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ обязанности исполняютъ родственники или стороннія лица, на отвѣтственность товарищей пастуховъ, отвѣтственность лицъ, принимающихъ къ себѣ для пастбы чужой скотъ, и наконецъ, такихъ лицъ, которыя собственно въ пастбѣ не участвовали, но все-таки оказались виновными въ уtratѣ пасшагося скота: Сынъ пастуха, пасшій стадо, убилъ по какому-то случаю корову, что подтверждено свидѣтелями. Судъ взыскалъ полную ея стоимость съ отца виновнаго, такъ какъ нанимался пасты стадо самъ отецъ ¹⁾.—Лошадь, стоившая 25 руб., утонула въ тинномъ мѣстѣ. Судъ опредѣлялъ: „съ пастуха по глупости его въ допускѣ распоряжаться табуномъ частному лицу и за слабый надзоръ взыскать 3 руб. 20 коп., а съ крестьянина, какъ не въ свое дѣло вмѣшавшагося, и за самовольный прогонъ скота черезъ тинистую рѣку, взыскать 9 руб. 25 коп., что составитъ половину стоимости утраченной лошади ²⁾.—Пастухъ заявилъ жалобу на другаго въ томъ, что когда они вдвоемъ пасли конный и свиной табунъ, то истецъ уплатилъ хозяевамъ 30 руб. за потерю кобылицы, годоводки и свиней и за потраву хлѣба, тогда какъ они заключили условіе съ обществомъ, — потерю и потраву платить пополамъ. Судъ приговорилъ: такъ какъ они пасли обоудно, то взыскать съ отвѣтчика половинную часть, то-есть, 15 руб. на основаніи существующихъ правилъ изъ движимаго его имущества, хлѣба и скота ³⁾.—Крестьянинъ Ж., отправившись въ стадо за своими лошадьми, увидѣлъ въ мелкомъ стадѣ нѣсколько лошадей, по просьбѣ подпаса взялъ двухъ лошадей для отвода въ общее конское стадо и пустилъ ихъ на лѣсномъ урочищѣ Оселкѣ Лянинѣ, гдѣ ходила часть ихъ коровъ; кромѣ того, третья лошадь пришла сама за нимъ въ

¹⁾ Тр. Вол. Ком., I, 151: Тамб. губ., Шацк. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 264: Самарск. губ., Вугур. у.

³⁾ Тамъ же, VI, 609: Сарат. губ., Балаш. у.

тому мѣсту, гдѣ онъ пустилъ первыхъ; но когда именно пропали одна изъ первыхъ двухъ (другая найдена) и третья лошадь, ему не извѣстно. Пастухъ показалъ, что, узнавъ отъ подпаска о вѣтин крестьяниномъ лошадѣй, тотчасъ же отправился искать ихъ, встрѣтилъ Ж., который сказалъ, гдѣ имъ пущены лошади, но тамъ ихъ не нашелъ, и куда онѣ пропали, ему не извѣстно. По предложеніи мировой, истецъ пожелалъ раздѣлить убытки на три части: на себя самого, крестьянина Ж. и пастуха. Судъ, признавая крестьянина Ж. виновнымъ въ несохраненіи взятой лошади, стоящей 43 руб., а пастуха въ несохраненіи двухъ лошадей, постановилъ: взыскать съ Ж. третью часть стоимости лошади, то-есть, 15 руб., съ пастуха же за эту же лошадь 15 руб., а за другую лошадь половину стоимости, по существующему обычаю, то-есть, 8 руб. ¹⁾). По поводу настоящаго рѣшенія считаемъ необходимымъ добавить, что, по свѣдѣніямъ изъ с. Кракова, когда кто-либо изъ хозяевъ беретъ своихъ лошадей изъ табуна, и за его лошади „утянутся и отгинбуются“ одна или двѣ чужія лошади, то онъ долженъ по пріѣздѣ въ село этихъ лошадей или заманить къ себѣ на дворъ для отвода къ хозяину, или если это не удастся, сказать о томъ послѣднему. Это всѣ крестьяне считаютъ для себя почти обязательнымъ. Подобный обычай существовалъ и прежде, какъ это видно изъ Устава о Земскихъ дѣлахъ ²⁾).—Истецъ искалъ за утраченную пастухомъ лошадь 60 руб. По дознанію оказалось, что лошадь отъ невѣстной причины пала. Съ пакой лошади снялъ шкуру односелецъ истца, крестьянинъ И., будто бы по ошибкѣ, такъ какъ онъ И. полагалъ, что это лошадь принадлежащая хуцу М, за которою еще при живѣ онъ имѣлъ неослабное наблюденіе. Судьи признали: „Въ крестьянскомъ быту существуетъ порядокъ такой, что въ случаѣ падежа какой-либо скотины, если уже не шкура, то уши представляются для доказательства хозяину; но этого ни пастухъ, ни снимавшій шкуру не сдѣлали, чѣмъ и навлекаютъ на себя отвѣтственность. Впрочемъ тотъ, кто продавалъ, не виновенъ, потому что у пастуха никто не

¹⁾ Тамъ же, II, 496: Моск. губ., Дмитр. у.

²⁾ Указатель Максимовича, стр. 7.

Прим. ред.

долженъ покупать ни шкуру, ни лошадей. Виновенъ И., въ томъ что онъ съ чужой лошади ни въ какомъ случаѣ не долженъ снимать безъ всякаго уполномочія шкуру, хотя она въ дѣйствительности и снята съ палой лошади“. Вслѣдствіе этого постановлено взыскать со снявшаго шкуру на удовлетвореніе истца за лошадь 10 рублей (вмѣсто просимыхъ истцомъ 60 руб.), пастуха же отъ взысканія освободить ¹⁾.

„1873 года іюня 23-го дня. Еланскій волостной судъ ²⁾, въ составѣ своемъ четырехъ очередныхъ судей, разбиралъ дѣло по прошенію поселка Синявскаго государственнаго крестьянина Романа Иванова Максимова о взысканіи имъ съ односельца своего крестьянина Михайла Кузьмина Милованова 40 рублей за павшую его корову въ гурту, набранномъ Миловановымъ для пастбы, отъ окормленія таковой.

Обстоятельства дѣла слѣдующія: Романъ Ивановъ Максимовъ, въ поданномъ въ сей судъ 25-го октября 1870 года прошеніи объяснилъ, что 1870 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отдалъ онъ своихъ двухъ коровъ Милованову, для пастбы таковыхъ на снимаемомъ Миловановымъ степномъ расходѣ, но никакъ не на хлѣбномъ парѣ, за что имъ, Миловановымъ, положено было брать за каждую голову по 3 руб. 50 коп. Но Миловановъ, вмѣсто того, чтобы пасты скотину на снимаемомъ у липецкаго купца Ефрема Алимова расходѣ, погналъ скотину на полевой парѣ, чрезъ что его Максимова корова обѣдлась подсекольника и пала, что могутъ подтвердить односельцы Аверьянъ Губановъ и Михайла Копыловъ; вслѣдствіе чего онъ просилъ волостной судъ взыскать съ Милованова за павшую его корову 40 руб., которыми его Максимова удовлетворить. По вызову волостнаго правленія, на настоящее число явились въ разборъ этого дѣла истецъ Романъ Максимовъ и отвѣтчикъ Михайло Миловановъ, а свидѣтели Аверьянъ Губановъ и Михайла Копыловъ не явились, первый—по неизвѣстной причинѣ, а послѣдній—за смертію. По выслушаніи прошенія Максимова, отвѣтчикъ

¹⁾ Тр. Вол. Ком., VI, 5: Самарск. у.

²⁾ Настоящее рѣшеніе волостнаго суда, помѣщаемое цѣликомъ, извлечено мною изъ дѣлъ мирового съѣзда посредниковъ Новохоперскаго уѣзда Воронежской губерніи.

Миловановъ, не отрицая того, что имъ въ 1870 году было набито стадо коровъ, для пастбы на степи, снятой у купца Алимова, по цѣнѣ 3 р. 50 к. за каждую голову, и что въ этомъ стадѣ были двѣ коровы, принадлежащія просителю Максиму, возразилъ, что коровъ, по недостаточности корма на степи, онъ согналъ, съ дозволенія общества, и пасъ одинъ день по общественному пару, на что былъ согласенъ и Максимовъ, и что корова Максимова пала неизвѣстно отъ чего, и онъ, какъ не обязывавшійся отвѣчать за смерть скотины не считаетъ себя обязаннымъ платить Максиму выскываемые имъ 40 руб. за корову, которая этой сумми не стоитъ. Противъ этого объясненія истецъ Максимовъ возразилъ, что онъ отдавалъ въ Милованову своихъ двухъ коровъ пасты на степи, а не на пару и согласія на пастбу таковыхъ по пару не изъявлялъ. За пастбу коровъ этихъ причиталось заплатить Милованову 7 р., но такъ какъ корова пала отъ нарушенія имъ Миловановымъ условія, то-есть, пастбою не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало, а потому онъ эти деньги ему не заплатилъ, за исключеніемъ воихъ изъ 40 рублей просить взыскать 33 рубли. Въ доказательство же того, что корова пала отъ обжорченія подслезкольникомъ на пару и стоитъ 40 руб., просилъ спросить сосѣдей Василя Романова Парнинова и Семена Суслина. При склоненіи сторонъ къ окончанію этого дѣла миромъ, согласія между ними на это не послѣдовало. Спрошенные сосѣди Максимова Василий Парниновъ и Степанъ Суслинъ показали, что корова Максимова, пасшаяся въ стадѣ Милованова, пала отъ ожорченія ея подслезкольникомъ на пару; въ это время въ общественномъ стадѣ пало много коровъ отъ той же причины, но въ стадѣ Милованова пала одна корова, принадлежащая Максиму, которая по совѣсти стоитъ 35 руб., такъ какъ она была хорошей породы и большого роста.

По обстоятельствамъ дѣла, объясненіямъ истца и отвѣтчика и показаніямъ сосѣдей перваго, волостной судъ находитъ, что крестьянинъ Миловановъ не имѣлъ права по договору пасты коровъ, принадлежащихъ Максиму, по паровой землѣ, такъ какъ Максимовъ на это не изъявлялъ своего согласія, а Миловановъ ничѣмъ условія этого не доказалъ, а потому онъ обязанъ заплатить Максиму причиненный имъ убытокъ за палу корову по стоимости ея, 35 руб.; но принимая во вниманіе, что Максимовъ

за пастьбу двухъ коровъ неотдалъ Милованову и удержалъ 7 рублей, и что онъ же воспользовался кожей съ этой коровы, судъ полагалъ бы взыскать съ отвѣтчика Милованова въ пользу просителя Максимова половинную часть причиненнаго убытка по стоимости палой коровы 35 руб., 17 руб. 50 коп.“ (Миловановъ остался рѣшеніемъ недоволенъ).

Въ Малороссіи пастухъ за истребленіе овцы волкомъ не отвѣчаетъ, но за свою небрежность, напримѣръ, если овца пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить* (пустить), онъ долженъ заплатить хозяину. Относительно мѣры отвѣтственности пастуха въ Малороссіи можно сказать, что она, какъ и въ Великороссіи, въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ бываетъ различна, то-есть, иногда онъ отвѣчаетъ за врученныхъ ему животныхъ полною стоимостью ихъ, въ другихъ—половиной и меньшею частью; но только тамъ денежное взысканіе часто замѣняется взысканіемъ имущественнымъ. Въ одномъ рѣшеніи судомъ изъяснено: „На основаніи мѣстнаго обычая, принятаго въ крестьянскомъ быту, принятая овца для пастьбы должны быть возвращаемы пастухомъ хозяину въ такомъ видѣ, въ какомъ и приняты; въ случаѣ же утери, падежа, а также и поврежденія здоровья овецъ отъ недосмотра пастуха, за все отвѣчаетъ пастухъ“. Это правило было приведено судомъ по слѣдующему случаю: Изъ десяти овецъ одного хозяина, взятыхъ пастухомъ на паству, по словамъ его, одну ударила рогатая скотина, отчего она сильно похудѣла и не была имъ принята отъ пастуха; пастухъ же заявилъ, что онъ овцу вылѣчилъ и не желаетъ за нее платить. Судъ однако нашелъ, что пастухъ долженъ отдать истцу изъ своихъ одну овцу средняго состоянія или же подвергнуться денежному взысканію по стоимости той овцы ¹⁾.—Въ другомъ случаѣ пастухъ, потерявшій овцу и ягненка одного хозяина и трехъ телятъ другого, долженъ былъ, по рѣшенію, отдать первому одну старую хорошую овцу, деньгами 2 рубля и за пастьбу другихъ овецъ не брать съ него денегъ, второму—двухъ ягнятъ, одну овчину и тоже не брать денегъ за пастьбу другихъ овецъ ²⁾. За потерю вола пастухъ обязывается выдать истцу одну десятину

¹⁾ Тамъ же IV, 373: Подл. губ., Кобел. у.

²⁾ Тамъ же, V, 520: Екатерин. губ., Алекс. у.

принадлежащей ему земли и засѣять оную своимъ зерномъ ржи ¹⁾. — За испорченіе коровы пастухомъ во время пастьбы, „такъ что та корова чрезъ испорченіе ея совершенно никакой пользы не можетъ приносить“, приговорено взыскать съ отвѣтчика стоимость ея, а корову вручить ему ²⁾.

Кажется, что въ Малороссіи обыкновеннѣе всего взысканіе съ пастуха полной суммы убытковъ, причиненныхъ имъ. Но что и тамъ извѣстно примѣненіе правила грѣхъ пополамъ къ отвѣтственности пастуха, подтвержденіемъ служатъ слѣдующіе случаи: Сельскій староста жаловался на пастуховъ, въ томъ, что они худо смотрѣли за общественнымъ скотомъ вообще и его, старости, въ особенности, по невниманію и дѣлности, слѣдствіемъ чего было то, что, по ихъ недосмотру, пропало изъ череды двое большихъ свиней, стоящихъ не менѣе 15 руб., къ розыску коихъ они не приняли никакихъ мѣръ, и даже своевременно не объявили о пропажѣ тѣхъ свиней, что доказываетъ крайнюю ихъ беспечность и небрежность въ отношеніи своей обязанности, за которую они отъ общества получаютъ порядочное вознагражденіе. Отвѣтчики объяснили, что они не въ состояніи смотрѣть за всѣми животными во время пастьбы. Судъ же, не смотря на то, что призналъ объясненіе ихъ неосновательнымъ и нашелъ виновными въ небрежномъ исполненіи своей обязанности, приговорилъ ихъ къ уплатѣ старостѣ лишь семи рублей ³⁾. — Взятая на зимовню крестьяниномъ телица пропала изъ стада; поэтому онъ просилъ взыскать съ чередниковъ 25 руб., такъ какъ сумму эту присуждено мирнымъ судьей взыскать съ него въ пользу хозяина телицы. Два чередника, пасшіе скотъ, утверждали, что телицу вмѣстѣ съ чередой они пригнали въ хутора, но не знаютъ того, пришла ли она домой. Судъ нашелъ виновными обѣ стороны: вина со стороны крестьянина состоитъ въ томъ, что ни онъ по оплошности, ни за отлучкой его никто изъ его домашнихъ не заявили чередникамъ тотчасъ же или на другой день, что телица не приходила изъ череды и не ночевала дома, каковое заявленіе дало бы возмож-

¹⁾ Тамъ же, V, 520: Екатерин. губ., Алекс. у.

²⁾ Тамъ же, IV, 596: Полт. губ., Хоролск. у.

³⁾ Тамъ же, V, 146: Киевск. губ., Бердич. у.

ность чередниковъ приступитъ къ немедленному розыску оной; а на чередниковъ надетъ вина за ихъ безпечность, потому что, не видя на другой день въ стадѣ телицы, они обязаны были освѣдниться о ней у крестьянина или его домашнихъ о причинахъ, почему она не выгонялась въ череду, а они этого не сдѣлали ни на другой, ни въ слѣдующіе затѣмъ дни, а потому, признавая въ пропажѣ телицы, находившейся на прокормленіи, виновными обѣ стороны, потому что пропажа произошла вслѣдствіе ихъ общей неосмотрительности и упущеній, судъ постановилъ: такъ какъ телица стоитъ не 25, а только 12 руб., то распредѣлить убытокъ пополамъ, то-есть, 6 руб. на крестьянина и 6 руб. на чередниковъ, по 3 руб. съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе уплатили истцу присужденные съ нихъ 6 руб. ¹⁾. Съ пастуха, по недосмотру котораго волъ загрызенъ волкомъ, взыскивана половинная часть его стоимости ²⁾.

На югѣ существуетъ еще такой обычай, по которому при наймѣ пастуха (важеться, только овчара) опредѣляется сумма, какою онъ долженъ отвѣчать въ случаѣ пропажи животнаго, напримѣръ, за потерю овцы уплачивать 1 руб., а за ягненка 50 коп. При разбирательствѣ дѣла судъ спрашиваетъ у сторонъ или у свидѣтелей договора: во что былъ оцѣненъ згубъ (утрата) при поступленіи пастуха. Узнавъ оцѣнку, онъ и приговариваетъ ко взысканію ея, хотя бы утраченное животное значительно превышало своей стоимостью эту сумму; напримѣръ, взыскивается 1 руб. за овцу, стоящую 3 или 5 рублей ³⁾.

Разсматривая въ совокупности всѣ факты, касающіеся нанесенія пастухомъ убытковъ хозяевамъ скота, мы видимъ прежде всего, что не всякаго рода дѣйствія пастуха, причинившія убытокъ, влекутъ за собою вознагражденіе со стороны пастуха. Если при несохраненіи стада и нанесеніи чрезъ то ущерба не было замѣчено неосторожности, недосмотра и вообще какой-либо небрежности со стороны пастуха, то онъ вовсе не отвѣчаетъ за утрату скота. Нанесеніе же убытковъ по небрежности пасущаго стадо

¹⁾ Тамъ же, V, 535: Екатер. у.

²⁾ Тамъ же, V, 4: Кіевск. у.

³⁾ Тамъ же V, 422 и 448: Екатерин. губ., Верхнедвѣр. у.

вознаграждается обыкновенно уплатой половины стоимости утраченного, часто даже меньшею долей, напримѣръ, удержаніемъ одного жалованья, и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, взысканіемъ полной стоимости того, что утрачено. Точно также пастухъ отвѣчаетъ въ случаяхъ непредставленія требуемыхъ обычаемъ доказательствъ въ своей невинности относительно нанесеннаго ущерба хозяину. Только при намеренной утратѣ или изведеніи животнаго, пастуха подвергаютъ полному взысканію убытковъ и уголовному наказанію. Последнее, впрочемъ, примѣняется иногда и при явно небрежномъ исполненіи пастухомъ своихъ обязанностей, имѣвшемъ послѣдствіемъ нанесеніе ущерба. Но во всякомъ случаѣ господствующее правило, по крайней мѣрѣ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, то, что пастухи, если подвергаются отвѣтственности, причиненные ими убытки оплачиваютъ въ половину, нерѣдко и въ меньшей долѣ. Очевидно, что такіе обычаи о безотвѣтственности или малой отвѣтственности пастуховъ за нанесенные ими убытки хозяевамъ вовсе не соответствуютъ нашимъ гражданскимъ законамъ, по смыслу которыхъ всякій ущербъ, нанесенный чѣмъ-либо чужому имуществу, долженъ быть, во всякомъ случаѣ, вполне вознагражденъ. Является вопросъ: почему же существуютъ такіе обычаи, по которымъ пастухи не покрываютъ всѣхъ причиненныхъ ими убытковъ. На этотъ вопросъ отвѣтимъ сообщеніями трехъ лицъ:

Священникъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, пишетъ: „Общій характеръ отношеній между пастухами и здѣшнимъ обществомъ тотъ, что къ дѣятельности пастуховъ общество не привередливо и не только не взыскательно, а напротивъ снисходительно, даже въ ущербъ справедливости. Дѣло въ томъ, что контингентъ пастуховъ здѣсь очень малъ, такъ какъ этимъ занятіемъ брезгаютъ; это—разъ, а второе—то, что пастухи бываютъ изъ такихъ бобылей и бездомовниковъ, съ которыхъ, въ случаѣ ущерба, даже злонимреннаго, нечего взять, „кромя горсти волосовъ“. Впрочемъ, такъ какъ пастухи большею частью изъ года въ годъ бываютъ одни и тѣ же, то они заботятся поддерживать свою репутацію и вести дѣло болѣе или менѣе добросовѣстно“.

По словамъ г. Ушакова, сообщившаго свѣдѣнія изъ Даниловскаго уѣзда Ярославской „губерніи, разрѣшить вопросъ, почему

установился обычай, по которому пастухъ отвѣчаетъ за пропажу животнаго только половиной стоимости его, также трудно съ несомнѣнною достовѣрностью, какъ трудно вообще отвѣчать основательно на подобные вопросы о причинахъ существованія въ крестьянствѣ тѣхъ или другихъ юридическихъ обычаевъ. Въ этихъ случаяхъ всегда отерывается широкое поле для догадокъ и предположеній, имѣющихъ чисто субъективный характеръ того лица, которое занимается разрѣшеніемъ подобнаго вопроса. Какъ догадку, предположеніе, можно выставить слѣдующій отвѣтъ: Было бы практически неудобно вычитать съ виновнаго пастуха полную стоимость пропавшей скотины. Положимъ, изъ стада пропала корова; цѣна ей самая невысокая—20 руб. Но большая часть пастуховъ все лѣто пасутъ рублей за 30, за 35, а то и за 20, и даже за 15 попадаютъ. Какъ вычитать съ него 20 руб. (положимъ среди лѣта, около Петрова дня, случилось несчастье), когда вычетъ этотъ составляетъ большую часть, а можетъ быть, и все оставшееся пастухова жалованье? Кто же согласится изъ нихъ цѣлыя три мѣсяца, послѣ такого вычета, добросовѣстно пасти деревенскую скотину. Это очень хорошо понимаетъ каждый хозяинъ; не хуже разумѣютъ то же самое и всѣ крестьяне. Вотъ почему практически мудрое правило перѣдео слышится въ народѣ: „и праваго не очень оправдай, и виноватаго не очень обвини“. Если поглубже вникнуть въ смыслъ этихъ словъ, то въ нихъ окажется много практическаго такта, которымъ замѣчательно отличаются наши крестьяне въ большинствѣ своемъ. „Живи середка на половинѣ“—изрѣченіе, имѣющее однородный смыслъ съ предыдущимъ. Вотъ этими-то практическими соображеніями и устанавливается всѣми раздѣляемый у насъ обычай выскирять съ виновнаго пастуха не полную стоимость погибшей скотины, а половину только. Впрочемъ, надо добавить, что случаи подобныхъ взысканій съ пастуховъ, то-есть, вычета половины стоимости скотины, на столько рѣдки, что въ теченіе самъ лѣтъ въ той мѣстности Даниловскаго уѣзда, о которой идетъ здѣсь рѣчь, не было слышно ни одного раза, тогда какъ о пропажѣ коровъ и вообще скотины изъ пастушны, а также объ удержаніи части договорной платы: напримѣръ, за одну, за двѣ скотины, доводилось слышать неоднократно.

По поводу того же вопроса Е. И. Якушкинъ пишетъ: „Почему за вредъ, нанесенный по неосторожности, безъ злаго умысла, взыскивается половинная цѣна убытковъ, крестьяне, разумѣется, объяснить не могутъ, какъ они не могутъ объяснить основанія многихъ обычаевъ, въ справедливости которыхъ нисколько не сомнѣваются. Грѣхъ пополамъ—одинъ изъ самыхъ живыхъ обычаевъ въ великорусскихъ губерніяхъ; въ Ярославской губерніи онъ примѣняется съ такою послѣдовательностію во всѣхъ дѣлахъ объ убыткахъ, вслѣдствіе неосторожности, съ какою едва ли примѣняется какой бы то ни было писанный законъ. По мнѣнію моему, основанія его чисто экономическія. Убытки распредѣляются на обѣ стороны, потому что каждой сторонѣ вынести всю тяжесть ихъ безраздѣльно—очень тяжело, а при бѣдности народа взысканіе полной цѣны убытковъ равнялось бы часто совершенному разоренію того, кто подвергся бы этому взысканію. При зломъ умyslѣ дѣло другое: тутъ человѣкъ знаетъ послѣдствія своихъ дѣйствій, можетъ оцѣнить напередъ тѣ убытки, которые отъ нихъ произойдутъ, и конечно, долженъ вознаградить ихъ вполне“.

Этими разъясненіями вполне изчерпывается вопросъ о причинахъ малой отвѣтственности пастуховъ въ случаѣ утраты скота. Слѣдуетъ только замѣтить, что кругъ и степень отвѣтственности пастуха значительно уменьшаются въ сравненіи съ отвѣтственностію другихъ лицъ. Со всякаго другаго отвѣтчика истцу присуждается половина иска какъ вслѣдствіе непредставленія тою или другою стороною полныхъ доказательствъ по иску, такъ и тогда, когда кто-либо нанесетъ убытокъ чужому имуществу безъ злаго умысла или особенной небрежности со своей стороны, но болѣе по несчастному случаю. Между тѣмъ пастухъ отвѣтствуетъ за нанесенные убытки уплатой половины ихъ или же значительно меньшей доли, даже и въ случаѣ явной небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ онъ вовсе не подвергается имущественной отвѣтственности. Словомъ сказать, пастуху больше снисхожденія, нежели всякому другому гражданскому отвѣтчику въ случаѣ нанесенія ущерба чужому имуществу. Интересно было бы прослѣдить исторію развитія нашей народной системы отвѣтственности пастуха. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого всѣхъ необходимыхъ данныхъ. Свѣдѣнія, заключающіяся въ Уставѣ

о земскихъ дѣлахъ и приведенныя выше, указываютъ только на давнее происхожденіе обычая вовсе освобождать пастуха отъ отвѣтственности въ случаѣ нанесенія имъ убытковъ ненамѣренно или даже по небрежности, но они не даютъ ничего для уясненія вопроса о томъ, когда собственно возникъ обычай уменьшать гражданскую отвѣтственность пастуха до уплаты половинной или гораздо меньшей части убытковъ, нанесенныхъ чужому имуществу. Другіе законодательные памятники также не заключаютъ въ себѣ нужныхъ указаній на этотъ счетъ.

Теперь обращаемся къ правоотношеніямъ, вытекающимъ изъ потравъ. Въ Архангельской губерніи, какъ мы уже знаемъ изъ приведенныхъ ранѣ сообщеній разныхъ лицъ, пастухъ или вовсе не отвѣчаетъ за потраву, или у него только удерживается жалованье, слѣдуемое ему съ хозяина, у котораго сдѣлана потрава, а не то—общество просто прогоняетъ пастуха отъ себя. Пересмотрѣвъ рѣшенія волостныхъ судовъ Архангельской губерніи за нѣсколько лѣтъ, мы нашли всего три дѣла о привлеченіи пастуховъ къ отвѣтственности за потраву. Приводимъ ихъ здѣсь:

I. 1867 года 24-го ноября. Слушали прошеніе крестьянина Володимірскаго сельскаго общества, Ивана Никитина Хромцова, поданное въ Великоиколаевское волостное правленіе, ходатайствующаго о взысканіи въ пользу его должнаго удовлетворенія съ пастуха, крестьянина Тарьянскаго сельскаго общества Федота Михѣева Тучина за вымятіе пасомымъ имъ скотомъ, въ полянкѣ Хромцова, ржи на корнѣ на 3 четверика и помятіе травы порядочной части. Вызванные въ волостной судъ крестьяне Федоръ Тучинъ и Иванъ Хромцовъ миролюбиво между собою согласились, и Тучинъ уплатилъ Хромцову за сказанную потраву лично въ семь судѣ деньгами 1 руб. 56 коп., каковымъ удовлетвореніемъ Хромцовъ остался доволенъ и просилъ считать сіе дѣло конченнымъ. Вслѣдствіе того волостной судъ опредѣлялъ: по случаю миролюбиваго соглашенія крестьянъ Ивана Хромцова и Федора Тучина считать сіе дѣло конченнымъ.

II. 1868 года 7-го октября. Сельскій староста Груздовскаго общества отъ 22-го августа сего года донесъ Великоиколаевскому волостному правленію, что въ 21-е число того августа мѣсяца вѣдомства его крестьяне села Спасскаго заявили ему, что захвачены

ими скотъ на скошенномъ сѣнѣ у зородовъ и часть онаго на озимѣ на ихъ владѣнїи, куда пришли пастухи того скота крестьяне Семень Осиповъ Емельяновъ и Андрей Будиловъ и сказали крестьянамъ Варламу Шипкину и Андрею Кувакину, что будто бы онъ староста Бобровъ велѣлъ имъ отдать скота, и крестьяне, повѣря такимъ словамъ, скота имъ отдали, но онъ староста настухонъ не видалъ и приказанїя отъ него объ отдачѣ скота не было, почему просить сдѣлать по сему дѣлу должное разбирательство. Вызванные на 7-е число сего октября въ волостной судъ пастухи, крестьяне Семень Емельяновъ и Андрей Будиловъ, объяснили, что захваченный на потравѣ скотъ, изъ числа 31 скотины, принадлежалъ крестьянамъ деревень Полюгинской, Симановской и села Селивановскаго, при чемъ Емельяновъ объяснилъ, что отвѣтственность за учиненную скотомъ поправу онъ принимаетъ на себя, такъ какъ на оной былъ скотъ, только состоящїй подъ его завѣдыванїемъ. Затѣмъ онъ Емельяновъ, съ вызванными въ волостной судъ крестьянами села Спасскаго учинилъ миролюбное соглашенїе въ томъ, что обязался заплатить имъ за учиненную поправу деньгами 5 руб. Волостной судъ опредѣлилъ: взыскать съ крестьянина Семена Емельянова вышеозначенныя деньги 5 рублей, коими и удовлетворить крестьянъ села Спасскаго.

III. 1865 года 25-го октября. Крестьянинъ Володиміровскаго сельскаго общества, села Русановскаго, Федоръ Даниловъ Табанинъ подалъ въ Великониколаевское волостное правленїе прошенїе овзысканїи съ крестьянина Усть-Тарьянскаго общества, деревни Павлушевской, Андрїана Иванова Дубинина, слѣдующихъ за пастьбу скота лѣтомъ сего года малодѣтнимъ сыномъ его Иваномъ Табанинымъ не уплаченныхъ Дубининимъ денегъ 2 руб. 40 коп. Вызванный въ волостной судъ, крестьянинъ Андрїанъ Дубининъ, признавая справедливость сего иска, отъ платежа денегъ отказывается тѣмъ, что когда пастухъ Иванъ Табанинъ отлучался на два дня къ празднику Прокочья Праведнаго и оставлялъ на мѣсто себя челоуѣка, въ то время яко бы скотомъ его Дубинина стравлена сѣножосная чашенина, принадлежащая ему же Дубинину. Но была ли въ дѣйствительности таковая поправа, на какую сумму и по каковому случаю она послѣдовала, Дубининъ не могъ представить ясныхъ доказательствъ, и къ тому же своевременнаго освидѣтельствованїя

сей поправки никакъ произведено не было. Вслѣдствіе сего волостной судъ, по обсужденіи своемъ, признавая просьбу крестьянина Федора Табанина справедливою и находя отзывъ крестьянина Дубинина неуважительнымъ, приговорилъ взыскасть съ крестьянина Андріяна Иванова Дубинина помянутыя деньги 2 руб. 40 коп. и по взысканіи удовлетворить оными пастуха, крестьянскаго сына Ивана Федорова Табанина.

Дѣль о поправкахъ въ волостныхъ судахъ Архангельской губерніи велось немало, но по всѣмъ имъ, за исключеніемъ приведенныхъ, отвѣтственность за поправку возлагается или на хозяевъ плохихъ полевыхъ изгородей, черезъ которыя прошелъ скотъ на поля и луга, или если изгороди крѣпкія, на хозяина скота, а не на пастуховъ.

Изъ числа причинъ, обуславливающихъ малочисленность исковъ съ пастуховъ въ Архангельской губерніи главная та, что тамъ вообще немного пастуховъ, а малочисленность ихъ, зависитъ между прочимъ, отъ большаго числа полевыхъ изгородей. Последнее обстоятельство отражается и на малой отвѣтственности пастуховъ за поправки: отвѣтственность эта, по причинѣ изобилія лѣсовъ, переходитъ на хозяевъ. Зависимость обыкновенія не держать пастуховъ отъ изобилія изгородей подтверждается, между прочимъ, Ручной книжкой для грамотнаго поселянина (С.Пб. 1867 г., стр. 107), въ которой сказано: „Въ мѣстахъ лѣсныхъ и особенно въ сѣверной Россіи огораживаютъ поля и луга отъ поправки скотомъ, для котораго и не держатъ особаго пастуха. Такія изгороди, конечно, приносятъ пользу, но такъ какъ дѣлаются онѣ на скорую руку, то и не всегда охраняютъ поля отъ поправки: скотъ безъ пастуха привыкаетъ блудить и скакать черезъ огорожу, пролѣзаетъ сквозь нее, ломать ее и даже отворять ворота. Отъ этого нигдѣ нѣтъ больше поправки, какъ тамъ, гдѣ есть изгороди да нѣтъ пастуховъ, а спорамъ и жалобамъ конца нѣтъ. Если къ этому еще прибавить лѣсъ и всѣ дни, которые употребляются въ рабочее лѣтнее время на починку изгородей, да разчетъ сколько истрачивается крестьянами на поиски заблудившихся въ лѣсу лошадей, коровъ и другого скота, который иногда пропадаетъ и вовсе, то и выйдетъ на повѣрку, что гораздо для міра выгоднѣе нанять пастуха“.

Вообще чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ пастухъ менѣе отвѣтственъ за

причиненный поправой ущербъ. Это обстоятельство замѣчается и въ Ярославской губерніи, въ Даниловскомъ уѣздѣ, откуда получены на счетъ поправъ обстоятельныя свѣдѣнія. Тамъ обыкновенно за поправу взыскиваютъ тогда, когда скотину загоняютъ къ себѣ въ хлѣвъ или на дворъ тѣ, кому принадлежитъ поправленный лугъ или поле. Хозяйка забратой скотины, провѣдавъ, что она попалась туда-то такимъ-то сосѣдямъ, идуть къ нимъ съ просьбой отпустить скотину, жалуясь на пастуха своего, что онъ *не дозрмь*, худо пасеть, обѣщаютъ, что это случилось съ нимъ въ послѣдній разъ и болѣе не повторится и т. п. Потерпѣвшая отъ поправы сторона выставляетъ свои резоны, увѣряя, что все поле испортили, что всѣ труды ихъ пропали, или что множество разъ видѣли у себя эту скотину да все недосугъ загнать было, что они сами не рады этому случаю, да неволя заставляетъ ходить за вашей скотиной, коли сами не пасете и т. д. Разговоры эти продолжаютъся до тѣхъ поръ, пока рѣшительно не погончатъ это дѣло вкупомъ, то-есть, виновная сторона до тѣхъ поръ не получаетъ скотины, пока не заплатитъ установленнаго таксой денежнаго штрафа, или уговариваются рѣшить дѣло такъ: отработать въ жнитво или въ другое рабочее время столько-то дней съ каждой взятой скотины. Чаще всего на этомъ бываетъ покладка, или принимаютъ во вниманіе, что сосѣди люди хорошіе, что и къ нимъ попадется ихняя скотина, что не воруячься и за своего пастуха, что не унустить въ рукъ скотину и т. д. Соображенія примирительнаго свойства успокаиваютъ огорченныхъ хозяевъ, и дѣло кончается безъ всякихъ штрафовъ—прощеньемъ. Случается, что если сосѣди постоянно загоняютъ у себя въ хлѣвъ за поправу скотину другой деревни и каждый разъ берутъ съ крестьянъ этой деревни положенный денежный штрафъ, то крестьяне этой деревни въ отместку своимъ сосѣдямъ силою (силой) загоняютъ ихъ стадо къ себѣ въ хлѣбное поле или въ свои луга, не обращая даже вниманія на сопротивленіе пастуха, и вытребууютъ себѣ точно также плату за поправу. Дѣлается это для того, „чтобъ заключить потомъ между собою договоръ обоудно не брать за поправу“ на сусѣдномъ дѣлѣ,“ что и встрѣчается теперь весьма часто, то-есть, сосѣди другъ другу прощаютъ взаимно убытки. Съ быковъ тоже рѣдко берутъ за поправу, такъ какъ быки порознь очень часто протдѣл I—10

стаютъ къ коровамъ чужаго стада и отлучаются изъ своей пастушни за нѣсколько верстъ, при чемъ не то что хлѣбное поле, но и огороды самые крѣпкіе ихъ не удерживаютъ. Въ такихъ случаяхъ чужой быкъ сохраняется на томъ дворѣ, куда зайдетъ за коровою; хозяинъ же дома даетъ знать хозяину быка и безъ всякаго выкупа обратно отпускаетъ его домой; пастухъ обязанъ только разказать хозяину быка, въ какое время и въ какую сторону ушелъ отъ него быкъ. Если отлучки быка изъ стада повторяются ужь слишкомъ часто, пастухъ положительно отказывается его принимать къ себѣ въ пастушню, и тогда быка ставятъ въ хлѣвъ, если хозяинъ не хочетъ рисковать потерять его совершенно. Если попадется въ потравѣ большое стадо, то для полученія, по суду, штрафа, всю скотину не загоняютъ въ хлѣвъ, а собираютъ свидѣтелей на потраву и пересчитываютъ число головъ попавшейся скотины. За потраву съ пастуховъ не получаютъ, а расплачиваются сами хозяева. Въ наказаніе пастуху, если онъ худо пасъ цѣлое лѣто, иногда удерживаютъ часть изъ договореннаго жалованья при расчетѣ съ нимъ осенью, но всѣхъ штрафовъ, какіе примѣрно крестьяне заплатили за лѣто, никогда изъ жалованья пастуха не вычитаютъ. Каждый разъ, какъ случится потрава у сосѣдей, пастуха, конечно, бранятъ, но онъ оправдываетъ себя разными болѣе или менѣе вѣскими отговорками. Любимое оправданіе у нихъ—это: „огороды плохи, никуда не годятся, надо загородить“, а это деревнѣ хуже, чѣмъ заплатить штрафъ за потраву, особенно въ жаркую рабочую пору; оправдываются также своею отлучкой пообѣдать: „вѣдь не цѣлый день не ѣмши пасти“ и т. п. Крестьяне безусловно обвинить пастуха никогда не могутъ; если пастухъ уже крайне плохо пасетъ, и не только у сосѣдей, но и у своей деревни стравитъ поля, единственное средство справиться съ нимъ, это—разплатить его со всѣмъ и взять другаго пастуха. Но недостатокъ порядочныхъ пастуховъ у насъ такъ ощутителенъ, что и послѣ неоднократной ссоры съ ними изъ-за потравъ, все-таки его оставляютъ пасти скотъ, если не замѣчаютъ за нимъ пьянства или воровства, которые менѣе всего извиняютъ въ пастухахъ. Случаевъ такихъ, чтобы за потраву заплатилъ пастухъ почти никогда не бываетъ: штрафъ, какой бы ни былъ за это, падаетъ исключительно на самихъ хозяевъ скотины, попавшейся въ потравѣ.

Въ Самарской губерніи потравы бывають часто ночью, именно тамъ, гдѣ не заведено обыкновенія стеречь ночью рабочихъ лошадей. Осень съ самой ранней осени и раннею весной сильно поправляется рабочими лошадьми. Притомъ и вообще всякій хлѣбъ, особенно во время уборки и до своза въ гумна, сильно и часто ночью поправляется рабочими же лошадьми: можно положительно утверждать, что 7 или 8% урожая идутъ на поправу. Такъ какъ крестьянину несподручно на каждую ночь отгонять рабочихъ лошадей въ таборъ, а присматривать за ними въ полѣ во время ночи не хочется, то поправы не отвратимы. Въ с. Краковѣ за поправу, произведенную отгоннымъ стадомъ, должны отвѣчать пастухъ, но не безусловно, а смотря по тому, на сколько было его вины, и часть поправы можетъ падать на мирскихъ деньги.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сохранилось обыкновеніе захваченную на хлѣбъ или на лугу скотину уродовать и калѣчить тѣмъ или инымъ способомъ, въ особенности, если она еще не сдѣлала поправы или нельзя доказать поправы. Въ Архангельской губерніи иногда захваченную скотину лишь обмазываютъ вонючимъ веществомъ, а не то калѣчатъ ее обрѣзываніемъ хвоста и т. п.; иногда же просто подсекають топоромъ. Въ этихъ случаяхъ виновные въ искалченіи подвергаются или денежному взысканію, или же, кромѣ возмещенія убытковъ,—наказанію розгами. Въ с. Краковѣ калѣчатъ скотину только на гумнахъ; у коровъ большею частью топоромъ дѣлають раны на ляжкахъ заднихъ ногъ выше колѣна, а иногда „обрушиваютъ“ желѣзными вилами.

Въ Ярославской губерніи, по словамъ г. Якушина, бывають также случаи, что при поправѣ скотину калѣчатъ, но безъ умысла по неосторожности, и ежели скотина падеть, то уплачивается виновнымъ половина ея цѣны. Тѣ случаи, которые мнѣ извѣстны, происходили днемъ или во время уборки хлѣба въ полѣ или на отуменникѣ. Потерявшіе были лошадей колыями и искалчили ихъ такъ, что онѣ стали неродны въ работѣ, за что калѣчившія и заплатили половину ихъ стоимости. Въ Даниловскомъ уѣздѣ не слыхать объ умыленномъ калѣченіи, но само собою разумѣется, когда загоняють чужую скотину въ клѣвъ къ себѣ, съ нею обращаются безъ церемоніи: загоняють и бьютъ хворостиной, палкой, волокомъ,

*

чѣмъ прійдется. Загнавши къ себѣ во дворъ, наблюдаютъ напротивъ, чтобы не перекололась рогатая скотина въ тѣснотѣ, или если попались лошади, чтобы не перебились. Бывали примѣры, что хозяева, взыскивающіе за поправу по закону, сами платили стоимость испорченной у нихъ на дворѣ коровы владѣльцу ея.

Въ настоящее время, какъ мы видѣли, исклѣченіе животнаго, пойманнаго на поправѣ, признается самоуправствомъ и преслѣдуется судомъ. Въ старину же это правило въ нѣкоторыхъ случаяхъ получало санкцію закона. По Уставу о земскихъ дѣлахъ, въ случаѣ перваго захвата скотины на поправѣ хозяинъ могъ лишь задержать скотину до взысканія убытковъ, но не имѣлъ права калѣчить ее, иначе хозяинъ могъ не принять скотины и тотъ долженъ былъ отдать ему свое животное: „Аще кто обрящетъ вола пакость творяща, и не предасть его осподарю его, яко пакости своей хотя искати на немъ, но уши обрѣжетъ, ¹⁾ и не приметъ его осподарь его, но инъ вмѣсто того“. Въ случаѣ вторичной поправы хозяинъ потравленнаго могъ искати лишь вознагражденія, но въ третій разъ пойманной скотину имѣлъ право обрѣзать уши или хвостъ и даже застрѣлить ее, неподвергаясь за это наказанію: „Аще кто обрящетъ свинія пакость творяща, или овцу, или несъ предасть осподарю ихъ паки, иже нашедъ, взвѣчаетъ, предасть осподарю ихъ, въ третій же нашедъ уши урѣжетъ, или хвостъ, или застрѣлитъ, неповиненъ есть“.

Изъ приведенныхъ статей Устава о земскихъ дѣлахъ видно, что за поправу отвѣтствовалъ хозяинъ скота. То же подтверждается и другими статьями Устава, именно слѣдующими: „Аще кто пожнетъ свою долю, ближнихъ же его доль не пожатныхъ сущихъ, и ввержетъ свою животицу, и пакость нѣкую учинитъ ближнимъ, биенъ будетъ кулаковъ 30, и потерянное заплатитъ“. Или. . . . „пасущіи овецъ на чужой землѣ неправедно, сугубо отдадять“. Но въ другихъ случаяхъ возниканіе убытковъ за поправу возлагалось и на пастуха: „Аще пастыръ чреды вола пріемъ, видѣтъ отступитъ, и воль отлучится отъ множества воловъ, и отшедъ внидетъ въ ниву,

¹⁾ Лишеніе скотины ушей равнялось отнятію въ будущемъ доказательства на ея принадлежность, такъ какъ на ушахъ нарѣзывались знаки собственности.

или винограда, и поправу доспѣть, наемъ свой возметь, а истра-
вужь заплатитъ всю^а. По Судебникамъ 1497 и 1550 годовъ поправу
платилъ хозяинъ ветхой полевой изгороди, черезъ которую про-
шелъ скотъ: „а чью огородю учинится поправа, ино тому пла-
тити, чья огорода“.

Степень соответствія приведенныхъ узаконеній настоящимъ
обычаямъ можетъ быть замѣчена при сравненіи ихъ съ рѣшеніями
теперешнихъ волостныхъ судовъ разныхъ губерній о поправахъ.
Приводимъ болѣе интересные случаи изъ этихъ рѣшеній:

За поправу, причиненную въ ночное время табуномъ лошадей,
отвѣчаетъ, по стоимости поправленнаго, тотъ изъ двухъ ночныхъ
сторожей, въ очередь котораго (съ полуночи до разсвѣта) случи-
лась поправа¹⁾. Крестьяне одной деревни сдѣлали между собою
такой договоръ о пастьбѣ скота: если кто изъ нихъ не усмотритъ
скота во время очереднаго караула и дастъ поводъ сдѣлать по-
праву, то тотъ и отвѣчаетъ самъ за всю скотину, не привлеченная
къ отвѣтственности прочіихъ домохозяевъ. На этомъ основаніи,
хотя поправа сдѣлана почти всѣмъ скотомъ деревни, и истцы по-
дали искъ на всѣхъ домохозяевъ той деревни, но взысканіе обра-
щено судомъ лишь на двухъ изъ нихъ, наблюдавшихъ за скотомъ
во время поправки; изъ нихъ у перваго была сдѣлана одна попра-
ва, а у втораго двѣ, поэтому съ перваго взыскала одна треть,
съ послѣдняго двѣ трети стоимости поправленнаго²⁾. — Пять одно-
жителей истица, взыскивающаго за поправу сѣна рогатымъ скотомъ,
производили паству света по очереди, а самая поправа сдѣлана
во время караула одного изъ нихъ, поэтому четыре изъ нихъ за-
явили на судѣ, что не считаютъ себя обязанными участвовать
въ платежѣ за поправу, судъ приговорилъ виновнаго къ уплатѣ
половины стоимости поправки, съ тѣмъ, что „если участвующіе
съ нимъ имѣли въ пастьбѣ крестьяне изъ сожалѣнія его пожела-
ють сдѣлать ему вспомошествованіе, то онъ ихъ можетъ пре-
сечь особо“³⁾.

Конный паству отвѣчаетъ за поправу по полной оцѣнкѣ:

¹⁾ Тр. к. о. Вол. Суд., I, 219: Тамбовск. у.

²⁾ Тамъ же, III, 132: Ярославская губ., Мологск. у.

³⁾ Тамъ же, VI, 251: Самарская губ., Бугурус. у.

хотя онъ и заявлялъ на судѣ, что потравилъ хлѣбъ петцовъ: Во время ночи, когда была сильная гроза, отъ которой табунъ испугавшись выбился изъ стойла, и онъ не могъ его собрать; стойло же (валда), въ которомъ находился табунъ, было ветхое отъ неустройства его обществомъ, почему онъ и не считаетъ себя виновнымъ въ упускѣ табуна и не обязывается уплачивать за потерю хлѣба. Судъ однако призналъ пастуха виновнымъ въ упускѣ табуна, тѣмъ болѣе, что въ числѣ лошадей, бывшихъ на жотравѣ, оказались и спутанныя ¹⁾). Бываютъ случаи, что судъ приговариваетъ пастуха къ уплатѣ нѣсколько меньшей суммы противъ стоимости потравы, или половины, или даже менѣе, при чемъ деньги эти вычитаются изъ жалованья пастуха. Въ одномъ изъ такихъ дѣлъ находится заявленіе пастуха, что крестьяне неправильно вычитаютъ у него за потраву ярого хлѣба распутанными лошадьми, тогда какъ онъ обязался отвѣчать за потраву хлѣба спутанными лошадьми, какъ это было по уговору. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ удержать изъ его жалованья сумму, соответствующую половинѣ стоимости потравы ²⁾). Въ другомъ случаѣ съ пастуха удержана только половина штрафа, за непредставленіемъ обществомъ точныхъ доказательствъ потравы ³⁾). Въ одномъ случаѣ убытки за потраву, сдѣланную на земляхъ сосѣдняго селенія, по приговору суда, взысканы съ общества, съ предоставленіемъ послѣднему права вычестъ изъ положеннаго пастуху жалованья ³⁾). Случается, что часть убытковъ взыскивается съ пастуха, а часть, съ общества. Вотъ примѣръ: Пастухъ жаловался суду, что онъ, пася общественный рогатый скотъ и отлучившись по крайней своей надобности ко двору, оставилъ при табунѣ одного своего подпаса, и вдругъ нашла сильная буря съ вихремъ и дождемъ, разогнала скотину въ разные стороны, и изъ числа скотины часть пошла на поля крестьянъ сосѣднихъ деревень, а часть на расходъ одного крестьянина, за чѣмъ сынъ этого крестьянина взялъ у подпаса верховую лошадь и лишилъ его возможности собрать скотину. Не смотря на это, общество удержало изъ условленной за пастьбу

¹⁾ Тамъ же, VI, 67: Самарск. у.; III, 391: Костромск. губ., Кинешмск. у.

²⁾ Тамъ же, II, 571: Московск. губ., Клинск. у.

³⁾ Тамъ же, II, 399: Московск. губ., Бронницк. у.

платы 15 р. 50 к. на пополнение уплаченных за поправу выше-
связанных полей, изъ мирскихъ суммъ 10 руб., и кромѣ того, для
уплаты за то же по выданной отъ общества роспискѣ крестьянину,
владѣльцу расхода, 5 р. 50 к. Судъ же, по разсмотрѣніи дѣла,
поставилъ у пастуха удержать изъ жалованья 3 рубля за то,
что онъ безъ дозволенія сельскаго старосты и общества отлучился
отъ табуна, а владѣльцу расхода за отнятіе лошади въ уплатѣ по
роспискѣ и за поправу 5 р. 50 к. отказать, на что онъ объявилъ
добровольное согласіе, а остальные 7 руб. принять на счетъ обще-
ства ¹⁾).

Иногда взысканіе за поправу возлагается лишь на обще-
ство. Обвиняемый въ поправѣ сѣна, принадлежащаго священнику
и причетникамъ, пастухъ сознался въ ней, объяснивъ при этомъ,
что, кромѣ его скота, особо паслась еще скотина двухъ крестьянъ,
до 200 коровъ. Два судьи рѣшили дѣло такъ: „хотя и слѣдовало бы
взыскать за поправу сѣнокоса съ пастуха въ пользу священно-и цер-
ковнослужителей, но какъ онъ отказался отъ платежа этого иска
по несостоятельности, и имѣнія на удовлетвореніе этого иска у
него никакого нѣтъ, и какъ онъ обществомъ нанятъ, безъ условія,
изъ котораго можно было бы видѣть, кто долженъ удовлетворять
подобные иски, а тѣмъ болѣе пастухъ отозвался, что ему предо-
ставлено мѣстнымъ начальствомъ пасты скотъ вольно и превра-
тить стойло, а потому взыскать съ общества по стоимости попра-
вы“. Третій же судья заявилъ, что, по его мнѣнію, рѣшеніе дѣла,
слѣдовало бы оставить впродъ до собранія схода, который сумму
эту можетъ наложить на тѣхъ крестьянъ, которые пасли скотъ
особо, безъ позволенія схода ²⁾). Не мало есть такихъ рѣшеній, по
которымъ взысканія за поправу налагаются судомъ не на пасту-
ховъ, а на хозяевъ скота, захваченнаго на поправѣ ³⁾). Изъ этихъ
рѣшеній однако нельзя заключать, переносятъ ли хозяева взыска-
ніе на пастуховъ, или нѣтъ. Тамъ, гдѣ существуютъ полевая изго-
роды, всегда почти отвѣтственность за поправы падаетъ на тѣхъ
хозяевъ, у которыхъ плохая изгородь, или которые изломали общую

¹⁾ Тамъ же, VI, 451: Саратовск. губ., Атгарск. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 888: Саратовск. у.

³⁾ Тамъ же, I, 356, 373, 445; II, 267; III, 149, 178, 207, 359; VI, 80, 136, 245.

изгородь 1). Из рѣшеній также видно, что хозяинъ потравленнаго иногда удовлетворяется лишь тѣмъ, что побьетъ пастуха 2).

Въ Малороссiи, если хозяинъ застанетъ чужой скотъ на своемъ пастбищѣ или полѣ, то онъ вмѣсто всякой жалобы гонить скотъ въ себя на дворъ и не отдаетъ его, пока не получитъ удовлетворенiя, большею частью назначаемого по взаимному соглашенiю, а при значительномъ убыткѣ—по приговору посредниковъ или общества. Въ другихъ мѣстахъ пойманный на потравѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части лишь отнимаютъ у пастуха одежду и держатъ ее пока пастухъ или его хозяинъ не придетъ за нею. За потраву тамъ отвѣчаетъ или пастухъ вычетомъ изъ жалованья, если, пася скотъ, не досмотритъ, и волю попадутся въ шкодѣ, или хозяинъ скота 3). Судя по многочисленнымъ рѣшенiямъ важныхъ волостныхъ судовъ, въ Малороссiи отвѣтственность чаще всего падаетъ на хозяевъ, и гораздо рѣже на пастуха 4).

Изложенные нами народныя обычаи, касающiеся отвѣтственности за потраву существенно расходятся съ официальнымъ закономъ. Передъ закономъ за всякую потраву отвѣтственнымъ лицомъ является лишь владѣлецъ скота, и по толкованiю кассационнаго департамента сената, отвѣтственность эта не можетъ падать на пастуха. Между тѣмъ крестьяне во многихъ мѣстахъ, передавъ въ полное владѣнiе пастуха свой скотъ, естественно считаютъ отвѣтственнымъ лицомъ за потраву не собственника скота, а пастуха, имѣющаго надзоръ за скотомъ, и только по тому частью или вполне принимаютъ на себя уплату убытковъ за потраву, что не хотятъ обижать бѣдняковъ-пастуховъ взыскаиемъ съ нихъ штрафовъ. Полная отвѣтственность на хозяевъ возлагается лишь тамъ, гдѣ поля и луга охраняются отъ потравъ главнѣйшимъ образомъ изгородами, устраиваемыми хозяевами.

1) Тамъ же, III, 136, 178: Ярославск. губ., Мологск. и Углицк. уѣзды.

2) Тамъ же, VI, 67: Самарск. у.

3) *Юрид. Записки Рюджина*, т. 2, 1842; *Юрид. бытъ Малорос. Тарновскаго*, стр. 40; *Основа* 1862 г., № 2: Наблюд. миров. посредв. надъ обыч. въ Кременч. у. стр. 33; *Труды экон. въ юго-запад. край*, т. VI, стр. 76; *Записки Руск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, т. 2, стр. 134—142, 713.

4) *Тр. ком. о вол. суд.*, IV, 103, 115, 123, 133, 198, 275, 283, 289, 307, 385, 461, 467, 473, 517, 553, 561, 575, 589; V, 520.

Обращаясь къ случаямъ нарушенія и прекращенія договора найма пастуховъ, какъ со стороны нанимаемыхъ, такъ и со стороны общества, мы должны отвѣчать на вопросы: въ правѣ ли общество прогнать до срока пастуха, или пастухъ оставитъ нанимателя и по какимъ причинамъ; какія причины считаются недостаточными для этого, и какой отвѣтственности подвергается общество или пастухи (не наказываются ли послѣдніе тѣлесно) въ случаѣ превращенія договора по неважнымъ причинамъ?

По свѣдѣніямъ изъ с. Кракова, общество не станетъ насильно держать пастуха, опасаясь не вознаграждаемаго вреда отъ него, а потому нарушение договора со стороны пастуха можетъ совершиться безнаказанно, что и бываетъ. При отсутствіи конкурентовъ пастушнаго дѣла о наказаніи пастуха розгами не можетъ быть и рѣчи. По словамъ Е. И. Якушкина, общество имѣетъ право прогнать пастуха и раньше срока, ежели онъ поступитъ нечестно, напримѣръ, будетъ продавать скотъ, пьянствовать и совсѣмъ не заниматься своею обязанностию и т. п.; но пастухъ уйдти до срока не въ правѣ. Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія на счетъ нарушенія и превращенія договора заключаются въ отвѣтахъ г. Ушакова изъ Даниловскаго уѣзда. „До сихъ поръ у насъ договоръ личнаго найма“, сообщаетъ г. Ушаковъ, — „прекращается во всѣхъ случаяхъ совершенно свободно, по желанію одной изъ сторонъ — это вошло у насъ въ коренной обычай. Если наниматель-хозяинъ, будь это отдѣльное лице, будь это крестьянское общество, окажется недовольнымъ своимъ работникомъ, онъ разчитываетъ его немедленно, даже срока на присканіе другаго мѣста рабочему человѣку никакого не полагается: сегодня хорошъ, — пастухъ ли, работникъ ли вообще, хозяинъ его держать; завтра онъ оказался дурень, ненадобенъ, ему отказываютъ отъ мѣста, и никакихъ претензій, никакихъ жалобъ на несвоевременность расчета уволеннымъ рабочимъ у насъ не производится. Совершенно такое же право отказываться отъ работы, когда угодно, у насъ имѣетъ и работникъ вообще, а въ частности пастухъ. Случается, изъ-за поставковъ, мелкихъ дразгъ или какъ-нибудь работникъ, побранившись съ своимъ хозяиномъ, уходитъ даже съ работы и требуетъ себѣ немедленнаго расчета: „вотъ тебѣ, хозяинъ, ломуть и дута, а я тебѣ болѣе не слуга“, никто такого работника, а тѣмъ болѣе пастуха,

не захочетъ у насъ приневолить остаться жить до окончанія срока по первоначальной рядѣ. Отдѣльному ли хозяину, или цѣлой деревнѣ разчета нѣтъ доувѣрять цѣлость своего стада недовольному своимъ мѣстомъ пастуху, такъ какъ онъ, пастухъ, рѣшившись разъ отойти съ мѣста, всегда поставитъ на своемъ; онъ можетъ прежде всего сказаться нездоровымъ и потомъ станетъ шляться, гдѣ ему угодно, а не пасты, ну, и дѣлу конецъ, его уволить. Тутъ играетъ большую роль паспортъ, если пастухъ захожій человѣкъ. Видъ на жительство всегда отдается при рядѣ рабочимъ человѣкомъ своему хозяину въ обезпеченіе, что онъ, работникъ, поступилъ на мѣсто. Получить обратно видъ, не доживя до срока, не такъ легко, какъ отказаться отъ мѣста. Но и это препятствіе опытные, бывалые рабочіе мастерски умѣютъ устранить. Обыкновенная уловка у нихъ это—отговорка своимъ нездоровьемъ: „пожалуй, коли хотите“, скажетъ такой работникъ,—„держите меня больнаго, кормите, а работать у меня силъ нѣтъ“. Что съ нимъ прикажете дѣлать? Всякій хозяинъ радъ сбыть его съ рукъ: „уходи на всѣ четыре стороны, вотъ тебѣ и видъ твой“. Другая манера бывалаго, опытнаго работника, искусившагося въ искусствѣ надуть своего хозяина,—это напугать на хозяина страху; одна фраза въ родѣ ниже-слѣдующей, сказанная рабочимъ на сторону мимоходомъ, заставить призадуматься хозяина или даже всю деревню не лучше ли по добру по здорову разчитать пастуха и выдать ему не только видъ, но и все, что причитается за прожитое время, жалованье: „Ладно“, говоритъ рабочій,—„попомните меня“. Въ деревнѣ хорошо извѣстно чѣмъ отзывается эта короткая фраза. Нажить вѣрога, лихого человѣка наши умные, степенные люди изъ мужиковъ никому не пожелаютъ, не то, что своей деревнѣ: „Плюньте, ребята, развяжитесь съ нимъ, говорятъ вамъ, ну его въ пустое мѣсто, охота связываться съ непулящимъ пастушенкомъ“,—и всѣ послушаютъ этого совѣта. Шляться по судамъ въ рабочую пору, имѣя въ перспективѣ угрозу обиженнаго разчетомъ пастуха, нашимъ крестьянамъ рѣшительно не съ руки; отъ этого сойти съ мѣста у насъ гораздо легче всякому, чѣмъ порядиться. И этимъ правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто въ нашей сторонѣ особенно злоупотребляютъ пришлые рабочіе изъ Архангельской и Вологодской губерній, то-есть, именпо

тѣ люди, которые свой паспортъ отдають въ руки своимъ хозяевамъ, какъ залогъ, ручательство принятой на себя обязанности. Гораздо менѣе слышно несвоевременныхъ откодовъ съ мѣста рабочихъ изъ тутошнихъ крестьянъ, живущихъ у своихъ хозяевъ безъ всякаго письменнаго вида, по одному словесному уговору; „хоть вѣкъ пиши, а видно въ комъ нѣтъ души, ничего съ тѣмъ не подѣлаешь“, весьма основательно замѣчаютъ наши доморощенные свѣтлыи при наймѣ рабочихъ. Съ другой стороны такая нестыженность перехода съ мѣста на мѣсто нашихъ дѣтскихъ рабочихъ, а въ частности пастуховъ, имѣетъ и свою выгодную сторону. Хозяинъ дорожитъ хорошимъ работникомъ; условія жизни рабочаго человека въ нашей сторонѣ этимъ самымъ смягчены до невозможной степени. Самъ то ты хоть не ѣшь, не пей, да чтобъ у тебя рабочий былъ ситъ, — вотъ чего требуетъ практикъ отъ любяго нашего хозяина, иначе онъ насидится дѣломъ безъ работниковъ, что и подтверждается у насъ ежегодно многими примѣрами. Случай удержанія жалованья у пастуховъ, когда они уйдуть съ мѣста, не доживши до срока, вообще говоря, у насъ рѣдки, встрѣчаются какъ исключеніе. Это позволяютъ себѣ дѣлать хозяева или крестьяне известной деревни лишь тогда, когда попадетъ къ нимъ пастухъ мамла, дураковатый, котораго и курица не побойтся обидѣть. Вообще если можно кого безнаказанно обидѣть, то наши крестьяне, также какъ и отдѣльные хозяева-землевладѣльцы, почти безъ исключеній, не воздерживаютъ рабочаго ли простаго, пастуха ли, попрекать при расчетѣ. Филантропія въ экономическихъ отношеніяхъ и въ нашей мѣстности, должно быть, какъ и на всемъ бѣломъ свѣтѣ, пова не замѣтно. Разумныя, можно сказать, премудрыя сужденія о томъ, какъ туго пришлось у насъ хозяину, какъ плохо вынѣ стать работнику, какъ тебя разлюбятъ, если стать ты больно сладокъ, и какъ тебя расплюютъ, если сдѣлаешься очень ты горекъ, какъ съ работникомъ необходимъ лисій хвостъ и волчьи зубы, — всё эти и имъ подобныя изрѣченія нашихъ деревенскихъ Соломоновъ-мудрецовъ представляются окончательными формулами, выводами изъ дѣйствительности деревенской практики. Крестьянинъ-хозяинъ, также какъ и работникъ-крестьянинъ, по преимуществу практическіе философы; и тотъ, и другой очень хорошо понимаютъ другъ друга и не премануть воспользо-

ваться другъ другомъ, если который-нибудь изъ нихъ развѣситъ уши, оплошаетъ—при договорѣ ли, во время ли житья, или при разчетѣ. Изъ вышесказаннаго видно, что самыя гуманныя рѣшенія крестьянъ, какъ напримѣръ, отпустить, хотя бы и провинившагося передъ ними пастуха, по добру по здорову съ полнымъ слѣдующимъ ему разчетомъ жалованья, имѣютъ подъ собою, такъ сказать, подкладку чисто практическую, утилитарное соображеніе: не тронь, не завоняетъ, дальше моря меньше горя. И съ этимъ, думается, пельза не согласиться каждому, желающему прожить свой вѣкъ по крестьянски—„середка на половинѣ“. Относительно того не наказываетъ ли общество иногда пастуха своего розгами и въ какихъ случаяхъ, послѣ всего предыдущаго, можно думать, понятенъ будетъ до очевидности отрицательный отвѣтъ. И дѣйствительно, реформы послѣднихъ 20 лѣтъ въ совокупности развили въ крестьянствѣ нашемъ здѣсь говорится только объ опредѣленной здѣшней мѣстности, 1) — чувство пониманія человѣческаго достоинства на столько, что самая мысль самовольно выпороть, кому бы то ни было, провинившагося пастуха не можетъ серьезно прійти въ голову. О рѣшеніяхъ же мѣстныхъ волостныхъ судовъ на этотъ счетъ то же можно сказать, что и о крестьянскомъ мнѣніи вообще. Дѣлъ подобныхъ, сколько извѣстно, до суда не доходило, а если бы и дошло, то съ большою вѣроятностью можно сказать, что волостные судьи не приговорятъ провинившагося пастуха къ наказанію розгами, понимая отлично невозможность силою принудить человѣка служить добросовѣстно у своихъ хозяевъ.“

Что касается поводовъ къ нарушенію договора со стороны пастуха, то обыкновенными считаются плохое содержаніе пастуха, ограниченность жалованья при сравнительной дороговизнѣ наемной цѣны сосѣднихъ пастуховъ, отказъ въ снабженіи пастуха одеждой, если выговорено было при рядѣ давать пастуху во все время пастьбы хозяйское платье, сапоги или лапти. Остальные поводы къ нарушенію договора и отношеніе къ нему обычнаго права видны изъ приводимыхъ ниже рѣшеній волостныхъ судовъ разныхъ губерній. Такъ, эти рѣшенія показываютъ, что въ случаѣ оставленія пастухомъ своихъ обязанностей по уважительнымъ при-

1) То-есть, о Давидовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

чинамъ, онъ не только не принуждается къ исполненію договора, но вознаграждается жалованьемъ до дня оставленія службы: Пастухъ нанялся у общества пасти свиней за 48 руб., изъ коихъ долженъ былъ, по уговору, при выгонѣ стада получить, въ видѣ задатка, 10 руб. и за вынитые съ обществомъ давали 2 рубля. Но послѣ того, какъ онъ пропалъ свиней двѣ недѣли, задатка по нѣсколькимъ требованіямъ общество не отдавало, отымаясь неимѣніемъ денегъ; онъ же, по своей надобности и необходимой крайности въ деньгахъ, свиней пасти бросилъ, а потому просилъ взимать съ общества за пропавшія имъ двѣ недѣли по разчету деньги. Судъ приговорилъ удовлетворить пастуха пятью рублями и уплатить цѣловальнику за вино, выпитое при рядѣ, 2 рубля, а за неисполненіе обществомъ условнаго договора сдѣлать ему выговоръ ¹⁾. Пастухъ, нанятый пасти скотъ съ 23-го апрѣля до покрытія земли снѣгомъ за 39 рублей, допасти до 4-го сентября отказался, по его показанію, собственно изъ-за того, что неправильно вычитаютъ у него за потраву яроваго хлѣба распутанными лошадьми, тогда какъ онъ по уговору обязался отвѣчать за потраву спутанными лошадьми; по его разчету слѣдуетъ ему дополучить съ общества 19 руб. 50 коп. Староста и довѣренные крестьяне показали на судѣ, что они вычи изъ жалованья пастуха 2 руб. 50 коп. за сдѣланную имъ потраву, да за утренники, которые, по уговору, онъ обязанъ пасти, 4 руб.; слѣдовательно, за ними остается 13 рублей, которые они обязались ему уплатить. Судъ постановилъ 13 руб. взыскать съ общества и удовлетворить ими пастуха. ²⁾—Если пастухъ, прекратившій договоръ забралъ деньги впередъ, то ему засчитывается жалованье лишь до дня оставленія службы, а остальное вычитается, а равно вычитаются и деньги, употребленныя обществомъ на наемъ другаго пастуха. По случаю отказа пастуха отъ своихъ обязательствъ, судъ взыскиваетъ съ пастуха, перебранные имъ во время его стережки деньги 8 руб. 65 коп. и 6 руб. 35 коп., истраченныя обществомъ на наемъ другаго лица для стережки скота съ 28-го іюля по 3-е августа, такъ какъ общество, согласно обязательства пастуха въ отношеніи сте-

¹⁾ Тр. Ком. о вол. суд., VI, 118: Самарск. губ., Бузулукск. у.

²⁾ Тамъ же, II, 571: Московск. губ., Клинск. у.

режбы; въ правѣ было нанять другое лицо ¹⁾.—Если судъ приговариваетъ пастуха, бросившаго пастьбу скота, въ исполненіи договора, то не безусловно, а съ оговоркой: буде онъ не пожелаетъ исполнить договоръ, то долженъ сдѣлать расчетъ съ нанимателями. Хозяинъ-крестьянинъ нанялъ пастуха для пастьбы мелкаго скота за 43 р.; пастухъ, получивши 15 руб., приступилъ въ пастьбѣ съ 5-го апрѣля, а въ маѣ объявилъ хозяину, что онъ далѣе продолжать пастьбу скота и жить у него не желаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣлаетъ никакого расчета въ забранныхъ впередъ деньгахъ и вещахъ; поэтому хозяинъ просилъ или заставить его, согласно сдѣланному между нами договору, пасти скотъ, или же сдѣлать вѣрнѣйшій расчетъ въ забранныхъ деньгахъ. Судъ опредѣлилъ: сколько слѣдуетъ зачесть пастуху за пастьбу изъ числа забранныхъ имъ впередъ денегъ, а оставшіеся за нимъ заставить его заработать пастьбою скота, въ противномъ же случаѣ взыскать ихъ съ него и удовлетворить истца ²⁾.—Повѣренныя крестьянскаго общества заявили суду жалобу на пастуха и конюха въ томъ, что они нанялись у общества стеречь, первый—рогатый скотъ, второй—лошадей, пастухъ—за 76 руб., въ число коней забралъ 45 руб., конюхъ—за 77 руб., въ число которыхъ забралъ 35 руб., но затѣмъ отказались отъ пастьбы, первый 23-го іюля, второй 20-го іюля; условіе перваго пастуха было—имѣть при себѣ еще двухъ лицъ; второй нанятъ съ условіемъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ въ ночное время двадцать ночей отстеречь; поэтому повѣренныя просили судъ понудить ихъ стеречь скотъ, а иначе чтобы конюхъ отдалъ за 20 ночей на наемъ сторонняго лица 10 руб. Ответчики приводили въ свое оправданіе, что отказались пасти скотъ, первый—потому, что имѣть при немъ помощи двухъ лицъ при стадѣ, которыхъ онъ не пріискалъ по неизвѣстнѣ средства, второй—по причинѣ отказа общества въ дачѣ ему впередъ денегъ на хлѣбъ: онъ же желаетъ отстеречь десять ночей, но денегъ платить не соглашается по неизвѣстнѣ. Судъ постановилъ относительно пастуха, чтобы онъ стеречь скотину до опредѣленнаго времени; въ противномъ случаѣ предоставляется обществу нанять другаго пастуха, и какіе отъ сего найма послѣдуютъ для общества убытки противъ

¹⁾ Тамъ же, II, 187: Московск. губ., Серпуховск. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 61: Самарск. у.

цѣны 76 руб., предоставить имъ взыскивать съ отвѣтки судебного порядкомъ; относительно конюха, такъ какъ повѣренныя заявили, что они наняли уже пастуха для стережки лошадей и не желаютъ, чтобъ онъ стерегъ, судъ опредѣлилъ взыскать съ него половину просимой суммы, 5 руб. ¹⁾.—Слѣдующія два рѣшенія весьма строги и весьма рѣдко повторяются. Удержаніе заслуженнаго жалованья и розги—наказанія не обычныя. Два пастуха—конный и рогатаго скота, нанятые цѣною за 73 руб. и забравшіе денегъ 31 руб., ушли 1-го іюля домой, оставивъ стадо безъ всякаго присмотра и не объяснивъ причинъ. Между тѣмъ просители были вынуждены для пастбы скота нанимать другихъ пастуховъ и чрезъ это понесли значительные убытки. На судѣ пастухи объяснили: первый—что онъ паство бросилъ будто бы отъ дѣлаемыкъ ему угрозъ жителями за ѣзду на лошадахъ, а послѣдній—по случаю болѣзни. Волостной судъ, находя, что первый пастухъ объ угрозахъ на причиненіе побоевъ обязанъ былъ заявить мѣстному старостѣ или волостному начальству, и что причины болѣзни послѣдняго, хотя и были уважительны, но онъ и по выздоровленіи своемъ не явился къ своей обязанности, — а съ тѣмъ вмѣстѣ принимая во вниманіе понесенные жителями убытки черезъ вторичный наемъ пастуховъ, опредѣлили: за нарушеніе условія и вовлеченіе въ убытки жителей, не назначая имъ за трудъ никакого вознагражденія, взыскать съ пастуховъ полученныя ими деньги 31 руб., которыми и удовлетворить просителей, и кромѣ того, коннаго пастуха, какъ онъ первый подалъ поводъ къ оставленію табуна, наказать розгами, 19 ударами ²⁾. По заявленіи сельскаго старосты, что коровій пастухъ не радѣетъ нисколько въ своей обязанности и сталъ уклоняться отъ оной, оставивъ пастбу,—судъ, найдя это заявленіе справедливымъ, приговорилъ пастуха за лѣность и нерадѣніе къ принятой обязанности наказать розгами съ тѣмъ, чтобъ онъ свою обязанность исполнялъ до истеченія срока пастбы.

Пастухъ вознаграждается жалованьемъ даже въ такомъ случаѣ, когда ему отказано обществомъ по его винѣ ³⁾: По

¹⁾ Тамъ же, II, 186: Московск. губ., Серпуховск. у.

²⁾ Тамъ же, VI, 248: Самарск. губ., Бугурусл. у.

³⁾ Тамъ же, VI, 552: Саратовск. губ., Камышинск. у.

случаю порчи быка волкомъ общество отказало пастуху, заплативъ за пастбу 85 руб. по день его службы. Но пастухъ, оставшись разчетомъ общества недоволенъ, просилъ за осеннюю пастбу прибавки. Судъ приговорилъ довыискать въ пользу пастуха еще пять рублей, такъ какъ осеннія ночи для пастбы скота болѣе затруднительны, чѣмъ обыкновенное лѣтнее время ¹⁾).

Изъ изложенныхъ фактовъ видно, что обычай относительно нарушенія и прекращенія договора между нанимателями и пастухами расходится съ гражданскимъ закономъ, по которому всякій договоръ и обязательство производятъ обязанность исполненія, и что въ случаѣ нарушенія договора противная сторона можетъ требовать понужденія къ исполненію. По обычаю, каждая изъ сторонъ можетъ отказаться отъ договора, въ особенности по сколько-нибудь уважительнымъ причинамъ. Отказавшаяся сторона только вознаграждаетъ убытки противной стороны. Пастухъ, прекратившій договоръ до срока, разчитывается за прожитое время, а если общество наняло другаго пастуха, то разница въ цѣнѣ найма взыскивается съ перваго. Только въ исключительныхъ случаяхъ пастуха побуждаютъ къ исполненію договора, то-есть, заставляютъ его дожить до срока, а еще рѣже приговариваютъ къ уголовному наказанію.

П. Ефименко.

¹⁾ Тамъ же, II, 428: Московск. губ., Бронницк. у.

КЪ ВОПРОСУ О ЦЕНЗУРѢ ПРАВОВЪ У НАРОДА.

Чѣмъ ближе мы вникаемъ въ жизнь народа, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что быть его до сихъ поръ сохранилъ многія архаическія черты. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, уцѣлѣвшія еще въ значительной свѣжести, по своей хронологіи, несомнѣнно, гораздо старѣе происхожденія Русскаго государства. И если сравнить черты быта народнаго въ данной мѣстности съ соотвѣтствующими чертами такъ-называемаго образованнаго класса въ той же мѣстности быта, то различіе окажется крайне рѣзкимъ. Если бы цивилизація народа была предоставлена сама себѣ, то для уничтоженія этого различія потребовались бы многія столѣтія.

Мысли эти вызваны нѣкоторыми явленіями жизни народа, относящимися къ вопросу о цензурѣ нравовъ. Мы говоримъ къ *вопросу* потому, что намѣрены коснуться только той цензуры нравовъ, которую народъ проявляетъ во время совершенія браковъ. О другихъ однородныхъ явленіяхъ этого рода мы говорить не будемъ.

Наше такъ-называемое образованное общество, подобно и всякому европейскому этого рода, держится полнѣйшаго невмѣшательства въ отношенія жениха къ невѣстѣ. Заключение брака и сопровождающія его событія болѣе и болѣе становятся дѣломъ исключительно индивидуальной жизни. Постепенно выходятъ изъ употребленія публичныя торжества брака. Человѣкъ образованный не любитъ и старается не допускать, чтобы чужой глазъ проникъ въ его чисто индивидуальную жизнь и хотя, съ одной сто-

роны, бракъ въ европейскихъ обществахъ болѣе и болѣе теряетъ характеръ церковнаго таинства и принимаетъ черты гражданскаго института, но съ другой—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ характеръ тайны въ томъ отношеніи, что чужой глазъ болѣе и болѣе устраняется отъ непосредственнаго наблюденія надъ этимъ событіемъ.

Не то мы находимъ у народа. До сихъ поръ событія брачнаго торжества составляютъ у него дѣло общественное. Брачное торжество сопровождается въ народѣ обрядами, которые совершаются съ извѣстною пунктуальностью и являются чѣмъ-то необходимымъ и важнымъ, безъ чего бракъ не въ бракъ: малороссійское *весілле* — это цѣлая драма, неизменно имѣющая своего дирижера въ лицѣ ветхой, но опытной старухи, сидящей *на печи* и напоминающей что за чѣмъ должно слѣдовать, и слѣдящей за тѣмъ, чтобы что-нибудь важное не было опущено. Отсюда выраженіе: играть весілле, играть свадьбу. При исполненіи этихъ обрядовъ каждое лицо, приглашенное для извѣстнаго назначенія, играетъ свою роль, а всѣ лица, играющія эту драму, составляютъ то общество, которое заинтересовано въ исполненіи этихъ обрядовъ. Къ числу этихъ обрядовъ принадлежатъ и тѣ, которыми, во первыхъ, сопровождается удостовѣреніе, сохранила ли невѣста до брака цѣломудріе, или нѣтъ, а во вторыхъ, тѣ, которыми проявляется выраженіе, въ первомъ случаѣ—одобренія, похвалы, радости, а во второмъ случаѣ—порицанія, позора и неудовольствія.

Обряды удостовѣренія въ цѣломудріи невѣсты составляютъ отдѣльный и самостоятельный актъ брачнаго торжества, въ совершеніи котораго принимаютъ участіе главнѣйшіе его дѣятели, а въ исходѣ заинтересованы всѣ свадебные гости.

Этотъ обрядъ у Малороссійской вѣтви Русскаго народа совершается съ воскресенья на понедѣльникъ. По стародавнему, онъ имѣетъ мѣсто поздно вечеромъ въ воскресенье. По новѣйшему, въ видахъ сокращенія времени брачныхъ торжествъ, а слѣдовательно, и расходовъ, этотъ актъ удостовѣренія совершается иногда вскорѣ послѣ обѣда. Но во всякомъ случаѣ, женихъ и невѣста уходятъ *въ комнату*, но не для того, чтобы провести тамъ цѣлую ночь, а только для совершенія извѣстнаго акта, направленнаго между прочимъ къ разрѣшенію вопроса о цѣломудріи невѣсты. Для этого,

послѣ увода жениха и невѣсты на брачное ложе, бояринъ, дружка или свахи сторожатъ и освѣдомляются тѣмъ или другимъ образомъ, оконченъ ли этотъ актъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свахи внушаютъ новобрачной, чтобъ она тотчасъ оттолкнула молодого, какъ только онъ лишитъ ее дѣвства. И какъ только удостовѣрятся въ окончаніи перваго акта сожителства тотчасъ стараются приступить къ изслѣдованію, и если можно такъ выразиться, къ обнародованію результатовъ этого акта. Послѣ первыхъ дѣйствій изслѣдованія и обнародованія, нерѣдко женихъ и невѣста возвращаются на брачную постель, гдѣ остаются до утра. А этотъ-то перерывъ прямо указываетъ на то, что первые моменты пребыванія въ коморѣ имѣютъ единственную цѣль разрѣшать вопросъ о цѣломудріи.

Такъ какъ уводъ жениха и невѣсты на брачное ложе имѣетъ цѣлью разрѣшеніе указаннаго вопроса, въ которомъ заинтересованъ отнюдь не женихъ только, но и общество, то самый уводъ сопровождается извѣстными дѣйствіями, имѣющими значеніе обряда. Въ исполненіи этихъ дѣйствій принимаютъ участіе играющіе свадебную драму.

Брачная постель готовится *въ комортѣ*, то-есть, въ амбарѣ, не смотря на то, совершается ли свадьба весной, лѣтомъ, осенью или зимой, хотя нормальнымъ временемъ совершенія браковъ служатъ осенній и зимній мясоѣды. Постель готовятъ свахи, причемъ обращается вниманіе на предупрежденіе подлога. Новобрачныхъ вводятъ въ комору свахи, нерѣдко съ дружками и приданками. Невѣсту сначала раздѣваютъ вплоть до рубашки, при чемъ иногда обыскиваютъ, чтобъ она не спрятала такихъ предметовъ, которые могли бы послужить къ поддѣлкѣ признаковъ цѣломудрія. Когда невѣста останется въ рубашкѣ, съ нея снимаютъ и этотъ послѣдній покровъ и надѣваютъ на нее свѣжую рубашку, взятую у матери невѣсты. Этою пережѣною рубашки еще чистой на совершенно свѣжую, не ношенную послѣ мытья, очевидно, имѣютъ цѣлью устранить всякія сомнѣнія, случайности и подлогъ. Эта пережѣна требуется строгостью совершаемой, если прилично такъ выразиться, экспертизы для рѣшенія вопроса о цѣломудріи. Раздѣваніе невѣсты и пережѣна рубашки совершаются не только свахами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ присутствіи дружковъ.

*

Когда данъ знакъ изъ коморы новобрачными о томъ, что актъ конченъ, и они готовы выйти, — въ комору входятъ свахи или даже вся свадебная компанія и первое свое вниманіе обращаютъ на рубашку невесты, изслѣдуютъ присутствіе или отсутствіе кровяныхъ пятенъ, какъ свидѣтельство непорочности, или потери оной. И смотря по тому, что эти эксперты найдутъ, свадебный обрядъ получаетъ то или другое направленіе и продолженіе.

Если сваха и другія лица удостовѣрятся, что новобрачная непорочна, тотчасъ снимаютъ съ нея рубашку, которая должна послужить молчаливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ непорочности. „Сваха снимаетъ съ молодой рубашку, въ которой она почивала“, говоритъ одинъ наблюдатель народныхъ обычаевъ; — „эту рубашку разсматриваютъ всѣ, находящіяся въ коморѣ. Сваха послѣ того кладетъ эту рубашку въ полу старшему другу, который несетъ ее въ хату. Вошедши въ хату, дружка танцуетъ, держа въ полѣ рубашку; протанцовавъ и выпивъ двѣ-три рюмки водки, онъ кладетъ на столъ рубашку, перевязанную красною лентою“. „Въ хатѣ выбираютъ самое видное мѣсто“, говоритъ другой наблюдатель, — „и на немъ вѣшаютъ рубашку, и притомъ такъ, чтобы кровавое пятно на рубашкѣ, свидѣтельствующее о цѣломудренности молодой, прежде всего бросалось въ глаза всѣмъ и каждому, и всѣ, старъ и младъ, спѣшатъ собственными глазами удостовѣриться въ цѣломудренности невесты: каждый подходитъ и подвергаетъ внимательному осмотру кровавое пятно“. Такъ какъ брачная постель бываетъ въ домѣ родителей молодаго, то нерѣдко старшій дружка рубашку эту несетъ къ родителямъ молодой, какъ свидѣтельство непорочности ихъ дочери. Шествіе это сопровождается музыкою, танцами и вообще публичностью.

Удовствѣреніе въ непорочности невесты производитъ, съ одной стороны, неистовую радость всѣхъ брачныхъ гостей; оргія и разгулъ достигаютъ высшей степени; съ другой стороны — онъ служитъ поводомъ и основаніемъ къ чествованію невесты, ея родителей, умѣвшихъ хорошо воспитать дочь, а также цѣлаго рода.

Чтобы было вѣдомо всѣмъ, даже не присутствующимъ на свадьбѣ, что новобрачная оказалась непорочною, во свидѣтельство сего выставляется или на воротахъ двора или на крышѣ дома *красный флагъ*, состоящій изъ *запаски, плахта или ленты*.

Красный цвѣтъ у народа есть эмблема цѣломудрія. А такъ какъ ягоды калины особенно отличаются ярко-краснымъ цвѣтомъ, и такъ какъ калина вообще въ быту народа является любимымъ растеніемъ, воспѣваемымъ въ пѣсняхъ, то она и избрана символомъ цѣломудрія:

Бодай тебе да морозеньку!
Изморозивъ нашу да калиноньку,
Засмутивъ ты нашу родиноньку.

—
Темного лугу калина,
Честного батька дітина.

Такъ поетъ народъ на свадьбахъ въ минуту удостовѣренія цѣломудрія молодой. Калиною украшаютъ вильца коровай. Калиной украшаютъ жареную курицу и бутылку водки, которую посылаютъ матери молодой, если непорочность послѣдней удостовѣрена. Тоже символическое значеніе имѣетъ и раздача невѣстѣ *красныхъ лентъ* своимъ друзьямъ, которыя ими украшаются, опоясываніе *краснымъ поясомъ* старшаго друга, перевязываніе красною лентою рубашки и „намітки“ новобрачной.

Удостовереніе непорочности молодой даетъ поводъ къ пѣнію цѣлаго ряда пѣсень. Въ этихъ пѣсняхъ народъ воздастъ честь новобрачной, ея матери и отцу, умѣвшимъ хорошо воспитать дочь. Въ этихъ пѣсняхъ воспѣвается также честь, хвала и радость цѣлаго рода:

Честъ наша, хвала наша,
Наша Маруся честна,
Честною вышла,
Честъ дорога.

Такъ поетъ народъ, когда удостовѣрится въ непорочности *честною батька дітина*, которая своимъ поведеніемъ *звеселила всю родиноньку*.

Какъ только сдѣлается извѣстнымъ, что новобрачная оказалась непорочною, тотчасъ спѣвають сначала неофициально, если можно такъ выразиться, а потомъ и официально дать знать объ этомъ радостномъ событіи отцу и матери молодой, которые въ это время

остаются у себя дома. При этомъ выражаютъ имъ и знаками, и символами, и словами благодарность и уваженіе за то, что они умѣли сохранить въ непорочности свою дочь. Нерѣдко мать съ своей стороны выражаетъ дочери по этому случаю свою радость и благодарность такими словами: „Спасибо тобі, доню, що збавила мене и весь родъ нашъ одъ сорому; гляди, якъ дождешъ своихъ дочекъ, дивись за ними такъ, якъ я за тобою дивилась“.

Такъ выражаетъ народъ одобреніе добрымъ семейнымъ нравамъ и непорочности женщины.

Иной характеръ принимаютъ обряды и символы, если свадебное общество удостовѣрится, что повобрачная потеряла свою невинность до брака. Въ этомъ случаѣ совершается рядъ такихъ дѣйствій, которыя выражаютъ общественное посрамленіе и позоръ. И брачный пиръ, который народомъ характерно названъ *весілемъ*, превращается нерѣдко въ сцены самой тяжелой общественной кары. По словамъ одного наблюдателя, на свадьбѣ невесты, оказавшейся нецѣломудренною, *смутно-невесело*.

Взрывъ пѣнія самыхъ срамныхъ пѣсень служитъ знакомъ удостовѣренія, что новобрачная оказалась потерявшею дѣвство до брака. Въ этихъ пѣсняхъ все разчитано на то, чтобъ осмѣять легкость ея поведенія, нестойкость ея въ сохраненіи женской чести. Эти пѣсни содержатъ въ себѣ самыя язвительныя насмѣшки надъ невестою, самое глубокое презрѣніе къ женщинѣ, оказавшейся порочною. Онѣ полны самаго необузданнаго цинизма, послѣдней грубости и безстыдства. Во время свадьбы народъ вообще не отличается воздержностью отъ циническихъ выходокъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда винныя пары заволакиваютъ ясность ума. Свадебные гости иногда поютъ и безотносительно къ нецѣломудрію молодой циническія пѣсни. Но эти пѣсни не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для невесты, онѣ чужды намековъ на ея счетъ, онѣ далеки отъ того презрѣнія, которымъ дышатъ пѣсни специально созданныя народомъ для осрамленія нецѣломудрія невесты.

Если новобрачная окажется нецѣломудренною, молодой, по стародавнимъ обычаямъ, пользуется неотъемлемымъ правомъ непосредственной расправы. „Молодой, запершись въ коморѣ“, говорить одинъ наблюдатель народныхъ обычаевъ, — „убѣдившись въ не-

честности своей молодой жены, начинает бить ее самым жестоким образом. Рассказывают, что иногда приходится разламывать двери коморы, чтобы только защитить молодую от ее разъяренного мужа. Впрочем, большая или меньшая степень наказания в этом случае устанавливается не народным правом, а есть следствие темперамента и характера мужа. Муж с мягким характером ограничивается несколькими ударами. Строгий муж исколачивает свою молодую жену до полусмерти; иногда даже отливают ее водою. В некоторых местах несчастную женщину постигает, или по крайней мере постигала и церковная кара. „Когда молодые приходят на другой день в церковь на *выводины*, священник“, по словам того же наблюдателя, — „осведомляется о честности невесты; если она оказалась нецѣломудренною, подвергает ее известному наказанию, — *болшею частью, заставляет ползать три раза вокруг церкви на колѣнях*. Это наказание“, прибавляет он же, — „не вездѣ практикуется; вмѣсто него часто священникъ обязывает молодую поработать у него дней несколько“. Этот обычай не встрѣчается на лѣвомъ берегу Днѣпра, да и на правомъ онъ, вѣроятно, принадлежит къ обычаямъ, нынѣ исчезнувшимъ. „Если мужъ“, говоритъ другой наблюдатель, — „предъ старостами и друзьями беретъ преступленіе своей невесты на себя, то свадьба играется, какъ будто невеста оказалась цѣломудренною. Если же мужъ не беретъ на себя преступленія молодой, то по выходѣ изъ *коморы* онъ беретъ казацкую нагайку, съ которою ѣздитъ просить своихъ родственниковъ на свадьбу, бьетъ *молодую* до тѣхъ поръ, пока, какъ выражается очевидецъ, *тіло її не зробицца чорне якъ земля*“.

Сколько намъ известно изъ собранныхъ наблюдений, описанныя сцены варварской расправы принадлежатъ къ числу обычаевъ, нынѣ выходящихъ изъ употребленія. Самъ новобрачный нерѣдко беретъ грѣхъ на себя. Новобрачная можетъ предотвратить сцены расправы и осрамленія. Расправы и никакихъ позорящихъ обрядовъ не бываетъ, если она прежде увода въ комнату сознается, что потеряла дѣвство до свадьбы. Сознаніе это бываетъ всенародное. Новобрачная, сознаваясь въ своей винѣ, проситъ, влянаясь въ ноги, прощенія у отца, матери, свекра и свекрухи и у всѣхъ почетныхъ лицъ, принимающихъ участіе въ свадьбѣ.

Въ противномъ случаѣ совершеніе позорныхъ обрядовъ идетъ своимъ чередомъ. Они разчитаны на то, чтобы опозорить мать, отца и даже всю родню невѣсты. На мать надѣваютъ или настоящей *хомутъ* безъ щоновъ, или сдѣланный изъ соломы или баранковъ—изобрѣтеніе новѣйшаго времени, знаменующее смягченіе нравовъ. Иногда этотъ позорный обрядъ совершается надъ отцомъ, а если новобрачная—круглая сирота, то надъ тѣмъ родственникомъ или родственницею, въ домъ которыхъ воспиталась невѣста. Тогда какъ мать молодой, оказавшейся цѣломудренною, получаетъ жареную курицу, мать новобрачной, которая не оказалась дѣвственницею, должна принять въ иныхъ мѣстахъ *селедку* или *тарань*. Такой же подарокъ получаютъ отецъ и братья. Одинъ наблюдатель сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новобрачный бьетъ не только жену, но и тещу и тестя, *за те, що не вмили дочку своєю очити*. Кажется, есть основаніе думать, что вся родня молодого считаетъ себя оскорбленною и готова съ своей стороны оскорблять родныхъ невѣсты. „Когда окажется, что невѣста нецѣломудренна, то гости ея“, говоритъ одинъ наблюдатель,—„стараятся какъ можно скорѣе убраться восвоеси, такъ такъ гости могутъ дѣлать имъ всякаго рода гадости, въ родѣ того, что вымазываютъ дегтемъ возы и т. п.“ „Когда невѣста со своимъ женихомъ отправляется къ нему“, сообщаетъ другой наблюдатель,—„то вслѣдъ за ними отправляется нѣсколько верховыхъ людей, близкихъ невѣстѣ, стараются быть пока не замѣченными и наблюдаютъ за всѣмъ происходящимъ, изъ чего было бы можно заключить, цѣломудренна ли невѣста, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ ихъ приглашаютъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что они должны быть недалеко, и что они наблюдаютъ; тогда оказываютъ имъ самый дружескій привѣтъ и даже почетъ. Во второмъ случаѣ они должны удирать: иначе будутъ биты“. Доказательствомъ того, что тутъ не одна новобрачная и ея родители подвергаются позору, но и ея родичи, служитъ то, что хомутъ иногда надѣваютъ и на свахъ. Словомъ, какъ честь невѣсты отражается на прославленіи рода, къ которому она принадлежитъ, такъ ея безславіе падаетъ позоромъ на цѣлый ея родъ. Эти черты прямо указываютъ на происхожденіе обрядовъ въ самыя отдаленныя времена, въ періодъ чистоты родового быта.

Совершеніемъ въ четырехъ стѣнахъ обрядовъ этого рода на

ограничиваются. Какъ цѣломудріе новобрачной публично удосто-
вѣряется извѣстнымъ символомъ, такъ о нецѣломудріи возвѣщаютъ
обществу выставленіемъ позорныхъ знаковъ. Въ иныхъ мѣстахъ на
воротахъ или на крышѣ дома вывѣшиваютъ хомуть, въ другихъ
мазницу, въ иныхъ рогожу или заткало, которымъ закрываютъ
трубу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обмазываютъ нечистотами стѣны
дома; въ иныхъ кто нибудь изъ бояръ лѣзетъ на крышу хаты съ
ведромъ воды и оттуда раздаетъ воду, символическій знакъ не-
воздержности новобрачной; въ иныхъ наконецъ мѣстахъ втаски-
ваютъ на крышу дома старыя сани, или развѣзженное колесо.

Мы уже сказали, что актъ удостовѣренія въ цѣломудріи или
нецѣломудріи новобрачной представляетъ рядъ самостоятельныхъ
обрядовъ, совершаемыхъ для достиженія указанной цѣли. Можно
положительно сказать, что новобрачные вступаютъ на этотъ
разъ въ плотское сношеніе не для чего другого, какъ только, что-
бы представить доказательства цѣломудрія или нецѣломудрія ново-
брачной. Послѣдняя вполне является предметомъ наблюденія
сколько для своего мужа, столько и для всего свадебнаго обще-
ства. Указываемый нами характеръ этихъ обрядовъ яснѣе всего
видѣнъ изъ того, что совершается, когда, въ моментъ увода ново-
брачныхъ въ комнату, женихъ окажется по какимъ-нибудь причи-
намъ импотентомъ. Безъ этого рѣшающаго акта свадебное тор-
жество не можетъ продолжаться. Но общество ждать не мо-
жетъ. Какъ изъ цѣсни слова не выкинешь, такъ изъ обряда
нельзя опустить какую-нибудь важную особенность. А такую осо-
бенностью и являются обряды удостовѣренія цѣломудрія. Слѣдо-
вательно, какъ-нибудь и кому-нибудь необходимо совершить актъ
разрыва дѣвственной плевы. Для этого употребляютъ два способа:
или сваха производитъ операцію разрыва дѣвственной плевы пер-
стами, или же поручаютъ старшему дружку, или почетному бо-
ярину, человѣку солидныхъ нравовъ и поведенія, совершить раз-
рывъ дѣвственной плевы посредствомъ акта совокупленія. Одинъ
почтенный священникъ, отличный знатокъ народнаго быта, разка-
зывалъ мнѣ, что въ одномъ случаѣ операція разрыва дѣвственной
плевы, совершенная свахою, повлекла за собою продолжительную
болѣзнь молодой женщины; пока докторъ не оказалъ помощи,
думали даже, что молодая женщина страдаетъ ракомъ. Какъ ни

невѣроятенъ съ перваго раза кажется второй способъ, къ которому народъ прибѣгаетъ въ случаѣ хотя бы временной неспособности молодаго для разрѣшенія вопроса о цѣломудріи новобрачной, но употребленіе его выше всякаго сомнѣнія. Одинъ изъ мировыхъ судей съ университетскимъ образованіемъ, происходящій изъ стараго казацкаго рода (а быть малороссійскихъ казаковъ есть быть народа), передавалъ мнѣ, что на его роднаго брата, оставшагося казакомъ, разъ возложено было исполненіе этой обязанпости. По народнымъ обычаямъ, замѣняющій мужа обязанъ только совершить разрывъ дѣвственной плевы, но не больше. Эти обычай, можно думать, выходятъ нынѣ изъ употребленія, хотя существованіе ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Тотъ же почтенный отецъ разказывалъ, что люди бывалые, ходившіе на заработки въ города и заводы, иногда обнаруживаютъ рѣшительное противодѣйствіе и не допускаютъ ихъ примѣненія.

Авторъ настоящей статьи не разъ высказывалъ мысль, что изученіе юридическихъ обычаевъ народа должно пролить свѣтъ на многіе темные пункты исторіи законодательства.

До сихъ поръ въ исторіи уголовного права остается далеко неразъясненнымъ вопросъ, какимъ образомъ могъ совершиться процессъ обложенія тяжчайшими карами, въ томъ числѣ и смертною казнью, такъ называемыхъ преступленій противъ нравственности. Еще болѣе непонятнымъ представляется вопросъ, какими путями власть могла вторгнуться въ интересы семейной жизни, и какимъ образомъ могло развиться правительственное преслѣдованіе такихъ преступленій, какъ незаконное сожительство, прелюбодѣянiе и тому подобныя нарушенія нравственныхъ обязанностей, которыя нынѣ болѣе и болѣе переходятъ въ область частныхъ отношеній. А между тѣмъ эти явленія повсемѣстно существовали, чему свидѣтельница исторія законодательства.

Объясненіе—будто и тяжкія кары, поражавшія виновныхъ въ этихъ нарушеніяхъ, и преслѣдованіе ихъ начальствомъ обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію христіанской церкви, не выдерживаетъ даже легкаго прикосновенія критики. Сдѣлать только вспомнить, что отвѣчалъ Основатель Христіанской церкви тѣмъ, которые привели къ нему *женщину, въ прелюбодѣяніи ятую*, чтобы признать неосновательность вышеупомянутаго объясненія. Не церковь

христіанская своимъ вліяніемъ вызвала упомянутыя явленія, а напротивъ, сама она, подвергшись вліянію постороннихъ силъ, одобрительно отнеслась къ разсматриваемымъ явленіямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали изучать міровоззрѣніе народа вообще и его взглядъ на нарушенія правилъ нравственности, а также его отношенія къ нарушителямъ ихъ, для насъ стала выясняться вопросъ, откуда шло это вліяніе. Для насъ представляется нынѣ очевиднымъ, что оно шло изъ народныхъ обычаевъ. Прежде чѣмъ законодатель установилъ тяжкія кары за разсматриваемыя преступленія и сталъ ихъ преслѣдовать по должности, само общество давно уже примѣняло и то, и другое. Такимъ образомъ, сложившіяся юридическіе обычаи народовъ приготовили для законодателей готовое рѣшеніе этого вопроса.

Пока правовѣдѣніе будетъ только практическою наукою, чѣмъ до сихъ поръ оно есть, — римское и церковное право будутъ оставаться альфой и омегой всѣхъ юридическихъ изслѣдованій. Но съ того момента, какъ оно поставитъ себѣ другія задачи, оно должно признать величайшую важность изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, не входившихъ и не вошедшихъ въ кодексы. Тогда-то обратимся мы къ народнымъ вѣрованіямъ и легендамъ, къ народной пѣснѣ и сказкѣ, къ существовавшимъ прежде и уцѣлѣвшимъ донынѣ обрядамъ, какъ къ обильному источнику, для черпанія и изученія матеріаловъ по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Тогда-то появятся ученые юристы, которые, подобно нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ филологовъ, станутъ изслѣдовать происхожденіе извѣстнаго юридическаго института въ его настоящемъ источникѣ, въ первобытныхъ народныхъ вѣрованіяхъ, станутъ стремиться къ открытію первобытнаго пути, по которому шло развитіе его, начнутъ разыскивать ближайшаго сходства юридическихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ у разныхъ народовъ. Тогда можетъ быть не Римъ, а какая-нибудь Индія станетъ начальнымъ пунктомъ изученія.

Мы не сомнѣваемся, что пріемы цензуры нравовъ, подобныя тѣмъ, которые мы избрали предметомъ нашей статьи, легко отыскать въ юридическомъ бытѣ и обычаяхъ другихъ европейскихъ народовъ, если не въ ихъ настоящемъ, то непременно въ ихъ прошедшемъ.

Ниже мы помещаемъ въ приложеніи документы, оправдывающіе то, что мы говоримъ по вопросу о цензурѣ нравовъ у народа.

Приложенія.

№ 1.

Тереженко. Вытъ Русскаго народа, т. II: Свадьбы.

Свадьба въ Литвѣ и Малороссіи. „Въ Литвѣ и въ Малороссіи былъ обычай наказывать дѣвицъ, нарушившихъ цѣломудріе: ихъ сажали при дверяхъ церкви на желѣзной цѣпи. Эти цѣпи въ Литвѣ назывались *куницами* или *кунами*, а въ Малороссіи кандалами, но и этотъ обрядъ со значеніемъ куничнымъ не имѣетъ никакого сходства“ (стр. 111).

По утру приходили свахи, тысящая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ и поднимали одѣло *стрѣлою*. Въ случаѣ нецѣломудрія невесты, подносили ей матери стаканъ со скважиною, наполненный пивомъ или медомъ. Когда мать брала стаканъ въ руки, тогда питье текло чрезъ скважину, которую сваха, прижавъ пальцемъ, скрывала отъ всѣхъ“ (стр. 115).

Свадьба Малороссійская. Спусти нѣсколько времени молодой зоветъ дружку и объявляетъ о благополучіи своей молодой. Дружка входитъ въ подкѣти съ родственниками невесты и свахи и удостовѣряются въ дѣйствительности. Потомъ отправляются къ родителямъ жениха съ радостнымъ извѣстіемъ: поздравляютъ родителей со счастливымъ бракомъ молодыхъ, поютъ, веселятся и пляшутъ. Послѣ отправляются въ домъ родителей невесты и въ знакъ радости бьютъ окошки, печи, ломаютъ столъ, стулья, лавки, колотятъ посуду и все, что попадаетъ имъ подъ руки. Иногда все переломаютъ и перебьютъ въ домѣ, но родители не только за то не сердятся, но еще благодарятъ ихъ, дарятъ рушниками и платками“ (стр. 538).

Свадьба у Донскихъ казаковъ. Въ старое время: „Угостивъ молодыхъ, отводили ихъ на брачное ложе.... Предъ жаркимъ поднимали молодыхъ. *Все общество требовало*, чтобы имъ показали *честь новобрачныхъ*. Въ знакъ радости о добромъ иніи молодой, навязывали дружкѣ платки на обѣ руки, а свахѣ окутывали матеріями крестообразно чрезъ плечо; всѣ гости прикалывали къ головному своему убору или къ груди источникъ свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружка и сваха просили гостей кушать и пить, и тогда раздавались пѣсни въ честь молодой. Дружка и сваха отправлялись въ перевязяхъ къ родителямъ съ возвѣщеніемъ о дочерней чести и съ приглашеніемъ ихъ на веселіе. Ихъ также перевязывали здѣсь. Былъ обычай, что когда приглашали родителей молодой прямо къ столу, тогда въ ихъ присутствіи поднимали молодого князя съ княгиней“ (стр. 614).

Въ новое время: „По утру поздравляетъ новобрачныхъ родные и всѣ ихъ знакомые. Прежде выставляли *красное знамя* у воротъ въ ознаменованіе благополучія

невѣсти. Въ старинные годы былъ еще обычай, что если кто разводился съ женою, тотъ выводилъ ее на торговое мѣсто и продавалъ; послѣ этого онъ могъ жениться на другой“ (стр. 618).

№ 2.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-Западный край. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. IV.

Въ то время когда родители жениха принимаютъ новобрачныхъ за столомъ, на *пасади*, въ коморѣ готовится для нихъ постель, на которой они должны провести первую ночь. Дружка приносятъ кулъ соломы въ комору, куда приходятъ свахи, и всѣ вмѣстѣ готовятъ постель, а свахи поютъ:

Цитѣ каліноньку ложитъ,
Сонъ головоньку клонитъ.

Підіте постеліте,
Сватонька молодіте.
(Плотниця, Пинск. у.) (стр. 484).

Приготовивъ постель, кладутъ *кожузь*, которыми бы новобрачные могли укрыться. Въ головкахъ постели ставятъ икону и кладутъ хлѣбъ и соль; когда въ *коморі* все приготовлено, *дружка* является въ хату, гдѣ молодые сидятъ за столомъ, и говоритъ: „Старости, пани підстарости! благословіть молодихъ на ушокой повесті!“

„Богъ благословіть.“

„Въ друге и въ третє!“

„Трєчє разомъ!“

Тогда *дружка* ведетъ *молодихъ* въ *комору*; ихъ сопровождаютъ *свахи* и *ніддружій*; въ это время поютъ:

Не хочу я істоньки да питоньки,
Бо вже мое тіло спатоньки сїтію.

(Мишновъ, Дубенск. у.) (стр. 486).

Въ *коморі* *молоду* раздѣваютъ—сбрасываютъ съ нея нарядъ, не исключая даже сережекъ и наместа. Расчесываютъ ей волосы и ищутъ, нѣтъ-ли въ нихъ проторга, шпильки или-же чего либо въ этомъ родѣ. Надѣваютъ на нее бѣлую, свѣжую рубаху и заставляютъ ее сбрасывать молодому сапоги, въ которыхъ обыкновенно на этотъ случай женихъ прячетъ подъ *устіаками* нѣсколько серебряныхъ монетъ. Невѣста сбрасываетъ сапоги и ищетъ въ нихъ денегъ, которыя и беретъ себѣ.

Въ это время поютъ:

„Дівчино моя,
Розуй мене на“
„Розуватиму“

Кого знатиму;
Ледачого обйду,
Незайматиму“.

Всгдѣ затѣмъ *молодихъ* укладываютъ въ *коморі* въ постель, укрываютъ ихъ сверху *кожухою* и всѣ уходятъ изъ *коморы* въ избу, за исключеніемъ свахи и дружка, которые остаются при *молодихъ*. Въ другихъ-же мѣстностяхъ молодые *самки* оставляютъ въ *коморѣ*, всѣ уходятъ и возлѣ дверей оставляютъ сторожа-дружка, для того, чтобы дверь сейчасъ-же была открыта, когда женихъ поступитъ въ нее. Свахи и дружки, уходя изъ *коморы*, говорятъ молодымъ: „не лігуйтеся

же тут, людей не воловдыте“ Въ это время родственники жениха сидят за столомъ, пьютъ водку (стр. 488).

Новобрачныхъ оставляютъ въ покоѣ на весьма непродолжительное время. Черезъ часъ, не болѣе, къ нимъ является сваха, освѣдомляется относительно перваго вступленія въ сожителство, которое новобрачные должны совершить тотчасъ послѣ того, какъ ихъ оставить въ постели. Свахи, получивъ на предложенный жениху вопросъ благопріятный отвѣтъ, зажигаютъ свѣчу и идутъ къ новобрачнымъ въ комнату. Физиологическій процессъ новобрачные совершаютъ въ другое время, а теперь невѣста, по наущенію свахъ, сейчасъ жъ отталкиваетъ жениха, какъ только онъ лишитъ ее дѣвства. Иногда злые люди, а иногда и сама невѣста дѣлаютъ жениху такъ, что онъ оказывается несостоятельнымъ къ лишенію невинности. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ разорвать рубаху на своей невѣстѣ и чары потеряютъ свою силу. Если-же неопытный женихъ этого не сдѣлаетъ, то его долженъ замѣнить старшій дружокъ или бояринъ; это, впрочемъ, никогда не соблюдается. Невѣста въ подобномъ случаѣ устраняетъ бѣду при помощи собственныхъ рукъ. Нецѣломудренныя дѣвушки иногда обматываютъ своихъ неопытныхъ жениховъ, для чего употребляютъ кровь, которою наполнены концы перьевъ молодыхъ птицъ; ложась въ постель, перья прячутъ подъ руку, за косу и проч. Но по установившемуся народному обычаю, она должна первая пропѣть: „А въ лузі калина“. (Если она, будучи нецѣломудренною, пропоетъ эту пѣсню, то это не пройдетъ ей даромъ).

Съ невѣсты снимаютъ ту рубаху, которая была нѣсколько времени тому назадъ ими же надѣта на невѣсту, даютъ ей ту рубаху, которую она сбросила, и, надѣвъ на ея голову шапку, заставляютъ пѣть:

1. Темного лугу калина,	6. Така була її мати!
2. Доброго батька дітина;	7. Записати її въ листи,
3. Така вона дренька,	8. Щобъ її були такі и сестри;
4. Якъ рожа повненька;	9. Записати її въ квіти,
5. Ничого дивувати:	10. Щобъ були її такі й діти (стр. 448 и 444.)
- (Нар. южно-русс. пѣсни *Метлицкаго*, стр. 234—235).

Послѣ невѣсты ту же самую пѣсню нѣсколько разъ поютъ свахи, примачивая ей голову водкою и надѣвая *очінокъ*, поверхъ котораго обыкновенно повязываютъ серпанокъ или намітку, хотя иногда, если невѣсту оставляютъ въ коморѣ съ молодымъ, намітку надѣваютъ на другой день утромъ. Потомъ молодая садится вoadѣ молодого на постели, куда свахи несутъ хорошую настойку, хлѣбъ и непременно печеную (жареную) курицу— это ужинъ молодымъ супругамъ. Они ужинаютъ, лежатся спать и уже до самаго утра ихъ больше не беспокоятъ. Свадебная дружина, которая по большей части не ложится спать до самаго бѣлаго дня, поетъ:

Чи сміла ти, мати,	Такеє молодесеньке,
Таке дитя дати,	Якъ ягодка чирвоесеньке.

(Дубище, Староконстантиновск. у.).

Прокрутивъ навукъ степю	Де Марися спала,
Да й впавъ на постелю;	Тамъ калиненька стала.

(Млиновъ, Дубенск. у.).

Годувала мати добра,	Що її дочка гожа,
Що її дочка добра,	Якъ новная рожа.

(Шютница, Пинск. у.).

1. Ой казали, говорили люде,
2. Що наша Марьохна не добрая буде,
3. Аж вона добра,
4. Поймала въ житі бобра;
5. Вона така добресенька,
6. Якъ рожа понесенька.

(Подонное, Новоградволинскаго у.) (стр. 444).

Ой у волі да овесъ рясенъ
Хвалить Бога, що нашъ рідъ красенъ,
А дітоньки, якъ квітоньки,
Господиня, якъ калина.

(Плотниця, Пинск. у.).

А у насъ овесъ рясенъ,
А у насъ увесъ рідъ красенъ:
Якъ мати, така дочка,
Якъ красна калиночка.

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 235).

Йде Маруся зъ жола,
За нею Матерь Божа,
Наложила короночку
На єї головочку.

(Дубище, Староконстан. у.).

По двору, по двору
Да пороша упала,
А на тій пороші
Слідки хоромі.
Що куна ходила,
А свекорко каже:
— Да не естъ то куна,
То невістка моя (стр. 446).

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 232).

Розливайтесь, береги,
Не втішайте вороги!
Заробила Маруся пироги,
Хочъ не пшенишні, да яшні,
Своему родові подячні.
Первий рідъ — свекорківъ,
А другой рідъ — батеньківъ.

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 233)

Да пішовъ дожчикъ крапистий,
Да уродивъ черчикъ черчистий.
Да не вмѣла Маруся носити,
Да мусила Иванка просити:
„Ой окраси, Иванку, сей черчикъ мій,
Да звеселимо увесъ рідъ свій!
Що первий рідъ — свекорківъ,
А другий — батеньківъ (стр. 447).

(Нар. Южно-Русск. пѣсни *Метлинскаго*, стр. 233).

Свахи въ коморѣ отыскивають на той рубахѣ, которую невістка только что сбросила, красное пятно, и нашедши его, приходятъ въ неописанный восторгъ; окровавленную рубаху несуть въ избу и по дорогѣ показываютъ красное кровавое пятно рубахи выбѣжавшимъ на встрѣчу любопытнымъ бабамъ, которыя тоже не менѣе свахъ радуются, и съ ними вмѣстѣ возвращаются въ избу, гдѣ рубаха показывается сначала родителямъ жениха, а потомъ старшему свату.

Старшій сватъ, или какъ его называютъ въ другихъ мѣстностяхъ, дружокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и свахи, становятся на лавку, закрывають рядномъ или же утиральникомъ иконы и показываютъ всѣмъ присутствующимъ рубаху молодой, говоря: „Дивитесь, пани родичі, ось на цю кошулю. . . Дай, Боже, щобъ и вони за своіми дітьми дождали такої!“ Убѣдившись по окровавленной рубахѣ, что невістка благодаря хорошему воспитанію своихъ родителей, сохранила свою дѣвственность всѣ приходятъ въ неистовый восторгъ; восторгъ выражается пляскою по лавкамъ, по полу, по столамъ, битьемъ горшковъ и пр. Родители жениха въ это время наливають бутылку хорошей настойки, къ шейкѣ бутылки привязываютъ калиновую кисть и съ братомъ невісты, сопровождаемымъ музыкой, отсылають родителямъ неві-

сты, въ знакъ признательности за то, что ихъ дочь, благодаря ихъ заботливости, сохранила цѣломудріе до вступленія въ бракъ.

Въ Липецкой слободѣ, Харьковской губерніи, всѣ гости подъ предводительствомъ дружка отправляются къ родителямъ невісты, чтобъ увѣдомить ихъ о поведеніи ихъ дочери, при чемъ дружокъ беретъ съ собою рубаху невісты. На дорогу имъ даютъ водки, которую они распиваютъ, усѣвшись на пути гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ; выпивку эту сопровождаютъ пѣніемъ:

- 1 Не бійся, матінко, не бійся,
- 2 Въ червони чоботки обуйся;
- 3 Топчи вороги підъ ноги:
- 4 Заробила Маруся пироги;
- 5 Хочь не пшенични, то ячни,

- 6 Нашому роду подячни.
- 7 Нашь весьь таки рясень,
- 8 Нашь весьь родъ таки красень.
- 9 Тутъ намъ заробили и пшти, и істи,
- 10 И на покуті сісти.

(Новицкій, стр. 449 и 450).

- 1 Спасибі тобі, таточку,
- 2 За кудрявую м'яточку,
- 3 За запашний василекъ,
- 4 За твою учтиву дитину,
- 5 Шо вона по ночамъ не ходила,

- 6 При собі снотокъ носила.
- 7 Прохали хлопці — вона не дала,
- 8 Куповали купці — не продала;
- 9 Шовкомъ нуженкы звязала,
- 10 За всіхъ тому Иванку держала.

(Борисполь, Переяславскаго у., стр. 451).

Та добри-день, матінко, добри-день,
Лучча була ниченка, якъ сей день.
Спасибі тобі, сваточку,
За твою кудряву м'яточку,

За хрещатий барвіночокъ,
За запашенкый василічокъ,
За червону калину,
За твою добрую дитину.

(Изъ рук. сб. *Кулиш*, стр. 452).

Й а зъ калиночки дві квіточки . . (bis)

Дякуемъ тобі, сваточку,
За твою добрую дочку.

(С. Колосики, Ушицк. у., стр. 452).

На другой день утромъ новобрачные встаютъ съ постели и идутъ въ избу. Переступивъ *хатній порозъ* молода говоритъ: „Добри-день вамъ, будьте здорові зъ поведілкомъ!“ Потомъ она умывается, и угершись рушникомъ, кланяется родителямъ и родственникамъ.

Въ понедѣльникъ, точно также, какъ и въ воскресенье, невісту одѣваютъ въ праздничный нарядъ, и кромя того, на голову надѣваютъ ей намітку. Намітку кругомъ обвязываютъ *красною лентою* — символъ дѣвичьяго цѣломудрія. Спереди, шадя цѣломудренную скромность молодой, напускаютъ на глаза ей намітку. Старшій бояринъ на крышѣ ставитъ длинный шестъ, къ верхней части котораго прикрѣпляетъ *красный шерстяной поясъ или платокъ*; на воротахъ вѣвшиваютъ *красную запаску* новобрачной; перевязываютъ бутылки, изъ которыхъ потомъ пьютъ водку, *красною шерстью* или *такого-же цвѣта ленточками*; старшій бояринъ получаетъ отъ невісты *красную ленту*, которую перевязываетъ черезъ правое плечо; дружки опоясываются *красными поясами*, а иногда ихъ перевязываютъ черезъ плечо; приданки обвязываютъ себѣ *красными лентами* головы поверхъ платка или намітки, однимъ словомъ — въ это время на свадьбѣ *красный цвѣтъ* бросается въ глаза оговсюду (стр. 445).

Не то бываетъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ, „загубивши свій віночокъ“. Тогда веселое настроеніе свадебной дружины превращается въ недовольство изло-

бу, благодаря котрої, родителі невѣсти, точно также какъ и самая невѣста, протерпѣвають отъ сладобной дружби самыя несприятныя оскорбленія и досажденія, преражающіяся циническими пѣснями. Иногда одна и та же пѣсня самого просвѣтлаго содержания поговоруется по пѣсьмолку разъ; проговори пѣсню, а въ концѣ прибавить:

А після цієї,
Да виліть за єї,

начинають пѣть сначала ту же самую пѣсню.

Нѣсколько раньше было сказано, что передъ тѣмъ какъ отправляться въ комнату, молодые сидятъ за столомъ. Если невѣста, „дивуючі загубила вінокъ“, и желаетъ поцѣловать тѣхъ многочисленныхъ насѣшекъ, которыя переносятъ потерявшая преждевременно свою дѣвственность, то она встаетъ изъ-за стола, *сознається публично въ своєму проступку и у всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ просить прощенья*. „Простіть, люде добрі, я грішна передъ Богомъ и передъ вами — простіть, люде добрі“. Она подходитъ къ каждому изъ пожелавшихъ мужчинъ и женщинъ, цѣлуетъ у нихъ руки и кланяется на всѣ четыре стороны. Ей отвѣчаютъ: „Нехай тобі Вуйтѣ прощас, не ти одна въ світі.... по цѣму люде будуть“.

Иногда бываетъ такъ, что невѣста, потерявшая свою дѣвственность до брака, не сознается прежде чѣмъ идти въ комнату, и если послѣ обнаружится, ее спрашиваютъ: „Що же це такъ?“ „Не знаю, я не знаю“, отвѣчаетъ она, не находя оправданія; — „я не виновата“. Если при этомъ молодой раньше брака посѣщалъ ее, и она не допускала его до очень близкихъ отношеній, желая замаскировать свою невинность, тогда женихъ беретъ нагайку (которую во многихъ мѣстностяхъ онъ носитъ при себѣ отъ самаго начала свадьбы), бьетъ ее, приговаривая: „Тибѣ зъ разу призналась и людей не воловодила — їди, халавице, и проси людей!“ Невѣста идетъ въ избу и проситъ прощенья точно также, какъ и та, которая созналась прежде, чѣмъ идти въ комнату. Но теперь не слышать оправданія новобрачныхъ на ея родителей, которыя, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ приходятъ въ домъ жениха по большей части брата невѣсты — если у нея есть братья. Братъ, узнавъ о случившемся, начинаетъ бить свою сестру, присутствующіе разнимаютъ ихъ и приговариваютъ: „Годі, годі... цѣго вже не вернешь... Годі тобі битися! Що въ мене впадо, те пропало. Цѣго вже не можна завернути“. Потомъ молодую ведутъ въ комнату, закирають ее на цѣлую ночь и не даютъ ей ужинать. А въ изобъ поютъ:

1 Говорили Оленковскі люде,
2 Що Маруся добра буде;

(Изъ рукъ сб. *Кумиша*).

Хочь їдь, матінко, хочь не їдь,
Во вже донечці роздерь медвїдь,
Да ходїмо до щота,

(Млинновъ, Дубенскаго у.).

1 Пїдъ сосною спала

2 Шнїва въ.... впапа

3 Дологомъ доббакъ, не видобавъ---

3 Вона така добра,

4 Явъ дїрава торба.

Да роздеремо kota;

Занесемо пїдъ перину,

Та зробимо калїнку.

4 Свєрдїамъ вертївъ—не вивертївъ;

5 Всадїмъ шнїву—внїмїмъ шнїву.

(М. Полюное, Новоградвоинск. у., стр. 456 и 457).

Сладобная дружка, придя въ домъ родителей невѣсты, начинаетъ издѣваться надъ ея отцемъ и матерью: отцу на шею надѣвають соломенный хомутъ и подготавливаютъ его свадь кнутомъ, если онъ сопротивляется и не хочетъ идти туда, куда бы отдѣлъ I—12.

желательно было свадебной дружинѣ повести его; потому заставляють его останавливаться сами на крышу, а рожки и старое разъявленное колесо, снимаютъ изъ ятки ворота, набрасываютъ въ мазенную оаию и, разламывая ее съ водою и смолою, вымазываютъ стѣны избы съ стѣнной стороны. При этомъ поютъ:

Ой знати, знати,
Де взяли халыву,

Обмазали дѣгтемъ хату,
И стѣни, и лаві....

Матери надѣваютъ также на голову ршцето, сбрасываютъ ей очки и прочее. Отецъ невесты, претерпѣвая различнаго рода насмѣшки, выражающіяся не только въ словѣ, но и въ дѣйствіи, проситъ у дружины прощенья: „Годи вже, люде добрі, вгдузувати. Простить мене, коли не вмівъ дочку научати. Сідайте лутче за ступль, я васъ пошаную“. Натѣшившись надъ ними, дружина оставляетъ ихъ въ покоѣ, за что родители невесты просятъ ее за столъ и угощаютъ водкою. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ на свадебной дружинѣ нѣтъ ни поясовъ красныхъ, ни лентъ, ни записки на воротахъ, ни „покраси“ на крышѣ, даже, если кто пришолъ изъ дома въ красномъ поясѣ, то и тотъ пышно сбрасываетъ, говоря: „Наша молода не принесла намъ калины, їй покраси не треба“.

Если невеста потеряла до свадьбы свою дѣвственность, и именно съ тѣмъ, съ кѣмъ она вступила въ законный бракъ, и ея признаніе подтвердитъ женихъ, то ей прощаютъ.

Въ настоящее время всѣ эти обычай существуютъ въ Малороссіи только какъ преданіе (стр. 459 и 460).

№ 3.

Обряды, совершаемые въ Черниговской губерніи для удостовѣренія въ цѣломудрїи невесты и для прославленія цѣломудрїя, или для осрамленія нецѣломудрїя.

Дружки и свахи берутъ новобрачныхъ за руки и ведутъ въ „комору“. При этомъ поютъ:

Прилетѣла заставка,
Сіла на хату.
Че, че, че, че, че....
„Ой, чи тобі істи?“
„Нѣ хочу“.

„Ой, чи тобі пята?“
„Не хочу“.
„Одчинште воморочку“,
„Спать полечу“.

Мать молодой, когда она отправляется въ свекру съ женихомъ, даетъ одной изъ свахъ чистую рубашку. Теперь эта сваха, приведши молодую въ „комору“, снимаетъ съ нея всѣ дѣвчїе уборы, раздѣваетъ ее до гола, надѣваетъ на нее чистую рубашку, которую дала мать молодой. Дружки въ это время следятъ постелью молодымъ. Когда все уже готово, то дружки берутъ за руки молодого и молодую, сводятъ ихъ въ одинъ уголъ „коморы“, они ложатся спать, ихъ укрываютъ и уходятъ всѣ изъ „коморы“. Въ это время во всемъ домѣ водаряется тишина. Свадебные или уходятъ домой, или же, сидя тихо, ожидаютъ молодыхъ изъ „коморы“. Черезъ часъ, или два, мать молодого, узнавъ, что новобрачные встали, берутъ водку и спѣшатъ въ „комору“. Здѣсь она угощаетъ водкою дружекъ, при-

данокъ и свахи. Свахи снимають съ молодой рубашку, въ которой она почила. Эту рубашку рассматриваютъ все, находящіяся въ „коморѣ“. Сваха, послѣ этого, кладетъ эту рубашку въ позу старшему дружку, который несетъ ее сейчасъ въ хату. При этомъ поютъ свахи и приданки:

Честъ наша, хвала наша,
Наша (имя рекъ молодой) честна!
Честноу вышла,
Честъ дорога!

Молодая, одѣвшись, даритъ въ „коморѣ“ приданокъ лентами, а приданки, получивъ подарки, поютъ:

Чортъ не приданки,
Не вломны лавки,
Не зробны славки!

Между тѣмъ старшій дружокъ танцуетъ въ хатѣ, держа въ правой рубашку. Протанцовавъ, выливъ двѣ-три рюмки водки, дружокъ кладетъ на столѣ рубашку перевязанную красною лентою. Въ это время въ хату входятъ новыя брачныя, при чемъ свахи поютъ:

1) Темного дугу камина,
Чесного роду дѣтина,
При собі смущеня носила!
Прохали хлопці—
Вона не дала.
Куповали купці -
Вона не продала,
Крипка на удачу була!
Шовкомъ вишеньки звязала
Да держала (имя рекъ молодой). | 2) Дорогій каменю (имя рекъ молодой).
Чирвоее да намисто (имя рекъ молодой)
Положу я да на рученьки,
Да пригорну я до серденька близенько!
— Серденько мишенько,
Да присунься близенько,
Да будемо розмовляти,
Якъ у світі проживати! |
|--|--|

Во время пѣнія этихъ пѣсень дружки водружаютъ на воротахъ молодого красной флажъ. Старшій дружокъ приноситъ „коровой изъ коморы у хату“, гдѣ всѣ его ожидаютъ, сидя за столомъ. Во время раздачи подарковъ, или какъ у насъ выражаются, „отдарковъ“ со стороны родственниковъ молодого, поютъ:

Ой, гуляйте, братцы, гуляйте, За мою родною сестрицею, Да за її русою косою! Золотая шкаруночка у її на голові, Чирвоная каминонька у її на имені	Да не славная тая, Що на голові; А славная— Що на пелені.
---	--

Послѣ всего этого, новобрачные отправляются пѣшкомъ въ домъ молодой; имъ сопутствуетъ старшій дружокъ, который несетъ рубашку молодой, чтобы показать ее матери молодой. Молодой и молодая нѣско кланяются отцу и матери молодой, при чемъ отецъ получаетъ „курницъ жареной куприксъ“, мать „головку“, братъ ея „крыльца“. При этомъ каждому подносятъ „по вирожку“.

Послѣ всего этого, родители угощаютъ пришедшихъ водкомъ. Послѣ этого старшій дружокъ, вышивъ рубашку у матери молодой, ведетъ молодыхъ къ молодому, гдѣ ихъ угощаютъ, а молодую „дидманиваютъ калачемъ“. При этомъ одинъ изъ сватовъ подноситъ молодой на деревянной „таракѣ“ медъ и бѣлый хлѣбъ;

молодая отказывается, не смотря на просьбы окружающих. Только послѣ многократныхъ просьбъ она соглашается „отвѣдать меду и блага хлѣба“.

Цѣломудренность и нецѣломудренность обнаруживается рано въ понедѣльникъ, или же ночью съ воскресенія на понедѣльникъ. Нецѣломудренность невѣсты — хотя ни кѣмъ изъ толпы не одобряется, однакожь никто не имѣетъ права (даже родители молодой) ее наказывать: теперь господиной ея — мужъ, который будетъ казнить ее и миловать.

Если мужъ предъ старостами и друзьями беретъ преступленіе своей невѣсты на себя, то свадьба будетъ „игратся“ вся за нею, какъ и зацѣломудренной (честною). Если мужъ не беретъ на себя преступленія молодой, то, по выходѣ изъ „коморы“, онъ беретъ казацкую нагайку, съ которою ѣдаль проситъ своихъ родственниковъ на свадьбу, бьетъ молодую до тѣхъ поръ, какъ выражается очевидецъ, пока „тѣло на ней не сдѣлается чернымъ, какъ земля“. При этомъ всѣ свадебные расходятся, а на воротахъ дружки водружаютъ рогожу или же вѣшаютъ „мазильцо“. Вотъ и все наказаніе не цѣломудренной за ея преступленіе.

Если родственники и вообще всѣ свадебные не уйдутъ при наказаніи молодой, то свадьба продолжается, только уже поютъ не тѣ пѣсни, какія поются за цѣломудренной. Такъ, въ „коморѣ“ поютъ:

1) За ступлю була,	Якъ пойдю я корови доити—
Вастукала була,	А корова избисилася
Застукали її	А пелена задубилася.
Сужили сини!	Треба мині шаповальца,
2) Дала мене мати замужъ молодю,	Треба мині коновалька,
Дала мині корову рябую,	Щобъ на струну ударивъ,
Дала мині дойницю новую.	Да и тую поправивъ.

Послѣ наказанія молодой свахи поютъ:

1) Лиш кашу крупляную,	2) Водай тебе, да морозоньку,
Взяли дівку подраную.	Зморозивъ мов ноженку,
Лиш кашу не впрітую,	Ще й чирвоную да калионьку,
Взяли дівку не цілую.	Запечаливъ всю родиноньку!
Загонили кулики у вершу,	
Ой хто тебе починавъ спершу?	

Противъ эти пѣсни, дѣляютъ „коровай“, при чемъ поютъ:

1) Загоняли кулики у вершу,	Я кажу: бугай....
Ой хто тебе починавъ спершу?	А вінъ каже: лягай.
— Старці въ хівці.	Дерь, сухо-деръ!
2) Ище сонце не заходить	Да и питає мати у дочки
Дерь, сухо-деръ!	— Чи давала хлопця трощечки?
Вийшла мати, вийшла я,	Дерь, сухо-деръ!
Заганяли бугая.	Тобі мамо не питати—
Дерь сухо-деръ!	А хороше хлопця—
Я кажу: біцю, біцю....	Давъ треба дати.
А вінъ мене підъ смідинцю.	Дерь, сухо-деръ!
Дерь, сухо-деръ!	— Я тебе не питала,
	Якъ ти батьку давала:
	Дерь, сухо-деръ!

Послѣ этого, молодая со своимъ мужемъ идетъ къ своимъ родителямъ, ихъ сопровождаетъ дружокъ, который показываетъ матери молодой рубашку. Женихъ и невеста нѣско кланяются отцу и подносятъ ему „сельдь“ или „таранку“, матери тоже „сельдь“ или „таранку“, братьямъ „по сельдю“ или „по таранкѣ“. Послѣ этого матери сваты надѣваютъ на нею за столомъ „хомуть“ безъ „гузовъ“. Если отецъ молодой не уйдетъ изъ хаты, получивъ „сельдь“ или „таранку“, то „сваты“ надѣваютъ на нею ему „хомуть“ безъ „гузовъ“. Если отца нѣтъ въ жилищѣ, то матери молодой надѣваютъ „хомуть“. Если отца и матери молодой нѣтъ въ жилищѣ, то „хомуть“ надѣваютъ одному изъ родственниковъ или одной изъ родственницъ молодой. Этимъ и оканчивается свадьба нецѣломудренной невесты: нѣтъ ни „перевозовъ“, какъ у насъ выражаются, не бываютъ молодые ни у друзей, ни у сватовъ, словомъ нигдѣ.

По словамъ очевидца, на свадьбѣ у нецѣломудренной невесты „смутно, нелегко“. „Сама молодая“ сидитъ за столомъ, „якъ куть на глини, вылучивши очі“, замѣчаетъ очевидецъ. (Наблюденія, сдѣланныя и записанныя въ Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда, въ селѣ Олговѣ, бывшимъ студентомъ Новороссійскаго университета *М. М. Журавченко*).

Ж 4.

Нужно замѣтить, что къ вечеру гости собираются уже значительно выпивши и похмели, а потому на закуски и выпивку, которыми стоятъ передъ ихъ носами, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, все же вниманіе обращено исключительно на приготовленіе невесты къ брачному ложу и на сопровождающіе это приготовленіе тосты. Уже полночь или даже больше, значить наступило время, когда люди чувствуютъ восторгъ ко сну; невеста то и дѣло, что плещить глазами; замѣтивъ это, свахи поютъ пѣсню:

Ой знати, знати,
Хто хоче спати!
Оченьки плещить,
И рученьки опустить.
Що Наталочка Ванечку просить:
Ванечко, серденько, да вели постель спати.
Да веди мене спати,
А якъ не поведешъ,

Я до батька утечу.
Наталочко, серденько!
Дамъ тобі зімлячка,
Къ широму сердечку.
Якъ покоштуєшъ,
Тамъ и зачочуєшъ,
А якъ расмануєшъ,
Такъ и моя будешъ.

Когда свахи ставятъ постель, поется слѣдующая пѣсня:
Ми постель слали,
Въ середину рожки глали,
А сів рожки
Да Наталочки міжъ ножки.

Цвітами постеленъка шита,
Чи не будешъ ти, Наталочко, бита.
Кажеться не болясь,
Да на року сподівалась.

Потомъ вся компанія, а въ иныхъ мѣстахъ только избранные ведутъ молодыхъ спать. Введя въ амбаръ, раздѣваютъ молодую до нага, одѣваютъ ее въ чистую рубашку, вспихиваютъ на постель и уходятъ. Когда молодые спятъ, въ это время въ хатѣ слышутъ и поютъ пѣсни, преимущественно слѣдующія:

<p>1) Ракъ по бережку лазить,
Шуку, рыбочку разить:
Моя щучка, моя рыбочка!
Разставь ножки,
Якъ коза рожки,
Дай мнѣ показати,
Весь родъ изжуражити.
Да маленькій раче,
По ботечки скаче,
Зазирае въ вороночку,
Щобъ умочитъ головочку.</p> | <p>2) Да накачивайтесь тележки,
Наостритесь жегъваки,
Да будемо орати ціліну,
Да будемо сіяті ярину.
Нехай наша Яриночка зеленіе,
Нехай наша родиночка веселіе,
Нехай наша Яриночка побуае (растеть)
А наша родиночка погулае.</p> |
|--|--|

Въ то время, когда молодые улягутся спать, кто-нибудь стоитъ подлѣ дверей амбара, ожидая окончанія супружескаго акта и слѣдующаго затѣмъ сигнала отъ молодого, чтобы входить. Когда сигналъ поданъ, *вся пирующая компанія идетъ въ амбаръ и первое свое вниманіе обращаютъ на рубашку молодой, если она окажется въ крови, радость общая.* Эту рубашку снимаютъ, а невестѣ даютъ другую; въ то же время поютъ пѣсню:

Спасибі жъ тобі да морозенько,
Що не заморозивъ да калиноньки,
Не засмутивъ нашей родиноньки.

Потомъ слѣдуетъ торжественное шествіе молодыхъ въ хату, сопровождаемое всею компаніей съ музыкою и пѣніемъ. *Въ хату выбираютъ самое видное мѣсто и на немъ вышлютъ рубашку, притомъ, чтобы кровавое пятно на рубашкѣ, свидетельствующее о цѣломудрости молодой, прежде всего бросалось въ глаза всемъ и каждому. И вотъ, старъ и младъ, отшатъ собственными глазами удостовѣриться въ цѣломудрости невесты, каждый подходитъ и подвергаетъ внимательному осмотру кровавое пятно.* Потомъ начинаются самыя безобразныя оргіи, подхватываютъ рубашку въ руки и бѣгаютъ съ нею по лавкамъ и столамъ, сопровождая это бѣганье пѣніемъ:

- 1) Да спасибі жъ Богу да за теб,
Що любилисъ діточки да обоє,
Да въ садъ виноградь ходили,
Винни черешни домали,
Да на тихій Дунай пускали.
Ой тихій Дунай, Ванечко
Червоная калиночка, Наталко!
Ой казали люде,
Що вона не добра буде,
Ажъ вона добресенька,
Якъ рожа повненька
Всѣму роду веселехонько.
- 2) Що брехали брехуночки,
Якъ нашу Наталочку спать клали,
А теперъ же вони пошвѣли,
Якъ на червону калиночку поладѣли.
- 3) Темного луку калина,
Честного батька дітина.

Вона нездивно ходила,
 Да при собі смужковъ носила;
 Казали люди, що вона не добра буде,
 Ажъ вона добресенька:
 Купували кунці,
 Не продала,
 Просили хлопці,
 Не дала.
 Да въ садочку лежала,
 Шовкомъ ноженъки звязала,
 Да звязала ноженъки въ недѣлку,
 Да держала Ванечки къ понедѣлку.

4) Молодець Ванечка королевъ синь,
 Червону калиноньку потрусивъ,
 Богъ ему помогъ изъ неба,
 Якъ ему треба.
 Молодець Ванечка гнувъ калину не нагнувъ,
 Иакиъ на вершокъ, разчахнувъ.
*Оцежъ тобі Наталочка калинонька,
 Щобъ була весела наша родинонька,
 Щобъ наша родинонька погуляла.*

Когда-же невіста оканється обещанною рамьше, поють эти пѣсни:

<p>1) Бодай тобі да морозенько,
 Изморозивъ нашу да калиноньку,
 Засмутивъ ты нашу родиноньку.</p> <p>2) „Да не дивомъ дивовати,
 Да такажъ її мати,
 Да внесить-же її клястри,
 Да такжъ її сестри,</p> | <p>Да пустить-же її на воду
 Да такого-жъ вона роду.*</p> <p>3) Піть сосною спала
 Шнишка въ впаля
 Ты матенько хоть ідь, хоть постой
 У твоей донечки якъ постоль,
 Хоть ідь, хоть не ідь,
 У твоей донечки якъ медвідь.</p> |
|--|---|

Всѣ эти пѣсни поють по нѣскольку разъ сряду. При этомъ случается такъ, что одна партія поеть одну пѣсню, а другая—другую, такъ что врядь-ли кто ни-будь изъ слушающихъ можетъ понять хоть одно слово.

(Записано по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ с. Городищѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи г. Максимовичамъ.)

№ 5.

Молодыхъ выводятъ изъ-за стола на дворъ, на проходѣ, какъ говоритъ, молодого — старшіе дружки, а молодую — старшія приданки. Побывши нѣкоторое время на дворѣ, молодые входятъ въ хату, кланяются отцу и матери. Молодая опять уходитъ изъ хаты, говоря: „На добро-ничъ вамъ добре люди!“ За невістою, которая отправляется въ комору спать, идутъ всѣ гости съ женой, раздѣваютъ молодую, снимають рубаху, расклинають косу, вынимають сережки, снимають на-место и осматриваютъ въ заключеніе, чтобы у молодой положительно ничего не

было, потомъ надѣваютъ ей другую чистую рубашку; это дѣлается въ присутствіи всѣхъ гостей. Молодой садится на постель, а молодая обраскиваетъ его сапоги, въ одинъ сапогъ бросаютъ жито, а въ другой деньги. Раздѣвается наконецъ и самъ женихъ, беретъ молодую въ поперекъ и кладетъ ее въ постель. Приданки накрываютъ ихъ и затѣмъ всѣ уходятъ въ коморы. Когда молодые уже спать, въ это время въ хатѣ поютъ слѣдующія пѣсни:

Що въ полі грушка нетрушена,
А наша Марисечка верушена.
Да хто-жъ нашу грушку потрусить,
Та й нашу Маричку порушить.
Теперь нашъ не сякъ, не такъ (то-есть, не знаємъ—дѣвственна-
ли невѣста, или нѣтъ).

Внести жотокъ нитокъ.
Будемо нитки мотати,
Думки гадати;
Будемо ниточки вити,
Да горілочку пити.

Когда молодые улягутся спать, то старшій дружокъ остается на дворѣ подлѣ дверей коморы, ожидая окончанія операціи лишенія невинности. Послѣ того какъ женихъ кончитъ ее, даетъ сигналъ. Старшій дружокъ входитъ одинъ, осматриваетъ невѣсту и, найдя ее честною, зоветъ отца и мать жениха. Когда они явятся, невѣста встаетъ съ постели и кланяется имъ, а также и всѣмъ гостямъ, которые явятся спустя нѣкоторое время. Когда присутствующіе удостовѣрятся въ цѣломудренности невѣсты, приданки поютъ эти пѣсни:

1) Ходили гусочки по новині,
Брекали брехуночки объ мні,
Годи брехуночки брехати.	Просили хлопці,
Вона не дала,
Куповали купці,
Не продала.
2) Темного куста калина,
Доброго батька дітина:
Хоть вона по ночи ходила,
При собі смушокъ носила	Шелкомъ ніженьки звязала.
Звязала ніженьки въ недѣлку,
Держала Ванечка въ понедѣлку.

Послѣ того снимаютъ съ молодой рубашку, въ которой она спала, и надѣваютъ чистую, а эту старшая приданка несетъ въ хату, кладетъ на приготовленный среди хаты столъ, кругомъ котораго начинаютъ ходить и пѣть:

1) Забуркала пташечка
Корогода водить,
Свату лавки ломать,
И лавочки при лабоди
Червоної китанчки. | 2) Ми відгівъ да не відідемо,
Корогода не водивши,
Свату лавокъ не ломавши,
Ободономъ да не бивши,
Горілки не пивши. |
|--|--|

Послѣ этого *выбираютъ видное мѣсто въ хатѣ, вѣшаютъ на немъ рубашку невѣсты*, а сами садятся за столъ. Сидя за столомъ, поютъ:

Горілки, свату, горілки! Да було не брати у насъ дівки, Да було не вертати дерики, Хто хотівъ, той вертівъ, Кому вирчено, той тернівъ.	Горілки, свату, горілки! Загорівся хвартухъ у дівки, Нехай горить до пуга, Щобъ наша сманочка да не сжука.
--	---

Потомъ молодне ужидаютъ и идутъ опять спать; гости также разрѣшаются во домамъ.

Когда окажется, что невіста нецѣломудренна, то гости ея стараются какъ можно скорѣе убраться во своасы, такъ какъ *всѣмъ молодогю дѣлають имъ всякаго рода радости, въ родѣ того, что вымазываютъ детямъ возы и т. п.* Гости молодой же прѣизказъ къ ея матери, дѣлать тамъ то же самое, то-есть, *надеваютъ ей или ея мужу хомуты, мажутъ видныя мѣста детямъ и т. п.*

Когда гости молодой уѣзжаютъ со двора жениха, ея мать кричитъ вождѣ имъ,

Буре гуси и вошка пашня!
Не чуйте, що до мене въ двірѣ
Шельма вривна.

Когда женихъ чувствуетъ себя неспособнымъ для перваго супружескаго акта, тогда говорятъ объ этомъ боярину, который зоветъ старшихъ приданокъ и вмѣстѣ съ ними поднимаетъ молодую; въ то же время одна изъ присутствующихъ адѣкъ женщины вкладываетъ два пальца и разрѣшаетъ дѣвственную плеву. Кромѣ тѣхъ пѣсень, которыя поются, когда невіста окажется цѣломудренною, поются въ такомъ случаѣ нѣкоторыя и еще другія весьма непристойнаго содержанія.

(Записано по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ с. Симограхъ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, г. Максимовичемъ.)

№ 6.

Обряды, совершаемые въ Полтавской губерніи для удостовѣренія въ цѣломудріи невісты и для прославленія цѣломудрія, или для осрамленія нецѣломудрія.

Предъ отправленіемъ въ камору новобрачные кланяются етиу, который отбираетъ у нихъ икону и хлѣбъ, съ которыми они шли къ свекру, а также кланяются матери. Дружокъ, давъ имъ платокъ въ руки, ведетъ въ камору. Введя ихъ туда дружокъ выходитъ, остаются женихъ, невіста, двѣ или одна свахи. Свахи снимаютъ съ невісты всю одежду и надѣваютъ рубаху, принесенную отъ матери невісты. Затѣмъ выходятъ и гуляютъ въ домѣ свекрови. Въ это время поютъ:

Марушко ягода!
Чась тобі, ягода, впасти,
Батькови вѣсточку принести,
А въ тебе батинно старенькій
Винъ твоій вѣсточкы раденькій.

Другая:

Посидіте, сусидонькі, посидіте,
Ви моє гостинця подождіте,
Якъ пшеничний, той — вамъ дамъ,
А якъ лпний, нехай тамъ.

Третья:

Цытати востилъ шита,
Марусенько, чи не будешь бита?
Надіюся, не бѣдѣя,
Изъ соромѣ викупишя.

Четвертая:

Бреди, Марьечку, бреди,
Не бійся холодної води,
Высомо підинайся,
Изъ сорому викупайся.
Кашетоя не боюся
Изъ сорому викупайся.

Черезъ нѣсколько времени свахи или дружокъ подходятъ къ коморѣ и спрашиваютъ новобрачныхъ, можно ли войти; получивъ согласіе, входятъ, и свахи снимаютъ съ невѣсты рубаху (при чемъ дружокъ не присутствуетъ). Когда невѣста окажется цѣломудренною, то *перевязываютъ красной лентой рубаху*, которую невѣста беретъ въ руки, становится на порогѣ коморы или хаты и поетъ:

Не бійся, матицько, не бійся,
Въ червони чобитки вбуйся,
Тоши вороги підъ ноги,
Щобъ твои піженьки були здорови,
Щобъ підкови брягали
Щобъ вороги мовчали.

Потомъ *дружокъ беретъ рубаху съ полу и обводитъ новобрачныхъ вокругъ стола три раза* съ той же пѣсней, какую пѣли новобрачные, затѣмъ садятся, пьютъ водку и идутъ къ родителямъ невѣсты. Прежде чѣмъ идти къ родителямъ невѣсты, старшему боярину даютъ хусточку на тарелку, калачикъ, калину, денту и просятъ къ отцу невѣсты съ извѣстіемъ, что невѣста хороша. По дорогѣ поютъ ту же пѣсню или же слѣдующія:

Годі вамъ вороги брехати,
Та йдуть калини ломати,
А въ насъ калини съ квітками,
Врешети, вороги, съ дітками.

Другая:

Ой піду я въ лугъ по калину,
Та вирву я съ калини вітку
Та застромя білу вашилку.
Потхесеньку, помалесеньку,
Щобъ тихъ агідокъ не подавити
Щобъ того роду не разнивити,
А въ мене весь рідъ рідний,
А въ мене свекоръ коризний,
А въ мене чужа мати,
Щобъ не вигнала съ хаты.

Приходятъ къ отцу невѣсты. якъ батько встрѣчаетъ съ хлѣбомъ-солью; входятъ всѣ въ хату; дружокъ обводитъ ихъ во кругъ стола три раза, адѣсь они садятся, послѣ чего раздають подарки. Подарки состоятъ изъ платковъ, которыми перевязываютъ руки какъ дружковъ, такъ и дружекъ. Во время раздачи подарковъ, *дружокъ отдастъ матери рубаху*, затѣмъ ужинають. Послѣ ужина отправляются къ свекру съ пѣснями съ ташами, калія или, когда или къ отцу невѣсты, Тутъ преимущественно поютъ вышеприведенную пѣсню: „Ой піду я въ лугъ по калину“. По приходѣ къ свекру ужинають (а иногда и поють) и затѣмъ расходятся.

Въ понедѣльникъ собираются утромъ у свекра и поють разныя пѣсни, а бояринъ беретъ красную записку и вѣшаетъ на деревѣ или на какомъ либо видномъ мѣстѣ, какъ вытѣску цѣломудрія. После веселья, утромъ же въ понедѣльникъ, если невѣста цѣломудренна, отправляются наоборотъ въ церковь; здѣсь священникъ накрываетъ невѣсту платкомъ.

Остается сказать объ обрядахъ и пѣсняхъ, употребляющихся тогда, когда отероется нецѣломудренность невѣсты.

Когда невѣста окажется нецѣломудренною, рубахи не снимаютъ, а надѣваютъ очіпокъ; при чемъ иногда женихъ, свекоръ или кто либо изъ родственниковъ побьетъ, а иногда только осрамитъ. Невѣста входитъ въ хату свекра, кланяется и проситъ прошенія. Затѣмъ уходитъ съ женихомъ въ комнату и тамъ спитъ, если тепло, а если холодно, то идутъ къ сосѣдямъ, а у свекра кто останется, поють и поють пѣсни слѣдующія:

Заговяй квочку въ бочку,
А курчата въ вершу,
Признайся, кому давала спершу?
Давала старцамъ,
Голымъ сліпцямъ,
Савці на лавці,
А молодому на останці.

Другая:

Кажуть люди, мони
А дежъ тії дѣточкі берутця,
Чи съ соломочки, чи съ поповочки
Чи съ яшнаго куля, чи съ поповаго.

Третья:

Ой баране, баране,
Та приде до мене заране,
А я тобі заплачу,
Ше й ковбасу притячу.

Четвертая:

Ой староста, староста,
Та не дай курци зарости,
Та съ заду, та съ переду.
Дастъ тобі курка меду.

Пятая:

Тя-тя-тя курочка, тя-тя-тя,
Четыре ноги въ купу,
А пята корочка
Одъ всіхъ солодча.

Шестая:

Бодай тобі та морозеньку,
Поморозень та калничку,
Та розгнѣвуй всю родинючку,
И близьку, и далеку,
И матинку рідненьку.

Осѣбья:

Ой у мене чоловік ривиний,
Береже поцьки гірше ниви,
Нива проса народити,
Поцька дітей наплодити.

Отъ свекра женихъ и невѣста, возвратившись изъ коморы или отъ сосѣдей, идутъ въ домъ невѣсты. Когда идутъ, то поютъ разнаго рода соблазнительныя пѣсни. Придя въ хату, невѣста кланяется, при чемъ отецъ или бьетъ невѣсту, или же только срамить, когда женихъ не дастъ бить. Потомъ они садятся возлѣ стола и пьютъ съ пѣснями; поужинавъ, расходятся по домамъ, а потомъ вечеромъ въ понедѣльникъ собираются къ свекру, и тутъ, въ иныхъ мѣстахъ, *надѣваютъ на шею матери невѣсты хомутъ, состоящій изъ связки бубликовъ* (это въ настоящее время, а прежде надѣвалась просто головка хомута). Затѣмъ, когда напьются, бьютъ горшки, наносятъ въ хату соломы, расколупываютъ прищепокъ до самаго дерева, колупаютъ также и потолокъ. Все это дѣлаютъ въ обонхъ случаяхъ когда цѣломудренна, и когда нѣтъ. Въ первомъ случаѣ — на радостяхъ, во второмъ — во гнѣвѣ. Точно также боярина посылаютъ къ отцу невѣсты въ обонхъ случаяхъ, когда хороша, и когда нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, ему въ руки ничего не даютъ. Въ сосѣднемъ съ м. Камышинимъ, с. Остаповѣмъ практикуются нѣсколько ниже обычаи.

(Записано стипендіатомъ университета св. Владимира Л. С. *Бьлоричь-Котлярескимъ*, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ м. Камышинѣ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи).

№ 7.

Когда невѣста со своимъ женихомъ отправляется къ нему, то вслѣдъ за ними ѣдутъ нѣсколько верховныхъ, людей близкихъ невѣстѣ, стараются пока быть никѣмъ незамѣченными, и тамъ наблюдаютъ за всѣмъ происходящимъ, изъ чего можно было бы заключить — цѣломудренна ли невѣста, или нѣтъ; если первое, то ихъ приглашаютъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что они должны быть не далеко и наблюдаютъ, и оказываютъ имъ самый дружескій привѣтъ и даже почѣтъ; если же второе, то они должны удирать, иначе будутъ биты; старики же сидятъ у себя и не ѣдутъ къ зятю, пока не узнаютъ благополучно, или нѣтъ; если первое, то за ними присылаютъ лошадей, если же второе, то *естъ гости зятя, отецъ его и мать подутъ къ старикамъ невѣсты и дѣлаютъ разныя безчинства: пробиваютъ въ печи дыру, обмазываютъ стѣны грязью, бьютъ окна, што нибудь изъ бояръ мѣзетъ на крышу хаты съ ведромъ воды и оттуда каждому раздаютъ воду, что означаетъ продажность изъ дочери.*

(Записано однимъ студентомъ юридическаго факультета университета св. Владимира по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи).

№ 8.

Обряды, совершаемые в Киевской губернии для удостоверения в целомудрии невесты и для прославления целомудрия, или для оорамления нецеломудрия.

Съ наступленіемъ вечера совершаютъ обрядъ отвода молодыхъ въ комнату¹⁾. Обрядъ этотъ начинается старшій бояринъ, говоря: „Господи, благослови, и ты, свате и свахо, благослови молодыхъ въ комнату заводитъ“. Послѣ чего надѣваютъ на молодыхъ чистое бѣлье и ведутъ ихъ въ комнату, двери которой со внутренней стороны женихъ крѣпко запираетъ. Подгулявшая толпа, особенно *злотцы*, подходятъ въ это время къ дверямъ, окнамъ и проч., чтобы подслушать, издастъ ли молодая крикъ, или же нѣтъ?... Когда женихъ отворитъ дверь, свахи входятъ въ комнату и разсматриваютъ рубаху невесты. Въ случаѣ признаковъ честности, *рубашку кладутъ на тарелку и показываютъ ее „батьковнѣ“, матери, сватамъ и проч. Въ это время въ честь невесты свахи поютъ пѣсни, въ которыхъ выхваляютъ стойкость и целомудренность ея; въ это же время украшаются свахи, свахи, дружки и проч. красными лентами, какъ символъ честности невесты; вывѣшиваютъ даже на крышѣ дома красную ленту. Во время этой церемоніи молодая, перевязанная красною лентою и завязанная уже платкомъ, какъ женщина замужняя (завязываютъ молодую платкомъ въ коморѣ), садится за столъ между мужемъ и своею матерью. Мать цѣлуетъ ее три раза въ голову, говорить: „Спасибя тобі, доню, що збавила мене отъ сорому; гляди якъ дождешъ своихъ дочокъ, дивись за ними такъ, якъ я за тобою дивилась“. Послѣ этого гуляютъ, пьютъ, веселятся (въ полномъ смыслѣ этого слова до самаго утра).*

Совершенно иной характеръ *весілля* — въ случаѣ нечестности невесты. Запершійся въ коморѣ мужъ, когда убѣдится въ нечестности своей невесты, начинаетъ бить ее самымъ жестокимъ образомъ; разказываютъ, что нерѣдко приходится разламывать двери коморы, чтобы только защитить молодую отъ ея разъяреннаго мужа. Впрочемъ, большая или меньшая степень наказанія въ этомъ случаѣ не есть требованіе народнаго права, а слѣдствіе темперамента и характера мужа; мужъ съ болѣе мягкимъ характеромъ ограничивается нѣсколькими ударами; болѣе же строгій мужъ избиваетъ свою жену до полусмерти (иногда даже отливаетъ ее водою). Мало того: не только жену, но тещу и тестя бьютъ, за то, „*що не зміли дочки своєї очити*“. Во время этой расправы свахи поютъ срамныя пѣсни, а паробки, приготовляють нѣсколько соломенныхъ „*гомутовъ*“, намазанныхъ смолою и разными задостями, *набрасываютъ ихъ на головы тещи, тещи, свахи и т. п.; такой-же гомутъ вывѣшиваютъ и на дымъ, или же „мазницею“ вмѣстѣ гомутомъ. Послѣ этихъ церемоній, также какъ и въ случаѣ честности невесты, веселье продолжается цѣлую ночь.*

На другой день, часовъ въ 9, молодые вмѣстѣ съ сватами и боярами идутъ на „*выводимы*“ въ церковь. Священникъ освѣдомляется о честности невесты

¹⁾ Предъ отводомъ въ комнату, всѣ дѣвушки расходятся по своимъ домамъ; остаются только мужчины, паробки, женщины замужнія, бабы и проч.

если она оказалась нечестною, *подвергается ее известному наказанию, большее частью—заставляет ползати три раза вокруг церкви на коленяхъ.*

Это покаяніе, впрочемъ, не вездѣ практикуется; вмѣсто него священникъ часто обязываетъ молодую поработать у него дней нѣсколько, какъ бы въ наказаніе за нечестность. Словомъ, наказаніе, налагаемое священникомъ, во первыхъ, зависитъ отъ его усмотрѣній, вторыхъ, есть больше слѣдствіе вліянія религіи, а не народно-бытоваго права. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ священники меньшіе спекуляторы, совершенно иногда не опредѣляется наказанія при *сводинахъ* ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ селахъ есть обычай идти на выводины въ сивыхъ шапкахъ, при чемъ эти шапки надѣваютъ не только мужчины, но и женщины. Изъ церкви вся компанія отправляется въ корчму; погулявши здѣсь нѣсколько времени, возвращается въ домъ невѣсты и продолжаетъ веселиться до вечера. Вечеромъ перевозятъ молодую съ ея приданнымъ къ жениху; *если она оказалась нечестною, на дорогѣ, идѣ она имѣетъ прозжаться, ставятъ нѣсколько кулей и зажигаютъ ихъ; по народному обычаю, нечестная молодая должна пройти чрезъ горящія куми.* По приѣздѣ въ домъ мужа также соблюдаются нѣкоторые обряды: въ случаѣ молодая вышла честною, она, войдя въ домъ, садится за столъ между мужемъ и своею матерью. Мать, ласково обращаясь къ ней и цѣлуетъ ее три раза, благодаритъ за то, что избавила ее и весь свой родъ отъ „сорому“; съ такою же благодарностію обращается къ ней отецъ, сваты и проч....

Если же молодая нецѣломудренна, то она, войдя въ домъ, не идетъ къ столу, а подползываетъ на коленяхъ подъ столъ, изъ-подъ котораго должна показывать свое лицо. Мать всякій разъ, когда молодая выдвигаетъ голову, бьетъ ее по лицу, это продолжается до тѣхъ поръ, пока мужъ не запретитъ бить.—Бываетъ, говорятъ, и такъ, что мужъ не позволяетъ бить свою жену, говоря при этомъ: „Було, мамо, въ себе вчты и быты, а въ моей хатѣ я никому не дамъ своей женки быты“. Послѣ чего молодая выходитъ изъ подъ стола и садится около своего мужа. Этою церемоніею и заканчивается собственно *весіме*; продолжаютъ еще пьянствовать долго, дня три, а иногда четыре, но это не сопровождается уже какими обрядностями.

(Наблюденія записаны кандидатомъ правъ С. В. Карчинскимъ въ Черкасскомъ уѣздѣ Киевской губерніи).

№ 9.

Узнать цѣломудріе невѣсты считается столь великою необходимою, что если женихъ почему либо окажется неспособнымъ совокупляться съ невѣстою (неспособность объясняютъ разговоромъ со стороны врага), то долженъ совокупиться старшій бояринъ, который бываетъ всегда пожлой мужчиною, женатымъ и почетнымъ человѣкомъ въ обществѣ. Такому человѣку нужно явно нарушать свою вѣрность женѣ и совокупляться съ невѣстою. Такой поступокъ не считается грѣхомъ.

¹⁾ Говорятъ, что во время существованія крѣпостнаго права болѣе строгіе священники, въ случаѣ нечестности невѣсты, отправляли молодухъ со сватами и свекрами къ маму или же къ его зятому; послѣдній наказывалъ рожнами молодухъ, отца и мать ея за оказавшуюся нечестность.

Дома нецѣломудренной невѣсты и жениха, лишаются права выѣски красныхъ поясовъ при дымовыхъ трубахъ на другой день *вселя*, и вообще ношенія красныхъ лентъ невѣстою и дружками. И самъ женихъ и его боаре не имѣютъ права носить красные поясы. Даже не возлагается на корову калина, и курица не украшается калиною. Все имѣетъ сумрачный видъ. Распѣваются только пѣсни, цѣль и содержаніе которыхъ пристыдить мать за несмотрѣ за дочерью. Невѣста тоже, стоя у печи, должна пѣть пѣсню, въ которой она проситъ извиненія у матери, и вмѣстѣ съ тѣмъ, утѣшаетъ мать обѣщаніемъ быть доброю хозяйкою. Отцу же не цѣломудренной невѣсты не имѣется въ вину, хотя онъ самъ и чувствуетъ срамъ.

Но все это выводится теперь. По причинѣ дороговизны водки, разчетливые родители не дѣлаютъ никакого веселья, а еще передъ вѣчаніемъ объявляютъ молодымъ, что веселья справить не будутъ. Зажиточные крестьяне еще держатся стариннаго обычая. Иногда веселье бываетъ черезъ двѣ недѣли по вѣчаніи, а до тѣхъ поръ новобрачные не имѣютъ права вмѣстѣ спать.

(Записано учителемъ *М. Криминскимъ* по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ с. Думицахъ, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи.)

А. Ежотавовскій.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАРОДНЫЕ
ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ
ИНОРОДЦЕВЪ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

STATE OF ILLINOIS

CHICAGO, ILLINOIS

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ

Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Предисловіе.

Въ 1869 г. въ г. Архангельскѣ издава иѣстными статисти-
ческими комитетами 1-я книга Сборника юридическихъ обы-
чаевъ Русскаго населенія Архангельской губернии. Составитель
этого сборника, П. С. Ефименко, общалъ изложить впоследствии
и юридическіе обычаи инородцевъ, обитающихъ на крайнемъ
Сѣверѣ: Лопарей, Кореловъ, Эзрякъ и Самоѣдовъ. Необходимость
сосредоточить весь свой трудъ на юридическихъ обычаяхъ Рус-
скаго населенія губернии, для которыхъ получены были богатые
материалы въ видѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, сдѣлокъ и до-
говоровъ, записанныхъ въ книги волостныхъ правленій, и т. п.,
побудила его передать трудъ обработки материаловъ по обыч-
ному праву инородцевъ мнѣ.

Я приняла на себя обязанность только привести юридиче-
скіе обычаи инородцевъ въ порядокъ по имѣющимся подъ
рукою материаламъ и изложить ихъ систематически, предо-
ставить дѣло научной разработкѣ специалистамъ.

Обычное право въѣкъ почти инородцевъ, обитающихъ въ
Россіи, также мало изслѣдовано, какъ и право Русскаго
населенія, или лучше сказать, почти вовсе не изслѣдовано.
На иѣвнѣю некоторыхъ, и вовсе не слѣдуетъ обращать на него

вниманія, по крайней мѣрѣ—до времени, пока не будетъ изучено русское народное право. Я не могу раздѣлять этого мнѣнія, а полагаю, что изученіе юридическихъ возрѣній и обычаевъ инородческаго и Русскаго населенія должно совершаться одновременно. И это, во первыхъ, потому, что для науки одинаковъ интересъ представляеть обычное право, какъ болѣе цивилизованнаго народа, такъ и стоящаго на низшей ступени развитія, а во вторыхъ, потому, что безъ ознакомленія съ юридическими обычаями инородцевъ не возможно исполнѣе постигнуть смысла русскаго обычнаго права.

Русское обычное право, если возвести его къ единству, къ общимъ началамъ, не представляеть собой чего-либо совершенно однороднаго; различныя эпохи, которыя переживалъ Русскій народъ, наложили свой неизгладимый отпечатокъ на русское обычное право, такъ что оно естественно должно было сложиться изъ наслоеній различныхъ началъ. Двѣ главныя формы жизни, которыя въ разное время воспринималъ Русскій народъ: родовая и общинно-семейная, особенно рельефно отразились на возрѣніяхъ и обычаяхъ обитателей нашего отечества. Отсюда необходимость для исследователя строго опредѣлять, что въ русскомъ обычномъ правѣ составляетъ явленіе болѣе новое, и что относится къ отдаленной древности, разграничить начало кровное, родовое отъ экономическаго или трудового. Но какъ же достигнуть явено, когда у насъ не составилось еще сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія о томъ, что такое—родовое начало, и что такое—начало трудовое, такъ что данный фактъ изъ сферы правовыхъ отношеній одинъ ученый относить къ явленіямъ быта родового, другой ученый тотъ же фактъ признаеть за признакъ общинно-семейнаго быта. Такое равноисловіе ученыхъ проходить чрезъ всѣ явленія юридической и исторической жизни народа, и перешло даже двѣ невпримиримыя школы историковъ и юристовъ—такъ называемыхъ родовиковъ и общинниковъ. Ясно, что намъ необходимо предварительно изучать патріархальный бытъ и патріархальные обычаи, по возмож-

ности, въ нихъ чистѣйшемъ видѣ, или по крайней мѣрѣ, въ возможно-близкихъ къ нему формахъ, а потому уже, узнавъ, что такое—родовое начало, въ какихъ обычаяхъ оно проявляется, приступать къ анализу явленій отечественной жизни. Здѣсь-то именно изученіе юридическихъ обычаевъ инородцевъ и не могло бы оказать существенную услугу наукѣ, такъ какъ воѣ почти инородцы наши, по крайней мѣрѣ туранскаго корня, находятся на низшихъ ступеняхъ развитія относительно Русскаго племени, а иные изъ нихъ еще вовсе не отрѣшились отъ формъ патриархальной жизни. Мы твердо убѣждены, что недалеко те времена, когда изслѣдователи русскихъ народныхъ началъ и правовыхъ воззрѣній и обычаевъ оставятъ прежній путь сравненій нашего быта и юридическихъ понятій съ явленіями жизни цивилизованныхъ народовъ, съ правами германскимъ и греко-римскимъ и обратятся къ изученію юридическихъ и иныхъ воззрѣній, какъ своего народа, такъ и другихъ расъ, стоящихъ на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, и прежде всего къ инородцамъ, обитающимъ въ Россіи, какъ къ ближайшему предмету изслѣдованій: на востоцѣ, у несудилинскихъ народовъ, будутъ они искать разгадки многихъ явленій русской жизни; а понаѣ, среди цивилизованныхъ націй. На этомъ плодородномъ полѣ, лежащемъ предъ нами, ждемъ, ожидаемъ нашихъ ученыхъ община матеря.

Такъ какъ почти всѣ инородцы, обитающіе въ Россіи, съ давнихъ временъ состояли въ непосредственномъ и частныхъ отношеніяхъ съ господствующимъ надъ ними Русскимъ племенемъ, то они, конечно, не могли не утратить кое-чего изъ своеобразныхъ юридическихъ понятій и обычаевъ и не усвоить русскихъ; съ другой стороны и Русскіе должны были кое-что принять отъ этихъ племенъ. Наука обязана опредѣлить, что заимствовано отъ той и другой стороны. Но теперь еще нельзя сдѣлать этого, такъ какъ дѣло пока идетъ о сборѣ самихъ матеріаловъ. Вотъ и еще причина, почему мы должны изучать общіе право инородцевъ.

Кроме того, изучение инородческих юридических обычаев представляет и живой, практический интерес, так как у многих инородцев действуют волостные суды, которые, как известно, большую часть дел решают на основании местных обычаев, а у иных из инородцев управление и суд совершаются по исконным обычаям, давно получившим силу закона.

Я связала, что по общему праву инородцев отдано очень мало. Действительно литература наша представляет только несколько небольших собраний инородческих обычаев, помещенных в периодических изданиях. Разумеется, в разного рода описательных статьях, касающихся быта инородцев, есть случайные, отрывочные сведения о их правовых воззрениях и обычаях; но все это такая мелкая крупица, что для собрания их потребуется еще не малое кропотливого труда.

Что касается до юридических обычаев инородцев Архангельской губернии, то они, не смотря на представленный им большой интерес, в особенности обычаями Локарей и Самождовъ, также до сих пор не привлекали къ себе должительнаго внимания ученых; все, что было по этой части сделано, суть многолетния замѣтки объ инородческих обычаях, разбросанныя въ разныхъ периодических изданияхъ, въ статьяхъ собственно этнографическаго содержания и въ путешествіяхъ различныхъ специалистовъ по сѣверу.

Прежде, нежели начнется тщательное изученіе на мѣстѣ этихъ инородцев съ указанной стороны, людьми, вполне подготовленными къ дѣлу и готовыми принять на себя все трудности подобнаго предпріятія, мы сочли полезнымъ собрать въ одно мѣсто все то, что было гдѣ-либо, хотя мимоходомъ, сказано о юридическихъ обычаяхъ здѣшнихъ инородцевъ. Затѣмъ мы воспользовались нѣкоторыми рукописными источниками, состоящими въ короткихъ замѣткахъ и собраніяхъ юридическихъ обычаевъ нѣкоторыхъ изъ инородцевъ, а также рѣше-

ніями волостныхъ судовъ и сдѣлками и договорами тѣхъ волостныхъ правленій, которыми подвѣдомственны эти обитатели. Говоря въ частности, только обычаями Лопарей посчастливилось найти трудолюбиваго собирателя въ лицѣ одного мѣстнаго священника, да самоѣдскіе обычаи записаны тщательнѣе другихъ. Обычаи же Кореловъ и Зырянъ сравнительно гораздо бѣднѣе матеріалами, и если бы не рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми я располагала, то пришлось бы отказаться отъ ихъ изложенія ¹⁾. Болѣе подробное указаніе источниковъ читатель встрѣтитъ при изложеніи самыхъ обычаевъ.

Такъ какъ юридическіе воззрѣнія и обычаи каждаго племени обуславливаются его историческими судьбами и бытомъ и безъ знакомства съ послѣдними не могутъ быть правильно поняты, то изложенію обычаевъ каждаго изъ племенъ Архангельской губерніи я предпослала введене, въ которомъ коротко излагаются нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ историческія, этнографическія и экономическія.

¹⁾ Отдѣлъ юридическихъ обычаевъ Зырянъ, въ сожалѣнію, не можетъ быть помѣщенъ въ настоящемъ изданіи, такъ какъ рукопись его затеряна бывшимъ редакторомъ газеты Судебный Вѣстникъ г. Думашевскимъ, которому настоящій сборникъ г-жи Ефименко былъ первоначально, въ 1872 году, переданъ для печати. *Ред.*

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОВЫЧАИ ЛОПАРЕЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Лопари принадлежатъ къ обширной семьѣ народовъ Финскаго племени. Хотя извѣстный филологъ Максъ Мюллеръ, раздѣляющій Финскій классъ языковъ и народовъ на четыре вѣтви, относитъ ихъ къ чудской ¹⁾, но Д. П. Европеусъ, специально занимающійся финско-венгерскими языками, въ своей таблицѣ: *Die Stammverwandschaft der meisten Sprachen der alten und australischen Welt*, изданной въ 1870 г., отводитъ имъ по языку мѣсто въ финско-черемисскомъ развѣтвленіи, между Мордвой и Черемисами. Въ своей семьѣ, семьѣ Финскихъ народовъ, Лопари занимаютъ въ социальномъ отношеніи послѣднее мѣсто. Изъ всѣхъ Финскихъ племенъ это самое забитое, загнанное въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Европы, до сихъ поръ сохранившее еще полукочевой бытъ. Блага гражданственности, участниками которыхъ сдѣлались нѣкоторые изъ родственныхъ имъ Финскихъ племенъ, не коснулись ихъ. Соприкосновеніе съ Русскими едва ли не увеличило ихъ бѣдности и не содѣйствовало ихъ вымиранію.

Было время, когда Лопари распространялись на югъ до Петербургской губерніи, но другіе народы, особенно родственное имъ племя Кореловъ, а отчасти Чудь и Русскіе, все тѣснили и тѣснили ихъ на сѣверъ, пока не загнали на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана ²⁾. Ихъ настоящее мѣстопробываніе есть Лапландскій полуостровъ, который отъ нихъ и получилъ свое названіе. Впрочемъ, распространеніе этого племени не ограничивается Архан-

¹⁾ Лекціи по наукѣ о языкѣ, С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 240.

²⁾ Заволоцкая Чудь, сост. П. Ефименко, Архангельскъ, 1869 г., стр. 87.

гельскаго губерніи: Лопари живутъ еще въ той части Норвегіи, которая называется Финмаркеномъ, и въ сѣверномъ углу Финляндіи. Лопари Архангельской губерніи раздѣляются на Мурманскихъ, живущихъ по Мурманскому берегу Ледовитаго океана отъ границы Норвегіи до Святаго Носа, и на Терскихъ, живущихъ по Терскому берегу Вѣлаго моря отъ Святаго Носа до р. Пялицы.

Лопари, какъ мы сказали выше, народъ полуволочевой: отъ Мурманскаго и Терскаго береговъ они отпочковываютъ внутрь полуострова верстъ на 150 и болѣе; остается на одномъ мѣстѣ только часть Терскихъ Лопарей, ведущихъ оскдую жизнь при русскія деревни. Въ сѣверо-западной части Лавландіи, у границы Финляндіи и Норвегіи, кочуетъ стѣльное племя Лопарей — Фильманъ, говорящее особымъ нарѣчіемъ и принадлежащее къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Фильманъ — это испорченное Финскимъ, родино ихъ — Финляндія и Норвегія: послѣ размежеванія съ этими странами они остались въ Архангельской губерніи. Кочевья ихъ — тундры Назрѣвая, Моговская и Печенгская¹⁾. Это тѣ самые Лопари, которые назывались прежде *досседанцами* и *троеданцами*, потому что платили дань двумъ и тремъ государствамъ: Россіи, Даніи и Швеціи.

Собственно Лопари раздѣляются по языку на три главныхъ нарѣчія: первое — въ Печенгѣ, Могѣ, Назрѣѣ, Сомгелѣ, Нозозерѣ, Экоостровѣ и Бабѣ; второе — въ Семностровѣ, Лозозерѣ, Вороняжскомъ погостѣ, Кядьднѣ и Масседьскомъ погостѣ; третье — на Терскомъ берегу. Различія эти образовались отъ вліянія вѣчныхъ элементовъ, съ одной стороны — норвежскаго, съ другой — русскаго и корельскаго²⁾.

Лопарское племя очень невелико: всѣхъ Лопарей, живущихъ въ Архангельской губерніи, числится немного свыше 2000 душъ обоюпола, въ томъ числѣ 175 душъ Фильмановъ. Вообще, это одно изъ тѣхъ племенъ, которыя идутъ въ полному изнеженію посредствомъ медленнаго вымиранія и поглощенія другими народностями.

Лопари Архангельскіе потеряли свою независимость еще въ ХІ в., когда были покорены Новгородцами, а потомъ, съ паденіемъ Нов-

¹⁾ Арханг. губ. вѣд. 1869 г., № 82.

²⁾ Арх. губ. вѣд. 1853 г., № 20.

города, перешли подъ власть Московскаго государства. Повариль Лопарей, Русские сработались также сдѣлать ихъ участниками своей цивилизаціи черезъ передачу имъ христіанской религіи. Распространялось христіанство между Лопарями довольно медленно, и только съ XVI вѣка можно считать его вполне утвердившимся, именно съ того времени, когда были посланы отъ Лопарей старѣйшими къ великому князю, съ просьбою дать имъ учителей христіанства. Распространенію и утвержденію христіанства между Лопарями много содѣйствовало вліяніе Соловецкаго монастыря, а также инициатива частныхъ лицъ, особенно иноковъ, которые жертвовали своею жизнью, посвящая ее трудамъ миссіонерской дѣятельности между дикарями. Лопари не забыли этихъ людей, ставившихъ цѣлью своей жизни ихъ благо: память св. Трифона, самаго ревностнаго изъ проповѣдителей, жившаго и дѣйствовавшаго около половины XVI столѣтія, пользуется до сихъ поръ ихъ благоговѣннымъ уваженіемъ. Но вѣроятно, св. Трифонъ сознавалъ, что недостаточно окрестить Лопарей, чтобы сдѣлать ихъ христіанами. Христіанская идея не могла найти достаточной подготовки къ ея воспріятію въ этихъ дикаряхъ, и потому, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно христіанами, необходимо было имѣть возможность дѣйствовать на нихъ постоянно въ духѣ христіанской религіи и нравственности, и не только словомъ, но и дѣломъ, такъ какъ для дикаря фактъ всегда краснорѣчивѣе всякихъ поясненій и разсужденій. Поэтому-то св. Трифонъ основалъ въ странѣ Лопарей, на рѣкѣ Печенгѣ, монастырь, очень извѣстный въ исторіи края подъ именемъ Печенгскаго. Но оправдались ли расчеты основателя? Что сдѣлалъ монастырь для блага тѣхъ, кому онъ долженъ былъ служить? Помогъ ли онъ имъ въ развитіи ихъ понятій и въ вытекающемъ оттуда улучшеніи ихъ быта, научилъ ли вносить больше правды въ ихъ отношенія къ людямъ? Къ сожалѣнію, исторія не даетъ благоприятныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Печенгскій монастырь имѣлъ на Лопарей вліяніе прямо противоположное тому, какого ожидалъ отъ него его основатель. Прежде всего монастырь ввелъ въ жизнь Лопарей новый, неизвѣстный еще имъ элементъ, идущій прямо въ разрѣзъ христіанскому ученію любви и братства, именно—крѣпостное право. По просьбѣ монаховъ два лопарскіе погоста—Печенгскій и Мотовскій были закрѣплены за монастыремъ

жалованною грамотой царя Ивана Васильевича отъ 22-го ноября 1556 года. По этой грамотѣ монастырю предоставляется право на владѣніе морскими губами: „Моловскимъ, Липцовою, Урскою, Лавренскою и Нанданскою и рыбными ловлями и мерскими вымостями, каки изъ моря окреститъ: пинья, или марши, или шале, или иного загоря, и морскими берегами, землемо, островами, рьяками, малыми ручейками, и съ верховьями и потоками, и горными мѣстами, и поводами, и тѣсами, и мѣстами озерки, и зетринными ловищами, и Лопарями, которые Лопаря цѣлихъ далимъ съ той Мотовской и Печенжской губы имъ быть и опредѣ будутъ“. Не монастырь не довольствовался своими правами въ Мотовскихъ и Печенжскихъ Лопаряхъ, которые были за нимъ закрѣпощены. Онъ простиралъ еще дальше свои притязанія: старался захватить въ свои руки тѣмже и угодыя другихъ Лопарей, именно Ноговерскихъ и Сонгалскихъ. Часть онъ бралъ ихъ угодыя на оброкъ, часть старался обратить въ свою собственность, какъ это видно изъ разницы мѣсти грамоты, данной въ 1697 г. Ноговерскими и Сонгалскими Лопарями на рыбныя ловли ¹⁾.

Обращеніе Печенжскаго монастыря съ своими вотчинниками, оставивъ на себѣ вниманіе даже епархіальнаго начальства, какъ это видно изъ письма архіепископа Афанасія къ этимъ набальнымъ Лопарямъ, гдѣ онъ утѣшаетъ ихъ, предлагая свою защиту: „Васъ, послушниковъ нашихъ, въ милости всегда имѣть будемъ и строгителемъ и священникомъ и служебникомъ тоея нашей пустыни и всѣмъ колѣскимъ жителямъ никакою обидою обидитъ васъ не дадимъ, а буде кто отъ сего времени не боится Бога будетъ на васъ какою обидою нападывать или нехотѣть имѣніе ваше, в ми пресвященнѣйшій архіепископомъ, указали вамъ на тѣхъ обидящихъ людей прислать къ намъ заручные ваши челобитные съ нарочными посыльщиками“ ²⁾.

Монастырь все утрачивалъ свое первоначальное значеніе, религиозное и просвѣтительное; въ замѣнъ того, онъ приобрѣталъ новое значеніе — важнаго торговаго и промышленнаго центра. Въ силу своего новаго положенія онъ не могъ сохранять тѣ отношенія къ

¹⁾ См. ниже приложение 3-е.

²⁾ Труды Арх. Губ. Стат. Ком. за 1865 г., кн. 1, стр. 42.

Лопарямъ, жакіт должны были установиться между просвѣтителями и проасвѣщаемыми. Конечно, для Лопаря: не могло быть вполне дѣйствительна проповѣдь братаваѣ любви и отрѣченія: отъ благъ міра, пренебрежимая лицами, пользовавшимися доходами съ жѣзъ угодій, особенно съ жакъ богатыхъ рыбныхъ ловлей, которыя несомни привыкли Лопари считать своею собственностью; и отъ которыхъ получали свое прѣимствіе. Этихъ рыбныхъ угодій было у монастыря такъ много, что онъ могъ управляться только съ богатѣйшими, а остальные должны были отдавать въ аренду ¹⁾. Лопари же служили монастырю и какъ рабочіе, и какъ покрученники изъ половины дохода. Монастырь, ведя большую торговлю, бралъ у Лопарей ихъ промыслы, снабжая въ обмѣнъ, какъ теперь дѣлають русскіе торговцы — немощи, хлѣбомъ и другими необходимыми предметами. Служили ли эти одѣлки средствомъ къ эксплуатаціи Лопарей, какъ они служали теперь, или нѣтъ, — не извѣстно, Знаемъ только, что жакъ съ одной стороны, монастырь не особенно перемѣнился съ своими вотчинниками Лопарями, за то, съ другой — сохраняя еще свои традиціи, помогали имъ во время голода, давая пропитаніе. Но положительно можно сказать, что примѣромъ нравственности монастырь не служали; монахи вели образъ жизни далеко не безупрочивенный, какъ свидѣлствуютъ наданные и не изданные документи ²⁾. Если есть основаніе обвинять Лопарей въ излишнюю пристрастїи къ спиртнымъ напиткамъ, то этихъ же порокомъ погрѣшали печенгскіе монахи; создавъ былъ одинаковъ для тѣхъ и другихъ близость норвежскаго рому и ливерювъ. Наконецъ, въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ; на юмъ были результаты его существованія — вытеснеть изъ всего вышесказаннаго:

Впрочемъ, не однь только Печенгскій монастырь пользовался собственностью Лопарей; угодья ихъ отдавались великими князьями и царями въ пользованіе различнымъ монастырямъ, даже очень отдаленнымъ; такъ на примѣръ, рѣка Енисей была дана Крестному монастырю въ Каргопольскомъ уѣздѣ и Воскресенья въ Москов-

¹⁾ См. приложеніе 4.

²⁾ *Записки Русск. Отдѣл. Археологич. Общества*, II. 1861 г., стр. 646 и др.; *Труды Арх. Губ. Стат. Ком.* за 1865 г., ч. 1, стр. 39 и 40; см. также приложеніе 2-е.

скомъ?). Что же касается до притѣсненій Лопарей, то и тутъ монахи Печенгскаго монастыря не составляли исключенія. Разныя лица, приставленныя къ управленію краемъ, да и всё вообще, что могъ, позволяли себѣ въ отношеніи Лопарей всякія произвольныя дѣйствія и несправедливости, въ надеждѣ на ихъ слабость и беззащитность. Какъ поступали Русскіе съ Лопарями — видно изъ челобитной патрiарха Никона царю Алексѣю Михайловичу Николь передаетъ царь жалобы Лопарей на посадскаго челоубка Василія Звягина, который насильно захватилъ нѣсколько принадлежащихъ имъ рѣкъ и ручьевъ, близъ и увѣчилъ Лопарей; хотѣлъ привезъ изъ Кольскаго острога пятидесятидва стрѣлцаго съ шестью оруженными людьми и началъ грабить у Лопарей песцовъ и роленевъ кожи и сало, а потомъ вымучилъ у нихъ нагнѣ рыбные промыслы записъ, которую и написалъ самъ, и сталъ промышлять въ тѣхъ рѣчкахъ. При этомъ еще Лопари жаловались, что ихъ сильно обижаетъ государевы люди, ходящіе на промыселъ бречеговъ, берутъ съ нихъ кормы вдвое и втрое противъ положеннаго, случивъ оленей и все, что увидятъ, такъ что Лопари хотѣли уже разбрестись въ разныя стороны, не будучи въ состояніи выносить такое насильство. Такъ какъ въ этомъ погостѣ находились монастырскія рыбныя ловли, то Никонъ и вслушался, чтобы Лопари, въ самомъ дѣлѣ, не разбрелись и не учинили монастырскому рыбному промыслу „поруки и безпромыслицы, а монастырю и промышленнымъ людямъ убытки и проѣсти и воловты“.

Видно, притѣсненія Лопарей со стороны Русскихъ были велики, когда постоянно являлась необходимость ограждать ихъ дарскими грамотами. Такъ напримѣръ, въ грамотѣ царей Иоанна и Петра 1686 г., вслѣдствіе челобитья семи лопскихъ догостовъ мирскихъ челобитчиковъ, „съ Олонецкаго и съ иныхъ кружечныхъ дворовъ въ лопскія погосты съ виномъ и съ пивомъ и съ медомъ цедовальникомъ ѣздить и тѣмъ убытковъ и разоренья лопскихъ догостовъ крестьянамъ чинить не ведено“¹⁾. Это было повтореніемъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ 1614 и 1648 гг., которыми, между прочимъ,

¹⁾ См. приложение 5-е.

²⁾ *Записки Археолог. Общ.*, II, 1861 г., стр. 679. То же повторилось и послѣ, какъ видно изъ Приложеній за №№ 5 и 6.

предписывалось жителямъ властямъ „допускать погостовъ крестьянъ“ Лопарей оберегать и валомъ имъ не чинить, чтобъ имъ жить въ покоѣ“, и грамоты 1606 г., по которой также воспрещено было привезти на продажу въ погосты вино и медъ ¹⁾).

Время все шло: отняты возчины у монастырей, измѣнилось управленіе; стали они свободны, но только съ виду: нѣтъ руки Печенгскаго монастыря Лопари попали въ руки новгородско-торговцевъ, у которыхъ состоятъ въ такой же кабалѣ, какъ и прежде у монаховъ ²⁾.

Что соприсношеніе съ Русскими не было благопріятно для Лопарей въ этногенетическомъ отношеніи, свидѣтельствуешь введеніе рабства; что оно было мало благопріятно и для духовнаго развитія Лопарей, можно заключить изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ между ними нравственности. Та честность и правдивость Лопарей по отношенію къ Русскимъ, о которой писалъ Фотъ-Поппиашъ и др., существуетъ нынѣ почти только въ разсказахъ; Русскіе, сталкиваясь съ ними, считаютъ ихъ людьми крайне лживыми, каждую минуту готовыми на обманъ, людьми, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить. Умственное развитіе ихъ, если взять его мѣриломъ грамотность, также не подвинулось впередъ: грамотныхъ между ними вовсе нѣтъ. Да никакой сколько-нибудь значительный шагъ въ умственномъ развитіи и невозможенъ для народа, пока онъ не перейдетъ къ осѣдлому быту, а сами Лопари, между тѣмъ, мало расположены измѣнить свой образъ жизни. Впрочемъ, уже 200 человекъ Лопарей, на вопросъ администраціи, еще въ 1868 г. заявили о своемъ желаніи перейти къ осѣдлости ³⁾. Можеть быть, и остальные убѣдятся въ преимуществахъ осѣдлой жизни передъ кочевой, хотя разумѣется, только очень осозательныя выгоды, съ одной стороны, или крайняя нужда, съ другой, могутъ поколебать ихъ вѣковую привычку къ бродячей жизни.

Каждый Лопарь три-четыре раза въ годъ и болѣе мѣняетъ мѣсто жительства. Зиму Лопари проводятъ въ зимнихъ погостахъ внутри страны, гдѣ у нихъ есть болѣе удобныя жилища, назы-

¹⁾ Акты Истор., изд. Археограф. Коммисс., V, стр. 241.

²⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1861 г., № 46 и самыя общія.

³⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1868 г., № 26.

важны *туна*, которыя дѣлаются изъ соснового лѣса, въ родѣ избн, только гораздо меньше. Въ лѣтнихъ и осеннихъ погостахъ Лопари устраиваютъ на скорую руку родъ шалаша изъ жердей, крытыхъ дерномъ. Когда наступаетъ весна, въ апрѣлѣ Лопари ѣдутъ изъ зимнихъ погостовъ на свое весеннее мѣсто или къ озерамъ, гдѣ удобнѣе промыслять свѣжую рыбу, или къ морю промыслять треску и палтусину. Иные проводятъ лѣто на морскихъ берегахъ, иные—у большихъ озеръ и рѣкъ. Къ 1-му числу мѣсяца августа всѣ ѣдутъ на осення мѣста, гдѣ, кромѣ рыбы, промысляютъ при наступленіи зимы оленей и разныхъ пушныхъ звѣрей: куницу, лисницу, выдру, росомаху и медвѣдей. На Рождество или Крещеніе почти всѣ собираются въ зимніе погосты. Лопари принуждены такъ бродить потому, что всѣ ихъ рѣки, озера, рѣчки, ручьи, лѣсныя ухажья, то есть, мѣста ловли птицъ и звѣрей, издавна подѣлены между Лопарями, съ правомъ владѣть наследственно каждымъ изъ этихъ угодій: они и должны переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы посѣтить каждый изъ принадлежащихъ имъ участковъ. Какъ Лопари владѣли своими землями и угодьями въ старину, это видно изъ жалованныхъ имъ въ разное время царскихъ и великокняжескихъ грамотъ и выписокъ изъ писцовыхъ книгъ, находившихся въ этихъ грамотахъ ¹⁾.

Въ административномъ отношеніи Лопари раздѣляются на двѣ волости: къ одной принадлежатъ Лопари Терскіе, живущіе управленіе въ с. Поной, а къ другой—Мурманскіе, коихъ волостное правленіе въ г. Колѣ. Эти волости заключаютъ въ себѣ лопарскія селенія, называемыя погостами, изъ которыхъ одни обитаемы только лѣтомъ, другіе только зимой, и которые потому дѣлятся на зимніе и лѣтніе. Къ Понойской волости принадлежатъ погосты: Сосновскій, Каменскій, Эконскій, Лумбовскій. Къ Кольско-Лопарской: Кипцкій, Воронъеручьевскій, Масельскій, Разноволоцкій, Воронъезерскій, Экостровскій, Рикотайбольскій, Кильдинскій, Бабенскій, Мотовскій, Пазрѣцкій, Печенскій, Ловозерскій, Воронежскій, Семяостровскій, Хотозерскій, Сонгельскій. При своей полуночевой жизни и препятствіяхъ, представляемыхъ климатомъ, Лопари не могутъ заниматься землѣдѣіемъ и даже изъ своихъ сѣнокосовъ не

¹⁾ См. приложение 3-е.

извлекают никакой выгоды, такъ какъ не заготавливаютъ сѣна на зиму. Только Воронежскіе Лопари отдають свои дуга за ничтожную плату въ аренду Русскимъ. Скотоводство находится у нихъ въ самомъ плохомъ состояніи: изъ домашняго скота Лопари держатъ только ничтожное количество овецъ да оленей, но и тѣхъ не много.

Одни Фильманы обращаютъ на разведеніе оленей серьёзное вниманіе и держатъ ихъ по нѣскольку тысячъ; остальные Лопари часто имѣютъ только по нѣскольку штукъ оленей. Олени эти лѣтомъ и зимою остаются безъ всякаго присмотра. Лопарь беретъ на себя только обязанность заклепнуть ихъ и затѣмъ пускаетъ въ тундру, иные хозяева свозятъ на лѣто свои стада на острова, чтобы предохранить ихъ отъ волковъ. Оленеводство въ прежнее время играло очень видную роль въ хозяйствѣ Лопаря, но мало по малу оно терпитъ свое значеніе, вытѣсняясь другими отраслями промышленности, именно рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Звѣриннымъ промысломъ Лопари занимаются зимой, съ декабря до весны; но онъ не всегда бываетъ удаченъ, такъ какъ звѣрь появляется въ значительномъ количествѣ не каждый годъ. Самые важные промыслы — на дикихъ оленей, лисицъ, куницъ и бѣлокъ. Впрочемъ, дикие олени становятся рѣже и рѣже въ тундрахъ; количество куницъ и лисицъ также уменьшается съ каждымъ годомъ вслѣдствіе неразумнаго производства промысловъ; бобры, которыми прежде Лопари платили дань, теперь почти вовсе вывелись. Еще Лопари занимаются птицеводствомъ: ловятъ преимущественно куропатокъ, гагъ и гусей.

Но самую главную отрасль лопарскаго хозяйства составляетъ рыболовство. Лопари ловятъ рыбу въ Сѣверномъ океанѣ, въ Бѣломъ морѣ, въ рѣкахъ и оерахъ, которыми изобилуетъ Ланландскій полуостровъ. Рыбы вылавливается ими огромное количество. Самая доходная статья изъ рыбныхъ промысловъ — ловля семги въ рѣкахъ; за невозможностью имѣть выгодный сбытъ своему товару, Лопари, по большей части, отдають свои семужьи тони въ аренду. Лопари промышленляютъ еще морскихъ звѣрей, но этотъ промыселъ незначителенъ; киты, которыхъ вылавливаетъ на берега моря, также составляютъ ихъ собственность. Еще Лопари нѣкоторыхъ погостовъ имѣютъ доходы отъ извозничества, т. е. пере-

ворамъ Коваровъ и людей на Мурманскій берегъ и содержанія обывательскихъ станцій, также отъ карауль драгунскихъ станций, будостроенія; выдѣлки оленьихъ шкуръ, рубки лѣса и дроби. Вътъ и вътъ статьи дохода Лопарей. Рыба, главный продуктъ ихъ промысла, идетъ почти все на собственное употребленіе. Хотя Лопари и сильно заразились отъ русскихъ торговцевъ духомъ, но свѣдѣтельству Кастрена, не настолько отъ нихъ (равночуживою). Дѣломъ; тогда у нихъ много рыбы, они употребляютъ ее въ ограниченномъ количествѣ; въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ съими Лопарей, по словамъ купца Терентьева, събѣдаетъ до 166 пудъ лучшей рыбы, доставляя въ зимѣ только; малую, которую на зиму высушиваютъ; недостатокъ даже въ рыбѣ и сами делаютъ; покупаютъ чужую и сушатъ тресковыхъ головы. Между тѣмъ, какъ бы, въ вопросу они имеютъ прѣсмысли, соль и ветрочее, необходимое въ хозяйствѣ, они должны обмѣнивать у торговцевъ, на свои продукты, а отъ обмѣна; для нихъ всегда крайне невыгоденъ; суданы торговцы ставятъ Лопарямъ, не имѣющимъ возможности вывезти свои продукты, произвольно высокую цѣну на свои товары; сильно спускаютъ цѣну лопарскимъ товарамъ. Въ результатѣ оказывается, что, не смотря на свои богатые источники, Лопарь является похлѣбой изъ сосновой коры; хлѣбомъ, съипиннымъ; въ томъ же родѣ; считаютъ чистый хлѣбъ, безъ примѣсы, закономъ.

Характеръ Лопари, по словамъ Кастрена, вообще тихій, мирный, услужливый; миръ—его счастье, его блаженство. Преданіе говорить, что въ Лопарской землѣ почти снаружи все бѣдно и грязно, за то въ недрахъ ее скрывается чистое золото: это чистое золото— „миръ“, обожаемый Лопарями. Они переносятъ всѣ лишения, чтобы хотя короткое время наслаждаться „миромъ“; это—первое слово въ Арктикѣ; и конечно цѣль ихъ бытія; мирно прожить—большая Лопаря; ничего не желаетъ. Въ этомъ мирномъ характерѣ Лопарей много общаго съ народнымъ характеромъ Финновъ, которые слово же; народными и услужливы; когда дѣло идетъ о предметахъ, которымъ они не придаютъ важности; но когда только вскинуть, но ихъ помянуть, тогда; они являются упрямыми, неуступчивыми, честолюбивыми и даже героичными. Униженность также составляетъ общій чертъ Лопаря и Финна. На Мурманскомъ бе-

регу замѣтно уже весьма измѣненіе народнаго характера Лопарей и вліяніе русское тамъ уже вы можете встрѣтить Лопарей иногда шумныхъ, иногда веселыхъ, разчетливыхъ, на по лопарски. Въ кругу лопаровъ вы тотчасъ отличите Лопаря (на говора о наружности) по его малчливости, но среди другихъ Лопарей Мурманскій Лопарь отличается настоящимъ Русскимъ по характеру. Священникъ Терентьевъ прибавляетъ къ этой характеристикѣ Мурманскихъ Лопарей слѣдующее: „Характера Лопарей вообще смирный, даже работливый, не довольно упрямый; на видъ простодушный, но всегда готовъ на обманъ. Соорится? жажъ соборъ, — дракъ и жалобъ не слышно; верованья довольно, убійствъ нѣтъ, вино любить до страсти, на обманъ ловки, въ ивръ тверды, часовни и храмы посѣщаютъ, бѣднымъ подаютъ милостыню, въ несчастіи помогаютъ, старшихъ чтутъ; жажъ любить, гостеприимны безъ разбору“....

Русскій языкъ знаютъ Мурманскіе Лопари, по свидѣтельству Кастрена, какъ свой природный. Даже въ домашнемъ быту стараются они болѣе и болѣе походить на Русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ своихъ русскихъ сосѣдей и сольются съ русскимъ народомъ, подобно многимъ другимъ инородцамъ, и совершится это исподволь, незаметно, при незначительномъ числѣ Русскихъ Лопарей. Но востановимъ до-сихъ-порѣ, какъ у Мурманскихъ Лопарей, такъ въ особенности, у тѣхъ, которые живутъ въ глубинѣ полуострова и на границѣ съ Финляндіей, сохранилось во всемъ много особенностей; особенно, ихъ юридическія понятія и обихованія представляютъ не мало оригинальнаго, даже если судить по тѣмъ свѣдѣніямъ о ихъ обычаяхъ, которыя мы имѣемъ въ рукахъ.

По общему праву Лопарей, мы располагаемъ матеріалами болѣе удовлетворительными, нежели по общему праву другихъ Архангельскихъ инородцевъ. Главнымъ источникомъ при составленіи нашего собранія юридическихъ обычаевъ Лопарей послужилъ сборникъ, доставленный священникомъ Георгіемъ Терентьевымъ. Сборникъ этотъ отличается тѣмъ, что онъ составленъ не подробной программой и отвѣчаетъ почти на всѣ вопросы, предлагаемые программой по общему праву, но отвѣтъ, къ сожалѣнію, часто очень кратки и сухи. Дополнительными матеріалами послужили два письма отъ свекла.

Терентьева къ дѣйствительному члену Архангельскаго статистическаго комитета П. С. Ефименко, также многія статьи и корреспонденція помѣщенныя въ разное время въ *Архангельскія Губернскія Ведомостя* того же сваяц. Терентьева и другихъ лицъ. Еще не много свидѣній заимствовано изъ книги: „Новыя и достоверныя извѣстия о Ладландцахъ въ Финмаркѣ, переводъ съ датскаго“ (Москва, 1792 г.), Макенцова — „Годъ на Сѣверѣ“, Михайлова — „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“, Вережагина — „Очерки Архангельской губерніи“ и статьи, помѣщенной въ *Современникѣ* за 1843 г., № 2: „Каспрень и Ленротъ въ Русской Ладландіи“. Гдѣ свидѣнія заимствованы нами изъ книги дополнительныя матеріаломъ, тамъ мы дѣлаемъ ссылку, въ которой указываемъ источникъ; гдѣ же нѣтъ ссылки, значить свидѣнія заимствованы изъ сборника сваяц. Терентьева ¹⁾.

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Въ старину, когда у Лопарей еще былъ крѣпокъ родовой бытъ, запрещалось вступать въ бракъ съ членомъ своего рода: это обычай общій у Лопарей, по свидѣтельству Тайлора, съ многими другими народами, находящимися на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи ²⁾. Введеніе христіанства и ослабленіе основъ родоваго быта не могли остаться безъ вліянія на этотъ обычай, но не уничтожили его, и теперь Лопари стараются по возможности выбирать себѣ невѣсть изъ другаго рода. Впрочемъ, въ настоящее время Лопари женятся не рѣдко и на Русскихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ при ихъ малочисленности, переродились черезъ браки и кумовства.

¹⁾ Приведенный г-жею Ефименко перечень литературы по юридическимъ обычаямъ слѣдуетъ дополнить статьей сваяц. Терентьева «Лопская Свадьба», помѣщенной въ *Архангельскія Губернскія Ведомостя* 1874 г., № 21, ср. подробный библиографическій указатель *Е. К. Якушкина* въ его книгѣ *Обычаи Права*, вывускъ первый, Ярославль, 1875 г. *Ред.*

²⁾ *Докторическій бытъ человека*, стр. 380, 383.

Кровное родство считается препятствием для брака до третьего колѣна включительно, въ четвертомъ же допускается вступать въ бракъ, иное родство мало наблюдается. Степени родства однокровнаго и двукровнаго разбираются стариками и старухами.

Кумовство считается также большимъ родствомъ и служитъ препятствиемъ къ браку, браки въ кумовствѣ считаются несчастными. Кроме кумовства, есть еще одинъ видъ духовнаго родства, очень уважаемый Лопарями, хотя и не служащій препятствиемъ къ браку, это — поборничество, называемое здѣсь *крестованья*. Название этого обычая произошло отъ того, что заключающіе между собою братскій союзъ именовались крестами, „крестовались“. Подѣль обильна крестовъ, союзъ (завершается еще обильномъ подаркомъ. Лопарь даритъ тому, съ кѣмъ онъ заключилъ такой союзъ, что у него есть лучшаго: оленя, лучшій олений мѣхъ, бобра, черную лисицу и проч. Лопари любятъ этотъ обычай крестованья и заключаютъ такой союзъ не только между собою, но и съ Русскими. Русскіе часто пользуются этимъ обычаемъ для корыстныхъ цѣлей: приглашаютъ Лопаря побогаче къ себѣ на лодью, угощаютъ его, заявляютъ ему свое дружеское расположеніе: „А ну покрестоваемся брать?“ кричитъ восхищенный Лопарь. „Покрестоваемся!“ отвѣчаетъ ему хозяинъ и тотчасъ надвигаетъ гостя какимъ-нибудь подаркомъ, двумя-тремя фунтами пшена, гороха и еще чѣмъ-нибудь подобнымъ. Черезъ нѣсколько времени признательный Лопарь уже несетъ своему крестовому или прекрасную оленью шкуру или дорогой лисій мѣхъ. Вотъ примѣръ такого крестованья: „Одинъ Русскій промышленникъ на Мурманскомъ берегу, близъ норвежской границы, встрѣтилъ неизвѣстнаго ему Лопаря, богатство котораго состояло въ оленьихъ стадахъ. Промышленникъ пригласилъ къ себѣ на лодью Лопаря. Лопарю понравился новый его знакомый такъ, что онъ ему предложилъ покрестоваться, и Лопарь, по обычаю, получилъ подарокъ, потомъ пригласилъ къ себѣ своего крестоваго брата. Они съѣхали на берегъ, и пройдя нѣсколько шаговъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свистнулъ, и на этотъ свистъ послышался лай собакъ: Лопарь довелъ своего крестоваго на холмъ, съ котораго видно было, какъ сбѣгались на равнину стада оленей, лодка запряженная собаками. „Вотъ всѣ мои олени“, сказалъ Лопарь, и дичиралъ себѣ

любого". Крестовый смутился и не хотѣлъ брать, сравнивая ничтожность своего подарка съ предлагаемымъ Додаремъ. Додарь сошелъ съ горы и, выбравъ самого лучшаго оленя, ловко набросалъ на рога его, неглъ: олень былъ убитъ, и промишленникъ, разстояющъ съ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мѣдо рленъ¹⁾.

Другой видъ духовнаго родства *мимосмесное*, обусловливающее существованіе: пенатій: крестинныхъ овецъ, матери, сына, дочери. Додари также имѣютъ названія для различныхъ отношеній, какъ кровнаго родства, такъ и свойства. Кромѣ отца, матери, дочери, сына, мужа, жены, у нихъ есть еще названія для тети, зятя, невестки, деверя, золовки, дяди, тети, дурина, свата, сватья. Приемыши не считаются за родню, такъ что могутъ вступать въ бракъ не только съ дѣтьми, такъ, что икъ привыкалъ, но и съ самими принавшими дѣтьми.

Самый обыкновенный возрастъ для вступленія въ бракъ, тѣло, поодѣ 20 лѣтъ; ранѣе узаконеннаго возраста браковъ не бываетъ. Кромѣ условій возраста, требуется обычаемъ отъ Додаря, для вступленія въ бракъ, еще соблюденіе одного условія: оны должны убитъ диваго оленя и умѣть его *осотъжесамъ*²⁾, снять шкуру и ири

У Додарей вѣтъ обычая соблюдать какое-либо соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невесты, такъ какъ у нихъ браки заключаются главнымъ образомъ по расчету. Часто можно видѣть 18—20-лѣтнихъ юношей, женатыхъ на 60-лѣтнихъ старухахъ, потому только, что тѣ богаты, и на оборотъ — долуживыхъ стариковъ, женатыхъ на 16-лѣтнихъ женщанахъ. Одинъ путешественникъ разсказываетъ во этому поводу слѣдующее: „Я зашелъ въ *куаръ* (жилице Фильмановъ) и засталъ тамъ цѣлое семейство; молодого царя лѣтъ 20-ти, который лѣнцо одѣвался, женщицу, лѣтъ 50-ти, которая подкладывала сырые березовые прутья въ огонь в что-то сердито верчала себя подъ носъ, вѣроятно, выражая свое неудовольствіе, что мы такъ невѣжливо прервали ея сладкій сонъ, и молодую дѣвушку, которая при моемъ входѣ зарылась въ бучу оленьихъ шкуръ; дѣл дѣвснѣ головы съ блестящимъ любопытствомъ выглядывали изъ-подъ *росом* (одѣло изъ оленьихъ

1) Очерки Арх. губ. *Верешанина*.

2) *Арх. губ. вѣд.*, 1845 г., стр. 421.

шкуръ): „Это вѣрно твоя мать?“ спросилъ я Фильмана, указывая на старуху. — „Нѣтъ, жена“, отвѣчалъ тотъ. „Какъ же ты рѣшился жениться на такой красоткѣ?“ — „Богата, денегъ много и оленей много“. „А эта дѣвка?“ — „Дочь жены отъ перваго мужа“. „А ребята?“ „Томе женщины дѣти“¹⁾.

Лопари очень уважаютъ власть родителей, которые обыкновенно сами выбираютъ невѣсту своимъ дѣтямъ, нѣтъ въ виду исключительно матеріальный расчетъ²⁾. Въ особенности у Фильмановъ вовсе не бываетъ браковъ по любви или взаимному влеченію.

Когда нѣтъ въ жизни родителей, то нѣкъ мѣсто на свадьбѣ заступаютъ вотчимъ и мачиха или крестные отецъ и мать, или наконецъ тѣ, кто помогаетъ играть свадьбу. Согласія на бракъ опекуновъ, воспитателей и хозяевъ не требуется.

Случаи вступленія въ бракъ безъ согласія родителей бываютъ, хотя и рѣдко. Если бракъ совершается по общему согласію, то бываютъ свадебныя пиршества съ обѣихъ сторонъ; т. е. со стороны родителей какъ жениха, такъ и невѣсты, и невѣста получаетъ приданое (надо замѣтить, что хотя у Лопарей покунаютъ невѣсту, но тѣмъ не менѣе дается и приданое), если же бракъ бываетъ тайный, самовольный, то пиршество свадебныхъ не бываетъ, и невѣста не получаетъ приданого, кромѣ того, что можетъ взять съ собою при самовольномъ уходѣ. Празднованіе свадьбы не считается обязательнымъ; бываютъ нерѣдко случаи, особенно у бѣдныхъ, что вѣнчаются, не празднуя свадьбы.

Брачующіеся вопреки воли родителей лишаются приданого и отдѣляются отъ семьи; хотя родители въ такихъ случаяхъ не жалуются и не требуютъ наказанія ослушниковъ, а также не лишаютъ ихъ наслѣдства, но такіе браки пользуются общимъ презрѣніемъ.

Во время сватовства всегда бываютъ семейные и даже родственные совѣты, гдѣ первенствующее значеніе имѣетъ голосъ матери, который часто и рѣшаетъ дѣло.

Хотя родители берутъ на себя заботы объ устройствѣ брачныхъ союзовъ для своихъ дѣтей, но принимаютъ вообще въ раз-

¹⁾ Арх. губ. езд. 1861 г., № 39.

²⁾ Арх. губ. езд. 1869 г., № 81.

что и согласие этих послѣднихъ. Искрѣна случается и такъ, что родители знаютъ дѣтей противъ ихъ воли; такіе браки бывають несчастны, по отсутствію согласія между супругами.

Бракъ у Лопарей сопровождается нѣкоторыми обрядами, выражающими взглядъ ихъ на брачный союзъ ¹⁾. Когда невѣста выбрана, женихъ съ отцемъ отправляется въ тотъ коростъ, гдѣ она живетъ и идетъ въ ее туну. Прежде чѣмъ войти, отецъ жениха творить молитву, и получивъ въ отвѣтъ: аминь, входитъ вмѣстѣ съ сыномъ. Остановившись тамъ впереди сына, онъ вынимаетъ сосудъ съ виномъ, напоминая старшину и подаетъ отцу невѣсты, или если нѣтъ отца, старшину въ семействѣ. Тотъ, видя, что ему поднесли вино, не отказывается отъ подносимаго; а спрашиваетъ: „А что, первая рюмка не завяжетъ?“ на что и получаетъ увѣреніе, что рюмка не обяжетъ исполнить просьбу гостя. Выпивъ рюмку, хозяинъ отдаетъ ее обратно. Послѣ этого слѣдуетъ другая—хозяйкѣ; та, посмотрѣвъ на мужа и получивъ отъ него разрѣшеніе, выпиваетъ также. Принявъ отъ гостя и другую рюмку, хозяинъ приглашаетъ его и сына садиться, и тогда-то между выпившими родителями жениха и невѣсты начинается сватовство. Женихъ не принимается въ немъ никакого участія. Осушивъ привезенное, гости уѣзжаютъ, получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе подумать. Вообще, вино играетъ видную роль при свадьбахъ: женихъ до самаго заключенія брачнаго союза обязанъ пить отцу невѣсты при всякомъ удобномъ случаѣ; иначе дѣло расхочется ²⁾. Когда отецъ будетъ согласенъ отдать свою дочь замужъ, то присылаетъ своего сына съ утвердительнымъ отвѣтомъ къ отцу жениха. Тотъ, получивъ отвѣтъ, прибываетъ съ родными въ домъ невѣсты. Прежде всего заключается договоръ о платѣ, которую женихъ долженъ дать за невѣсту; условія этого договора никогда не бывають пись-

¹⁾ Такъ какъ свадебные обряды у Лопарей и другихъ инородцевъ сближаются не болѣе какъ общую картину, и самъ законъ признаетъ за такими обрядами юридическую силу (въ 20 ст. X т. ч. 1 говорится, что каждому племени и народу, не исключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по принятымъ обычаямъ), то мы излагаемъ обряды, сопровождающіе заключеніе брака, въ ихъ существенныхъ чертахъ.

²⁾ Арх. губ. зем. 1868 г. № 21 Этнографія Лопарей.

венны; такъ какъ между Лопарями не распространена грамотность. Договоръ о куплѣ ведется такъ безцеремонно, какъ бы дѣло шло о всякомъ другомъ предметѣ: продали ли кушанья, при этомъ дѣлаются обыкновенно съ недѣльной старшей, непостоянные запросы. Плата за невѣсту состоитъ въ известномъ количестве оленей, мясной рухляди, или навоза; въ службу тости въ продолженіе двѣхъ снаго срока. По заключеніи договора, биваетъ рукобитье: отцу жениха и невѣсы подаетъ другъ другу руки, которые разнимаетъ посторонній свидѣтель, затѣмъ слѣдуетъ богомолье — зажигаютъ свѣчи передъ иконами и молятся Богу за нѣсть. Послѣ этихъ обрядовъ брачный договоръ снимается, заключенный. На рукобитьи и богомольи условій о прикуплѣ не бываетъ. Женихъ и невѣста обмѣниваются подарками: невѣста даритъ заступу съ морошкой, якумъ (обувь для жениха оленьихъ ногъ) или оборы въ кемомъ (тоже видъ обуви), вазаній колпакъ, плось сверовъ, а получаетъ въ обмѣнъ кольцо, пряжу, платокъ.

Расходы жениха на свадьбу не ограничиваются платой за невѣсту, подарками ей и угощеніемъ будущаго тости. Назануиъ дядь назначеннаго для отъѣзда въ деревню, всѣ родные и знакомые невѣсты собираются въ ея туль. Приѣзжаютъ женихъ, но его не пускаютъ туда: дверь заперта на задвижку. Онъ останавливается съ своими родными въ сѣняхъ и начинаетъ стучать въ дверь, приговаривая до трехъ разъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“ Послѣ послѣдняго удара изъ за дверей сердито окликаютъ пришедшихъ, заспаннымъ, кричавъ голосомъ: „Кто это тамъ по ночамъ бредитъ, баюкаетъ?“ И просунувъ голову въ полуотворенную дверь, Лопарь, родственникъ невѣсты, жмуритъ глаза и приговариваетъ: „Не вижу, не вижу, что тамъ за люди пришли!“ Отецъ жениха даетъ ему подлинникъ, тотъ третъ монетой одинъ глазъ и щуритъ другой. Хотя онъ опять получаетъ отъ жениха какую-нибудь монету, но все не отстаетъ, говоритъ, что у него болитъ горло, что онъ ослѣлъ, и получаетъ подарки — платокъ и т. д. То же самое повторяетъ и другой припратникъ. Обдаривъ этого послѣдняго, сказываютъ ему, что пришли де отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла птичка и спряталась въ этой вѣжѣ. Ихъ тотчасъ пускаютъ посмотреть, поискать. Въ то время какъ гости входятъ въ избу, вся родня невѣ-

оты сидеть на спящих, но самой невесты здесь нет; отец ее сидеть, опустив голову, дѣлая видъ, будто спитъ. Гости подходятъ къ нему и будятъ, ударя въ голову ладонями ладоней. Ожидшійся отецъ присираетъ дыма и крошитъ на охи, на починку головы. Та же самое дѣлаетъ и вся остальная невестина родня, которую женихъ обязанъ также обдаривать. Когда эта церемонія кончится, выводятъ невесту, закрываютъ покрываломъ, и сажаютъ на постель. Родные указываютъ на нее приглашеннымъ и спрашиваютъ: „Не такъ это дѣлать, что-нибудь?“. Не свата даромъ не называютъ дѣву, проситъ подарка и получаетъ его, поднимаетъ покрывало. Она говоритъ пришедшимъ. После того шаферъ невесту подводитъ съ жениху, говоря: „Хороши ли у вашего сокола котти, не пробуютъ“, затѣмъ соединяетъ ихъ руки, соединяетъ пальцы невесты въ руку жениха и начинаетъ ударять рука объ руку. Потомъ, будто бы испугавъ крѣпость когтей сокола, т. е. жениха, говоритъ: „Охъ, у вашего сокола котти хороши“. Женихъ даритъ невестѣ платокъ, который она тутъ же одѣваетъ на голову, и уѣзжаетъ домой, а его родные остаются у невесты пировать.

На другой день женихъ отправляется къ невестой, чтобы ѣхать въначалье. Парадь отъѣзда: отецъ влѣзаетъ отцу и матерю въ ноги, прося благословенія; родители глядятъ это крестобразно поспивъ три раза. Затѣмъ садятся на оленей и ѣдутъ къ невестѣ, гдѣ встрѣчаютъ ихъ поклонами. Войдя въ туну и помолясь Богу, женихъ садится къ невестѣ, которая, наряженная и покрытая платкомъ, сидитъ противъ камельна; родные жениха садятся въ большой уголъ. Невеста начинаетъ причитать родителямъ: „Какъ я жила у васъ, не знала ни заботы, ни печали, а теперь всю печаль кладете на мою бѣдную голову“. Въ это время готовить столъ для пирушества, за столъ садятся женихъ рядомъ съ невестой и вся родня. По окончаніи пирушества, женихъ и невеста встанутся до трехъ разъ въ ноги своимъ родителямъ и крестнымъ отцамъ и получаютъ отъ нихъ благословеніе. Затѣмъ невеста начинаетъ снова причитать, между тѣмъ какъ готовятъ оленей для отъѣзда въ церковь. После ѣвначья родные невесты пируютъ у жениха, по окончаніи стола, молодые ходятъ съ чаркою, въ которую каждый кладетъ сколько можетъ. Затѣмъ гости расходятся, а молодые, отправляясь спать, кланяются отцу и матери

въ ноги. По утру молодая снова кланется въ ноги свекрови, проси у нея дѣла; та даетъ ей сначала визитъ свѣту¹⁾. Иногда случается, если въ погостѣ или на близости его нѣтъ церкви, надо ѣхать въичатьея верста за 800— въ Колу. Въ продолженіе всей дороги женихъ и невѣста ѣдутъ рядомъ, держа подлѣ верени. У невѣсты голова и лицо бывають заврѣти большимъ платкомъ. Обычквинисъ; новобрачны внимають квартиру въ Колѣ для празднованія свадьбы. Молодая въ этотъ день бывають съ непокрытою головою противъ обыквенія. Свадебное угощеніе бывають иногда ничто иное, какъ общественный пиръ, на который каждый несетъ съ собою и съѣстное, и напитки. Такъ какъ иногда женихъ платитъ за невѣсту службой тестю, то въ такомъ случаѣ послѣ свадебнаго пира молодые ѣдутъ къ отцу невѣсты и остаются у него на годъ. Проживъ годъ, они отиражаются въ погостъ, къ которому принадлежитъ мужъ, получивъ отъ тестя и тещи награжденіе, состоящее изъ оленей, платья и домашней утвари, и устраивають свою отдѣльную вѣжу.

На свадьбѣ со стороны невѣсты дѣлаются жениху и его роднымъ слѣдующіе подарки: жениху—рубаша, свекру и свекрови тоже по рубашѣ, деверьямъ—вареги (рукавицы), золовкамъ—повязки (родъ головнаго убора).

Та сторона, которая откажется послѣ богомолья отъ сдѣланнаго обязательства на счетъ свадьбы, платитъ противной сторонѣ за обиду и убытки вдвое противъ сдѣланныхъ расходовъ на приготовленіе къ свадьбѣ, иногда же расматривается визитъ. Въ запискахъ Марье приводится одинъ случай разрыва обручальнаго договора у Фильмановъ. „Это было въ Гваальсундѣ, куда прикочуютъ Лопари изъ Россіи. Между молодыми обрученными произошло какое-то неудовольствіе. Молодой человѣкъ, именуемый 700 оленей своей невѣсты, согласился бы охотно забыть неудовольствіе, но дѣвушка твердо рѣшилась исполнить свое намѣреніе. Обѣ стороны, сопровождаемы свидѣтелями, явились передъ пасторомъ и невѣста объявила, что желаетъ остаться по прежнему свободною. Тогда женихъ потребовалъ назадъ подарки, сдѣланные имъ невѣстѣ. Дѣвушка взяла ключъ, спрятанный подъ платьемъ, отари-

¹⁾ Арх. губ. отд. 1866 г., № 2.

за нихъ старшій деревянный ящикъ и вынула оттуда серебряный перстень, кожаный поясъ, украшенный серебряными бляхами и три ситцевые платка. Молодой чиновникъ взявъ все это, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, не поперчено ли что-нибудь, и потомъ заявилъ пастору, что обрученъе стоило ему много денегъ, что его невѣста выпила 18 кружечекъ водки, и что поэтому онъ проситъ 10 талеровъ вознагражденія за коммиссионерскія услуги. При такомъ неожиданномъ заявленіи, Ланландеръ гордо взглянула на него и потомъ обратилась къ свидѣтелямъ; оказалось, что дѣвушка выпила только три кружкина. Пасторъ велѣлъ ей выдать талеръ ея жениху, который принялъ его съ такою радостію, какъ будто онъ не смѣлъ надѣяться на плату. Потомъ, по требованію пастора, тужищіеся подали другъ другу руки въ знакъ забвенія обиды и разстались¹⁾.

По обычаямъ Лопарей, приданое дается невѣстѣ послѣ брака, оно состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: *юна* (женская верхняя одежда); каньги, тѣхъ сѣна въ ящикъ, варанги, суменая сосна, оленная постель, *росса*, половинка повода, ягъ сѣтокъ, олень.

Приданое заковывается и отцемъ, и матерью; по выходѣ дѣвушки замужъ, оно поступаетъ въ распоряженіе какъ жены, такъ и мужа, даже послѣдняго болѣе, а прочіимъ роднымъ до него дѣла нѣтъ. По смерти жены, до истеченія трехъ лѣтъ, а въ другія мѣстахъ шести лѣтъ брачной жизни, приданое возвращается въ ту семью, откуда взяла жена, а послѣ трехъ или шести лѣтъ, хотя бы дѣтей и не было, приданое не возвращается и поступаетъ въ неравдѣльную собственность всей семьи. Кромѣ того, по словамъ фонъ-Пошмана, Лопари въ приданое даютъ оленей, и эти олени называются *безсмертными*: это означать что число оленей должно быть всегда цѣло и неизмѣнно: 2).

Въ домашнемъ хозяйствѣ жена Лопари можетъ распоряжаться рыбою, мужъ — птицаи и оленьимъ мясомъ. Вообще нѣтъ обычая, чтобы доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній поступали въ исключительную собственность жены.

Занятія между мужчинами и женщинами у Лопарей распределяются слѣдующимъ образомъ: охоту, рыболовство и оверамъ

¹⁾ *Сынъ Отечества* 1839 г., т. VII, стр. 19.

²⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1870 г., № 27.

занимаются Лопарки, а мужчины промышляют по лесамъ дичью: оленей, медвѣдей, лисичь и приносятъ этою промысламъ провѣдять зиму. Между тѣмъ женщины съ помощью ребятъ выполняютъ всѣ домашнія дѣла: придутъ ленъ и прядутъ, изъ прядки дѣлаютъ невода и сѣти, изъ соснового корня вяжутъ веревки, которыя употребляютъ на тетивы къ неводамъ и сѣтямъ; вяжутъ лапти и волками изъ овечьей шерсти; плетутъ корзины, мешки и куншаки; а изъ оленьихъ кожъ шьютъ платья; также заготовляютъ дрова.¹⁾

Очень рѣдко случается, чтобы супруги расклялись вследствие семейныхъ ссоръ; въ такомъ случаѣ приданое остается при женѣ. При расколѣ дѣти раздѣляются родителями: сыновья берутся отцомъ, дочери — матерью.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Въ лопарскомъ быту значеніе семьи преимущественно *крюное*. Отецъ, какъ глава, имѣетъ полную власть надъ своею семьей и всѣмъ имуществомъ. Отъ отца, по существующему обычаю, власть переходитъ къ старшему сыну, которому и подчиняется вся семья, со всѣмъ имуществомъ и заработками.

Отецъ совершенно властенъ распорядиться и дѣдовскимъ имуществомъ, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя дѣдъ оставилъ внуку или внучкѣ. Родители имѣютъ полное право лишить непослушныхъ дѣтей наслѣдства: если сынъ отдѣлится противъ воли отца, тогда не получаетъ никакой доли изъ имѣнья, вромѣ ружья и приданого жены.

Гдѣ семья состоитъ изъ нѣсколькихъ братьевъ или дядей съ племянниками, тамъ хозяйство у каждого свое, а имѣютъ они только общій столъ; иногда же живутъ все общее до тѣхъ поръ, пока не замѣтатъ за кѣмъ набуды утайки изъ заработка, лишь замѣтатъ утайку, то ротчасъ начинается дѣласть. Пока живутъ вмѣстѣ, то наибольшимъ считается старшій братъ, а козиминой — его жена.

Вообще, женщина у Лопарей не пользуется большимъ уваженіемъ, что можно видѣть и изъ ихъ свадебныхъ обрядовъ, гдѣ

¹⁾ Озерцовскій, Путешествіе въ Колу.

она является просто как предмет торговли. Въ некоторых случаях она считается поганой, какъ шаманство, во время беременности. У Лопарей-извѣтниковъ беременныя женщины не могли переступать, подь страхомъ смерти, границы тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли ихъ идолы—сейды. Женщины даже не могли смотрѣть на эти мѣста во время проезда, а обязаны были закрывать глаза руками; даже мужчины не могли ходить тамъ въ той обуви, которая лежала въ одномъ сундукѣ съ женскими башмаками :). Но женщина, какъ мать, является съ некоторымъ значеніемъ въ семьѣ; но понятіямъ Лопарей, ея власть надъ дѣтми даже выше власти отца. Однако мужъ можетъ распоряжаться ея имѣніемъ, и полною хозяйкой является она только по смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, хотя и тутъ власть ея надъ отцовскимъ и дѣдовскимъ имуществомъ ограничена: она не можетъ изъ него ничего продать, кромѣ одного оленя.

Послѣ смерти отца дѣти не могутъ раздѣлиться безъ согласія матери. Когда мать умираетъ, ея приданое наследуютъ дѣти обо-его пола, сыновья и дочери.

По смерти обоихъ родителей, братья, при семейномъ несогласіи, дѣлятся; въ дѣлѣ не участвуютъ братья, прежде отдѣленные. При раздѣлѣ тупа всегда предоставляется младшему брату. Незаконнорожденные не имѣютъ доли въ наследствѣ. Если старшій братъ, оставшійся по смерти родителей съ несовершеннолѣтними братьями, сдѣлаетъ приращеніе въ имущество, то оно идетъ въ общій раздѣлъ.

Заложенное отцемъ и выкупленное сыномъ имущество, дѣлается собственностью выкупившаго.

Лопари не несутъ натуральной рекрутской повинности, а потому у нихъ нѣтъ оставшихъ солдатъ.

Чужихъ дѣтей Лопари усыновляютъ только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ собственныхъ имъ дѣтей, ни братьевъ. Тогда имущество предоставляется усыновленному.

Зять не считается усыновленнымъ, хотя бы онъ былъ принятъ въ домъ къ дочери. Въ послѣднемъ случаѣ, по смерти жены, онъ

*) Новики и достообразы чукотскія в Лапландскѣ, стр. 126.

остаётся въ домѣ въ родительскій и долженъ кормить дѣтей до возраста, а материнскими имѣніемъ пользуются дѣти обоюго пола по обычнымъ частямъ. Если же онъ окажется бездѣтнымъ, то долженъ выйти вольно изъ дома жены.

3. Опекунство и попечительство.

Опека у Лопарей не существуетъ. По смерти матери попеченіе о дѣтяхъ лежитъ на отцѣ, а по смерти отца—на матери. За смертью родителей, обязанность призванія дѣтей лежитъ на старшемъ братѣ. Имущество остаётся общимъ до тѣхъ поръ, пока младшіе придутъ въ возрастъ. При раздѣлѣ оно идетъ по обычнымъ частямъ. Сироты, оставшіяся по смерти родителей безъ пріюта, содержатся миромъ, который за нихъ вноситъ и подати. Но чаще бываетъ такъ, что сиротъ воспитываютъ крестные отецъ или мать, предоставляя міру вносить за нихъ подати; иногда ихъ воспитываютъ тотъ, кто пользуется выгодами отъ ихъ имущества, которое выдается имъ, по вступленіи ихъ въ бракъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

а) вообще.

Способы пріобрѣтенія разнаго рода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ у Лопарей слѣдующіе: завладѣніе, купля, даръ, заработки, приданое. Все пріобрѣтенное трудомъ составляетъ общую собственность семьи; приданое составляетъ собственность той, съ кѣмъ оно пріямно, и ея мужа.

Для охраненія собственности Лопари имѣютъ особые знаки, такъ называемыя клейма: каждый Лопарь имѣетъ свое особое клеймо. Оно дается ему на престинахъ, когда дарится младенцу самка оленя, помѣченная этимъ клеймомъ; онъ помѣчаетъ имъ своихъ оленей всю жизнь, что даетъ каждому хозяину возможность распознавать своихъ оленей, когда стада пасутся вмѣстѣ, напримеръ, лѣтомъ, когда ихъ отвозятъ на острова, чтобы уберечь отъ волковъ. Эти клейма иногда изображаются на деревянной дощечкѣ — кейкаль, которую привѣшиваютъ къ шеѣ оленя, иногда вырѣзываются на

ого шерсти. Клейма на оленях также помогают хозяевам охранять их от покушений посторонних, которые иначе могли бы убивать оленей, принимая их за дичь. Однако все-таки случается, что не знающие этого обычая убивают оленей, за что должны брать обмененно раздѣливаться съ хозяевами. Озерцевскій разсказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Прѣѣзжая такъ называемые Семь острововъ, грѣбны мои, гарнизонные солдаты изъ г. Архангельска, застрѣлили оленя. Я радонался, что голодные люди понадеялись такая богатая добыча, которую они и ѣли около двухъ недѣль съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на то, что олень былъ очень старъ, и мясо было черное и сухое. Олень съѣденъ и позабытъ; но когда стало неудобно раздѣлывать по овану на осеннюю бурю, то я приказалъ въ Келу. Тутъ я нашелъ Лопаря, хозяина убитаго оленя. Права свои на оленя онъ доказалъ съ простодушиемъ, сродно Лопарямъ, правотомъ. Видя его бѣдность, я съ удовольствіемъ удовлетворилъ его вознагражденіемъ въ 2 рубля, въ чемъ и состояло его требованіе“. Лопари также ставятъ свои клейма на подстрѣленныхъ дикомъ оленѣ, положенномъ на сохраненіе въ воду, нога не прѣйдутъ на нихъ, чтобы его отвезти. Клейма во многихъ случаяхъ закрѣпляютъ письменные знаки; ихъ прикладываютъ въ приговорахъ и разнаго рода бумагамъ, и въ такомъ случаѣ они называются заручными знаками. Клейма у Лопарей произвольно выдуманна, а зарѣдка состоитъ изъ первоначальныхъ буквъ имени и фамиліи.

в) съ частности.

Завладѣніе. Случаются у Лопарей захваты разнородныхъ угодій, какъ-то: озерныхъ, рѣчныхъ рыбныхъ угодій, звѣринныхъ. Эти захваты разбираются въ томъ мѣстѣ-погодѣ, въ которомъ находится виновникъ захвата, но завладѣнію законнаго владѣльца.

Клады и находки. О кладахъ Лопари мало имѣютъ понятія и никогда ихъ не ищутъ. Но у Фильманова очень распространены обычай зарывать кладъ. Они любятъ серебряную кофету, которую стараются добыть и тайно отъ домашнихъ зарываютъ гдѣ-нибудь въ землю, въ котелкѣ или горшкѣ. Часто Фильманъ при смерти не объявляетъ мѣста, гдѣ у него зарыты деньги, а часто и самъ забываетъ это мѣсто. Случается, что какой-нибудь неморь или Лопарь

найти подобный клад, и разумеется, приносить. Так например, бывъ случивъ, что одинъ Фильмантъ, накопивъ порядочную сумму серебряной монеты, зашилъ ее въ мякоть дѣл невидѣнной толстой иглы и спряталъ въ землю. Россомха, привлеченная въ такомъ толена, отрыла мякоть и съѣла его. Черезъ нѣсколько времени поморы нашли на томъ мѣстѣ разсыпанное серебро и взяли себя. Фильмантъ долго ропсалъ о потерѣ своего богатства. Сочинитель книги „Новыя и диковныя извѣстия о Ланландцахъ“ нѣсколько болѣе разъясняетъ указанное обвиненіе. Онъ говоритъ, что Ловари сариваютъ не одни деньги, но и иныя дорогія вещи, и притомъ такъ старательно, что наследники не могутъ отыскать. Это, прибавляетъ онъ, не удивительно, что они такъ далеко прячутъ свои вещи, потому что не имѣютъ ни ключей, ни замковъ у своихъ сундуковъ; но удивительно то, что они, будучи на смертномъ одрѣ, не отыскиваютъ мѣста закладываемъ, которые могли бы воспользоваться вещами. Говорятъ, что одинъ Ланландецъ, находясь при смерти и спрошенный, почему онъ не отдастъ спрятаннаго наследникамъ, отвѣчалъ, что онъ по смерти своей боится претерпѣть недостатокъ и скудость. Слѣдовательно, это обвиненіе находится въ связи съ вѣрованіемъ о загробной жизни²⁾.

При нахождѣ чужой вещи выдается въ вознагражденіе ближайшему третья часть ея стоимости. Когда вещь найдена мноюми; то эта третья часть дѣлится на всѣхъ находившихъ поровну. За находку оленя, принадлежащаго чужому погосту, платится отъ 50 к. до 1 р., а изъ своего погоста, за оленя, принадлежащаго сосѣду, не платится ничего. Утаенная вещь-находка возвращается законному владельцу безъ вознагражденія находителя.

На разныхъ мѣстахъ Мурманскаго берега (вердѣе выходящихъ на берегъ морскихъ вѣтровъ, замучившихъ касатками. Выброшенные киты принадлежатъ тѣмъ ловарскимъ обществамъ, въ урочьяхъ которыхъ они найдены. Общества продаютъ ихъ польскимъ купцамъ рублей за 80—100 и два или три анкера рому, что гораздо ниже ихъ настоящей стоимости. Но и тутъ купцы не упускаютъ случая обмануть Ловарей. Такъ одинъ купецъ, взявъ у Ловарей

²⁾ Новыя и диковныя извѣстия о Ланландцахъ, стр. 120—121.

кита, обѣщали имъ за то сдѣлать серебряную позолоченную ризу на икону Николая Чудотворца; онъ ее и сдѣлалъ, но пожертвовалъ отъ своего имени въ Кольскій соборъ, не заплативъ Лопарямъ ни копѣйки ¹⁾.

Дареніе. Всѣ торжественные случаи въ жизни Лопаря, какъ-то: родины, крестины, свадьбы, крестованье, все это сопровождается обмѣномъ подарковъ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ подарки какъ-бы закрѣпляютъ заключающійся союзъ. При крестованьи между Лопарями обыкновенно дарится олень безъ всякихъ условій и формальностей. Этотъ олень поступаетъ въ собственность всей семьи и обратно не возвращается. При свадьбахъ также, какъ было выше сказано, немалую роль играютъ подарки. При заключеніи свадебнаго договора женихъ и невѣста обмѣниваются подарками; женихъ даритъ родныхъ невѣсты, а невѣста—родныхъ жениха. Еще есть обычай дарить молодыхъ, „класть въ чарку“ оленя, платокъ, деньги. Эти подарки дѣлаются собственностью мужа и жены. При крестинахъ кумъ и кума обмѣниваются подарками: онъ даритъ ситцу на нарукавники, она—шерстяныя вареги. Иногда кумъ даритъ кумѣ оленя, который дѣлается ея собственностью и идетъ съ нею въ приданое ²⁾. Младенцу дарятъ на крестинахъ самку оленя, приплодъ которой также считается его собственностью. На родинахъ свекрови дарится платокъ или повойникъ; бабу же за трудъ не платятъ и подарковъ не даютъ, а только черезъ шесть недѣль для нея бываетъ обѣдъ ³⁾.

Особенное пристрастіе къ подаркамъ имѣютъ Фильманы. Получивъ подарокъ, они считаютъ своею обязанностью непременно отдарить. Этимъ ихъ обычаемъ пользуются поморы. Въ свободное время нерѣдко ходятъ они въ гости къ Фильманамъ, если тѣ живутъ неподалеку, и носятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую-нибудь другую дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое считается лакомствомъ у Фильмановъ. За этотъ подарокъ они обыкновенно получаютъ оленя. Если къ Фильману пріѣдетъ какой

¹⁾ Письмо священника Терентьева.

²⁾ *Арх. губ. етд.* 1868 г., № 2

³⁾ Тамъ же.

нибудь гость почетный, то, угостивъ его по возможности лучше, онъ дарить его самымъ лучшимъ оленемъ изъ своего стада. Одинъ чиновникъ разказываетъ, что на пути своемъ, въ *тундрѣ*, встрѣтился онъ съ незнакомымъ ему богатымъ Фильманомъ. Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій Фильманъ вытаскиваетъ норвежскую серебряную монету и подаетъ ему. Тотъ не счелъ возможнымъ отказать, такъ какъ былъ знакомъ съ этимъ обычаемъ Фильмановъ, и предложилъ въ обмѣнъ стаканъ рому ¹⁾. Отказаться отъ подарка, предлагаемаго Фильманомъ, значить — нанести этому послѣднему сильное оскорбленіе.

Авторъ „Достовѣрныхъ Извѣстій о Лапландцахъ“ говоритъ, что обыкновеніе, которое имѣютъ восточные народы, дарить своихъ начальниковъ, есть и у Лапландцевъ, и что послѣдніе, приходя къ проповѣднику или къ главному надъ портомъ, приносятъ съ собою зайцевъ, рыбъ, оленьяго мяса, горшокъ масла и горсть пуху, за что ихъ иногда дарятъ табакомъ, патакой, перцемъ и пибиремъ. Этого же обыкновенія придерживались и русскіе Лапландцы, которые, когда приходили въ то мѣсто, гдѣ находился ихъ старшина, приносили ему хлѣбъ на деревянномъ блюдѣ, а иногда курныя яйца, соленую семгу, кусокъ холстины и пр. ²⁾.

Право наслѣдованія. По смерти отца право распоряженія имуществомъ переходитъ къ старшему сыну. Если братья не пожелаютъ жить вмѣстѣ, матери выдѣляется равная часть съ сыновьями, а дочерямъ половина противъ сыновей, такъ какъ, по понятіямъ Лопарей, женское колѣно вдвое ниже мужскаго, отчего дѣвушки и зовутся у нихъ *половинками*. Приемыши и незаконнорожденныя, при прямыхъ наслѣдникахъ, не пользуются правомъ наслѣдства. Ранѣе отдѣленные дѣти также не имѣютъ права на участіе въ дѣлѣжѣ наслѣдства покойныхъ родителей. Изъ имущества, идущаго въ наслѣдство, исключается олень, на которомъ везли хоронить покойника; этотъ олень продается, и одна часть вырученныхъ денегъ поступаетъ за отпѣвъ причту, а другая раздается бѣднымъ на поминъ души покойника.

Если умретъ отдѣленный сынъ, то отъ жены его, не прожив-

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

²⁾ Достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 118.

шей съ нимъ трехъ лѣтъ, имѣніе отбирается свекромъ; но если мужъ умретъ послѣ трехъ лѣтъ, а въ иныхъ мѣстахъ послѣ шести лѣтъ брачной жизни, то имѣніе остается за вдовой, хотя бы она и не имѣла дѣтей.

Если умретъ отецъ, послѣ котораго останется бездѣтная мачиха, то она отсылается прочь безъ всякаго надѣла, ей дается только ея приданое. Когда же второбрачная жена останется съ дѣтьми, то отцовское имущество дѣлится поровну между дѣтьми какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго брака; мачиха ничего не получаетъ, но пасынки обязаны ее кормить. Когда нѣтъ сыновей, то при дѣлежѣ имѣнія, мать получаетъ полную часть, а каждая изъ дочерей по половинѣ. Если у матери одна дочь, то имѣніе дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ идутъ матери, а третья—дочери и постукаетъ съ нею въ приданое. Когда нѣтъ матери, а однѣ дочери, то онѣ дѣлятъ имущество поровну.

Если нѣтъ наслѣдниковъ, то имущество покойнаго, за уплатой долговъ, дѣлится на двѣ части: одна въ часовню—Богу, а другая раздается въ милостыню старухамъ, на поминъ души покойнаго.

Послѣ смерти матери, приданое дѣлится поровну между дочерьми, а если ихъ нѣтъ, то—между сыновьями.

Для предупрежденія ссоръ и несогласій между братьями на счетъ раздѣла имущества престарѣлые родители дѣлаютъ словесныя завѣщанія при трехъ постороннихъ свидѣтеляхъ: они указываютъ, что изъ имѣнія долженъ получить каждый наслѣдникъ, и согласно указаніямъ дѣлается послѣ ихъ смерти дѣлежъ имѣнія. Письменныхъ завѣщаній не бываетъ, по неграмотности Лопарей.

5) *Договоры и сдѣлки*. Такъ какъ Лопари имѣютъ сильное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, то никакое заключеніе договора или сдѣлки не обходится у нихъ безъ вина; оно играетъ видную роль при всякихъ подрядахъ, продажахъ, покупкахъ. О его важномъ значеніи при заключеніи свадебнаго договора было говорено выше; тутъ обязанность пить лежитъ на сторонѣ покупателя, т. е., жениха. Въ другихъ случаяхъ, когда заключается какойнибудь договоръ, литеи покупаетъ та или другая сторона, смотря по условію; иногда обѣ стороны справляютъ литеи, по туземному *харьки*, по ровну. Этимъ пристрастіемъ Лопарей къ завершенію дѣлъ виномъ пользуются русскіе промышленники для своихъ вы-

годъ; лишняя чарка водки часто рѣшаетъ дѣло въ ущербъ Лопаря ¹⁾).

Есть у Лопарей также обычай давать задатокъ тому, кто беретъ на себя какой-нибудь подрядъ или нанимается въ работу; этотъ обычай не всегда удобенъ для нанимателя при неустойкѣ подрядившагося, но безъ него нельзя обойтись. Задатокъ почти всегда равняется половинѣ условленной платы, и дается онъ какъ деньгами, такъ и вещами:—мукой, съѣстными припасами, холстомъ, сукномъ и пр.

При заключеніи договоровъ также въ ходу поручительство; поручители, при неисполненіи договора, отвѣчаютъ своимъ имуществомъ.

При заключеніи сдѣлокъ, а особенно при разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ, приглашаются свидѣтели, обыкновенно старики. Свидѣтели бываютъ при устныхъ завѣщаніяхъ, дѣлаемыхъ родителями дѣтямъ на счетъ раздѣла наслѣдства; въ этомъ случаѣ ихъ требуется обычаемъ трое, какъ было выше сказано.

При покупкахъ, продажахъ, наймахъ, подрядахъ, а также и при свадебномъ договорѣ обѣ стороны подаютъ другъ другу руки, которыя разнимаетъ посторонній свидѣтель, потомъ молятся Богу и пьютъ вино—ливки. Послѣ того договоръ считается оконченнымъ, и некоторая сторона не въ правѣ отъ него отказаться; отказъ влечетъ за собою потерю задатка или вознагражденія.

Если продается олень, то съ нимъ идетъ, какъ его принадлежность, *памяя* и *вожъ*, т. е., узда и возжи.

Если заложать какую-нибудь вещь, то давшій деньги подъ залогъ не можетъ пользоваться этою вещью, пока не пройдетъ срокъ, назначенный для ея выкупа. Послѣ этого срока она дѣлается собственностью того, кому была заложена. Если вещь была заложена отцемъ, то сынъ можетъ ее выкупить, и она дѣлается, въ такомъ случаѣ, его собственностью.

Общихъ помочей не бываетъ у Лопарей. При постройкѣ тупи или въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ, когда требуется постороннее содѣйствіе, они помогаютъ другъ другу безденежно или за одно угощеніе. Впрочемъ, есть случаи, когда принимается об-

¹⁾ *Максимозъ*, Годъ на Сѣверѣ, стр. 212.

щій трудъ: это—перевозка часовни при перемѣщеніи погоста на другое мѣсто. Работа эта исполняется общими силами всего міра, т. е., погоста.

Родители имѣютъ полное право отдавать своихъ не отдѣленныхъ дѣтей въ работу, но отдѣленныхъ не могутъ.

Такую же власть, какъ родители надъ не отдѣленными дѣтьми, имѣютъ хозяева надъ своими работниками и работницами. При ихъ наймѣ всегда дается нанимателемъ задатокъ, который равняется третьей части условленной платы. Работники или работницы могутъ оставить хозяина только въ такомъ случаѣ, если хозяинъ худо содержитъ ихъ или даетъ работу, выходящую за предѣлы сдѣланнаго условія, или наконецъ, не дѣлаетъ уплаты въ условленный срокъ. Работникъ, безъ достаточныхъ основаній оставившій хозяина, лишается платы, прослужившій же честно по условію свой срокъ получаетъ въ награду платокъ, хлѣбъ и съѣстные припасы на дорогу. Иногда Лопари нанимаются къ промышленникамъ на лѣто въ покрученники и тутъ пользуются, какъ и другіе покрученники, опредѣленною частью добычи.

Церковные сторожа служатъ по найму отъ прихожанъ.

Найма въ рекруты не бываетъ; за рекрутство вносятся деньги съ души.

Касательно условій, подъ какими даются вещи на поддержаніе, на время, можно сказать слѣдующее: если дается не обученный олень на зиму, то условіемъ вознагражденія дѣлается его приученіе къ ѣздѣ; если дается обученный, то за него платится 1 руб. Если берутъ на короткое время деньги взаймы, то не платятъ никакихъ процентовъ, за годовой же срокъ платится 1 руб на 100, т. е., одинъ процентъ.

На хлѣбъ, говядину, рыбу, соль и пр., взятые взаймы, никакихъ надбавокъ не дѣлается.

Занимая огромное пространство земли, Лопари являются обладателями многихъ земляныхъ, рыбныхъ и звѣриныхъ угодій. Изъ своихъ земляныхъ угодій, которыя состоятъ въ сѣнокосахъ, они не извлекаютъ почти никакой выгоды. Лопари Вабенскаго погоста, пограничнаго съ Финляндіей, не только сами не косятъ сѣна, но и не хотятъ позволить этого Финляндцамъ, которые охотно взяли

бъ ихъ сѣнокосы въ аренду ¹⁾. Только Лопари Воронежскаго общества извлекаютъ нѣкоторую пользу изъ своихъ сѣнокосовъ, которые отдають ежегодно за незначительную цѣну въ оброчное содержаніе кемскимъ мѣщанамъ, въ 1866 г. они отдавали 95 десятинъ 1975 кв. саж. за 99 р. 23 к. Свои рыбныя угодья, а именно семужьи тони, Лопари также отдають въ аренду. Эти тони искони раздѣлены между погостами, составляя, по мѣстному обычаю, собственность каждаго погоста. Общество отдаетъ отъ себя право ловить въ своихъ тоняхъ семгу какому-нибудь лицу, обыкновенно изъ Русскихъ, на три года. Доходъ съ этихъ тоней предназначается специально на уплату податей и мірскихъ сборовъ. Отдача тоней въ аренду производится слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день собирается сходка, по туземному юма, и производятся торги. Сперва опредѣляется, за сколько ревизскихъ душъ долженъ уплачивать ежегодно окладныхъ мірскихъ сборовъ желающій взять тони на три года для ловли рыбы; послѣ того вызываются желающіе возвысить число душъ на каждую тоню, и за надбавившіиъ высшее число остается тоня. За самыя доходныя тони, въ одномъ погостѣ вносились всѣ казенные и мірскіе сборы, за 40 ревизскихъ душъ—250 руб. ²⁾. Одна изъ доходнѣйшихъ тоней, Туломскій падунонь, находилась болѣе 20-ти лѣтъ во власти одного кольскаго купца, онъ такъ опуталъ Лопарей, что, будучи его постоянными должниками, они обязаны были отдавать ему всю вылавливаемую семгу за произвольно назначаемую плату, всегда очень низкую. Семга обходилась ему не дороже 50 коп. за пудъ, хотя, по условію, онъ обязывался платить за нее Лопарямъ 1 р. 50 к. Это велось такъ: Лопари должны были брать соль у своего хозяина въ Колѣ, доставлять на падунонь на свой счетъ, солить семгу, чтобы доставить хозяину уже соленою, утечку также должны были принимать на себя. Они платили за соль по 70 к. съ пуда, забирая ее у своего хозяина, который завозилъ ее въ Колу безплатно подъ ихъ именемъ; сверхъ того, почти половина семги забраковывалась за дурно осоленною. Эта богатая тоня давала Лопарямъ такъ мало, что доходовъ не хватало на уплату

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 40.

²⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 20.

податей и мирских сборовъ, да еще должны были хозяину сотни рублей. Въ 1866 году, по настоянію окружнаго начальника Козьмина, предложено было отдать ловъ семги на р. Туломѣ въ трехгодичное арендное содержаніе съ торговъ, на которые тотчасъ явились желающіе, и поморскій крестьянинъ Савинъ предложилъ самую высшую плату—1 р. 70 к. съ пуда выловленной семги ¹⁾. Теперь эта тоня отдается въ аренду на слѣдующихъ условіяхъ: за пудъ крупной свѣжей семги платится 1 р. 80 к., за мелкую 1 р., за осеннюю 3 р. пудъ. Вырученныя отъ арендаторовъ деньги прямо поступаютъ въ уплату податей. Въ настоящее время Туломскіе Лопари не только избавлены отъ заботы объ уплатѣ своихъ повинностей, но еще получаютъ часть денегъ на руки.

Лопари имѣютъ обычай брать все нужное въ долгъ, даже если есть деньги, а при заработкѣ или продажѣ получать плату товаромъ ²⁾. Этотъ обычай крайне вредно вліяетъ на благосостояніе ихъ, но находитъ сильную поддержку въ русскихъ торговцахъ, которые пользуются имъ, чтобы закрѣпить Лопарей за собою и держать ихъ въ вѣчной кабалѣ. Каждый Лопарь, какъ бы онъ ни былъ зажиточенъ, имѣетъ кредитора, котораго онъ называетъ своимъ хозяиномъ и благодѣтелемъ, у котораго состоитъ всегда въ долгу и потому въ полной зависимости. Такъ напримѣръ, Лопари всей сѣверо-западной части Кольскаго полуострова, т. е. погостовъ: Сонгельскаго, Нотозерскаго, Кильдинскаго, Мотовскаго и Печенгскаго, находились издавна въ кабалѣ у двухъ кольскихъ купцовъ, у которыхъ забирала и деньги для уплаты повинностей и все необходимое, отдавая имъ за то всѣ свои промыслы по цѣнамъ, производно назначаемымъ этими купцами. Последніе такъ безцеремонно относятся къ Лопарямъ, что подѣлили между собою ихъ погосты, чтобы не мѣшать другъ другу въ эксплуатаціи Лопарей. Попадъ разъ въ руки эксплуататоровъ, Лопари уже не могутъ болѣе отъ нихъ освободиться, если на выручку не явится какой-нибудь счастливый случай или административное вмѣшательство. Такимъ счастливимъ случаемъ, освободившимъ Печенгскихъ Лопарей, было разореніе ихъ хозяина, купца Шабуина, *подъ которымъ они состояли*, по ихъ соб-

¹⁾ Арх. губ. свѣд. 1869 г., № 93; письмо священника Терентьева.

²⁾ Арх. губ. свѣд. 1868 г., № 26.

ственному выраженію. Они находились у него постоянно въ долгу, за который должны были отдавать ему всё свои промыслы; вслѣдствіе того сами находились въ крайней бѣдности, едва имѣя пропитаніе за всё свои огромные труды. Торговья дѣла Шабуннина поразстроились, и онъ не могъ, при наступленіи промысловъ весною, дать Лопарямъ количество хлѣба, необходимое при производствѣ ловли рыбы, которая должна была поступить въ его собственность. Этимъ случаемъ воспользовались Лопари, чтобы сбыть промыслы по выгодной цѣнѣ постороннимъ покупателямъ, и такимъ образомъ, обезпечивъ себя на зиму, сдѣлаться независимыми отъ хозяина ¹⁾. Мы имѣемъ свѣдѣнія о другомъ торговомъ аферистѣ, кольскомъ купцѣ, захватившемъ въ свои руки Лопарей нѣсколькихъ погостовъ. Этотъ купецъ, служа въ Поноѣ кабацкимъ повѣреннымъ во времена откупной системы, развозилъ по тундрѣ мерзлое вино на продажу Лопарямъ и очень хорошо познакомился съ ихъ полудивными нравами и богатыми промыслами. Послѣ какихъ-то неудачныхъ предпріятій удалился онъ въ Колу на постоянное жительство. Здѣсь онъ въ короткое время успѣлъ забрать половину Колы въ свои кабальные задатчики и закрѣпостилъ пять погостовъ лопарскихъ. Его господство довело Лопарей самаго богатаго изъ погостовъ—Нотозерскаго до крайней бѣдности. Наконецъ, Нотозерскіе Лопари высвобождены были изъ его рукъ административнымъ порядкомъ, но другіе погосты и до сихъ поръ несутъ его иго. Онъ-то владѣлъ Туломскимъ падуномъ съ крайнимъ отягощеніемъ для Лопарей, не смотря на то, что они служили ему и зиму, и лѣто своимъ трудомъ. Изъ морскаго промысла онъ принимаетъ рыбу отъ задатчиковъ по 20 и 25 коп., а когда отправить ее въ Петербургъ, то разчитываетъ ихъ уже по 15 коп. за пудъ. Такъ поступаетъ онъ при всякихъ подрядахъ по поставкѣ къ нему матеріаловъ и въ прочихъ торговыхъ сдѣлкахъ. Всякій, попавшійся къ нему въ руки по нуждѣ, отходить отъ него уже совершенно нищимъ ²⁾. Въ подтвержденіе того, что подобнаго рода факты эксплуатаціи Лопарей дѣйствительно часто повторяются, ссы-

¹⁾ *Арх. губ. свѣд.* 1869 г., № 93.

²⁾ Письмо священника Терентьева.

лаемся на статью: „Нынѣшнее состояніе инородцевъ“ (*Арх. губ. вѣд.* 1867 г., № 28), заимствованную изъ офіціального источника, именно изъ дѣлъ канцеляріи губернатора. „Главное достояніе лопарскихъ обществъ“, сказано въ этой статьѣ, — „составляютъ обильныя рыбныя ловли, преимущественно семги, въ устьяхъ многочисленныхъ рѣкъ Мурманскаго берега. Но никакъ нельзя сказать, чтобъ этими ловлями пользовались Лопари, или же чтобъ извлекали ту пользу, которая естественно и законно принадлежитъ обладателю вещи. Рыбныя ловли, принадлежація лопарскимъ обществамъ, эксплуатируются двоякимъ способомъ: или онѣ сдаются ими въ аренду кольскимъ и поморскимъ капиталистамъ, или сами они занимаются ловлею рыбы и затѣмъ весь уловъ продаютъ тѣмъ же капиталистамъ. Такого рода отношенія представляются сами по себѣ весьма естественными и могли бы повести къ обоюдной выгодѣ, еслибы на практикѣ отношенія эти не сложились въ безвыходную для Лопарей кабальную зависимость отъ кольскихъ и поморскихъ торговцевъ. Пользуясь обстоятельствами, они захватили въ свои руки снабженіе Лопарей предметами продовольствія, а также орудіями рыбной ловли, солью, порохомъ и вообще всѣмъ, что требуется въ неприхотливомъ быту инородца. Самый взносъ государственныхъ податей и повинностей съ лопарскихъ обществъ торговцы благосклонно приняли на себя, такимъ образомъ милостиво избавляя инородцевъ отъ всякихъ хлопотъ по уплатѣ казенныхъ и общественныхъ сборовъ. Вслѣдствіе такого порядка, мало по малу Лопари превратились въ неоплатныхъ должниковъ кольскимъ и поморскимъ торговцамъ, а потому и все достояніе Лопарей и весь трудъ ихъ поступили въ полное распоряженіе этихъ торговцевъ. Лучшія рыбныя ловли Лопарей они могли заарендовать за самую ничтожную цѣну, и также за безцѣнокъ пріобрѣтаютъ отъ нихъ весь ихъ уловъ и добычу отъ пушнаго промысла. Какъ образчикъ тѣхъ экономическихъ отношеній, въ какія поставлены Лопари, достаточно привести слѣдующій фактъ: Кольскій купецъ В. въ 1865 году, за розданныя имъ прежде деньги и хлѣбъ, отбиралъ у Лопарей семгу съ рѣки Туломы по 50 коп. за пудъ, между тѣмъ какъ по распоряженію мѣстнаго окружнаго начальника, остатки этой же семги были проданы съ торговъ по 2 рубля, а въ Архангельскѣ перепроданы по 6—8 рублей за пудъ“.

Лопарь забираетъ все необходимое для себя въ долгъ въ счетъ будущихъ промысловъ, никогда не спрашивая цѣны покупаемаго товара, платю за который и служить весь промыслъ. Не получивъ денегъ на руки, онъ долженъ на слѣдующій годъ, чтобы не умереть съ голоду, опять забирать въ долгъ и т. д. Самые хитрые изъ купцовъ-эксплуаторовъ дѣлаютъ съ своими кабальными каждый годъ расчетъ, чтобы придать дѣлу видъ законности, но такъ какъ Лопари не знаютъ счета своего долга, то все-таки выходитъ въ результатъ, что какъ бы ни былъ улаченъ промыселъ, Лопарь не можетъ расплатиться начисто. Если Лопарь заговорить, что хозяинъ мало скинулъ долгу, что промыселъ стоитъ дороже, то торговецъ припомнитъ ему долгъ его отца, дѣда и прадѣда ¹⁾. Сельскіе начальники даже за податями не обращаются къ Лопарямъ, а прямо къ ихъ хозяевамъ. Да и Лопари сами такъ привыкли къ такому порядку вещей, что потеряли сознание всей бѣдственности своего положенія и даже считаютъ хозяевъ своими благодѣтелями; при томъ они такъ строго соблюдаютъ свои обязательства въ отношеніи хозяевъ, что не рѣшатся продать на сторону какую-нибудь часть своего промысла, хотя бы имъ предлагали очень выгодную цѣну.

Тѣ Лопари, которые самостоятельно промышляютъ треску на Мурманскомъ берегу, находятся въ положеніи также очень невыгодномъ. За недостаткомъ средствъ они не могутъ завести ни снастей, ни вѣрочковъ, которыхъ они часто выпрашиваютъ у промышленниковъ Христа ради ²⁾. Когда у промышленниковъ полны амбары рыбы, или когда нѣтъ ея лова, то они даютъ Лопарямъ ту или другую нужную тѣмъ вещь; когда же подарятъ негодную снасть, то это для Лопарей праздникъ ³⁾. Бральщики (скупщики) еще берутъ у нихъ свѣжую треску, но солить ее Лопари не могутъ за недостаткомъ соли, и потому принуждены складывать рыбу не посоленную въ ямы, гдѣ она гниетъ и дѣлается негодна для продажи. Даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ есть рыболовные снаряды, Лопари все-таки находятся въ полной зависимости отъ бральщи-

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.

²⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 90.

³⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 43.

вовъ, которые вымѣниваютъ промыслы Лопарей и продаютъ ихъ въ Архангельскѣ. Цѣну промыслу брадѣишки назначаютъ сами, такъ какъ Лопарямъ некуда сбыть свой товаръ: большихъ мореходныхъ судовъ у нихъ нѣтъ, а потому они и не могутъ ѣздить съ нимъ сами въ Архангельскъ. Къ тому же Лопари плату получаютъ обыкновенно товаромъ, которому купцы ставятъ также очень высокія цѣны. Такъ напримѣръ, за лисицу даютъ лопарямъ пудъ муки, цѣною въ 80 коп.; между тѣмъ, самая низкая цѣна лисицы 3 рубля ¹⁾).

Вообще, Лопари всегда предпочитаютъ мѣновую торговлю, какъ съ русскими торговцами, такъ и между собою ²⁾). Что добывается ими на звѣринныхъ промыслахъ, какъ-то мѣха: лисьи, медвѣжьи, горностаевые, волчьи, оленьи шкуры,—все это они промѣниваютъ у русскихъ торговцевъ на муку, соль, порохъ, свинецъ, хлѣбъ и другіе необходимые имъ предметы. Эти предметы доставляются на Мурманскій и Терскій берега поморами, которые приѣзжаютъ сюда на своихъ шкунахъ и лодьяхъ; приѣздъ ихъ есть настоящій праздникъ для Лопарей, не имѣющихъ возможности какимъ-либо другимъ образомъ сбыть свой товаръ, хотя всѣ выгоды мѣны, разумѣется, находятся на сторонѣ Русскихъ. Такое же обширное примѣненіе имѣетъ мѣновая торговля и у Фильмановъ. Фильманы мѣняютъ главный свой продуктъ оленей и ихъ шкуры, въ Колѣ и у мурманскихъ промышленниковъ на муку, порохъ, сукно, посуду и т. д. Но главная ихъ торговля производится въ январѣ на берегу озера Эйнаре, куда съѣзжаются съ своими оленями и пушнымъ товаромъ; туда же приѣзжаютъ финляндскіе и норвежскіе торговцы. Такъ какъ у Фильмана всегда гораздо больше товару, чѣмъ нужно для промѣна на необходимые ему предметы, то остатокъ онъ продаетъ на наличныя деньги ³⁾).

Всѣ земли Лопарей, также какъ рѣки, рѣчки, озера, ручьи, лѣсныя угодья,—все это раздѣлено Лопарями по родамъ и передается въ наслѣдственное пользованіе ⁴⁾). Рѣки, принадлежащія

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.

²⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 47.

³⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

одному погосту или двумъ, отдаются въ аренду на лѣто изъ платы, какую могутъ вырядить, съ условіемъ, чтобы взявшій рѣку въ аренду заготавливалъ самъ лѣсъ для закола и промышлялъ рыбу своими людьми. Иногда погость самъ беретъ на себя обязанность заготовить лѣсъ, сдѣлать заколъ, промышлять рыбу, солить ее, и такимъ образомъ готовую сдавать хозяину за опредѣленную плату съ пуда. Семужьи тони составляютъ также общую собственность Лопарей цѣлаго погоста. Способъ пользованія семужьими тонами основывается на томъ, что доходы съ этихъ тонъ, какъ съ самыхъ выгодныхъ статей, предназначаются собственно на уплату податей и мірскихъ сборовъ, какъ сказано выше. Каждому погосту принадлежитъ не одинаковое число тоней, такъ какъ число ихъ зависитъ отъ условій мѣстности; но къ каждой тонѣ одного и того же погоста приписывается одинаковое число ревизскихъ душъ. Обь устройствѣ забора общими средствами Лопарей всего общества и о пользованіи сказано подробно въ Сборникѣ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи, *П. Ефименко*, кн. 1-я, стр. 140. Озерныя тони составляютъ неотъемлемую собственность лопарскихъ семействъ. Владѣніе ими переходитъ изъ рода въ родъ на правахъ частной собственности, которую каждое семейство можетъ отдавать въ арендное содержаніе, безъ согласія общества, или даже продать. Такихъ тоней 172 ¹⁾.

Для ловли на морѣ трески Лопари составляютъ товарищества, которыя, впрочемъ, не могутъ быть самостоятельны по недостатку средствъ, а зависятъ отъ помора-хозяина. Хозяинъ заготавливаетъ судно, промысловыя снасти и хлѣбъ, такъ что Лопари пользуются всѣмъ хозяйскимъ; кромѣ платья и обуви, они за свой трудъ получаютъ отъ хозяина половину всего промысла, скупаемую тѣмъ же хозяиномъ ²⁾). Аренды за станъ, судно, снасти, котлы не платятъ, плата идетъ только за неводъ, что причтется на все судно. За обронъ въ море промысловой снасти они платятъ хозяину половину ея стоимости.

Артелей для содержанія станцій нѣтъ, но были въ прежнее время. Фонъ-Попшманъ сообщаетъ, что въ началѣ нынѣшняго сто-

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 90.

²⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 40; подробности см. въ Сборн. Юридич. Обыч. Арханг. губ., *П. Ефименко*, кн. I, стр. 181.

лѣтія, ловъ семги въ рѣкѣ Іокангѣ былъ предоставленъ въ пользование 12 человекъ, которые отправляли почту и содержали для этого особенную большую лодку, а зимою жили въ разныхъ мѣстахъ по почтовому тракту.

Когда русскіе промышленники уѣзжаютъ осенью съ Мурманскаго берега, окончивъ ловъ трески, то они оставляютъ въ становищѣ снаряды, употребляемые при ловли рыбы, хлѣбъ, соль и другіе съѣстные припасы, заготовленные къ будущему году и сложенные въ амбарахъ, а также и шняки. Все это они отдаютъ подъ надзоръ Лопарей, которые и живутъ тутъ до тѣхъ поръ, пока воды не покроются льдомъ. Когда уже никто не можетъ войти въ становище, они уѣзжаютъ домой въ тундры, иногда верстъ за 200. Зимой пріѣзжаютъ по очереди смотрѣть порученное имъ имущество. Въ теченіи зимы за каждый станъ платится отъ 3 р. до 3 р. 50 к., такъ что Лопари Воронежской и Печенгской волостей, берущіе на себя караулъ становъ, выручаютъ до 700 руб. ¹⁾. Лопари честно исполняютъ принятія обязательства. Если нужда заставитъ иногда воспользоваться частью припасовъ, то по пріѣздѣ промышленниковъ, они объявляютъ о томъ и расплачиваются за взятое ²⁾.

Приводимъ образчикъ сдѣлки, хорошо обрисовывающей экономическое положеніе Лопарей:

„1869 г., Декабря 1-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, третьяго мирового участка Понойской волости, сельскаго общества и селенія, государственные крестьяне какъ мѣстные жители (т. е., обрусѣвшіе Лопари), такъ и проживающіе Лопари, заключили сіе условіе съ г. смотрителемъ Святоноскаго маяка Романомъ Алексѣевымъ, по добровольному нашему согласію. Какъ нами, крестьянами, была отдана въ оброчное содержаніе рѣка Поной на трехлѣтіе крестьянину Кузонемской волости и селенія Кузомена Алексѣю Петрову Заборщикову, т. е., съ 1867 по 1870 г., цѣною осенней семги по 3 р. за пудъ, а межень по 1 р. 50 к., почему Заборщиковъ окончателно былъ бы обязанъ за насъ за всѣхъ заплатить государственныя подати и мірскіе

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 92.

²⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 45.

сборы за вторую половину сего 1869 г. за тѣхъ, которые участвуютъ въ Поной рѣкѣ, онъ, Заборщикъ, пользовался трехлѣтнею этою цѣною, а между тѣмъ отъ платежа государственныхъ податей и мірскихъ сборовъ второй половины сего 1869 г. вовсе отказался. А какъ должностныя лица, сельскій староста Долгихъ и волостной старшина Матрекинъ, не дали намъ отсрочки, то по недарованью Божьему промысловъ въ настоящее время, какъ сальнаго, равно и семузыкаго, мы поэтому вынуждены нашли себя обратиться къ г. смотрителю Святоноснаго маяка Роману Алексѣеву, чтобы онъ заплатилъ за насъ государственныя подати и мірскіе сборы за вторую половину сего 1869 года; такъ какъ, по милосердію человѣческому, смотритель Алексѣевъ на нашу просьбу убѣдился и согласился заплатить государственныя повинности за насъ за всѣхъ за вторую половину сего 1869 г., то его человѣческимъ милосердіемъ мы остались въ настоящее бѣдственное время весьма довольными, почему согласились, по добровольному нашему согласію, поблагодарить г. Алексѣева, т. е. сдѣлать ему уваженіе, ежели Богъ благоволитъ, сальнаго промысла у каждой кожи дешевле прочихъ покупателей рублемъ, а въ противномъ случаѣ недарованія Божія сальнаго промысла сдѣлать отсрочку до семузыкаго промысловъ межени или осени; платежъ долга сдѣлать, во всякомъ случаѣ, не позже 15-го сентября 1870 г. и заплатить заложенный имъ, Алексѣевымъ, капиталъ 135 р. 58¹/₄ коп. сер. Еще считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ случаѣ недарованія Божія промысловъ, какъ сальнаго, такъ и семузыкаго, мы препоручаемъ волостному правленію полное право опродать насъ изъ движимаго нашего имущества и тѣмъ удовлетворить нашего благодѣтеля г. Алексѣева полнымъ количествомъ, безъ ущерба ему, съ благодарностью, въ чемъ и заключили между собою условіе⁴).

II.

Уголовное право.

Кроткій и миролюбивый характеръ Лопарей объясняетъ слабое развитіе между ними преступленій, на которыя они вооб-

⁴) Изъ книги сдѣловъ и договоровъ Понойскаго волостнаго правленія за 1869 годъ.

ще смотреть строго. Какъ можно заключить изъ различныхъ свѣдѣній о Лопаряхъ, они смотрятъ строже на преступленія, совершаемыя въ своей средѣ и вредящія интересамъ другъ друга, чѣмъ на такія, жертвою которыхъ дѣлается посторонній человѣкъ, обыкновенно русской. Причина этому сами Русскіе: они не только не внесли къ Лопарямъ цивилизующаго нравственнаго начала, но и развили въ нихъ склонность къ обману, лживость и т. п. качества. Въ этомъ читатель убѣдится прочтя наши приложенія къ обычаямъ Лопарей. Не мудрено, что Лопари, обманываемые и разоряемые Русскими, стали наконецъ обнаруживать въ сношеніяхъ съ ними коварство и ложь—эти естественныя орудія слабыхъ и угнетаемыхъ людей; но разъ освоившись съ этою тактикой, Лопари не могли уберечься отъ ея вліянія и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мелкія кражи, утайки, обманы, обчеты, недодачи теперь очень перѣдки, а если направлены противъ Русскихъ, то почти и не считаются за преступленія. Между тѣмъ по словамъ автора новыхъ и достовѣрныхъ извѣстій о Лапландцахъ въ Финмархин, 1792 г., у нихъ не было ни воровства, ни драки (стр. 14). Фонъ-Попманъ, писавшій о Лопаряхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сообщаетъ слѣдующее: „Къ чести Лопарей можно сказать то, что у нихъ воровства совсѣмъ нѣтъ; никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы могъ положить свой багажъ. Но Лопари, ничего не опасаясь, оленьи кожи кладутъ въ лѣсу, домашнія вещи всѣ бываютъ разбросаны и поставлены подлѣ жилья; возвращаясь домой почти черезъ полгода, Лопарь находитъ, что все у него въ цѣлости. Если понадобится Лопарю что ни есть безъ хозяина, то онъ, взявъ, оставляетъ свое клеймо“¹⁾. Что Лопари и теперь часто не имѣютъ основаній бояться воровства между своими, видно изъ самаго способа береженія ими промысловъ. Они хранятся въ маленькихъ конурахъ, около жилища Лопаря. Дверцы этихъ конурокъ затворяются, правда, посредствомъ деревянной задвижки, но эта предосторожность направляется только противъ хищныхъ звѣрей, а не противъ злыхъ людей, которымъ ничего не стоило бы не только отворить дверь, но и разрушить весь амбарчикъ, разобравъ его по доскамъ. Отправляясь собирать

¹⁾ *Арх. губ. вѣд.* 1870 г., № 27.

добычу, пойманную *замасами* (особый снарядъ для ловли птицъ и небольшихъ звѣрей), Лопарь тутъ же въ лѣсу снимаетъ шкуру со звѣря, растягиваетъ ее между палками, и оставивъ на мѣстѣ для просушки, возвращается домой, вполне увѣренный, что опять найдетъ ее на томъ же мѣстѣ ¹⁾.

Впрочемъ, нравственныя качества Лопарей не одинаковы: тѣ изъ нихъ, которые находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Русскими, болѣе удалились отъ первоначальной простоты и чистоты нравовъ, чѣмъ тѣ, которые имѣли меньше случаевъ для таковыхъ сношеній. Лопари внутри Лапландскаго полуострова кротки и тихи; у нихъ нѣтъ ни убійствъ, ни кражъ, ни какихъ-либо другихъ уголовныхъ преступленій. Между тѣмъ Мурманскіе Лопари имѣютъ другія нравственныя свойства: они грабятъ иногда суда, выбрасываемыя бурей на берегъ океана, за что, случается, присуждаютъ ихъ и въ каторжную работу ²⁾. У этихъ послѣднихъ Лопарей воровство такъ вошло въ привычку, что они, не смотря на свою религіозность, не пренебрегаютъ даже случаемъ обокрасть и часовню, какъ то видно изъ слѣдующаго случая, свидѣтельствующаго между прочимъ о простотѣ Лопарей и ихъ суевѣрїи. Однажды Лопарю удалось стащить цѣлый ящикъ церковнаго сбора. Желая спрятать его подалше, онъ вышелъ на тундру, высмотрѣлъ дерево, закопалъ подъ нимъ свою кражу, и отойдя, долго оглядывался потомъ назадъ, съ цѣлю хорошенько запомнить мѣсто. Къ несчастію Лопаря, все это высмотрѣли ребята-зуйки ³⁾, ходившіе изъ становища за морошкой. Зуйки разказали обо всемъ этомъ кормщику; тотъ пришелъ вырыть деньги, ящикъ расколотилъ и бросилъ. Лопарь всплакался, цѣлые дни ходилъ, повѣся носъ, и наконецъ, не выдержалъ и разказалъ русскимъ промышленникамъ свое горе. „От-

1) Очерки Арх. губ. *Верхотуринска*.

2) Очерки природы и быта *Бѣломорскаго края Россіи, Михайловъ, стр. 223, 251.*

3) *Зуйками* называются у поморовъ мальчики-подростки, состоящіе при морскихъ промысловыхъ артеляхъ, занимающіеся приготовленіемъ пищи, чистой рыбы и промываніемъ бочекъ и другою мелкою черною работою; они не имѣютъ доли въ общемъ уловѣ и пользуются лишь тѣю частью, которую имъ бросаетъ большакъ артели; поэтому народная рѣчь и умодобила ихъ морской птичкой-зуйку (изъ породы чаекъ), хватающей всѣ выкидывши, ненужныя потроха изъ расластанныхъ рыбъ и т. д. *Ред.*

чего же ты по дурацки пряталъ?" спрашивали тѣ. „Льзя видѣть, льзя не видѣть“, оправдывался Лопарь и приписалъ все это злымъ духамъ ¹⁾).

Не смотря на вредныя вліянія, такъ измѣнившія нравственную природу Лопарей, они во многихъ случаяхъ высказываютъ довольно высокую степень честности. Промышленники нанимаютъ иногда Лопарей для ловли семги, которую и забираютъ у нихъ за ранѣе условленную цѣну; послѣдняя часто бываетъ гораздо ниже той, какую Лопари могли бы взять, продавъ свой товаръ другимъ промышленникамъ, но Лопари никогда не рѣшится этого сдѣлать. Также замѣчательна честность, съ которою они охраняютъ становища поморевъ, какъ было сказано выше, хотя бы имъ легко было овладѣть всѣмъ, что есть въ становищѣ, и скрывать похищенное въ своихъ тундрахъ, такъ что не возможно было бы ни отыскать виновнаго, ни возвратитъ похищенное. Однакожь до сихъ поръ не случалось такого примѣра ²⁾).

Кража, совершенная ночью, изъ-подъ замка, изъ-подъ караула, судится строже и считается преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ кража днемъ и въ открытомъ мѣстѣ.

На убійство Лопари смотрятъ очень строго, и такое преступленіе у нихъ если и случается, то какъ рѣдкое исключеніе. Лѣтъ 50 тому назадъ было два случая убійства; оба эти убійства были совершены изъ мести. Извѣстенъ только одинъ случай убійства съ цѣлью грабежа: это убійство камскаго мѣщанина Норкина двумя Лопарями Воронежскаго погоста. Но надо обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что злой умыселъ направленъ былъ противъ одного изъ представителей той категоріи людей, къ которой Лопари не могли питать добрыхъ чувствъ.

Самоубійствъ у Лопарей вовсе не бываетъ. Также не бываетъ дѣтоубійствъ и изгнаній плода. Ничего также не слышно объ изнасилованіяхъ, растлѣніяхъ, противоестественныхъ преступленіяхъ и т. д.

Изъ проступковъ противъ общественной нравственности господствующій пьянство и развратъ—любодѣянія. Пьянство у Лопарей

¹⁾ Годъ на Оѣверѣ, *Максимова*, стр. 214.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 76; Очерки Арх. губ. *Верещагина*.

не считается порокомъ: пьютъ всё мужчины и женщины, взрослые и дѣти, пьютъ во всякое время, лишь былъ бы случай. На развитіе этого порока большое вліяніе оказываютъ Русскіе, которые извлекаютъ выгоды изъ сивонности Лопарей къ пьянству ¹⁾.

При торговлѣ извѣстенъ слѣдующій способъ обмана: Снятыя весной съ оленей шкуры бываютъ покрыты небольшими дырочками происходящими отъ червей (gougnak). Чтобы продать такую испорченную шкуру наравнѣ съ хорошею, снимаемою лѣтомъ и осенью, лопари задѣлываютъ проѣденныя мѣста тонкою кожей, и въ такомъ видѣ сбываютъ товаръ неопытному покупателю ²⁾.

Обходъ звѣря въ чужомъ ухозьѣ и обловъ чужого озера считается у Лопарей большимъ преступленіемъ.

Нинѣ сильно распространилось между Лопарями слѣдующее преступленіе: это убійство ручныхъ оленей другъ у друга; случается оно обыкновенно осенью, когда Лопари идутъ промышлять диваго оленя, нападающагося нинѣ рѣдко: причина этого преступления крайняя нужда въ средствахъ къ пропитанію. Это оленеубійство самымъ вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на нихъ благосостояніе, такъ какъ, лишаясь ручныхъ оленей, они доходятъ до нищенства. Рѣдкій Лопарь избѣгаетъ такого преступления. Между ними есть повѣрье, что нѣтъ грѣха убить до десяти оленей фильманскихъ или шведскихъ.

Изъ преступленій противъ народнаго здоровья случается продажа Русскимъ мяса больного оленя или больной овцы за здоровое.

Пристанодержательствъ и укрывательствъ бѣглыхъ нѣтъ.

Колдуны и знахари пользуются у Лопарей большимъ уваженіемъ: Лопари съ давнихъ поръ славятся искусствомъ колдовства, такъ что царь Іоаннъ Грозный вызывалъ волшебниковъ изъ Лапландіи, чтобъ тѣ объяснили причину появленія кометы. И теперь Лопари еще извѣстны этимъ искусствомъ, и къ нимъ обращаются за совѣтами даже изъ Финляндіи ³⁾. Во время гаданья колдунъ приходитъ въ восторженное состояніе, когда душа его, по мнѣнію Лопарей, блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ, что надо. Это вос-

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 75.

²⁾ Новые и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 15.

³⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 80.

торженное состояніе Кастрень признаетъ шарлатанствомъ, хотя происхожденіе его несомнѣнно естественное и заключается въ склонности Лопарей и другихъ шаманскихъ народовъ къ нервнымъ припадкамъ. При совершеніи гаданій колдуны не употребляютъ причитаній и заговоровъ, но ограничиваются механическими приемами. Иногда они употребляютъ волшебный барабанъ, продолговато-круглый ящикъ особаго устройства. Знахари у Лопарей лѣчатъ всякія болѣзни, преимущественно вѣтряную, т. е., напущенную, какъ думаютъ Лопари, по вѣтру; выгоняютъ эту болѣзнь натираніемъ солью и отплевываніемъ.

Суевѣріе Лопарей не имѣетъ никакого вліянія на совершеніе преступленій, особенно важныхъ.

Изъ преступленій—убійство домашнихъ оленей, какъ было выше сказано, получило нынѣ большіе размѣры; развитію этого преступленія способствуетъ надежда на безнаказанность, потому что преступника трудно и опасно преслѣдовать въ обширныхъ тундрахъ и лѣсахъ. Особенно легко убивать оленей, принадлежащихъ Фильманамъ, такъ какъ Фильманы живутъ всегда одиночно, и обладая большими стадами, обыкновенно довольно равнодушно относятся къ своимъ потерямъ. Развитіе этого преступленія очень вредно вліяетъ на благосостояніе и нравственность Лопарей. Но еще болѣе вреднымъ образомъ дѣйствуетъ пьянство. Лопарь такъ къ нему пристрастенъ, что готовъ пропить свою послѣднюю одежду и послѣдьяго оленя; между тѣмъ тѣ Русскіе, съ которыми Лопари имѣютъ сношенія, съ своей стороны стараются о развитіи между ними пьянства. Гдѣ только собираются Лопари, торговцы тотчасъ устраиваютъ подвижныя кабачки и выставки. Пьянство тѣмъ болѣе разорительно для Лопарей, что они пьютъ вино всегда сообща, всею семьей, отъ стараго до малаго, такъ что послѣ каждой изъ своихъ попойекъ обыкновенно не досчитываются или десятка рублей, или нѣсколькихъ пушныхъ звѣрей. По серьезному характеру Лопарей у нихъ трудно купить безъ вина что-нибудь выгодно, но за то для покупателя съ водкой нѣтъ у нихъ ничего завѣтнаго. Въ началѣ зимы, когда Лопари бывають обыкновенно довольно богаты при своихъ промысловыхъ занятіяхъ, пушнымъ товаромъ и рыбою, тѣ изъ нихъ, которые живутъ на границахъ Норвегіи, запасаются, особенно для свадебъ, ромомъ анкерка по три и болѣе

*

на богатую семью. Во внутренние погосты подвозят вино Русские. Одинъ изъ главныхъ винооторговцевъ г. Кола, русскій кулакъ, зная вполне слабость и страсть Лопарей, съ 15-го декабря посылаетъ своего повѣреннаго съ боченномъ вина по погостамъ и въ сборный пунктъ Лопарей Ловозеро на праздникъ Кренделя. Съ погостеніемъ водки начинается у Лопарей круговое пьянство, истощающее ихъ средства. По разназамъ очевидцевъ, Лопари, съѣхавшіяся съ разныхъ мѣстъ въ Ловозеро, вѣлую недѣлю ходятъ какъ угорѣлые, не зная, что день, что ночь, и разбѣжаются, когда пропьются на чисто. Хорошая водка продается только въ началѣ, а потомъ идетъ имѣющая только запахъ спирту. Тотъ же виноторговецъ посылаетъ въ мартѣ своего повѣреннаго на Расть-Наволоцкую пустынную станцію, съ которой разбѣжаются поморы, одни въ Колу, другіе прямо въ свои становища; туда собираются для извоза Лопари и пропиваютъ большую часть своего заработка ¹⁾. Вотъ что рассказываетъ одинъ путешественникъ о жителяхъ деревни Поной, которые состоятъ частью изъ Русскихъ, частью изъ осѣдлыхъ Лопарей: „Вошелъ *опасъ* (проводникъ), одинъ изъ понойскихъ Лопарей. „Не хочешь ли вина на дорогу?“ спросилъ я его. „Если поднесете, выпью“. Я поднесъ ему чарку водки. „Я водки не пью“, сказалъ онъ съ какимъ-то пренебреженіемъ. „Давно ли не пьешь?“ спросилъ присутствовавшій при этомъ священникъ, „Оъ осени, съ промысловъ“. „А что же ты пьешь?“ „Ромъ“, отвѣчалъ *опасъ*, поглядывая искоса на стоящую на столѣ бутылку. „Такъ вотъ какъ“, сказалъ священникъ;— „а не хочешь ли шампанскаго?“ Лопарь по видимому обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и съ чувствомъ собственного достоинства отвѣчалъ: „Можетъ быть ты, батюшка, не цилъ шампанскаго, а я пивалъ и ромъ, и ликеры, и шампанское“. Слова эти показались мнѣ странными; но священникъ, знавшій своихъ прихожанъ, тотчасъ объяснилъ ихъ: „Понояне“, сказалъ онъ,— „всѣ страшные пьяницы. Промислы у нихъ почти всегда избытчны и даютъ хорошій доходъ; осенью приходятъ въ Поной поморы, навезутъ изъ Норвегій рому, разныхъ ликеровъ и винъ, вымѣняютъ ихъ на промыселъ, а Понояне и пойдутъ пьянствовать, и не только мужчины, но и женщины, и даже

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 9.

ребята; пьютъ, словомъ, всё поголовно. Простой воды никто и знать не хочетъ, а подавай ливеру или шампанскаго; а спросите у нихъ, много ли они знаютъ толку въ шампанскомъ и виноградныхъ винахъ! Здѣсь всё держателъ пословицы: „хоть на часть, да вскачь“, пьянствуютъ на пропалую и нисколько не заботятся о будущемъ. Поморы пользуются этою слабостью и берутъ съ нихъ тройную цѣну за всё напитки и лакомства. Вотъ посмотрите: всё мужчины въ синихъ кафтаныхъ, бабы и дѣвки разряжены, какъ на свадьбѣ, а прїѣдетъ дѣло къ веснѣ, будетъ здѣсь чистый голодь. А жить все-таки надо: и понесутъ они всё эти обновы и все, что имѣютъ, въ кабакъ, и будутъ всё ходить въ лохмотьяхъ. Повѣренному по нитейной части здѣсь житье: у него и водку берутъ въ счетъ будущихъ промысловъ, и хлѣбъ, и другіе припасы въ долгъ. При мнѣ смѣнилось нѣсколько такихъ повѣренныхъ; прїѣдетъ какая-нибудь голь, весь въ лохмотьяхъ, ѣсть нечего, глядишь, онъ имѣетъ ужъ ладью и въ кунцы записался. Большое зло—здѣшній кабакъ“. Впоследствии я убѣдился совершенно въ справедливости этихъ словъ священника“. Что распространеніе пьянства между Лопарями происходитъ подъ влияніемъ Русскихъ, это свидѣтельствуеетъ г. Михайловъ въ книгѣ: „Очерки природы и быта Ёлло-морскаго края Россіи“¹⁾. По его словамъ, сильное пристрастіе къ пьянству имѣютъ Лопари, живущіе по близости русскихъ селеній. Дальніе Лопари, говоритъ онъ,—воды не пьютъ и не будутъ пить, даже если имъ придажешь. Лопарь, у котораго онъ остановился въ Массельскомъ погостѣ, отказался отъ предлагаемой воды, и оказалось, что онъ никогда не пивалъ ни вина, ни водки.

III.

Общественный бытъ, судъ и расправа.

Государство, по понятіямъ Лопарей, есть большое семейство, гдѣ старшій хозяинъ—Царь, который имѣетъ власть надъ всѣми, и котораго каждый обязанъ слушаться. Чиновники—исполнители воли Царя, и ихъ также всё обязаны слушаться. На сколько развиты

¹⁾ Стр. 226.

понятія Лопарей объ этомъ предметѣ, можно заключить изъ вопросовъ, съ какими они обыкновенно обращаются къ пріѣзжимъ, напр.: „Все ли въ краю миръ? Здоровъ ли Государь? Живъ ли губернаторъ?“¹⁾ Приводимъ интересный разговоръ, веденный Лопарями съ однимъ, пріѣзжавшимъ въ нихъ хѣснымъ чиновникомъ: „Ты, ваше благородіе, какой начальникъ?“ спросилъ меня Лопарь. Я объяснилъ имъ мое административное назначеніе. „А ты больше ли нашего писаря?“ „Гораздо больше“. Лопари стали просить меня, чтобъ я ихъ не обижалъ и позволялъ имъ рубить березки для дровъ и жерди для вежъ. Я, конечно, позволилъ и успокоилъ, сказавъ, что не стану обижать. „А ты, ваше благородіе, дерешься ли?“ спросилъ неожиданно другой Лопарь. Этотъ вопросъ удивилъ меня. Я отвѣчалъ, что никогда не дерусь, и что большой и хороший чиновникъ никогда никого не бьетъ, а если кто не послушается его или провинится, то онъ приказываетъ старшинѣ, чтобъ тотъ наказалъ виновнаго. Лопарь съ удивленіемъ покачалъ головой и промолвилъ: „Какъ такой большой чиновникъ не дерется“. Я спросилъ Лопаря: по какой причинѣ онъ далъ мнѣ этотъ вопросъ. „А такъ“, отвѣчалъ онъ, — „здѣсь одинъ разъ былъ какой-то начальникъ, такой сердитый, онъ четырехъ Лопарей пріѣхалъ, мы всѣ его боялись“. „За что жъ онъ васъ билъ?“ „А не знаемъ, вѣрно за то, что оленей не скоро привели, а у насъ горы далеко“. „А ты знаешь ли, ваше благородіе, Царя?“ „Знаю“, отвѣчалъ я, — „а на что тебѣ?“ „Да вотъ писарь нашъ больно обижаетъ Лопарей, пріѣдетъ за податями, такой сердитый, всѣхъ приберетъ, и бабъ приберетъ, спрашиваетъ водки, а у насъ водки нѣтъ—такъ мы хотимъ жаловаться“. Я объяснилъ, кому они должны жаловаться на писаря. Послѣ этого мнѣ дѣлали вопросы, какой у насъ Царь, какъ онъ живетъ, какіе еще есть начальники, нѣтъ ли опять войны“²⁾.

Какъ простодушенъ взглядъ Лопаря на начальство и его значеніе, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій разсказъ: Разъ одинъ чиновникъ, объѣзжавшій лопарскіе погосты по дѣламъ службы, въ досадѣ на одного Лопаря за то, что тотъ нечаянно опрокинулъ чайникъ, потаскалъ его за волосы. Лопарь ударился въ

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 46.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 47.

слезы, а за нимъ и вся его семья. Перепуганный бѣднякъ долго не могъ успокоиться, воображая, что онъ совершилъ странное преступленіе, и уже наказанный не въ мѣру за свою неловкость, спрашивалъ сквозь слезы, что ему за то будетъ ¹⁾). Своихъ ближайшихъ властей Лопари боятся чуть ли не болѣе жившихъ. Они сами говорятъ, что для нихъ разсильный—богъ, писарь—тоже богъ. О волостномъ писарѣ разсказываютъ, что у него правая рука приговоры пишетъ, а лѣвая кресты (т. е., клейма) ставитъ, намекая этимъ на полное самовольство писарей при составленіи приговоровъ и проч.

По словамъ священника Терентьева, у Лопарей сохранились еще слѣды родового быта, главнымъ образомъ въ ихъ пользованіи рыбными и звѣринными угодьями. Всѣ ихъ рѣки, озера, лѣсные угодья и т. п., все это раздѣлено мѣстами между родами съ правомъ каждому роду по наследству владѣть известными участками, такъ что каждому роду досталось по нѣскольку участковъ въ различныхъ мѣстностяхъ; этимъ обстоятельствомъ, по его мнѣнію, обуславливается кочевая жизнь Лопаря.

Въ административномъ отношеніи Лопари дѣлятся на волости, а волости на погосты. Каждый погостъ ихъ составляетъ особое общество, которое они называютъ міромъ, и которое имѣетъ самостоятельное управленіе. Важное значеніе міра видно изъ поговорки, которую нерѣдко можно слышать отъ Лопаря: „Община—міръ, не одинъ-бо человекъ,—слово его крѣвко“. Каждый членъ міра обязанъ ему подчиняться на міровомъ сходѣ и исполнять безукосленно, что постановятъ старшіе.

Мірская сходка, по туземному *суйма* или *локкултъ*, заправляетъ въ своемъ погостѣ всѣми его дѣлами, какъ частными, именными семейными, судебными, тяжбыными, кромѣ уголовныхъ, такъ и общественными, завѣдываніемъ доходовъ и расходовъ общества. Такъ какъ въ глазахъ Лопарей преимущество людямъ дается лѣтами и богатствомъ ²⁾, то и на сходкахъ главнымъ распорядителями являются старшіе и люди позажиточнѣе; молодые присут-

¹⁾ Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи, *Михайлова*, стр. 224.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1845 г., стр. 451, 1856 г., № 49.

ствуютъ только для того, чтобы знать, о чемъ шло дѣло. Въ собраніе допускается каждый Лопарь, имѣющій вежу или тупу. Разсужденія на сходкахъ ведутся скромно, прилично, безъ шума и брани; голосъ каждаго, говорящаго въ свою очередь, выслушивается. Сходки у нихъ бываютъ во всякое время въ тупѣ у десятоваго. Каждый Лопарь имѣетъ право собрать сходку, если имѣетъ въ ней какую-либо нужду. Въ сходкахъ не участвуютъ женщины-хозяйки, даже въ случаѣ смерти или отсутствія домохозяйина.

Больше уважается на сходѣ голосъ того, кто считается по-зажиточнѣе другихъ, или того, кто помогаетъ міру въ общихъ нуждахъ, напрямѣрь, внося повинности за отлучившихся и т. п.

Дѣла рѣшаются не всегда единогласно и не по большинству голосовъ, а беретъ перевѣсъ та сторона, на которой люди повнательнѣе, хотя бы голосовъ и было меньше.

Для выбора должностныхъ лицъ собирается сельскій сходъ. Передъ этимъ каждый погостъ дѣлаетъ заранѣе свои сходки для обсужденія, кого назначить къ выборамъ. Обыкновенно выбираютъ людей болѣе толковыхъ и заслужившихъ честностью довѣріе общества. По другимъ свѣдѣніямъ, также выбираютъ такихъ, которые надоѣдаютъ міру своею сварливостью, задоромъ, выбираютъ за тѣмъ, чтобы потеряли себѣ шею и были бы впередъ поумнѣе, не спорили бы со стариками. Отъ выборовъ освобождаются только малосемейные и потерявшие какое-либо несчастіе, также тѣ, кто служить міру своимъ состояніемъ, вкладывая за него деньги на ранины нужды. Въ важныя службы выбираютъ людей по состоятельности, по значительнѣе. Если такая служба не вознаграждается жалованьемъ, тогда міръ даетъ избранному въ подмогу рѣву для промисла семьи, на все время службы, или деньгами отъ 25 до 40 р.

Вѣдныя выбираютъ въ домашнія должности: десятскіе, гѣбные сторожа и пр. Женщинъ не допускаютъ даже къ исправленію должности десятскихъ вмѣсто мужей.

При волостныхъ выборахъ бываютъ злоупотребленія—избраніе въ должность отсутствующаго, не подлежащаго выбору посредствомъ взятки писарю.

Подати и повинности Лопари уплачиваютъ съобща цѣлымъ обществомъ, т. е., собственно не сами уплачиваютъ, а тѣ лица, которыя берутъ въ аренду ихъ оброчныя статьи, т. е., семужьи ловли.

Иногда Лопари забирают деньги впередъ, и все общество такимъ образомъ оказывается должникомъ.

Дорожная повинность отбывается натурою каждымъ миромъ. Миръ нанимаетъ на свой участокъ, чтобъ очистить дорогу и сдѣлать на ней мосты, примерно съ 108 дворовъ до 8 человекъ съ платою на каждаго по 5 рублей.

Обывательская повинность отбывается и деньгами, и натурою. Когда случится подвода, то миръ нанимаетъ того, кто возьмется дешевле везти. Иногда же весь миръ отбываетъ повинность поочередно, въ порядкѣ, опредѣляемомъ на сходкахъ. Лопари Экостровскаго общества отравляютъ гоньбу на обывательскихъ станціяхъ по всему пространству отъ Колы до Канадакти, за что и получаютъ въ годъ 810 р. ¹⁾.

Отъ натуральныхъ повинностей освобождаются только крайніе бѣдняки. Распредѣленіе ихъ дѣлается одинаково на бѣдныхъ и богатыхъ, сиротъ, вдовъ.

Лопари, какъ и русскіе крестьяне, имѣютъ волостные суды при волостныхъ правленіяхъ; но такъ какъ волостныя правленія находятся далеко, то Лопари каждаго погоста рѣшаютъ свои судебныя дѣла *на мирскихъ сходкахъ*: Лопари предпочитаютъ, вообще, судиться у себя, чѣмъ обращаться въ волостной судъ. Одинъ наблюдатель говоритъ о жителяхъ деревни Поной, отчасти Лопарей, отчасти Русскихъ, гдѣ сильно отъмывается лопарскій элементъ: „Въ случаяхъ ссоръ, обидъ, воровства и пр. понойане не любятъ прибѣгать къ установленнымъ властямъ, а всѣ дѣла стараются рѣшать дома, своимъ третейскимъ судомъ“. Не мудрено, что Лопари предпочитаютъ свой судъ; у нихъ сохранились еще воспоминанія о томъ времени, когда они могли рѣшать сами и рѣшали дѣла даже по уголовнымъ преступленіямъ. Кастренъ приводитъ разсказъ о такомъ рѣшеніи: Одинъ Лопарь въ Кусамо тайно умертвилъ свою жену, но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Лопари совали старшинъ на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домъ обвиняемаго и устроили такъ-называемую судную избу. Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе ²⁾.

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 96.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 48.

Мы имѣемъ рѣшенія пошейскаго волостнаго суда за 1867 г., гдѣ только одно дѣло касается Лопаря, да и то вачато по иску мѣстнаго священника, который жалуется на Лопаря, что тотъ взялъ у него въ займы 1 р. денегъ и не платитъ долга. Судъ приговорилъ Лопаря къ уплатѣ требуемыхъ денегъ и къ суточному аресту.

Другой волостной судъ кольско-лопарскій, рѣшенія котораго мы также имѣемъ, за весь 1867 г., представляетъ три рѣшенія, и только одно изъ нихъ заключаетъ дѣло Лопаря. Это дѣло заключается въ жалобѣ волостнаго старшины на то, что одинъ молодой Лопарь, въ пьяномъ видѣ, избивалъ его; за это онъ былъ приговоренъ къ наказанію розгами, хотя и просилъ прощенія у обиженнаго. Другія два дѣла касаются Русскихъ, именно мурманскихъ промышленниковъ. Значить, въ 1867 г. въ обонхъ судахъ рѣшалось только два лопарскихъ дѣла, и то одно изъ нихъ было поднято не Лопаремъ, между тѣмъ какъ кольско-лопарскій волостной судъ предназначается специально для Лопарей, такъ какъ на Мурманскомъ берегу нѣтъ русскихъ деревень, и тамъ Русскіе бывають только лѣтомъ. Очевидно, что Лопари не любятъ обращаться въ волостной судъ, а рѣшаютъ свои дѣла на сходкахъ.

Мірская сходка судить преступни членовъ своего міра: споры, обманы, воровства, обловъ рыбаго уголья или обходъ лѣснаго участка. За послѣднее преступленіе виновный улачиваетъ вдвое противъ украденнаго. Потерявшій обиду объявляетъ о ней на сходкѣ; чѣмъ рѣшитъ міръ, тѣмъ должны быть довольны обѣ стороны. Если причиненъ какой нибудь убытокъ, то міръ дѣлаетъ ему оцѣнку и потомъ приговариваетъ виновнаго къ вознагражденію убытка деньгами, по оцѣнкѣ. Если Лопарь застрѣлитъ чужаго оленя, то долженъ за него отдать своего лучшаго. За покражу записывается вдвое противъ стоимости украденнаго. Брани, ссоры, драки кончаются обыкновенно мировыми, иногда съ водкой. Если кто разстраиваетъ пьянствомъ свое хозяйство, то погостъ наказываетъ виновнаго выговоромъ; пьяницамъ, которые не могутъ платить податей, дѣлается выговоръ, а если онъ не подѣлствуетъ, то передають таковыхъ въ руки волостнаго управленія.

Когда обида нанесена лицомъ изъ другаго міра, тогда обиженный долженъ объявить объ обидѣ тому міру, въ которомъ живетъ обидчикъ; послѣдній и судится своимъ миромъ. Поморы не-

рѣдко крадутъ у Фильмановъ оленей, что имъ большею частью и сходить съ рукъ. Но когда поморъ попадетсѣ Фильманамъ съ личнымъ, то ужъ не долженъ ждать отъ нихъ пощады. Они жестоко наказываютъ его палками, такъ что вору постѣ такого наказанія никогда уже не поправитъ своего здоровья 1).

Фильманы очень цѣломудренны, такъ что между ними не бываетъ незаконныхъ связей 2); но у Лопарей нѣтъ этой чистоты нравовъ. Дѣвицу, вышедшую замужъ не цѣломудренною, наказываютъ только насмѣшками; соблазвившій, большею частью, беретъ ее замужъ.

Также не бываетъ никакихъ особнхъ наказаній и за прелюбодѣяніе.

Если дѣвушка родитъ ребенка, то ее ирелсѣдуютъ насмѣшками, иногда родители прогоняютъ ее прочь, ребенка долженъ взять на воспитаніе отецъ, но его матери онъ ничего не даетъ.

Приложенія.

I 3).

Списокъ отъ записокъ между ирелсѣдками Лопарями и приходскими священниками о ругѣ.

Колеского уѣду живоначальными Троицы Печенского монастыря крестьяне ирелсѣдники Лопари Молотского да Печенского погостовъ мирскіе старосты, да Пазрековского, да Нладового погостовъ старосты и всѣхъ тѣхъ погостовъ ирелсѣдники Лопари, по указу великаго Господина и Государя Пресвященнаго Афанасія Архіепископа Холмогорскаго и Вадескаго, каковъ прислать въ нынѣшнемъ въ 7202 (1694) году Печенского монастыря къ игумену Іосифу за братомъ, по челобитію Боршоглѣбской церкви священника Симеона Борисова, вадѣно ему игумену, противъ челобитія ево священника Симеона, руга предѣлъ учинитъ неотложно, сиромѣ того, что отъ ирелсѣднія младенцевъ, и отъ вѣнчанія бравовъ, и отъ погребенія умершихъ и имъ ирелсѣдники Лопари всѣхъ четырехъ погостовъ, старосты и крестьяне обложили ему священнику Симеону ругою промежъ собою всѣ крестьяне подобныя радили ему руги со всякой души по алтыну на годъ, сверхъ того отъ новобѣды по алтыну ему сви-

1) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 39.

2) Тамъ же.

3) Изъ архива Холмогорскаго Спасо-Преображенскаго собора.

щеннику Симеону съ челоуѣка, а отъ крещенія младенцевъ имать ему священнику Симеону и отъ родильничныя и отъ чотырдесятной молитвы со всѣмъ по чотыре алтына по двѣ денги, а отъ вѣнчанія браковъ имать ему священнику Симеону по два сеника, окроуѣ архіерейскихъ пошлннѣ, а отъ погребеній умершихъ имать ему священнику Симеону по шти алтынѣ по чотыре денги, да отъ молитвы, что въ Рождеству Христову съ вежи имать по чотыре денги, да намъ же Лопарямъ давать ему священнику Симеону со всѣхъ чотырехъ погостовъ на всякой годъ сала трословаго давать ему священнику Симеону по пуду съ погоста, да по двѣ кережи со всякого погоста ему священнику Симеону дать намъ мяса и рыбы на всякій годъ, а подводы ему священнику и діачку и подъ кладъ ево священника наши подводы крестьянскіе все, а та поголовная руга и сало и рыба и мясо збирать намъ крестьянамъ старостамъ нашимъ и относить ему священнику Симеону въ Колу вдругъ безпереводно и діачка ему Симеону своего держать, въ томъ ми Лопари крещеніе всѣхъ чотырехъ погостовъ полюбовную промежъ себя и запись дали. Алексѣй Васильевъ сынъ Поповъ Нименга подлинную запись писалъ по ихъ всѣхъ чотырехъ погостовъ старость, что вышесанная со всѣми крестьяны тѣхъ погостовъ. По ихъ веленію, церковный дьячекъ монастырской Никитка Казаицъ руку приложилъ. Лѣта 7202 (1694) Феврала въ 8 день. Къ еому списку колскаго острога пошъ Симеонъ руку приложилъ.

7204 (1696) годъ мая въ 6 день. Преосвященный архіепископъ, слушавъ сего списка съ записи, указалъ ему священнику Симеону всякая руга съ приходскихъ ево Лопарей збирать и Лопарямъ ту ругу ему давать по вся годы неотложно, а томъ руги ему, что отъ исповѣди по шти денегъ съ челоуѣка, отнюдъ не давать, для того, что по правиламъ святымъ отъ исповѣди и причащенія священникомъ имать ничего не велѣно, и то есть подъ отлученіемъ и подъ смертнымъ грѣхомъ, о томъ послать въ Печенской монастырь указъ къ строителю, и велѣтъ ему прочитатъ всѣмъ Лопарямъ для вѣдома неединожды.

Государю Преосвященному Аванасію Архіепископу Холмогорскому и Важескому бьетъ челоуѣкъ богомолецъ твой Колскаго острога Борисоглѣбской церкви священникъ Симеонъ: въ прошломъ Государь 7202 (1694) году приговаря твой архіерейской указъ Печенского монастыря къ лгуому Лосифу съ братьемъ велено ему игумену, по тому твоему архіерейскому указу, той Борисоглѣбской церкви приходскимъ Лопарямъ учинитъ мнѣ богомольцу твоему полюбовному договору руга въ годъ, чемъ бы мнѣ богомольцу при той церкви нятатца, и по той записи они Лопари писанную ругу ко мнѣ въ прекормленіе исправляи; и въ той же записи написано: буде которой изъ нихъ Лопарей въ духовенствѣ мнѣ богомольцу твоему исповѣдаецца и отъ исповѣди опредѣляли мнѣ доходу давать по шти денегъ съ челоуѣка; только я богомолецъ твой сказывалъ имъ, что отъ исповѣди руга священникамъ не водятца и они Лопари люди дикіе, въ томъ меня богомольца твоего не послушали и связали: это де исповѣдаецца, тотъ де по шти денегъ руги ему и дастъ, а это де не исповѣдаецца, тотъ де мнѣ тою ругу и не дастъ. И нинѣ ты Государь съ тою записки благоволилъ взять въ Казенной Приказъ списокъ, и впродъ ты Государь противъ той записки отъ исповѣди по шти денегъ съ челоуѣка мнѣ богомольцу не повелѣлъ имать. А вѣчно они государь Лопари къ той церкви приходятъ, а родителями своихъ не поминвають, и общаго синодика у нихъ и особыхъ поминваній нѣтъ и до днесь. Милостивый Государь Преосвященный архіепископъ Аванасій Холмогорскій и Важескій! пожалуй меня богомольца своего повели мнѣ богомольцу твоему учинитъ синодикъ при той церкви и имъ Лопаремъ родителями своихъ въ тотъ синодикъ за-

писывать и особне помилуевенія имъ давать и я богомолецъ твой тѣхъ родителей ихъ поминать буду, а исповѣдную руку по шти денегъ съ Лопари вели Государь выбѣнчить мнѣ за помилуевеніе родителей ихъ, чтобъ мнѣ той руки не отбить, потому что при той церкви живу я въ самой скудости, и о томъ Государь вели дать мнѣ богомолку своей архіерейской указъ. Государь Пресвященный архіепископъ смилуйся. Пошь Симеонъ руку приложилъ.

7204 (1696) года малъ въ 18 день. Пресвященный архіепископъ, слушавъ сей челобитной, указалъ ему Симеону ту руку собирать съ приходскихъ ево Лопарей по алтыну съ человека повсягоди, а родителямъ имъ Лопарскимъ написать синодикъ и поминать души ихъ по чину святны Христовы церкви и бить тому синодику въ той церкви вѣчно неотемлемо, о томъ дать священнику указъ, а больше того числа руки отъ помилуевенія родителей ему не имать.

II ¹⁾.

Въ мартѣ 1696 года монахи Кольскаго острога Троицкаго Печенскаго монастыря, въ числѣ 11 человекъ и вкладчики монастыря, мольскіе жители и стрельцы, въ числѣ 12 человекъ, послали Пресвященному Аванасію, архіепископу Холмогорскому и Важескому, челобитную, въ которой, между прочимъ, писали, что игумень ихняго монастыря Іосифъ, находится въ Москвѣ, гдѣ онъ бьетъ челомъ Государю о монастырскихъ многыхъ нуждахъ, а при отъѣздѣ своемъ въ Мосюву, игумень поручилъ надзоръ за монастыремъ монаху Павлу; „нынѣ же Государь, къ намъ въ монастырь пришли къ промыслу съ многія покрутныя люди и къ церковному строенію пришло 12 человекъ плотниковъ, по игуменскимъ и по ево Павловымъ писмамъ, и на тѣ наши промыслы тѣхъ покрутныхъ людей послать и у церковнаго строенія плотниковъ наряжать и надсматривать надъ ними некому и въ монастырь же Государь у насъ убогихъ монаховъ нынѣ великая хлѣбная и денежная нужда, и никто насъ убогихъ безъ игумена не осужаетъ, кромѣ его Павла, и ни въ чемъ не вѣрять, а его монаха Павла многіе люди вѣдаютъ и его осужаютъ и вѣрять и отъ начальныхъ людей и отъ стороннихъ наладковъ святую обитель онъ монахъ Павелъ остерегаетъ, и окромѣ его изъ насъ монаховъ никто церковнаго обихуевенія и монастырскаго строенія и работнымъ людямъ наряду ниско не знаетъ, потому что мы всѣ безграмотныя и просца“. Повтому они просятъ оставить у нихъ, для заботъ о монастырскихъ нуждахъ, монаха Павла, котораго потребовалъ къ себѣ, въ Холмогоры архіепископъ Аванасій. Эту челобитную отвезъ по прошенію монаховъ, монастырскій священникъ Симеонъ Борисовъ. Выслушавъ челобитную, архіепископъ велѣлъ допросить посольщика священника Симеона о томъ, сколько человекъ въ Печенскомъ монастырѣ монаховъ, кто откуда родомъ, какого званія былъ въ мірѣ, давноль постражены въ монашество, каково кто проводитъ житье въ иночествѣ, тоже самое и о вкладчикахъ; какое у нихъ церковное строеніе заводится, и какими морскими промыслами занимаются, и сколько судовъ на промыслы отпускаютъ, и съ иноземцами какіе и о чемъ у нихъ бывають сдѣлки.

А въ допросѣ сказалъ онъ, Симеонъ, по священству истинную правду: въ томъ-де вышесписанномъ Печенскомъ монастырѣ братья монаховъ четырнадцать человекъ, да вкладчиковъ двѣнадцать человекъ и въ томъ-де числѣ: монахъ Тихонъ прозва-

¹⁾ Изъ архива Холмогорскаго собора.

ліямъ Кабадукиннѣ, породомъ Керечанинѣ, Соловецкаго монастыря бобынѣ, лѣтъ совершенно престарѣль и очми мало видить, грамотѣ не ученѣ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко лѣтъ монашествуетъ, того-де онѣ, Симеонѣ, не знаетъ; а свойственниковѣ де у него въ Колѣ и въ Печенскомѣ монастырѣ нѣтъ, а живетъ де онѣ въ томѣ монастырѣ келаремѣ года съ четыре, хмельное питье пьетъ въ пьянство, только не всегда, а въ расправѣ міромой за старость и за недоумѣніе не искусенъ и во правѣ мало постояненъ.

Монахъ Алимпій, породомъ и прованіемъ Лонинѣ, того-жъ Печенскаго монастыря крестьянинѣ Мотовскихъ погостовѣ, лѣтъ старѣ же и врѣіемъ велики скуденъ, грамотѣ не ученѣ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко лѣтъ онѣ монашествуетъ, того-де онѣ, Симеонѣ, не знаетъ, а свойственниковѣ де у него въ томѣ монастырѣ и въ Колѣ никого нѣтъ, а есть де у него свойственники въ лопарскихъ погостахъ, только въ дальномѣ разстояніи отъ монастыря, и живетъ де онѣ въ томѣ монастырѣ казначемѣ года съ четыре, хмелнаго пита держитца не вмагѣ, а похищеніе монастырской казны онѣ чинить или не чинить, того-де онѣ, Симеонѣ, не знаетъ, а житьемъ де онѣ смиренъ и межъ братіи любовенъ, а въ расправѣ монастырской ничего не знаетъ.

Монахъ Силвестрѣ, прованіемъ Молкистой, живетъ въ рядовомѣ братствѣ, породомъ Коланинѣ, и въ мірѣ былъ въ Колѣ-жъ въ стрѣльцахъ, лѣтъ не молодѣ, только еще въ сятѣ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ три; у него-жъ въ Колѣ есть посестріе и сыновья женатые и внучата и многіе родственники, и тотѣ де монахѣ житѣе живетъ своевольное, съ братію малосогласное и пьянственнаго питья держитца не вмагѣ; да слыхалъ де тол обители отъ братіи, что де за нимъ есть и монастырской казны въ похищеніи не мало, какъ онѣ былъ посланъ къ Москвѣ за монастырскими дѣлми; и зѣ братьемъ живетъ де онѣ, Силвестрѣ, болше ропотно, нежели согласно.

Монахъ Илья Кузнецъ, прованіемъ Пульчакъ, въ мірѣ былъ житель колского-жъ острога, грамотѣ не ученѣ, и есть де у него въ Колѣ посестріе и дѣти, лѣтъ де совершенно къ старости, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко тому лѣтъ какъ монашествуетъ, того-де онѣ, Симеонѣ, не знаетъ, только де онѣ живетъ житѣе совершенно пьянственное и монастырскіе избытки, гдѣ что можно, похищаетъ воровски, да и постригся де онѣ въ иночество отъ бѣды, которая прилучилась ему отъ воровства.

Монахъ Серафимъ, житель былъ колского-жъ острога, а посадской человекѣ или стрѣлецъ, того-де онѣ, Симеонѣ, не знаетъ; грамотѣ не ученѣ, и есть де у него въ колскомѣ острогѣ посестріе и дѣти—сыновья женатые и дочери замужня и вятя и внучата, а постриженикъ онѣ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ четыре, лѣтъ престарѣль, житѣе живетъ къ воздержанію посредственно и въ трудахъ де послушенъ, только де къ посестрію и къ дѣтямъ его имѣ дачею монастырскаго избытку желаніе имѣеть.

Монахъ Арсеній, прованіемъ Сусловъ, житель колского-жъ острога, былъ посадскаго человека сынѣ, а отъ рожденія де ему лѣтъ 30 или и меньше, женатъ не бывалъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, грамотѣ не ученѣ, а монашествуетъ лѣтъ пять или шесть, житѣе живетъ къ пьянству желательное и на кабакъ для напнтку бываетъ нерѣдко, и на ту потребу, слыхалъ онѣ, что чинить изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе, а свойственники есть де у него въ Колѣ: мать и братья, и дядя и иные сродники. И по отписки де съ Москвы того-жъ Печенскаго монастыря игумена Юсвеа велѣво послать къ нему изъ монастыря къ Мо-

сивъ въ помощь за монастырскими дѣлами монаха, для того, что де онъ тамъ живетъ одинъ, и того де Арсенья послали къ нему, игумену, изъ монастыря къ Москвѣ съ нимъ священникомъ Симеономъ вмѣстѣ, какъ онъ поѣхалъ на Холмогоры марта въ 31 день, и доѣхалъ де онъ съ нимъ до Сумскаго острога, и тутъ похотѣлъ забавитися напиткомъ и остался отъ него, и сказалъ ему, священнику, что де онъ къ Москвѣ не ѣдетъ, а войдетъ де въ Соловецкой монастырь, а на проѣздъ до Москвы дано де ему было изъ Печенскаго монастыря четыре рублия денегъ.

Монахъ Іаковъ, пришлой челоуѣкъ, по вѣдомостямъ закончаннѣ, Кореляннѣ породю, отъ рожденія лѣтъ двадцати, грамотъ не учеть, свойственннѣвъ у него въ Колѣ и въ монастырѣ ннѣго нѣтъ, а монашествуетъ де онъ года съ три, а пнѣства держитца зъ желаніемъ, томо живучи въ братствѣ послушенъ.

Монахъ Калиштъ въ мнрѣ былъ Кольскаго острога стрѣлецъ, лѣтъ средовѣченъ, постриженнѣ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ два, у него-жъ де въ Колѣ есть посестріе и сынъ и братья и ннѣ сродники, а житіе де живеть онъ совершенно пнѣственное, мало и съ кабака сходитъ, а грамотъ онъ не учеть, а монастырскаго ннѣчего вѣрнѣтъ ему невозможно; а того и назираеть, чтобъ монастырское увологи тайно.

Монахъ Гурей, Мезенскаго уѣзда, а которой волости былъ онъ житель, того онъ, Симеонъ, сказать не знаетъ, монашествуетъ года зъ два, а живучи въ братствѣ послушенъ, томо челоуѣкъ онъ пнѣственнѣй же; а лѣтъ де онъ ннѣ въ полчетвертатцать, грамотъ не умѣеть.

Монахъ Ефремъ, вышеописанному старцу Калисту братъ родной, а въ мнрѣ былъ стрѣлецъ Кольской, а монашествуетъ онъ года полтора, а житіе преходитъ онъ пнѣственное и неоторбное, во всемъ подобно вышеписанному брату его, монаху Калисту; у него-жъ есть посестріе и братья и ннѣ сродники, а лѣтъ онъ въ тридцать и менше, а постригся онъ отъ многихъ своихъ долговъ, грамотъ не учеть.

Монахъ Исаія былъ стрѣлецъ Кольскаго-жъ острога, постриженнѣ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ онъ года съ три или менше; и въ Кольскомъ острогѣ есть у него дѣти и внучата и ннѣ сродники, и къ тѣмъ своимъ сродникамъ онъ прибѣгаетъ и челоуѣкъ онъ упивчннѣй, а лѣтъ онъ совершенно престарѣлъ.

Иеромонахъ Геронтій, что сіа зннѣ посвященъ пресвященннѣмъ архіепскупомъ въ тотъ же Печенской монастырь въ иеромонахѣ, въ мнрѣ былъ житель Кольскаго острога посадской молодчой челоуѣкъ, а постригся онъ въ прошломъ 208 году въ осень по нуждѣ отъ начетнаго на него хлѣба, какъ онъ въ прошлнхъ годѣхъ у пріему и раздачи государева хлѣба на жалованье служилнмъ людемъ былъ цѣловальннѣкомъ; а въ мнрѣ де онъ жилъ житіе пнѣственное-жъ, а ннѣ онъ иеромонахъ остался отъ него, Симеона, въ монастырѣ лежатъ ногами велии скорбенъ; а въ Кольскомъ острогѣ есть у него, Геронтія, посестріе и дѣти и братья и ннѣ сродники.

Монахъ Павелъ, о которомъ вышеписанное челобитіе настонтъ, былъ въ мнрѣ того-жъ Кольскаго острога Воскресенской церкви священннѣкъ Петръ, постригся онъ въ монашество въ прошломъ году объ одно время съ вышеписанннѣмъ иеромонахомъ Геронтіемъ, а житіе онъ въ монашествѣ ннѣ преходитъ доброе, а сродннѣвъ де у него въ Кольскомъ острогѣ есть мать, лѣтъ престарѣла, и зятя и племянннѣ.

Монахъ Ирнархъ, прованіемъ Чистнѣкъ, которой прежъ сего жилъ въ Канда-лажскомъ монастырѣ и учиннѣлъ онъ отъ пожара разореніе, а въ Печенской мона-

спирь пришелъ онъ, Иривархъ, ннѣшняго 204 года зимомъ, а житіе шиветь межъ братствомъ ромотливомъ и изъ монастыря въ мірскіе дома ходитъ почасту, невѣдомо для какого случая. А у которнхъ выписанныхъ монаховъ есть въ Колскомъ острогѣ посестрія и дѣти и сродники, и они де къ нимъ въ домъ ходятъ, а для чего ходятъ, того де онъ не знаетъ.

А вкладчики де того-жъ монастыря бѣдцы, рожденіемъ всеъ Колского острова, а живутъ они всеъ монастыря, въ Колскомъ острогѣ, и питаются они отъ своихъ трудовъ, а вклады у нихъ въ монастырь дѣлами самые малые, и изъ монастыря ничего имъ не идетъ; только де приходятъ они вкладчики въ монастырь о праздникахъ и ихъ тогда на монастырѣ кормятъ, а нарочитыхъ де въ тѣхъ вкладчикахъ и прочныхъ людей по услугѣ нѣтъ, все де люди престарѣлые, а ннѣ есть и умаличвые. Далѣе священникъ Симеонъ показалъ о постройкѣ двухъ новыхъ церквей въ монастырѣ вмѣсто спорѣвшихъ, и о монастырскихъ морскихъ и рѣчныхъ рыбныхъ промыслахъ; между прочимъ онъ сказалъ: „да въ ихъ же монастырское згодье въ Мотовскую губу заганиваютъ морскіе волки звѣрей китовъ на сушу, только не по вся годы, и отъ тѣхъ де китовъ бываетъ въ монастырь прибытокъ не малой, для того, что де китовое сало емлютъ и продаютъ иноземцамъ жѣлою противъ трескяваго же сала, только де и въ томъ бываетъ у нихъ отъ безлюдства и отъ похищенія посланныхъ потеря не мала“. По выслушаніи допросныхъ рѣчей, архіепископъ Аванасій приказалъ вмѣсто келаря быть строителемъ Печенскаго монастыря монаху Павлу, а въ казначей въ тотъ монастырь прислать монаха добродѣтельнаго изъ другого монастыря, сдѣлать точный учетъ въ приходѣ и расходѣ монастырскихъ суммъ и имущества „а чернцовъ, которые въ томъ монастырѣ живутъ пьянственно и заворно и къ свойственнымъ ихъ людямъ въ Колской острогѣ для пьянства ходятъ и монастырскому иждивенію чинятъ похищенье, и тѣхъ чернцовъ смирить имъ строителю и сыну боярскому, при братья, илетми безъ пощады, чтобъ такъ дѣлать имъ и ннѣмъ впредь не повадно было, а черница Арсенья, которой посланъ былъ къ игумену того монастыря въ Москвѣ и остался въ Сумѣ, велѣтъ, смсавъ, выслать на Холмогоры.

Для познати характеристикъ иноковъ Печенскаго монастыря, слѣдуетъ еще прибавить, что самъ строитель Павелъ, который, по словамъ священника Симеона „*преходилъ доброе*“, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ заподозрѣнъ въ житіи богѣ безвравственномъ, нежели остальные его сподвижники. Въ намоти архіепископа Аванасія іеромонаху Лаврентію да подъячему Ѳеодору Нечаеву 1701 г. ноября 18-го написано: „Да вѣдомо пресвященному Аванасію учинилось, что къ бывшему той (Печенской) пустыни строителю Павлу Холмогору приходять въ келью робота невозрастные и ночюють, и онъ съ ними пьянствуетъ, и вамъ тѣхъ робота распросить вправду накрѣпко, кто именно и чьи робота къ нему Павлу въ келью ходятъ и ночюють, и буде они не учнутъ правду сказывать и ихъ быть илетми нещадно и спрашивать у нихъ съ нимъ Павломъ о познати прямой правды, и буде скажутъ они случай и познати свою съ нимъ Павломъ какую непотребную и богомерскую и его Павла противъ ихъ распросныхъ рѣчей распросить же накрѣпко, и буде онъ учнетъ въ тѣхъ съ ними случаяхъ заиратца и ему дать очную ставку со всякимъ пороснь и съ очной ставки, въ чемъ доведетца, розыскать, и тотъ розыскъ за руками привезть тебѣ Ѳеодору въ казенный приказъ, а его Павла до указу Пресвященнаго архіепископа держать въ той пустыни съювана за карауломъ ...а по тѣхъ роботахъ, которые съ нимъ въ непотребной познати являта, что ихъ къ Пресвященному архіепископу поставитъ, буде онъ ихъ узнаеть, вѣтъ поручине“. Вно-

сѣдѣній этотъ Павелъ былъ сосланъ, вѣроятно по настоящему дѣлу, въ Соловецкій монастырь на покаяніе.

III ¹⁾.

Выписки изъ пожалованной грамоты 1697 г.

Въ купчей 7128 (1620) году написано: Никита Васильевъ Нотозерскій Лопарь продалъ Печенскаго монастыря игумену зъ братією на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ свой участокъ одинъ красную рыбу семгу въ нижнихъ тоняхъ котельные моста: опрочъ Камена и Лахты, впрокъ безъ выкупу, денегъ взяли сорокъ алтынъ. Въ давной 7128 году Нотозерскій лопарь Харитонъ Юрьевъ зъ женою Марьицею дали вкладомъ въ Печенской монастырь угоды свое, что у него на Туломѣ рѣкѣ межъ Лопарями, опрочъ монастырскаго половини подъ падуномъ во всѣхъ своихъ рыбныхъ лояхъ красные рыбы семги и въ гребинкѣ озерныхъ и въ зѣбринкѣ угодахъ и въ бобровыхъ выхъ, чѣмъ онъ Харитоню владелъ и въ заборѣ выше падуна, и Шовну рѣчку, а что буде доведетца въ городовую подѣлку и въ подводѣ и во всякіе лопскіе расходи по рачету съ тово угоды и то ташутъ Печенскимъ старцамъ. Въ давой 7129 году Никитя Васильевъ Нотозерскій Лопарь зъ женою Аеросиницею да съ сыномъ Васкою дали въ Печенской монастырь за двадцать за пять рублевъ вкладомъ впрокъ во вѣки свое владѣніе на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ красные рыбы лови подъ Каменемъ и въ Лахтѣ двѣ четверти со снисию; да въ тѣхъ же тоняхъ и въ котельныхъ мѣстахъ и въ Замейкѣ въ заборѣ десять участковъ промежъ Нотозерскими и Сангелскими Лопаря, а игумену зъ братією за тотъ вкладъ его Никитку въ монастырь доводитъ, какъ и прочихъ вкладчиковъ и братією, до его смерти, а и еиъ его и сыну давать изъ монастыря по три мѣры муки ржаной на годъ со 129 году впрядъ до ихъ смерти; да съ того жъ его угоды игумену зъ братією платить раскодъ съ Нотозерскими Лопарями вмѣстѣ. Въ давой же 129 году Нотозерской Лопарь Кширяно Романовъ съ сестрою Ульяною дали вкладомъ въ Печенской монастырь впрокъ свое угоды, что дали въ тотъ монастырь дѣлъ ихъ Дениско Яковлевъ за себя и за жену свою и за нихъ внучатъ на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ въ рыбныхъ лояхъ, вотчинное свое и прикунное и наемного полосна участка моренныхъ, да семь участковъ за хребтинныхъ, да полнати четверти носныхъ въ лахтѣ и подъ каменемъ и котельныхъ мѣста и съ нижними тонями и въ верхнемъ заборѣ противъ участка моренныхъ, чѣмъ дѣлъ ихъ Дениско владелъ изстари.

Въ отписи 127 году Нотозерскіе Лопаря староста Агѣйно Прокофьевъ да Еремие Федоровъ участники подпадуныскіе во всѣхъ своихъ товарищавъ мѣсто, которые промышляютъ отъ падуна, дали отписъ Печенскаго монастыря игумену зъ братією за нихъ промислъ за старца Досифея по его розвѣтѣ, что межъ ими была его Досифѣева розвѣта въ промислу, а взяли рубль пять алтынъ три деньги за 127 годъ. Въ купчей 142 года Маринка Яковлева дочь Нотозерка Клементьевская жена зъ дѣтми съ Иваномъ да съ Исачкомъ, продали Печенскаго монастыря игумену зъ братією участокъ свой по Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ лови красной рыбы, что ей Маринкѣ зъ дѣтми межъ ими Печенскаго монастыря въ лояхъ въ однихъ жеребыхъ доведетца, 142 году впрокъ безъ выкупу, а взяли за все денегъ пять рублевъ. Въ

¹⁾ Грамота доставлена свящ. Нотозерскаго прихода Г. Терентьевымъ.

кабачъ 145 году НотOVERскій Лопарь Иванко Никитинъ зачалъ у Колягъ у Антипки да у Оетки Сусловыхъ пять рублевъ двадцать три алтына двѣ денги, а заложилъ въ тѣхъ денгахъ свое падуское угодье, чѣмъ онъ владѣтъ и промышляетъ до срока до Петрова дни 146 году безъ росту, а по сроцѣ имъ Антипкѣ и Оеткѣ та кабака купчая и отводная впроки безъ выкупу. Въ дашой 154 году НотOVERскій Лопарь Никитка Михайловъ далъ въ Печенской монастырь вкладомъ владѣння своего угодья рыбные ловли на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ въ лопской четверти подъ Камнецъ и въ Лалтѣ и въ падускомъ заборѣ и зарѣчныхъ неводныхъ ловлахъ во всей лопской чети пятнадцатая рыба за девять рублевъ.

Въ писцовой книгѣ Василя Агалина 1574 г. написано: погость Сонгела стоитъ надъ длиннымъ озеромъ, а въ немъ живутъ Лопари крещенные въ вежахъ, всего восемь вежъ, людей въ нихъ двадцать одинъ человекъ, а угодья у нихъ глѣшнє рѣчки и оера, Шуло-озеро, рѣчка Павія, Черво-озеро, рѣчка Черья, Мавно-озеро, Воршакъ-озеро, рѣчка Керя, Мочасцо-озеро, рѣчка Мочасцо, Ловно-озеро, рѣчка Ловно, Енгосъ-озеро, рѣчка Енгосъ, Куной озеро, рѣчка Куная; а ловятъ они на тѣхъ на всѣхъ рѣчкахъ бобрини, а въ озерахъ ловятъ бѣлую рыбу, да они жъ владѣютъ съ НотOVERскими Лопарями на рѣкѣ на Туломѣ, а ловятъ красную рыбу семгу во всѣхъ промислахъ опрочъ верхняго забора, да и НотOVERо, да съ ними жъ за одинъ вѣдаютъ, а вѣдаютъ они тѣ рыбные ловни, угодья, рѣчки и оера, глѣшнє и рѣку Тулому и НотOVERо, бобринные ловни и вслѣдъ ухажки промежъ себя сами вѣстари, а межа имъ съ монастырскими угодья Печенского монастыря по Бабъ-озеро, по Кардовараку, а по другую сторону отъ НотOVERскихъ Лопарей, НотOVERо по Глубокой ручей.

Погость НотOVERо стоитъ надъ рѣкою надъ Колеп, а въ немъ Лопари живутъ крещенные татлинє, а не нашенные, въ вежахъ, всего девятнадцать вежъ, а людей въ нихъ двадцать восемь человекъ, а угодья у нихъ Сонно-озеро, Керсо-озеро, Чесмонно-озеро, рѣчка Улнта, Печь-озеро, рѣчка Печь, да Космо-озеро, Косморучеекъ, рѣчка Руднавь, рѣчка Писта, рѣчка Водонга, Мала-озеро, Пара-озеро, рѣчка Вуя и съ ручейки, Суда-озеро, Гирвась-озеро, рѣчка Гирвась и съ ручейки, Товадь-озеро, рѣчка Товадь и съ ручейки, Кочмошо-озеро, рѣчка Кочмога, рѣчка Равья и всего двенадцать озеръ да десять рѣчекъ, да два ручейка, и по тѣмъ озерамъ ловятъ бѣлую рыбу, а въ рѣчкахъ и въ ручейкахъ бобрини бьютъ и красную рыбу семгу ловятъ, да того жъ погоста НотOVERскаго Лопарей на рѣкѣ на Туломѣ по выше падуна заборъ, а ловятъ въ немъ красную рыбу семгу сѣтми отъ кольскія межи отъ Калыи. Буки вверхъ по рѣкѣ по Туломѣ до верхняго падуна да ихъ же угодье НотOVERо, а ловятъ на немъ бѣлую рыбу, а тѣ они свои угодья рѣчки и оера и ручейки вѣдаютъ промежъ себя вѣстари по своимъ крѣностямъ, а въ рѣкѣ Туломѣ опрочъ верхняго забора и въ НотOVERѣ Сонгельскаго погоста жидыни вѣдаютъ съ ними вмѣстѣ вѣстари по своему Лувому угодью.

IV 1).

1784 года, Генваря 26 дня, Колского Печенского монастыря стронтель іерономахъ Инокентій съ братією отдали своего монастырскаго владѣння ловъ красной рыбы семги рѣку Большую Лицу того-жъ Печенского монастыря Мотонского по-

1) Изъ архива Холмогорскаго собора.

съ крестьяномъ Филину Харлову и всѣмъ того погоста крестьяномъ же на сей 784 годъ изъ оброку, а оброку ражено денегъ пятнадцать рублевъ да двадцать рыбъ семги, а на соменіе той рыбы соль дать имъ Лопарямъ монастырскую.

Въ томъ же Лопарямъ и писмо дано. Вышеписанные Лопари писмо для владыки реки Большой Лици ваали; въ томъ по ихъ прошенію капралъ Алексѣй Вологодкинъ руку приложилъ.

Мая 12 дня вышеписаннымъ Мотовского погоста Лопарямъ Михайлу Харлову съ товарищи велено выдать отъ Нотобарта въ промиселъ денегъ десять рублевъ.

Генваря 26 дня Колского Печенского монастыря строитель іеромонахъ Инокентій отдавъ своего монастырскаго владыки того-же Печенского монастыря крестьяномъ своимъ Лопаремъ Печенскимъ рѣку Печенгу и Вореку, а кортоми ражено на сей 784 годъ съ Вореки семь рублевъ двадцать копѣекъ, а Печенга рѣка отдана имъ же Лопарямъ Петру Степанову и со всѣми того погоста Лопарями, а что Богъ дастъ въ уловѣ рыбы семги, и съ того промисла привести всю рыбу по монастырскому прежнему контракту торговому иноземцу Нотобарту, а по приѣздѣ съ рыбою лянца въ Печенскомъ монастырѣ и все того рыбного промисла, что надлежитъ по договору, денги отъ иноземца за насъ Лопарей брать въ монастырскую казну, изъ половины рѣки Сухой и за старне монастырскіе долги они Лопари повинни платить во оной монастырь повсегда безпрекословно.

Мая 12 дня вышеписаннымъ Печенского погоста Лопаремъ Петру Степанову съ товарищи велено выдать въ промиселъ отъ Нотобарта двадцать рублевъ.

У вышеписанныхъ Лопарей взято въ платежъ десять мѣръ ржи, цена восемь рублевъ.

У 1).

По грамотѣ 1658 г., марта 27, царь Алексѣй Михайловичъ одну половину рѣки Поноя да половину Лахты съ рыбными ловлями да половину оброчнаго погоста Поном, чѣмъ владыкъ бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, да половину Еюлоги, что была за Сійскимъ монастыремъ, съ обитающими въ тѣхъ мѣстахъ Лопарями, пожаловалъ Крестному монастырю, на островѣ Кіѣ, въ нынѣшнемъ Онежскомъ уѣздѣ, а другую половину тѣхъ же рѣкъ и погостовъ Воскресенскому монастырю Новаго Іерусалима, въ Московскомъ уѣздѣ. Этими мѣстами и обитающими тамъ Лопарями Воскресенскій и Крестный монастыри владѣли до 1704 г.; а съ 1704 до 1728 г. они отдавались изъ оброка откупщикамъ торговыхъ людямъ. Въ 1729 г., по царской жалованной грамотѣ, ихъ снова возвратили Воскресенскому и Крестному монастырямъ. 18 февраля 1746 года жалованная грамоты упомянутымъ монастырямъ вновь были подтверждены. Между тѣмъ въ 1746 г. открылось, что на значительную часть этихъ самыхъ мѣстъ, еще въ 1736 году, откупщикъ посадскій человекъ Яковлевъ написалъ и совершилъ у крѣпостныхъ дѣлъ въ Архангельскѣ записъ съ Лопарями, будто бы онъ взял ихъ у Лопарей на оброкъ съ 1738 г. впередъ на 19 лѣтъ за сумму 3,420 руб., которую будто бы выдалъ впередъ Лопарямъ. Вслѣдствіе ходатайства игумена Крестнаго монастыря, по указу Правительствующаго Сената отъ 25 февраля 1846 года, наряжено было изслѣдованіе дѣйствій Яковлева.

1) Изъ архива Холмогорскаго собора.

Приводимия при этомъ показанія Лодарей и самая запись даютъ ясное понятіе о настоящемъ дѣлѣ.

Мірской староста Антоныъ Ивановъ, сынъ Телвашевъ, Тулванскаго погоста, показалъ: въ прошломъ 1786 году въ Архангелогородской губерніи у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости холмогорцу Михайлу Яковлеву на откупъ режь Поной, Ексонги и Лакты отъ 733 году впередъ на девятнадцать лѣтъ не отдавали и денегъ у него напередъ трехъ тысячъ четырехъ сотъ двадцати рублевъ не получивали и у города Архангельскаго она крѣпость кѣмъ ему совершена и отдана, того онъ, Телвашевъ, не знаетъ, токмо по приѣздѣ онаго Яковлева въ село Поной лѣтнимъ временемъ, а въ которомъ году и мѣсцѣ, того онъ, Телвашевъ, не помнитъ, но пробывъ его въ ономъ селѣ Поной, напоивъ его, Телвашева, пьяна, и въ томъ его, Телвашева, пьянствѣ, съ принужденія онаго Яковлева, ко оной крѣпости или записи, того онъ Телвашевъ не намятуеъ, простотою своею клеймо приложилъ; къ тому-жъ онъ, Телвашевъ, не токмо грамотѣ умѣеъ едва и русской языкъ знаетъ, и о томъ онъ, Телвашевъ, показалъ самую сущую правду, подъ опасеніемъ за неправое показаніе наивѣроятнаго истязанія, отъ роду ему пятьдесятъ два года. Къ сему допросу прошеніемъ Антона Телвашева Понаахмиъ Сидоръ Русиновъ руку приложилъ. При томъ же допросѣ онаго Телвашева клеймо приложено своеручно.

Тоже самое, относительно крѣпости, показали Лодарь Ексонскаго погоста Осниъ Яковлевъ Даниловъ.

Лодари Ексонскаго погоста: Анника Матѣевъ Матѣевъ, Евстратъ Васильевъ Даниловъ, Спиридонъ Васильевъ Софьянъ, Лунданскаго погоста Василій Осиповъ Бородинъ, Пурнацаваго погоста Леонтій Васильевъ Старуновской и Каменскаго погоста Данилъ Макаровъ Матрехинъ показали, что они никакой записи Яковлеву не давали, денегъ отъ него не брали и клеймъ своихъ къ записи не прикладывали.

1749 году, Сентября 30 дня, въ Крестновскомъ Духовномъ Правленіи вѣдомства того Правленія Архангелогородской губерніи, Колскаго уѣзду, вотчины Крестнаго монастыря, Понойскаго изъ лодскихъ Лунданскаго погоста, изъ лутчихъ крещеной Лодарь Василій Осиповъ, сынъ Бородинъ, присланнымъ въ тотъ Крестной монастырь на прештаніе сержантомъ Потапомъ Андреевымъ привезенъ и допрашиваеъ, а въ допросѣ показалъ: какъ де Понойскаго погоста крестьяне и онъ лодскихъ погостовъ Лодари пожалованной въ 7166 году марта 27 дня блаженныя и вѣчностойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича грамотѣ отданы за Крестной и Воскресенской монастыри со всѣми доходи и съ рыбными ловли во крестьянство, и что онъ крестьяне и Лодари имѣлись во владѣніи по 1704 годъ, онъ Бородинъ вѣдалъ, а какъ де въ томъ 704 году рыбные ловли, по силѣ блаженныя и вѣчностойныя памяти великаго государя императора Петра перваго указу, отошли за откупщиковъ и были по 728 годъ, а за кѣмъ именно, того онъ сказать не помнитъ, и въ 727 году состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о владѣніи рыбными ловлями самимъ помѣщикомъ, а объ отказѣ откупщиковъ указъ, а потомъ въ 729 году въ Верховномъ же Тайномъ Совѣтѣ о битіи имъ Понойскимъ крестьяномъ и Лодарямъ съ рыбными ловлями за тѣми монастырями вышеназванная жалованная грамота ихъ императорскаго величества императора Петра втораго подтвержденіемъ подписана, и когда въ томъ 729 году посланъ былъ отъ Крестнаго монастыря промышленникъ іеромонахъ Захарія Остриковъ съ той грамоты о послушаніи и о рыбныхъ ловляхъ понойскимъ крестьяномъ и имъ Лодарямъ копію, а Крестнаго монастыря отъ властей въ братію наказъ объявлялъ, то они въ послушаніи тѣмъ монастырямъ бытъ и въ ловлѣ

рыбныхъ промысловъ никакой протѣвности чинить не будутъ, объявляясь подписками; а потомъ Архангелогородской губерніи изъ холмогорцовъ описали Михайло Яковлевъ, онъ же и Панфиловъ, желая себя обогатить, подговорилъ ихъ простаковъ Лопарей и привелъ въ соблазнъ съ тѣми монастырями въ рыбныхъ лодкахъ быть противными, подовавъ ихъ понойскихъ крестьянъ наслучнаго коварнииа, грамотъ читать неаать художнаго, Сидора Русина, да его простака Бородина, въ такой надеждѣ, чтобъ отъ тѣхъ монастырей и исповѣданія отрѣшится, а быть во владѣніи за оними Панфиловыми, и тотъ Панфиловъ сволокъ ихъ Русина и Бородина за такимъ противнымъ челобѣтиемъ въ Москву, гдѣ онѣ шатались съ холбою и пробытіемъ въ Москвѣ—окъ, Бородинъ, съ Покова до великаго поста первия недѣли, и ничего не получая, отдуцая оними Панфиловыми и Русиновыми въ домъ его, а онъ де Панфиловъ и Русиновъ за тѣмъ же устремилися въ Санктпетербургъ и тамъ проволочились вгоднаиое время, однако же и тамъ ничего не получили—жъ, а по прибытіи отъ С.-Петербургга еще оною же Панфиловъ, ухитрися, минувъ понойскихъ крестьянъ, которые ко владѣнію рыбныхъ ловель и къ содержанію всякой вѣрности найблизчайшіе по близости быть могли крестьянъ въ 1733 году, бывши въ Поноѣ, ихъ бѣдныхъ простаковъ и невѣдующихъ силн закона Божія Лопарей прелстивъ и обогативъ, составилъ черное письмо, будто бы де они Лопари за понойскіе и прочіе рыбные промыслы отъ того 1733 году впередъ на девятнадцать лѣтъ у его Панфилова оброку напередъ взяли три тысячи четыреста двадцать рублемъ денегъ; а потомъ въ 1736 году въ Архангелогородской губерніи у вѣрностныхъ дѣлъ на то черное письмо своимъ луватствомъ составилъ и ваялъ вѣрность, а кто при томъ были нищии и свидѣтели, ни про что про то они не вѣдаютъ, и такой вѣрности не давали и денегъ де подъ такіе рыбные промыслы оброку напередъ у него Панфилова ни одной копейки не имывали, какъ о томъ по слѣдствію отъ Кольской Воеводской Канцеляріи лонскихъ разныхъ погостовъ изъ лутчихъ Лопарей, которые во лжесоставной онаго Панфилова вѣрности именуется, депресеами показано, а что де въ вѣрности его Панфилова якобы повѣреннымъ написанъ Лонскихъ Луданскаго погоста Лопарь Клементій Федоровъ сынъ Кокоринъ, которому отъ нихъ Лопарей никакого вѣрчего писма въ датѣ не бывало, а скитался онъ будучи у Архангельскаго города, яко единъ отъ нищихъ, а они де какъ онъ Бородинъ, такъ и прочіе Лопари отъ понойскихъ и другихъ семожныхъ промысловъ находятся въ лѣсныхъ лѣнцахъ и ближніе за пятьдесятъ верстъ, а дальніе кон живутъ въ тундрахъ разнъ за триста верстъ отъ Поною и всѣ де они Лопари всѣхъ погостовъ питаются отъ оверскихъ рыбныхъ и лѣсныхъ оленьихъ промысловъ, и сиемъ депросомъ онъ Василій Бородинъ, памятуя уже и приближающийся себѣ смертній часъ и воздаяніа комуждо по дѣламъ, сказалъ сущую правду, въ чемъ вѣрнѣ подписаться отду своему духовному Крестовскаго Духовнаго Правленія вѣдомства Устьенской волости Успенскому попу Петру Григорьеву.

Лѣта 1736 іюля 24 дня Кольскаго уѣзда терскихъ и понойскихъ и скопскихъ Лопарей Туланскаго погоста мирской староста Антоновъ Ивановъ сынъ Телвалевъ и мирскіе люди Лопари скопскаго погоста Осипъ Акимовъ сынъ Даниловъ, Лука Федоровъ сынъ Алексѣевъ, Аника Матвѣевъ сынъ Матфѣевъ, Спиридонъ Васильевъ сынъ Даниловъ, Никифоръ Федоровъ сынъ Жеребцовъ, Каменскаго погоста Денисъ Матрехинъ, Федоръ Михайловъ сынъ Евстратъ Гавриловъ сынъ Матрехинъ же, Василей Осиповъ сынъ Бородинъ, Леонтій Старуновскій, Клинь Федоровъ сынъ Федоръ Макаровъ сынъ Кокоринъ и прочіе означенныхъ всѣхъ погостовъ Лопари съ общаго между собою согласія и прозволенія дали сію договорную за-

ишь Холмогорду посадскому человеку Михайлу Иванову сыну Яковлеву въ сѣдущемъ основаніи: понеже въ прошломъ 1788 годѣ въ мѣсѣ мѣсѣцѣ отдали ми мирской староста и ввѣнписанныхъ погостовъ всѣ мирскіе люди, не исключая ни одного изъ насъ, ему Михайлу Яковлеву, по полюбовному между нами договору, владѣнія своего, чѣмъ изъ древнихъ гѣтъ, по вышеозначеннымъ грамотамъ империальныхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ указовъ, прадѣди и дѣди наши, а потомъ и мы владѣли, а именно рыбныя ловли Пономъ рѣву съ принадлежаними къ ней угодьями половина рѣки Пялици и по тому Терскому берегу отъ Пялици въ Мурманской конецъ до рѣки Эконги, рѣки и тони и отъ моря въ гору вѣтъ вереть все безъ выѣту, окромѣ рѣки Эконги, и по ней Лахты и Красного носу, на оброкъ отъ ввѣнписаннаго іюня мѣсяца 788 году до предбудущаго 782 году до октября мѣсяца и того на девятнадцать гѣтъ, а оброкъ за тѣ рыбныя ловли и угодья ридили мы Ловари и принали у него Яковлева при сей договорной записи по сту по восьмидесяти рублевъ на годъ, и того три тысячи четыреста двадцать рублевъ все сполна, и по сей нашей договорной записи до показаннаго урочнаго времени, какъ ему Яковлеву, такъ и женѣ и дѣтямъ и наследниковъ его или кому отъ него приказано будетъ помянутыми рыбными ловлями и угодьями владѣть безъ всякаго отъ насъ прешатствія и для того прислаемъ отъ него Яковлева на тѣ рыбныя ловли, какъ для ловли рыбы, такъ и для прочаго исправленія никакихъ намъ въ томъ исправленіи номѣнательствъ не чинить и въ тѣ рыбныя ловли и въ угодья какъ намъ и женамъ и дѣтямъ напоминать, такъ и никому, ни вторымъ дѣти не вступать, также никому тѣхъ рыбныхъ ловель и немалого чѣю принадлежащаго до тѣхъ рыбныхъ ловель въ тѣ ввѣнписанные годи другимъ въ оброкъ намъ никому не отдавать, и въ томъ во всемъ ему Яковлеву и женѣ его и дѣтямъ убытка никакого не учинить, а ежели въ тѣхъ рыбныхъ ловляхъ при промыслахъ и прочекъ его Яковлева исправленія станемъ ми чинить какое прешатствіе или номѣнательство и во что ибудъ принадлежащее къ тѣмъ рыбнымъ ловлямъ вступатся и оттого проивойдутъ ему убытки и другіе какіе несчастливые упатки, и тѣ убытки и за оные упатки по объявленію его Яковлева въ достовѣрнымъ свидѣльствомъ, что какія прешатствія или номѣнательства отъ насъ чинены были, повинни заплатить деньгами безотрицательно, а буде кто въ тѣ рыбныя ловли станеть по какому указамъ или крѣпостямъ вступатся, и намъ его Яковлева отъ того во всемъ очистити нашей тѣ рыбныя ловли отъ него Яковлева какія чрезвычайнымъ случаемъ до оного срочнаго времени отъядутъ или взяты будутъ, то намъ старостѣ и мирскимъ людямъ и дѣтемъ нашимъ на тѣ достальные годи отдать ввѣнписанные взятыя денги по сту по восьмидесяти рублевъ на годъ и съ его убытками, какіе могутъ ему притомъ чрезвычайномъ тѣхъ рыбныхъ ловель вятѣхъ приключатся по его жъ объявленію безъ всякой отговорки; такожъ ежели ми староста и мирскіе люди до ввѣнписаннаго сроку покажемъ неустойку и тѣ рыбныя ловли или часть изъ нихъ кому отдадемъ другимъ на оброкъ или какимъ другимъ случаемъ, то повинни ми и жены и дѣти наши заплатить ему Яковлеву за неустойку намъ за всякой годъ что будетъ въ уловѣ рыбы въ тѣхъ означенныхъ годѣхъ противъ большихъ промысловъ вдвое и съ его убытки безотговорочно и безспорно, а буде онъ Яковлевъ при тѣхъ рыбныхъ ловляхъ въ вышеозначенные урочные годи какое вновь пристроитъ хорошее и прочее строеніе или какіе заведетъ оны и прочіе заводи, чтобъ ни было, то по оныхъ срочныхъ годахъ такое строеніе и все что его пристройки вновь заведено явится у него Яковлева намъ или дѣтямъ нашимъ принять,

а за то по объявленію его Яковлева денги намъ и дѣтямъ нашимъ ему Яковлеву отдать бесспорно и никакихъ убѣтковъ въ томъ ему Яковлеву не учинить, а ежели паче чьянія за какою законною нуждою или за отлученіемъ въ другіе города ему Яковлеву до срочнаго времени вышепоказанными рыбными ловлями и съ угодами владѣть будетъ невозможно, то волю ему Яковлеву тѣ рыбныя ловли и съ угодами до показаннаго срока отдать въ оброкъ кому онъ похочетъ на такомъ же основаніи, какъ и сія договорная записъ слѣдуетъ или какъ онъ похочетъ, токмо чтобъ болше сего не прибавлять, а что похочетъ изъ сего убавить то оставляемъ въ его волю, такожъ ежели паче чьянія (отчего Боже сохрани) ему Яковлеву учинитца смертной часъ, то по немъ оставшей жены и по ней оставшимъ же отъ нихъ кому по завіщательнымъ ихъ писмамъ повелѣно будетъ тѣмъ промислами владѣть до помянутаго срочнаго году, а требуемыя съ тѣхъ рыбныхъ промисловъ какъ за прошлые годы, такъ ежели и впрѣдъ спрошены будутъ оброчныя денги или другіе какіе зборы и подати, то всё платитъ намъ Лопарямъ за вышеписанныя взятыя нами у него Яковлева денги, а его Яковлева ни до каковаго убѣтка не довести, и во всемъ какъ ему такъ и намъ поступать противъ сей договорной записи безъ всякой отгѣн, въ томъ и сію договорную записъ ему Яковлеву дали, а прежде данное ему Яковлеву отъ насъ въ прошломъ 733 году, въ которомъ договоръ объ отдачѣ тѣхъ рыбныхъ ловель состоялся, договорное писмо взяли мы у него Яковлева обратно, а для принятія сей договорной записи отъ крѣпостныхъ дѣлъ и отдачи ему Яковлеву послали мы съ общаго согласія тѣхъ же людей, которые сію записъ съ нашего повѣреннаго писма и согласія писали, а именно изъ тѣхъ же конскихъ погостовъ изъ Лунданскаго Лопина жъ Клементія Федорова сына Коворина, которому въ томъ вѣримъ и въ томъ во всемъ себя своими руками и клятвами утверждаемъ. Слѣдуютъ подписи совершившихъ договорную записъ и свидѣтелей. Договорную записъ писалъ Архангелогородскихъ крѣпостныхъ дѣлъ конекъ Степанъ Дмитріевъ. 1736 г. декабря 4 дня записъ сія въ книгахъ у крѣпостныхъ дѣлъ записана и узаконенныя поминны взяты.

VI.

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣднаго суда „о рѣкѣ Воронежъ, которая въ Кольскомъ уѣздѣ, отданной Лопарями крестьянину Холмогорской округи Степану Негодеву на владѣніе ево по договору“; началось въ 1821 г., кончено въ 1825 г. ¹⁾

Изъ Архангельскаго губернскаго правленія въ Архангельскую палату уголовного суда.

Кольскій Земскій Судъ, въ рапортѣ отъ 8 минушаго іюля, сему Правленію доносить, что хотя члены оваго Суда, по предписаніямъ Губернскаго Правленія, какъ прежде употребляли всевозможное стараніе къ склоненію Воронежскихъ Лопарей на исполненіе договора съ крестьяниномъ Негодевымъ о рѣкѣ Воронежъ, равно и въ нижнѣйшій объѣздъ по Мурманскому російскому берегу Земскій Исправникъ съизвѣстнымъ образомъ внушалъ имъ о томъ же, но за всѣмъ тѣмъ желаемаго Губернскимъ Правленіемъ успѣху не получили, и какъ у нихъ въ означенную рѣку съ начала лову рыби допущенъ другой промышленникъ, и ловъ рыби приходитъ къ оловчанію, то Земскій Исправникъ вынужденъ изъ числа ослушныхъ Воронежскихъ Лопарей, за богванію десятскаго и за развѣдомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на промислы

¹⁾ По архивной описи дѣло это значится подъ № 1188.

взять въ городъ Колу отъ разныхъ семействъ 4-хъ человекъ, для кредита суду, которые Земскимъ Судомъ, согласно сказаннымъ предписаніямъ оного Правленія, съ приложеніемъ въ копіяхъ всей по сему предмету переписки, отосланы 1-го числа истекшаго мѣсяца въ Кольскій Уѣздный Судъ, для поступленія по законамъ.

По справкѣ оказалось: 1-е, 22 числа Генваря прошлаго 1818 года отъ Кольскаго Земскаго Суда поступило въ сіе Правленіе представленіе, въ коемъ изъяснялось прошеніе воронежскаго погоста десятскаго съ крестьянн, что они, отдавшіи ими по договору въ 1815 году для лова рѣки Холмогорской округи крестьянину Степану Негодяеву рѣку Воронежъ изъ оброка, по недоплатѣ тѣмъ Негодяевымъ слѣдующихъ имъ за прошлые годы 675 рублей оброчныхъ денегъ, черезъ что претерпѣваютъ разореніе и въ несостояніи оплачивать государственныхъ податей, впредь съ 1819 года, отдали для промысла Кольскому мѣщанину Василию Голодному, который обязался платить за весь погостъ въ казну, за обѣ половины года, получивши деньги и на земскія повинности, кои въ годѣ 400 руб. въ годъ, и что Земскій Судъ, усматривая для сихъ Лопарей ощутительную пользу въ передачѣ рѣки Воронежъ другому владѣльцу, договоръ съ ними засвидѣтельствовалъ и выдалъ мѣщанину Голодному, а для объявленія о семъ крестьянину Негодяеву и о томъ, что онъ въ написанномъ съ тѣми Лопарями въ 1815 году договорѣ противъ условія прибавилъ время владѣнія рѣкою, представлялъ сему Правленію, съ тѣмъ, что упомянутому Негодяеву 19 марта прошлаго 1817 года договоръ на владѣніе рѣкою Воронежъ черезъ пять лѣтъ въ томъ судѣ свидѣтельствованъ, потому что со стороны Лопарей не было оглашаемо въ семъ никакой фальши; при чемъ представлялъ и копію съ договора, данную того Негодяева приказникомъ Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерохинымъ означеннымъ Лопарямъ, имъ самимъ писанную и подписанную, а Лопарями въ Земскій Судъ представленную, 2) По объявленіи сего чрезъ Холмогорскій Земскій Судъ крестьянину Негодяеву, объяснился онъ писменно, что жалоба сихъ Лопарей есть вовсе несправедлива, сіа доказываются: первое контрактомъ августа 4 дня 1815 года на владѣніе ему Негодяеву рѣкою Воронежъ пять лѣтъ, съ платежемъ ежегодно 175 рублей, къ которому Лопари приложили своеручно обыкновенныя свои клейма, и совершаемъ контрактъ сей былъ не лично имъ, такъ какъ онъ самъ съ 1804 года тамъ не бывалъ, а повѣреннымъ его Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерохинымъ, по добровольному согласію, который, яко человекъ посторонній, не имѣлъ надобности ихъ обманывать для пріобрѣтенія чрезъ то ему Негодяеву интереса, и при томъ при совершеніи контракта были свидѣтели: таможенный 8 дистанціи надзиратель Викторовъ и пять человекъ крестьянъ, за коиъ подписался объѣзднякъ Мироновъ; второе, послѣку договоръ сей заключенъ 1815 года, свидѣтельствованъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ 1817 года марта 19, и между таковымъ свидѣтельствомъ Лопари получили отъ повѣреннаго за тотъ годъ условную по договору плату 175 руб. и получивъ, ни гдѣ о томъ, что плата сіа не такова, о каковой они уговорились и дали контрактъ, не жаловались, ибо Земскій Исправникъ и члены Земскаго Суда бывають почасту въ ихъ погостѣ, да и къ нему не писали, на чемъ основывался и сноска послѣ полученія въ 1816 году ими денегъ еще чрезъ полгода, былъ контрактъ сей утверждень свидѣтельствомъ Земскаго Суда, который въ свидѣтельствѣ семъ именно прописываетъ, что точно данъ ими Воронежскимъ Лопарями съ общаго мірскаго согласія; третье, контрактъ сей онъ со своей стороны вѣннѣ соблюдалъ и соблюдаетъ свято и ненарушимо, плата исправно оброкъ не только въ условное время, имѣя отъ сихъ Лопарей представляема по возвращеніи съ промысла повѣреннымъ его росписки,

но еще за 1818 годъ завладѣть впередъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1817 года, за чѣмъ данную тѣмъ Лопарями росписку представлялъ и сверхъ той плати ежегодно послыжаетъ къ прибавокъ по 10 руб. деньгами и по купю рыбною муки; дабы писалъ, что изъ сихъ обстоятельствъ и изъ прилагаемыхъ при семъ подлинныхъ договора и росписки въ полученіи денегъ Лопарями усмотрѣвъ можетъ несправедливость жалобы, которая происходитъ или изъ неустойчивости ихъ Лопарей въ договорѣ, или по наученію ихъ кѣмъ либо изъ зависти и недоброжелательства къ сему Негодяеву, дабы вредить его промыслу и заведеніямъ, такъ какъ рѣка Воронья скупается имъ единственно для лову мелкой сѣмги, употребляемой на наживку при ловлѣ трески, безъ чего и промыслу оной производить не можно; между тѣмъ, какъ на заведеніе и на наемъ на сей годъ 22-хъ человѣкъ работниковъ уже и данъ въ задатки значительная сумма, отчего можетъ потерѣтъ разстройство и убытку до пяти тис. рублей, въ разсужденіе чего и просилъ начальство заставить справедливость контракта его съ Лопарями противъ несправедливой ихъ жалобы и чрезъ что не привесть промысла его въ разстройство. Представленный контрактъ писанъ Августа 4-го 1815 года такъ: да будетъ извѣстно, кому знать надлежитъ, что мы нижеподписавшіеся Кольской округи Воронежскаго погоста Лопари съ общаго мирскаго согласія учинили сей договоръ съ крестьяниномъ Холмогорской округи Ровдогорской волости Стефаномъ Негодяевымъ въ томъ, что отдали своего владѣнія, лежащую во русскому Мурманскому берегу, рѣку Воронью и съ песками, въ которой оны производятъ должнъ рыбные сѣмужы и всякой промыселъ съ вышеписаннаго числа впередъ на пять лѣтъ, за что рядили мы Лопари получать каждый годъ съ него Негодяева по сту по семидесяти по пяти рублей, по окончаніи бывшаго промысла, съ тѣмъ, чтобы изъ насъ никому въ означенные годы той рѣки другимъ не отдавать и самимъ въ оной рыби не промысливать и убытка ниваго ему Негодяеву ни въ чемъ не наводить; енно же деньги получать намъ съ его, Негодяева или отъ его повѣреннаго въ каждый годъ въ Августѣ мѣсяцѣ; въ пріемъ же демагъ давать намъ росписки. Сверхъ сего, если оны Негодяевъ, по прошествіи срока, и впередъ за собой ту рѣку содержать пожелаетъ за вышеозначенную сумму, то намъ оныя згоды никому иному не отдавать, кромѣ сего Негодяева, а ежели оны Негодяевъ въ теченіи пятилѣтняго срока самъ кому отдать пожелаетъ вышеозначенныя наши згоды другимъ прочимъ постороннимъ людямъ, то и въ томъ намъ не препятствовать и содержать сей договоръ съ обонхъ сторонъ свято и ненарушимо; въ случаѣ же неустойки насъ Лопарей противъ сего договора, повинны мы Лопари все имущество его Негодяева, находящееся при рѣкѣ Вороньѣ перенести безъ всякой утраты своимъ коштомъ, куда оны Негодяевъ заблагорассудитъ. Сей договоръ ему Негодяеву законно засвидѣтельствовано гдѣ слѣдуетъ, въ чемъ оны и дали мы добровольно и непринужденно на мѣстѣ при рѣкѣ Рымцѣ, при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ. За неумѣиємъ грамоты прилагаемъ свои обыкновенныя клейма Августа 4 дня 1815 года. Договоръ сей къ свидѣтельству явленъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ 19 марта 1817 года, и написаніемъ на ономъ учиненнымъ, подписаніемъ Земскаго Исправника Хлопова и скрѣпной секретаря Еловчина, свидѣтельствуется въ томъ, что точно данъ тѣмъ Лопарями съ общаго мирскаго согласія. Поеленку же изъ объясненія Негодяева усмотрѣно, что данъ договоръ Лопарямъ прикащикомъ Негодяева Холмогородскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ, съ коего и представлена отъ Земскаго Суда копія отъ 3 Генваря сего года, то Правленіе съ приложеніемъ той копіи, имъ писанной и подписанной, предписывало Холмогорскому Городничему отъ 1-го Марта допросить его Ерюхина оны ли ее писалъ

и подписалъ, и признаетъ ли ее за настоящую копию съ договора съ Лопарями, которой оны составляли о владѣннй рѣкою Воронью, буде же утверждать ее не будетъ, то для чего давалъ таковую невѣрную копию, а если признаетъ ее за подлинную, то почему написана цѣна оброку 400 рублей, а въ подлинномъ 175 руб.; каковое объясненіе и прислалъ бы въ Правленіе. 4-е. По донесеніи Городничаго, что мѣщанинъ томъ отлучился въ февралѣ мѣсяцѣ на невѣстное время въ С.-Петербургъ, Губернское Правленіе, приводя на видѣ указъ 1766 года Апрѣля 18, въ которомъ изображено: въ случаяхъ прошеній, если отъ кого и представлены будутъ учиненные контракты оныя особе, что до разборовъ принадлежатъ за твердое основаніе къ положенію резолюцій всегда почитаеми быть должны. А какъ по сему таковыхъ разборовъ болѣе всѣхъ бываетъ въ полиціи, то въ сохраненіи оной въ народѣ нужнаго кредита и надлежитъ стараться въ такихъ случаяхъ утверждать свои рѣшенія на точномъ разумѣ контрактовъ, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какія персоны, — резолюціею того 1818 года заключило: посланку въ дѣлѣ семъ заключенъ договоръ съ Лопарями въ узаконенной формѣ на гербовой бумагѣ съ приложеніемъ клеймъ тѣхъ Лопарей, при свидѣтельствѣ подписавшихся на ономъ постороннихъ людей и объяднаго надзирателя Викторова, въ становившѣ Рынѣ и чрезъ полтора отъ написаннаго его года времени засвидѣтельствованъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ о дѣйствительности его, противу котораго во все прошедшее время по нимъ не было предъявлено спору, и въ минувшее лѣто приняли тѣ Лопари отъ прикащика Негодяева мѣщанина Ерохина оброку за рѣку сію за 1818 годъ 175 руб. давъ въ томъ и росписку, представленную нимъ крестьянникомъ Негодяевымъ, то и по воимъ симъ обстоятельствамъ договоръ сей иначе не можетъ быть признанъ какъ за настоящій, дѣйствительный, а въ разсужденіи данной мѣщаниномъ Ерохинымъ бумаги тѣмъ Лопарямъ, въ видѣ копій съ сего договора спросить его о томъ въ прежней силѣ велѣтъ Холмогорскому Городничему, когда оны Ерохинъ въ Холмогоры изъ отлучки возвратится, о чемъ Кольскому Земскому Суду дать знать, съ тѣмъ, чтобы со стороны Лопарей договоръ сей сохраненъ былъ во всей точности до истеченія означеннаго срока, по силѣ вышеприведеннаго узаконенія, повелѣвающаго судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ сохранятьъ права заключенныхъ договоровъ въ сохраненіе нужнаго въ народѣ кредита, что и возлагается въ непремѣнное наблюденіе сему суду, а почему оный, нѣтъ въ виду сей договоръ, самимъ имъ свидѣтельствованный и утвержденный въ дѣйствительности его, позволялъ себѣ свидѣтельствовать другой договоръ тою же лещію, прежде истеченія срока по первому договору, изъ чего замѣчается большая неосмотрительность, иначе неосновательность въ такомъ дѣйствіи къ запутанности дѣлъ, съ вовлеченіемъ и людей въ разстройство, чтобы прислалъ отвѣтъ оный судъ на разсмотрѣніе Губернскому Правленію. 5-е. Послѣ сего Его Высокопревосходительство г. Управляющій Губерніею и кавалеръ Алексѣй Федотовичъ, при предложеніи отъ 6 Декабря, иренпровожда на разсмотрѣніе сего Правленія отъ Лопарей Воронежскаго погоста прошеніе относительно владѣнія крестьянникомъ Негодяевымъ рыбными ихъ ловлями, якобы по несправедливому договору предлагать изволилъ о послѣдующемъ Его Высокопревосходительство уведомить съ возвращеніемъ прошенія, а просителямъ объявить чрезъ Кольскій Земскій Судъ по надлежащему. Въ прошеніи томъ Лопари писали, что по договору въ 1803 году отдана была ими ихъ владѣнія рѣка Воронья для лову рыбы крестьянину Негодяеву на пять лѣтъ по 175 руб.; въ 1815 же году Кольскій мѣщанинъ Немчиновъ выдалъ имъ за ту рѣку оброку 400 рублей въ годъ; случившійся же въ то время тамъ Негодяева прика-

никъ Еракинъ уговорилъ ихъ оставить означенную рѣку за Негодяевымъ за 400 рублей, но плативъ только за 1816, 1817 и 1818 годы по 175 р., отозвался, что болѣе сего они требуютъ не имѣть права, каковое притѣсненіе къ нимъ Негодяева, объяснивъ они Кольскому Земскому Суду, просили, что буде Негодяевъ не приметъ по послѣднему договору въ Марту мѣсяцу того 1818 года недоплатенныхъ имъ по 225 руб. за каждый годъ, а всего за три 675 руб., то они оной рѣчки Негодяеву отдать ни за что не согласны, которую съ будущаго 1819 года и отдали Кольскому мѣщанину Василью Голодному, обязавшемуся за весь ихъ погостъ уплачивать подушныя и на земліи повинности деньги, каковыхъ скодитъ болѣе 400 р., почему и просили взыскать чрезъ кого слѣдуетъ отъ Негодяева слѣдующія имъ означенныя 675 руб. деньги и дать имъ свободу въ передачу рѣчки по вновь сдѣланному договору. Губернское Правленіе, видя имъ вышеприведеннаго, что просители Воронежскіе Лопари, по учиненному съ кр. Негодяевымъ договору сами отдали ему рѣку Воронежю изъ платежа въ годъ по 175 руб., слѣдственно и не вправе требовать болѣе сего съ Негодяева, также и учиненнаго условія нарушить не могутъ, не входя ни въ какое по сей просьбѣ сужденіе, посламо отъ 17 Января сего года въ Кольскій Земскій Судъ указъ съ подтвержденіемъ, чтобы договоръ непремѣнно былъ Лопарями сохраненъ до истеченія намѣченнаго въ ономъ срока, и чтобы прислать оной Судъ требуемый симъ Правленіемъ отъ 21 марта къ разсмотрѣнію отвѣтъ, приказавъ о томъ донести, объявлено-ли просителямъ вышеказанное Губернскаго Правленія предписаніе, ибо если бы было объявлено, не могли бы они входить вновь съ просьбою въ томъ же, въ чемъ имъ было отказано. 6-е. Крестьянинъ Негодяевъ, въ поданной въ сіе Правленіе въ томъ Генварѣ мѣсяцѣ просьбѣ, въ дополненіе прежде даннаго ихъ объясненія, описывалъ, что въ минувшее 1818 года лѣто, владея онъ рѣкою Воронежю, по предписанію сего Правленія, хотя въ бытность такъ посланныхъ отъ него промышленниковъ и отдаваемыхъ Воронежскимъ Лопарямъ оброчныя деньги 175 руб. впродъ за сей 1819 годъ, какъ обыкновенно онъ всегда платилъ имъ, но они тѣхъ денегъ не приняли, дѣлая отвѣтственность, что они ту рѣку передали въ содержаніе въ другія руки, что самое почитаетъ онъ въ противность договора съ нимъ въ 1815 году сдѣланнаго, коему срокъ кончится еще въ будущемъ 1820 году; посланку же въ Февралѣ мѣсяцѣ сего 1819 года наступитъ удобное время къ отправленію на имѣющіяся у него промыселъ въ Кольской округѣ трески рабочихъ людей въ значительномъ числѣ, рѣка же Воронежъ влзла имъ изъ оброча единственно для лова мелкой рыбы, употребляемой для наквкки при ловлѣ трески, то дабы не могъ онъ по заведенному имъ издавна рыбному промыслу потерѣть разстройства и остановки отъ отвѣтательства и воспрещенія Воронежскихъ Лопарей отъ содержанія ему рѣки Воронежѣ, и чрезъ то не лишиться бы значительной суммы денегъ, могущій причинить ему напрасный убытокъ, просилъ чрезъ кого слѣдуетъ Воронежскимъ Лопарямъ повѣдѣть по договору за рѣку принять отъ его Негодяева деньги на сей 1819 годъ 175 руб. и не воспрещать ему содержать ту рѣку до истеченія срока въ августѣ мѣсяцѣ 1820 года. Губернское Правленіе и по сей Негодяева просьбѣ предписало Кольскому Земскому Суду отъ 6 Феврала, чтобы онъ удержалъ Лопарей тѣхъ отъ воспрещенія властѣ Негодяеву по силѣ договора до срочнаго времени рѣкою Воронежю, велѣтъ имъ принять слѣдующимъ отъ Негодяева за то по договору деньги и внушилъ, что буде и за симъ они, въ противность своего договора, будутъ дѣйствовать, то подвергнуть себя, какъ нарушители онаго законному взысканію, подтвердивъ Земскому Суду прислать требуемый предписаніями сего Правленія отъ 15 Генваря и 21 Марта

отъ онаго отвѣтъ, съ дѣмъ, что за дальнѣйшее неисполненіе сего Губернскаго Правленія поступить съ онымъ Судомъ, какъ ослушнымъ, по силѣ 26 статьи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, 7-е. Кольскій Земскій Судъ въ рапортѣ отъ 1 Февраля на указъ сего Правленія отъ 17 Января объяснилъ объявленіе исправника Хлопова, что когда по опредѣленіи его къ сей должности первымъ разѣ въ Ноябрь мѣсяцѣ 1816 года проѣзжалъ онъ по округѣ чрезъ Воронежскій погостъ, то Лопари онаго, на спросъ его, отвѣтствовали, что рѣка Воронья отдана ими по договору крестьянину Неводяеву, о количествѣ же оброка и о времени владѣнія онъ не спрашивалъ, полагая, что конечно и договоръ уже засвидѣтельствованъ, а когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1817 года явился въ присутствіе Земскаго Суда кофренцій отъ Негодяева для засвидѣтельствованія того документа, то онъ въ обществѣ присутствіи найдя оный подписанный многими свидѣтелями и вѣдал, что Лопари сами клеима къ нему прикладывали, засвидѣтельствовалъ въ томъ, по лѣту прошлаго 1818 года, объявляя Мурманскій берегъ, указъ Губернскаго Правленія отъ 29 Марта Лопарямъ Воронежскимъ дѣйствительно объявилъ, и они ему на то отвѣтствовали, что будутъ непременно просить о сдѣланномъ имъ обманѣ г. Начальника Губерніи; у крестьянина Негодяева въ становищѣ Рындѣ, гдѣ онъ повсегда промысли производилъ, было въ прошломъ году промыщениковъ на 3 нивкахъ только 12 человѣкъ и въ самомъ томъ мѣстѣ состоитъ рѣка Рында, изъ коей и наживкою довольствуются его промыщеники, а рѣка Воронья отстоитъ отъ сего заведенія верстахъ въ 80-ти и уловляемая у ней семга вывозится въ Архангельскъ. При томъ доноситъ тотъ Судъ со своей стороны, что хотя и имѣлъ въ виду прежде засвидѣтельствованный крестьянина Негодяева договоръ на владѣніе рѣкою Вороньей, но когда Лопари въ поданномъ прошеніи, обнаруживая фальшу въ немъ сдѣланную, представили въ доказательство тому и копию приказакомъ, внукомъ его Негодяева, Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ имъ данную, то, въ обществѣ разсужденій, нахожда справедливости на сторонѣ Лопарей потому, во первыхъ, коль скоро мѣщанинъ Немяляновъ выдавалъ имъ за упоминаемую рѣку 400 рублей, то не было-бы имъ никакой надобности къ собственному значительному убытку дѣлать уступку Негодяеву, отъ котораго и на вредъ того получала она съ уменьшеніемъ оброкъ противъ другихъ охотниковъ, до домогательствамъ его, подъ разными видами, а во вторыхъ, что ежели бы Негодяевъ, желая удержать за собою во владѣніи рѣку Воронью, не обманывалъ чрезъ внука своего Ерюхина платить въ годъ по 400 руб., то конечно и онъ Ерюхинъ не имѣлъ бы надобности не только давать имъ напись, но даже и словесно увѣрять ихъ о томъ, на что только были бы они согласны; по сему самымъ обстоятельствамъ, приступилъ Судъ къ засвидѣтельствуванію другого договора на передачу рѣки, полагая, что ежели начальство найдетъ достаточными всѣ причины выставленныя Лопарями къ отдаленію Негодяева отъ владѣнія, то и подтвердить сдѣланное сими Судомъ утвержденіе новой передачи рѣки, буде же напротивъ, послѣдуетъ отказъ, то самъ по себѣ вторичный договоръ не будетъ имѣть надлежащей силы, не взирая на сдѣланное сими Судомъ свидѣтельство на немъ, удостоверяющее только въ томъ, что онъ по доброй волѣ составленъ, на каковой конецъ тогда же не уищено было донести сему Правленію на вышнее разсмотрѣніе, при чемъ приложилъ и отобранную отъ Лопарей въ слышаніи указа подписку, изъ которой значить, что какъ Негодяевъ со стороны своей составилъ ложный договоръ и обманулъ ихъ общество чрезъ приказника Ерюхина въ приложеніи клеимъ противъ условія изъясненнаго въ копіи, тѣмъ Ерюхинымъ данной и отосланной въ Губернское Правленіе, то и они уже не могутъ сохранять того до-

говора впрямь къ влчшему своему стѣсненію и раззоренію, какое чрезъ обманъ отъ Негодяева терпѣть по ихъ скудости, которая столь опутительна, что ежели бы ищаніемъ Голодвой не снабдилъ ихъ деньгами нивѣ для извозу податей на первую сего года половину, то сами собой не могли бы оныхъ заплатить, такъ какъ промысли едва поддерживаютъ только пропитаніе, а оплачиваніе податей обеспечивается короткой съ рѣки Воронежей, которая и составляетъ единственное ихъ издѣе изъ оброка отдаваемое, а потому его Негодяева къ промыслу сего мѣста допустить не согласны ни за что, буде же онъ насильственно будетъ опромисливать, то вынудитъ просить и далѣе. Посему Губернское Правленіе резолюціей въ 21 день Февраля заключило: за воѣмъ тѣмъ, что Кольскому Земскому Суду предписано и потомъ и подтверждаемо было отъ Губернскаго Правленія о наблюденіи съ его стороны, чтобы Воронежскими Лопарями учиненный съ кр. Негодяевымъ договоръ на владѣніе рѣкою Воронежью, какъ въ узаконенной формѣ произведенный, въ храненіе права закономъ о крѣпкомъ храненіи договоровъ подтверждаемаго, непремѣнно былъ выполняемъ до истеченія назначеннаго въ ономъ срока, оный Судъ продолжаетъ принимать отъ тѣхъ Лопарей недѣльные отзывы, означающіе сопротивленіе тому договору явнымъ произвольнымъ оного нарушеніемъ, та за таковое неисполненіе начальственныхъ предписаній, въ исполненію которыхъ одоляется употребить власть ему закономъ предоставленную, учинить ему строжайшій выговоръ, сказавъ при томъ, что его объясненіе начальство признаетъ весьма неосновательнымъ, ибо засвидѣтельствованъ такими словами, что договоръ тотъ точно данъ Воронежскими Лопарями съ общаго мірскаго согласія, въ чемъ Судъ и удостоверяетъ, можно ли послѣ того членомъ Земскаго Суда отзываться безъ предсужденія себя невѣденіемъ о правильности его, и почему снѣгъ Земскій Судъ свѣдѣльствомъ своимъ удостовѣрять, не являясь, какъ должно, спросомъ сдѣлавшимъ сіе условіе о личномъ ихъ оного подтвержденіи? изъ чего открывается такой поступокъ, который, означая нарушеніе должности, подвергается отвѣту и сужденію по законамъ дѣйствовавшихъ въ томъ безразсудно, сказавъ напоследокъ, что ежели и за снѣгъ будетъ Земскій Судъ противоборствовать точному исполненію предписаннаго ему, и за принимаемое способствованіе Лопарямъ быть ослушными въ семь дѣлъ, то преданъ будутъ суду Палаты Уголовной, гдѣ же поставленъ будетъ подѣ отвѣтъ первоваѣдущій въ Земскомъ Судѣ, о исполненіи чего и будетъ ожидать Губернское Правленіе неукоснительнаго донесенія. 8-е На сіе предписаніе Земскій Судъ изъяснялъ предложеніе Земскаго Исправника, что хотя и внушаемо было Лопарямъ о допущеніи Негодяева къ безпрепятственному владѣнію рѣкою тою, но они, несмотря на сіе, долѣе упорствуютъ въ своемъ настояніи и какъ уже время приближается къ промисламъ, то чтобы Негодяевъ чрезъ случиться могущее еще упорство тѣхъ Лопарей не потерпѣлъ убытковъ отправкою промышленниковъ въ рѣку Воронежью, члены же Суда не подвергнувшись бы взисканію начальства, предлагалъ отправить на мѣсто къ Воронежскимъ Лопарямъ нарочнаго члена внушить имъ въ послѣдніе въ непремѣнномъ исполненіи предписываемаго, вслѣдствіе чего и посланъ къ нимъ Сельскій Засѣдатель Соколягинъ, при томъ испрашивалъ разрѣшенія, ежели Воронежскіе Лопари и за снѣгъ будутъ поступать какъ прежде, то, къ безостановочному производству Негодяевымъ промысла сужденію ли благоволятъ предать всѣхъ тѣхъ Воронежскихъ Лопарей за ослушаніе во исполненіи предписаній его или сдѣлать нарядъ къ нимъ военнотружителей изъ адъиней Инвалидной Команды для приведенія въ послушаніе, самъ же съ собою оный Судъ ни на то, ни на другое изъ представляемыхъ разрѣшенію обстоятельствъ рѣшиться не осмѣливается по

дѣлу сему, чтобъ иногда не преступить гѣри власти, предоставленной ему закономъ. По такому рапорту, Губернское Правленіе въ резолюціи своей постановило: что уже многократно отъ него подтверждено было тому Суду, что договоръ учиненный Воронежскими Лопарями съ кр. Негодяевымъ на владѣніе сему рѣкою Воронежю удостовѣренный въ подлинности его засвидѣтельствомъ Земскимъ Исправникомъ, долженъ быть до истеченія назначеннаго въ ономъ сроку сохраненъ въ точности, что и возлагаемо было въ непремѣнное оному Суду наблюденіе, съ тѣмъ въ послѣдній разъ отъ 28 Февраля, что если и за симъ Земскій Судъ, принимая отъ тѣхъ Лопарей недѣльные въ семь случаевъ отъяны, будетъ противоборствовать въ исполненіи предписаннаго ему, члену онаго будутъ преданы суду Уголовной Палаты, то послѣ сего не было нужды оному Суду возобновлять представленія свои къ одному затрудненію начальства, ибо какимъ образомъ должно земскому суду вступить въ случай отъ кого либо ослушанія предписаны ему и лично Земскому Исправнику въ руководство правила Высочайшихъ о губерніи учрежденій, и такъ, смели что и произойдетъ въ противность предписаннаго ему отъ начальства по сему предмету, то все останется на отвѣтственности членомъ земскаго суда, наче же Исправника, и непремѣнно взыщется строгимъ образомъ, какъ съ свидѣствовавшихъ договоръ въ семь дѣлъ по обязанности должности своей, а потомъ объясняющихъ о подлогахъ якобы въ составленіи онаго, что означаетъ злоупотребленіе со стороны ихъ въ дѣлѣ службы, ко вреду другихъ произведенное, о чемъ 25 Апрѣля и посланъ въ оный Судъ указъ съ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ о непремѣнномъ исполненіи предписаннаго ему. 9-е Послѣ предписанія сего Кольскій Земскій Судъ въ рапортѣ отъ 3 Апрѣля, объяснилъ донесеніе Сельскаго Засѣдателя Солодягина объ упорствѣ Лопарей въ допущеніи кр. Негодяева ко владенію рѣкою Воронежю, испрашивая разрѣшенія какимъ образомъ съ оными Лопарями поступить, на что правленіе сіе дало знать въ указѣ 23 Мая, что за предписаніемъ, какое дано вышеозначенъ по сему предмету Кольскому Земскому Суду отъ Губернскаго Правленія 25 Апрѣля остается сказать, что его есть обязанность охранить законъ въ увѣдѣ, слѣдственно, и право приобрѣтенія чего либо во временное обладаніе порядкомъ, закономъ установленнымъ, равногѣрно онъ защищать и охранять долженъ, то если оны не отвратятъ самовласти Лопарей, котораго впрочемъ и ожидать отъ нихъ нельзя, ибо не бывало между ими примѣровъ сему, то члену Земскаго Суда будутъ преданы Суду Палаты Уголовной, почему Губернское Правленіе и будетъ ожидать донесенія онаго Суда о исполненіи со стороны его предписаннаго ему начальствомъ по сему дѣлу. 10-е. На послѣднія предписанія сіи Кольскій Земскій Судъ, въ двухъ рапортахъ своихъ, прописывалъ отъяны онаго Суда Дворянскаго Засѣдателя Медвѣдева, въ 1-мъ, отъ 14 Іюня, что, какъ за отлучкою прочихъ членовъ въ округу по разнымъ порученіямъ, онъ одинъ только при Судѣ находится, а Губернское Правленіе на представленіе онаго Суда отъ 14 Марта, какимъ образомъ поступить съ Воронежскими Лопарями, разрѣшить не изволило, а потому одинъ сдѣлать никакого положенія не знаетъ, до прибытія прочихъ членовъ изъ отлучки, тѣмъ болѣе, что и дѣло сіе есть частное; во 2-мъ отъ 27 Іюня, какъ Губернское Правленіе настоятъ чтобъ непремѣнно принудить Воронежскихъ Лопарей допустить Негодяева къ промислу рыбы въ рѣку Воронежю, до истеченія въ договорѣ назначеннаго срока, который какъ Лопари, равно и онъ со своей стороны, по копіи, данной первымъ Негодяева приказникомъ Еришкинымъ, признаетъ несправедливымъ, а потому, дабы не преступить закона, по нахожденіи прочихъ членовъ въ округѣ, онъ до прибытія ихъ, никакого положенія не отвѣживается сдѣлать, тѣмъ болѣе, что уже нинѣ и

ловъ рыбы въ той рѣкѣ приходитъ къ омоніаціи, да и кто оный производилъ свѣдѣнія не имѣеть. Губернское Правленіе резолюцію по сѣмъ рапортамъ въ 28 день истекшаго Іюля постановило такому: великому многократна послѣдовали отъ Губернскаго Правленія предписанія, дабы не былъ кр. Негодяевъ отстраненъ отъ владѣнія рѣкою Вороньюю, по договору съ Лопарями заключенному, до истеченія назначеннаго на то срока, но со стороны Кольскаго Земскаго Суда совершенно осталена безъ исполненія, и оны не знаютъ кто икакъ ловъ рыбы въ рѣкѣ той производилъ, тогда когдабъ одолжался бы, для приведенія во исполненіе указовъ Правленія командировать благонадежнаго члена отъ себя на мѣсто, или самому Исправнику отправиться бы для сего надлежало, то, за пренебреженіе обязанности своея и за видимо оказанное ослушаніе въ начальственному мѣсту, подвергнуть его взысканію, на основаніи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія 98 статьи, наложивъ пеню 20 рублей, о удержаніи которой въ жалованья членовъ того Суда и объ отсылкѣ въ Приказъ общественнаго привѣртія сообщить Казенной Палатѣ, а Приказъ тотъ предувѣдомить, Кольскому Земскому Суду, давъ знать объ ономъ, предписать донести Правленію немедленно, кто производилъ ловлю въ вышнее лѣто въ рѣкѣ сей, и ежели не былъ допущенъ кр. Негодяевъ, то кѣмъ, и для чего Земскій Судъ не отвратилъ сего самоуправства, обязанъ будучи въ тому многократными предписаніями Губернскаго Правленія?—которою резолюцію въ 8-е число Августа сего года заключили; почему Кольскій Земскій Судъ съ Генваря мѣсяца сего года, нѣтъ многократна отъ сего Правленія предписанія, обязанъ былъ по силѣ оныхъ непременно охранить договоръ съ кр. Негодяевымъ Лопарями заключенный, не допуская ни кого иного къ владѣнію рѣкою Вороньюю, но оны не исполнили ихъ, очевидно обнаруживается напротивъ въ конаровкѣ Лопарямъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кому они промислъ тотъ передали, ибо при договорѣ съ Негодяевымъ, который самими Земскими Судомъ засвидѣтельствованъ, не возбранилъ отъ Лопарямъ въ то же время другой сдѣлать договоръ на владѣніе тѣмъ же мѣстомъ иному, ибо засвидѣтельствовалъ и оный, тѣмъ преступилъ явно законъ о правахъ договоровъ въ указѣ 1766 г. постановленный и многократна Правленія предписанія оставилъ въ небреженіи, ибо не употреблялъ никакихъ средствъ къ отвращенію препятствій кр. Негодяеву въ производствѣ ловли и къ воспрещенію производить другому оную, въ чемъ сего можнобъ обязать подпискою, за таковое онаго Суда, а паче Исправника противудѣйствіе закону и предписаніямъ начальства поддежать оны сужденію по законамъ; о чемъ, во силѣ 81 статьи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, и представляю г. Управляющему Губерніею и Кавалеру Алексѣю Федотовичу, а кр. Негодяеву объявило, чтобъ о понесенныхъ убыткахъ предъявить начальству, а полученъ отъ Его Высочайшества на сіе согласіе опредѣлило: о сужденіи членовъ Кольскаго Земскаго Суда, за изъясненное въ постановленіи сего Правленія въ 8-е число минувшаго Августа мѣсяца, съ прописаніемъ онаго, сообщить Архангельской Палатѣ Уголовнаго Суда, препроводивъ въ оную и всю переписку по оному дѣлу въ Правленіи илѣемую. Октября 31 дня 1819 года.

Изъ Архангельскаго Губернскаго Правленія въ Архангельскую Палату Уголовнаго суда.

Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянинъ Степанъ Матвѣевъ сынъ Негодяевъ въ подакомъ въ сіе Правленіе прошенія прописываетъ, что послѣ того какъ заключилъ оны договоръ чрезъ своего прикащика Холмогорскаго мѣщанина Ерюкина и при стороннихъ свидѣтеляхъ Кольской округи съ Воронежскими Лопарями, то есть съ 4 Августа 1815 года, чтобъ владѣть ему принадлежащею имъ

рѣкою Воронежю пять лѣтъ, съ платою за нее 175 руб. въ каждый годъ, которая и напередъ сего за нѣтъ находилась около 25 лѣтъ, построена имъ при той рѣкѣ шоба, заведено при оной все нужное для лова рыбы и содержится то на его отчетѣ, сверхъ того, чтобъ ему убытковъ, не наводитъ въ теченіи срочнаго времени и даже по прошествіи срока, они Лопари не могутъ той рѣки другимъ владѣльцамъ отдать, ежели только онъ впередъ намѣренъ содержать ее за собою за согласившюся цѣну, въ случай неустойки ихъ Лопарей, обязаны они тѣмъ же договоромъ перенести безъ всякой траты своимъ волею, куда онъ захочетъ, каковой договоръ и свидѣтельствованъ имъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, такимъ образомъ владѣтъ помянутою рѣкою чрезъ три года безъ всякаго со стороны Лопарей тѣхъ препятствій; послѣ сего явились Лопари, не зная почему, сели договоръ съ ними заключенный несправедливымъ и входили въ сіе Правленіе чрезъ Кольскій Земскій Судъ съ прошеніемъ объ объявленіи ему, что они его отстранивъ отъ владѣнія тою рѣкою, передали уже другому владѣльцу съ начала 1819 года, каковую неустойку, счита онъ при нарушеніи договора въ явную себѣ обиду и крайнее раззореніе и представивъ въ сіе Губернское Правленіе подлинный договоръ, просилъ взыскать о справедливости оного. Губернское Правленіе, усмотрѣвъ, что договоръ сей учиненъ на гербовой бумагѣ съ приложеніемъ клеймъ тѣхъ Лопарей, при свидѣльствѣхъ подписавшихся на ономъ постороннихъ людей, признало, что онъ есть настоящій, дѣйствительный, почему и предписывало Кольскому Земскому Суду, чтобы оный со стороны Лопарей сохраненъ былъ во всей точности, до исполненія назначеннаго въ ономъ срока, по силѣ узаконеній, повелѣвающихъ судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ охранять права заключенныхъ договоровъ въ сохраненіе нужнаго въ народѣ кредита, но при всемъ таковомъ огражденіи его со стороны правительства, при наступленіи удобнаго къ улову времени, не рѣшился онъ отпустить на промыслъ рабочихъ людей, опасаясь, чтобъ при упорствѣ Лопарей недонускомъ къ оному не понести ему чувствительныхъ убытковъ, тѣмъ болѣе, что оные не приняли отъ прикащика его по осени тамъ бывшаго, какъ прежде бывало, слѣдующихъ за рѣку денегъ, а просилъ пакъ Губернское Правленіе, въ силу заключеннаго договора, принудить Лопарей, принявъ отъ его прикащика слѣдующія имъ деньги, допустить и рабочихъ его людей къ ловленію, на что и объявлено ему, что подтверждено онымъ Кольскому Земскому Суду удержатъ Лопарей отъ воспрещенія производить ему въ рѣкѣ ловъ рыбы и велѣно имъ принять слѣдующими имъ деньгами. Сими начальства повелѣніями, будучи онъ увѣренъ, что неотвѣдно рѣва та въ силу договора останется до срока за нимъ, отправилъ съ мѣста жительства своего всего до 16 человекъ, снабдилъ ихъ на время для промысловъ употребляемыми всеми жизненными припасами и прочими потребностями, съ таковымъ при томъ условіемъ, чтобы каждому изъ нихъ получить изъ улова, какъ обыкновенно бываетъ между промышленниками, третью часть, но, по прибытіи туда, сверхъ его чаянія, отстранены они были Лопарями, какъ письменно объяснились по возвращеніи, при присутствіи даже Исправника, вѣщающаго отъ начальства о удержаніи ихъ асыя предписанія, отъ промысла, и возвратились бы обратно безъ всякой какъ ему, такъ и себѣ выгоды, если бы не удалось имъ купить у постороннихъ мелкихъ рыбъ, каковыя въ той рѣкѣ ловятъ на наживу для лова трески, съ каковою и добыли малую часть. Между тѣмъ какъ упущенный Лопарями новый владѣлецъ при промыслѣ пользовался его заведеніями, проживая во время то въ собственно имъ построенной и ему единственно принадлежащей избѣ, и такъ сверхъ того, что онъ лишился по таковой неустойкѣ Лопарей всѣхъ чужихъ имъ выгодъ, работѣ, имъ пользова-

мне, видя для себя также немаловажные убытки и выставив на вид получаемыя ихъ товарищами отъ другихъ на промыслы посылаемыхъ пользы, ропщутъ на него, что остались безъ удовлетворенія въ желаемой имъ мѣрѣ и даже идутъ съ него за всѣми съ ними расчетами каждый по 98 руб. 25 коп., каковою суммою онъ, по силѣ условія, и удовлетворить ихъ долженъ, тѣмъ паче, что они злоупотребили на сіе самое драгоценное для поселеннаго время, время страдное, въ которое всякой бы изъ нихъ, не подвергаясь тѣмъ опасностямъ, каковыя случаются въ морѣ, могъ бы получить гораздо лучшую для себя прибыль. По всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ, почитаю себя совершенно изобяженнымъ, и прилагаю показанія рабочимъ, просить какъ за допущеніе воронежскими Лопарями въ его станъ другого, въ противность сдѣланнаго договора, владѣльца для лова рыбы, равно и понесенные имъ отъ наряда людей убытки до 5852 руб., съ нихъ взыскать и его удовлетворить, и тѣмъ оказать ему слѣдующую по закону защиту, привязавъ при томъ, по силѣ того же договора съ Лопарями, допустить его пользоваться вышеупомянутою рѣкою Вороней въ лѣто сего 1820 года, а ежели они не заплатятъ причиненныхъ ему убытковъ, понесенныхъ имъ въ лѣто 1819 года, то повелѣно бы было ему, по крайней мѣрѣ, вмѣсто сего провладѣть оною еще слѣдующее 1821 г. лѣто. Губернское правленіе опредѣлило: какъ сила договора всегда и во всякомъ случаѣ должна быть ненаружима, то никто другой на владѣніе рѣкою Вороней не имѣетъ права, кромѣ кр. Негодяева, до истеченія назначеннаго на сіе въ договорѣ времени, и поелку Негодяевъ, по договору его, имѣетъ право, владѣть оною рѣкою и въ 1820 году, то предписать Кольскому земскому суду, чтобы никто иной во владѣніи ою рѣкою въ лѣто сіе допущенъ не былъ, а пользовался бы ловлей на оной безпрятственно кр. Негодяевъ, сказавъ при томъ оному суду, что ежели оный не исполнитъ и теперь предписаннаго ему, подобно тому, какъ явно доказалъ ослушаніе въ семъ дѣлѣ начальству въ минувшее лѣто, то члены суда, какъ ослушники и противудѣйствующіе начальству, отрѣшены будутъ отъ настоящей должности, ибо ежели земскій судъ думаетъ слагать вину въ семъ дѣлѣ на ослушаніе Лопарей, то онъ обязанъ должностію ослушныхъ приводить въ послушаніе, прибѣгая, въ случаѣ необходимости и дѣйствительной въ томъ нужды, къ благоразумному содѣйствію со стороны внутренней стражи, въ положеніи о утребленіи которой есть ея на сей случай обязанность. Чтожь касается до убитиговъ, то поелку въ дѣлѣ семъ преданъ земскій судъ Кольскій на судъ палаты уголовной, то и о претербѣнномъ отъ сего дѣйствіи кр. Негодяевымъ убитиѣ, для рассмотрѣнія совокупно съ тѣмъ дѣломъ, сообщить оной же палатѣ, съ прописаніемъ прошенія и съ приложеніемъ представленнаго отъ крестьянъ показанія. Февраля 17 дня 1820 г.

Архангельской палатѣ уголовного суда членовъ Кольскаго земскаго суда объявленіе.

Поелку указомъ архангельское губернское правленіе отъ 17 декабря минувшаго 1819 г., на имя земскаго суда, въ 81-й день того же мѣсяца полученномъ, дало знать, что по дѣлу о рѣкѣ Вороней предана ми на судъ оной палаты за какія то явилы со стороны нашей въ семъ дѣлѣ вины, постановленныя со стороны того правленія на видъ палатѣ, но какъ объ оныхъ обвиненіяхъ не объясняется въ указѣ, въ чемъ онѣ именно заключаются; мы же, не почитаю себя ни мало виновными по означенному дѣлу, полагаемъ не иначе, что какъ развѣ губернское правленіе, по неоднократнымъ его прежде предписаніямъ и угроженіямъ за неисполненія оныхъ преданіемъ суду, не видя успѣховъ въ пользу кр. Негодяева, сошло то за неисполненіе, а то, что допущеніи Лопари Воронежскіе сдѣлать другой договоръ

въ отгѣну Негодяева, и оный судомъ и засвидѣтельствовавъ, за противодѣйствіе закону, и за то только передало насъ суду, сверхъ денежнаго оштрафованія, ибо кромѣ сихъ не предвидится изъ переписки никакихъ другихъ причинъ сознать насъ губернскому правленію подлежащими сужденію по описуемому дѣлу, почему необходимость заставляетъ теперь предъ лицомъ палаты, не выжидая требованія ея открыть всю справедливость существа того дѣла, порядокъ его теченія и направленія въ дальнѣйшемъ оного производствѣ, и потому имѣемъ честь объяснить слѣдующее. Договоръ крестьянномъ Негодяевымъ съ Воронежскими Лопарями постановленный 4 августа 1815 г. заключается въ томъ, что отдали Лопари во владѣніе его Негодяева рѣки Воронежъ впередъ на пять лѣтъ изъ плати по 175 руб. въ годъ и чтобъ въ оные годы той рѣки никому другому не отдавать и убытку никакого ни въ чемъ ему Негодяеву не наводить; въ случаѣ же неустойки ихъ Лопарей противу сего договора повинны они все имущество его Негодяева, находящееся при рѣкѣ Воронежѣ перенести безъ всякой утраты своимъ коштомъ, куда Негодяевъ заблагоразсудитъ; противу котораго, когда Лопари, выходя отъ себя доказательства о сдѣланной якобы фальши, въ увеличеніи срока и убавкѣ цѣны, просили на передачу ими рѣки Воронежѣ изъ Негодяевыхъ въ другія руки, učinенный ими другой договоръ засвидѣтельствовать, но вида съ одной стороны ошутительную для нихъ изъ того выгоду, съ другой же по вмѣщенному въ Негодяевскомъ договорѣ условію на случай неустойки Лопарей, что они даже и безъ обнаруживанія будто бы сдѣланной фальши, имѣли полную свободу на передачу рѣки съ отвѣтственностію ихъ только въ перевозкѣ Негодяевскаго имущества, земскій судъ не имѣлъ ни малаго сумнѣнія засвидѣтельствовать представленный ими лично присутствію новый договоръ и не почиталъ, да и нынѣ не почитаетъ, чтобъ сіе было въ противности указу 1766 г. апрѣля 18 дня о контрактахъ изданному, а напротивъ полагаемъ мы по своему разумѣнію, что поступлено во всемъ согласно тому закону, ибо именно предписывается въ немъ полиціямъ для сохраненія въ народѣ нужнаго кредита, утверждаться на точномъ разумѣ контрактовъ, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какія персоны. Засвидѣтельствованный такимъ образомъ Воронежскимъ Лопарямъ договоръ выданъ новому владѣльцу кольскому мѣщанину Голодному, и Лопари снабжены кошею съ него за скрѣпою члена, а губернскому правленію обо всемъ ономъ на случай изысканія о нѣставляемыхъ Лопарями поступкахъ Негодяева съ прописаніемъ ихъ прошенія и съ приложеніемъ данной имъ отъ Негодяевскаго внука, приващика его, холмогорскаго мѣщанина, Семена Ерюхина, копій съ договора, якобы дѣйствительнаго, въ то же время, донесено, съ объясненіемъ, по какой причинѣ опровергаемый Лопарями договоръ Негодяева, будто бы имъ вновь переписанный, былъ засвидѣтельствованъ судомъ, и хотя оное правленіе, истребованный имъ отъ упоминаемаго Негодяева договоръ, дозволило у себя разсматривать и даже прописывать въ указѣ земскому суду отъ 23 марта 1818 года подъ № 2274, именно въ такомъ видѣ, какъ выше объясненъ, равно и выводъ и замкъ о контрактахъ 1766 года, опредѣленіемъ своимъ утверждало оный за настоящій дѣйствительный, но напротивъ того, не взирая на вмѣщенное имъ и нимало не отрицаемое самимъ Негодяевымъ, изысканіе, что ежели нарушать Лопари свое условіе, то повинны за то только имущество его Негодяева вывезти съ рѣки своимъ коштомъ, предписало въ непремѣнное наблюденіе суду, вмѣсто принужденія тѣхъ Лопарей перевезти Негодяевское имущество куда оны велятъ, то, чтобъ со стороны ихъ договоръ сей былъ сохраняемъ до истеченія срока, т. е. пять лѣтъ, какъ видно изъ его опредѣленія, въ томъ указѣ вмѣщеннаго, по уваженію къ вышесказаннымъ со

сторон Негодяева въ его объясненіи совѣтъ противъ силъ договора побочнымъ обстоятельствомъ, якобы онъ чрезъ сіе отступленіе Лопарей потерѣтъ можетъ въ промыслу разстройство и убытку до пяти тысячъ руб., чему, ежели бы и справедливо, кромѣ самаго его Негодяева добровольно допустившаго свободу Лопарямъ къ отступленію никто другой не виновенъ быть не можетъ, затѣмъ дагѣе, когда означенное и послѣдующія предписанія, согласно волѣ губернскаго правленія, объявляемы были Лопарямъ, то какъ они не взирая ни на что отъ допущенія впродъ Негодяева къ промыслу въ рѣку Воронью отъивались, почему на неоднократно объ ономъ донесенія и даже съ испрашиваніемъ резолюціи къ сужденію ли ихъ предать за ослушаніе тѣхъ предписаній или для приведенія въ послушаніе нарядить команду оное правленіе никакыхъ асныхъ къ тому наставленій, согласно Высочайшей волѣ, сообщенной г-ну архангельскому гражданскому губернатору с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, въ предписаніи отъ 25 іюля 1818 года, не преподамо, но только, указывая на правила въ должности исправника и земскаго суда Высочайшимъ утвержденіемъ о ослушаніяхъ предписанія, еще болѣе устраивало насъ строгимъ замканіемъ за неисполненіе имъ повелѣннаго удовлетворенія Негодяева, и такъ за упорствомъ Лопарей и за строгими побужденіями правленія, не оставалось ничего болѣе со стороны нашей сдѣлать, какъ Лопарей и послать въ увѣдній судъ, для оправданія въ ослушаніи предписаній губернскаго начальства, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, по желанію ихъ и для доказыванія Негодяева, якобы въ сдѣланной имъ въ договорѣ фальши; о чемъ со стороны правленія по жалобамъ тѣхъ Лопарей, за отлучкою якобы въ С.-Петербургъ мѣщанина Ерюхина, не разсказываю и имъ Лопарямъ предоставлено не было. Коль скоро сіе исполнено, и по донесенію губернскаго правленія, полагаю мы, что оно конечно извѣститъ принять въ уваженіе невозможность нашу дагѣе поступить съ Лопарами, на ограниченной закономъ власти, и будемъ ожидать тѣмъ кончится судебный ихъ процессъ и на чьей сторонѣ по законамъ останется справедливость, то, вмѣсто чаяннаго облегченія, намъ на насъ пени 20 руб., а сверхъ сего и преданы сужденію за то, что мы всѣми мѣрами содѣйствовать волѣ губернскаго правленія, яко непосредственнаго надъ нами начальства, не могли успѣтъ къ склоненію Лопарей допустить Негодяева къ ищемому ихъ угодию, и чтобъ они, при всѣхъ выказываемыхъ ими на видъ правительству на него обидахъ, отступили отъ своей свободы въ договорѣ самимъ тѣмъ Негодяевымъ дозволенной. По всѣмъ описуемымъ здѣсь доказательствамъ нашей виновности, палату уголовного суда покорнѣе просимъ, за сдѣланнымъ губернскимъ правленіемъ безвиннымъ оштрафованіемъ, отъ дальнѣйшаго взыскапія насъ освободить, и надѣемся твердо, что ежели благоизволитъ она къ сличенію нашему оправданія потребовать вышеобъясненный отъ Негодяева договоръ, доказывающій, что мы въ допущеніи Лопарей сдѣлать другой на владѣніе рѣкою иному и въ засвидѣльствованіи оного нимаго не приступили законъ о правахъ договорѣ постановленный, то конечно откроется самое настояніе Негодяева противъ собственнаго его условія неосновательнымъ, и чрезъ что самое ясно видно будетъ, что мы въ противность Высочайшаго указа 4 октября 1808 года Правительствующему Сенату данаго оштрафованы и преданы суду, за чужую, а отнюдь не за свою собственную вину. При семъ объясняемъ, что оправданіе сіе не подписано дворянскимъ засѣдателемъ Медвѣдвымъ за находженіемъ его въ отпуску, изъ коего по неавѣзъ къ должности на срокъ, неизвѣстно гдѣ онъ и находится.

Его сіятельству, г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, управляющему министер-

ством полиціи и кавалеру графу Виктору Павловичу Кочубею, Архангельской губ. Кольскаго уѣзда, Воронежскаго погоста Лопарей прошеніе.

Изъ прежде отправленнаго нами въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ чрезъ почту прошеніе не безъизвѣстно вашему графскому сіятельству, какое ми потерпѣли стѣсненіе и обиду отъ крестьянина Холмогорской округи Степана Негодяева по насильному, такъ сказать, владѣнію нашею рѣкою Вороньей, и что далѣе непременно отыщете оныя случаи завладѣть ею вовсе, нынѣ же при приказѣ изъ земскаго суда къ непремѣнному исполненію получили копию съ указа Архангельскаго губернскаго правленія, по которому уже ясно повелѣно, чтобы никто другой кромѣ того Негодяева, въ оную рѣку промышлять не въѣзжалъ и чтобы въ случаѣ, на понужденіе наше къ безмолвію, употребленнѣ была военная команда, не смотря ни на обнаруживаемую нами лживость сего договора, ни на то, что мы даже и по самому тому договору имѣемъ свободу нарушить оный, только съ тѣмъ, чтобы за сіе отступление все вести намъ своимъ коштомъ его имущество, по сему прилагая подлинную ту копию съ указа, держаемъ нынѣ прибѣгнуть къ вашему сіятельству со всекорытейшею слезною нашею просьбою отъ такового утѣсненія насъ защитить и доставить способъ къ платежу податей, которыхъ нынѣ, по случаю отказа губернскимъ правленіемъ отъ владѣнія рѣкою за насъ, кольскій мѣщанинъ Голодный въ казну не внесъ, а мы также денегъ не имѣемъ, а земскій судъ во взысканіе употребляетъ всю строгость закона, отъ чего мы должны придти въ крайнюю бѣдность, а другіе и лишатся своего имѣнія; при чемъ осмѣливаемся объявить, что крестьянинъ Негодяевъ не только насъ бѣдныхъ обманулъ, но даже и начальство явно обманываетъ, увеличивая свои заведенія въ рѣкѣ Вороньей; которыхъ у него кромѣ одного образа нисколько тамъ не имѣется, такъ какъ изба при рѣкѣ, хотя имѣя и построена, но на мѣсто сожженной ея людьми нашей, и потому намъ принадлежитъ, рыболовныя же сѣти никогда имъ тамъ не оставались, но вывозились вонъ, равнымъ образомъ большіе убытки выказываетъ ложно, потому что промыслъ въ рѣкѣ не шестнадцать человекъ, а только четыре человекъ всегда производятъ, но и тѣ у него прошлаго лѣта заняты были ловлею въ морѣ трески и палтасины, получая семгу на наживку изъ другой рѣки, Рынды, а что будто бы не имѣлъ онъ на наживку изъ Вороньей рѣки и оттого потерпѣлъ убытокъ, то и сіе несправедливо, потому что и славнѣйшіе промышленники и всѣ поморскіе жители и камскіе граждане, не имѣя за собою никакихъ рѣкъ, производятъ безъ убытковъ всегда промыслы, да и оны Негодяевъ изъ Вороньей всегда всю семгу увозилъ въ Архангельскъ, употребляя вногда только самую малую часть на наживку (слѣдуютъ клейма Лопарей).

Генералъ-губернатора архангельскаго, вологодскаго и олонеккаго архангельскому губернскому правленію.

Въ отвѣтъ на меморію губернскаго правленія отъ 17 числа апрѣля, я изъясняю, что по силѣ 96 ст. учрежденія о губерніяхъ, въ которой сказано: намѣстническое правленіе вносятся и отправляются во ономъ всѣ дѣла исполнителныя и скорого отправленія или приказанія требующія, такъ и тѣ, о когорыхъ противурѣчія или спора быть не можетъ, какъ напримѣръ: подписанныя должникомъ счета или вексели или контракты ясные и явные, по которымъ въ срѣкъ платежъ не воспослѣдовалъ, по такимъ дѣламъ жалобы вносятся въ губернское правленіе и отъ онаго дѣляется понужденіе, буде же какое дѣло окажется не безспорно и нѣкоторому сомнѣнію подлежащее, тогда отсылается для разбиранія спорящихъ въ тѣ мѣста, куда надлежитъ, и дѣло по спору воронежскими Лопарями съ крестьяниномъ Не-

годлевымъ о контрактѣ подлежитъ судебному разбирательству, тѣмъ наче, что 1-е, безграмотные Лопари прямо оспариваютъ содержаніе контракта и представили копію, данную повѣреннымъ Негодяеву Ерохинимъ, который, а не Негодяевъ, заключилъ съ ними сей контрактъ, писанную имъ самимъ тѣмъ Ерохинимъ и имъ подписанную, въ коей плата оброка означена не 175 рублей, а по 400 рублей, противу чего самъ Негодяевъ отозвался, что онъ съ Лопарями контракта же дѣла, а Ерохинъ доиннѣ, какъ видно, не спрошенъ, и такъ столь важное по сему дѣлу обстоятельства оставлено безъ законнаго изслѣдованія. 2-е, явля земскій судомъ учинена не въ свое время какъ контрактъ сдѣлать, а послѣ, почти чрезъ два года уже, о которой земскій же судъ правленію и отозвался, что онъ потому только оную явку учинилъ, что не было отъ Лопарей еще оглашаемо о фальшѣ въ контрактѣ. Сверхъ всего того, контрактъ сей не могъ быть губернскимъ правленіемъ приводимъ въ исполненія за сіюю указа июля 30 дня 1808 года, яко неимодный для Лопарей и не утвержденный казенною палатою, въ коемъ указѣ по прочемъ сказано: что какъ обязанностію ея, казенной палаты, есть предостерегать и оборонять крестьянъ казеннаго вѣдомства отъ ущерба и разореній и соблюдать ихъ выгоды; слѣдовательно, всѣ заключенные ими на оброчныя ихъ статьи договоры не могутъ приведены быть въ исполненіе дотогдѣ, пока не рассмотрѣны будутъ казенною палатою въ кондиціяхъ пользы ихъ, и она впрямѣ призванна по ея рассмотрѣнію законными и выгодными утверждать, въ противномъ же случаѣ не допускать и наставлять ихъ къ составленію пользы, предписанными въ экономическихъ правилахъ мѣрами. По снмъ обстоятельствамъ губернскому правленію и предатаю, ни мало не медля, предоставить воронежскимъ Лопарямъ колкое право распорядитъ ихъ рыбными ловлями. Дѣло же о фальшѣ въ контрактѣ предписать волскому уѣздному суду, при уѣздномъ стряпчемъ, обслѣдовать, для чего не токмо подлинный контрактъ, но и копію, писанную Ерохинимъ туда препроводить, и во изслѣдованіи съ виновными, чтобъ поступлено было по законамъ; между же тѣмъ претензію Лопарей на Негодяева въ недоплатѣ оброка до рѣшенія сего дѣла ни въ чемъ не обременять законнымъ образомъ, и меня обо всемъ по сему распоряженію уведомить, доставляя изъ дѣла выписку по содержанію принесенной отъ Лопарей г. управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ просьбы, т. е. чтобы съ самаго начала объявить былъ ходъ сего дѣла обстоятельства, подлинный контрактъ при семъ посылается, 1820 года 19 апрѣля.

1820 года мая 28 дня, во исполненіе указа Архангельскаго губернскаго правленія отъ 27 прошедшаго мая подъ № 4812, на мѣстѣ въ воронежскомъ погостѣ Вольскаго нижняго земскаго суда правящимъ должностъ земскаго исправника дворянскимъ засѣдателемъ Уваровимъ, при уѣздномъ стряпчемъ Кичерицѣ, нижеписанные того погоста крестьяне спрашивали и показали: въ прошломъ 1815 году въ августѣ мѣсяцѣ, 4 числа дѣйствительно учинили мы съ общаго нашего согласія съ таковымъ же Холмогорской округи Роддогорской волости Степаномъ Негодяевимъ договоръ, въ томъ, что отдали своего владѣнія, лежащую во Русскому Мурманскому берегу рѣку Воронью и съ песками, въ которой онъ производитъ домашнъ рыбные семужьи и всякій промыселъ, съ вышеписаннаго числа впередъ на три года, за что я радилъ получать въ каждый годъ съ того Негодяева оброка, во ованіи обывовеннаго промысла, по четыреста руб., а не по сту семидесяти пяти руб., равно и не на пять дѣтъ, какъ значится въ подлинномъ контрактѣ, а удостоверяемъ данную намъ Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерохинимъ копію, а съ того написаню въ упоминаемомъ подлинномъ контрактѣ не сходственно съ тою копіею, и къ

таковой učinенъ именно и представленъ былъ къ свидѣтельству подлинный договоръ къ земскій судъ, по неграмотству своему знать того не можемъ, что и показываемъ какъ сущую правду, въ чемъ прилагаемъ собственныя свои клейма.

Въ дополнительномъ показаніи, отобранномъ 24 генваря 1821 года, воронежскіе Лопари пояснили, что договоръ съ ними былъ писанъ на простой бумагѣ, а не на гербовой, а съ чего былъ написанъ и кѣмъ и кто вмѣсто насъ приложилъ нѣсколько сходственныхъ клейма къ упоминаемому на гербовой бумагѣ договору, вовсе знать не можемъ; объѣздника же Миронова, чтобъ приложилъ за насъ руку къ договору ни когда мы не просили, а что касается до свидѣтельства договора на простой бумагѣ, то дѣйствительно просили объѣзднаго надзирателя Викторова, и онъ обѣщавшись исполнить, а съ чего засвидѣтельствовалъ онъ Викторовъ вмѣсто такового на гербовой бумагѣ, того вовсе знать не можемъ, равно кѣмъ былъ представленъ въ земскій судъ договоръ, тоже знать не можемъ.

Тамошею стражи 4-й дистанціи надзиратель Викторовъ далъ объясненіе земскому суду, что въ 1816 году въ августъ мѣсяцѣ, по бытности его на Мурманскомъ российскомъ берегу, въ становищѣ Рынѣ, былъ učinенъ договоръ между воронежскими Лопарями и кр. Негодяевымъ, на владѣніе ему рѣкою Воронежю на три года, а съ каковаго оброку, теперъ, по давнепрошедшему времени, не упомянуть, а во свидѣтельствѣ подписался; договоръ же тотъ писанъ былъ на простой бумагѣ, а не на гербовой; а на приложенномъ при уважѣ губернскаго правленія договорѣ рука приложена вмѣсто его поддѣльно.

Изъ остальныхъ лицъ, фамиліи которыхъ выставлены въ контрактѣ, крестьяне Холмогорской округи Воронихинъ и Посниковъ, что они хотя и бывали въ работникахъ отъ Негодяева на рыбныхъ морскихъ промыслахъ, но ни о какомъ договорѣ Негодяева съ Лопарями не знаютъ и никогда ни подъ какими его дѣлами ни кого не просили прикладывать за себя руки. Объѣздникъ же Мироновъ не былъ спрошенъ за смертью.

1822 года генваря 24 дня, въ присутствіи Холмогорскаго уѣзднаго суда общее съ членами городского магистрата, во исполненіе указа Архангельскаго губернскаго правленія, присланный при сообщеніи отъ Холмогорскаго городничаго здѣшній мѣщанинъ Семенъ Алексѣевъ сынъ Ерюхинъ, по дѣлу о фальшѣ, объясняемой Кольской округи Воронежскими Лопарями, въ договорѣ, заключенномъ здѣшняго уѣзда крестьяниномъ Негодяевымъ съ теми Лопарями, на владѣніе первому рѣкою Воронежю, принадлежащею послѣднимъ, спрашиванъ и показалъ: зовуть его тѣмъ же именемъ и прованіемъ, отъ роду ему 21 годъ, на исповѣди и у св. причастіи былъ назадъ тому одинъ годъ, хѣлость, грамоты умѣетъ, въ штрафахъ и подъ судомъ не бываеъ. Здѣшней округи отъ кр. Негодяева прикащикомъ онъ Ерюхинъ не бываеъ, а хотя и былъ отъ Ерюхинъ отъ него въ Кольской округѣ въ 1815 г. на судѣ, но только для обученія по малолѣтству, который имѣлъ тогда 13 или 14 лѣтъ, такъ какъ Негодяевъ ему Ерюхину по матери родной дѣдъ. Показанную ему въ присутствіи уѣзднаго суда копию съ договора, данную въ 1815 году августа 4 дня Кольской округи Воронежскими Лопарями дѣду его Негодяеву на владѣніе рѣкою Воронежю, онъ не писалъ и не подписывалъ, а кто такую писалъ и вмѣсто его Ерюхина подписалъ, онъ не знаетъ; а показанный же ему на гербовой бумагѣ договоръ есть подлинный; точно дѣдъ его кр. Негодяевъ отправляеъ его Ерюхина въ 1816 году по дѣлу изъ Архангельска на судѣ своемъ съ тѣмъ самымъ договоромъ, отъ подписанія онымъ Лопарями, который и былъ при рѣкѣ Рынѣ означенный Лопарями читана объѣздникомъ Мироновымъ, при кормицахъ и работникахъ

которых откуда они были, как зовутъ и прошиваются, за долгопрошедшимъ временемъ и молодымъ его лѣтамъ не уиомнить, который договоръ Воронежскіе Лопари, по прочтеніи имъ, утвердили своими клеймами; сей же договоръ того 1815 года; когда обратно на судѣи пришли въ Архангельскъ, обратили его дѣду Негодяеву, а кѣмъ оный засвидѣтельствованъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, того Ерюхинъ вовсе не знаетъ и не отъ кого о томъ не слыхалъ; Воронежскими же Лопарями отъ Ерюхина оброчныхъ 400 рублей никогда требованы не были, и онъ Лопарямъ не похвалялся, что Негодяевъ якобы съ давняго времени имѣетъ ближайшаго хлѣбосола и друга въ губернскомъ правленіи прежде бывшаго много лѣтъ секретаремъ, нынѣшняго совѣтника Варзугина, могущественнаго въ дѣлахъ, который будетъ состоять противъ Лопарей, во всемъ и всѣхъ будетъ судить. И съ чего сіе Лопари на Ерюхина затѣяли, онъ не извѣстенъ, да и господина Варзугина вовсе и по нынѣ не знаетъ; проживалъ онъ Ерюхинъ въ С.-Петербургѣ четыре года по паспортамъ, бранымъ отъ Холмогорскаго городского магистрата, въ разныхъ работахъ, а послѣднему паспорту срокъ минулъ прошлаго 1821 года въ Маѣ мѣсяцѣ, который и остался въ С.-Петербургѣ въ земской управѣ морскаго вѣдомства, отъ которой данъ ему былъ видъ на проходъ въ свой дѣль, съ которыми и прибылъ въ Холмогоры.

Въ дополнительномъ показаніи, данномъ 1823 г. февраля 1, Ерюхинъ объявилъ, что онъ вольный договоръ отдалъ въ руки объѣзчику Миронову, для отдачи Лопарямъ, грамотѣ тогда писать умѣлъ и нынѣ писать съ перемѣною почерка, 1822 года февраля 28 дня въ присутствіи Холмогорскаго уѣзднаго суда обще съ членами магистрата Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянинъ Степанъ Матвѣевъ сынъ Негодяевъ, во дѣлу о фальшѣ объявленной Кольской округи Воронежскими Лопарями въ договорѣ, заключенномъ на владѣніе имъ рѣкою Вороньей, принадлежащую тѣмъ Лопарямъ, спрашиваемъ и показалъ: зовутъ его точно тѣмъ именемъ и прованіемъ, отъ роду ему 82 года, на исповѣди и у св. причастія ежегодно бывалъ, вдовъ и дѣтей имѣетъ, въ штрафахъ, подъ судомъ не бывалъ прочитанное ему въ присутствіи уѣзднаго суда объясненіе, его Негодяева, поданное въ Холмогорскій земскій судъ въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго 1818 года утверждаетъ во всей силѣ, только что хотя въ ономъ звукъ его холмогорскій мѣщанинъ Семень Ерюхинъ написанъ повѣреннымъ его, то случилось сіе отъ ошибки писца да и отъ его недосмотру, а болѣе и старости лѣтъ, дѣйствительно что онъ Ерюхинъ неоднократно посыланъ имъ былъ не на одинъ годъ, на собственныхъ его морскихъ судахъ, въ Кольскую округу и то только для обученія по малолѣтству и чтобы привыкалъ къ морскому вуту, а не прикащикомъ, да и прикащиковъ никакихъ никогда не имѣлъ; показанный же ему Негодяеву въ присутствіи договоръ учиненный имъ съ вышеписанными Лопарями на указанной бумагѣ, писанный 1815 г. августа 4 дня, и посылалъ съ тѣмъ внукомъ Семеномъ, имѣвшимъ отъ роду 13 лѣтъ въ Кольскую округу, для поданія Лопарямъ, и послѣ тотъ же самый договоръ онъ звукъ, по приходѣ въ Архангельскъ, обратилъ ему; кто же вышеписанный договоръ писалъ, за долгопрошедшимъ временемъ, не уиомнить, равно и кто оный отъ его свидѣтельствовалъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, а показанная же съ такого копія, писанная на полулистѣ тогожъ 1815 года мѣсяца и члена кѣмъ писана, не знаетъ, да и внуку своему писалъ таковой не приказывалъ; рѣкой же Вороньей онъ Негодяевъ владѣтъ уже по такимъ же договорамъ началъ около 80 лѣтъ, въ теченіи сего времени съ Лопарями нивакой ссоры и фальши ни въ чемъ не бывало; възъ чего нынѣ они таковую фальшу затѣяли, онъ не знаетъ.

1823 года июня 30 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Холмогорскій уѣздный судъ вообще съ членами городского магистрата, слушавъ выписку учиненную изъ дѣла якобы о фальшивомъ писаніи холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеновъ Ерюхинымъ договора на отдачу во владѣніе Кольской округи Воронежскими Лопарями крестьянину Холмогорской округи Степану Негодяеву рыбныхъ ловель по рѣкѣ Воронѣ, и соображая обстоятельства онаго съ приличными узаконеніями, мнѣніемъ полагаетъ учинить слѣдующее: 1-е, Какъ изъ подлиннаго договора, писаннаго 4 августа 1815 года отъ Воронежскихъ Лопарей на узаконенной гербовой бумагѣ усматривается, что они крестьянину Негодяеву отдали своего владѣнія, лежащую по русскому Мурманскому берегу, рѣку Вороню и съ песками, для произведенія рыбныхъ семужныхъ и всякихъ промысловъ, съ вышеозначеннаго числа, впредь на 5 лѣтъ, съ платежемъ имъ пороженной цѣны за время владѣнія въ каждый годъ по 175 руб., что напротивъ Лопари отрицаютъ, показывая, что, когда въ 1815 году, по истеченіи сроковъ прежнему Негодяевскому владѣнію рѣкою, мѣщанинъ Нѣмчиновъ давалъ имъ по 400 руб. въ годъ, то бывшій въ то время на Мурманскомъ берегу прикащикъ Негодяева, внукъ его Семень Ерюхинъ, уговорилъ ихъ, что и они дадутъ тотъ же оброкъ и, опасаясь Негодяева, что ежели добромъ не отдадутъ, то будутъ въ тому по прежнему принуждены и съ уменьшеніемъ оброка, дали Ерюхину согласіе и написавъ договоръ на три года, получили отъ него въ удостовѣреніе себѣ съ онаго копію, имъ писанную и подписанную, справедливость каковаго показанія Лопарей, что они дѣйствительно отдали Негодяеву рѣку Вороню, во владѣніе не на пять, какъ въ договорѣ, на гербовой бумагѣ написанномъ, сказано, а только на три года, и оброкомъ получать имъ не по 175 р., а по 400 руб. въ годъ, доказывается и самою копіею, писанною и подписанною 4 августа 1815 года Семеновъ Ерюхинымъ; и хотя онъ въ отобранномъ отъ него показаніи отъ села отрицается, показывая, что онъ таковой копіи не писалъ и не подписывалъ, и кто таковую писалъ и вмѣсто его подписывалъ—онъ не знаетъ; но сіе его показаніе нимало въ отрицаніи его не оправдываетъ, ибо при сношеніи 31 генваря сего года въ общемъ присутствіи въ почеркѣ письма его руки съ упоминаемымъ въ копіи договоромъ съ рукою подписанною имъ же подъ всекелемъ, даннымъ 1818 года февраля 27 дня суммою на 182 руб. мѣщанину Ивану Ерюхину и подпискою, писанною 1822 года въ іюлѣ мѣсяцѣ въ магистратѣ, оказалось, что рукоприкладство подъ всекелемъ имъ Ерюхинымъ подписано мелкою рукою, вѣсколко похожею въ почеркѣ съ договоромъ, а подпиской крупною рукою, похожею съ тою рукою, какою подъ отобранными отъ него въ семь судѣ показаніями подписано, и хотя онъ при таковомъ сличеніи объявилъ присутствію, что онъ будучи въ малолѣтствѣ учился писать мелко, а нынѣ пишетъ крупно; но и сему вѣрить никакъ не можно, ибо, судя по здравому смыслу, молодыхъ людей, когда они при достиженіи лѣтъ отдаются въ обученію грамотѣ, и писать всегда пріучаютъ ихъ первоначально писать прописи крупною рукою, а не мелкою, и потому уже постепенно, время отъ времени, когда утвердятся они въ твердости руки, начинаютъ писать мелкою рукою, а не такъ, какъ Ерюхинъ, вопреки сему, говоритъ, показывая при всемъ томъ въ отобранномъ отъ него послѣ показаніи, что пишетъ онъ съ переменною почерку, сіе ясно обнаруживаетъ его Ерюхина въ фальшивомъ писаніи имъ упоминаемаго на простой бумагѣ договора, въ каковой поступокъ, слѣдуя 22 главѣ 201 воинскаго артикула, наказать его плетью, давъ 30 ударовъ. 2-е, Что касается до истеченія Лопарями съ крестьянина Негодяева неподписанныхъ имъ по договору, каковъ имъ данъ былъ на простой бумагѣ, денегъ, то до утвержденія 1-го пункта

сего рѣшенія высшимъ правительствомъ положенія о сѣмъ сдѣлать никакого не можетъ; на каковомъ основаніи и учинить съ мнѣніемъ рѣшительный протоколъ, который съ подлиннымъ дѣломъ и выпискою представить при рапортѣ на начальственное благоусмотрѣніе въ Архангельскую палату уголовного суда, съ донесеніемъ, что по судимой съ 4 геввара 1822 года находится на поручительствѣ казангорскихъ мѣщанъ Алексѣя и Ивана Сердюкиныхъ, тѣлосложенія крѣпкаго, отъ роду 21 годъ.

Архангельская уголовная палата приговоръ этотъ утвердила.

II.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ КОРЕЛОВЪ.

В В Е Д Е Н І Е.

Корелы — Финское племя, наиболѣе приближающееся къ собственно Финнамъ. Языкъ ихъ не составляетъ самостоятельнаго нарѣчія, а есть только діалектическое измѣненіе финскаго ¹⁾).

Корелы, также какъ и Лопари, которыхъ они оттѣснили на сѣверъ, занимали прежде гораздо большее пространство, чѣмъ въ настоящее время. Они жили около Ладожскаго и Онежскаго озеръ, а на сѣверѣ заселяли берега Бѣлаго моря до самой рѣки Онеги. Русскіе, оттѣснивъ ихъ съ юга, заставили отступить и отъ морскихъ береговъ, гдѣ находили выгоднымъ селиться самимъ. Корелы, оставшіеся въ своихъ поселеніяхъ по берегамъ Бѣлаго моря, были совершенно поглощены русскою народностью.

Первыя историческія извѣстія о Корелахъ мы имѣемъ въ лѣтописяхъ отъ половины XII вѣка, гдѣ о нихъ упоминается, какъ о союзникахъ Новгородцевъ, помогавшихъ послѣднимъ отбивать нападенія другаго финскаго племени Еми и Шведовъ. Корелы были данниками Новгородцевъ и съ покореніемъ Новгорода перешли, какъ и Лопари, въ подданство Московскаго государя.

Въ соціальномъ отношеніи Корелы стоятъ выше Лопарей, такъ какъ ведутъ жизнь осѣдлую. Они живутъ въ маленькихъ деревняхъ, разбросанныхъ по всему пространству собственно Кемскаго уѣзда,

¹⁾ Лекціи по наукѣ о языкѣ, *Макса Мюллера*, стр. 240.

за исключеніемъ узкой полосы земли по южному берегу Бѣлаго моря, Поморья.

Всѣхъ Кореловъ, живущихъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по свѣдѣніямъ 1865 г. числится 16,700 душъ обоюго пола. Они составляютъ одиннадцать волостей: Тунгудскую, Вокнаволоцкую, Кестенскую, Ухтинскую, Маслозерскую, Юшкозерскую, Олангскую (бывшее Кундозерское общество), Костомужскую, Погосскую, Вычетайбольскую, Тихтозерскую; также часть ихъ живетъ въ деревняхъ Керетской и Поньгамской волостей, а одно поселеніе ихъ, деревня Вялозеро, находится даже на Терскомъ берегу и считается обыкновенно лопарскимъ.

Корельское племя, находясь долгое время подъ вліяніемъ Русскихъ, нѣсколько утратило изъ своихъ національныхъ особенностей, и разумѣется, степень утраты пропорціональна силѣ вліянія русскаго элемента. Чувствительнѣе всего этотъ послѣдній отразился на Кореляхъ волостей, ближайшихъ къ русскимъ селеніямъ, гдѣ Корелы, даже отчасти и ихъ женщины, знаютъ русскій языкъ. Въ волостяхъ, лежащихъ въ отдаленіи отъ русскихъ селеній, близъ Финляндіи, огромное большинство не только не говоритъ, но даже и не понимаетъ по русски. А это обстоятельство ставитъ преграду распространенію русскаго вліянія. Вліяніе это, конечно, не ограничивалось ознакомленіемъ Кореловъ съ русскимъ языкомъ; оно отразилось частью на ихъ обычаяхъ и обрядахъ. Интересно наблюдать степени развитія этого вліянія, напримѣръ, въ корельскихъ свадебныхъ обрядахъ, описанія которыхъ, составленныя въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ Корельской области—Юшкозерѣ и Ухтѣ, приводитъ г. Чубинскій ¹⁾. Изъ обоихъ этихъ описаній видно, что нынѣшніе корельскіе свадебные обряды представляютъ уже отклоненіе отъ своего первоначальнаго типа, отклоненіе, образовавшееся именно подъ вліяніемъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ. Но между тѣмъ какъ въ Юшкозерѣ они представляютъ только небольшую разницу съ обрядами поморовъ, въ Ухтѣ они сохраняютъ нѣкоторыя существенныя черты своего корельнаго типа.

Немного, вѣроятно, есть мѣстностей въ Русскомъ государствѣ,

¹⁾ Труды Арх. Статист. Комитета за 1865 г., книга 2-я: Статистическо-этнографическій очеркъ Корелы.

жители которых находились бы въ болѣе тяжеломъ экономическомъ положеніи, чѣмъ Корелы. Чтобы дать ясное понятіе о томъ, до чего бѣдственно это положеніе, приведемъ выписки изъ приговора одного корельскаго волостнаго схода по поводу предписанія Архангельскаго губернатора о прекращеніи ссуды хлѣба изъ казны. Придерживаемся точно выраженій подлинника, позволивъ себѣ только небольшія синтаксическія измѣненія: „Неурожай хлѣба въ 1867 и въ предшествующемъ 1868 гг. привелъ въ волости всѣхъ крестьянъ въ безвыходное положеніе, такъ что не малая часть ихъ, лишившись скота и необходимыхъ принадлежностей сельской осѣдлости, бросила свои дома и отправилась съ самой осени скитаться постыднымъ нищенствомъ въ приморскія селенія Кемскаго уѣзда, а часть въ Повѣнецкій и Каргопольскій уѣзды; отлучившіеся въ 1867 г. и понинѣ еще не возвращались. Другіе, не имѣя никакихъ средствъ къ выѣзду, будучи обременены малолѣтними дѣтьми, оставшись дома, питаются постоянно щамъ, сваренными изъ соломы, вытолченной въ муку, и хлѣбомъ, изготовленнымъ изъ сосновой коры; нѣкоторые прнмѣшпваютъ къ тому самую ничтожную часть ржаной муки, покупаемой изъ торговаго магазина на деньги, вырученныя за послѣдніе свои пожитки и вещи, проданныя и отданныя въ залогъ за безцѣнохъ. Пища эта, грубая и отвратительная, особенно вредна для здоровья малолѣтковъ. Взрослые же, употребляющіе такую пищу, съ трудомъ могутъ ходить отъ слабости въ ногахъ. Что касается до пріобрѣтенія сѣмянъ на посѣвъ полей за деньги, то такихъ семействъ находится въ нашей волости только 12, заключающихъ въ себѣ 62 души, кои могутъ купить себѣ сѣмянъ за деньги, а остальные 846 душъ обоого пола, состоящія въ волости, вовсе не имѣютъ никакихъ средствъ купить таковыхъ, а равно и хлѣба на продовольствіе до новаго урожая“ (Приговоръ Юшкзерскаго волостнаго схода отъ 23-го марта 1869 г.).

Эта выписка можетъ замѣнить самое краснорѣчивое описаніе положенія Кореловъ; замѣтимъ притомъ, что Юшкзерская волость далеко не самая бѣдная изъ корельскихъ волостей, если принять во вниманіе таблицу г. Чубинскаго ¹⁾, гдѣ эта волость занимаетъ

¹⁾ Труды Арх. Стат. Ком. за 1865 г., стр. 95: Статистическо-этнографическій очеркъ Корелы.

четвертое мѣсто по величинѣ остатка, причитающагося на дворъ, за уплатою податей и мѣрскихъ сборовъ. Причины такого положенія Кореловъ—скудные урожаи хлѣба, недостатокъ заработковъ и разнаго рода стѣсненія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Если бы не ссуды, дѣлаемыя Кореламъ правительствомъ, то они должны были бы перемереть съ голоду въ неурожайные годы, которые у нихъ случаются часто. Ссуды эти, а также и продажа хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ, необходимы, такъ какъ въ Корелѣ нѣтъ вольной продажи хлѣба, за которымъ Корелы должны обращаться къ поморамъ-монополистамъ, при чемъ цѣна хлѣба, и безъ того высокая, еще увеличивается стоимостью его провоза изъ Поморья. Покупать хлѣбъ Корелы должны не только въ неурожайные годы, но и при обыкновенномъ урожаѣ. И въ такомъ случаѣ у нихъ недостаетъ хлѣба, по разчету г. Чубинскаго, до 110,000 пудъ, а на покупку его далеко не хватаетъ всѣхъ ихъ остатковъ отъ промысловъ и заработковъ.

Какъ же существуютъ Корелы до сихъ поръ при такомъ безвыходномъ экономическомъ положеніи? Дѣло въ томъ, что Корелы попали въ него не такъ давно, вслѣдствіе стѣсненій, которымъ подвергся ихъ прежній порядокъ хлѣбопашества и нѣкоторыя отрасли ихъ промышленности. Правда, главное занятіе Кореловъ—хлѣбопашество, всегда велось не искусно отъ ихъ неумѣнья, но существовавшая до конца пятидесятихъ годовъ система подсѣчнаго хозяйства давала достаточныя средства къ существованію. Для каждаго посява они вырубали лѣсъ, сѣяли на очищенномъ мѣстѣ разъ, и снявъ хлѣбъ, бросали поле, такъ какъ въ другой разъ хлѣбъ на немъ не родился. Урожай на этихъ нивахъ были чрезвычайно богаты, но такой порядокъ хозяйства признанъ былъ вреднымъ по причинѣ лѣсонстребленія, и потому противъ него возбуждено было сильное преслѣдованіе со стороны администраціи. Но правильный образъ веденія сельскаго хозяйства никакъ не могъ привиться къ Кореламъ. Этому препятствовали и вѣковыя привычки, и суровый климатъ, и неблагоприятная почва, а также малое развитіе скотоводства, лишавшее ихъ такимъ образомъ возможности возстановлять силы истощенной земли. Держать же скотъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ Корелы не могутъ, такъ какъ сѣнокосовъ у нихъ почти нѣтъ. Всего скота приходится у нихъ на дворъ $\frac{3}{4}$

лошади, 2 крупныхъ рогатыхъ скотины, $2\frac{7}{8}$ овцы и $2\frac{1}{2}$ оленя, въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ ихъ держать.

Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ развитіе промышленности увеличиваетъ спросъ на трудъ и его стоимость, у Корель уничтожились было и тѣ зачатки промышленности, какіе существовали. Въ прежнее время въ Корель выдѣлывалось желѣзо въ Юшкозерской, Вокнаволоцкой, Погосской, частью въ Костомушской, а особенно въ Маслозерской волостяхъ. Все Поморье снабжалось винтовками, пищалями и ружьями корельской работы. Теперь кузнечнымъ мастерствомъ занимается только Маслозерская волость, а выдѣлываніе желѣза изъ желѣзной руды, доставаемой изъ болотъ, вовсе оставлено, такъ какъ производство сдѣлалось невыгоднымъ, когда наложена была пошлина на дрова. По той же причинѣ, осложненной еще трудностью имѣть выгодный сбытъ продукта, прекратилось и смолокурение.

Прежде Корелы имѣли еще немалый доходъ отъ мелочной разносной торговли съ Финляндіей. Почти вся молодежь уходила туда съ половины августа и тамъ, бродя по селамъ и деревнямъ, производила торгъ. Каждый изъ этихъ торговцевъ имѣлъ при себѣ дожаную сумку, въ которой заключался его товаръ, на сумму отъ 30 до 200 рублей. Торгъ этотъ значительно сократился теперь. Главная причина та, что Корелы преслѣдуются въ Финляндіи тамошнимъ начальствомъ, такъ какъ они торгуютъ въ подрывъ мѣстнымъ торговцамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ. Если Корельякъ будетъ пойманъ, то товаръ его конфискуется, а самъ онъ передается суду. Другія причины упадка этой торговли—общее обѣдненіе Кореловъ, какъ слѣдствіе неурожаевъ и уменьшенія промышленности, и паденіе капиталистовъ, дававшихъ многимъ средства для торговли; такъ на примѣръ, одинъ богатый крестьянинъ Вокнаволоцкой волости Митрофановъ давалъ ссуды и посылалъ отъ себя до 200 человекъ.

Такимъ образомъ Корелы лишились самыхъ выгодныхъ изъ своихъ заработковъ. Остальныя статьи дохода не дадутъ имъ достаточнаго обезпеченія. Изъ нихъ наиболѣе важную роль играютъ рыбные, звѣринные и птичьи промыслы.

Въ рѣкахъ и многочисленныхъ озерахъ Корелы довольно рыбы, которая служитъ Корелямъ существенно важнымъ подспорьемъ въ

ихъ хозяйствѣ. Развитію рыболовства мѣшаетъ недостатокъ снастей, особенно неводовъ, которые довольно дороги. Но еще Сольшее препятствіе для развитія этого промысла представляетъ недостатокъ соли, необходимой для посола рыбы. Правительство разрѣшило беспошлинный ввозъ соли изъ-за границы, именно въ видахъ развитія рыболовства, но на Корелу назначается незначительное ея количество, да и то часто не доходитъ по назначенію. Чтобы воспользоваться данною привилегіей, Корелы должны найти подрядчика изъ богатыхъ поморовъ, торгующихъ съ Норвегією, который закупилъ бы для нихъ соль и привезъ въ Поморье. Корелы составляютъ приговоръ, по которому обязываются выкупить соль къ извѣстному сроку, но вслѣдствіе своей бѣдности не имѣютъ, большею частью, возможности выполнить свое обязательство. Тогда подрядчикъ, пользуясь этимъ, продаетъ соль другимъ лицамъ, чаще въ Олонецкую губернію, а Корелы остаются ни при чемъ и бываютъ принуждены покупать соль у вольныхъ торговцевъ по высокимъ цѣнамъ. И въ этомъ отношеніи положеніе Кореловъ ухудшилось. Прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, Корелы могли доставать соль изъ поморскихъ соляныхъ варницъ по невысокой цѣнѣ. Эти варницы закрылись, когда, съ одной стороны, наложена была пошлина на лѣсъ и увеличенъ акцизъ на вывариваемую соль, а съ другой—дозволено было вывозить соль изъ-за границы беспошлинно.

Звѣринные промыслы Кореловъ состоятъ въ ловлѣ медвѣдей, куницъ, росомахъ, горностаевъ, бѣлокъ, зайцевъ, выдръ и оленей; изъ птицъ ловятъ рябчиковъ, глухарей, тетеревовъ и куропатокъ. Корелы принимаютъ также нѣкоторое участіе и въ Мурманскихъ промыслахъ, отчасти какъ покрученики, отчасти какъ простые рабочіе поморовъ. Но Кореловъ, занимающихся морскими промыслами, очень незначительное число, потому что они боятся моря; по ихъ собственному выраженію, „Корела море бьетъ“. Отвращеніе Кореловъ отъ моря видно еще и изъ того, что они не селятся по берегамъ, удаляются въ тундру, даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ территорія примыкаетъ къ морю. Есть еще одинъ видъ промышленности, доставляющій сравнительно очень хорошій доходъ, именно—судостроеніе; но имъ занимается только незначительное число Кореловъ Маслозерской и Тунгудской волостей. Особенно

известны своими искусствами въ судо-строении жители деревни Подужемье, въ 15 верстахъ отъ г. Кемь. Вотъ и всѣ промыслы Кореловъ, если прибавить еще выдѣлку кожъ и овчинъ, также сувонъ и холста, идущихъ почти исключительно для собственнаго употребленія.

Продукты своихъ промысловъ Корелы сбываютъ на ярмаркахъ Финляндіи и на Шунгской ярмаркѣ въ Олонецкой губерніи. На Финляндскія ярмарки, въ Каянь, Куопіо и Торнео, Корелы возятъ ремни изъ моржовыхъ шкуръ, рыбу, масло, птицу, а также товары, покупаемые на Шунгской ярмаркѣ: пенъку, веревки, ленъ, мыло и пр. Часть этихъ предметовъ промѣнивается, но большая часть продается на деньги.

Большая часть доходовъ отъ промысловъ идетъ у Кореловъ на уплату государственныхъ податей и разныхъ мірскихъ сборовъ. Остатки такъ незначительны, что трудно себѣ представить, какъ можно или удовлетворить самымъ первымъ потребностямъ крестьянской семьи, даже если есть собственный хлѣбъ. Что случается когда хлѣба нѣтъ, это ясно показываютъ тѣ выписки изъ приговора волостнаго суда, которыя мы привели выше. Неравномѣрное распредѣленіе незначительныхъ заработковъ производитъ то, что множество Кореловъ не имѣютъ вовсе средствъ къ существованію и должны нищенствовать въ Поморьѣ, Финляндіи и Олонецкой губерніи. Теперь правительство предлагаетъ имъ выселиться на Мурманскій берегъ, при чемъ на каждую семью дается изъ казны 150 рублей на переселеніе.

Въ умственномъ отношеніи Корелы стоятъ также довольно низко; грамотныхъ между ними очень мало, особенно въ волостяхъ, отдаленныхъ отъ Поморья, да и невозможенъ никакой шагъ впередъ въ умственномъ развитіи, пока не измѣнятся къ лучшему обстоятельства, обуславливающія ихъ настоящее экономическое положеніе. Авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“ г. Максимовъ пророчитъ Кореламъ лучшую будущность сравнительно съ другими, родственными имъ племенами. Но едва ли основателенъ въ отношеніи ихъ такой оптимизмъ. Вотъ какъ обрисовываютъ положеніе Кореловъ слова одного официальнаго источника: „Въ настоящее время платежныя средства Кореловъ совершенно изсякли: обращать взъисканіе на ихъ имущество невозможно уже, такъ какъ у огромнаго

большинства Кореловъ нѣтъ ни сѣта, никакого другаго имущества, кромѣ самыхъ немногочисленныхъ и необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. Такимъ образомъ надо опасаться, что сборъ податей и повинностей въ скоромъ времени долженъ будетъ остановиться за полную невозможностью для нихъ производить уплату¹⁾.

Доведенные до самой крайней бѣдности, принужденные питаться соломой и корой вмѣсто хлѣба, какъ то свидѣтельствуегь тотъ же источникъ и даже самъ г. Максимовъ, Корелы не могутъ собственными силами выйти изъ своего бѣдственнаго положенія, если правительство не придетъ къ нимъ на помощь съ радикальными мѣрами, направленными къ освобожденію ихъ промысловъ отъ стѣсненій, доставленію имъ средствъ къ сбыту ихъ продуктовъ, облегченію ихъ повинностей. Нѣсколько шаговъ въ такомъ направленіи уже сдѣлано, и Кореламъ даны льготы, освобождающія отъ нѣкоторыхъ стѣсненій ихъ земледѣліе и промышленность, а также облегчающія имъ уплату податей²⁾. Льготы эти не остаются безъ вліянія на улучшеніе ихъ быта, какъ можно судить по немногочисленнымъ и скуднымъ извѣстіямъ, доходящимъ до насъ путемъ печати. Но трудно надѣяться, чтобъ Корелы успѣли совершенно оправиться и занять прочное экономическое положеніе въ этотъ льготный срокъ.

Приводимъ отзывъ г. Чубинскаго о характерѣ Кореловъ: „Корелы характера спокойнаго, нѣсколько даже апатичны, но ихъ нельзя упрекнуть въ лѣни. Они точно также трудятся, какъ и Русскіе, если не больше, и бѣдность ихъ ничуть не доказываетъ ихъ лѣни“.

Выше мы говорили о вліяніи, какое оказываетъ на Корель русскій элементъ, но это вліяніе не на столько сильно, чтобы могло уничтожить всѣ оригинальныя черты ихъ быта, какъ то иногда принимается пинущими о Кореляхъ. Что касается юридическихъ бытавъ Корель, то они, вѣроятно, представляютъ также много оригинальныхъ особенностей. Но скудость матеріаловъ, какими мы располагали, а еще болѣе самое свойство главнаго изъ нихъ, не

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣдомости* 1867 г., № 80: ст. Нынѣшнее состояніе явородцевъ. (Изъ дѣлъ канцеляріи губернатора).

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 48.

позволили намъ выставить это съ достаточною рѣшительностью. Главнымъ матеріаломъ послужили намъ, какъ будетъ видно ниже, рѣшенія корельскихъ волостныхъ судовъ. Такъ какъ эти рѣшенія составляются писарями изъ Русскихъ, то отъ ихъ вліянія рѣшенія необходимо утрачиваютъ многое изъ того, что составляетъ въ нихъ наиболѣе характеристическаго. Намъ часто приходилось преодолевать много трудностей, чтобы добраться ихъ настоящаго смысла, сильно затемняемаго изложеніемъ. Многія изъ этихъ рѣшеній, наиболѣе интересныхъ, мы приводили цѣликомъ, сдѣлавъ, впрочемъ нѣкоторыя измѣненія, чтобы упростить ихъ пониманіе. Кроме того, мы пользовались рукописными замѣтками о юридическихъ обычаяхъ Кореловъ, доставленными воспитанникомъ Архангельской духовной семинаріи г. Камкинымъ. Къ сожалѣнію, эти замѣтки относятся только къ семейственному праву и сдѣлкамъ Кореловъ. Нѣсколько юридическихъ обычаевъ заимствовано также изъ статьи г. Чубинскаго: „Историко-этнографическій очеркъ Коралы“ и изъ книги гг. Максимова: „Годъ на Сѣверѣ“, Верещагина: „Очерки Архангельской губерніи“, г. Михайлова: „Очерки природы и быта Вѣломорскаго края Россіи“.

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Когда мужчина и женщина вступаютъ въ бракъ, то чтобы опредѣлить степень ихъ родства и свойства, руководятся болѣею частью личными соображеніями, а также голосомъ семьи, и только въ затруднительныхъ случаяхъ, именно при желаніи вступить въ бракъ близкихъ родственниковъ, какъ напримѣръ, кумовей, троюродниковъ и т. под., обращаются за совѣтомъ къ священнику и даже къ волостному писарю и вообще ко всякому болѣе или менѣе компетентному лицу въ этомъ дѣлѣ, напримѣръ, къ грамотнымъ раскольникамъ и пр. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ являлись попытки вступленія въ бракъ при указанныхъ степеняхъ родства и подобнымъ имъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ тѣмъ бы то ни было, что, конечно, на сколько возможно,

устраняется причтомъ. Это именно бываетъ въ томъ случаѣ, когда бракъ затѣвается по какимъ-нибудь внѣшнимъ расчетамъ, напримеръ, по причинѣ особеннаго богатства невѣсты или жениха.

Браки у Кореловъ, какъ и вездѣ въ простонародьи, совершаются большею частью въ силу экономической необходимости. Этою экономическою необходимостью обусловливается и возрастъ, въ который бывають брачные союзы. Если семья нуждается въ рабочихъ рукахъ, то она побуждаетъ жениться сына или брата какъ можно раньше, желая избѣгнуть необходимости нанимать работницъ на сторонѣ. При этомъ, въ случаѣ недостатка у жениха или невѣсты опредѣленныхъ церковью лѣтъ, недостатокъ ихъ сглаживается прибавкой недостающихъ лѣтъ или мѣсяцевъ, что вовсе не считается за грѣхъ. Въ силу того же экономического закона вступаютъ въ бракъ и вдовцы лѣтъ въ 45 и 50, при чемъ убавить жениху или невѣстѣ нѣсколько лѣтъ тоже не считается преступленіемъ. Если же въ семьѣ довольно работниковъ и работницъ, то старшій холостой мужчина женится обыкновенно не ранѣе 22—23 лѣтъ, а иногда лѣтъ въ 25 и 26; точно также вступаютъ въ бракъ и младшіе холостяки. При этомъ заслуживаетъ вниманія то, что женихъ выбираетъ себѣ по возможности болѣе близкому по годамъ невѣсту. Отсюда чрезвычайная рѣдкость неправильныхъ по годамъ браковъ, т. е., браковъ между слишкомъ молодыми мужчинами и старыми женщинами, и на оборотъ.

Что касается до различій въ религиозныхъ убѣжденіяхъ Кореловъ, то въ этомъ отношеніи вступающія въ бракъ лица не затрудняются: мужчина-раскольникъ ¹⁾ свободно женится на женщинѣ православной, равно какъ и женщина-раскольница безпрепятственно выходитъ въ замужество за православнаго жениха.

Бывають, хотя очень рѣдко, случаи вступленія Кореловъ въ брачный союзъ съ женщинами Финляндками, но съ Русскими и Норвежками они не вступаютъ въ бракъ.

Большая часть браковъ у Кореловъ, у которыхъ родительская власть пользуется большимъ уваженіемъ, совершается съ согласія и по волѣ родителей брачующихся. Ихъ участіе въ этомъ выражается обыкновенно въ благословеніи иконою съ хлѣбомъ и солью, въ

¹⁾ Часть Кореловъ принадлежитъ къ раскольническимъ сектамъ.

приготовленіи въ свадьбѣ необходимыхъ принадлежностей, какъ напримѣръ, лучшихъ яствъ и одежды и въ пожеланіяхъ, чтобы женихъ и невѣста были трудолюбивы и покорны. При всемъ томъ, родительская власть въ дѣлѣ заключенія брачныхъ союзовъ здѣсь не имѣетъ такого безусловно-важнаго значенія, какъ у Лопарей. Здѣсь дается гораздо больше мѣста свободному выбору.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ между женихомъ и невѣстой совершается безъ согласія родителей и противъ ихъ воли, онъ отличается отсутствіемъ всякой обрядности, кромѣ того, что женихъ и невѣста взаимно обмѣниваются подарками; подарокъ жениха бываетъ всегда болѣе цѣнный, чѣмъ подарокъ невѣсты; онъ служитъ какъ бы залогомъ вѣрности со стороны перваго. Родители при этого рода бракахъ сначала, какъ вездѣ водится, нападаютъ на своихъ дѣтей съ сильными упреками и угрозой донести на нихъ высшему начальству, но въ концѣ концовъ они примиряются съ ними и вступаютъ въ такой тѣсный родственный союзъ, какъ будто бы дѣти ихъ вступали въ бракъ съ полнаго ихъ согласія. Впрочемъ, это бываетъ только тогда, когда невѣста или женихъ оправдываютъ болѣе или менѣе желанія родителей, именно оказываются трудолюбивы и послушны; въ противномъ же случаѣ, родители живутъ съ ними въ отчужденіи и лишаютъ ихъ даже наслѣдства, хотя безъ вмѣшательства власти. Молодые въ этомъ случаѣ изгоняются изъ дома и принуждены бываютъ жить отдѣльно.

Случай, когда бы бракъ заключался противъ воли жениха и невѣсты, по насильственному принужденію родителей, очень рѣдки. Въ этихъ случаяхъ какъ бываетъ вездѣ, брачующіеся, боясь навлечь на себя гнѣвъ и нерасположеніе родителей, скрываютъ такое принужденіе отъ священника. Такіе браки обыкновенно бываютъ несчастливы и ведутъ за собою разореніе семейства, такъ какъ поражаютъ небрежное исполненіе хозяйственныхъ обязанностей мотовство и волокитство, а также частыя ссоры, брань и даже драки. Вслѣдствіе всего этого вся семья, терпитъ матеріальные убытки и бываетъ театромъ многихъ скандальныхъ сценъ. Развязкой такихъ браковъ бываетъ обыкновенно разводъ, совершающійся по обоюдному согласію супруговъ и по приговору, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, родителей или родственниковъ; совершающіе разводъ су-

*

пруги расходятся въ разныя стороны въ качествѣ искателей работы. Таковы въ большинствѣ случаевъ послѣдствія принужденнаго брака. Что же касается меньшинства случаевъ, меньшинства самаго незначительнаго, именно когда соединяются другъ съ другомъ особенно мягкія и добродушныя натуры, которыя наконецъ свыкаются и живутъ мирно и согласно, то это—счастливыя исключенія.

Если начинъ въ дѣлѣ вступленія въ бракъ принадлежитъ молодому человѣку, то онъ, прежде всего, обращается къ той дѣвицѣ, на которую палъ его выборъ, и самъ лично или черезъ доверенное лицо подговариваетъ ее сдѣлаться его женою. Если получить рѣшительный отказъ, то обращается съ предложеніемъ къ другой. Когда же дѣвица изъявитъ согласіе на его предложеніе, то иногда онъ беретъ отъ нея, какъ залогъ, платокъ или какую-нибудь другую вещь, и тогда только сообщаетъ своимъ родителямъ, что онъ намѣренъ жениться. Избравъ для этого удобный случай, онъ падаетъ имъ въ ноги и проситъ благословенія, приговаривая: „Благослови, бабушка, благослови, матушка, жениться“. Но недостаточно еще испросить согласія у родителей; необходимо также обратиться за нимъ и къ другимъ членамъ семьи, какъ-то: братьямъ, сестрамъ, и ко всѣмъ, живущимъ въ домѣ. Форма обращенія та же самая; кланяется въ ноги, приговаривая: „Благослови (такой-то) жениться“. Такимъ же образомъ женихъ испрашиваетъ благословенія священника, къ которому является тогда, когда получить согласіе и благословеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, и непременно съ какимъ-нибудь подаркомъ.

Свадебъ безъ согласія и благословенія родителей нынѣ совершается меньше; прежде, какъ помнятъ старики, часто воровали и увозили невѣсть. Причиной убѣга и увоза невѣсть служитъ чаще всего неравенство состояній жениха и невѣсти. Если молодые люди нравятся другъ другу, но невѣста богата, а женихъ бѣденъ, то родители ея обыкновенно противятся браку, и тогда невѣста уходитъ тайно къ жениху. Черезъ нѣсколько времени они вмѣстѣ являются къ родителямъ, которымъ заявляютъ, что ихъ теперь уже повдно разлучать, просятъ прощенія. Иногда родители прощаютъ; въ такомъ случаѣ, послѣ примиренія, празднуется свадьба, и невѣсть отдается ея приданое. Но иногда родители не отдаютъ

приданого, говори: „Съ чѣмъ ушла, съ тѣмъ и живи“. Случается, что родители сами устраиваютъ такіе убѣги своихъ дочерей. Если отецъ скуенъ, то для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, нарочно не отдаетъ свою дочь, когда женихъ сильно ея домогается, затѣмъ, чтобы тотъ увезъ невѣсту.

Изъ вышеописаннаго обряда выпрашиванія женихомъ благословенія, можно видѣть, что родственники у Кореловъ имѣютъ довольно важное значеніе. Они принимаютъ также дѣятельное участіе во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ свадьбы. Получивъ согласіе на женитьбу, женихъ выбираетъ изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ сватовъ, которыхъ бываетъ отъ трехъ до пяти и болѣе. Въ тѣхъ мѣстахъ Корелии, гдѣ обычай еще мало измѣнился отъ вліянія русскаго элемента, сваты, идя въ домъ невѣсты, заряжаютъ пистолець или винтовку однимъ порохомъ, и подойдя къ дому, стрѣляютъ, чтобы дать знать о своемъ прибытіи. Зашедъ въ избу, они останавливаются по срединѣ, не переходя за черту воронца. Когда хозяйка предложитъ имъ садиться, они отвѣчаютъ: „Мы пришли не для того, чтобы сидѣть, а за невѣстой, которая нужна нашему жениху“. На это родители невѣсты отвѣчаютъ: „Наша дочь не богата и приданого не запасла“, на что сваты возражаютъ, что имъ нужно не богатство, а человекъ.

Если родители не желаютъ отдать свою дочь замужъ, то предлагаютъ сватамъ закусить: подаютъ обыкновенно хлѣбъ и масло, а въ поморской Корелии варятъ кашу. Если же родителямъ нравится женихъ и они склоняются на его сторону, то просятъ сватовъ дать имъ нѣсколько времени, чтобы посоветоваться объ этомъ дѣлѣ съ родственниками.

Затѣмъ созываются родственники на совѣтъ; на этомъ родственномъ совѣтѣ рѣшается вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выдать дѣвушку за извѣстнаго жениха. Родственные и семейные совѣты здѣсь вообще имѣютъ большое значеніе, сдѣлать что-нибудь важное безъ вѣдома близкихъ родственниковъ, а тѣмъ болѣе своей семьи, считается противообычнымъ, и такіе случаи сопровождаются большими непріятностями. Тутъ же спрашивается согласіе у невѣсты: согласіе свое невѣста выражаетъ тѣмъ, что отдается въ волю родителей, несогласіе же — тѣмъ, что падаетъ имъ въ ноги, прося поддержать ее еще и покормить своимъ хлѣбомъ, какъ кор-

мили раньше (Юшкозеро). Въ отдаленныхъ отъ Поморья мѣстахъ невѣста изъявляетъ свое согласіе тѣмъ, что падаетъ родителямъ въ ноги и говоритъ: „Однажды счастье испытать“ (Ухта).

Спустя нѣсколько времени, сваты являются за окончательнымъ отвѣтомъ къ родителямъ и спрашиваютъ ихъ, какъ они обдумали свое дѣло.

Такъ какъ совѣтъ рѣшаетъ большею частію въ пользу жениха, то отвѣтъ бываетъ чаще благопріятный. Въ такомъ случаѣ, на вопросъ сватовъ родители отвѣчаютъ: „Садитесь, тогда и потолкуемъ“. Сваты садятся въ передній уголъ, а отецъ невѣсты ставитъ къ иконѣ зажженную восковую свѣчу и приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ садиться по мѣстамъ.

Когда посидятъ такимъ образомъ, безмолвно, съ минуту, отецъ невѣсты со словами: „благослови, Господи“ встаетъ на ноги, а за нимъ встаютъ всѣ присутствующіе и молятся Богу. Помолвившись, отецъ невѣсты захватываетъ рукою полу своего кафтана и подаетъ ее отцу жениха со словами: „Господи благослови, въ добрый часъ“. Отецъ жениха подаетъ ему руку такимъ же образомъ и съ такими словами. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ національные обычаи сохранились въ большей чистотѣ, пригвариваютъ при рукобитіи: „Если кто нарушитъ это наше дѣло, съ того взыскать сто рублей штрафа“ (Ухта). Изъ этихъ словъ видно, что рукобитіемъ окончательно закрѣпляется свадебный договоръ, такъ какъ нарушение его съ этихъ поръ влечетъ уже наказаніе. Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе сватовъ, а невѣста причитаетъ родителямъ, упрекая ихъ за то, что рано выдаютъ ее, и сватамъ, прося ихъ быть къ ней хорошо расположенными и учить ее уму-разуму.

Когда сваты напьются чаю или закусятъ чего-нибудь, то отправляются къ жениху, приглашая къ нему и родственниковъ невѣсты, а сама невѣста идетъ въ гости къ кому-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ.

Спустя часъ по уходѣ сватовъ, родственники невѣсты (разумеется, если дѣло идетъ о богатой свадьбѣ) отправляются къ жениху на *винопитье*. На этомъ винопитьѣ женихъ знакомится съ роднею невѣсты и угощаетъ ее чаемъ, водкою и закускою; тутъ же назначается и время смотрѣнія. (Юшкозеро).

Обычай винопитья, очевидно, образовался подъ вліяніемъ анало-

гичнаго съ нимъ русскаго обряда проноя невѣсты; онъ не поже- мѣстный въ Корелии. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, на другой день заклю- ченія свадебнаго договора мать или сестра жениха идетъ къ не- вѣстѣ съ подарками, обыкновенно пряниками (Ухта).

Послѣ винопитья невѣста ходитъ съ плачешей и подругами по домамъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Подойдя къ дому, плачешей начинаетъ причитать на-распѣвъ: „Вы примите меня въ послѣдній разъ, вы примите меня по-прежнему; не прогнѣвайтесь на меня за то, что пришла не одна, а съ подругами“. Подруги и невѣста вторятъ ей; послѣдняя, подперевъ щеку рукой, кланяется при этомъ до земли. На встрѣчу невѣстѣ выходитъ кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи.

Если выходитъ мужчина, то беретъ невѣсту за руку и пригла- шаетъ все общество зайти въ избу; если же выходитъ женщина, то начинаетъ, въ голосъ плачей, причитать: „Ты зайди къ намъ по-прежнему, ты веди къ намъ подружекъ своихъ“. Потомъ беретъ невѣсту за руку и ведетъ въ избу, а за невѣстою слѣдуютъ всѣ ея спутницы. Зайдя въ избу, невѣста молится Богу и затѣмъ па- даетъ въ ноги старшему члену семейства и обнимаетъ его, бла- годаря за прежнюю ласку и упрасивая быть къ ней ласковымъ и впередъ. Также обращается невѣста и къ прочимъ членамъ се- мейства, а тѣ уговариваютъ ее быть къ нимъ привѣтливою и на будущее время и навѣщать ихъ по-прежнему. Когда вся эта цере- монія кончится, то невѣсту и все ея общество угощаютъ или чаемъ или какою-нибудь закускою и даютъ ей, что что можетъ: кусочекъ холста, ситцу или штофной матеріи, полотенце, рубашку, повойникъ или нѣсколько денегъ (Юшкозеро).

На винопитиѣ, какъ было выше сказано, назначается день смо- тренья. Въ этотъ день родственникамъ жениха дается знать вы- стрѣлами изъ пистолета или винтовки, что время собираться къ жениху. Каждый изъ родственниковъ приноситъ хлѣбъ. Когда всѣ соберутся, женихъ надеваетъ въ ноги родителямъ и старшимъ изъ родственниковъ и проситъ ихъ благословенія „идти искать счастья“. Тотъ кому женихъ кланяется, поднимаетъ его съ полу со словами: „Богъ благословитъ“; а отецъ и мать благословляютъ его вѣною и хлѣбомъ. Затѣмъ всѣ, исключая мать жениха, отправляются къ невѣстѣ на смотрѣнье (Юшкозеро). Всѣ сопровождающіе жениха

составляет свадебную артель. У невесты собираются также ее родственницы. Если артель жениха состоит из 10-ти человекъ, то артель невесты вдвое болѣе. Придя въ домъ, тысяцкій спрашиваетъ: „Готовы ли вы на смотрѣнье?“ Со стороны невесты отвѣчаютъ: „Мы готовы“ (Ухта). Невѣста въ это время сидитъ за занавѣской въ печномъ углу, а бабушка, которая принимала невесту при рожденіи, подходитъ къ занавѣскѣ и держится за нее или колотитъ въ стѣну ключемъ, приговаривая, что невесту нельзя открыть безъ вина. *Подвашка* (знахарь, безъ котораго не обходится свадьба), или тысяцкій, замѣняющій его, подаетъ бабушкѣ нѣсколько денегъ, послѣ чего та и открываетъ занавѣсь. Присутствующія женщины кланяются мужчинамъ и получаютъ отъ нихъ по копейкѣ, а тѣ четверо, которыя держатъ косу невесты, по четыре копейки (Ухта). Сватья подводитъ невесту къ столу. Тутъ невеста начинаетъ потчивать гостей виномъ, а въ заключеніе подаетъ одну рюмку жениху, другую беретъ сама, но вина они не пьютъ, а выливаютъ подъ столъ (Юшкочеро).

Затѣмъ, дѣлается съ обѣихъ сторонъ обмѣнъ подарковъ. Женихъ даритъ невестѣ кусокъ кумачу или ситцу, штофа на сарафанъ, башмаки, пряники, зеркало, гребень и кусокъ мыла. Невѣста даритъ жениху въ обмѣнъ рубашку. Послѣ того невеста, съ причитаніями, опять отправляется въ печной уголокъ. Здѣсь она съ матерью и родственницами разбираетъ подарки, приготовленные роднымъ жениха, назначая, кому что слѣдуетъ, и отсылаетъ ихъ со сватьей къ столамъ, гдѣ сидятъ гости. Подвашка беретъ каждый подарокъ на свой хлѣстикъ (орудіе подвашки, которымъ онъ отгоняетъ порчу и въ послѣдствіи ударяетъ нѣсколько разъ невесту, чтобъ она была покорна своему будущему мужу) и передаетъ, кому слѣдуетъ. Когда всѣхъ обдарятъ, невеста обходитъ вокругъ столовъ и обнимаетъ съ причитаніями каждого изъ сидящихъ, кромѣ жениха. Въ это время женихъ кладетъ на поднось деньги и приглашаетъ отца невесты получить плату за то, что поилъ и кормилъ свою дочь. Лишь только отецъ начнетъ считать деньги, какъ невеста подходитъ къ нему, обхватываетъ его за шею и причитаетъ: „Ты немного бери, батюшка, ты оставь намъ чѣмъ бы отсюда выѣхать, ты оставь намъ на разшиву, либо въ голодный годъ хлѣба кушеть, либо въ Финляндію торговать идти“. Пла-

та за невѣсту соображается со стоимостью подарковъ, требуемыхъ родней жениха, но всегда бываетъ значительно ниже; такъ напримѣръ, если подарковъ жениховой роднѣ дѣлается на 50 руб. (равняется, у богатыхъ), то отъ жениха берутъ 15 или 20 р. Когда отецъ невѣсты возьметъ деньги, подвашка выводитъ жениха и невѣсту въ клѣтѣ, гдѣ, поставивъ рядомъ, очерчиваетъ ихъ топоромъ или косою съ заговоромъ, чтобы не пристала къ нимъ порча и чтобы жли между собою въ согласіи, а затѣмъ приводитъ опять въ избу. Потомъ слѣдуетъ угощеніе родственниковъ жениха и тѣмъ заканчивается смотрѣнье (Юшкозеро). Впрочемъ, не вездѣ обряды, сопровождающіе смотрѣнье, одинаковы. Въ другихъ мѣстахъ Корели, послѣ обмѣна подарковъ, когда невѣста идетъ въ печной уголь, женикъ съ артелью, посидѣвъ немного, выходятъ въ сѣни, гдѣ тысяцкій спрашиваетъ у жениха: „Врешь ли ты ее?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я беру ее“. Тогда тысяцкій идетъ въ избу и говоритъ: „Наше дѣло какъ бѣлка по дереву, вверхъ подымается“. На это отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „Также и у насъ, какъ бѣлка, подымается“. Тогда всѣ снова возвращаются въ избу. Тысяцкій требуетъ столъ, скатерть, ложки, хлѣбъ и соль, застилаетъ столъ, кладетъ хлѣбъ невѣсты, а на него хлѣбъ жениха. Артель жениха садится за столъ, а невѣста начинаетъ причитать передъ каждою изъ присутствующихъ женщинъ, и ей даютъ денегъ, такъ что она набираетъ отъ 10 до 15 рублей. Закусивши, артель жениха уходитъ домой. Въ тотъ же день приходятъ звать въ гости къ жениху невѣстину сторону и тамъ ее ждетъ угощеніе. Уходя изъ дома жениха, невѣстина сторона говоритъ: „Приходите взять невѣсту; мы за тѣмъ и были у васъ“. Женикъ съ артелью идетъ къ невѣстѣ и тамъ ихъ опять угощаютъ. Для невѣсты приносятъ щипки въ печной (такъ назыв. *бабий*) уголь, сажаютъ ее на щипки и надѣваютъ повойникъ. Въ то время артель жениха выходитъ на улицу и тамъ ожидаетъ невѣсту, которую и выводитъ къ жениху крестный отецъ или дядя. Невѣста держится за одинъ конецъ платна, а другой тысяцкій подаетъ жениху со словами: „Мы отдаемъ дочь нашу (такую-то) за (такого-то)“. Сторона невѣсты договаривается: „Птичьи ваша, а перья (приданое) наши“. Тысяцкій съ водою, огнемъ и топоромъ обходитъ съ артелью вокругъ жениха и невѣсты, потомъ огонь погаситъ, воду выльетъ, а топоръ

перебросить чрезъ артель къ востоку. Затѣмъ уводятъ невѣсту въ домъ жениха, и они считаются уже супругами, хотя бы и не вѣнчались (Ухта).

У Кореловъ вѣнчанье не считается безусловно необходимымъ для заключенія брачнаго союза; достаточно соблюденія другихъ свадебныхъ обрядовъ. Часто вѣнчаются спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы; такъ напримѣръ, женятся на Масляной, а вѣнчаются послѣ Пасхи. Иногда промежутокъ времени со дня вступленія жениха и невѣсты въ бракъ до обвѣнчанія ихъ равняется году, двумъ и тремъ. Раскольники, которыхъ много между Корелами, не вѣнчаются и вовсе, тѣмъ не менѣе, ихъ считаютъ заключившими брачный союзъ и дѣтей ихъ законными. Иногда случается и такъ, что дѣвушка живетъ съ однимъ нѣсколько лѣтъ, какъ съ мужемъ, а потомъ вѣнчается съ другимъ. Прежде чаще заключались браки такимъ образомъ; нынѣ они выводятся изъ обычая, такъ какъ преслѣдуются полиціей, которая заставляетъ вѣнчаться. Если церковный обрядъ совершается позже, то онъ не сопровождается никакими церемоніями. Находящіеся въ сожителствѣ вдвоемъ прикалываются къ священнику на лыжахъ (такъ какъ это самый употребительный способъ передвиженія) и просятъ ихъ повѣнчать. На мѣстѣ найдутъ какихъ-нибудь свидѣтелей, которые удостовѣряютъ, что они не состоятъ въ родствѣ, затѣмъ вѣнчаются и такимъ же образомъ отправляются обратно.

Если свадьба сопровождается церковнымъ обрядомъ, то въ назначенный для брака день бываютъ еще обыкновенія, называемыя *выводно* и *приводно*. *Выводно* состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ отпрапляется за невѣстой такимъ же порядкомъ, какъ и на смотрѣнье. Родственники невѣсты выходятъ на встрѣчу и просятъ пожаловать въ избу; а невѣста сидитъ у открытаго окна и причитаетъ. Когда женихъ и его спутники зайдутъ въ избу, то останавливаются у столовъ, за которые ихъ не пускаютъ сѣсть, пока не выкупаютъ мѣста. Выкупаютъ мѣста такъ: подваша даетъ нѣсколько денегъ плачевъ, которыя та относитъ невѣстѣ, и приказываетъ всѣмъ садиться по мѣстамъ. Когда родственники жениха начнутъ угощаться, невѣста съ подругами выходитъ на улицу „попрощаться съ улицей“. Дѣвцы, схватившись одна съ другою платками и, обкруживъ невѣсту, цуютъ ей послѣднюю пѣсню; потомъ

невѣста захватывается за платокъ послѣдней дѣвушки, и всѣ идутъ такимъ образомъ въ избу, гдѣ обходятъ до трехъ разъ столы. При послѣднемъ обходѣ женихъ захватываетъ невѣсту, и посадивъ ее къ себѣ на колѣни, гладитъ сначала по головѣ, а потомъ пощипываетъ слегка за виски, что служитъ символомъ его господства надъ нею и ея повиновенія. Послѣ этого невѣста сходитъ съ колѣнъ жениха и обращается съ причитаніемъ къ матери, жалуясь на то, что женихъ ее пристыдилъ, и прося ея защиты. Потомъ ее уводятъ, чтобъ одѣть къ вѣнчанью.

При вѣнчаньи около жениха стоитъ тысяцскій, крестный отецъ жениха, иначе *подѣльничій* отецъ (вѣнцы туато), а подлѣ невѣсты подвѣнчанная мать (вѣнцы муамо), иначе брудга, которую бываетъ крестная мать или сестра.

По совершеніи таинства молодую наряжаютъ въ трапезѣ, т. е. заплетаютъ ей волосы въ двѣ косы, надѣваютъ повойникъ и закрываютъ лицо платкомъ. Затѣмъ слѣдуетъ такъ называемое *приводнѣ*, т. е. обряды, сопровождающіе приведеніе новобрачной въ домъ ея мужа. Туда идутъ съ нею и ея родственники, для которыхъ готовится угощеніе. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители съ иконою, которою ихъ благословляютъ; потомъ новобрачный садится, а она все еще закрытая, должна нѣсколько времени стоять и кланяться. Когда кончится угощеніе, подвашка беретъ на ложку каши и подноситъ ее до трехъ разъ къ губамъ четы, а затѣмъ, помахавъ надъ ихъ головами хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ новобрачной и спрашиваетъ у присутствующихъ: „какова молодая“, на что всѣ отвѣчаютъ одобрительными восклицаніями (Юшкозеро). Далѣе, тысяцкій или подвашка ведетъ новобрачныхъ въ клѣтѣ спать. Тутъ новобрачная должна разстегивать своему супругу пуговицы, снимать поясъ и вообще раздѣвать его; снимая каждую вещь, она ему кланяется. Послѣ всего стаскиваются сапоги, которые она, по его приказанію, встряхиваетъ: изъ сапогъ падаютъ деньги, поступающія въ ея собственность.

Въ три первые дня послѣ брака родственники молодой приносятъ блины, за которые молодой даетъ въ два первые раза деньги, но въ третій уже не даетъ (Ухта).

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы зовутъ молодыхъ къ тестю за полученіемъ приданого. Приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ,

ложки, тарелки, солонки, женских сорочках, которых у богатых невестъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, кафтанахъ, разной обуви и рукавицахъ (Юшкозеро). Родственники молодого, присутствующіе тутъ же, цѣнятъ приданое и молодой подаетъ на блюдѣ деньги тестю и тещѣ. Въ приморской Корели молодой за приданое платитъ по копѣйкѣ на каждый рубль оцѣночной суммы. Тесть и теща угощаютъ прибывшихъ обѣдомъ и поѣздъ, получивъ приданое, возвращается домой. Когда връзжаются домой, то молодая раскладываетъ для покая на столѣ свое приданое и кланяясь въ ноги свекрови, проситъ, чтобъ та выбрала для себя любую сорочку. Когда свекровь пересмотритъ приданое и выберетъ сорочку, молодая складываетъ его въ сундуки, чѣмъ заканчивается свадьба (Юшкозеро).

Надо замѣтить, что свадебные обряды далеко не у всѣхъ Кореловъ прижизняются во всей ихъ полнотѣ. Такъ справитъ свадьбу, какъ мы описали, могутъ только люди достаточные, которыхъ между Корелами очень мало. Большинство исполняетъ только то, что позволяютъ имъ ихъ скудные средства. Разумѣется, людямъ, для которыхъ ржаной хлѣбъ безъ прирѣса всякой дрянн, есть непривычное лакомство, и которые на цѣлое семейство имѣютъ одинъ полшубокъ и одну шапку, нѣтъ возможности соблюдать всѣ вышеописанные обряды и устраивать свадебныя пиршества и угощенія.

Приданое, какъ было выше сказано, состоитъ изъ разныхъ необходимыхъ вещей, какъ-то: платья, обуви и т. п., въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ Юшкозерѣ, прибавляютъ къ этому корову, а иногда деньги, какъ это будетъ видно изъ одного рѣшенія волостнаго суда, само собою разумѣется, что, при бѣдности Кореловъ, такое приданое могутъ давать только немногіе болѣе зажиточные.

Приданое, по смерти жены, остается у мужа только въ такомъ случаѣ, если остались дочери; если же жена умретъ бездѣтною, или у нее останутся только сыновья, то приданое возвращается ей роднымъ—матери и сестрамъ. Впрочемъ, иногда оставляютъ мужу какую-нибудь вещь изъ имущества жены. Такъ, по одному рѣшенію Юшкозерскаго волостнаго суда, приданое, по смерти жены, возвращается ей матери, и мужу оставленъ только одинъ шелковый платокъ.

Если въ приданое даны деньги, то и они возвращаются тому, кто ихъ далъ, обыкновенно отцу жены. Вотъ рѣшеніе Ухтинскаго волостнаго суда о приданомъ. Крестьянинъ деревни Ухты Евсей Федоровъ Ананасьевъ жалуется на то, что дочь его, бывшая замужемъ, отдала принадлежавшія ему деньги 17 р. мужу, крестьянину той же деревни Тихонову, на необходимыя надобности. Тихоновъ признался, что онъ дѣйствительно взялъ 14 р., на которые купилъ женѣ серебряную пѣпочку за 4 р. и двои серьги за 3 р., а остальные 7 р. роздалъ на помянутыя души покойной. Серьги и пѣшь Евсей уже отобралъ, чему и представляется свидѣтель. Волостной судъ рѣшилъ освободить Тиханова отъ взысканія.

Корели живутъ обыкновенно большими семьями, которыя состоятъ не только изъ родителей и дѣтей, но часто также и изъ дядей и племянниковъ. Женщина у Кореловъ, вступая въ брачный союзъ съ мужчиною, становится лицомъ, вполне зависящимъ отъ воли своего мужа. Мужъ по отношенію къ ней имѣетъ всегда болѣе вліянія, нежели его родители. Онъ надъ своею женой полный хозяинъ. Когда онъ умираетъ, главное вліяніе надъ нею остается по праву на сторонѣ родителей мужа.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Отецъ въ корельскомъ семействѣ тотъ же полновластный распорядитель всего, тотъ же неограниченно самодержавный правитель всѣмъ, какъ и въ семьяхъ русскихъ крестьянъ. Отецъ, будучи главой семейства, можетъ распоряжаться, какъ общимъ семейнымъ имуществомъ, такъ и заработками своихъ не отдѣленныхъ дѣтей; напротивъ, если тѣ отходятъ на морскіе промыслы, то деньги по возвращеніи отдають родителямъ.

У Кореловъ бывають случаи, что отцы, при отдѣленіи сыновей, лишаютъ ихъ части въ имуществѣ. Если сыновья обращаются къ волостному суду, то судъ возстановляетъ ихъ права, когда найдетъ, что отецъ лишилъ сына доли несправедливо.

Власть и права отца, послѣ его смерти, переходятъ къ старшему его сыну, или если онъ имѣетъ братьевъ въ одномъ хозяйствѣ, то къ старшему послѣ него брату, т. е. къ дядѣ его сыновей. Этотъ большакъ дѣлается главою семейства и распорядителемъ общаго семейнаго имущества. Но немъ лежитъ обязанность

платежа семейныхъ долговъ (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 30-го іюля 1867 г.), онъ также подвергается большей отвѣтственности за проступки, совершенные всей семьей (рѣшеніе того же суда 19-го февраля 1868 г.).

Впрочемъ, преимущество возраста не всегда даетъ право на старшинство; если младшій членъ семьи (напримѣръ, младшій братъ) окажется расторопнѣе и наживаетъ болѣе, то онъ дѣлается хозяиномъ въ домѣ.

Покуда братья живутъ вмѣстѣ, всѣ ихъ заработки поступаютъ въ общую собственность, какъ то ясно видно изъ одного рѣшенія, которое мы приведемъ ниже.

Мать семейства послѣ отца второе лице въ цѣлой семьѣ, но только по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Другіе члены семьи, какъ напримѣръ, братья главы семьи, считаются равными ей. А когда умираетъ отецъ семейства, то мать по отношенію къ своимъ дѣтямъ заступаетъ его мѣсто; она дѣлается полною распорядительницей всего. Иногда, являясь главою семейства, мать даже подвергается отвѣтственности за проступки семейныхъ; такъ, по рѣшенію Тунгудскаго волостнаго суда 19-го февраля 1868 года, за проступокъ сына мать наказывается вмѣстѣ съ нимъ.

Если дяди живутъ съ племянниками, то имѣютъ не только общій съ ними столъ, но и все хозяйство: общій скотъ, вмѣстѣ обрабатываютъ землю и т. п. (рѣшеніе Юшкверскаго волостн. суда 28-го августа 1867 г.).

Престарѣлые родители, которые не могутъ доставать себѣ пропитаніе, имѣютъ право требовать отъ дѣтей хлѣба и одежды. Но такъ какъ Корелы часто нуждаются въ хлѣбѣ, вслѣдствіе постоянныхъ его неурожаевъ, и вообще очень бѣдны, то эта обязанность часто становится въ тягость сыновьямъ. Оттого волостнымъ судамъ приходится нерѣдко разбирать жалобы родителей на сыновей, отказывающихъ имъ въ содержаніи. Волостные суды всегда рѣшаютъ такіа дѣла въ пользу родителей. Иногда сыновья выдаютъ содержаніе деньгами, иногда хлѣбомъ и одеждой.

Если есть нѣсколько братьевъ, то обязанность содержать родителей распределяется между ними; случается, кормить и одинъ, но за то беретъ большую часть при раздѣлѣ. Владѣнн отцовскимъ имуществомъ, сыновья обязываются также вносить за отца подати.

Размѣры средствъ, предоставляемыхъ сыновьями отцамъ, а также отчасти взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми видны изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, по рѣшенію Устинской волости 26-го марта 1867 г., крестьянинъ жалуется на отца, что тотъ „отдѣлялъ его отъ общаго жительствова съ братомъ его и лишилъ наслѣдства, какъ недвижимаго, такъ и движимаго имущества“. Судъ рѣшилъ удовлетворить просителя надлежащею частью съ тѣмъ, чтобы прокармливать отца половинною частью и вносить за него подати.

Когда родители требуютъ отъ дѣтей содержанія, то размѣры его опредѣляются рѣшеніями волостныхъ судовъ различно. Такъ, по рѣшенію Тунгудскаго волостнаго суда 30-го апрѣля 1867 г., сынъ просто обязывается давать родителямъ необходимое имъ прокормленіе, бѣлье и одежду. По рѣшенію Юшкозерскаго волостнаго суда 11-го октября 1866 г. сынъ долженъ выдавать содержаніе родителямъ деньгами, въ размѣрѣ 16 руб. въ годъ. Тотъ же судъ, рѣшеніемъ 27-го марта 1869 г., опредѣлилъ, что два сына должны раздѣлить между собою заботы о содержаніи отца слѣдующимъ образомъ: старшій долженъ кормить отца четыре мѣсяца, обувать и одѣвать, младшій обязанъ давать отцу ежегодно по 8 пудъ хлѣба. Тунгудскій волостной судъ 19-го февраля 1868 г. рѣшилъ: такъ какъ дѣйствительная и законная обязанность дѣтей продовольствовать родителей хлѣбомъ и одеждою, то взыскать съ сына въ пользу отца 5 пудъ хлѣба до новаго урожая. Тотъ же судъ рѣшеніемъ 2-го апрѣля постановилъ, что сынъ долженъ выдавать матери по пуду хлѣба въ мѣсяць, а рѣшеніемъ 13-го октября опредѣлилъ взыскивать съ пяти братьевъ по десяти пудъ въ пользу отца и матери.

Мужъ обязанъ содержать свою жену, и кажется, между Кореями, не смотря на ихъ крайнюю бѣдность, очень рѣдки нарушенія этой обязанности. Во всѣхъ рѣшеніяхъ за два-три года, какія у насъ находятся, есть только одна жалоба жены на мужа, поданная въ Тунгудскій волостной судъ 2-го апрѣля 1868 года. Да и изъ самаго рѣшенія видно, что, за рѣдкостью такихъ случаевъ, не выработалось у суда никакой нормы для удовлетворенія просителя, отчего судъ и ограничился въ рѣшеніи общими выраженіями. Вотъ это рѣшеніе: Крестьянская жена Марковой горы

Матрена Иванова Леонасьена жалуется на своего мужа не въ дачѣ ей съ малолѣтними дѣтьми хлѣба и одежды и проситъ по-нудить къ дачѣ ей продовольствія и одежды съ дѣтьми. Тунгудскій волостной судъ постановилъ: По его недоброжелательству и явнымъ доказательствамъ сосѣдей, отдать, какъ жену, такъ и дѣтей, со строгимъ внушеніемъ, подъ его надзоръ, а за его нерадѣніе арестовать на двое сутокъ для его образованія, чтобъ впредь не осмѣливался этого допускать.

Такъ какъ корельскія женщины вообще извѣстны цѣломудріемъ, то незаконнорожденныхъ дѣтей у нихъ мало. Однакожь у насъ есть одно рѣшеніе волостнаго суда по жалобѣ крестьянской дѣвицы на крестьянина, который прижилъ съ нею ребенка и потомъ прогналъ ее. Судъ опредѣлилъ, что отецъ долженъ выдавать матери вспомошествованіе на пропитаніе сына въ тѣнѣмъ грехъ лѣтъ, въ размѣрѣ 12 руб. въ годъ (рѣшеніе Тунгудскаго суда 17-го августа 1868 г.).

У Корельцовъ бывають также усыновленія. Право усыновленія принадлежитъ какъ лицамъ мужескаго пола, такъ и лицамъ женскаго пола. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, т. е. при усыновленіи и мужчиной и женщиной, отношенія между усыновителемъ и усыновленнымъ устанавливаются обыкновенно точно такія же, какія бывають между родителями и родными дѣтьми.

Случается и такъ, что усыновленный дѣлаетъ съ усыновителемъ условіе, по которому обязуется давать тому содержаніе, самъ за то беретъ въ свое распоряженіе его хозяйство. Впрочемъ, усыновитель не теряетъ исполнѣ своихъ правъ настоящаго хозяина; такъ, если они сдѣлають вмѣстѣ какое-нибудь приращеніе къ имуществу, то усыновитель не отстраняется отъ участія въ немъ (рѣшеніе Вокнаволоцкаго вол. суда 17-го ноября 1868 г.). Зять, принимаемый въ домъ, подходитъ подъ эти же правила.

При отцѣ отдѣленіе сыновей бывають рѣдко, и если сынъ отдѣляется, то отецъ надѣляется его по своимъ средствамъ, безобидно для другихъ. Иногда отецъ самъ производитъ раздѣлъ между своими сыновьями; въ такомъ случаѣ, онъ удерживаетъ часть имущества за собою и остается обыкновенно въ домѣ съ младшимъ сыномъ. При матери дѣти раздѣляются чаще. Причиной раздѣловъ служить часто тѣснота помѣщенія, а также семейныя

неудовольствія. Если братья, послѣ смерти родителей, не дѣлятся, а живутъ вмѣстѣ, то все, нажитое каждымъ изъ нихъ, поступаетъ въ общую семейную собственность и идетъ безразлично въ раздѣлъ. Приводимъ въ примѣръ рѣшеніе Тунгудскаго волостного суда 21-го января 1868 г. Крестьянинъ Тунгудской волости и деревни Кондрать Прокофьевъ Турбаринъ объявляетъ жалобу на родного своего брата Ефима Турбарина въ самовольномъ раздѣлѣ и въ не дачѣ положины изъ добытаго имъ на морѣ въ лѣто 1867 года, а также въ захватѣ разнаго имѣнія, которое должно принадлежать въ общій раздѣлъ. По распросѣ Ефима оказалось, что сей послѣдній добытый имъ промыселъ на морѣ употребилъ въ общую пельзу и на покупку разнаго платья, которое и представляетъ въ раздѣлъ. Вслѣдствіе того волостные судьи постановили: всѣ добычи, приносима просителемъ и отвѣтчикомъ, раздѣлить по равной части, такъ какъ тогда они жили еще вмѣстѣ, а нераздѣльному имуществу составить опись и раздѣлить пополамъ.

Само собою разумѣется, что раздѣлившіеся не имѣютъ права на то, что приобрѣтено послѣ раздѣла, хотя иногда и заявляются такого рода претензіи, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 21-го апрѣля 1868 г. Крестьянинъ Тунгудской волости деревни Березнаволожа, Филиппъ Сергѣевъ Сидоровъ жалуется на родного своего брата Леонтыя Сидорова по раздѣлу, происшедшему ранѣе, въ не дачѣ на его часть мѣстнаго (общаго) дома и части имущества и проситъ взыскать и тѣмъ его удовлетворить. На спросъ крестьянина Леонтыя Сидорова оказалось, что при мѣстной жизни изъ дома была выстроена только изба, и то еще не въ обдѣлкѣ, а другія строенія, какъ-то: связь, сарай и дворъ, выстроены послѣ раздѣла собственными трудами Леонтыя, на что проситель никакихъ справедливыхъ объясненій привести не могъ. Вслѣдствіе того рѣшеніемъ волостнаго суда постановлено: какъ изъ разговоровъ подсудимыхъ лицъ видно, что произведенъ ими раздѣлъ добровольно, и обнаруживается, что по состоянію проситель оказывается въ видимости состоятельнымъ и богатѣе отвѣтника, то и не слѣдуетъ удѣлять ему части мѣстнаго имущества, а оставить, какъ домъ, а равно и имущество прежнему владѣльцу Леонтыю Сидорову, а Филиппу, проживающему въ особомъ домѣ четыре года по самовольному отходу, отказать.

Хотя бы братья и не раздѣлились, но тотъ изъ нихъ, кто не живетъ при домѣ и находится долгое время въ отлучкѣ, теряетъ право на участіе въ имуществѣ. Такъ брату, бывшему въ отсутствіи 20 лѣтъ, рѣшеіемъ Тунгудскаго волостнаго суда отъ 29-го Сентября 1868 г., было отказано въ его требованіи части изъ имущества на томъ основаніи, что хозяйство было устроено его братомъ во время его отлучки, и слѣдовательно безъ его содѣйствія.

Такъ какъ у Кореловъ часто живутъ вмѣстѣ не только братья, но и дяди съ племянниками, то разужбѣтся, бывають и случаи раздѣла этихъ послѣднихъ между собою. На рѣшеніе Юшкозерскаго волостнаго суда (28-го августа 1867 г.) бѣлъ представленъ споръ, возникшій при такомъ раздѣлѣ. Выписываемъ это рѣшеніе: Крестьянинъ Салосалмской деревни Василій Степановъ Фокинъ проситъ повудить дядю его роднаго Петра Михайлова Фокина къ выдачѣ ему остальной части движимаго имущества, неправильно захваченнаго имъ при учиненіи между ними раздѣла, а именно: 3 коровы, 2 телятъ, 1 быкъ, 24 руб. за лошадь, 1 тулупа, овчиннаго одѣла, 1 постели и изъ поставленнаго ими, по общему жительству, сѣна 2 частей, оставляя дядѣ 3 части, на сумму всего до 95 руб. Судъ нашель просьбу Василья Фокина уважительною, почему и постановилъ, что дядя его Петръ Фокинъ долженъ всѣ просимыя имъ вещи, деньги, свотъ и сѣно отдать просителю безпрекословно.

3. Опекъ и попечительство.

На счетъ опеки и попечительства у Кореловъ мы можемъ сказать только слѣдующее: Если умираетъ отецъ семейства, то дѣти остаются болшею частію подъ опекою матери и только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно когда дѣти остаются очень малыми и безпомощными, переходятъ подъ опеку ближайшаго къ нимъ родственника, который въ такомъ случаѣ становится попечителемъ и для самой матери. Если остаются малолѣтнія дѣти круглыя сироты, то общество беретъ на себя уплату податей, а дѣтей отдаетъ на воспитаніе какому-нибудь родственнику, передавая ему право на пользованіе принадлежавшими имъ родителямъ пахатными и сѣнокосными участками, для прокормленія малолѣтнихъ (приговоръ Погосскаго волостнаго схода 31-го декабря 1869 г.). Совершенно без-

пріютныя дѣти передаются въ домъ какого-либо болѣе или менѣе зажиточнаго домохозяина, гдѣ они должны бывать работать до зрѣлаго возраста бесплатно, а потомъ имъ дается полная воля идти куда угодно; многіе безпріютные при этомъ усыновляются. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда никто изъ членовъ извѣстной общины не соглашается опріютить оставшихся послѣ родителей безъ всякаго призрѣнія дѣтей, дѣти эти присуждаются миромъ на перемѣнное жительство у всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

Каждый Корель имѣетъ свое собственное клеймо, которымъ помѣчаетъ свое имущество, преимущественно скоть — оленей и овецъ. Посредствомъ клеймъ отличаютъ ручныхъ оленей отъ дикихъ и узнаютъ о захватѣ домашнихъ оленей. Иногда по клеймамъ на шкурахъ, какъ видно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, хозяинъ открываетъ убійцу своего оленя. За неграмотностью Корелы употребляютъ свои клейма вмѣсто подписей подъ всѣми рѣшеніями, приговорами, сдѣлками и договорами. Эти клейма имѣютъ иногда отертаніе начальныхъ буквъ имени и фамиліи, но чаще совершенно произвольны. При раздѣленіи семьи члены ея усвоиваютъ себѣ клейма, имѣющія въ основаніи общее семейное клеймо, съ какимъ-нибудь незначительнымъ измѣненіемъ,

Завладѣніе. Предметами завладѣнія у Кореловъ бываютъ чаще всего сѣнокосные участки, потомъ пахатныя земли, рѣпнища (земля, на которой сѣется рѣпа), рыболовныя мѣста въ рѣкахъ, сѣно и т. п. Завладѣніе происходитъ, во первыхъ, вслѣдствіе задолжанія одного лица другому: тотъ, которому кто-либо оказывается должнымъ, завладѣваетъ собственностью послѣдняго, коль скоро тотъ не исполняетъ даннаго условія, заплатить взятое въ срокъ или оказывается несостоятельнымъ; во вторыхъ, при раздѣлѣ земель и вообще такихъ предметовъ, которыми пользовалось все общество. Какъ тутъ, такъ и тамъ, очевидно дѣйствуетъ право сильного, то-есть, кулаковъ и миродовъ. При этомъ, конечно, возникаетъ со стороны обиженныхъ неудовольствіе, а вслѣдствіе того и споры. Дѣла рѣшаются иногда втихомолку, только между заинтере-

сованными въ нихъ лицами; но большею частью такая частная сдѣлка оказывается несостоятельною и безсильною для того, чтобы рѣшить дѣло для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе выгодно; поэтому, въ большинствѣ случаевъ споры, возникающіе вслѣдствіе завладѣнія, рѣшаются миромъ или волостнымъ судомъ, и тутъ они, конечно, рѣшаются чаще въ пользу мироѣдовъ и булаковъ, чѣмъ въ пользу бѣдняковъ, по той простой причинѣ, что первые имѣютъ сильное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Дареніе. Даренія у Кореловъ бывають рѣдки и незначительны. Дарятъ, во первыхъ, во время гостѣбы, повторныхъ, во время вечеринокъ, третьихъ, въ случаѣ отъѣзда кого-нибудь на дальнее разстояніе и на долгое время, какъ напримѣръ, при отправкѣ въ рекруты, четвертыхъ, при неожиданныхъ встрѣчахъ и вообще при встрѣчахъ послѣ значительной разлуки, пятыхъ, при свадьбахъ. Дареніе во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ почти всегда безъ всякихъ формальностей и церемоній (кромѣ свадебныхъ даровъ). Даръ, полученный какимъ бы то ни было лицомъ, дѣлается его исключительнымъ достояніемъ, кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда онъ бываетъ значительно крупнѣе: тогда онъ поступаетъ въ общее пользованіе той семьи, къ которой принадлежитъ получающее его лицо.

Кладъ и находка. Кладъ въ глазахъ Кореловъ представляется тѣмъ же, чѣмъ онъ бываетъ обыкновенно въ глазахъ всякаго русскаго крестьянина, то-есть, онъ для нихъ—чудесное явленіе, представляющееся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и доступное очень немногимъ людямъ, именно только людямъ знающимъ какъ подойти къ нему, то-есть, знахарямъ и колдунамъ, да еще невиннымъ дѣтямъ. Необходимѣйшимъ условіемъ для усѣбнаго открытія клада и завладѣнія имъ считается еще то обстоятельство, чтобы онъ отыскивался однимъ лицомъ и былъ извѣстенъ только одному ему. Онъ можетъ объявить его и дѣлиться имъ съ кѣмъ захочетъ только въ послѣдствіи.

Находки въ большинствѣ случаевъ объявляются, хотя вознагражденіе получаютъ только лица, объявляющія какія-нибудь особенно важныя находки, и размѣръ его вообще не значителенъ: много-много-десятая часть найденнаго. Если при находкѣ случаются другія лица, то изъ находки часть дается имъ, но всегда

весьма незначительная. Что же касается случаевъ, когда находка не объявляется, а утаивается тѣмъ лицомъ, которое ее находитъ, то это строго осуждается обычаемъ. Если находка значительная, то хозяинъ жалуется на нашедшаго и требуетъ возвращенія вещи. На то лицо, которое удерживаетъ найденную вещь, какова бы ни была ея цѣнность, начинаютъ смотрѣть, какъ на малонадежнаго члена общества и причисляютъ его нерѣдко къ разряду воровъ. Мы приведемъ одно интересное рѣшеніе волостнаго суда, въ которомъ судьи руководились мѣстными обычаями при опредѣленіи правъ участниковъ въ дѣлежѣ добычи: случай, который даетъ содержаніе этому рѣшенію, по формѣ не совсѣмъ подходитъ подъ понятіе находки, но по сущности своей можетъ быть совершенно подведенъ подъ него.

Крестьянинъ Лехтинской деревни Прокопій Ильинъ жаловался на односельца своего Наума Гридина за неотдѣленіе имъ половиною части оленя, промышленнаго ими вмѣстѣ на пути для отысканія лошадей, и просилъ приказать Науму Гридину выдать ему половину туши оленя или причитающееся количество денегъ, и чрезъ то сдѣлать ему удовлетвореніе. На спросъ крестьянинъ Наумъ Гридинъ объявилъ, что онъ дѣйствительно подстрѣлилъ оленя, будучи въ пути съ Ильинимъ; но Ильинъ, не участвовалъ въ добычѣ, не имѣя никакого оружія, и между ними не было сдѣлано никакого условія, кромѣ того, что Ильинъ, при отправкѣ Гридина для стрѣльня, держалъ его лошадь; потому Гридинъ и не считалъ Ильина участникомъ въ подстрѣленномъ оленѣ. Крестьянинъ Ильинъ подтвердилъ, что у него дѣйствительно ружья не было, и онъ держалъ лошадь Гридина, которая люта пугать замѣченнаго оленя, а потому, на основаніи существующихъ обычаевъ, считаетъ себя въ прибрѣтленномъ оленѣ участникомъ; условія же предварительнаго не было, такъ какъ никто не зналъ объ этой добычѣ. Руководствуясь данными показаніями крестьянъ Гридина и Ильина, волостной судъ постановилъ: на основаніи существующихъ у насъ на сей счетъ обычаевъ, Гридинъ долженъ отдать третью часть промышленнаго оленя Ильину, а самъ пользоваться, какъ стрѣлецъ, первыми двумя; а какъ Гридинъ присовокупилъ, что въ оленѣ была туша не болѣе 2½ пудъ, и что она уже употреблена, то приказать Гридину, въ замѣнъ удовлетворенія Ильина

мясомъ, удовлетворить деньгами, по произведенной судомъ оцѣнкѣ— 1 р. 80 к.—шестидесятью коп.) (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 26-го августа 1867 г.).

Право наследованія. Власть и право распоряженія всѣмъ послѣ смерти старшаго въ родѣ переходить къ старшему его брату. Если же семья состоитъ изъ отца и сыновей, и когда отецъ умираетъ, то право распоряженія имуществомъ переходитъ къ старшему сыну, если нѣтъ въ семьѣ такого члена, хотя бъ и изъ младшихъ, который выдавался бы своимъ умѣньемъ вести дѣла и наживалъ бы болѣе прочихъ. Часто случается также, что дѣти послѣ отца раздѣляются, и мать не мѣшаетъ раздѣлу, а тоже принимаетъ въ немъ участіе: она получаетъ на свою часть корову, оцѣяло и нѣкоторыя вещи, также двѣ или три мѣры хлѣба.

Все имущество, оставшееся послѣ отца, дѣлится между сыновьями поровну. Если жъ одинъ изъ нихъ беретъ на себя обязанность кормить мать, то получаетъ большую часть, какъ видно изъ рѣшенія Вычетайбольскаго волостнаго суда 26-го іюля 1868 г., по коему одинъ братъ получалъ, при раздѣлѣ дома и службъ, сѣни, скотный хлѣвъ и *риачу* (гумно), а другой — только одну баню: первый взялъ на себя попеченіе о матери. Домъ иногда не дѣлятъ, а бросаютъ жребій, кому имъ владѣть; а иногда бываетъ и такъ, что не дѣля дома, отдають его которому либо изъ братьевъ, большею частью старшему, съ тѣмъ, чтобъ онъ выплатилъ остальнымъ сумму, причитающуюся на ихъ долю. Случается, что при раздѣлѣ одинъ сынъ захватываетъ большую часть и оттого возникаютъ частыя жалобы, съ которыми обращаются въ волостной судъ; послѣдній и восстанавливаетъ права обиженныхъ. Вотъ образецъ такого дѣла между братьями (по рѣш. Тунгудскаго волост. суда 3-го марта 1868 г.): Крестьянинъ Тунгудской волости, деревни Маслозера, Діанъ Петровъ Егоровъ жаловался на родного своего брата Мойсея Егорова въ самовольномъ раздѣлѣ и въ недачѣ на его часть причитающагося общаго имущества и просилъ по представленной, за подписомъ общества, описи взыскать выказанную въ описи часть, простирающуюся на сумму 76 р. 80 к. и по взысканіи удовлетворить его. Вслѣдствіе убѣжденія волостнаго суда братья Егоровы добровольно помирились на слѣдующихъ условіяхъ: Мойсей вознаграждаетъ Діана нынѣ же наличными день-

гами 6-ю рублями, а изъ причитающейся части имущества—сель-
дяныя зовушки и половину невода, одно ружье, одинъ нанвовый
кафтанъ и еще одинъ озерной неводъ пополамъ.

Изъ этого рѣшенія видно, что до раздѣла дѣлается опись иму-
щества, составляемая въ присутствіи общества и закрѣпляемая его
подписью. Эта опись и представляется въ судъ, какъ главное до-
казательство противъ несправедливости дѣлежя.

Сыновья, отдѣленные отъ семьи при жизни отца, не получаютъ
участія въ наслѣдствѣ послѣ смерти его; имущество остается въ
рукахъ однихъ не отдѣленныхъ. Сестра, при братьяхъ, имѣетъ право
на нѣкоторую часть отцовскаго имущества, какъ то видно изъ рѣ-
шенія Кестенскаго волостнаго суда 3-го января 1868 г. Этимъ рѣ-
шеніемъ судъ приговариваетъ братьевъ къ уплатѣ сестрѣ причитаю-
щейся ей части изъ наслѣдства; но какъ велика ея часть сравни-
тельно съ частями братьевъ—не видно изъ рѣшенія. Мы знаемъ
однако, что права сестры на наслѣдство меньше правъ ея брать-
евъ: такъ, она не имѣетъ права на участіе въ дѣлежѣ отцовскаго
дома.

Если нѣтъ сыновей, то отцовское имущество наслѣдуется до-
черью, помимо дядей или кавихъ-либо другихъ родственниковъ.
Сестра является иногда наслѣдницею послѣ брата. Въ рѣшеніи Тун-
гудскаго волостнаго суда 2-го іюля 1867 г. представляется слѣдую-
щій случай. Одинъ изъ двухъ братьевъ, подѣлившихъ между со-
бою отцовскій домъ, умеръ, и сестра получила часть дома, принад-
лежавшую брату, принявъ обязательство уплатить его долги.
Подобный случай находимъ въ другомъ рѣшеніи (Маслозерскаго
волостнаго суда 15-го февраля 1869 г.), которое приводимъ, какъ
не лишнее интереса: Крестьянская жена Подужемской деревни
Иринья Стенанова Артемьева просила объ удовлетвореніи ея иму-
ществомъ, оставшимся отъ родного ея брата, умершаго крестья-
нина Лежеской деревни, Дмитрія Костина; при смерти брата
она не была еще замужемъ и жила въ домѣ брата своего. Волост-
ной судъ съчелъ просьбу Артемьевой справедливою, потому что
братъ ея Дмитрій Костинъ, нынѣ уже умершій, при смерти оста-
вилъ ей свою часть изъ имущества, скота и изъ наличныхъ де-
негъ, а другую половину сиротамъ-племянникамъ и вдовицѣ. Де-
негъ въ ея части было 55 р. Рѣшено было: удовлетворить Артемьеву

слѣдующею ей частью изъ имущества и скота, изъ наличныхъ денегъ дать 30 р., а 25 р. оставить сиротамъ и на платежъ подаей за умершую душу.

Вдова отдѣленнаго сына не возвращаетъ имѣнія свекру, слѣдовательно, сама наследуетъ имущество послѣ своего мужа. Это бываетъ только тогда, когда она и ея умершій мужъ были повѣнчаны; въ противномъ же случаѣ имущество мужа отбирается его родными.

Молодая вдова не отдѣленнаго сына, бедѣтная, возвращается обыкновенно къ своимъ родителямъ. Если же она имѣетъ дѣтей, то получаетъ право на часть мужа изъ общаго семейнаго имущества, какъ то видно изъ большинства рѣшеній волостныхъ судовъ, возникавшихъ по дѣламъ этого рода. Впрочемъ, не всѣ суды рѣшаютъ такія дѣла одинаково: иные и отказываютъ вдовамъ въ полученіи наследства послѣ мужей. Такъ, Костомушскій волостной судъ (26-го сентября 1868 г.) отказалъ вдовѣ въ жалобѣ на ея деверя, который не далъ слѣдующую ей съ ея двумя дѣтьми часть, хотя она и представляла свидѣтелей, при которыхъ онъ обѣщался это сдѣлать. Это рѣшеніе какъ бы отвергаетъ право жены на наследство послѣ мужа; но за то въ большинствѣ другихъ случаевъ за вдовами вполне признается право на часть ихъ мужей. Приведемъ одно, болѣе подробное, рѣшеніе, которое представляетъ образецъ рѣшеній этого рода: Староста Ювалакпскаго сельскаго общества Никифоръ Торпиевъ объявилъ, что при раздѣлѣ семейства и имущества крестьянина деревни Ювалакши Дмитрія Попова и умершаго его брата Ипата Попова, Дмитрій Поповъ не далъ вдовѣ умершаго Ипата Агафѣ Семеновой Поповой изъ имущества и изъ капитала наличныхъ денегъ, коихъ было при раздѣлѣ 285 р., а нынѣ находится на лицо только одинъ кулъ муки и 10 четвериковъ ячменя. А потому староста Торпиевъ просилъ передать эту жалобу на рѣшеніе волостнаго суда о взыскаіи по закону съ Дмитрія Попова части изъ общаго имущества вдовѣ Агафѣ Семеновой Поповой. Волостной судъ постановилъ: по переспросѣ на словахъ просительницу Агафью Семенову и отвѣтчика Дмитрія Попова, которые объявили волостному суду, что дѣло это кончили между собою примиреніемъ, такъ что первый, Дмитрій, обязался дать послѣдней, Семеновой, 4 пуда муки и 8 четверика ячменя, а

прочее имущество и капиталъ раздѣлить пополамъ, съ тѣмъ, чтобы тепле nokон имѣла вдова, а не додѣланныя горницы надворотнїи Дмитрію Попову (рѣшеніе Ухтинскаго волостнаго суда 22-го апрѣля 1868 г.).

Иногда вдова не отдѣляется отъ семейства покойнаго мужа; такъ, изъ рѣшенїя Тунгудскаго волостнаго суда 13-го октября 1868 г. видно, что вдова живетъ съ своимъ сыномъ на хлѣбахъ, то-есть, на содержанїи своего деверя, который за то пользуется частью ея покойнаго мужа.

Если мужъ умираетъ и оставляетъ дѣтей отъ *второго брака* и второбрачную жену бездѣтною, то послѣдняя должна обыкновенно уходить отъ пасынковъ: съ ними ей не житье. Мачиха не имѣетъ права пользоваться имуществомъ, оставшимся отъ первой жены ея мужа; впрочемъ, иногда она захватываетъ это имущество, но судъ возстановляетъ права настоящихъ наслѣдниковъ, т. е. ея пасынковъ (рѣш. Маслозерскаго волостнаго суда 9-го февраля 1867 г.).

Если отъ перваго брака остаются дочери, то онѣ имѣютъ одинаковое право съ мачихой и ея дочерьми на пользованіе отцовскимъ наслѣдствомъ. Приводимъ рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 11-го августа 1868 г. по этому поводу: Крестьянинъ деревни Ухты Петръ Васильевъ Кеккіевъ жаловался на то, что поле пахотное его роднаго брата Макара Васильева Кеккіева было засѣяно въ 1868 г. рожью, одною мѣрою, крестьяниномъ Семеномъ Грангрутовымъ, который хотѣлъ воспользоваться всѣмъ урожаемъ и лишитъ части даже малолѣтнюю дѣвушку Макара Кеккіева; потому Петръ просилъ вознаградить пособіемъ для пропитанїя малолѣтнюю дѣвушку частью изъ урожая хлѣба отъ Грангрутова. Волостной судъ, по выслушанїи просителя и отвѣтчика, изъ собранныхъ свѣдѣній нашель, что жалоба крестьянина Петра Кеккіева оказалась справедливою а потому приговорилъ: изъ засѣяннаго Грангрутовымъ поля получить ему изъ урожая половину хлѣба и соломы, *другую же половину хлѣба и солому* получить женѣ Макара Кеккіева, Маланьи Кеккіевой съ дочерьми отъ первой жены и мужа ея; она должна отдѣлить отъ части своей половину дочерямъ мужа ея, Еленѣ и Матренѣ Макаровымъ Кеккіевымъ.

Солдаты, возвращающіеся изъ службы, принимаются въ семью съ правомъ пользоваться землею и подавать голосъ на сходѣ. Если

случится, что братья дѣлятся, и у нихъ въ это время одинъ братъ оказывается въ военной службѣ, то сему послѣднему сберегается всегда причитающаяся ему часть изъ всего раздѣленнаго наслѣдства. Вообще отставные солдаты, ихъ жены и дѣти принимаютъ въ наслѣдствѣ такое же участіе, какъ и другіе члены семьи.

Если бы кто-либо изъ родителей, умирая, завѣщалъ все имущество только кому-нибудь одному изъ круга своей семьи или избранному меньшинству ея, или дальнему родственнику при ближайшихъ, то въ такомъ случаѣ его завѣщаніе не только оспаривается, но часто признается недѣйствительнымъ и не приводится въ исполненіе потому, что здѣсь имѣютъ силу только такіа завѣщанія, по которымъ имущество распредѣляется между всѣми ближайшими наслѣдниками. Духовныя завѣщанія въ большинствѣ случаевъ выполняются строго. Они по большей части происходятъ на словахъ. Свидѣтелями при духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно бывають лучшіе изъ обывателей той деревни, гдѣ живетъ завѣщатель, и только въ рѣдкихъ случаяхъ духовныя лица.

Приводимъ рѣшеніе волостнаго суда, касающееся этого предмета (рѣшеніе Маслозерскаго волостнаго суда 9-го января 1867 года): Крестьянская жена Подужемской деревни Настасья Павлова просила на крестьянина Клементья Мартынова о воспрещеніи его отъ притѣсненія ей, такъ какъ онъ самовольно рѣшился рубить и ломать домикъ ея, предоставленный ей вдовою Авдотьей Пулловой въ вѣчное владѣніе. По единогласному рѣшенію волостнаго суда присуждено, что просьба, вдовы Павловой оказалась несправедливою, потому что умершая вдова Пуллова ей духовнаго завѣщанія на владѣніе домика никакого не оставила, и она никакого удостовѣренія на владѣніе не имѣетъ. А крестьянинъ Клементій Мартыновъ есть ближайшій родственникъ Пулловой и по приказанію волостнаго начальства постановилъ домовое мѣсто на линіи съ прочими домами, а потому и признанъ былъ вырубить заднюю часть этого домика.

Договоры и сделки. Хотя Корелы и не имѣютъ особаго пристрастія къ водкѣ, но тѣмъ не менѣе литки, вѣроятно, заимствованныя отъ Русскихъ, составляютъ необходимость при заключеніи покупокъ разныхъ вещей и скота и при совершеніи иныхъ сделокъ. Какъ и Русскіе, Корелы, при заключеніи договоровъ, даютъ

задатокъ. Задаткомъ служатъ какъ деньги, такъ и вещи, сѣно и т. п. Такъ, при заключеніи одного обязательства вспахать землю, дано было въ задатокъ 50 к. и 1 возъ сѣна (рѣшеніе Тунгудскаго волостнаго суда 22-го января 1867 г.).

Поручители отвѣтствуютъ, при неисполненіи договора, своимъ имуществомъ; съ нихъ взыскиваютъ то, что должно быть взыскано съ лица, за которое они поручились (рѣшеніе Кестенскаго волостнаго суда 27-го февраля 1867 г.).

У Кореловъ бывають также свидѣтели при заключеніи разныхъ сдѣлокъ. На необходимость ихъ во многихъ случаяхъ указываютъ рѣшенія волостныхъ судовъ.

При заключеніи сдѣлокъ употребляется рукобитье, которое состоитъ въ томъ, что договаривающіяся стороны полагаютъ другъ другу руки, обернутыя полою кафтана. Послѣ рукобитья договоръ считается заключеннымъ. Такъ, при заключеніи свадебнаго договора, договаривающіяся стороны, подавая другъ другу руки, говорятъ: „Кто нарушатъ это наше дѣло, съ того взыскать сто рублей штрафа“. Дѣйствительно ли нарушеніе этого договора влечетъ денежное взысканіе съ нарушившаго, или эти слова—одна форма, лишившаяся уже содержания, не извѣстно; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, которыми мы располагаемъ, нѣтъ ни одного дѣла, возбужденнаго по такому поводу.

Если при продажѣ или обмѣнѣ сдѣланъ былъ обманъ, то какая сдѣлка, сколько можно судить по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, не считается обязательною для обманутой стороны. Такъ, въ одномъ случаѣ, крестьянка обмѣнялась съ крестьяниномъ лошадью, но его лошадь оказалась негодною. По требованію обманутой, онъ взялъ ее лошадь назадъ, только взыскавъ 1 р. 50 к. за прокормъ, но и эти деньги возвратилъ, по убѣжденію волостныхъ судей (рѣш. Ухтинскаго волост. суда 18-го апрѣля 1869 г.). Въ другомъ случаѣ крестьянка купила 215 шведскихъ юбокъ, но когда пересчитали ихъ, по совершеніи уже договора и отдачѣ денегъ, то оказалось что юбокъ было только 199; обманувшій долженъ былъ вознаградить обманутую, хотя и не всѣмъ количествомъ сполна. Приводимъ это рѣшеніе, характеризующее довѣрчивость и простоту Кореловъ при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ: „Крестьянская вдова дер. Ювалакки Марья Васильева Митрофанова жалуется на то,

что въ бытность ея на Калянской ярмаркѣ въ февралѣ сего года она купила у крестьянина Прокопья Савельева Таликова, по сказанію его, 215 шведскихъ юбокъ, за которыя рядили по 1 р. за каждую, итого на 215 р. Эту сумму она и заплатила въ то же время сполна, но юбокъ она не сосчитала, а повѣрила на его совѣсть и положила юбки въ его амбаръ, гдѣ онѣ находились два дня или менѣе, она того не упомянуть. Когда онъ захоذилъ (то-есть, собрался въ походъ или въ путь домой), то приказалъ ей убрать юбки изъ его амбара прочь, и онъ тамъ взялъ онныя юбки, связанныя въ жучи, и перенесъ въ ея амбаръ безъ всякаго съ ея стороны счета. По утру Митрофанова взяла и велѣла пересчитать юбки крестьянину дер. Алозера Ефрему Ефремову, а сама пошла въ домъ для разныхъ необходимыхъ дѣлъ. Ефремовъ началъ считать, и юбокъ оказалось 199 штукъ. Онѣ были еще вновь пересчитаны три раза при крестьянинѣ Иванѣ Петровѣ, женкѣ Ульянѣ Торвиевой, и по счетѣ имъ, Ефремовымъ, онъ ей забылъ связать, сколько оказалось, а самъ поѣхалъ въ Финляндію, и ей спросить у Ефимова о томъ не случилось. Послѣ сего она взяла юбки, положила на воза и отправилась домой. По прибытіи, она сама начала пересчитывать, и по счетѣ оказалось юбокъ не 215, а 199 штукъ, при чемъ находились крестьяне Яковъ Васильевъ Андроновъ и Наумъ Ивановъ, и оставили такъ до прибытія Ефремова, который прибылъ изъ Финляндіи и тоже сказалъ, что дѣйствительно по его счету на Калянской ярмаркѣ оказалось не 215, а 199 юбокъ. Поэтому, значить, онъ, Таликовъ, сдѣлалъ противъ совѣсти своей обманъ, затаялъ 16 юбокъ, а деньги получилъ сполна 215 р. Митрофанова много разъ просила его, чтобъ онъ помирися, отдасть бы 16 р. за недостающія юбки. Но онъ, Таликовъ, отвѣчалъ, что юбки у него были всѣ сполна, и отказывался отъ платежа денегъ 16 р., а только обѣщалъ отдать ей въ волостномъ правленіи 8 р. Она и проситъ волостной судъ взыскать съ него деньги 16 р. сполна и тѣмъ ее удовлетворить. Между тѣмъ былъ спрошенъ крестьянинъ Таликовъ, который и объяснилъ, что онъ, дѣйствительно, продалъ Митрофановой, по просьбѣ ея, 215 штукъ шведскихъ юбокъ за 215 р., которыя и получила сполна; юбки же пересчиталъ при ней и ихъ оказалось 215 штукъ. Хотя онныя были въ его амбарѣ, но ключъ

былъ у нея на рукахъ, и по прошествіи одной ночи, по утру онъ поѣхалъ домой и нигуда юбокъ не переносилъ, а оставилъ въ ея амбарѣ, находящемся въ загѣдываніи. Юбокъ этихъ, по продажѣ ихъ и перечетѣ, онъ болѣе не трогалъ и не переносилъ нигуда, а потомъ отправился домой. При счетѣ юбокъ свидѣтелей у него никого не было; юбки эти онъ купилъ у крестьянъ Вокнаволоцкой волости и деревни Власа Фомина 66 штукъ, Семена Григорьева 18, Константа на Мокѣева 24, и своихъ было 107 штукъ, а всего 215 штукъ. Поэтому и просить Таликовъ освободить его отъ взысканія. По переспросѣ на словахъ просительница Митрофанова и крестьянинъ Таликовъ предъявили, что они дѣло относительно взысканія съ Таликова 16 р. кончили примиреніемъ между собою, такъ что Таликовъ обязался вдовѣ Митрофановой заплатить десять руб., а Митрофанова оставляетъ семь юбокъ, признанныхъ неполными, за Таликовымъ; и посему считать дѣло рѣшеннымъ“.

Случай мѣны у Кореловъ чаще всего бываютъ относительно домашнихъ животныхъ; касательно мѣны домашними животными приводимъ одно рѣшеніе Олангенскаго волостнаго суда: 1867 г. января 31-го волостной старшина передалъ на рѣшеніе суда письменное объявленіе крестьянина Кандаляшской волости Княже-губской дер. Василия Мокѣева, поданное на имя становаго пристава 3-го става, въ коемъ онъ жалуется на кр. Олангской волости Варталамбской дер. Федора Архипова, будто бы послѣдній, лѣтъ шесть тому назадъ, взялъ у Мокѣева собаку, способную для лѣсной охоты, за которую, по обоюдному согласію, обѣщался дать осенью того же года, по выбору Мокѣева, лучшую *важеницу* (самку оленя), въ свидѣтели чего представляеть 6 чловѣкъ Княже-губскихъ крестьянъ и старшину Зайкова; послѣ того онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Архиповымъ, который всякій разъ наввизалъ и обѣщался доставить ему важеницу и въ послѣдній разъ приносилъ извиненіе при старшинѣ Зайковѣ, но понинѣ не исполнилъ своего обѣщанія; а потому Мокѣевъ просилъ взыскать съ Архипова по совѣсти суда важеницу и за приплодъ въ теченіи 6 лѣтъ, въ которое время могъ быть расклюдить до 14 телятъ, стоящихъ 60 руб. сер. Отвѣтчикъ Архиповъ, являсь въ судъ, на распросы судей обѣдидъ, что онъ дѣйствительно взялъ собаку съ тѣмъ самымъ усло-

вѣемъ, какъ и въ объявленіи означено; но какъ Мокѣевъ, еще прежде взятія собаки, взялъ у Архипова кулъ муки и до настоящаго времени не заплатилъ, поэтому и Архиповъ не исполнилъ своего обѣщанія, а кромѣ того Мокѣевъ, призывая самъ себя должнымъ, не приходилъ и за важеницею, которую хотѣлъ самъ выбрать, но что, будто бы, при неоднократной встрѣчѣ съ нимъ Архиповымъ просилъ отдать важеницу и въ томъ поставилъ свидѣтелемъ старшину Зайкова, несправедливо. Старшина, на предложеііе суда, подтвердилъ показаніе Архипова, что хотя при немъ былъ разговоръ у Мокѣева съ Архиповымъ, но Архиповъ сказалъ: „принеси за кулъ деньги и приходи, выбирай важеницу, а собака уже давно пропала, въ тотъ годъ, какъ взялъ“; а потому Олангскій волостной судъ нашелъ просьбу Мокѣева вымышленною и какъ ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ вѣрныхъ фактовъ, опредѣлилъ: дѣло это оставить безъ послѣдствій, предоставляя самимъ тяжущимся разобраться между собою: одному отдать за кулъ муки, а другому—важеницу.

Когда нанимають какое-нибудь лице для отправленія той или другой работы, то выдаваемые при этомъ вадатки служатъ для выраженія вѣрности со стороны нанимателя, а иногда и нанимающагося. Если они даются первымъ послѣднему, то состоятъ почти всегда изъ денегъ или съѣстныхъ припасовъ, а когда даются послѣднимъ первому, въ такомъ случаѣ состоятъ изъ желѣзныхъ вещей, наприкладъ, рукавицъ, платковъ и т. п. Плата работнику дается и деньгами, и разными предметами первой необходимости. Въ Кестенгской волости, плата за различныя работы существуетъ слѣдующая: за день косяку отъ 25 до 45 коп., грабеѣ 10—20 коп., пахарю 15—30 коп., плотнику 25—50 коп., за шитье сапогъ изъ хозяйской кожи 15—25 коп.; женскій трудъ вообще цѣнится ниже мужескаго, хотя женщины нередко работаютъ не только не хуже мужчинъ, но даже лучше и скорѣе. Въ другихъ мѣстностяхъ Борелы заработная плата еще ниже, особенно въ неурожайные годы, какъ можно заключать изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Вотъ одно рѣшеніе волостнаго суда, изъ котораго можно видѣть, какъ мала была стоимость труда въ годъ 1867: Крестьянинъ деревни Ухты Иванъ Ивановъ Софроновъ жалуется на то, что 15-го мая пришелъ къ нему крестьянинъ дер. Ухты Тимофей

Марковъ Андреевъ, и онъ взялъ его, съ тѣмъ, чтобы съ 15-го мая по 8-е іюля работать ему безъ платы, только изъ хлѣба, а съ 8-го іюля по 29-е августа по 25 коп. за каждую недѣлю. Когда пришло сѣнокосное время, то онъ 8-го іюля ушелъ безъ всякаго отказа, самовольно, и еще взялъ въ счетъ платы съ 8-го іюля одинъ снопок соломы, 30 фунтовъ ржи и наличными деньгами 2 копѣйки, а всего на сумму 1 р. 42 к., которые деньги и проситъ Софроновъ взыскать съ Андреева или заставить отработать ему за нихъ 5 недѣль. Между тѣмъ крестьянинъ Тимоѣей Марковъ Андреевъ объявилъ, что онъ дѣйствительно пришелъ 15-го мая и пробылъ до 8-го іюля, работалъ ему, Софронову, ежедневно, и взялъ у него 30 фунтовъ ржи одинъ снопок соломы и 2 коп. денегъ въ счетъ платы съ 8-го іюля, но какъ онъ Тимоѣей, работалъ восемь недѣль, то 30 фунтовъ ржи, снопок соломы и 2 коп. денегъ онъ считаетъ заработанными. Вслѣдствіе сего волостной судъ рѣшилъ: взыскать съ крестьянина Андреева за рожь, за солому и деньги, всего 1 р. 42 коп. сполна и тѣмъ удовлетворить Софронова.

Въ обыкновенное время плата, разумѣется, нѣсколько выше, но все-таки крайне незначительна. Такъ, изъ рѣшенія Тихтозерскаго волостнаго суда 27-го декабря 1869 г. видно, что 10 дней работы оплачено 35 фунтами ржи. Изъ рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда видно, что за недѣлю работы платится 80 коп. За уборку хлѣба съ полей (рѣш. Юшкозерскаго волост. суда 10-го апрѣля 1867 г.) заплачено 1 р. 75 к. Приведемъ одно рѣшеніе, изъ котораго видна также стоимость труда по распашкѣ земли: Крестьянинъ деревни Лехты Егоръ Петровъ Фефеловъ жаловался на односельца своего Оому Каргуева, что онъ далъ ему, Каргуеву, по веснѣ 1866 г. денегъ 50 коп. и сѣна одинъ возъ по взятому имъ подряду выпакать въ томъ году три раза пашни, принадлежащія Фефелову, за что, сверхъ данной платы, Фефеловъ предоставляетъ Каргуеву, по надлежащемъ исполненіи подряда, скосить съ пожень его сѣно, что Каргуевъ не замедлилъ исполнить: не выполняя взятаго подряда вполнѣ, скошенное сѣно употребилъ весною въ свою пользу. Вслѣдствіе того, по сдѣланному спросу, оказалось, что Каргуевъ дѣйствительно взялъ подрядъ у Фефелова на паханіе его 'пожни' въ 1866 г. три раза, но вспахалъ ихъ только одинъ разъ, а не преминулъ скосить пожни Фефелова, хотя

взятый задатокъ 50 коп. и сѣна одинъ возъ употребилъ въ свою пользу. Потому постановили, что такъ какъ, по показанію обоихъ, съ поженъ снято сѣна шесть возовъ, то по обоюдному согласію, изъ числа шести возовъ отдать одинъ возъ Коргуеву за паханіе одного раза пашни Фефелова, а остальное предоставить во владѣніе просителю, а также оставить за Коргуевымъ задатокъ, полученный имъ отъ Фефелова.

Сроки найма рабочихъ начинаются и кончаются большею частью какими нибудь праздниками. Такъ на сѣнокосъ нанимаются или съ Иванова дня (24-го іюня или Петрова дня (29-го іюня), или, въ поздній годъ, съ Ильина дня, то до перваго Спаса (1-го августа), то до другого Спаса (6-го августа), то до Успеньева дня. На всю страду нанимаются то до Семенова дня, то до Рождества Богородицы, то до Воздвиженія. На осеніе рыбные промыслы нанимаются съ Воздвиженья, то до Покрова, то до Михайлова дня, то до Дмитріева дня (26-го октября). Работники и работницы также нанимаются на годъ; годовая плата имъ обыкновенно 10 руб. на хозяйскомъ хлѣбѣ и одеждѣ. Плату получаютъ по третямъ и полугодіямъ, иногда по окончаніи года. Но случается иногда и такъ, что проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока хозяинъ окончательно разчитается со своимъ работникомъ. Въ продолженіе этого времени хозяинъ выдаетъ работнику помелочи деньги на его надобности и вноситъ за него подати. Работникъ, не получая долго расчета, часто самъ не знаетъ, сколько онъ долженъ хозяину и сколько слѣдуетъ съ того получить. Этимъ иногда пользуются хозяева, чтобъ оставить работника вовсе безъ расчета (рѣш. Вокнаволоцкаго волостнаго суда 5-го января 1868 года).

Приводимъ одно небезинтересное дѣло о разбирательствѣ спора между хозяиномъ и его работникомъ. Крестьянинъ деревни Кундозерской Аванасій Богдановъ, являсь въ судъ, принесъ жалобу, что, Зашеечной крестьянинъ Ефимъ Кундозеровъ былъ отъ него, Богданова, нанятъ въ работники и отправленъ съ *райдою* (обозомъ) его оленей для передвиженія казеннаго хлѣба изъ Калгалакшскаго торговаго магазина въ Кундозерскій, помѣщенный при волостномъ правленіи въ деревнѣ Олангѣ. Платы Кундозерову ряжено 6 р. и впередъ выдано 60 коп. При отправленіи, Богдановъ, собравъ самъ своихъ оленей и со всею оленною упряжью, передалъ Кун-

дозерову, который и долженъ бы былъ также передать оленей обратно хозяину на руки, но Кундозеровъ этого не сдѣлалъ, а съ дороги оленей пустилъ въ лѣсъ, и Богдановъ, проискавъ оленей самъ цѣлую осень, едва могъ собрать ихъ. Кроме того, у Кундозерова не достало 4-хъ пудовъ хлѣба, везеннаго на оленяхъ Богданова, и съ него за хлѣбъ старшиною удержаны деньги изъ провозной платы 3 р. 88 к. Потому Богдановъ просилъ разобрать споръ и рѣшить по совѣсти суда. Вызванный вслѣдствіе жалобы Богданова, Кундозеровъ на спросъ суда показалъ, что дѣйствительно онъ былъ нанятъ работникомъ съ райдою оленей Богдановымъ за 6 р. для передвиженія казеннаго хлѣба изъ Калгалашни и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и свою райду, а по возвращеніи оттуда не сдалъ райды Богданову, потому что олени *оприставили* (устали), и онъ пустилъ ихъ съ воженицею въ лѣсъ за 5 верстъ отъ дер. Кундозера на мѣстахъ извѣстныхъ, зная, что олени не могутъ потеряться; притомъ Кундозеровъ пояснилъ, что олени Богданова и въ дорогѣ съ хлѣбомъ *приставали* (уставали), и онъ долженъ былъ перекладывать хлѣбъ на свою райду и нанимать чужихъ, а за недостающій хлѣбъ, принятый на оленей Богданова, 4 пуда, деньги взысканы съ него, Кундозерова, что подтвердилъ и старшина Зайковъ; на сдѣланное ему судомъ предложеніе Кундозеровъ добавилъ, что Богдановъ за перевозку на его оленяхъ хлѣба разчиталъ сполна за 80 пудъ, только зачтены подати первой половины за двѣ души 5 р. 65 коп., остальные же 10 р. 35 к. выданы на руки. По соображеніи сихъ обстоятельствъ Олангскій волостной судъ нашелъ, что жалоба Богданова несправедлива, а вымышленная, вѣроятно; для того, чтобъ избѣгнуть платежа причитающагося съ него по условію Кундозерову денегъ; тѣмъ болѣе уличаетъ онъ себя въ несправедливости жалобы, что первоначально слѣдовало бы жаловаться Кундозерову на несвоевременный разчетъ Богданова, но онъ, желая разобратся безъ суда, по совѣсти, не хотѣлъ утруждать суда и ждалъ добровольнаго разсчета; а потому судъ опредѣлялъ: причитающуюся Кундозерову плату 5 р. 40 к. и половину внесенныхъ имъ за утечу хлѣба 1 р. 94 к., всего 7 р. 34 к., взыскать съ Богданова и удовлетворить оными Кундозерова (рѣш. Олангскаго волостного суда 11-го декабря 1866 г.).

Родители не только могут отдавать своих не отдѣленныхъ дѣтей въ наемъ, но и получать плату за ихъ трудъ; такъ (рѣш. Тунгудскаго вол. суда 2-го апрѣля 1868 г.) одна крестьянка жаловалась, что крестьянинъ не отдастъ денегъ, заработанныхъ ея сыномъ, который былъ пастухомъ рогатаго скота. Судъ постановилъ: такъ какъ эти деньги рабочія и неспорныя, то выслать ихъ въ пользу просительницы.

Отдѣленныхъ смѣной родители сами нанимаютъ себя въ работу. Власть хозяевъ надъ работниками и работницами у Кореловъ выражается въ болѣе или менѣе смѣтенныхъ формахъ: такъ напримѣръ, хозяинъ можетъ только брать работника, но не бить. Если хозяинъ жестоко обращается съ работникомъ, то послѣдній уходитъ, и если забралъ плату впередъ или въ задатокъ, то не возвращаетъ ихъ. Впрочемъ, хозяева, при праждевременномъ оставленіи ихъ работниками и работницами, удерживаютъ иногда слѣдующую имъ плату, и такъ какъ хозяева бываютъ болѣею частію мѣроуды и заправители всѣхъ общественныхъ дѣлъ, то эта плата въ большинствѣ случаевъ такъ за ними и пролазаетъ, если только обиженные не осмѣливаются просить о томъ начальство.

Корелы нанимаются также къ поморамъ для морскихъ промысловъ. Иные изъ нихъ, какъ и Русскіе, идутъ на условіяхъ *покрута*, то-есть, изъ определенной части добычи; такимъ образомъ они зарабатываютъ въ лѣто отъ 30 до 50 р. Другіе нанимаются, какъ простые работники, за извѣстную плату. Мы имѣемъ одно письменное условіе, заключенное между Кореломъ, нанявшимся въ работники, и его хозяиномъ Русскимъ; по этому условію Корель обязывается идти на промыслы за 26 р., въ счетъ которыхъ онъ беретъ впередъ пять рублей для уплаты повинностей, пять пудъ хлѣба, комы, на сѣмена и на платье, всего до 15 р., а остальное по возвращеніи съ промысла (изъ книги договоровъ Вычегдаболскаго вол. правленія за 1869 г.). Какъ безчеловѣчно обращаются иногда хозяева Русскіе со своими работниками Корелами, видно изъ рѣшенія Маслозерскаго волостнаго суда 19-го февраля 1867 г. Вслѣдствіе объявленія крестьянина Сорочкой волости Матвѣя Елксеева о взысканіи съ крестьянина Афонинской деревни Иова Реніева 15 р., волостной судъ отобралъ показанія отъ крестьянина Иова

Решнёва, который не сознался должником Блиссеву и показал что хотя онъ и забралъ у Блиссеева да 15 р., но считаетъ себя не должнымъ, потому что находился у него въ услуженіи дома семь недѣль, и хованіемъ жаль его, больного да море и тамъ оставилъ въ становищахъ Трёхъ-Острововъ, такъ что тотъ едва не умеръ тамъ съ голоду. И воротился оттуда въ половинѣ июля съ пѣкрутъ, чинами; потому онъ считаетъ себя виновнымъ въ плапохѣ и вселъ Блиссеева насправедливимъ. Это показаніе представлено было про-свѣдѣлю Блиссеву, а возосиной дулк на дель его объявленіе спра-ведливимъ.

Многіе изъ Кореловъ, взявъ у богатыхъ коморовъ денегъ для рекрутской повинности, обязываются отработать изъ нѣскольке лѣтъ, камамѣръ, лѣтъ восемь, и камамъ обраамъ на весь этотъ срокъ забавляютъ себя ономъ хованіемъ.

При выборѣ и наймѣ пастуховъ въ Корелин употребляютъ что-ворать г. Калманъ, — многіе обрѣды, но въ чемъ они состоятъ, мы къ сожалѣнію сказать не можемъ. Мы знаемъ только, что тутъ участвуютъ колдуны, и пастухъ долженъ вынуть жаворостъ нѣ-скольке завѣтныкъ оловъ (такъ называемый *отпускъ оловъ*), и дол-женъ, кромѣ того, выконить всѣхъ обрѣды, которые ему пред-писывается выконять. Когда онъ въ первый разъ выконяетъ ста-до, то вся деревня, которая его наиняетъ, собирается провожать. Всѣ уходятъ за нимъ за деревню. Тамъ всѣ останавливаются. Короны при этомъ ставятся въ ряды. Около нихъ зажигаются огни, и къ огнямъ приносятъ нѣсколько ушатовъ воды. Кто-ни-будь изъ старшихъ вопросятъ все стадо водой, а кто-нибудь изъ молодыхъ дѣлаетъ при этомъ нѣсколько выстрѣловъ. Когда это кончится, вся процессія трогается съ мѣста. Впередѣ всѣхъ пастухъ гонитъ стада, а вслѣдъ за нимъ идутъ, по степени воз-раста, въ глубокомъ молчаніи и благоговѣніи, канавшіе его жители. Проводивъ его съ полверсти, они возвращаются одинъ по одному домой. Пастухъ здѣсь получаетъ 25—35 коп. за каж-дую корову въ лѣто. Есть онъ попеременно у всѣхъ жителей, че-редуясь по числу коровъ, то-есть, сколько у каждого домохозяина, коровъ, столько дней онъ и кормится у него. Пастухъ за скотину отвѣчаетъ здѣсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда скотина ушибает-ся или пропадаетъ совершенно изъ-за его оплошности и небреж-

*

ности, и когда на это есть свидѣтели. Если же не случится свидѣтелей, то пастухъ только увольняется отъ своей должности, но платы не лишается.

Такихъ церемоній, съ какими связывается должность пастуха, ни при какихъ другихъ случаяхъ болѣе не бываетъ. Это въ г-лазакъ Кореловъ самая важная должность, самое священное занятіе. Даже русскіе крестьяне поморы приглашаютъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, изъ глубины Корелы, пастуховъ, для того, чтобы тѣ, какъ знатоки дѣла, совершили отпускъ скота на пастбище.

Церковный сторожъ служить по выбору; но если выбранное лицо не можетъ почему-либо исполнять этой обязанности, напримѣръ, за отлучкою на морскіе промыслы, то нанимаетъ вмѣсто себя другое лицо. Плата при наймѣ бываетъ различная; по одному договору Шуэзерскаго сельскаго схода 24-го февраля 1869 г., нанимающій обязуется платить нанимающемуся 8 р. за исправленіе должности съ 1-го марта по 1-е октября.

У Кореловъ есть обычай отдавать на поддержку скотъ, какъ видно изъ рѣшенія Тунгудскаго волостного схода 29-го сентября 1868 года; но какія при этомъ заключаются условія—не известно. Даются на поддержаніе и вещи, напримѣръ, рыболовные сѣти. При уtratѣ ихъ взыскивается съ взявшаго на поддержаніе половина ихъ стоимости. Такъ, по рѣшенію Юшкозерскаго волостного суда 11-го сентября 1867 г., утопившій чужую рыболовную сѣть, въ 4 саж. длиною, присуждается къ уплатѣ сѣти въ 2 сажени.

Изъ всѣхъ видовъ ссудъ, существующихъ у Кореловъ, самый интересный—это ссуда сѣмянъ на посѣвъ. Корелы, при частыхъ неурожаяхъ, всегда очень нуждаются въ хлѣбѣ, и потому большая ихъ часть не можетъ запасти сѣмянъ на посѣвъ и должна бываетъ занимать у немногихъ имѣющихъ. Условія вознагражденія за ссуду дѣлаются крайне тяжелыя для берущаго; большею частью обявываются за занятое отдать половину урожая. Если хлѣбъ уродится хорошо, то само собою разумѣется, исполненіе этихъ условій кажется слишкомъ тягостнымъ для должниковъ, и они часто нарушаютъ свои обязательства; вслѣдствіе того возникаютъ нерѣдко въ волостныхъ судахъ дѣла по жалобамъ занемодавцевъ. Волостные суды, не смотря на то, что кредиторы представляютъ

респски своихъ должниковъ, рѣшаютъ обыкновенно такіа дѣла въ интересахъ этихъ послѣднихъ, заставляя тяжущіеся стороны помириться на болѣе справедливыхъ условіяхъ. Все-таки и по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ условія вознагражденія за ссуду довольно тягостны; именно, среднимъ числомъ, должникъ обязуется уплатить за четверикъ три четверика или дать соотвѣтствующее этому вознагражденіе деньгами. По одному рѣшенію (Ухтинскаго вол. суда 8-го августа 1868 г.), заимодавецъ просилъ взыскать съ должника не половину урожая, какъ было условлено, но двѣ пятыхъ; судъ приговорилъ его къ вознагражденію одною третью. Приводимъ еще два рѣшенія, также касающіяся этого предмета:

Крестьянинъ деревни Ювалаши Дмитрій Панфиловъ Поповъ принесъ жалобу на крестьянина Василья Попова въ томъ, что было имъ взято у послѣдняго, Попова, сѣмянъ ржи въ 1867 г. 6 пудъ на сумму 12 р. За эту рожь онъ обязался уплатить ему деньги въ Финляндіи, которыя и представилъ сынъ его, Викула, сыну Василья Попова 10 р.; но сынъ Василья Попова не принялъ денегъ отъ Викулы въ Финляндіи, а требовалъ весь долгъ, 30 р. Затѣмъ Василій Поповъ захотѣлъ самовольно сжать рожь Дмитрія Попова, посѣянную означенными выше сѣмянами, за долгъ 30 руб. Волостной судъ постановилъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, просителя и отвѣтчика: рожь, посѣянную 6 четвериками на полѣ Дмитрія Попова, выжать ему вмѣстѣ пополамъ съ Васиіемъ Поповымъ, и по выжатіи раздѣлить рожь, какъ зерномъ, такъ и соломою, поровну, потому что означенное поле было обработано и обсѣменено вмѣстѣ Васиіемъ и Дмитриемъ Поповыми. Что же касается сѣмянъ, данныхъ Васиіемъ Дмитрію Попову 6 пудъ, то Дмитрій обязанъ возвратить Васиію съ вознагражденіемъ изъ выжатой своей части ржи четвертою частью, что окажется по умолютъ, какъ зерномъ, такъ и соломою (рѣш. Ухтинскаго вол. суда 28-го іюля 1868 г.).

Крестьянинъ Тихтозерской деревни Трифонъ Петровъ, предъявилъ волостному суду, что крестьянинъ одной съ нимъ деревни Афанасій Прокопьевъ состоитъ ему должнымъ за купленную лошадь 7 р., и кромѣ того, за взятія имъ же, Прокопьевымъ, въ 1867 году ржанна сѣмена 2 четверика на 3 р. 50 к., которыя обязался уплатить къ 6-му декабря 1867 г., а въ случаѣ неуплаты

Прокопьевымъ на срокъ, урожай ржи снять поспѣвъ въ 1868 г., о чемъ представилъ подлинную росписку Прокопьева, который сѣмянъ и денегъ въ срокъ не представилъ. По осени же сего года ивъ сжато съ посѣянаго поля 16 четвериковъ и 30 кубамъ (копень) соломы; изъ числа копъ, согласно условію, слѣдуетъ ему, Петрову, получить 8 четвериковъ ржи и 30 кубачъ соломы. Въ числѣ ихъ получено имъ, Петровымъ, 4 четверика и заработано 10 дней за 35 фунтовъ, остальные же 3 и 5 фунт. ржи и 15 кубачъ соломы состоятъ за Прокопьевымъ, котораго Петровъ и просилъ взыскать. Противъ сей явки крестьянина Петрова должникъ Прокопьевъ объяснилъ, что сѣмена имъ у Петрова дѣйствительно были взяты, и росписка, въ коей объяснены условія, дана; въ число же долга имъ уплачено 4 четверика ржи и заработано 10 дней за 85 фунтовъ; за остальной же долгъ Петровъ обѣщался взять сына его въ работу на 3 недѣли. На это Петровъ объяснилъ, что хотя у нихъ и было это условіе, но Прокопьевъ его не исполнилъ. А потому волостной судъ опредѣлялъ: такъ какъ должникъ долгъ этотъ призналъ и за 3 пуда ржи и 15 кубачъ соломы деньги остались не уплачены вопреки заключенному условію и данной роспискѣ, то претензію крестьянина Петрова, какъ оказавшуюся справедливою и должникомъ не опровергнутую, удовлетворить и объявить имъ, чтобъ они лучше между собою *поладимъ* (рѣшенію Тиктозерскаго вол. суда 27-го декабря 1869 г.).

Если даются займы деньги въ небольшомъ количествѣ и на короткій срокъ, то нѣтъ обычая брать на нихъ проценты. При болѣе же значительныхъ займахъ платится 15%. Въ обезпеченіе уплаты долга на срокъ дается заимодавцу залогъ; такъ, по рѣшенію Тунгудскаго вол. суда 8-го сентября 1866 г., въ обезпеченіе уплаты 3 р. 50 к. долга дано 3 пуда ячменя. Заложенными вещами не позволено пользоваться до истеченія срока; по истеченіи же его неисправный залогодатель лишается заклада. Даютъ въ закладъ не только различныя вещи, какъ-то: одежду, мережи и т. п., но и землю. Приводимъ одно рѣшеніе Уктинскаго волостного суда 11-го іюня 1867 года: Крестьянинъ деревни Ухты-Кирьялъ Филипповъ Тихоновъ жаловался, что крестьянинъ Алексѣй Ефимовъ Еремѣевъ отобралъ у него самовольно сѣнокосныя пожни, и что, женши ему въ закладъ Еремѣевымъ за взятые имъ хлѣбные при-

пасы. Волостной судъ принялъ въ основаніе примиреніе между собою жалобщика Тиханова и отвѣтчика Еремѣева, по каковому пеня оставлена въ пользованіе Тиханову еще на четыре года.

Вотъ еще интересный видъ залога — залогъ вещей въ обезпеченіе уплаты за покраденное: По жалобѣ крестьянина деревни Ухты Никифора Иванова Митрофанова о покражѣ у него, по дорогѣ изъ Шуньги, въ деревнѣ Лусалмѣ, крестьяниномъ Вокнаволоцкой волости дер. Войппны Степаномъ Богдановымъ, 13 фунт. пеньки, волостной судъ рѣшилъ: за украденную пеньку 13 фунтовъ, по цѣнѣ 15 коп. за каждый, и того — причитается сумма 1 р. 95 коп.; за эту сумму Богдановъ положилъ Митрофанову въ залогъ до 29-го іюня сего года ситцевую поношенную рубаху, цѣною 75 коп., топоръ въ 25 к., небольшой кушакъ и сѣтку перстянке, цѣною 40 к., поношенныя *базилы* (сайоги) въ 25 к., съ тѣмъ, что если онъ можетъ представить деньги 1 р. 95 к. до 29-го іюня, то упомянутыя вещи можетъ получить обратно, а если не представитъ на срокъ, то упомянутыя вещи останутся въ пользу Митрофанова (рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 6-го марта 1867 г.).

Корелы иногда передаютъ свои сѣнокосныя и пахатныя участки другимъ въ вѣчное владѣніе, какъ свою полную собственность. Хотя въ Архангельской губерніи выкупъ земли государственными крестьянами еще не объявленъ, въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ Тунгудскаго волостного правленія мы нашли два договора о такой передачѣ. Приводимъ ихъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, Архангельской губерніи, 1-го мирового участка, Кемскаго уѣзда, Тунгудской волости, деревни Келавараки, государственные крестьяне Петръ Андреевъ Евтафеевъ и Федоръ Михайловъ Андроновъ заключили сіе условіе о томъ, что первый изъ насъ, Евтафеевъ, продалъ послѣднему, Андрееву, все свое наслѣдство — пахатныя поля, во первыхъ, большой ободъ, на который засѣвается 2 мѣры, вовторыхъ, ободъ Макарьевскій, — потому что проживаю самъ, большею частью, въ поморскихъ селеніяхъ, въ вѣчное владѣніе, а равно и сѣнокосныя участки на вараки Осиново-салмы въ трехъ мѣстахъ на 2 воза, на Вохтѣ-рѣкѣ, на Рѣдоручьѣ, на Березовомъ-ручьѣ, кочья на смолянѣ-ручьѣ 5 кучъ, готовое колѣе и жердѣе и оставшагося стараго лѣсу 30 деревъ и

связь до мосту за выраженную, по обоюдному согласію, цѣну десять рублей, которую и получить въ настоящее время всю сполна“.

„Я, нижеподписавшаяся, Кемскаго уѣзда, Тунгудской волости, деревни Машозера, крестьянская вдова Варвара Григорьева Михайлова, отдаю въ пользованіе *теребъ* (сѣнокосная чищенина), принадлежавшій мнѣ въ собственность съ давнихъ лѣтъ, крестьянину Степану Яковлеву Михайлову, какъ своему ближайшему родственнику, въ вѣчное владѣніе“.

Часто также сдаютъ земли во временное пользованіе, въ аренду. Вотъ подходящій сюда договоръ:

„1869 года мая 9-го дня. Мы, нижеподписавшіеся крестьяне Кемскаго уѣзда, Юшкзерской волости Леонтей Еремѣевъ и Никифоръ Николаевъ Мякушкинъ, заключили между собою условіе сіе въ томъ, что изъ насъ первый отдалъ послѣдному въ полное и неограниченное пользованіе принадлежащія Леонтію пахатныя и сѣнокосныя поля, находящіяся въ нашей Юшкзерской волости, тѣ самыя, которыя по дѣламъ и спискамъ общественнымъ записаны на его имя, срокомъ на пять лѣтъ, начиная съ сего 1869 года по 1874 годъ, съ правомъ Никифору Мякушкину засѣвать хлѣбъ и сѣно снимать въ свою пользу и ничѣмъ за это никому не дѣлиться, но съ тѣмъ, чтобы за пользованіе означенными землями платить ежегодно въ пользу Леонтея Мякушкина въ лѣтніе мѣсяцы по два рубля пятидесяти копѣекъ серебромъ, въ число копѣекъ при заключеніи сего условія за первый 1869 годъ получивъ всю сумму 2 р. 50 к. сполна; до истечения же пятилѣтняго срока Леонтій земель своихъ обратно требовать не можетъ и не долженъ, а если ему случится по обстоятельствамъ перейти для жительства въ свою деревню по истеченіи четырехъ лѣтъ, и онъ въ поляхъ тѣхъ встрѣтитъ нужду, тогда Никифору Мякушкину въ отдачѣ оныхъ на пятый годъ не препятствовать, но ни въ какомъ случаѣ ранѣе четырехъ прежнему хозяину не отдавать; въ чемъ и подписуемся“.

У Корель, въ иныхъ мѣстахъ, сѣнокосными участками пользуются попеременно, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, напримѣръ, лѣтъ черезъ пять, какъ то видно изъ рѣшенія Тунгудскаго волостного суда 10-го сентября 1867 г.

Иногда общество отдаетъ свободныя земли, напримѣръ, выморочныя, въ пользованіе отдѣльному лицу, съ тѣмъ чтобы оно упла-

чивало подати за известное число немущихъ душъ или взяло бы на себя какую-нибудь другую общественную издержку. Приводимъ одно интересное рѣшеніе Олангской волости 20-го августа 1867 года: Кандидатъ волостного старшины Алексѣй Никитинъ и сельскій староста Соколозерскаго сельскаго общества передали жалобу крестьянина Соколозерской дер. Макара Зайкова, который и самъ сего числа явился въ судъ и объявилъ, что онъ весною сего года у крестьянъ Ругозерской деревни, одного сельскаго общества, на сельскомъ сходѣ, собранномъ старостою, кортомилъ (бралъ въ аренду) выморочную землю—общественный сѣнокосъ, и выдавалъ за оную 2 р. 10 к.; болѣе этой цѣны не прибавилъ никто, и крестьяне согласились отдать ему, съ тѣмъ чтобъ онъ купилъ для возки подводъ обывательскій карбасъ и представилъ къ мѣсту на озеро Чупрингѣ при дер. Боровской, въ 7 верстахъ отъ Соколозера, что онъ и исполнилъ: карбасъ купилъ вмѣстѣ со старостою при крестьянахъ Соколозерской и Ругозерской дер. Мастнинѣ, Вдовинѣ, Серединѣ и Зайковѣ и представилъ на мѣсто; когда же время пришло косить, онъ, Макаръ Зайковъ, съ работниками самъ четверть отправился на кортомленный покосъ и выкосилъ близъ половины; въ тотъ же день, неизвѣстно съ какого повода, пришли на то же мѣсто племянники бывшаго старшины Еремѣя Зайкова съ работниками, въ числѣ 4-хъ человекъ, и потомъ самъ Еремѣй сталъ спорить: „Не уступлю; хотя до пяти рублей дойдемъ, а этотъ покосъ останется за мною“. Макаръ уступилъ и ушелъ съ поля, дабы чрезъ ссору не произошло драки (а у каждого въ рукахъ было орудіе—косы, топоры и грабли), и Еремѣй Зайковъ выкосилъ остальное сѣно, а скошенное Макаромъ склалъ въ свои зароды (стоги) и не хотѣлъ добровольно отдать ни сѣна, ни денегъ, завлеченныхъ имъ, Макаровымъ, за кортому; а потому просилъ возвратить ему деньги, отданныя за кортомный покосъ, и за 4-хъ человекъ, что они день употребили напрасно, по 50 коп. за каждого, всего 4 р. 50 к. и его удовлетворилъ бы Еремѣй или отдалъ бы все сѣно. Кандидатъ старшины и староста объявили, что по принесенной жалобѣ было сдѣлано дознаніе на мѣстѣ, въ бытность ихъ въ Ругозерѣ чрезъ распросъ крестьянъ на сельскомъ сходѣ, и по дознанію оказалось, что большая часть оправдываетъ справедливость жалобы Макара, а Еремѣя всѣ обви-

няють, что онъ, не спросивши общества, пошелъ косить сѣно, въ чемъ и былъ составленъ актъ. Отвѣтчикъ Еремѣй Зайковъ былъ призванъ въ волостной судъ и на разспросы присутствующихъ противъ жадебы истца показалъ, что хотя онъ не ваялъ въ короткому сѣнокосу, но хотѣлъ дать болѣе, чѣмъ Макаръ Зайковъ, который хотя и выдавалъ крестьянамъ 2 р. 10 к., но дѣла на сдѣлѣ будто бы не совершили, гдѣ былъ и онъ, отвѣтчикъ, но не торговался, такъ какъ окончательно не сдѣлали договору и никто болѣе не прибавилъ; послѣ же онъ, обдумавъ, хотѣлъ взять покось за себя и послалъ къ Макару вѣсть, не уступить ли Макаръ, а онъ прибавить, и хотѣлъ сдѣлаться съ Макаромъ на какой-то двухаловой сдѣлкѣ безъ общества, считая за обществомъ какой-то долгъ, и отдалъ ли Макаръ деньги, онъ не зналъ, и Макаръ послѣ послалъ къ нему вѣсть, что если прибавляется, то пускай къ нему пошлетъ прежде вѣсть, сколько прибавляется, и когда на прибавочную сумму Макаръ согласится, то пускай косить съ согласія общества; но между тѣмъ Макару вѣсти не дошло, и онъ, не спросившись общества, думая, что Макаръ согласенъ, рѣшился идти косить и всталъ уже въ тотъ же день Макара на полѣ; — желая болѣе прибавить цѣны, не хотѣлъ уступить. Волостной судъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, предложилъ помириться на обоюдной сдѣлкѣ, чтобъ одна сторона уступила, а другая чѣмъ-нибудь вознаградила первую, и Макаръ согласился на всѣ предложенія суда; напротивъ же Еремѣй ни на что не соглашался, видимо упорствуя и съ азартностью разсуждая: „хотя въ 25 р. и болѣе станетъ дѣло, но будетъ по моему“; не хотѣлъ разобраться и черезъ посредниковъ, говоря, что „покось общественный и долженъ быть за мною, общество болѣе мнѣ должно“; впрочемъ, не представилъ никакихъ доказательствъ на право завладѣнія покосомъ. Соображая всѣ эти обстоятельства, судъ нашелъ, что Еремѣй Зайковъ поступилъ вопреки закона, завладѣлъ безъ согласія общества чужою собственностью; Макара же Зайкова иску не имѣть полную силу и совершенно справедливо; а потому опредѣлялъ: выкошенное Еремѣемъ Зайковымъ сѣно отдать Макару, а Еремѣю внушить, чтобъ онъ не осмѣливался дѣлать сопротивленія, не надѣлся бы на свой карманъ, подъ опасеніемъ строгой ответственности по законамъ; затѣмъ дѣло окончательно прекратить.

Общакъ луговъ для покосовъ у Корель нѣтъ.

Рыбными ловлями Корель пользуются сообща; онѣ составляютъ собственность одной или нѣсколькихъ деревень. Подужемскими большими семужьими заборами пользуется заразъ вся деревня, къ которой онѣ принадлежатъ; другими же малыми заборами пользуются десятки дункъ черезъ каждые девять лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ, тони, принадлежащія известной деревнѣ, дѣлятся каждый годъ и отдаются ежегодно во владѣніе 12 ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ той деревнѣ (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 8-го января 1867 г.). Крестьяне иногда сами промышленно ловятъ рыбу въ своихъ участкахъ, иногда отдаютъ ихъ въ аренду своимъ же крестьянамъ или русскимъ поморамъ и короткими деньгами дѣлать по ревизскимъ душамъ.

Лѣсныя избышки строятъ нѣсколько человекъ сообща, какъ видно изъ рѣшенія Погосскаго вол. суда 12-го февраля 1868 г., по которому такая избышка принадлежала четверемъ владѣльцамъ, и плата за ея сожженіе была между ними раздѣлена поровну.

Артельное начало у Корель находитъ себѣ своеобразное примѣненіе? въ торговлѣ: мы говоримъ объ артеляхъ, существующихъ для равной торговли съ Финляндіей. Артели эти устриваются на различныхъ основаніяхъ. Иногда человекъ 10 складывается вмѣстѣ, каждый вноситъ сколько можетъ, а именно отъ 40 до 100 р., и одного изъ артельниковъ отправляютъ въ Петербургъ или Москву для закупки товара. Товаръ этотъ привозится въ Финляндію и тамъ продается членами артели, изъ которыхъ каждый, по продажѣ, получаетъ часть выручки; величина этой части пропорціональна количеству внесенныхъ въ общій капиталъ денегъ. Но чаще дѣлается такъ, что одинъ изъ замѣтныхъ Корельцевъ, закупивъ въ Москвѣ или Петербургѣ какого товара, собираетъ артель, которой и раздаетъ товаръ для продажи въ Финляндію. На этотъ товаръ дѣлается надбавка въ пользу закупившаго до 20%. Собирающій артель беретъ на свою отвѣтственность, если товаръ будетъ конфискованъ; если жъ одинъ изъ членовъ артели скроется съ своимъ товаромъ, то убытокъ раскладывается на всю артель. Мы приведемъ нѣсколько рѣшеній, наиболѣе важныхъ для характеристики этой торговли вообще, а въ особенности для отношеній членовъ артели между собою и къ собирающему артель:

Крестьяне Вокнаволоцкой волости, общества и селения Яковъ Васильевъ Андроновъ, Ананій Ѳедоровъ Ремшуевъ и Андрей Павловъ Ремшуевъ объявили споръ для рѣшенія волостного суда о томъ, что въ 1865 г. для торговли въ Финляндіи положили: первый 284 р., второй и третій вмѣстѣ 376 р., всего 660 р.; распорядились торговлей двое первые. Первый жалуется, что имъ получено изъ суммы 119 р. и въ остальномъ счету не сдѣлано, а послѣдніе двое, что недополучили 116 р. Разсмотрѣвъ тяжбу, волостной судъ нашель, по собственнымъ показаніямъ тяжущихся, что крестьянинъ Яковъ Андроновъ не получилъ изъ торговли въ Финляндіи 165 р.; а Ананій и Андрей Ремшуевы получили сполна свои деньги, данныя въ торгъ, и даже излишне 12 р. 50 к.; а потому рѣшили: не явившуюся сумму 165 р. и 12 р. 50 к., всего сто семьдесятъ семь р. пятьдесятъ коп., раздѣлить на три части, что и приходится на каждаго по 59 р. 17 к., и взыскать въ удовлетвореніе Якова Андропова съ Ананія Ремшуева 59 р. 17 к., а съ Андрея Ремшуева тоже 59 р. 17 к. (рѣшеніе Вокнаволоцкаго вол. суда 16-го ноября 1867 г.).

Крестьянинъ дер. Ухты Иванъ Елисеевъ Григорьевъ жаловался на то, что крестьянинъ одной съ нимъ деревни Потапъ Филипповъ Аванасьевъ пригласилъ его для *мѣстной* (общей) торговли въ Финляндіи, далъ ему товара на сумму 435 р. и положилъ на оныя процентовъ по $17\frac{1}{2}$ коп. на рубль, въ суммѣ 76 р. 12 к., а всего 511 р. 12 к.; онъ, Григорьевъ, эту сумму выручилъ и представилъ ему, Аванасьеву, сполна, и онъ, Аванасьевъ, отобралъ означенныя деньги и не далъ болѣе Григорьеву никакихъ товаровъ и такъ лишилъ его всякихъ выгодъ и оставилъ его, Григорьева, на мѣто безъ хлѣба и безъ платежа податей. Поэтому Григорьевъ просилъ взыскать съ Аванасьева изъ процентовъ и другого по торговлѣ прихода 44 р. $6\frac{1}{2}$ к., и тѣмъ его удовлетворить. Крестьянинъ Потапъ Аванасьевъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно пригласилъ Григорьева въ свою артель торговать, согласно его просьбѣ, и далъ ему сумму для торговли 435 р. и положилъ процентовъ по $17\frac{1}{2}$ к. на рубль, что онъ, Григорьевъ, обѣщался уплатить мнѣ сполна; въ случаѣ же, если начальство захватить товаръ, то изъять Аванасьевъ принималъ на себя. Когда Григорьева потребовали на службу въ свое мѣстожительство на должность сельскаго старо-

сты, онъ, Григорьевъ, 25-го декабря, по отправкѣ домой разчитался съ Аванасьевымъ сполна, и послѣдній далъ ему также и часть барыша, причитающагося ему по торговлѣ 18 р. 57 к. А какъ у нихъ осталось наличныхъ денегъ 750 р., и какъ онъ, Григорьевъ, пошелъ домой, Аванасьевъ далъ ему изъ причитающейся оной суммы 3 р. и притомъ сказалъ ему, Григорьеву, что сынъ его у него, Аванасьева, годенъ служить только за половинную плату, а Аванасьевъ ему даетъ полную плату, что будетъ причитаться на каждого человѣка; онъ, Григорьевъ досталъ отъ Аванасьева о Паскѣ на сыновнюю часть сверхъ половины, какъ Аванасьевъ обѣщалъ дать—плату за цѣлаго человѣка 23 р. Но какъ одинъ изъ артели крестьянинъ Федоръ Дорощеевъ, который безъ Аванасьева былъ нанятъ артельщиками, унесъ съ товаромъ сумбу на 50 р., то послѣдній взялъ 20 р. со всей артели, а не съ одного Григорьева, а 30 р. взялъ изъяну на себя, когда ему, Аванасьеву, вовсе не слѣдовало принимать на себя ни одной копѣйки; притомъ Аванасьевъ пояснилъ, что всѣ тамошніе крестьяне, бывшіе на торговлѣ, платили торгующимъ крестьянамъ по 17 коп. на рубль, такъ равно и онъ бралъ не выше другихъ, тоже по 17 коп., а потому просилъ отъ взыскапія 44 р. 6 коп. освободить, потому что какъ онъ, Аванасьевъ, не далъ ему, Григорьеву, впередъ денегъ въ долгъ, то онъ по власти хотѣлъ взыскаіть. Волостной судъ рѣшилъ: такъ какъ Григорьевъ самъ согласился платить Аванасьеву по 17 коп. съ рубля и просилъ его, чтобъ онъ только взялъ столько процентовъ и допустилъ торговать въ артель, и послѣ, отправляясь домой, былъ разчитанъ Аванасьевымъ сполна, что ему слѣдовало, какъ и показали свидѣтели. Потому Григорьевъ просить несправедливо и совершенно ложно, такъ какъ всѣ торгующіе крестьяне въ 1866 г. брали по 17 коп., какъ и Аванасьевъ (рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 30-го іюня 1867 г.).

Корели не составляютъ сами артелей для морскихъ промысловъ, но поступаютъ рабочими къ поморамъ въ русскія артели, для промысловъ на Мурманскомъ берегу; поступаютъ они на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Русскіе, то-есть, изъ опредѣленной части добычи, какъ было сказано выше.

Общія помочи бывають у Кореловъ при постройкѣ домовъ, и эти

помочи состоятъ въ томъ, что помогаютъ цѣлою деревнею выводить гнѣ строющемуся.

II.

Уголовное право.

Немногія лѣта, писавшія о Кореляхъ, ваяляютъ совершенно различныя мнѣнія о ихъ нравственныхъ качествахъ, особенно о ихъ склонности къ преступленіямъ, а также, разумѣется, и взглядъ ихъ на преступниковъ.

Вотъ что говоритъ о Кореляхъ г. Михайловъ въ своей „Очеркахъ природы и быта Вѣлморскаго края Россіи“: „Я не желалъ бы жить съ этими людьми, еще не вышедшими изъ полудикаго состоянія. Встрѣтиться съ ними въ лѣсу и безъ ружья не совсемъ безопасно: разомъ прихлопнуть и ужь другъ друга не выдадутъ. Совершается ли въ иномъ корельскомъ селеніи преступленіе уголовного характера—трудно, а иногда и не возможно бываетъ открыть преступника. Каждый на допросѣ будетъ говорить подъ присягою (присягѣ же Корелики, какъ раскольники, не придаютъ никакого значенія): „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, а между тѣмъ всему селенію преступникъ извѣстенъ. У нихъ установилась даже какаго-то безобразная общественная вендетта. Разъ, въ одномъ селеніи, во время слѣдствія по дѣлу объ укрывательствѣ дезертировъ, явился одинъ Корелякъ съ доносомъ. На другой же день вечеромъ его нашли убитымъ близъ того дома, въ которомъ помѣщалась коммиссія: доносчика убили изъ-за угла“.

Это мнѣніе, составленное подъ вліяніемъ тяжелаго непосредственнаго впечатлѣнія, не имѣетъ за себя особенно вѣскихъ доказательствъ и основано на предубѣжденіи, раздѣляемомъ и русскими поморами. Г. Максимовъ, авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Надо замѣтить, что поморы считаютъ Корелей людьми, готовыми во всякое время совершить преступленіе—огрabitъ, зарѣзать, челоуѣка. Воображеніе поморь, напуганное далью и безвѣстностью корельскихъ болотъ, или лучше всего, злые языки придумали повѣрье такого рода, что будто для Кореляковъ ничего нѣтъ проще и обыкновеннѣе

выраженіи: „положить въ озеро“, не смотря на то, что это выраженіе отзывается самымъ нечеловѣчнымъ, самымъ варварскимъ смысломъ“. Г. Максимовъ указываетъ при этомъ на поджигательные факты, опровергающіе такое мнѣніе, а именно: что торгующіе поморы возвращались изъ дальнихъ корельскихъ деревень, въ полномъ благополучіи и необворованіи.

Къ заключенію, согласному съ мнѣніемъ г. Максимова, приходитъ и г. Чубинскій, выводы котораго основаны на статистическихъ данныхъ. Въ своей статьѣ о Корелѣ, на которую мы уже имѣли случай сослаться, онъ говоритъ слѣдующее: „Чтобы дать понятіе о нравственности Кореляковъ, я приведу данныя о преступленіяхъ за пять лѣтъ. Всѣхъ преступленій въ Корелѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, совершено 39, въ томъ числѣ: кражъ 5; воровство-мошенничество 1; самовольное лѣсопребленіе 22; нанесеній личной обиды 6; изнасилованій 2; покушеніе на убійство 1; неповиновеніе властямъ 1; пристанодержательство дезертировъ 1. Если исключить изъ этого числа случаи самовольной порубки, то число преступленій уменьшится на 17-ть, то-есть, въ годъ около 3-хъ преступленій, или одно преступленіе на 5500 душъ. Это какъ нельзя болѣе доказываетъ хорошее состояніе нравственности Кореляковъ. Кражъ собственно — одна въ годъ на 16.000 человѣкъ! Кажется, это говоритъ какъ нельзя болѣе о честности Кореляковъ“.

Таблица г. Чубинскаго, основанная на данныхъ уѣздныхъ судовъ и уголовной палаты, не даетъ еще понятія о распространеніи между Корелами мелкихъ преступленій и проступковъ, которые также необходимо имѣть въ виду при составленіи сужденій о нравственности народа. Поэтому мы приводимъ таблицу о числѣ и родѣ преступленій въ Корелѣ, разбившихся волостными судами, составленную по самимъ рѣшеніямъ этихъ судовъ:

ПРЕСТУПЛЕНИЯ.	Число преступлений въ 1867 году.							
	Общее число случаев прииме- ны къ суду.	Ч и с л о л и ц ъ					Подвергну- тыхъ наказа- нію.	
		Оправданныхъ судомъ за не- виновитѣ до- казательства.	Проченныхъ истцами.	Не подвергну- тыхъ судомъ уголовному на- казанію.	Оставленныхъ въ подворваніи.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	
Оскорбленіе и явное неуваженіе къ волостнымъ судьямъ и вол. и сельскимъ властямъ . . .	4	—	—	—	—	4	—	
Неявка въ волостной судъ	1	—	—	—	—	1	—	
Ложное показаніе въ судъ	1	—	—	—	—	1	—	
Бродяжничество безъ письменнаго вида . . .	1	—	—	—	—	1	—	
Оскорбленіе родителей словомъ	2	—	1	—	—	1	—	
Побои, нанесенныя постороннимъ лицамъ . . .	3	1	2	—	—	—	—	
Оскорбленіе словамп	3	—	—	—	—	4	—	
Разстройство хозяй-ства, пьянство и пр. . .	2	—	—	—	—	2	—	
Неисполненіе обяза-тельствъ	1	—	—	—	—	1	—	
Кража хлѣба съ полей и присель	1	—	—	—	—	1	—	
Кража хлѣба и съ ѣст-ныхъ припасовъ	2	—	1	—	—	—	1	
Кража денегъ	2	—	—	—	—	1	1	
Кража вещей	3	—	1	—	—	2	—	
Увозъ сѣна и соломы	5	—	—	5	—	1	—	
Убіеніе оленей, коровъ и другихъ животныхъ . . .	3	—	2	4	—	—	—	
Самовольный уводъ жи-вотныхъ	3	—	—	4	1	—	—	
Присвоеніе чужихъ ве-щей	1	—	—	1	—	—	—	
Захватъ поженъ	2	—	2	—	—	—	—	
Самовольное пользо-ваніе чужими рыболов-ными угодьями	1	—	—	—	—	1	—	
Захватъ движимаго иму-щества	2	—	—	—	—	4	—	
Итого	43	1	9	14	1	25	2	

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число преступлений въ 1868 году.							
	Общее число случаев призначенія къ суду.	Ч и с л о л и ц ѣ .					Наказанныхъ.	
		Оправданныхъ	Судомъ за неимѣніемъ доказательствъ	Прощенныхъ истцами.	Неподвергнутыхъ судомъ уголовному наказанію.	Осталенныхъ въ позорнѣннѣ	Мужчинъ.	Женщинъ.
Оскорбленіе и явное неуваженіе къ волостнымъ судьямъ и сельскимъ властямъ	6	—	—	—	—	6	—	
Неявка въ судъ	2	—	—	—	—	2	—	
Ложное показаніе въ судѣ	1	—	—	—	—	—	1	
Ложная жалоба	1	—	—	—	—	1	—	
Буйство на сходѣ	1	—	1	—	—	—	—	
Самовольное переселеніе	1	—	—	—	—	1	—	
Продажа водки на дому	1	—	—	—	—	1	—	
Отказъ въ продовольствіи жены и дѣтей	1	—	—	—	—	1	—	
Недача престарѣлымъ родителямъ содержанія	1	—	—	—	—	1	—	
Оскорбленіе родителей словами	2	—	—	—	—	2	—	
Драка	1	—	—	—	—	—	1	
Нанесеніе побоевъ	9	—	3	—	—	4	2	
Оскорбленіе словомъ	4	—	2	—	—	—	2	
Пожогъ	1	—	—	—	—	1	—	
Кража хлѣба съ полей и прясель	2	—	—	—	—	1	1	
Кража хлѣба и съставаго	9	—	—	—	—	10	3	
Кража денегъ	4	—	—	—	—	2	2	
Кража вещей	8	2	1	—	—	6	2	
Увозъ сѣна и соломы	4	—	—	1	2	5	1	
Воровство — мошенничество	4	—	—	—	—	5	—	
Кража рыбы изъ мѣрежъ	1	—	—	—	—	—	1	
Укрывательство воровъ	1	—	—	—	—	—	1	
Убіеніе оленей, коровъ и другихъ животныхъ	8	1	1	4	—	10	1	
Присвоеніе чужихъ вещей	1	—	1	—	—	—	—	
Итого	74	3	9	5	2	59	18	

Изъ этой таблицы видно, что общее число случаевъ привлеченія къ суду въ 1867 г. было 43, а число лицъ, привлеченныхъ къ суду, 52; въ 1868 г. общее число случаевъ 74, а число привлеченныхъ лицъ 96. Эти цифры нѣсколько измѣняютъ выводъ г. Чубцискаго на счетъ нравственности Кореловъ. Надо еще прибавить, что въ наши таблицы не вошли данные о числѣ преступленій, совершенныхъ Корелами Поньгамской и Керетской волостей, такъ какъ ихъ нельзя было выдѣлить изъ общаго числа преступленій, совершенныхъ вмѣстѣ съ Русскими. Преступленія противъ собственности составляютъ главную часть общаго числа преступленій у Кореловъ; такъ, въ 1867 г. число случаевъ привлеченія къ суду по преступленіямъ такого рода было 26, въ 1868 г. 45. Изъ нашей таблицы видно также, что общее число преступленій въ 1868 году значительно увеличилось противъ 1867 года, именно почти въ 1,75 раза; особенно увеличилось число преступленій противъ собственности — похищенія хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, убіеніе оленей въ пищу. Увеличеніе преступленій такого рода есть слѣдствіе сильнаго неурожая 1867 г., отразившееся главнымъ образомъ въ первой половинѣ 1868 года, а не во второй половинѣ 1867 г., потому что окончательное истощеніе запасовъ хлѣба и обнаруженіе голода послѣдовало именно въ началѣ 1868 года. На это обстоятельство указываютъ многія рѣшенія волостныхъ судовъ. Приведемъ, какъ образецъ, одно изъ нихъ, лучше другихъ мотивированное: Воннаволоцкій волостной старшина передалъ въ волостной судъ донесеніе Воннаволоцкаго старосты 2-го апрѣля о слѣдующемъ случаѣ: Крестьянская жена Кенасъ-озерскаго общества и деревни Афирмья Гераеянова Липкина заявила ему, что на дняхъ сдѣлано похищеніе, неизвѣстно кѣмъ изъ амбара, безъ всякаго взлома, денегъ около 18 р., и должно быть, изъ съѣстныхъ припасовъ, но сколько опредѣлить не могла. Вслѣдствіе этого староста произвелъ изслѣдованіе 27-го марта и открылъ, что крестьянинъ той же деревни Семень Трофимовъ Липкинъ и *дядина* (жена дяди) его, крестьянская жена той же деревни Афирмья Семенова Липкина, по приказанію мужа крестьянина Алексѣя Липкина, сдѣлали это похищеніе. Изъ ихъ сознанія видно, что они всѣ имѣли крайнюю нужду въ пищѣ. Сперва Семень подалъ совѣтъ идти воровать съѣстнаго, а потомъ Алексѣй приказалъ женѣ своей Афирмьѣ идти въ товари-

щи, и они двое вечеромъ пошли къ амбару Афімьи Герасимовой Липкиной, зная, что въ немъ есть богатство; но когда нашли амбаръ запертымъ, то Семень Липкинъ влѣзъ изъ окна въ амбаръ и оттуда подавалъ дядинѣ овсяной крупы около 5 фунтовъ, пшена 5 фунт., ячменя 20 фунт. и рыбы 3 сига, да еще увидѣлъ въ незапертомъ и незакрытомъ коробу кошелекъ, въ которомъ оказались серебряныя деньги, онъ и это подхватилъ съ собою. Все это принесли домой и сейчасъ стали варить кашу, а деньги Семень бросилъ на столъ и сказалъ: „Тутъ вотъ и деньги естъ!“ Эти послѣднія дѣлили такъ: на долю Афімьи отсчитали 9 р., изъ коихъ Алексѣй подхватилъ себѣ еще 1 р. Съѣстное же положили не дѣлить, а употреблять вмѣстѣхъ. Затѣмъ отдали старостѣ тогда же обратно почти все съѣстное и денегъ 14 р. 40 к. Видя такое сознаніе и чистосердечное раскаяніе, онъ передалъ все это просительницѣ Афімьѣ Герасимовой Липкиной; она просила на уплату остальныхъ денегъ, съѣстныхъ припасовъ и убытковъ взыскаъ 5 р. 20 копѣекъ. Первые согласились въ уплату отдать, а послѣдняя взять корову и все дѣло этимъ кончить. Далѣе староста заключаетъ, что хотя это дѣло не составляетъ важнаго преступленія, но нельзя сдѣлать такого снисхожденія, чтобы не опредѣлить виновнымъ какого-либо наказанія для предупрежденія на будущее время подобныхъ пакостей, а потому онъ представилъ волостному правленію на распоряженіе. Волостной же старшина при этомъ донесеніи передалъ отобранныя по сему дѣлу отъ похитителей письменныя показанія, которыя сходны съ донесеніемъ старосты, исключая того, что Алексѣй Липкинъ отпирается отъ сдѣланнаго старостѣ сознанія о приказаніи женѣ воровать. Волостной судъ разсмотрѣлъ дѣло о похищеніи, которое оцѣнивается на сумму 20 р., и призналъ виновными крестьянина Семена Липкина въ прямомъ похищеніи денегъ и вещей по крайней нуждѣ, въ чемъ добровольно сознался и принесъ раскаяніе, крестьянина Алексѣя Липкина въ направленіи къ сему похищенію жены его Афімьи Семеновы, въ чемъ они передъ судомъ также сознались и принесли раскаяніе, и кромѣ того, все почти похищенное возвратили. Волостной судъ рѣшилъ: Семена Липкина наказывать розгами 20-ти ударами, Алексѣя Липкина тоже 30-ти ударами, а крестьянскую женку Афімью Липкину подвер-

гнуть заключенію подъ арестомъ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, на строгомъ содержаніи, на 6 сутокъ при волостномъ правленіи; затѣмъ сельскому старостѣ ихъ общества имѣть особо строгій надзоръ за ихъ впредь поведеніемъ; для удовлетворенія же потерпѣвшей отъ сего преступнаго содѣянія Афимѣ Герасимовой Липкиной за недостающую сумму 3 р. 60 к. и убытковъ 2 р. 30 к. согласно всѣхъ ихъ обоюдному согласію, отдать ей, просительницѣ, корову.

Изъ разныхъ видовъ преступленій противъ собственности особенно замѣчательно убійство домашнихъ оленей, какъ преимущественно распространенное и имѣющее мѣстный интересъ. Часто это преступленіе совершается непреднамеренно, такъ какъ ручные олени пасутся иногда вмѣстѣ съ дикими, и охотники на разстояніи выстрѣла не могутъ отличить дикихъ оленей отъ ручныхъ, заклепленныхъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ существуютъ у Кореловъ обычая и даже сдѣланы между крестьянами различныхъ обществъ договоры — не взыскивать за такое не преднамеренное убійство; но часто бываетъ также, что убиваютъ оленей съ умысломъ и скрываютъ убитое. Приводимъ рѣшенія волостныхъ судовъ, гдѣ разбираются такіа дѣла:

1) Крестьяне Олангской волости деревни Соколозерской Егоръ Серединъ и Макаръ Зайковъ жаловались, что ковдскіе крестьяне Ефимъ Ильинъ съ товарищами, будучи въ мартѣ 1864 г. въ лѣсахъ своихъ дачъ для промысла дикихъ оленей, въ числѣ ихъ застрѣлили изъ ружей, принадлежащихъ Зайкову и Середину, 8 ѣзжалыхъ ручныхъ оленей, почему они и просили взыскать съ виновныхъ за каждого оленя по 11 р., всего 88 р. Отвѣтки, крестьяне Ковдской волости, показали, что они дѣйствительно подстрѣлили при охотѣ на дикихъ оленей въ своей лѣсной дачѣ, 4-хъ оленей, въ числѣ ихъ ѣзжалыхъ ручныхъ оленей, неизвѣстно кому принадлежащихъ, но совершенно безъ всякаго умысла, такъ какъ, производя эту промышленность, стрѣляя оленей на разстояніи отъ 70 до 140 маховыхъ сажень, не имѣли они возможности различить ѣзжалыхъ оленей отъ дикихъ, а тѣмъ болѣе въ большихъ стадахъ; въ застрѣливаніи же другихъ 4-хъ оленей они совершенно невинны; потому и не признаютъ себя виновными къ платежу взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ, такъ какъ ежегодно слу-

чается, что крестьяне Олангской волости, при промыслах на лѣсныхъ оленей, принадлежащихъ крестьянамъ Ковдскаго селенія и даже въ лѣсной дачѣ послѣднихъ, убиваютъ ручныхъ оленей, но о взысканіи жалобы не подаются по издавна заведенному обычаю. Изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается: первое—что ковдскіе крестьяне Ефимъ Ильинъ съ товарищами подстрѣлили 4-хъ ѣзжалыхъ оленей неумышленно, а при промыслѣ, въ числѣ дикихъ оленей, такъ какъ нельзя отличить ихъ на дальномъ разстояніи и въ большихъ стадахъ, притомъ и самый промыселъ производили въ дозволенное для промысла зимнее время, въ своей дачѣ; второе—въ застрѣливаніи другихъ 4-хъ оленей отвѣтчики не признались и со стороны истцовъ Середина и Зайкова уликъ и доказательствъ не представлено; и третье—на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту, застрѣливаніе ѣзжалыхъ оленей ненамѣренно, при промыслахъ, въ совокупности дикихъ не поставляется въ вину и не дѣлается вознагражденія. А потому волостной судъ, признавая показаніе ковдскихъ крестьянъ Ефима Ильина къ оправданію ихъ достаточнымъ, постановилъ жалобу ихъ оставить безъ послѣдствій.

2) Крестьянинъ Кандалакской волости, Княже-губской деревни, Иванъ Мокеевъ жаловался на крестьянина Олангской волости, Ругозерской деревни Петра Середина, въ томъ, что онъ, съ товарищемъ Сорвановымъ сыномъ Иониномъ, застрѣлилъ намѣренно въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго гола, у Талвантъ-озера, двухъ оленей и одну важенцу, по убитіи коей скрылся и теленокъ. Объ этомъ извѣстны всѣ крестьяне Ругозерской деревни, и Мокееву сознался сынъ Петра Середина; самыя же шкуры оленей находятся у Середина. Поэтому Мокеевъ просилъ побудить Середина возвратить, вмѣсто убитыхъ оленей и ушедшаго теленка собственныхъ; въ противномъ случаѣ взыскать за оленей 17 р. и за теленка 2 р. На спросъ судей отвѣтчикъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ съ товарищемъ на промыслѣ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, смежныхъ съ княжегубскими крестьянами на волоку Матка-неми, у озеръ Толванъ-озеро и Мямозеро и застрѣлилъ неумышленно ручныхъ оленей вмѣсто *дикарей*, но не считаетъ себя виновнымъ и несогласенъ платить за нихъ, потому что въ прежнее время, изстари, какъ и всѣ ругозерскіе крестьяне подтверждаютъ, у нихъ

заведенъ былъ порядокъ и у стариковъ еще съ князегубскими крестьянами сдѣланъ договоръ, что если бы на тѣхъ мѣстахъ и князегубскіе крестьяне убили ручныхъ оленей, принадлежащихъ ругозерскимъ, то они не спрашивали за нихъ убытковъ, а считали бы дикарями, такъ какъ тамъ промыселъ дикихъ оленей общій. А потому судъ опредѣлилъ: дѣло это оставить безъ послѣдствій (рѣшеніе Олангскаго вол. суда 10-го марта 1867 г.).

Подобное же дѣло, по иску князегубскихъ крестьянъ, производилось также и 12-го іюля того же года, и рѣшено, какъ преддущее, потому что отвѣтчикъ, тотъ же Серединъ, снова объяснилъ, что онъ убилъ оленей не умышленно, а завѣдомо дикарей, промышляя въ тѣхъ мѣстахъ, назначенныхъ для промысловъ, дикихъ оленей, а кормленные тамъ не ходятъ, и сослался на договоръ.

Убийство оленей преднамѣренное, а также и ловля оленей въ неуказанное лѣтнее время, влечетъ за собою наказаніе, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Олангскаго волостнаго суда 1869 г. 28-го января: Крестьянинъ Боровской деревни Савва Архиповъ предъявилъ волостному суду жалобу слѣдующаго содержанія: Купленная имъ въ д. Соколозерской у крестьянина Зайкова въ лѣтѣ минувшаго года важеница (самка олена) отлучилась изъ его, Архипова, стада и послѣ найдена была въ Китенскомъ обществѣ въ стадѣ кр. Василья Яголаева, который, зная, что важеница принадлежитъ ему, Архипову, передалъ для доставленія по принадлежности бывшему въ гостяхъ въ д. Сеннозерѣ кр. Арсенію Исакову, который по принадлежности ея не доставилъ, а объявилъ Архипову, будто бы она не могла слѣдовать за его оленемъ, а потому онъ ее отпустилъ съ дороги, на волоку, между дер. Сеннозеромъ и Шапкозеромъ, на пространствѣ четырехъ верстъ; между тѣмъ истецъ, узнавъ, что Исаковъ, не доѣзжая Шапкозера, отдалъ *шну* (игна—самка олена) встрѣтившемуся крестьянину для доставленія Яголаеву окровавленною; поэтому, истецъ полагалъ, что важеница не ушла, а умышленно убита имъ, и просилъ учинить законное разбирательство. Волостной судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, мнѣніемъ положилъ, что Арсеній Исаковъ дѣйствительно не отпустилъ, а убилъ или застрѣлилъ важеницу, тѣмъ болѣе, что, по завѣренію крестьянъ д. Боровской, онъ не-

однократно былъ замѣчаемъ въ равнинѣхъ похищеніяхъ при лѣсныхъ промыслахъ, какъ-то въ — постановленіи *сильсѣ* въ лѣтнее время, для улова оленей, когда они бывають гонимы комарами; въ доказательство крестьяне привели, что видали у него при домѣ подобныя слѣды, и олени каждагодно терялись, какъ у боровскихъ крестьянъ, такъ и въ сосѣднихъ деревняхъ; при словесномъ же состязаніи, хотя Исаковъ не признался ни въ одномъ поступкѣ, но самъ предложилъ Архипову получить важеницу; поэтому судъ призналъ его виновнымъ, а потому опредѣлилъ: за убитую или недостававшую важеницу Исаковъ долженъ отдать собственную, а какъ прежде замѣченнаго въ проступкахъ, въ примѣръ другимъ, наказывать розгами 20 ударами, объявивъ виновному, что не имѣеть права апелляціи, рѣшеніе же привести въ исполненіе на сходѣ.

Изъ рѣшенія Олангскаго волостнаго суда 1-го декабря 1868 г. видно, что два крестьянина застрѣлили оленя и важеницу, шкуры которыхъ были найдены и возвращены истцу. По объясненію изъ они сдѣлали это съ голоду. Судъ постановилъ: чтобы не было ими совершено и въ другой разъ того же самаго и не поданъ дурной примѣръ другимъ, одного наказывать розгами, а другаго, за старостью, арестомъ, денегъ же 13 р. за ихъ бѣдность не требовать, а вмѣсто того они обязались отдать истцу на 8 лѣтъ одинъ изъ своихъ сѣнокосовъ.

По словамъ г. Чубинскаго, пьянства въ Корелѣ совершенно нѣтъ. На всю Корелу одинъ кабакъ въ Панозерской деревнѣ Погосскаго общества. Что же касается до привозимыхъ изъ Финляндіи рома и водки, то они привозятся въ небольшомъ количествѣ лицами, ведущими торгъ въ Финляндіи¹⁾. Приводимъ извлеченіе изъ рѣшенія Маслозерскаго волостнаго суда 7-го декабря 1867 г., гдѣ упоминается о существованіи въ Корелѣ продажи водки на дому:

Крестьянинъ Абрамовъ жаловался, что онъ былъ у пр. Яковлева, купилъ у него вина на 24 коп. и отдалъ 1 рубль; сдачи же не только не получилъ, но еще былъ подвергнутъ побоямъ. Волостной судъ, рассмотрѣвъ жалобу Абрамова, призналъ ее справедливою, а крестьянина Яковлева виновнымъ: 1) въ томъ, что, состоя должнымъ 75 к., не далъ слѣдующей сдачи, и поэтому пригово-

¹⁾ Труды Арх. Стат. Ком., 1865 г., кн. 2-я, стр. 11.

рилъ взыскать деньги въ пользу истца Абрамова; 2) въ томъ, что Яковлевъ нанесъ побой Абрамову и производилъ самовольно продажу вина, черезъ что происходить ссоры и драки, подвергнуть наказанію розгами 15-ью ударами, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ самовольствъ и проступковъ и въ примѣръ прочихъ врестьянъ.

Изъ преступленій противъ народнаго здоровья самое извѣстное и распространенное есть подмѣшиваніе песку въ хлѣбъ, сдаваемый въ общественные магазины; виновные подвергаются, какъ видно по многимъ, касающимся этого предмета, рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, наказанію розгами, арестомъ или употребленіемъ въ общественныя работы.

По словамъ г. Михайлова, у Кореловъ распространено укряпательство дезертеровъ, которые проживаютъ въ семьѣ Кореляка, выдавая себя за какого-нибудь родственника хозяина.

Корелы считаются своими сосѣдями-поморами за большихъ колдуновъ, да они и сами увѣрены въ своей силѣ и знаніи. Вотъ что говорить по этому поводу г. Максимовъ: Повѣрье о напускѣ скорбей съ Корелы во всемъ поморѣ общензвѣстно и имѣетъ даже давнишнее историческое значеніе. Давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, Чудское племя, къ которому безспорно принадлежатъ и Корелы, славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были и въ Новгородѣ, призываемы были и къ управленію Грозному царю, и жили при дворѣ царя Бориса. Даже и въ настоящее время Корелы наивно, простосердечно, съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ истину передачи, завѣщаютъ при смерти вѣдомые имъ наговоры, заговоры и чарованья довѣреннымъ лицамъ, большею частью, конечно, роднымъ своимъ. Съ другой стороны существованію въ настоящее время подобнаго страннаго повѣрья много способствуетъ вѣра и самихъ поморовъ, которые всѣ свои болѣзни морскія приписываютъ исключительно порчѣ не столько злаго духа, сколько злобѣ какого-нибудь ликаго человѣка изъ Корелы. Съ *вѣтру* (говоря выраженіемъ поморовъ) приключается имъ и колотье во всемъ тѣлѣ, особенно въ составахъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ *стрѣля* и *стрѣль*; тому же напуску съ вѣтру приписываютъ они и всѣ разнородныя проявленія скорбута и другія болѣзни и простосердечно увѣрены, что только Корель, сдѣ-

лавшіи это или просто изъ личнаго удовольствія, отъ педего дѣ-
лать, или даже изъ мести, можетъ выгнать эту болѣзнь при по-
средствѣ заклинаній на вѣтра и на четыре стороны, въ видѣ ли
сажи, песку, мелко изрѣзанныхъ волосъ, щетины морскаго звѣря
и проч., смотря по произволу колдуна. Также точно охотно зоветъ
поморъ колдуна Корела (или лучше, самаго плутоватаго изъ это-
го вообще неразвитаго, добраго племени) на свадьбу для отпуска,
на погребеніе покойника, скоропостижно умершаго, или иногда и
просто погвбшаго на промыслѣ. Корелы, въ этомъ случаѣ, по
грустному факту въ жизни русскаго человѣка, замѣняютъ для по-
моровъ ту роль, которую поддерживаютъ еще до сихъ поръ плу-
ты-цыгане въ дальнихъ отъ Архангельской губерніяхъ Россіи ¹⁾.

III.

Общественный бытъ, судъ и расправа.

Корелы относятся къ чиновникамъ иначе, нежели Лопари; по-
слѣдніе боятся ихъ и раболѣпствуютъ передъ ними, тогда какъ
Корелы относятся къ нимъ крайне недружелюбно и держатъ
себя съ достоинствомъ.

Мірскія сходы у Кореловъ, сколько можно судить по книгамъ
приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, не имѣютъ ничего
оригинальнаго, носятъ, такъ сказать, оффиціальныи характеръ.
Приговоры волостныхъ сходовъ всѣ очень похожи одинъ на дру-
гой: въ большинствѣ случаевъ они составляются по поводу рас-
кладки государственныхъ податей и мірскихъ сборовъ, распредѣ-
ленія хлѣбныхъ ссудъ, выбора въ общественныя должности и пр.

На содержаніе обывательскихъ станцій дѣлается денежный сборъ,
и иногда передается подрядъ одному или нѣсколькимъ лицамъ.
Иногда отправляютъ гоньбу всѣ крестьяне общества, желающіе
принять участіе въ ней. Случается, что крестьяне одной деревни
не допускаютъ крестьянъ другой къ участію, и потому возникаютъ
споры, представляемые на рѣшеніе волостныхъ судовъ. Вотъ од-
но такое рѣшеніе Погосскаго волостнаго суда 12-го января 1867

¹⁾ Годъ на Сѣверѣ, стр. 154.

тогда: Крестьяне Погоской деревни предъявили о разобраніи ихъ просьбы по случаю недопущенія ихъ къ отправленію гоньбы на Погоской обывательской станціи. По рѣшенію волостныхъ судей опредѣлено: Погоскую обывательскую станцію оставить на обществѣ и въ отправленіи почтовой гоньбы принять всѣхъ желающихъ крестьянъ деревень Погоской и Мандерской.

Отбываніе рекрутской повинности въ разныхъ волостяхъ устроено различно. Олангская волость пользуется привилегіей, какъ и Лопари, платитъ за каждого причитающагося рекрута 150 р. Ухтинская волость дѣлаетъ на рекрутскую повинность общественный сборъ. Остальныя волости отбываютъ эту повинность натурой; не желающіе идти въ рекруты закабаливаютъ себя богатымъ поморамъ, которые даютъ денегъ на взносъ, какъ было сказано выше.

При выборѣ въ общественныя должности руководствуются правилами, установленными закономъ. Кажется, предпочитаютъ выбирать болѣе достаточныхъ, такъ какъ у нихъ въ обычаѣ нанимать вмѣсто себя другого для исправленія должностей, въ которыхъ это не возбраняется закономъ, напримѣръ, церковнаго сторожа, вахтера, полѣсовщика и пр. Наемъ этотъ совершается за различную плату; такъ напримѣръ, изъ сдѣлокъ Шуезерскаго волостнаго правленія видно, что за исправленіе должности караульщика магазиновъ въ годъ условлено платитъ 22 р., церковнаго сторожа 8 р., вахтера 38 р. При этомъ договаривающіяся стороны условливаются, что съ нанимающаго слагается вся отвѣтственность по должности; иногда прибавляется условіе, что нанимающійся, въ случаѣ болѣзни или смерти, долженъ передать обязательство своимъ родственникамъ.

Недостатокъ рабочихъ рукъ въ семьѣ считается уважительною причиною къ освобожденію отъ выбора въ должность; иногда при перечисленіи качествъ, которыхъ требуетъ законъ для выбора въ должность, прибавляется, что выбранный имѣетъ въ семьѣ достаточно работниковъ. Иногда недостаточныя лица, выбранныя въ какую-нибудь общественную должность, просятъ у міра себѣ жалованья, ссылаясь на бѣдность, и міръ исполняетъ ихъ просьбу, если находитъ ее достойною уваженія.

По причинѣ безграмотности своей и бѣдности, Корелы нерѣдко становятся безгласными жертвами ими же избранныхъ лицъ.

Случается, что бѣдныя Кореляки въ иной годъ не могутъ уплачивать сполна и въ срокъ казенныя подати и получаютъ отсрочку до будущаго болѣе благоприятнаго времени. Заплативъ эти деньги, бѣднякъ благодаритъ Бога, что Онъ помогъ ему расквитаться. Но бываетъ, что какой-нибудь сельскій староста употребляетъ въ свою пользу эти деньги и доноситъ начальству, что по разнымъ причинамъ онъ не могъ собрать денегъ. Слѣдовательно, бѣдному Кореляку снова надобно платить деньги: ему нечѣмъ доказать прежнюю уплату безъ росписокъ или тому подобныхъ документовъ. Жаловаться начальству на такое притѣсненіе весьма трудно, потому что надобно ѣхать изъ дому за нѣсколько сотъ верстъ, а подобное путешествіе для бѣдняка стоитъ слишкомъ много.

Касательно обычаевъ Корель, относящихся до суда и расправы, мы можемъ сказать только немногое.

Изъ судебныхъ доказательствъ можемъ указать только на одно особенное: это—клейма, которыми помѣчаются ручныя олени, а также и другой домашній скотъ, и которые служатъ иногда уликою въ совершеніи преступленія, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ дѣлѣ (рѣшеніе Тихозерскаго вол. суда 17-го января 1869 г.): Крестьянинъ Тихозерской волости и деревни Ѳедоръ Потаповъ и Ѳедоръ Ѳедоровъ объявили жалобу о причиненныхъ имъ убыткахъ крестьяниномъ Михеємъ Аванасьевымъ: первому, Потапову, застрѣленіемъ въ огородѣ за 4 версты отъ выселка Малви ручнаго оленя, шкура котораго найдена случайно у Аванасьева и по клейму принадлежитъ Потапову; мясо же Аванасьевымъ, должно быть, употреблено въ пищу; объ этомъ знали его домашніе жена Лукерья и сынъ Осипъ, который былъ съ нимъ при застрѣленіи,—второму, Ѳедорову, убитіемъ тайно овцы, что доказалось найденною у него въ избѣ овечьей шкурою, принадлежащею по клейму Ѳедорову. Кромѣ того, предъявилъ еще претензію на него же, Аванасьева, крестьянинъ Тихозерской деревни Ѳедоръ Ѳомиинъ Ѳедоровъ о покражѣ имъ по лѣту на озерѣ Тихозерѣ, поставленныхъ для промысла рыбы, 5 сѣтокъ, въ чемъ Аванасьевъ признался и оныя возвратилъ. Поэтому истцы просятъ о взысканіи съ него за оленя 3 р., за овцу 75 к. и о поступленіи съ нимъ за помянутыя поступки по законамъ. Такъ какъ по симъ дѣламъ

крестьянинъ Аванасевъ, сынъ его Осипъ и жена Лукерья чисто-сердечно признались въ поступкахъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, то волостной судъ постановилъ: крестьянина Аванасева, крѣзь похитившаго у трехъ лицъ въ разное время чужую собственность, наказать розгами пятнадцатью ударами, жену его Лукерью и сына Осипа за необъявленіе о его поступкахъ и участіе въ оныхъ, выдержать подъ арестомъ при волостномъ правленіи трое сутокъ; за причиненные же убытки 3 р. 75 к. предоставить просителямъ взять его въ заработки или взыскивать съ него по возможности, при хорошемъ урожайномъ годѣ.

У Кореловъ есть обычай, чтобы свидѣтели, призываемые въ волостной судъ для показаній, получали вознагражденіе отъ отвѣтника за потраченное время.

Форма судебныхъ рѣшеній: грѣхъ пополамъ—встрѣчается и въ рѣшеніяхъ корельскихъ волостныхъ судовъ въ случаѣ утраты вещи, данной на подержаніе, въ случаѣ недостатка доказательствъ. Такъ, по одному рѣшенію, утопившій чужую сѣть обязывался вознаграждать ея хозяина половиною такой сѣти.

Если по какому-нибудь дѣлу является нѣсколько отвѣтниковъ, на которыхъ наложено взысканіе, то въ случаѣ смерти одного изъ нихъ съ оставшагося въ живыхъ взыскивается все-таки только часть, причитающаяся на его долю. Это видно изъ слѣдующаго рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 24-го сентября 1867 года: Крестьянинъ Тунгудской волости, Шуезерскаго общества, Лѣхтинской деревни Дороевъ Ильинъ жалуется на такого же Леонтя Егорова Гридина, въ замученіи его лошади, взятой подъ увозъ сѣна, будучи работникомъ у хозяина, крестьянина той же деревни Василья Петрова Богданова, и просить за измученную Гридинымъ до смерти лошадь, стоящую ему тридцать руб., взыскать съ того деньги. Изъ показанія крестьянина Степана Савельева Андропова видно, что онъ наѣхалъ по дорогѣ, которой ѣхали работники Богданова съ сѣномъ, на мальчика и издыхавшую лошадь, принадлежащихъ крестьянину Дороеву Ильину, изъ которыхъ послѣдній оставленъ безъ всякой долженствующей быть со стороны взрослыхъ помощи, безъ огня, хлѣба и безъ платья, не смотря на ужасный холодъ и усталость мальчика и лошади. Оттуда мальчика, на разстояніи 10 верстъ отъ деревни, Андроновъ взялъ, а лошадь

осталась, по видимому, избитою до усталости на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее оставили работники Богданова. Крестьянинъ Леонтій Гридинъ въ опроверженіе сего показалъ, что они дѣйствительно были за сѣномъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Лѣтнеконечкой деревни Григорьемъ Евсеевымъ, нынѣ умершимъ, который былъ работникомъ у того же хозяина, и сыномъ Ильина Михайломъ, на трѣхъ лошадяхъ; лошадь же Ильина пропала отъ неизвѣстной причины, такъ какъ ей не дѣлали никакихъ побоевъ, она просто устала и потому была выпряжена изъ-подъ воза и оставлена въ лѣсу вмѣстѣ съ мальчикомъ; вздохла же она на слѣдующій день. Принимая въ соображеніе показаніе Андропова и отзывъ Гридина, судъ нашелъ, что Гридинъ и Евсеевъ, какъ взрослые, должны были заботиться о попеченіи какъ лошади, такъ и мальчика, а не оставлять ихъ на произволъ судьбы; къ тому же наѣхавшій Андроновъ нашелъ лошадь избитою; а потому единогласно опредѣлено въ числѣ взыскаваемой Ильинымъ за лошадь суммы тридцати руб. обязанъ уплатить Гридинъ десять руб., а остальные двадцать руб., за смертью Евсеева, отнести къ убытку Ильина.

Потрава скотомъ поженъ и полей есть очень обыкновенная причина жалобъ и исковъ. Если скотъ сдѣлалъ поправу по винѣ самого истца, не сдѣлавшаго огорода къ своимъ полямъ, то его оставляютъ безъ вознагражденія. Если жъ это вина отвѣтчиковъ, которые не смотрятъ за своимъ скотомъ и не поручаютъ его пастуху, то они должны вознаграждать истца тою суммой, какая приведется до оцѣнкѣ поправы; если нѣсколько головъ скота, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, сдѣлали поправу, то требуемая сумма вознагражденія раскладывается по числу головъ. Если виновата отчасти и та, и другая сторона, то выбирается средній путь, примиряющій ихъ интересы, напримѣръ, вмѣсто платы за поправу отвѣтчики обявляются выкосить на слѣдующій годъ сѣно на поправленной поженѣ истца въ пользу послѣдняго.

Сообщаемъ числомъ данныя о подвергнутыхъ наказанію по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ въ Корелѣ въ 1867 и 1868 гг.: Розгами наказано: мужчинъ 46, женщинъ 7; арестомъ 34; общественными работами 1, денежными взысканіями 11, внушеніемъ и выговоромъ 4, удаленіемъ изъ общества 1, всего 104. Какъ разнообразны наказанія за однородныя преступленія, разбиравшіяся въ

корельскихъ волостныхъ судахъ въ тѣ же 1867 и 1868 гг., видно изъ слѣдующей таблицы, заключающей въ себѣ данныя о преступленіяхъ противъ собственности:

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число наказаній.							Общее число наказаній.
	Розгами.		Арестомъ.	Общественными работами.	Денежными взысканіемъ.	Внушеніемъ.	Удаленіемъ изъ общества.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.						
Кража хлѣба съ полей и прісель . . .	2	—	1	—	—	—	—	3
Кража хлѣба и сѣвнаго	7	2	4	—	—	1	—	14
Кража денегъ . .	2	2	1	—	—	—	1	6
Кража вещей . . .	6	—	3	—	1	—	—	10
Воровство - мошенничество	3	—	1	—	—	1	—	5
Кража сѣна и соломы	5	—	1	1	—	—	—	7
Убіеніе домашнихъ животныхъ	7	—	4	—	—	—	—	11

Изъ этой таблицы видно, что женщинъ наказываютъ розгами также, какъ и мужчинъ, хотя это запрещено закономъ, причиною же того, что за однородныя преступленія назначаются неодинаковыя наказанія, служатъ обстоятельства, смягчающія вину подсудимаго, напримѣръ, чистосердечное раскаяніе, голодь и т. п., вслѣдствіе чего назначается болѣе легкій родъ наказанія.

Приводимъ въ заключеніе одно рѣшеніе Вокнаволоцкаго волостнаго суда 12-го сентября 1867 г., показывающее, какъ Корели относятся иногда къ своимъ сельскимъ властямъ: Крестьянинъ Андрей Ремшуевъ жаловался, что у его поля иврублена огорода, и подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ крестьянина Семена Богданова. Волостной судъ, рассмотрѣвъ жалобу, нашелъ, что Богдановъ дѣйствительно срубилъ огорода и сознался волостному старшинѣ

сими словами: „Я срубилъ и срубилъ потому, что огорода былъ изъ моихъ жердей“. На судѣ же онъ сказалъ, что никогда ничего не дѣлалъ, и что представленіе старшины и свидѣтелей крестьянъ есть одна только клевета. Когда старшина подтвердилъ свое показаніе о виновности Богданова, въ которой нѣтъ никакого сомнѣнія, то Богдановъ сказалъ, что не хочетъ знать старшины, что старшину ему не указчикъ и вретъ на него, говоритъ *по насердкѣ* (въ сердцахъ), а что староста живетъ далеко, и спрашивать у него благословенія на всякое дѣло некогда, судьи же это глупцы, особенно Иванъ Ильичъ, и что если его будутъ наказывать, то онъ никогда не будетъ повиноваться ихъ рѣшеніямъ. Волостной судъ рѣшилъ: крестьянина Богданова за подрубленіе огорода и за неприличныя и дерзкія выраженія наказать 20 ударами розогъ и заставить его сдѣлать огороду въ теченіе двухъ дней.

III.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ САМОѢДОВЪ.

Самоѣды составляютъ самостоятельное племя, занимающее мѣсто между Финскимъ и Монгольскимъ. Они переселились въ Архангельскую губернію изъ Азии, гдѣ, за Уральскимъ хребтомъ, еще до сихъ поръ кочуетъ часть Самоѣдскаго племени. Когда совершилось передвиженіе Самоѣдовъ въ Архангельскую губернію, — нѣтъ никакихъ историческихъ указаній, никакихъ преданій, ничего, что дало бы возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя приблизительно; но что это передвиженіе было — доказалъ своими филологическими изысканіями Кастренъ, который прослѣдилъ Самоѣдовъ до Саянскихъ горъ, до верховьямъ рѣчной системы Енисея¹⁾. Область распространенія Самоѣдовъ въ Архангельской губерніи была прежде

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1851 г., май, отд. VII, стр. 68.

значительно шире, чѣмъ въ настоящее время: они кочевали въ Архангельскомъ, Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, доходили даже до Онежскаго озера, какъ свидѣтельствуегь духовное завѣщаніе св. Лазаря, основателя Муромскаго монастыря на Онежскомъ озерѣ¹⁾.

На рѣкѣ Онегѣ и по Злинему берегу Бѣлаго моря, далеко отъ нынѣшнихъ предѣловъ распространенія Самоѣдовъ, до сихъ поръ кочуетъ ихъ нѣскольکو семей. Первые историческія извѣстія о Самоѣдахъ мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора, который говоритъ: „Югра же люде есть языкъ нѣмъ и сосѣдять с Самоѣдью на полунощныхъ странахъ“.

Самоѣды, какъ и другіе инородцы Архангельской губерніи, были данниками Новгородцевъ и съ покореніемъ Новгорода перешли подъ власть Московскаго государства.

Въ социальномъ отношеніи Самоѣды занимаютъ очень низкое мѣсто, такъ какъ до сихъ поръ сохранили вполнѣ свой кочевой бытъ. Они кочуютъ по всему огромному пространству Мезенской тундры, между р. Мезенью и Уральскимъ хребтомъ, Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и Вологодскою губерніей.

По тремъ главнымъ частямъ, обозначаемымъ естественными границами, въ которыхъ нашли Русскіе страну европейскихъ Самоѣдовъ, раздѣляется эта страна на три земли или тундры: Большую (по самоѣдски Аагка-ја), Тиманскую или Малую (по самоѣдски Ниде-ја, то-есть, средняя земля) и Канинскую (по самоѣдски: Сале-ја, то-есть, носъ-земля). Самые обитатели этихъ земель называются Большеземельцы, Малоземельцы и Канинцы.

Самоѣды, владѣющіе тундрой съ незапамятныхъ временъ, давше свои имена ея урочищамъ, платившіе и платящіе за нее ясакъ, должны быть настоящими хозяевами тундры и права ихъ подтверждались многократно жалованными грамотами великихъ князей и царей Московскихъ, также какъ и современными узаконеніями. Хотя нѣтъ этихъ грамотъ сохранилась только небольшая часть, но и этого все-таки совершенно достаточно, чтобы доказать права Самоѣдовъ на тундру. Въ 1545 г. была дана Канинскимъ и Тиман-

¹⁾ Заволоцкая Чудь, Арханг., 1869 г., стр. 84.

скимъ Самоѣдамъ, по жалобѣ ихъ на притѣсненія, жалованная грамота Иоанномъ Грознымъ. По этой грамотѣ Самоѣдамъ велѣно владѣть всѣми звѣринными промыслами и рыбными ловлями, какими владѣли раньше, съ тѣмъ, чтобы Печоряне и Пермьки, то-есть, Пустозеры и Зыряне, не смѣли вступаться въ ихъ права; также пинежскимъ волостелямъ запрещено было судить Самоѣдовъ въ какихъ-либо дѣлахъ, кромѣ убійства и кражи съ поличнымъ, и притѣснять ихъ; судъ же надъ ними предоставленъ даньщику, который собираетъ съ нихъ подать на государя. Доказательствомъ правъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ на владѣніе тундрой и угодьями, въ ней находящимися, можетъ служить грамота, данная на Кевролу и на Мезень стольнику и воеводѣ Михайлу Романовичу Воейкову въ 1688 году царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и царевною Софією. Эта грамота дана въ защиту Тиманскихъ Самоѣдовъ, отъ нападений Югорскихъ и Лѣсовыхъ, то-есть, Большеземельскихъ, которые сильно обижали Тиманскихъ: „лѣтомъ рыбные промыслы ихъ отнимають, и грабятъ и Тиунскую (Тиманскую) Самоюдь побивають до смерти, и малыхъ ребятъ воровски уносятъ, и работать имъ на своихъ промыслахъ и зимою на тундрѣ въ ихъ угодьяхъ не даютъ и всячески избивають и разоряють“¹⁾. Изъ этой грамоты видно, что Большеземельскіе Самоѣды до 1765 г. владѣли тундрой безспорно, и въ ихъ права не вступался никто, ни пустозерскіе, ни ижемскіе крестьяне. Это же доказываютъ и нѣкоторые другіе акты; но Русскіе и Зыряне захватили въ свою власть тундру съ ея различными угодьями, въ явное нарушеніе правъ собственности Самоѣдовъ.

Самоѣды, какъ было выше сказано, только одни платили всегда дань—ясакъ. за тундру. Эта дань, подъ названіемъ луковой дани, взыскивалась съ Самоѣдовъ при царѣ Иоаннѣ Грозномъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ Пустозерскихъ Самоѣдовъ по два пса съ лука, то-есть, съ каждаго человѣка, могущаго владѣть лукомъ, а за неизвѣнїемъ денегъ по алтыну за пса; съ Югорскихъ Самоѣдовъ и Самоѣдовъ иныхъ земель по соболю; съ Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ съ 1688 года собиралась луковая дань деньгами, по пяти алтынъ съ лука. Въ 1767 г. сборъ ясачной подати производимъ

¹⁾ Акты Археограф. экспедиціи, т. IV, стр. 445.

былъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ Самоѣдовъ Пустозерскихъ по 3 пса съ души, Устьцѣмскихъ и Ижемскихъ по 15 бѣлогъ или 4 горноста, а съ Канинскихъ и Тиманскихъ вмѣсто ясака деньгами, съ обѣихъ земель по 16 р. 48 коп. въ годъ. Съ 1797 г. съ Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ сборъ производимъ былъ лосиными или оленьими кожами, а гдѣ олени и лоси не ловятся—другимъ звѣремъ или деньгами. Наконецъ, въ 1818 г. отмѣненъ былъ сборъ кожами или звѣремъ и переложенъ на деньги, при чемъ Самоѣды были уравнены съ крестьянами; теперь же они пользуются привилегіей вмѣсто всѣхъ сборовъ платить 1 р. съ души.

Ясакъ собирался черезъ особыхъ данщиковъ изъ Самоѣдовъ же; посредствомъ такого устройства правительство хотѣло предупредить злоупотребленія и лихоимство разныхъ воеводъ и волостелей. Но далѣе правительство само открыло широкій путь для злоупотребленій учрежденіемъ откупа на дань: изъ указа 1748 г. видно, что сборъ дани съ Самоѣдовъ было отдано откупщику, которому и позволялось брать изъ казны извѣстное количество вина для продажи въ тундрѣ. Этими распоряженіями положено было основаніе двухъ золь, противъ которыхъ само же правительство должно было ратовать впоследствии всѣми силами: первое зло—произволь и притѣсненія при взиманіи податей, и второе—введеніе къ Самоѣдамъ спиртныхъ напитковъ, имѣвшее гибельное вліяніе на ихъ благосостояніе.

И дѣйствительно, Самоѣды сдѣлались жертвами злоупотребленій, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны частныхъ лицъ—Русскихъ и Зырянъ, которые допускали въ отношеніи къ Самоѣдамъ не только захваты ихъ собственности—тундры и ея угодій, но часто даже явное насиліе и грабежъ, противъ чего Самоѣды не могли защищаться собственными силами, а просить защиты было не у кого. Наконецъ, въ 1835 году послѣдовало административное устройство Самоѣдовъ, которое должно было положить конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ и дать Самоѣдамъ прочныя гарантіи безопасности и неприкосновенности ихъ правъ. Изданъ былъ Самоѣдскій уставъ, предоставлявшій Самоѣдамъ многія важныя права, на примѣръ, свободу отъ разныхъ повинностей, лежащихъ на податномъ сословіи, собственное управленіе и судъ; возстановлены ихъ законныя права на владѣніе тундрой, захва-

ченной пришельцами. Все, что могло служить для блага Самоѣдовъ и предохранить ихъ отъ какаго бы то ни было произвола и стѣсненія, было предусмотрено этимъ уставомъ ¹⁾).

По этому уставу, Самоѣды причислены къ разряду бродячихъ инородцевъ или ловцевъ; они составляютъ особенное сословіе въ равной степени съ крестьянскимъ, но отличное отъ онаго въ образѣ управленія. Имъ назначается вся полоса земли въ Мезенскомъ уѣздѣ, нынѣ ими занимаемая и извѣстная подъ именемъ Тиманской, Канинской и Большеземельской тундры. Последняя тундра раздѣлена на три вѣдомства: Пустозерское, Устьцылемское и Ижемское.

Чтобы предупредить дальнѣйшіе захваты тундры Русскими, уставъ постановилъ отмежевать на каждую душу изъ Русскихъ, поселившихся въ тундрѣ, по 60-ти десятинъ около мѣстъ, занимаемыхъ ими. Русскимъ позволено также брать самоѣдскія земли въ оброчное содержаніе, но не иначе, какъ по условіямъ съ обществами. Строго запрещено Русскимъ ввозить и продавать горячіе напитки на стойбищахъ и чумахъ самоѣдскихъ, но сами Самоѣды могутъ покупать вино въ мѣстахъ откупной продажи, провозить его къ своимъ семействамъ для домашняго употребленія и перепродавать другимъ Самоѣдамъ на домашній обиходъ. Самоѣды управляются *по обычаямъ ихъ*. Родовое управленіе Самоѣдовъ въ каждой тундрѣ — Тиманской, Канинской и Большеземельской, состоитъ изъ одного старшины, избираемаго по обычаямъ ихъ че-

¹⁾ См. Полное Собраніе Законовъ за 1835 г. № 8,071: Уставъ объ управленіи Самоѣдами, обитающими въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, опубликованный 18-го мая. Въ именномъ указѣ, данномъ по этому случаю Правительствующему Сенату, сказано: „Въ слѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ о правахъ и образѣ жизни обитающихъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Самоѣдовъ признается полезнымъ распространить на нихъ постановленія, для сибирскихъ инородцевъ изданныя, съ измѣненіями, настоящему состоянію ихъ сообразными“. Самоѣдскій уставъ представляетъ примѣненіе къ частному случаю общихъ началъ, выработанныхъ въ уставѣ 1822 г. объ управленіи инородцами. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, принадлежитъ гр. Сперанскому, который во время управленія Сибирью обратилъ серьезное вниманіе на обычаи инородцевъ, тамъ проживающихъ, вслѣдствіе чего, бытъ этихъ послѣднихъ, а равно и Мезенскихъ Самоѣдовъ, былъ принятъ во вниманіе при составленіи свода Законовъ.

Прим. ред.

резъ каждые три года и именуемаго въ сношеніи съ правительствомъ старостою. Староста самоѣдскій получилъ значеніе старшаго, „какъ будто бы родъ составлялъ одно семейство“ (уставъ принимаетъ только три рода, по числу тундръ, между тѣмъ какъ родовъ нѣсколько въ каждой изъ тундръ): „Онъ производитъ всѣ дѣла словесно. Мѣстная полиція дѣйствуетъ въ тундрахъ черезъ старость и всѣ свѣдѣнія о родѣ, тундру населяющемъ, заимствуетъ изъ ихъ показаній и донесеній“. Для удобства торговли и для сдачи ясака назначаются въ разныхъ мѣстахъ тундры ярмарки и *суламы*. Сугланъ есть мірское собраніе Самоѣдовъ. Самоѣдскіе старосты и ихъ помощники непосредственно подчиняются земскому или отдѣльному засѣдателю, если таковой будетъ назначенъ.

Разѣзды чиновниковъ и разсылщиковъ земской полиціи по тундрамъ Самоѣдовъ допускаются въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для повѣрки порядка по управленію, 2) для слѣдствій, 3) для сбора ясака, 4) для надзора за порядкомъ на ярмаркахъ. Вообще, уставъ старался какъ можно уменьшить кругъ сношеній Самоѣдовъ съ мѣстною администраціей. Самоѣдамъ дано было также право собственнаго суда. Постановлено было по общимъ законамъ „судить ихъ только въ преступленіяхъ тяжкихъ, каковыми въ отношеніи ихъ признаются: 1) возмущеніе, 2) умышленное убійство, 3) разбой, 4) насиліе, 5) дѣланіе фальшивой монеты и вообще похищеніе казеннаго и общественнаго имущества“. Всѣ прочія дѣла, не исключая и кражи, пока нравы ихъ образованіемъ не смягчатся, считаются исковыми.

Самоѣды, какъ выше сказано, управляются по ихъ обычаямъ; но для отвращенія сбивчивости и неопредѣленности сихъ обычаевъ, сохраняющихся чрезъ одни изустныя преданія, мѣстному начальству предоставляется „собрать отъ почетнѣйшихъ людей полныя и подробныя по сему предмету свѣдѣнія, рассмотреть оныя въ особомъ временномъ комитетѣ, составленномъ подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, изъ вице-губернатора, предсѣдателей палатъ, губернскаго прокурора и совѣстнаго судьи, смягчить въ самоѣдскихъ обычаяхъ все дикое и жестокое и отмѣнить несообразное съ другими установленіями“¹⁾. „Гражданскій губерна-

¹⁾ Уставъ объ управленіи Самоѣдами, гл. IV, § 37.

торъ обязанъ одинъ разъ въ годъ самъ лично или чрезъ довѣреннаго чиновника, по своему выбору, посѣщать мѣста, съ которыми удобнѣе Самоѣды могутъ имѣть сообщеніе, подробно входить въ ихъ дѣла, внимать ихъ жалобамъ и нуждамъ, доставлять удовлетвореніе, прекращать беспорядки, отсылать виновныхъ къ суду за злоупотребленія, или о чемъ нужно, представлять высшему начальству“.

Уставъ для управленія Самоѣдовъ, одушевленный такими прекрасными намѣреніями правительства, издавшаго его, хотя и поставилъ нѣкоторыя препятствія эксплуатаціи Самоѣдовъ ихъ сосѣдами, но далеко не пресѣкъ ея. Извѣстный путешественникъ Кастренъ такъ рисуешь положеніе дѣлъ и значеніе устава: „Чтобы положить конецъ постыднымъ притѣсненіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приучить Самоѣдовъ къ нѣкоторой гражданственности, правительство недавно издало уставъ, который, по моему понятію,—идеаль совершенства. Но само собою разумѣется, что око закона, какъ бы бдительно ни было, не можетъ усмотрѣть всего, что случается въ глуши самоѣдской пустыни. Притѣсненія продолжаются непрерывно, рѣже подъ видомъ разбоя, но тѣмъ чаще подъ видомъ обмана“ ¹⁾.

Черезъ два года изданъ былъ и судебный уставъ, выписки изъ котораго мы сдѣлаемъ при самомъ изложеніи самоѣдскихъ юридическихъ обычаевъ ²⁾. Комитетъ, составлявшій уставъ, сталъ на ложную дорогу, положивъ представить эти обычаи въ облагороженномъ видѣ. Оттого Самоѣды руководствуются во взаимныхъ сношеніяхъ не правилами устава, а настоящими своими обычаями, не облагороженными; уставъ же примѣняется только къ рѣшеніямъ дѣлъ, возникающихъ между Самоѣдами и Русскими. Священникъ І. Сяцковъ, который имѣлъ полную возможность основательно изучить бытъ Самоѣдовъ въ теченіе своего долгодѣтняго пребыванія въ Неси въ Канинской тундрѣ, говоритъ о судебномъ уставѣ, что онъ есть „прямо начертаніе начальственнаго распо-

¹⁾ *Современникъ* 1846 г., № 10.

²⁾ Здѣсь авторъ ошибочно называетъ судебнымъ уставомъ правила, составленныя временнымъ комитетомъ на основаніи вышеуказаннаго § 37.

Прим. ред.

ряженія, а не правила или сводъ ихъ управленія или законъ, истекающій изъ ихъ природнаго ума“.

Такимъ образомъ, черезъ административное преобразование 1835 г. и изданіе устава, Самоѣды получили самоуправленіе, самосудъ и другія важныя льготы, какими не пользуются и не пользовались никогда прочіе инородцы Архангельской губерніи. Преимущество, отдаваемое Самоѣдамъ въ этомъ отношеніи, можно объяснить тѣмъ, что они, какъ народъ вполнѣ кочевой и стоящій сравнительно съ прочими инородцами на низшей ступени умственнаго развитія, народъ, особенности котораго еще далеко не сгладились, не можетъ такъ легко и безъ вреда для себя подчиниться общимъ порядкамъ, которые сложились при совсѣмъ иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Что Самоѣды не такъ легко подчиняются вліянію русскаго элемента, какъ прочіе инородцы, видно ужь изъ того факта, что они крещены только въ недавнее время, въ началѣ настоящаго вѣка, и еще теперь есть часть Самоѣдовъ-язычниковъ въ Большеземельской тундрѣ, да и крещеное большинство только считается крещенымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ сохраняетъ свои языческія традиціи, нѣсколько видоизмѣненныя подъ вліяніемъ христіанства.

Хотя Самоѣды сохранили, благодаря естественнымъ условіямъ быта, свой національный характеръ, все-таки долгое соприкосновеніе съ Русскими, неблагоприятное для нихъ въ экономическомъ отношеніи, повліяло на смягченіе ихъ нравовъ. Вотъ что говоритъ священникъ І. Синцовъ о сибирскихъ Самоѣдахъ-Карачаяхъ, которые не затронуты постороннимъ вліяніемъ и сохранили вполнѣ свою самобытность: „Карачей сторонняго человѣка бѣгаютъ и гостя у себя въ чуму не любятъ: они подозрительны къ чужимъ и недружелюбны между собою. Богатые Карачей держатъ у себя бѣдныхъ не иначе какъ работниками, которые должны на нихъ усердно работать, единственно изъ-за хлѣба. У нихъ есть родъ рабства. Богатый и сильный нападаетъ съ своими рабочими на родовича своего, менѣе сильнаго, отнимаетъ у него пожитки и оленей, поработщаетъ его и его рабочихъ. Богачь Карачей своего работника за непослушаніе или за какой-нибудь проступокъ наказываетъ, какъ хочетъ, или бросаетъ его на пустомъ мѣстѣ безъ пищи на произволь судьбы“. Вѣроятно, рабство было прежде и у

Архангельских Самоѣдовъ, какъ можно заключить изъ словъ грамоты 1688 г., гдѣ сказано про Югорскихъ и Лѣсовыхъ Самоѣдовъ, что они „Тунскую Самоядь побиваютъ до смерти и малыхъ ребятъ воровски уносятъ“, уносить, конечно, затѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ рабами; но теперь рабство исчезло, какъ исчезли воинственные и хищническія наклонности Большеземельскихъ Самоѣдовъ какъ исчезъ настоящій родовой бытъ и управление черезъ родоначальниковъ, которое сохранилось еще между Карачеями. Но и между этими послѣдними вводится административное устройство, подобное самоѣдскому, и тамъ учреждена духовная миссія для распространенія христіанской вѣры, которая встрѣчаетъ, какъ встрѣтила сначала и между Самоѣдами, упорное сопротивленіе“.

Экономическое положеніе Самоѣдовъ весьма незавидно. Главное ихъ занятіе есть оленеводство, которое обусловливаетъ кочевой образъ ихъ жизни, да и самую возможность существованія въ такой пустынной и бѣдной мѣстности, какъ тундра. Но это занятіе, безъ коего Самоѣдъ не можетъ существовать иначе, какъ на счетъ благотворительности своихъ ближнихъ или въ кабалѣ у Ижемца, — теперь въ упадкѣ. Почти половина Самоѣдовъ Большеземельской тундры не имѣетъ вовсе оленей; число оленей у остальныхъ Самоѣдовъ такъ незначительно, что на каждого Самоѣдина, по вычисленію г. Иславина, едва приходится по 17 головъ. Огромныя самоѣдскія стада перешли въ руки Зырянъ и Русскихъ, которые захватили ихъ частью обманомъ, частью явнымъ насиліемъ. Теперь Самоѣды ограждены отъ насилія, но не могутъ быть ограждены отъ обмана, принимающаго законный видъ торговой сдѣлки, скрѣпляемой водкою.

Но даже и помимо присвоенія Зырянами или Русскими, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, собственности Самоѣдовъ, оленеводство этихъ послѣднихъ не можетъ подняться, такъ какъ огромныя стада русскихъ или зырянскихъ оленеводовъ занимаютъ всѣ лучшія мѣста въ тундрѣ и вытаптываютъ мохъ, хотя не имѣютъ на тундру никакого права; оттого самоѣдскія стада, поставленныя въ болѣе невыгодныя условія, не могутъ такъ хорошо плодиться, какъ стада русскія или зырянскія. Справедливость заставляетъ замѣтить, что Самоѣды также отчасти виноваты въ дурномъ со-

стояніи своего оленеводства, такъ какъ нисколько не заботятся объ уходѣ или хоть какомъ-нибудь присмотрѣ за своимъ стадомъ, вполне предоставляя его на произволъ судьбы: оттого различные болѣзни, а также волки, уничтожаютъ всегда множество оленей въ ихъ стадахъ, пада въ то же время стада Ижемцовъ, которые имѣютъ болѣе бдительный надзоръ за своими оленями.

Кромѣ оленеводства, Самоѣды занимаются еще рыбными и звѣринными промыслами. Рыболовство могло бы служить очень важнымъ подспорьемъ въ самоѣдскомъ хозяйствѣ, еслибы Самоѣды были въ состояніи извлекать всѣ выгоды изъ множества рыбныхъ озеръ и рѣкъ, которыми изобилуетъ тундра. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ; всѣми выгодами пользуются Зыряне и Русскіе. Они отбили у Самоѣдовъ всѣ промысловыя мѣста, обзавелись нужными снастями и снарядами, которыхъ негдѣ взять бѣдному Самоѣдину, и промышляютъ рыбу все лучшее время года, не подпуская Самоѣдовъ; эти послѣдніе выжидаютъ для ловли осени, когда Зыряне и Русскіе возвращаются домой въ свои поселенія, и тогда начинаютъ ловить, что осталось рыбы, если есть необходимые снаряды или удалось взять ихъ въ ссуду у Русскихъ и Ижемцевъ за часть улова. Но недостатковъ соли не позволяетъ Самоѣдамъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, добычею своего промысла: за полпуда соли они должны платить тѣмъ же русскимъ крестьянамъ или Ижемцамъ бѣлаго песца или оленью шкуру, цѣною въ 1 рубль, а при такихъ цѣнахъ на соль они естественно не имѣютъ возможности солить свою рыбу. Это мы говорили о Большеземельскихъ Самоѣдахъ. Еще больше стѣснены въ рыбныхъ промыслахъ Канинскіе и Тиманскіе, такъ какъ мезенскіе крестьяне и мѣщане поселились при самыхъ выгодныхъ рыболовныхъ мѣстахъ и со всѣмъ оттѣснили Самоѣдовъ отъ пользованія ими.

Звѣринными промыслами Самоѣды занимаются на морѣ, въ тундрѣ и въ лѣсахъ. Выгодными промыслами морскихъ звѣрей они занимаются мало, такъ какъ Русскіе заняли всѣ лучшія промысловыя мѣста, какъ на Канинскомъ и Тиманскомъ берегахъ, такъ и около Югорскаго шара; Русскіе берутъ Самоѣдовъ въ рабочіе, какъ отважныхъ и искусныхъ охотниковъ, но разумѣется, тогда всѣ выгоды промысловъ переходятъ въ руки Русскихъ, То же бываетъ, когда Самоѣды промышляютъ и самостоятельно; какъ бы ни была

велика ихъ добыча, они все-таки должны сбыть ее русскимъ кулакамъ за безцѣнокъ, и притомъ не на деньги, а на товаръ.

Въ тундрѣ Самоѣды ловятъ песцовъ и лисицъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ промыслѣ мѣшаютъ имъ Русскіе и Зыряне, которые также промышляютъ въ тундрѣ звѣря и истребляютъ его своимъ неразумнымъ, нерасчетливымъ веденіемъ охоты, Такъ Русскіе вынимаютъ изъ норъ щенятъ лисицы, чтобы выкормить ихъ дома, черезъ что замѣтно уменьшается число этого звѣря въ тундрѣ. Еще сильнѣе истребляютъ песцовъ Зыряне: живя въ тундрѣ только до осени и не имѣя нужды щадить интересы Самоѣдовъ, они не выжидаютъ того времени, когда песецъ побѣлѣетъ и сдѣлается выгоденъ для охоты, а истребляютъ его въ первомъ возрастѣ, пока онъ не имѣетъ еще большой цѣнности, къ тому же истребляютъ, выкуривая его изъ норъ, а изъ такихъ выкуренныхъ норъ песецъ тотчасъ удаляется и не возвращается въ нихъ болѣе. Самоѣды, чтобы получить хоть что-нибудь, раздражаютъ Зырянамъ, хотя хорошо понимаютъ всю разорительность такого способа охоты, грозящаго полнымъ истребленіемъ звѣря въ тундрѣ. Также промышляютъ Самоѣды различныхъ птицъ, которыхъ лѣтомъ прилетаетъ въ тундру множество. Все, что не идетъ для собственнаго употребленія, Самоѣды мѣняютъ крайне невыгоднымъ для себя образомъ у русскихъ и зырянскихъ торговцевъ на хлѣбъ и другіе необходимые предметы.

По словамъ Кастрена, въ характерѣ Самоѣдовъ много общаго съ Финнами; они столь же подозрительны, скрытны, недоверчивы, упрямы, тяжелы на подъемъ, настойчивы въ исполненіи задуманнаго. Подобно Лопарямъ, они непостоянны, невѣрны слову, склонны къ обману: послѣднее относится въ особенности къ Канинскимъ Самоѣдамъ. Взглядъ Самоѣда на жизнь вообще грустный: для него все подернуто мракомъ ночи; поэтому онъ и смотритъ безстрастно на всѣ явленія жизни и природы. Одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ для Самоѣда есть ѣда; но въ крайнихъ случаяхъ они равнодушно переносятъ и муки голода. Рѣдко можно этихъ сыновъ Ледовитаго моря вывести изъ обычнаго ихъ безстрастія; но Боже упаси, когда Самоѣдъ выйдетъ изъ себя: вы увидите тогда неукротимаго дикаря, бѣшенству котораго нѣтъ предѣловъ! Эта черта характера замѣтна, въ особенности, у Ка-

нинскихъ Самоѣдовъ, болѣе зажиточныхъ, чѣмъ другіе; что же касается до Самоѣдовъ Тиманскихъ, то они совѣмъ другаго характера: въ 1831 и 1833 гг. свирѣпствовала въ нихъ тундрѣ язва, отъ которой погибло до 20 тысячъ оленей и множество народа; вслѣдствіе того они унаси духомъ, сдѣлались боязливы, тихи и скромны. Къ свѣтлымъ сторонамъ Самоѣдовъ принадлежитъ ихъ готовность къ услугамъ и къ помощи ближнему: съ гостемъ и съ бѣднымъ они рады раздѣлить послѣдній кусокъ скудной своей пищи. Г. Иславинъ нѣсколько иначе говоритъ о нравственныхъ качествахъ Самоѣдовъ. По его словамъ, Большеземельскіе Самоѣдъязычники болѣе всѣхъ другихъ сохранили національный характеръ и во многомъ отличаются отъ крещеныхъ, которые болѣе бывають въ соприкосновеніи съ Русскими; они добры, тихи, беспечны, особенно вѣрны данному слову; Канинскіе же и Тиманскіе Самоѣды такъ уже обрусѣли, что приняли всѣ отгннен русскаго характера ¹⁾.

Всѣхъ Самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельской губерніи, по переписи 1864 году считалось 5668 душъ обоюго пола; но эта цифра не вполне достовѣрна, такъ какъ Самоѣды разсѣяны по огромному пространству Мезенской тундры и переходять даже за Уральскій хребетъ.

Самоѣды Канинской тундры на зиму прикочевываютъ въ юго-западную часть тундры и даже къ городамъ Архангельской губерніи, гдѣ частью нищенствуютъ, частью зарабатываютъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что катають любителей ѣзды на оленяхъ. Тиманскіе Самоѣды откочевываютъ зимой на югъ въ лѣсистыя мѣста. О кочевьяхъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ будетъ подробно сказано ниже.

При составленіи собранія юридическихъ обычаевъ Самоѣдовъ приняты были нами за основаніе обычаи, записанные въ г. Холмогорахъ *П. Ефименкомъ* со словъ Канинскихъ Самоѣдовъ. Дополненіемъ послужили намъ также свѣдѣнія, сообщенныя священникомъ *Иосифомъ Синцовымъ*, и книга *Владимира Иславина*: Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. С.-Петербургъ. 1847.

Кромѣ того, свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ Самоѣдовъ встрѣ-

¹⁾ Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту стр. 108.

чаются въ статьяхъ: *М. А. Кастрена*: „Русскіе Самоѣды“ и „Путевныя письма изъ сѣверной Россіи“, напечатанныхъ въ *Современникъ* въ 1845, 1846 и 1848 годовъ ¹⁾, и въ статьѣ *В. Исланина*: Разказы о вочеваніи по тундрамъ Самоѣдскимъ“, помѣщенной въ *Современникъ* 1848 г., т. VIII и IX; также въ книгахъ: *Максимова*: „Годъ на Сѣверѣ“; академика *Лепехина*: „Дневныя записки“; начальника Уральской Экспедиціи *Гобмана*: „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой“; *Шренка*: *Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands durch die Tundren der Samoeden*“; въ *Архан. Губ. Вѣдомостяхъ*, 1849 г. заслуживаетъ вниманія статья архимандрита *Веніамина*: „Самоѣды Мезенскіе“, перепечатанная потомъ въ *Этногр. Сборникъ Геогр. Общества*, кн. IV. ²⁾.

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Когда Самоѣды были язычниками, они строго соблюдали обычай — не брать женъ изъ своего рода по мужской линіи: брать въ своемъ родѣ считался у нихъ кровосмѣшеніемъ. Между тѣмъ дозволялось брать въ супружество женщинъ изъ рода матери, даже ближайшихъ родственницъ, напримѣръ, можно было жениться на теткѣ, то-есть, сестрѣ матери, или два брата могли жениться на двухъ сестрахъ.

У Самоѣдовъ, принявшихъ христіанство, этого обычая нѣтъ.

¹⁾ А. Я. Ефименко не имѣла въ рукахъ полного русскаго перевода „Путевныхъ воспоминаній“ Кастрена, помѣщеннаго въ *Магазинъ земледѣлнія*, изд. Н. Фролова, кн. IV. Прим. ред.

²⁾ Этотъ библиографическій перечень слѣдуетъ дополнить указаніемъ на слѣдующія статьи: „Ротта или присяга Самоѣдовъ“—*Отечественныя Записки* за 1830 г.; „Ротта или присяга Самоѣдовъ“—*Финскій Вѣстникъ* за 1845 г., № 4; *А. Зуева*, Югорскій Шаръ—*Архангельскія Губернскія Вѣдомости* за 1867, № 81, 82. Мы не упоминаемъ здѣсь о матеріалахъ, касающихся быта и обычаевъ сибирскихъ Самоѣдовъ, о которыхъ въ нашей печати не мало данныхъ.

Примѣч. редактора.

Христианская религія, съ своимъ обязательнымъ запрещеніемъ вступать въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства, не дозволяетъ Самоѣдину жениться на родственницѣ, еслибъ онъ и вздумалъ это сдѣлать; къ тому же роды ихъ уже не имѣютъ прежней строгой разграниченности, они сблизь и перепутались. Но у язычниковъ-Самоѣдовъ Большеземельской тундры г. Иславинъ, изучавшій ихъ быть въ сороковыхъ годахъ, нашелъ этотъ обычай еще въ полной силѣ. Запрещалось вступать въ бракъ не только въ своемъ родѣ, но и въ томъ изъ остальныхъ родовъ, который считается общимъ съ нимъ по происхожденію, имѣющимъ одного общаго родоначальника. Такъ Логей и Тыссен, два отдѣльные рода, считаются происходящими одинъ отъ другого: оттого Самоѣдинъ одного изъ этихъ родовъ не могъ сочетаться брачнымъ союзомъ съ членомъ другаго. Но Самоѣдинъ изъ рода Логей могъ взять жену изъ совершенно особаго рода Ванойты. Еще замѣчательнъ у Самоѣдовъ-язычниковъ обычай, предписывающій брату жениться на вдовѣ брата, обычай, совершенно аналогичный съ извѣстнымъ еврейскимъ закономъ ¹⁾. Отецъ также считаетъ себя обязаннымъ, особенно если онъ вдовецъ, жениться на вдовѣ покойнаго своего сына, то-есть, своей снохѣ, и дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что за нее не нужно платить. Братъ покойнаго также не платитъ за его жену, а напротивъ получаетъ ея приданое. Видно, говорить г. Шренкъ, сообщающій объ этомъ, что необходимость попеченія объ оставшихся вдовахъ и сиротахъ и защиты ихъ, а также разчетъ дешеваго приобрѣтенія женъ, лежитъ въ основаніи этого обычая ²⁾.

У Самоѣдовъ нѣтъ обычая, какъ у Лопарей, чтобы молодые люди женились на старухахъ изъ корыстныхъ видовъ; напротивъ, часто случается, что женятся на особахъ очень молодыхъ, за которыхъ платятъ порядочныя деньги. Кастрень, при описаніи самоѣдской свадьбы, на которой онъ присутствовалъ, говоритъ, что невѣстѣ было только 13 лѣтъ ³⁾. По словамъ г. Шренка, у Самоѣдовъ нерѣдки примѣры двѣнадцатилѣтнихъ супруговъ и матерей ⁴⁾.

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 6: Самоѣды Мезенскіе, ст. архим. *Венямина*; Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, *Иславина*, стр. 32.

²⁾ Путешествіе, I, стр. 478.

³⁾ *Современникъ*, 1846 г. № 10, Русскіе Самоѣды.

⁴⁾ Путешествіе *Шренка*, I, 478.

Вообще у Самоѣдовъ не соблюдается правильнаго, нормальнаго отношенія между лѣтами жениха и невѣсты; у язычниковъ случается, что и малолѣтнихъ мальчиковъ женятъ на совершеннолѣтнихъ дѣвушкахъ, и дѣвочекъ выдаютъ за взрослыхъ мужчинъ ¹⁾).

Обычай Самоѣдовъ-язычниковъ допускаютъ многоженство. Но только немногіе богатые пользуются этимъ и имѣютъ двѣ - три жены, такъ какъ пріобрѣтеніе женъ сопряжено съ значительными издержками; напротивъ того, встрѣчаются холостые Самоѣды, которые не могутъ обзавестись и одною женой, за недостаткомъ средствъ ²⁾).

Правила христіанской религіи, къ которой принадлежитъ уже большинство Самоѣдовъ, не вошли еще въ ихъ нравы. Такъ, вѣнчанье не всегда составляетъ у нихъ существенно важную и необходимую часть свадебнаго обряда. Празднуютъ свадьбу, когда есть вблизи вино, будь то въ постъ или въ какое-либо другое время, когда свадьбы запрещаются церковью. Вѣнчаются, когда прикочуютъ къ селеніямъ, въ которыхъ есть церкви. Священникъ Канинской тундры пишетъ, что случается часто прежде крестить дѣтей у молодыхъ, а потомъ вѣнчать родителей ³⁾). Если вѣнчанье не одновременно со свадьбой, то оно не сопровождается пиршествомъ или какими-нибудь обрядами.

Необходимость согласія родителей при заключеніи брачныхъ союзовъ обуславливается самою сущностью ихъ браковъ, которые суть ничто иное, какъ покупка съ одной стороны и продажа съ другой. Очевидно, молодой человѣкъ, зависящій въ матеріальномъ отношеніи отъ своего отца, не можетъ жениться безъ его согла-

¹⁾ Дневныя записки о путешествіи, *Лепехина*, часть IV, стр. 116—117.

²⁾ *Иславизъ*, стр. 126; *Бастренъ* въ *Современникъ* 1846 г., № 10.

³⁾ Въ Уставѣ объ управленіи Самоѣдами. сказано: „Какъ Самоѣды-христіане, проживающіе въ великомъ отдаленіи отъ постоянныхъ церквей, вообще нуждаются въ церковныхъ требохъ, а особливо встрѣчаютъ неудобства при заключеніи браковъ, и обстоятельство сіе составляетъ важное препятствіе къ распространенію между ними христіанской вѣры, то на епархіальное начальство возлагается уменьшить постепенно и совсѣмъ уничтожить сіе препятствіе мѣрами, какія по мѣстному его усмотрѣнію будутъ признаны къ тому удобнѣйшими.“

сія; невѣста же есть товаръ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, нельзя сказать, что совершенно не бываетъ случаевъ проявленія собственной воли и желанія у дѣвушекъ. Случается, что дѣвушка выходитъ замужъ тайкомъ отъ сопротивляющихся родителей, которые и лишаются такимъ образомъ за нее платы. Молодые люди въ такомъ случаѣ живутъ безъ вѣнчанія, пока не умилостивятся родители и не простятъ дочь: тогда уже совершаются покупка и вѣнчаніе. Но такіе случаи рѣдки. Гораздо чаще бываетъ такъ, что отецъ женить сына, вовсе не спрашивая предварительно его согласія ¹⁾; родители невѣсты также сватаютъ ее, не думая обращать вниманія на ея собственную волю.

Какъ мало принимаются въ расчетъ желанія самихъ вступающихъ въ бракъ, видно изъ вышеупомянутаго обычая женить и выдавать замужъ малолѣтнихъ.

Немногосложные брачные обряды Самоѣдовъ представляютъ самую безцеремонную торговую сдѣлку, гдѣ дѣвушка является предметомъ торговли. Отецъ, задумавъ женить сына на известной дѣвушкѣ, выбираетъ родственника или знакомаго сватомъ, по самоѣдски *эу*, и посылаетъ его для переговоровъ съ родителями невѣсты. Эу отправляется въ невѣстинъ чумъ съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ. Приѣхавъ туда, онъ сообщаетъ отцу невѣсты цѣль своего приѣзда и кладетъ ему на колѣна лисицу красную или бурую: цвѣтомъ ея опредѣляется состояніе жениха, самъ же выходитъ изъ чума или вовсе уѣзжаетъ обратно. Если отецъ невѣсты желаетъ отдать дочь замужъ, то оставляетъ подарокъ у себя; если же нѣтъ, то немедленно отсылаетъ его ²⁾. Въ первомъ случаѣ сватъ снова ѣдетъ въ чумъ невѣсты съ женихомъ, чтобы договориться окончательно о платѣ за невѣсту. Женихъ не входитъ въ чумъ, пока сватъ не окончитъ переговоровъ. Улаживается сдѣлка такимъ образомъ: сватъ молча подаетъ отцу невѣсты бирку, которую онъ привозитъ съ собою. Отецъ невѣсты дѣлаетъ на биркѣ столько рубешковъ, сколько онъ намѣренъ взять за дочь оленей, песцовъ и т. п., и затѣмъ отдаетъ бирку свату. Этому послѣднему ужъ известно, во сколько покупаетъ

¹⁾ *Иславникъ*, стр. 126.

²⁾ Тамъ же.

тель-женихъ оцѣнилъ товаръ, и потому, если эву находить, что цѣна превышаетъ ту, на которой онъ уполномоченъ покончить дѣло, то онъ срѣзываетъ лишнее число рубежковъ. Тесть, разумѣется, просить надбавки, и свать выходитъ въ такомъ случаѣ посоветоваться съ женихомъ. Такимъ образомъ торгуются нѣсколько времени, обыкновенно молча, посредствомъ знаковъ. Если сойдутся въ цѣнѣ, то каждая изъ договаривающихся сторонъ кладетъ свое клеймо на концѣ палочки, которая затѣмъ раскалывается пополамъ: одна половина берется сватомъ, другая тестемъ. Такъ заключается свадебный договоръ, и по заключеніи его женихъ входитъ въ чумъ; если же дѣло не уладится, то женихъ такъ и уѣзжаетъ, не показавшись въ чумѣ невѣсты ¹⁾).

При заключеніи договора женихъ даетъ своему будущему тестю въ задатокъ нѣсколько оленей. Если женихъ откажется отъ своего предложенія, то задатокъ пропадаетъ. Если же откажется отъ заключенія сдѣлки отецъ невѣсты и отдастъ свою дочь за другаго, то обязанъ заплатить жениху за безчестье вдвое противъ задатка.

По окончаніи сватовства, отецъ невѣсты ѣдетъ въ чумъ жениха за полученіемъ платы. Но женихъ отдаетъ ему не всѣхъ оленей, а половину или двѣ трети ихъ, оставляя прочихъ до полученія невѣсты и ея приданого.

Обряды, сопровождающіе заключеніе брачнаго союза, у разныхъ Самоѣдовъ нѣсколько различны, но обыкновенно очень просты. Сущность ихъ есть угощеніе водкой, до которой такъ падеи Самоѣды, и безъ которой немнслима свадьба. При сватовствѣ дѣлается условіе, сколько должна каждая сторона поставить вина; обыкновенно ставать по ровну. На бѣдныхъ свадьбахъ покупается каждою стороною по одному ведру, и гостей бываетъ въ такомъ случаѣ немного, 10—15 человекъ. Но на богатыхъ свадьбахъ ставать ведеръ по десяти, и тогда приглашается много народу.

Пьютъ всѣ безъ исключенія, затѣмъ начинается повальная драка; а когда выпьютъ всю водку, то пиръ оканчивается, и гости, съ подбитыми глазами и изуродованными лицами, разѣзжаются по домамъ ²⁾).

¹⁾ *Иславинъ*, стр. 126—127; *Кастренъ* въ *Современникъ* 1845 г., № 10.

²⁾ *Кастренъ* въ *Современникъ* 1846 г., № 10.

Пируютъ и у жениха, и у невѣсты. Особенно торжественно справляется день на канунѣ окончательнаго заключенія брачнаго союза. Вотъ какъ описываетъ обряды этого дня и слѣдующаго Лепехинъ, изучавшій бытъ Самоѣдовъ еще въ прошломъ столѣтїи: Женихъ, собравъ своихъ родственниковъ и прїятелей, прїѣзжаетъ къ невѣстѣ. Всѣ входятъ въ чумъ подѣ предводительствомъ свата. Женщины, сидящія по обѣимъ сторонамъ входа, не пускаютъ гостей, пока свать не броситъ имъ по доскутку сукна или чего-либо другаго. Затѣмъ всѣ усаживаются по мѣстамъ. Между тѣмъ хозяйка давитъ оленя: мясо его варитъ для гостей, а кожу отдаетъ свату. Потомъ начинается пиршество. Всѣ присутствующіе угощаются виномъ; первая чарка принадлежитъ свату, вторая жениху и невѣстѣ, а дальше прочимъ гостямъ по порядку. Послѣ того принимаются за ѣду: нѣсколько кусковъ мяса подается особенно жениху и невѣстѣ, которые и ѣдятъ его вмѣстѣ. По окончанїи пиршества всѣ гости расходятся на ночлегъ по своимъ чумамъ, только одинъ женихъ остается въ чумѣ у невѣсты, не имѣя надъ нею однакоже никакихъ супружескихъ правъ. На другой день уѣзжаетъ онъ въ свой чумъ и посылаетъ мать или старшую изъ родственницъ за невѣстой. Отецъ и мать невѣсты приготавливаютъ дочь къ жениху, укладываютъ въ сани приданое, запрягаютъ оленей, которые всегда бываютъ изъ числа жениховыхъ, выбранныхъ по одному изъ каждаго десятка подѣ приданое съ наддачею одного за котель, полученный съ оленями отъ жениха. Когда невѣста прїѣзжаетъ въ чумъ жениха, то ее встрѣчаютъ родственницы и знакомыя; онѣ становятся въ два ряда, между которыми проѣзжаетъ свекровь, а за нею невѣста на двухъ отдѣльныхъ, но связанныхъ между собою саняхъ. Между тѣмъ, стоящія по сторонамъ женщины бросаются къ санямъ невѣсты со словами: „Зачѣмъ лежишь? Сиди прямо: отецъ живъ и мать жива“, хватаютъ ее за лицо, говоря: „Пригоже лицо“. Такимъ образомъ свекровь проводитъ невѣсту три раза вокругъ чума, затѣмъ уводитъ въ чумъ и вручаетъ своему сыну, чѣмъ и оканчивается свадьба. Съ этого дня начинается у Самоѣдовъ общее ложе, если оба лица находятся въ совершенномъ возрастѣ. Въ противномъ же случаѣ бываетъ запрещеніе на годъ и болѣе.—Г. Иславинъ, изучавшій Самоѣдовъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка, описываетъ обряды, сопровождаю-

шіе заключеніе брачнаго союза, нѣсколько иначе: Въ сумерки, по окончаніи пиршества у невѣсты, гости начинаютъ развѣзаться, всѣ, даже родные, выходятъ изъ чума и оставляютъ въ немъ только однихъ обрученныхъ. Послѣ полуночи женихъ долженъ выйти изъ чума, такъ чтобы никто не замѣтилъ, запречь своихъ оленей и уѣхать домой. На другой день свать, какъ главный распорядитель, снова является къ отцу невѣсты и стоваривается съ нимъ о днѣ свадьбы: созываютъ гостей и ѣдутъ въ невѣстинъ чумъ, гдѣ уже собралась вся ея родня, которая придерживаетъ двери изнутри какъ можно крѣпче и не пускаетъ жениховыхъ гостей до тѣхъ поръ, пока свать не подаритъ лисицу или песца, смотря по состоянію жениха. Если подарокъ понравится, то двери чума раскрываются, всѣ гости влѣзаютъ туда и садятся въ кружокъ по старшинству, женихъ рядомъ съ невѣстой. Послѣ угощенія, состоящаго изъ сырой оленины и вина, сажаютъ невѣсту на сани, покрываютъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ; къ ея санямъ привязываютъ нѣсколько саней съ приданнымъ, и длиннымъ воѣдомъ, съ возможною скоростью, обвозятъ ее, сперва вокругъ чума отца ея, а потомъ три раза вокругъ женихова чума, гдѣ родственницы жениха и гости, ставъ въ два ряда, встрѣчаютъ ее радостными вликами. Свекровь вручаетъ сыну молодую жену, и тѣмъ оканчивается свадьба ¹⁾. Крещеные вѣнчаются, когда приключиваются къ селеніямъ, какъ уже было сказано.

Выкупъ, даваемый за невѣсту и обыкновенно довольно значительный, соразмѣряется съ достоинствами невѣсты и богатствомъ жениха. Достоинствами невѣсты считается ея богатое приданое, молодость и красота. Это послѣднее условіе также немало значитъ. Дѣвушка, которая имѣетъ, по словамъ самоѣдской пѣсни, „маленькіе глазки, широкое лицо и румянецъ, похожій на утреннюю зарю передъ непогодой, прямой носъ и вывороченныя ножки,“ то-есть, всѣ характеристическія черты самоѣдскаго идеала женской красоты, цѣнится дорого. Плата за невѣсту дается всегда оленями, сверхъ которыхъ прибавляютъ иногда шкуры песцовъ, лисицъ и другіе предметы. Вотъ какъ велика плата за невѣсту у Самоѣдовъ раз-

¹⁾ *Бастренъ* въ *Современникъ* 1846 г., № 10.

ныхъ состояній: Богатые даютъ—по 100 и по 200 оленей; кромя того 100—200 песцовъ, 1—2 чернобурыхъ или 10 красныхъ лисицъ, 3 сажени тонкаго алаго, оняго или желтаго сукна, 1 мѣдный котель. Самоѣды средняго состоянія: отъ 25 до 50 оленей, 25—50 песцовъ, 1 — 2 красныхъ лисицъ, 8 сажени недорогого сукна, 1 мѣдный котель. Бѣдные даютъ: отъ 10 до 20 оленей или деньгами отъ 7 до 15 рублей серебромъ ¹⁾. Такъ дѣлается у Самоѣдовъ Большеземельской тундры. Въ другихъ мѣстахъ вовсе не даютъ денегъ, а плата производится исключительно оленями отъ 10—100 штукъ. Женщина, выходящая замужъ вторично, цѣнится уже гораздо ниже.

Въ замѣнъ платы родители невѣсты снабжаютъ ее приданымъ. Приданое состоитъ изъ чума съ *моками* (оленьи шкуры, которыми покрывается чумъ), женскаго платья, хлѣба, масла, оленьины, одѣяла, постели и пр. Приданое складывается на санки, число которыхъ пропорціонально числу оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту; именно, на каждый десятокъ оленей полагаются однѣ санки. (Надо замѣтить, что самоѣдскій десятокъ равняется нашему числу девять, такъ что если назначено дать за невѣсту 100 оленей, то дается десять десятковъ, то-есть, $9 \times 9 = 81$). Одинъ изъ пары оленей, которыми запряжены санки, выбирается изъ числа оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту, и назадъ родителямъ невѣсты тѣ олени не возвращаются. Даются еще двое саней, изъ которыхъ однѣ съ мужскою одеждою и снарядами для промысловъ, вещами, предназначенными въ подарокъ жениху, на другихъ ѣдетъ невѣста. Сверхъ приданаго, замужня дочь имѣетъ право въ концѣ каждаго года прѣвзжать къ отцу и брать у него одного оленя.

Приданое у Самоѣдовъ пріобрѣтается отцемъ и считается его собственностью, потому что все имущество Самоѣдовъ находится въ полномъ распоряженіи мужчинъ.

Приданымъ не можетъ безусловно распоряжаться жена, но распоряжается имъ мужъ.

Если жена умретъ вскорѣ послѣ замужества и не останется отъ нея дѣтей, тогда приданое возвращается ея отцу или роднымъ,

¹⁾ *Ислазигъ*, стр. 128.

выдаваемъ ея замужъ, а выкупъ, данный за невѣсту, идетъ обратно. Когда же жена оставитъ послѣ себя дѣтей, то приданое остается у мужа, обязаннаго вскормить дѣтей.

Жены имѣютъ собственности крайне мало. Если отецъ дарить замужней дочери оленей, то эти олени поступаютъ въ ея полную собственность, и она клеймитъ ихъ по своему. У богатыхъ мужей жена бываетъ иногда въ правѣ продать убитаго *ныжика* (шкурка молодого оленя), *нимы* (обувь) или *камусы* (кожа съ лапъ оленя) и взять деньги въ свою пользу. Но это рѣдкое исключеніе. Общее правило, что мужъ распоряжается всѣмъ имуществомъ жены, продаетъ и покупаетъ по собственному усмотрѣнію, не смотря на то, что женщина въ семьѣ работаетъ сколько есть силъ, несравненно больше мужчины.

У Самоѣдовъ-язычниковъ бракъ есть союзъ временный, обязательный лишь до тѣхъ поръ, пока супруги хотятъ жить вмѣстѣ. Въ противномъ случаѣ, они его безъ всякихъ трудностей расторгаютъ, получая полную свободу заключать новые брачные союзы. Если мужъ заподозритъ жену въ невѣрности, или если она почему-либо ему не понравится, то онъ отсылаетъ ее къ родителямъ, иногда же преслѣдуетъ ее до того, что та сама бросаетъ его и уходитъ къ отцу, и уходя, забираетъ свое имущество. Если же нѣтъ родителей, то она ходитъ по чужимъ людямъ, нищенствуетъ. Когда мужъ самъ отсылаетъ жену, то олени, которыхъ онъ за нее заплатилъ, не возвращаются ему, а остаются во владѣніи тестя. Если жена оставляетъ мужа по своему желанію, то отецъ ея долженъ возвратить мужу оленей ¹⁾. По словамъ г. Шренка, приданое жены, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, остается у мужа ²⁾. У Самоѣдовъ-христіанъ развода не бываетъ, такъ какъ онъ сопряженъ съ большими затрудненіями, но супруги тѣмъ не менѣе сохраняютъ полную свободу расходиться въ случаѣ неудовольствій, и дѣйствительно, часто расходятся.

Начальникъ Уральской экспедиціи г. Гофманъ передаетъ нѣсколько случаевъ того, какъ самоѣдскія женщины обращались къ нему съ просьбой уладить ихъ супружескія отношенія. Описывая

¹⁾ *Летпись*, стр. 223.

²⁾ *Путешествіе*, I, стр. 478.

*

свое пребываніе на р. Барѣ, онъ говоритъ: „Въ чумѣ нашего, еще не крещенаго хозяина жила, съ тремя маленькими дѣтьми своими, одна его родственница, которую мужъ прогналъ отъ себя, чтобы жениться на другой, которая, съ своей стороны также оставила мужа и маленькаго ребенка. Отверженная жена пожаловалась на свое несчастье Чупрову (Зырянинъ, провожавшій экспедицію) и сказала, что она была бы готова воротиться къ своему мужу, и что другой мужъ также радъ бы былъ принять опять свою жену къ себѣ, потому что у него нѣтъ довольно достатка для покупки другой жены. Чупровъ просилъ меня привести въ порядокъ дѣла этихъ семействъ, пменно, чтобы я призвалъ въ чумъ, въ которомъ буду завтра ночевать, Самоѣда съ его красавицей и приказалъ ему принять къ себѣ опять первую жену съ ея дѣтьми, а забывшую свою обязанность красавицу возвратитъ ея мужу. Я возразилъ на это, что не имѣю никакого права на такія распоряженія, да и Самоѣды едва ли меня послушаются. „Худо же ты знаешь Самоѣдовъ“, отвѣчалъ Чупровъ, — „они всегда трусливы, а особливо когда чувствуютъ себя неправыми; прикрикни только хорошенько и пригрози, что онъ будетъ сидѣть съ своею любезною въ Мезенской тюрьмѣ, онъ тотчасъ послушается, а ты сдѣлаешь доброе дѣло“. Я позволилъ Чупрову завернуть мимоѣздомъ на возвратномъ пути къ Самоѣду, позвать его къ завтрашнему вечеру ко мнѣ на судъ и объявить достойной четѣ, что ее ожидаетъ, если она мнѣ не покорится. Эта угроза имѣла надлежащее дѣйствіе. Бѣдняга даже не явился ко мнѣ, но г. Брантъ въ послѣдствіи мнѣ разказывалъ, что онъ на другой день пріѣхалъ съ любовницей въ чумъ къ своей женѣ и просилъ ее воротиться въ его шалашъ но первый разъ безъ дѣтей. Другую жену обѣщалъ онъ было отвезти послѣ къ ея мужу. Тутъ Самоѣдка вооружилась всѣми своими правами, прочитала мужу длинную проповѣдь и объявила, что она тогда только воротится къ нему, когда другая жена будетъ отвезена домой, но и то воротится не безъ дѣтей. Все это составило очень патетическую сцену; послѣ того Самоѣдъ взялъ въ чумѣ ружье, какъ бы для того, чтобы застрѣлить на тундрѣ крестоватика, и уѣхалъ съ своею красавицею, но часа черезъ два воротился хромою и окровавленнымъ, разказалъ своей женѣ, что онъ хотѣлъ съ горя застрѣлиться, и потомъ они всѣ трое отправились въ его чумъ, оставя

дѣтей, которыхъ впрочемъ, черезъ два дня также забрали... Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ былъ лишать себя жизни, потому что самоубійцы наносятъ себѣ ударъ въ болѣе опасную часть тѣла чѣмъ пятка¹⁾.

Далѣе г. Гофманъ, разказываетъ слѣдующее: „Во время пребыванія на р. Ойо одна женщина Самоѣдка подошла ко мнѣ съ переводчикомъ и принесла на своего мужа жалобу, въ томъ, что онъ воръ, мошенникъ и большой негодяй, который колотитъ ее, не жалѣя ни ея, ни дѣтей, такъ что оставагься у него долѣе тяжело для ея совѣсти, не говоря ужь о неприятности побоевъ, и потому она проситъ меня позволить ей бросить его. Это было требованіе совершенно противоположное карскому: тамъ я долженъ былъ соединять, здѣсь разлучать. Я велѣлъ сказать ей, что не могу ничего ни позволять, ни запрещать, но думаю, что она, по всѣмъ правиламъ, можетъ оставить мужа, если онъ колотитъ ее. Она пожелала, чтобъ я далъ ей этотъ отвѣтъ на бумагѣ; это мнѣ показалось слишкомъ по цивилизованному, и я, чтобъ узнать причину такого желанія, спросилъ ее, отчего она больше затрудняется разлукою съ мужемъ, нежели прочіе земляки ея. На это она отвѣчала съ совершенною наивностью: мы оба окрещены и обвинчались въ церкви, иначе я никого не стала бы просить о разводѣ; меня и теперь хочеть взять къ себѣ другой. Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, было гораздо побудительнѣйшею причиною къ настоящей ея просьбѣ, чѣмъ тяжелые булаки ея мужа и ея чувствительная совѣсть; но мнѣ было утѣшительно узнать, что усилями миссіи положена наконецъ нѣкоторая преграда нравственной необузданности этого полудняго племени“.

Еще тотъ же авторъ сообщаетъ: „неразрывные браки Самоѣдамъ язычникамъ неизвѣстны. Жена оставляетъ мужа, если ей другой понравится больше; мужъ прогоняетъ жену и ребенка изъ своего чума и не заботится о ихъ участи, если только можетъ замѣнить ее другою. Этимъ-то и объясняется, почему они боятся крещенія: оно положило бы на нихъ неразрывные брачные узы. Еще до брака обращеніе между собою двухъ половъ не возбранно, и на дѣвушекъ, вырастающихъ безъ ребенка, смотрять съ нѣкоторою недовѣрчивостью“¹⁾).

¹⁾ Сѣверный Уралъ Гофмана, II, 152, 158 и 206.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Самоѣды-язычники не знаютъ ни именъ, ни фамилій, а имѣютъ только прозвища. Прозвища совершенно зависятъ отъ произвола родителей даже стороннихъ людей и даются болѣе соображаясь съ замѣченными въ младенцѣ особыми свойствами или недостатками, съ мѣстомъ рожденія его или же съ событіями, сопровождающими его на свѣтъ. Г. Иславинъ приводитъ въ примѣръ слѣдующія прозвища, мужскія: Ачеканъ—ребенокъ, Ненчійко—человѣкъ, Тарко—мохнатый, Барни—черный, Ваталя—лицный, Нярууи—бѣлый, Яргадъ—плакса, Ханю—мерзлый, Тагана—хворный, Саринкъ—волкъ, потому что оказался воромъ, Тенекко—лисица, потому что родился въ день счастливаго улова лисицы, Пайга—пеледь, потому что въ этотъ день былъ обильный уловъ пеледей, Мюсь—обозъ, потому что родился во время слѣдованія по тундрѣ оленьихъ обозовъ, Немзя—потому что въ день рожденія ребенка пріѣхалъ въ чумъ Кастрень, котораго во всемъ Печорскомъ краѣ не иначе звали какъ Нѣмецъ; женскія имена: Солоне—глупая, Нюкце—дитя, Нѣко—дѣвка, Прирбтѣ—дѣвица, Майда—хромая, Янчей—кривая. Крещенные Самоѣды носятъ обыкновенно два имени: русское и самоѣдское, а некрещенный Самоѣдъ, если богатъ, вмѣняетъ себѣ въ особую честь, когда Русскій дастъ ему русское имя; тогда онъ считаетъ его крестнымъ отцомъ своимъ и ежегодно даритъ лучшаго оленя изъ стада ¹⁾. Въ официальныхъ бумагахъ обыкновенно крещенные Самоѣды пишутся только именемъ и отчествомъ, иногда и фамиліей, или именемъ и родомъ, наиримѣръ Иванъ Васильевъ, Петръ Михайловъ Ардѣевъ, Григорій Васильевъ роду Внучейскаго, Савва Хатанзей—Тысьи, Анна Логейская и т. п.

Самоѣды живутъ небольшими семьями, такъ какъ они очень любятъ дѣлиться. Сколько-нибудь состоятельный отецъ, послѣ женитьбы сына, тотчасъ старается отдѣлить его въ особый чумъ. Иногда отдѣлившіеся живутъ своимъ совершенно особеннымъ хозяйствомъ; иногда же, хотя и отдѣляются въ особый чумъ, но продолжаютъ составлять общую съ родителями семью, имѣютъ съ ними общій трудъ, домоводство и пропитаніе.

¹⁾ *Иславинъ*, стр. 122-123.

Причиной раздѣловъ и отдѣловъ бывають семейныя неудовольствія в распри, которыя обыкновенно не доходятъ до суда, а кончаются тѣмъ, что недовольные уходятъ въ отдѣльный чумъ; если же помиряется, то опять сходятся жить вмѣстѣ. Дѣлажь имѣнія произведется также всегда миролюбивымъ семейнымъ образомъ.

Впрочемъ иногда въ одномъ чумѣ помѣщаются довольно большія семьи. Такъ одинъ Самоѣдинъ сообщалъ, что въ его чумѣ живетъ 11 человѣкъ: онъ съ женой, женинъ братъ съ женой, сестра его съ мужемъ, и кромѣ того, дѣти.

Родители у Самоѣдовъ пользуются большимъ уваженіемъ. Это уваженіе выражается наглядно въ мѣстѣ, какое они, по обычаю, занимаютъ въ чуму: они всегда сидятъ по правую сторону очага, между тѣмъ какъ дѣти занимаютъ лѣвую¹⁾. Всѣмъ имуществомъ семьи распоряжается отецъ; однако не отдѣленные сыновья имѣютъ иногда свою отдѣльную собственность, которая отъ нихъ вполне зависитъ²⁾. По смерти отца власть переходитъ къ старшему брату; если же тотъ не умѣетъ вести хозяйство, то и къ одному изъ меньшихъ, кто окажется способнѣе.

Вообще, преимущество распоряженія имуществомъ всегда принадлежитъ мужчинѣ, а не женщинѣ. Между тѣмъ оца принимаетъ большое участіе въ накопленіи этого имущества. Правда, она проводитъ большую часть своего времени въ чумѣ, дома, тогда какъ мужчина чаще бываетъ внѣ дома; Самоѣдинъ увѣзжаетъ на промысла, пасетъ оленей и т. п. Но обязанности женщины гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ обязанности мужчины. При постоянныхъ перекочевкахъ весь трудъ перенесенія жилищъ возложенъ исключительно на женщину. Она должна каждый разъ убрать и раскласть чумъ, устроить его: увласть землею и мхомъ или сѣнгомъ, устлать полъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы, накинуть на ковры оленьи шкуры и т. п.³⁾. Устроивъ чумъ, онѣ принимаютъ за разнообразную домашнюю работу, кото-

¹⁾ *Бастренъ* въ *Современникъ* въ 1846 г. № 10.

²⁾ *Бастренъ* въ *Современникъ* въ 1845 г. № 7.

³⁾ *Иславинъ*, стр. 24, 33. *Шренкъ* говоритъ, что гѣтомъ Самоѣдъ нѣсколько недѣль употребляетъ на охоту за гусями и на рыбныя ловли, зимой посѣщаетъ свои песковыя ловушки, въ остальное же время въ праздномъ покоѣ грѣется у огня, оставляя свои стада безъ призрѣнія; *Путеш.*, I, стр. 474.

рбй такъ много, что имъ не приводится никогда сидѣть безъ дѣла, тогда какъ мужчины проводятъ все время, свободное отъ промысловъ, совершенно праздно. Женщины готовятъ пищу, чистятъ посуду, заготавливаютъ дрова, разводять огонь, запасаютъ воду, въ свободное время обдѣлываютъ оленьи шкуры, шьютъ чумы, мужское и женское платье всякаго рода, выдѣлываютъ мягкую рухлядь и т. п. Часто также помогаютъ мужьямъ и на морскихъ промыслахъ ¹⁾).

Но не смотря на то, что дѣятельность женщины такъ существенно необходима и важна для поддержанія хозяйства Самоѣдича, сама женщина не пользуется никакимъ уваженіемъ со стороны мужчины. Она считается существомъ нисшимъ, даже нечистымъ, поганымъ. Во многихъ самоѣдскихъ обычаяхъ выражается презрѣніе къ женщинѣ. Она не можетъ переходить за черту *сникиуя* (священное мѣсто, напротивъ дверей, занимаемое божкомъ), а должна обходить это мѣсто, какъ бы ни былъ обходъ этотъ неудобенъ. Переступить черезъ *сникиуй* значитъ опоганить святиню, и самоѣдскія женщины строго чтутъ этотъ обычай. Нарушеніе его непременно навлекло бы, по понятіямъ Самоѣдовъ, какую-нибудь бѣду, и предупредить ее можно только, бросивъ въ *сникиуй* горящій уголекъ, такъ какъ „огонь все очищаетъ“ ²⁾. Еще больше удерживается Самоѣдка, чтобы не переступить черезъ огонь; переступленіе это было бы еще большимъ несчастіемъ; такъ какъ огонь пользуется у Самоѣдовъ большимъ уваженіемъ. Вообще всякая вещь, черезъ которую переступить женщина, считается нечистою и должна быть окуриваема для очищенія вересвомъ или оленьимъ саломъ. Если женщина перейдетъ дорогу, по которой Самоѣдинъ-язичникъ везетъ сани со своими божками, то онъ возвращается и объѣзжаетъ то мѣсто, по которому прошла женщина. Постель, на которой спитъ женщина, считается нечистою; самны сани, на которыхъ перевозятся женскія постели, считаются до того погаными, что ни одинъ Самоѣдинъ не сядетъ на нихъ, а если бы присѣлъ Русскій, то надъ нимъ смѣются и называютъ поганымъ ³⁾).

¹⁾ *Лепехинъ*, стр. 117; *Иславинъ*, 33.

²⁾ *Иславинъ*, стр. 33.

³⁾ *Лепехинъ*, стр. 115—117.

Женщина, какъ существо нечистое, не можетъ присутствовать въ чумѣ, гдѣ *тадибай* (шаманъ) приготовляетъ свой *полсеръ* (волшебный барабанъ). Она не можетъ присутствовать при обрядѣ жертвоприношеній и ѣсть мяса жертвеннаго животнаго, а также не можетъ прикасаться къ божку. Имъ также воспрещается ѣсть мясо тѣхъ животныхъ, которыя считаются у Самоѣдовъ священными, напримѣръ, медвѣдей ¹⁾. Если у язычниковъ Самоѣдовъ приходилось женщинѣ переѣзжать черезъ священную рошу, то чтобы не освернить ее, женщина должна была, прежде вступленія въ эту рошу, сорвать лоскутокъ сукна съ своей одежды, нуговницу или какое-нибудь другое украшеніе и привѣсить на дерево. Крещеные Самоѣды, само собою разумѣется, не соблюдаютъ многихъ изъ этихъ обрядовъ, имѣющихъ мѣсто только у язычниковъ, отстаютъ также и отъ обычая окуривать будто бы опоганенныя женщиною вещи, но все-таки продолжаютъ считать женщину нечистою. Особенно же нечистою считается родильница. Для нея ставится особый чумъ, который называется *сямай мядито*, то есть, поганый чумъ. Въ этотъ чумъ никто не входитъ, крошѣ родильницы и женщины, исправляющей обязанность повивальной бабки, которая напротивъ не выходитъ изъ него, пока не очистятся, обмывшись щелокомъ изъ березовыхъ губокъ ²⁾. Если нѣтъ особаго чума, то женщина родитъ и въ общемъ, но тогда бабка очищаетъ и чумъ, и людей, находящихся въ немъ, кропя водою, въ которой сварена березовая губка. Въ продолженіе восьми недѣль родильница считается столь нечистою, что не можетъ даже раздѣлять пищи съ мужемъ. Когда пройдетъ этотъ срокъ, ее окуриваютъ оленьимъ саломъ или верескомъ, а чумъ переносятъ на другое мѣсто. Если женщина случайно родила въ саняхъ, то тѣ сани сжигаются; олени, которые были впряжены, убиваются, а мясо ихъ отдается собакамъ ³⁾.

Вообще, положеніе самоѣдскихъ женщинъ очень тягостно и унижительно. Онѣ не могутъ даже принимать участія въ пиршествѣ своихъ мужей: если заколютъ оленя, то мужчины сначала насыщаются, а потомъ приступаютъ къ трапезѣ женщины, кото-

¹⁾ Шренкъ, I, стр. 407 и 408.

²⁾ Иславинъ, стр. 121.

³⁾ Лепезинъ, стр. 116—117.

рыя должны довольствоваться объѣдами¹⁾. Даже русская женщина, болѣе чистая, по понятіямъ Самоѣдовъ, не можетъ раздѣлять пиршествъ съ мужчинами. Кастрень, присутствовавшій на самоѣдской свадьбѣ съ женой священника, разказываетъ, что онъ едва могъ убѣдить хозяйку чума, чтобы тотъ пригласилъ и его спутнику пить чай вмѣстѣ²⁾. Когда мужчина пьетъ водку, Самоѣдка, такая же страстная ѣхотница до нея, только смотритъ ему въ глаза и ждетъ, не удѣлитъ ли онъ ей хоть немножко³⁾. Будь Самоѣдка матерью, женой или дочерью—всегда ея положеніе тяжело и полно унижительной зависимости отъ мужчины, который столько ей обязанъ. Но изъ всѣхъ положеній самоѣдской женщины самое тяжелое есть положеніе жены, особенно у Самоѣдовъ-язычниковъ, гдѣ допускается многоженство. Мужъ съ женой всегда обращается грубо⁴⁾, да и не можетъ быть иначе при ихъ взглядахъ на женщину. Тяжесть же положенія женъ еще увеличивается соперничествомъ, которое естественно возникаетъ между ними, такъ какъ каждая изъ нихъ желаетъ преобладанія надъ прочими; мужъ обыкновенно не вмѣшивается въ дѣла своихъ женъ, предоставляя имъ самимъ вѣдаться, какъ знаютъ. Изъ женъ болѣе имѣетъ уваженіемъ, а слѣдовательно, и болѣе имѣетъ правомъ на власть и преобладаніе, пользуется первая жена. Если у Самоѣдина нѣсколько женъ, то онѣ чередуются между собою въ ухаживаніи за мужемъ. Дежурная жена должна убирать чумъ, стлать постель, одѣвать и раздѣвать мужа, сушить *люнты* (родъ обуви) и проч.; дежурство продолжается обыкновенно недѣлю⁵⁾. Самоѣдская женщина такъ свыклась со своимъ положеніемъ полной зависимости, такъ мало имѣетъ понятія о чемъ-либо лучшемъ, что для нея угодить мужу есть главная цѣль жизни, первый предметъ ея мыслей, заботъ и желаній. Сама она совершенно обезличивается, теряетъ даже способность самостоятельно желать и чувствовать, что очень хорошо видно изъ слѣдующаго разказа Кастрена: Этотъ путешественникъ взялъ для изученія самоѣдскаго языка

¹⁾ *Иславиъ*, стр. 35.

²⁾ *Кастрень* въ *Современникъ* 1846 г. № 10.

³⁾ *Кастрень* въ *Современникъ* 1845 г. № 7.

⁴⁾ *Иславиъ*, стр. 130.

⁵⁾ Отчетъ комиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

толковаго Самоѣдина съ семействомъ и всѣми силами старался привязать его къ себѣ, чтобы удержать подольше; но тотъ все скучалъ о своей тундрѣ. „Мужъ былъ постоянно занятъ мною; жена шила самоѣдскія платья и иногда помогала мужу въ переводѣ. Я часто слышала, какъ она часто вздыхала, и когда я однажды спросилъ о причинѣ ея грусти, она зарыдала и отвѣчала со слезами, что тоскуетъ о своемъ мужѣ, который долженъ жить взаперти. „Твоему мужу“ возразилъ я, — „не хуже, чѣмъ и тебѣ самой. Скажи, какъ ты сама довольна своимъ положеніемъ?“ „Я не думаю о себѣ; я тужу только о своемъ мужѣ“, былъ простодушный отвѣтъ ¹⁾.

Женщина у Самоѣдъ почти не имѣетъ права собственности, такъ какъ даже ея приданое находится въ полномъ распоряженіи мужа, какъ было сказано выше.

Впрочемъ, женщина, какъ мать, приобретаетъ нѣкоторое значеніе и за смертью мужа, до возраста дѣтей, управляетъ всѣмъ чумомъ и имуществомъ на правахъ полной хозяйки, нанимая для промысловъ и другихъ работъ внѣ дома работника.

Послѣ смерти матери, ея приданое имущество не поступаетъ дочерямъ, какъ обыкновенно, но сыновьямъ; дочерямъ же достается только незначительная часть.

Незаконнорожденные дѣти пользуются у Самоѣдъ такими же правами, какъ и законныя. Но если мужъ узнаетъ, что родившійся ребенокъ не его, то случается, отсылаетъ жену и съ ребенкомъ къ ея родителямъ.

Усыновленіе также извѣстно Самоѣдамъ; усыновленные пользуются всѣмъ имуществомъ усыновителя.

3. Опека и попечительство.

Попеченіе о сиротахъ обыкновенно берутъ на себя ближніе или дальніе родственники, которые считаютъ это прямою своею обязанностью. Они кормятъ и одѣваютъ сиротъ, если у тѣхъ даже нѣтъ никакого имущества ²⁾. Если же есть имущество, то берутъ

¹⁾ *Современникъ*, 1846 г., № 10.

²⁾ *Кастренъ* въ *Современникъ* № 1846 г., № 10.

его въ свое распоряженіе и при совершеннолѣтій сиротъ отдають имъ имущество сполна, въ цѣлости, съ прибиткомъ или приплюдомъ, если онъ окажется. Если же сами родственники, по какимъ-либо причинамъ, не могутъ держать малолѣтнихъ у себя, то отдають ихъ въ постороннія руки съ условіемъ платить за ихъ вскормленіе до возраста; платятъ обыкновенно по опредѣленному числу оленей въ годъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

О клеймахъ. У Самоѣдовъ въ общемъ употребленіи клейма. Каждое изъ семействъ имѣетъ свое собственное клеймо, которое передается по наслѣдству изъ рода въ родъ, при чемъ родственники, напримѣръ, родные братья дѣлають маленькія измѣненія; эти клейма бывають вымышленныя, фантастическія. Теперь входятъ въ употребленіе клейма именныя, то-есть, начальныя буквы имени и фамиліи.

Именныя клейма преобладають у Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ, имѣющихъ болѣе частыя сношенія съ Русскими ¹⁾. Такъ какъ Самоѣды не имѣють письменности, то они употребляютъ свои клейма вмѣсто подписей при рукоприкладствахъ на всѣхъ прошеніяхъ, жалобахъ и т. п. бумагахъ, также ставятъ на биркахъ, которыя отдаетъ должникъ своему кредитору вмѣсто росписки и пр. Клейма служатъ и вмѣсто печати; ихъ прикладываютъ къ убитой и оставленной добычѣ, чтобы никто не воспользовался ею въ отсутствіе хозяина ²⁾. Много и другихъ примѣненій имѣють клейма, но самое изъ нихъ распространенное—это приложеніе клеймъ на оленяхъ. Богатые клеймятъ своихъ оленей на спинѣ, а бѣдные клеймятъ уши. Самоѣдскій обычай клеймить оленей вызванъ настоятельною необходимостью имѣть какой-либо способъ отличать своихъ оленей въ большихъ стадахъ, какими они обыкновенно падутся. Если кто украдетъ оленя, то тотчасъ переклеймиваетъ его по своему. Такъ Самоѣды пастухи устьицлемскихъ и пустозерскихъ крестьянъ постоянно переклеймивали оленей своихъ хозяевъ и передавали своимъ соотечественникамъ, представляя хозяевамъ, которые совершенно передали оленей въ ихъ распоряженіе, что

¹⁾ *Иславинъ*, стр. 45.

²⁾ *Архангельскія Губернскія Ведомости*, 1870 г. № 22.

олени пропадаютъ безъ вѣсти или погибаютъ отъ волковъ; такимъ образомъ значительно уменьшились стада этихъ крестьянъ ¹⁾).

Завладѣніе. Самый распространенный и имѣющій большое вліяніе на благосостояніе Самоѣдовъ родъ завладѣнія есть захваты Зырянами самоѣдскихъ тундръ: объ этомъ было говорено выше, въ статьѣ о юридическихъ обычаяхъ Зырянъ. Кроме Зырянъ, и Русскіе дѣлаютъ такіе же захваты тундръ, а также рыболовныхъ мѣстъ: такъ пустозерскіе крестьяне производятъ рыбную ловлю во многихъ озерахъ, находящихся въ тундрѣ и потому принадлежащихъ Самоѣдамъ, и такъ привыкли считать эти озера своею собственностью, что не подпускаютъ къ нимъ настоящихъ владѣльцевъ ²⁾. То же дѣлаютъ и мезенскіе крестьяне съ Самоѣдами Каминской и Тиманской тундръ.

Находка. Находка вещей не вознаграждается опредѣленною частью: иной, нашедши вещь и возвративши ее хозяину, въ награду выпьетъ водки или возьметъ что-нибудь, другой не беретъ ничего. Такъ одинъ Самоѣдинъ разказывалъ, что онъ нашелъ утраченный совикъ и отдалъ его хозяину безъ всякаго вознагражденія. На звѣринныхъ промыслахъ нашедшій мертвaго звѣря, убитаго, напримѣръ, въ устьѣ рѣки и унесеннаго ея теченіемъ, получаетъ половину этого звѣря, другая же половина принадлежитъ охотнику, который убилъ звѣря, настоящему хозяину добычи.

Дареніе. У Самоѣдовъ въ большомъ употребленіи обычай дѣлать подарки. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и торжественныхъ случаяхъ жизни подарки обязательны. Невѣста, отправляясь въ чумъ жениха, везетъ ему подарки, состоящіе изъ мужского платья, промысловыхъ снастей и т. п. Родильница послѣ каждаго родовъ получаетъ отъ отца оленя ³⁾. Некрещенный Самоѣдинъ, богатый, считаетъ за особенную для себя честь, если Русскій даетъ ему русское имя; этого Русскаго считаетъ онъ своимъ крестнымъ отцемъ и даритъ ему ежегодно лучшаго оленя изъ своего стада. Если Самоѣдинъ дѣлаетъ подарокъ сверхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ обычай сдѣлать это обязательнымъ,

¹⁾ *Иславитъ*, стр. 67.

²⁾ *Иславитъ*, стр. 86.

³⁾ *Иславитъ*, стр. 120.

напримѣръ, дарить что-нибудь гостю, то ждёт отплаты и даже требуетъ ея: Такъ Кастренъ разказываетъ слѣдующее: „Хозяйка чума подарила мнѣ рыбу, но въ отплату требовала кольцо съ моего пальца. Я щедро вознаградила ее за рыбу, но ничто, кромѣ кольца, не могло удовлетворить Самоѣдку, и она всю ночь сидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума“¹⁾).

Наслѣдованіе. Отецъ, выдѣлившій сыновей, оставляетъ часть имущества на свою долю и затѣмъ живеть или у одного избраннаго имъ, или у каждаго изъ сыновей погодно. Въ первомъ случаѣ участокъ его, послѣ смерти, идетъ въ тому сыну, у котораго онъ жилъ; во второмъ—этотъ участокъ дѣлится между сыновьями поровну. Если при сыновьяхъ есть незамужняя дочь, то и ее обыкновенно не обижаютъ, даютъ и ей часть изъ имущества: если сыновья получаютъ по пая, то ей достается около половины пая.

Имущество матери наследуется ея дѣтьми, преимущественно сыновьями, но часть получаютъ и дочери.

Если жена умереть бездѣтная, то ея имущество переходитъ къ отцу ея или родственникамъ, напримѣръ, брату, но не мужу.

Имущество бездѣтнаго брата наследуется остальными братьями; незамужняя сестра также пользуется половиной пая.

Словесныя духовныя завѣщанія не имѣютъ силы и всегда оспариваются дѣтьми, если составлены въ ущербъ кому-нибудь изъ нихъ. Самоѣды привыкли къ письменнымъ духовнымъ завѣщаніямъ, которыя составляются на собраніяхъ, записываются писарями и утверждаются свидѣтелями. Это мы говоримъ о Самоѣдахъ Канинской тундры.

У богатыхъ Самоѣдовъ есть дорогія шкуры лисиць и другихъ звѣрей, которыя считаются неприкосновенною родовою собственностью и передаются въ наслѣдство отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этихъ шкуръ они не продаютъ ни за какія деньги, и трудно даже добиться позволенія взглянуть на эти шкуры, очень цѣнныя.

Договоры и сдѣлки. Самоѣды занимствовали отъ Русскихъ обычай, сопровождающіе заключеніе сдѣлокъ, рукобитье и литки; особенно послѣднія въ большомъ употребленіи. Самоѣды такъ привыкли скрѣплять все водкою, такъ пристрастились къ ней, что ни

¹⁾ Кастренъ въ *Современникъ* 1846 г., № 10.

одинъ Самоѣдникъ не станетъ торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки ¹⁾). Русскій самъ, съ своей стороны, старается всегда вести дѣло съ Самоѣдникомъ при помощи водки. За водку, которую Русскіе оцѣниваютъ обыкновенно въ нѣсколько разъ, а часто даже въ нѣсколько десятковъ разъ выше настоящей ея стоимости, Самоѣды готовы отдать все и заключить какія угодно условія ²⁾).

Этимъ обстоятельствомъ пользуются Русскіе и Зыряне, чтобы заключать съ Самоѣдами выгодныя для себя сдѣлки и условія всякаго рода. Эти сдѣлки, заключаемыя Самоѣдами въ пьяномъ видѣ, для нихъ также обязательны, какъ еслибы были заключены въ трезвомъ. Сдѣлки касаются не только купли и продажи или мѣны, но часто также найма въ работу, такъ какъ Зыряне и Русскіе охотно нанимаютъ Самоѣдовъ себѣ въ работники. Во многихъ случаяхъ Самоѣды совершенно необходимы имъ, какъ напримѣръ, для пастьбы оленей, на морскихъ промыслахъ и т. п. Эти наймы составляютъ большею частью эксплуатацію Самоѣдовъ нанимателями. Правительство, зная это зло, желало его предупредить и издало Положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ Мезенскими Самоѣдами; положеніе это вошло въ Полное Собраніе Законовъ.

Самоѣдамъ предоставлено явочные наймы въ работу писать на простой бумагѣ. Условія найма не простираются на дѣтей и приемшей. Срокъ найма не простирается долѣе одного года. Всѣ споры, возникающіе между работникомъ и хозяиномъ, разрѣшаются по силѣ условій. Ежегодно, по окончаніи срока, между работникомъ и хозяиномъ, чинится расчетъ, и если хозяинъ остается должнымъ работнику, то немедленно его удовлетворяетъ. Если мірское общество попуститъ, что работникъ, по окончаніи срока, не получитъ отъ хозяина расчета, или получивъ расчетъ, по оному останется не удовлетвореннымъ, — то по жалобѣ работника, само будетъ подлежать платежу всего иска. Земская полиція обязана имѣть за симъ строгое наблюденіе ³⁾).

¹⁾ *Иславинъ*, стр. 81.

²⁾ *Архангельскія Губернск. Вѣд.* 1850 г., № 18.

³⁾ П. С. З. за 1835 г., № 8072, отд. I, §§ 7, 9, 10, 15 и 20 сказаннаго положенія. *Прим. ред.*

Имъ дозволено дѣлать наѣмы въ работу и словесно, безъ письменныхъ условій и безъ явки ихъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, во „таковыя условія, нигдѣ не записанныя и не явленныя, основанныя на одномъ личномъ довѣрїи, въ случаѣ не устоянїи, не подлежатъ никакому судебному разбирательству ни у старостъ самоѣдскихъ, ни въ волостныхъ правленїяхъ, ни въ земскихъ судахъ, ни въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Обѣ стороны могутъ въ сей неустойкѣ разбираться полюбовно черезъ посредниковъ, если обѣ выбрать ихъ согласятся, и сей разборъ есть окончательный; жалобы на него нигдѣ не прїемлются“¹⁾). Но этой статьи устава все-таки недостаточно, чтобъ оградить совершенно интересы Самоѣдовъ отъ посягательствъ ихъ сосѣдей. Они нанимали и продолжаютъ нанимать Самоѣдовъ на самыхъ выгодныхъ для себя условїяхъ, пользуясь бѣдностью Самоѣдина и склонностью его къ водеѣ. Часто случается, что работникъ, нанимающій къ хозяину Русскому или Зырянину, попадаетъ въ кабалу, изъ которой никакъ не можетъ избавиться; какъ это дѣлается, будетъ сказано ниже. Что значить у нихъ наемъ въ работу, можно видѣть изъ названїя самостоятельныхъ Самоѣдовъ-оленехозяевъ *вольными*, въ противоположность не имѣющимъ своихъ оленей и потому нанимающимся въ работу²⁾). Въ Большеземельской тундрѣ вольныхъ Самоѣдовъ немного болѣе половины всего Самоѣдскаго населенїя тундры; другая половина или вовсе не имѣетъ оленей, или же имѣетъ ничтожное количество: тѣ и другїе нанимаются къ Зырянамъ и Русскимъ въ работники, или же скитаются по мѣру, живя милостынею, „*сидятъ на подомѣ*“ по мѣстному выраженїю, и называются *подомскими*. Въ работники къ Зырянамъ-оленеводамъ поступаютъ также Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ.

Условїя, заключаемыя между работникомъ и хозяиномъ, бываютъ различны: степень ихъ выгоды зависитъ отъ способностей работника и отъ того рода занятїй, для каковаго онъ нанимается, а также отъ числа душъ его семейства. Самое обыкновенное изъ условїй есть уплата за Самоѣдина подати въ казну и продовольствованїе его и семейства пищей и одеждой. Продовольствованїе ра-

¹⁾ П. С. З. 1835 г., № 8072 отд. I, § 35.

²⁾ *Иславиль*, стр. 71.

ботника стоятъ очень немного, такъ какъ пищу онъ получаетъ самую дурную: поколѣвшихъ или зарѣзанныхъ волками оленей, гнилую или мелкую рыбу и т. п. предметы, не имѣющіе почти никакой цѣнности, исключая хлѣба, котораго Самоѣды ѣдятъ мало. На одежду идутъ доскутыя, остающіеся отъ шитья малицъ на семейство хозяина и на продажу или подошвенныя платья. Кромѣ содержанія натурою, работникъ получаетъ еще плату деньгами, но всегда очень незначительную. Эта плата тѣмъ меньше, чѣмъ больше въ семействѣ работника дѣтей и дряхлыхъ стариковъ, следовательно, чѣмъ больше идетъ на него содержанія пищею и одеждою. По вычислениямъ г. Иславина, хозяинъ платитъ среднимъ числомъ 4 р. 21³/₄ коп. Плата самому способному работнику не превышаетъ 15—18 р. въ годъ. Но Самоѣдину-работнику рѣдко удается получить и эту ничтожную плату; обыкновенно она остается у хозяина, который снабжаетъ его и семейство лишнею одеждою или пищею сверхъ положенныхъ въ услови, также виномъ, табакомъ и другими вещами, и обыкновенно Самоѣдинъ наживаетъ у хозяина еще большой долгъ. Этого долга Самоѣдину никакъ не удастся выплатить, и такимъ образомъ онъ остается въ вѣчной и полной зависимости отъ своего хозяина, не имѣя ни малѣйшей возможности сдѣлать какое-нибудь сбереженіе, которое могло бы обезпечить его хоть на нѣкоторое время и дать ему возможность найти болѣе выгодныя занятія. Иногда Самоѣдинъ попадаетъ въ кабалу хозяину за долги своихъ отцовъ, о которыхъ никогда и не слыхивалъ: Русскій или Ижмеецъ насильно беретъ Самоѣдина къ себѣ и удерживаетъ его, а бѣднякъ не имѣетъ возможности протестовать и остается такимъ образомъ въ неволѣ. Мы здѣсь говоримъ о хозяевахъ Русскихъ и Зырянахъ, занимающихся оленеводствомъ; они нанимаютъ работниковъ Самоѣдовъ главнымъ образомъ для помощи себѣ въ этомъ занятіи. Первая обязанность такого работника—стеречь оленей своего хозяина; но кромѣ того, онъ исполняетъ еще множество работъ всякаго рода: дѣлаетъ сани, бочки, лодки, шьетъ одежду, занимается для хозяина звѣринными промыслами и т. п. Хозяинъ знаетъ цѣну услугъ Самоѣдина, который въ тундрѣ совершенно необходимъ ему; но онъ знаетъ также, что бѣдняку некуда обратиться, кромѣ него, и потому не видитъ необходимости вознаграждать его заслуги, какъ слѣдуетъ. Иногда въ работники по-

ступаютъ и такіе Самоѣды, которые имѣютъ еще нѣсколько своихъ оленей, десятка два-три. Въ такомъ случаѣ они пасутъ своихъ оленей вмѣстѣ съ хозяйскими, но также рѣдко отходятъ отъ хозяина богаче, чѣмъ были, а обыкновенно проживаютъ даже то, что имѣли, и идутъ нищенствовать. Но недобросовѣстность хозяевъ вызываетъ протестъ со стороны эксплуатируемыхъ, выражающійся въ обманахъ и обкрадываніи хозяевъ, если тѣ недостаточно строго присматриваютъ за своими работниками. Такъ крестьяне Устьцылемской и Пустозерской волостей имѣютъ теперь немного оленей, тогда какъ владѣли прежде большими стадами. Причиной было то, что Самоѣды, которымъ предоставлены были олени въ полное распоряженіе, переклеймивали ихъ и передавали своимъ соотечественникамъ, докладывая хозяевамъ, что олени или поколѣвали, или зарѣзывались волками: между Самоѣдами нѣтъ обычая, чтобы пастухъ отвѣчалъ за скотину, когда ее съѣстъ звѣрь, такъ какъ за этимъ трудно услѣдить, особенно въ темныя осеннія ночи; Самоѣдинъ отвѣчаетъ въ томъ только случаѣ, если убьетъ оленя или искалѣчитъ его съ злымъ намѣреніемъ. Наученные этимъ примѣромъ, хозяева не оставляютъ теперь стадъ безъ всякаго присмотра и завели въ тундрѣ съ этою цѣлью поселенія, избы въ двѣ-три, которыя и сдѣлались центрами мѣновой торговли съ Самоѣдами ¹⁾. Г. Иславинъ, изъ сочиненія котораго мы заимствовали факты объ отношеніяхъ хозяевъ и работниковъ, говорить о Самоѣдахъ Большеземельской тундры; но то же самое повторяется и въ другихъ мѣстахъ. Та же система притѣсненія и взаимнаго обмана господствуетъ и въ отношеніяхъ Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ къ хозяевамъ Русскимъ, которые также имѣютъ оленей и нанимаютъ для пастбы ихъ работниковъ изъ Самоѣдовъ. Вотъ одно рѣшеніе Майденскаго волостнаго суда, разбирающее дѣло между хозяиномъ и работникомъ, отъ 18-го декабря 1867 года: Крестьянинъ деревни Койденской Василій Васильевъ Мадггинъ жаловался волостному суду, что Самоѣдинъ Канинской тундры Петръ Михайловъ Ардѣевъ въ 1866 году нанятъ былъ въ пастуха для пастбы оленей и по веснѣ того года былъ отправленъ со стадомъ оленей для *мтованія* на Канинскую землю. По

¹⁾ Иславинъ, стр. 60—63.

отправилъ: туда Петръ, при женитьбѣ брата своего Николая, убилъ собственныхъ Малыгина оленей, двѣ важенки; при этомъ находится племянникъ Василья, Евгений Малыгинъ. Послѣ сего братъ Петра Васильй украсть важенку и самъ въ похищеніи сознался. Онъ же взялъ *совикъ* подержать и утратилъ съ волчкомъ; кромѣ того, отдалъ отцу своему Михайлу Ардѣеву 14 оленьихъ тушъ говядины. Посему В. Малыгинъ и просилъ оначенныхъ оленей, *совикъ* и говядину съ Ардѣева взыскать и его удовлетворить. Майденскій волостной судъ вошелъ въ разбирательство этого дѣла и старался склонить тяжущихся къ примиренію, но они не согласились на это, при чемъ Ардѣевъ въ волостномъ судѣ призналъ за собою 5 оленей, *совикъ* и пять тушъ оленьей говядины, которые и обѣщалъ возвратитъ Малыгину, а остальныхъ за собою не призналъ. Такъ какъ ясныхъ доказательствъ Малыгинъ не представилъ, то волостной судъ опредѣлялъ: признавшихъ Ардѣевымъ за собою пять оленей, *совикъ* и пять тушъ говядины съ Ардѣева взыскать и оными удовлетворить Малыгина, а въ остальномъ взысканіи предоставить Малыгину отыскивать удовлетвореніе по представленіи ясныхъ доказательствъ.

Пустоверы нанимаютъ себѣ Самоѣдовъ въ пастухи и даютъ имъ относительно хорошее денежное вознагражденіе, до 50 р. въ годъ, и пропитаніе, то-есть, оленье мясо, котораго ѣдятъ вдоволь, частью рыбу и очень немного хлѣба; но за то пастухи занимаются, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей, промысломъ пушныхъ звѣрей и рыбы въ пользу хозяина¹⁾.

Русскіе промышленники, жители Мезени и окрестныхъ деревень, а также Пустоверскіе, нанимаютъ еще Самоѣдовъ для охоты на островѣ Колгуевѣ. Весною перевозятъ ихъ на этотъ островъ, снабдивъ пищей, одеждою, оленями для разѣздовъ и всѣми необходимыми орудіями для промысловъ, и оставляютъ тамъ на зиму. Эти Самоѣды поступаютъ въ работники или за известную плату, или за пай изъ добычи; саміе бѣдные — единственно изъ пищи и одежды. Они обязываются заниматься ловлею бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ звѣрей, песцовъ, гусей, а также собираніемъ гагачьяго пуху. Весною привѣзжаютъ на островъ хозяева, которые и

¹⁾ Отчетъ комиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

остаются здѣсь до половины или конца августа. Они привозят Самоѣдамъ одежду, при помощи которой заключаются условія на слѣдующій годъ, разумеется, не клонящаяся въ выгдѣ Самоѣдовъ. Самоѣды иногда попадаютъ также въ кабалу, изъ которой не могутъ высвободиться, и должны жить на островѣ безвыѣдно. Но надо сказать, что Самоѣды, эксплуатируемые безсвѣдно хозяевами, и тутъ не остаются у нихъ въ долгу. Они не отдають хозяевамъ всей упрощенной добычи, укрывая часть ея, которую промѣнивають другимъ промышленникамъ¹⁾.

Русскіе берутъ также Самоѣдовъ въ работники для морскихъ промысловъ. Иногда Самоѣды идутъ изъ-за части добычи, покрута, какъ будетъ сказано ниже; бѣдные же—изъ кѣба и ничтожной платы²⁾.

Самоѣды бѣдные нанимаются въ работѣ и къ своимъ соотечественникамъ, богатымъ Самоѣдамъ. Условія найма бывають различны: иной служить только изъ одежды, пищи и ушлезы подушного (1 р. съ души), иной за плату отъ 5 до 10 р. въ годъ.

Иногда Самоѣдинъ беретъ себѣ рабочаго для какого-либо извѣстнаго дѣла изъ пая. Такъ напримѣръ, одинъ Самоѣдинъ, имѣющій оленей, съ которыми приковываетъ каждую зиму въ Архангельску или Холмогорамъ, чтобы катать любителей, разказывалъ, что онъ вьзялъ рабочаго на такіе условія: работать на его оленяхъ, возить пассажировъ и катальниковъ, все же вырученное на пути изъ Мезени въ Архангельскъ дѣлать покламъ; содержание, то-есть, пищу и пр., имѣть свое.

Если рабочий уходитъ отъ хозяина по винѣ послѣдняго, напримѣръ, когда хозяинъ бьетъ его понапрасну, то при отходѣ работника хозяинъ долженъ разчитать его по день отхода. Если же работникъ уходитъ самовольно, то лишается слѣдующей ему платы.

Русскіе и Зыряне не всегда нанимають постоянныхъ работниковъ, но пользуются для своихъ надобностей временною помощью индичихъ Самоѣдовъ, которыхъ они берутъ для исполненія извѣстныхъ работъ; эти послѣдніе обходятся имъ еще дешевле, чѣмъ

¹⁾ Архангельскія Губ. Вид. 1850 г., № 18.

²⁾ Арх. Губ. Вид. 1857 г., № 45.

постоянные работники, и работают единственно из-за кусок хлеба, а не имеющие даже собственного чума из-за крова. Такие Самоёды работают у Эзрян на замшевых заводах и пользуются кровью и содержанием до зимы, когда прекращаются работы. Съ омованіемъ работъ ихъ выгоняютъ изъ дѣльныхъ павъ; тогда они бродятъ изъ павы въ паву, гдѣ позволяютъ имъ жить короткое время, если нужна ихъ работа. Если жь они не находятъ себѣ работы, то ищутъ прибѣжища у бѣдныхъ своихъ соотечественниковъ. Этыхъ Самоёдовъ нанимаютъ для шитья теплой оленьей одежды (этимъ занимаются женщины, известныя мастерицы въ такой работѣ) или выдѣлки оленьихъ шкуръ; въ дѣльное время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родится хлѣбъ, нанимаютъ женщинъ для полевыхъ работъ, а мужчинъ для домашнихъ крестьянскихъ занятій, для рыбной ловли и морскихъ звѣринныхъ промысловъ. Пользуясь трудомъ этихъ нищихъ Самоёдовъ, Русскіе и Эзряне не всегда нанимаютъ себѣ постоянныхъ работниковъ, такъ какъ вполне увѣренн, что во всякое время и для всякой необходимой имъ работы найдутъ достаточно дѣльныхъ рабочихъ рувъ, трудъ которыхъ приведетъ оплатить лишь ничтожнымъ содержаниемъ. Осенью, во время убоя скотины, эти Самоёды помогаютъ Ижемку-хозяину бить оленей единственно из-за крови и внутренностей животного¹⁾.

Въ Вольшеземельской тундрѣ существуетъ обычай, по которому богатые даютъ бѣднымъ оленей на подмогу изъ прилода. Бѣдный пасетъ вятыхъ оленей богача, кормится отъ нихъ, а за трудъ пастыби беретъ часть прилода, остальную же часть его возвращаетъ хозяину вмѣстѣ съ ватыми на подмогу оленями. Въ Канинской же тундрѣ богатые Самоёды отдаютъ оленей на поддержку бѣднымъ на слѣдующихъ условіяхъ: бѣдный беретъ нѣсколько штукъ, наиримѣръ, десятокъ неученыхъ оленей и упорребляетъ ихъ для ѣзды дѣльный годъ; когда же объѣздитъ ихъ хорошенько, то смирныхъ отдаетъ хозяину и беретъ снова не обязанныхъ. Обычай давать оленей бѣднымъ на поддержку очень распространенъ, потому что богатые Самоёды считаютъ себя обязанными помогать бѣдыкамъ на томъ основаніи, что ихъ много-

¹⁾ *Иславитъ*, стр. 63—68.

численныя стада вытѣпываютъ мотъ въ тундрѣ, общему самоѣдскому достоинію.

Если падеть олень, взятый на поддержаніе или въ долгъ, то взявшій обиванъ возвращаетъ вмѣсто него другаго.

Такъ относятся Самоѣды другъ къ другу, но не такъ относятся къ нимъ ихъ сосѣди — Зыряне и Русскіе. Имъ также случается ссужать бѣдныхъ Самоѣдовъ разными предметами, но эти ссуды далеко не такъ безкорыстны, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ Самоѣды, весьма ловкіе промышленники, не имѣютъ возможности завести снасти для ловли рыбы, хотя въ рѣкахъ и озерахъ тундры очень много ея. Пустозерскіе крестьяне снабжаютъ ихъ иногда сѣтями, лодками и пелюдами, но за это одолженіе выговариваютъ себѣ большую часть самоѣдскихъ промысловъ, если тѣ были удачны; если же промыслы были не совсемъ счастливы, то хозяева снастей насчитываютъ на Самоѣдовъ долгъ до будущаго промысловъ ¹⁾.

Впрочемъ, и между Самоѣдами известна отдача денегъ или вещей въ долгъ съ известнымъ процентомъ или прибавкомъ. Напримеръ, за 10 р., данныхъ займа на годъ, берутъ 1 р. процентовъ. Если берутъ въ долгъ наженку, то она отдается черезъ годъ съ приплодомъ, черезъ два съ другимъ. Но особенно невыгодно бываетъ Самоѣдамъ брать въ долгъ у Русскихъ, такъ какъ тѣ не стѣсняются въ средствахъ лишь бы выжать больше дохода на своего должника. Такъ одинъ Самоѣдинъ разсказывалъ слѣдующее: онъ взялъ весной у русскаго торговца въ Мезени въ долгъ два куля муки по 5 р. за куль, тогда какъ обыкновенная цѣна 11 р., съ тѣмъ чтобы отдать долгъ послѣ промысла, смотря по его удачѣ. Въ счетъ уплаты долга онъ отдалъ яри помутѣ 10 р., но по причинѣ неудачи промысловъ не могъ уплатить всего. Тогда Русскій обратился къ начальству и взялъ отъ Самоѣдина 6 оленей, поставивъ ихъ въ 3 рубля штука; тогда какъ каждая олень стоитъ 5 руб. Такъ, а часто и гораздо хуже, поступаютъ Русскіе и Зыряне со своими должниками изъ Самоѣдовъ. Между тѣмъ Самоѣды никакъ не могутъ отбѣгать отъ привычки брать товаръ въ долгъ и лучше согласятся дать дороже, но только чтобы ему повѣрили въ долгъ,

¹⁾ *Иславиль*, стр. 86.

а не требовали немедленной уплаты, хотя бы у него и были лишнія деньги ¹⁾.

Этимъ ихъ обычаемъ пользуются Ижемцы, снабжая Самоѣдовъ, Большеземельской тундры хлѣбомъ, оленьимъ мясомъ, солью, порохомъ, табакомъ, виномъ, разноцвѣтными сукнами, ножами, топорами и т. д. въ кредитъ, а потомъ получая по крайней мѣрѣ вдвое болѣе настоящей цѣны этихъ товаровъ; этимъ обычаемъ ихъ пользуются и Пустозеры (пустозерскіе крестьяне) и мезецкіе торговцы, находящіеся въ сношеніяхъ съ Самоѣдами Тиманской и Канинской тундры. Но надо сказать, что Самоѣды болѣею частью берутъ въ кредитъ по нуждѣ, и случается, попадають за неуплату долга въ кабалу къ своимъ кредиторамъ. Напримѣръ, если Самоѣдникъ, задолжавшій у Пустозера, не можетъ уплатить долга изъ своихъ промысловъ въ первый годъ, то уплата откладывается до слѣдующаго. Если жъ и въ слѣдующій годъ Самоѣдникъ не въ состояніи будетъ произвести уплаты, то Пустозерь беретъ его къ себѣ въ работники или отдасть въ работники кому-нибудь другому, съ тѣмъ, чтобы вся задѣльная плата шла на погашеніе долга. Если у Самоѣдина есть дѣти, то и на нихъ, за смертью отца, переносится долгъ: они должны или уплатить деньгами или заработать его. Потому нерѣдко можно видѣть, что дѣти и даже внуки платятъ за товары, забранные ихъ отцами и дѣдами, платятъ безотговорочно, даже если кредиторъ ихъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ подлинности долга ²⁾; такимъ образомъ нерѣдко злоупотребляютъ довѣрчивостью Самоѣдовъ.

Приводимъ интересный разговоръ съ Самоѣдиномъ, сообщае-
мый г. Шренкомъ: „Послушай-ка, ваше высочайшее подобіе“, говоритъ
мнѣ одинъ Самоѣдникъ, научившійся этому титулованію въ обра-
щеніи съ миссіонерами, — какъ ты думаешь, что хозяинъ не хо-
четъ меня отпустить?“, „Отчего онъ не хочетъ отпустить?“ спро-
силъ я. „Кабала мѣшается“. „Но вѣдь вамъ кабала нынче про-
щена?“ „Не могу сказать, но я ее еще имѣю“. „Какъ давно ты
служишь у хозяина?“ „Два года“. „Сколько ты въ годъ плати по-

¹⁾ *Иславитъ*, стр. 69.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г. № 37.

лучаешь?“ „Получаю двадцать рублей, говоритъ хозяинъ“. „Какъ часто получаешь ты деньги?“ „Я не получаю денегъ“. „Отчего нѣтъ?“ „Это кабала“. „Какъ сдѣлалъ ты свою кабалу?“ „Не знаю, я не дѣлалъ; мои покойные мать да братъ сдѣлали, говоритъ хозяинъ“. „Какъ же ты отслуживаешь долгъ, котораго не дѣлалъ? Можетъ быть, хозяинъ тебя обманываетъ?“ „Не знаю; но хозяинъ говоритъ, законъ велитъ мнѣ служить ему, потому что мать и братъ сдѣлали у него кабалу“. „Какъ велика твоя кабала?“ „Какъ могу я это знать? Это знаетъ хозяинъ лучше, чѣмъ я, у него это записано“ ¹⁾. И такой разговоръ происходилъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія устава объ устройствѣ Самоѣдовъ.

Доказательствомъ долготности долга служатъ бирки. Берутъ кусочекъ дерева, въ $\frac{1}{4}$ аршина длины, обстругиваютъ его со всѣхъ сторонъ, и отмѣчаютъ на немъ долгъ слѣдующими знаками: десятки рублей обозначаются крестиками или звѣздочками, рубль — палочками, копейки — точками. Самоѣдинъ вырѣзываетъ на этой биркѣ свое родовое клеймо, и затѣмъ она раскалывается пополамъ: одну половину беретъ заимодавецъ, другую должникъ ²⁾. По мѣрѣ уплаты денегъ значки срѣзываются съ бирокъ, по туземному *рубешей*. Эти рубези имѣютъ для Самоѣдина полную обязательность законнаго документа: по предъявленіи ихъ Самоѣды дѣлаютъ уплату безотговорочно. Бирки въ употребленіи между всѣми Самоѣдами, какъ Каннинскими, такъ и Тиманскими.

Самоѣды уплачиваютъ долги и покупаютъ товары обыкновенно не на деньги, а на свои промыслы, такъ что почти вся торговля между русскими и зырянскими торговцами и Самоѣдами носитъ характеръ мѣнковой. При этихъ мѣнковыхъ сдѣлкахъ Самоѣды эксплуатируются часто самымъ безбожнымъ образомъ. Сдѣлки заключаются всегда съ помощью водки, такъ что Самоѣды, въ большинствѣ случаевъ, совершаютъ ихъ съ отуманенными головами. Вотъ образцы мѣны Ижемцовъ съ Самоѣдами: за $\frac{1}{2}$ пуда соли, товаръ, стоящій около 40 коп., Ижемецъ беретъ съ Самоѣдина оленью шкуру или бѣлаго песца, цѣною 1 р.—1 р. 15 к., за пудъ муки—85 коп., три песца—3 р., за 3 пуда масла—14 пес-

¹⁾ Путешествіе, I, стр. 331.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 81.

повь. Самоѣды по неволѣ должны соглашаться на цѣны, какія запрашиваетъ торговецъ, такъ какъ имъ нѣтъ куда получить эти предметы первой необходимости и некуда сбыть свои товары помимо ижемскихъ извѣ, которыя строятся Ижемцами въ тундрѣ для пристража за своими оленьими стадами, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ мѣстомъ склада товаровъ и центрами мѣновой торговли. Такимъ образомъ Ижемцы держатъ Самоѣдовъ въ полной зависимости и разоряютъ ихъ ¹⁾.

При страшно дорогой цѣнѣ на соль, Самоѣды не могутъ приобрести достаточнаго количества ея для посола рыбы и потому лишаются въ ней важнаго подспорья для своего пропитанія. Также усѣбно и выгодно ведутъ и Пустозеры мѣновую торговлю съ другою частью Самоѣдовъ Вольшеземельской тундры—на Югорскомъ Шарѣ, куда весной и лѣтомъ собираются Самоѣды для промысла морскихъ звѣрей. Вся богатая добыча Самоѣда переходитъ въ руки Пустозеревъ, которые привозятъ сюда разные товары, необходимыя для Самоѣдовъ.

Пустозеры—Русскіе обираютъ Самоѣдовъ не меньше, если не больше, чѣмъ и Ижемцы-Зыряне. Приводимъ образцы мѣны въ 1863 году: каждый пудъ ржаной муки и печенаго хлѣба стоилъ 2 пуда ворвани или 2 самѣхъ чистыхъ черныхъ неблюя, или 10 крестоватиковъ; то же стоили 20 фунтовъ черныхъ сухарей, пара ножей и топорѣвъ; 3 фунта листоваго табаку—2 бѣлыхъ песка; 1 фунтъ пороху съ нѣкоторымъ количествомъ свинцу— $\frac{1}{2}$ пуда ворвани; не очищенная же ворвань въ Пустозерскѣ стоить 1 р. 80 к. пудъ, черный неблюя—1 р. 25 к., крестоватикъ—40 к., песокъ—1 р. 10 к.

Та же самая крайность, невозможность сбыть продукты своихъ промысловъ помимо Пустозеревъ заставляетъ Самоѣдовъ соглашаться на такія сдѣлки.

Вотъ какъ описываетъ положеніе Самоѣдовъ и ихъ мѣновую торговлю съ Пустозерами очевидецъ: „Самоѣдину нуженъ пудъ печенаго хлѣба или пудъ ржаной муки, Пустозеръ запрашиваетъ отъ него за это небольшое количество муки или хлѣба два пуда ворвани. Самоѣдину, хотя и отуманенному виномъ, кажется невыгод-

¹⁾ *Исмаилья*, стр. 69.

ноу такая мѣна, потому что одъ знаетъ цѣну своему товару и въ Пустозарскѣ. Онъ удрачиваетъ Пустозера промѣняться товаромъ по крайней мѣрѣ пудъ на пудъ, но со стороны этого послѣдняго нѣтъ никакой сдѣлки съ запрещеннаго. Что же прикажете въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать Самоѣдину? У него въ чумѣ нѣтъ и одной горсти этой муки, столь необходимой для пропитанія его малолѣтняго семейства. Приѣдетъ онъ въ свой чумъ, дѣти запросятъ поѣсть, а у его жены нѣтъ въ мѣшкѣ и одной горсти муки, чтобы придать нѣсколько питательности варимой ей въ котлѣ массѣ крови съ двумя или тремя кусками оленьяго мяса, составляющей единственное средство поддержанія жизни въ цѣломъ семействѣ. Да еще хорошо, что есть эта благодѣтельная кровь! А если нѣтъ? Если въ котлѣ варится только вода и огледанная ранѣ кости отъ когда-то бывшаго у него въ чумѣ мяса? А это, ей-ей, не лу, случается видѣть весьма нерѣдко. Что тогда дѣлать Самоѣдину? Сила любви въ семействѣ заставляетъ его рѣшиться, и онъ рѣшается платить за каждые 20-ть фунтовъ муки по пуду ворвани. Необходимость прикрыть отъ холода тѣло заставляетъ Самоѣдина спать въ осени женѣ, своей верхней одеждѣ. Въ составъ этой одежды входятъ цѣлныя сукна — желтое, красное и черное. Весь матеріалъ для одежды, кромѣ суконъ, у жены Самоѣдина, имѣется уже у себя въ чумѣ, остановка въ однихъ сукнахъ. Въ ящикѣ Пустозера лежатъ цѣлыя полосы суконъ, а имъ нужно только $\frac{1}{4}$ аршина. Молодая Самоѣдка стоитъ подлѣ сундука, глаза ея съ жаромъ смотрятъ на лежащее передъ нею богатство суконъ, она смотритъ умиленнымъ взоромъ на своего мужа и самымъ выраженіемъ глазъ своихъ проситъ его доставить ей возможность имѣть въ своихъ рукахъ, необходимую для нея частицу лежащаго передъ нею богатства. Самоѣдинъ тронуть этою нѣмой просьбой, и начинаетъ спрашивать у Пустозера о цѣнѣ и этого товара. Тотъ же, пудъ ворвани или чистый черныи неблюй требуется, этимъ послѣднимъ за каждую $\frac{1}{4}$ аршина этого сукна. Со стороны Самоѣдина опять начинается упрямиванье, сбить запрошенную цѣну, и опять все это дѣло кончается тѣмъ, что каждая четверть аршина сукна переходитъ въ руки Самоѣдина по той же безбожной цѣнѣ, какая спрошена была съ него Пустозеромъ сначала. Нужны тому же Самоѣдину и ножъ, и топоръ, и за каждую пару этихъ

орудій: шовъ платитъ тотъ же пудъ ворвани или чернаго неблюя; нужны ему и соль, и табакъ, и за каждое полууда соли онъ платитъ тотъ же самый пудъ, или что-либо такое, что можетъ соответствовать его цѣнности; нужны ему и порохъ, и свинецъ, нужны ему желѣз. ложки, и иглы, и грабень, и все это они берутъ у Пустозера по болѣе нежели удесатеренной цѣнѣ. Такъ были случаи, и при мнѣ лично, что нѣкоторые Пустозеры за 10 иглъ самой простой работы и стоящихъ даже въ Пустозерскѣ не болѣе 3-хъ копѣекъ брали по цѣлему черному неблюю, за два грабня изъ бѣлаго рега и самой топорной работы по семи крестоватиковъ¹⁾.

Вотъ наизъ торгуютъ Самоѣды съ Пустозерами. Не удивительно, поэтому, что у Самоѣдовъ недостаетъ всѣхъ ихъ богатствъ промышленности на поворотѣ, первыхъ ихъ потребностей, и они должны входить въ долги, которые еще ухудшаютъ ихъ бѣдственное положеніе.

При мѣновой торговлѣ Самоѣдовъ съ Пустозерами не употребляется въ счетъ рубли или копѣйки, а счетъ производится песцами, полунесцами и лыжами. Напримеръ, если Пустозерь даетъ Самоѣдину товару на одинъ рубль, то говоритъ ему: „я даю тебѣ на одинъ песецъ“, и за этотъ песецъ Самоѣдинъ долженъ заплатить, ему или пудъ ворвани, или чернаго неблюя, или осеннюю оленью, телячью шкуру, или двѣ шкуры, полученныя отъ большихъ оленей, или что-либо соответствующее цѣнности этихъ предметовъ. Обыкновенная же красная лисица ставится вмѣсто трехъ песцовъ; ту же цѣнность имѣетъ шкура оленя и моржовый лаптакъ (половина моржовой шкуры)²⁾.

Самоѣды Канинской тундры забираютъ товаръ болѣею частью у крестьянъ деревни Саманъ весною. Осенью крестьяне кредиторы съ пустыми и наполненными виномъ бочками, являются за уплатою, спиваютъ Самоѣдовъ и потомъ предъявляютъ свои долги, собираемые мясомъ и шкурами оленей, которыхъ тутъ же и убиваютъ, разумѣется двумя или тремя болѣе, чѣмъ значится по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. Такимъ образомъ, крестьяне получаютъ двойной барышъ: вопервыхъ, отъ того, что

¹⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1867 г., № 81.

²⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1867 г., № 82.

за взятый Самоёдиномъ товаръ они ставятъ гораздо больше его стоимости; а вотворыхъ, что больше быть оленей, чѣмъ слѣдовало бы по счету¹⁾). Но у Самоёдовъ Канинской тундры начинается уже ослабѣвать иѣнковой характеръ торговли, замѣняясь обыкновеннымъ, такъ какъ эти Самоёды, обращаясь постоянно съ Русскими, научились понимать значеніе денегъ.

Вещь, данную подъ залогъ, нельзя употреблять, но понятіемъ Самоёдовъ, такъ какъ она можетъ быть дороже денегъ, какія взяты въ займы подъ ея обезпеченіе; но на оленяхъ, данныхъ въ залогъ, ѣздить позволяется; потому что вреда имъ отъ этого не будетъ. Вещь, заложенную на сровъ, позволяется по просрочкѣ продать и обратитъ деньги въ свою пользу, а если вещь дана на сровъ, то продать ея нельзя. У Канинскихъ Самоёдовъ тундра была раздѣлена прежде по родамъ и семьямъ; нынѣ владѣютъ ею Самоёды сообща: всякій промышленель, гдѣ хочетъ; въ Большеземельской тундрѣ это дѣлается не такъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Канинскіе Самоёды весной, лѣтомъ и осенью живутъ на Канинѣ, гдѣ и занимаются промыслами морскихъ звѣрей и рыбными, а также ловлею пушныхъ звѣрей; на зиму отправляются они въ югу отъ полуострова, а частью разѣзжаются по городамъ. Русскіе сильно стѣсняютъ Самоёдовъ въ тундрѣ въ ихъ промыслахъ. Не смотря на то, что имъ дозволено владѣть въ тундрѣ только 60 десятинами на душу, они пасутъ своихъ оленей по всей тундрѣ, а обитатели сель Зимняго берега Кейды, Мегри и т. д. посылаетъ своихъ оленей даже на Канинъ. Такимъ образомъ колонию оленей принадлежить Русскимъ, которые незаконно пользуются самоёдскою тундрой. Прежде Русскіе платили за пользованіе тундрой арендные деньги, „покопытный сборъ“, по 5 коп. съ оленя, и эти деньги шли на подати за умершія ревизскія души, теперь же этого сбора не существуетъ. Русскіе также охотятся въ самоёдскихъ угодьяхъ на морскихъ звѣрей на берегахъ Канинской тундры и у устьевъ рѣкъ. На вопросъ Самоёдамъ, почему они не воспрепятствуютъ Русскимъ пользоваться ихъ собственностью, Самоёды отвѣчаютъ такъ: „Потому, что мы въ зависимости отъ нихъ: одни изъ насъ должны имъ, другіе кормятся у нихъ. Если мы не будемъ позволять имъ поль-

¹⁾ *Исславъ*, стр. 81.

заваться тащамъ тундровъ, то они не будутъ давать намъ въ долгъ и коровить отъ себя (нашихъ бѣдныхъ, вдовскихъ). Самоѣды, слажути: «содержите ихъ саки», «оттого ижемы отиѣли и поже-линый соборъ». Прежде Самоѣды отдавали рыбныя ловли въ аренду Русскимъ, но теперь и этотъ источникъ доходовъ прекратился: Русскіе не хотѣли брать, такъ какъ они завладѣли лучшими промысловыми и ловными мѣстами Канинской и Тиманской тундръ¹⁾. Также, какъ Русскіе въ этия тундрахъ, поступаютъ. Виряне въ Большеземельской, въ послѣдніе годы Виряне стали вторгаться съ своими оленями и въ Тиманскую и Каиинскую тундры.

Склонность къ совместной производительности, на первое начало, довольно значительно развита между Самоѣдами. Охоты изъ артелей составляются совместно съ Русскими, или же Самоѣды входятъ въ русскія артели на условіяхъ окрута, такъ какъ имъ всегда имѣть нужные для промысловъ снаряды, которые, какъ напри-мѣръ, неводъ для ловли бѣлувъ, обходится не дешево. Другія артели составляются исключительно Самоѣдами.

Самоѣдскія артели составляются или изъ однихъ хозяевъ, или изъ хозяевъ съ рабочими. Сговариваются, напримѣръ, два хозяина ловить песцовъ вмѣстѣ и занимаютъ этимъ промысломъ всецѣло, а по окончаніи промысла дѣлятъ всю промышленную добычу, пополамъ, какъ бы ни была велика разница между удачей ихъ промысловъ. Также сговариваются стрѣлять вмѣстѣ дичихъ оленей. Артели для ловли линяющихъ гусей и стрѣльбы дичи на озерахъ и рѣкахъ бываетъ большею частью отъ 2 до 10 человекъ; добычу также дѣлятъ поровну, такъ какъ каждый изъ участвующихъ въ артели имѣть свое ружье и другіе снаряды. Но особенно требуютъ артельной дѣятельности морскіе промыслы, какъ потому, что для нихъ требуются суда и снаряды, которые не каждый Самоѣдинъ можетъ имѣть, такъ и потому, что самая охота, можетъ быть успешна только при совместномъ трудѣ. Артели, составляемыя Самоѣдами для морскихъ промысловъ, имѣютъ различное число членовъ, обыкновенно 5—8, смотря по вместимости судна, на которомъ артель отправляется промыслать морскаго звѣря. Если судно вмѣщаетъ 150—200 вудъ, то въ него садится 5 человекъ, а если

¹⁾ Иславиль, стр. 72.

250—350 пудъ, то 7 и даже 8 пайщиковъ. Добыча дѣлится между членами артели поровну, но одинъ пай откладывается на судно; наприимѣръ, если въ артели семь человѣкъ, то добыча дѣлится на восемь частей; изъ которыхъ одна идетъ владѣльцу судна. Каждый пайщикъ, прежде отправки, долженъ внести въ артель 1¹/₂—2 пуда ржаной муки, 1 пудъ печенаго хлѣба или 20 фунтовъ черныхъ бухарей, до 4-хъ фунтовъ коровьяго масла, 3 пуда овсянаго янса или соленой рыбы и достаточное количество пороку и сминцу. Ружье не обязательно имѣть каждому члену артели, а обыкновенно на каждое судно имъ владется 2—4, и ружья эти находятся въ распоряженіи кормщика, охотнаго стрѣльца, а верѣдео вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяина лодки ¹⁾.

Если артель состоитъ не изъ равныхъ пайщиковъ-хозяевъ, а изъ хозяевъ и рабочихъ, то расчетъ дѣлается другой. Положимъ, хозяинъ взял одного покрутника, то-есть, рабочаго, на своихъ карчахъ, порохѣ и пр. Тогда добычу дѣлятъ на два пая: одинъ пай идетъ хозяину; еще ¹/₂ пая ему же за харчъ, порохъ и снасть, а ¹/₂ пая рабочему. Если рабочихъ семь, то добыча дѣлится на восемь частей: одна часть хозяину на лодку; а отъ каждаго изъ остальныхъ семи паявъ рабочему идетъ ¹/₂ или ¹/₃, смотря по условію, остальная же часть каждаго пая идетъ за пищу, обувь и пр. Зыряне, Ижемцы также вступаютъ съ Самоѣдами въ пай для птичьяго промысла.

Уголовное право.

Самоѣды вообще мало склонны къ преступленіямъ вслѣдствіе своего дружелюбнаго, общительнаго и вѣжливаго характера. Но сношенія съ Русскими и Зырянами, которые злоупотребляли честностью и довѣрчивостью Самоѣдовъ, развили въ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя дурныя нравственныя качества, наприимѣръ, плутоватость, склонность къ обману; особенно замѣчаются эти качества, по свидѣтельству Кастрена, въ Самоѣдахъ Канинской тундры. Этихъ Самоѣдовъ теперь уже далеко не такъ легко надуть, какъ

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 82.

прежде; обещать, или вообще, какъ-нибудь обмануть этого Самоѣдина Русскій можетъ не иначе, какъ при помощи воды. Напротивъ того, Самоѣды пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы провести Русскаго. Во взаимныхъ отношеніяхъ Самоѣды соблюдаютъ гораздо болѣе честности, чѣмъ сколько вносятъ ее въ отношенія къ Русскимъ и Зырянамъ; слѣдовательно, стрѣше смотрятъ на преступленія, совершаемыя въ своей средѣ, чѣмъ на тѣ жертвами которыхъ дѣлаются ихъ непріатели. Въ отношеніи этихъ послѣднихъ они допускаютъ нерѣдко обманъ. Г. Максимовъ приводитъ нѣкоторые случаи, напримѣръ: одинъ Самоѣдинъ запродалъ крестоватиковъ за условленное количество хлѣба одному изъ Пустозеревъ и пель заручную, но Пустозеръ, напившись ранѣе, заснулъ; Самоѣдинъ не потерялъ ни сознанія, ни присутствія духа на столько, что съ деньгами и запроданными крестоватиками ушелъ и сбѣлъ свою добычу другому хозяину на другой же день, а на третій провалился въ тундру; другой Самоѣдинъ отвязалъ двухъ оленей отъ санокъ Пустозера, ѣхавшаго подъ хмѣлькомъ съ мерзлой рыбою на Пинежскую ярмарку¹⁾.

Изъ преступленій и пороковъ болѣе распространены между Самоѣдами нѣкоторые виды преступленій противъ собственности и пьянство; причина преступленій—бѣдность, а въ отношеніи Русскихъ и Зырянъ—часто также желаніе отмстить за причиненныя притѣвленія. Предназначенныя убійства у Самоѣдовъ весьма рѣдки; но убійства иногда совершаются Самоѣдами въ пьяномъ видѣ, такъ какъ они, напившись, имѣютъ привычку начинать драку, которая обращается, при большомъ собраніи Самоѣдовъ, въ общую свалку; при этомъ, разумѣется, очень возможны несчастные случаи.

Извѣстенъ одинъ случай предназначеннаго убійства съ цѣлью грабежа, который былъ описанъ въ *Архангельскихъ Губернскихъ Видомостяхъ*²⁾, очень жестокаго убійства, жертвами котораго было цѣлое семейство; но исключительность этого случая не даетъ права дѣлать изъ него какіе-либо выводы на счетъ склонности Самоѣдовъ къ преступленіямъ такого рода. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ случай убійства изъ мести, но на возможность такого рода пре-

¹⁾ Годъ на Сѣверѣ, стр. 448, изд. 2-е.

²⁾ 1868 г. № 28, 29.

студеній угавываетъ слѣдующій разговоръ Кастрена, съ Самоѣдиномъ, Большережельской тундры, приводимый знаменитнѣй путешественникомъ: „Ты богатъ оленями, другъ мой! Богатъ ли ты и женами?“ спросилъ я Самоѣдина. „Теперь у меня двѣ жены, прежде у меня было ихъ три, но третья я отправилъ къ ея отцу“, отвѣчалъ онъ. „Скажи мнѣ, братецъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ продолжалъ я. „Она родила сына, который былъ не мой“, сухо отвѣчалъ Самоѣдинъ. „Знаешь ли ты оболъстителя?“ спросилъ я далѣе. „Еслибъ я зналъ его, то ей Богу, кофѣ мое проткнуло бы ему сердце“, вскричалъ, разъярившись, Самоѣдинъ.

Самоубійства также случаются между Самоѣдами, мужчины преимущественно страдаютъ, женщины даются. Причиною самоубійствъ, особенно для женщинъ, служатъ несчастная семейная жизнь.

Изъ преступленій противъ собственности самое распространенное есть кража оленей. Другіе виды кражи менѣе распространены, и Самоѣды во многихъ случаяхъ являются людьми, очень умѣющими уважать неприкосновенность правъ своихъ ближнихъ. Напримеръ, во время промысловъ, чумъ, остается въ тундрѣ безъ хозяина, но съ вещами его, сложенными на саняхъ, и никто ихъ не трогаетъ. Объ этомъ обычай г. Шренкъ сообщаетъ слѣдующія подробности: „На одномъ холмѣ мы нашли 6 саней, нагруженныхъ до верху различннмъ имуществомъ и прикрытыхъ отъ сырости оленьими шкурами, оставленными въ тундрѣ. У Самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ, и покрывшекъ для чумовъ, есть обычай эти предметы, какъ не употребляемые въ лѣтнее время, складывать въ сани, а сани оставлять въ окрестныхъ мѣстахъ, и притомъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ; только мирный деревянный божокъ, поставленный на сани, защищаетъ имущество отъ всякаго Самоѣда. Этотъ обычай можетъ служить доказательствомъ удивительной честности сѣверныхъ Самоѣдовъ, потому что нѣсколько времени тому назадъ рѣшительно нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ разграбленъ Самоѣдиномъ, и еслибъ онъ это сдѣлалъ, то ожидалъ бы всякихъ бѣдствій, какъ справедливой кары неба, на свою виновную голову. Теперь этотъ обычай становится рѣдкимъ въ

тундрѣ. Зыряне гдѣ только находятъ подобный складъ, начисто разграбливаютъ, чѣмъ и научили Самоѣдовъ предосторожности; они нынѣ уже прячутъ свои сани въ лѣсу въ скрытыхъ мѣстахъ или въблизи другихъ чумовъ¹⁾.

Иногда по окончаніи звѣриныхъ промысловъ Самоѣдинъ складываетъ въ кучу кожи съ убитыхъ звѣрей, кладетъ свое клеймо и уходитъ: если же другой Самоѣдинъ найдетъ кожи, и ему понадобится нѣсколько, онъ беретъ ихъ, а на мѣстѣ оставляетъ деревянную бирку съ зарубками, которыя обозначаютъ число взятыхъ кожъ, и съ своимъ клеймомъ, по которому хозяинъ кожъ можетъ найти своего должника и разчитаться съ нимъ²⁾.

Кража оленей, какъ было выше сказано, очень распространена. Самоѣды не признаютъ преступленіемъ украсть оленя у Русскаго или Зырянина, и даже напротивъ считаютъ это удачнымъ промысломъ, какъ свидѣтельствуетъ священникъ І. Синцовъ. Да это и не мудрено, такъ какъ Самоѣды знаютъ, что стада Русскихъ и Зырянъ суть ихъ собственность, перешедшая въ руки этихъ послѣднихъ посредствомъ обмана и даже насилія, и притомъ кормятся на ихъ же тундрахъ. Иногда простая кража оленей переходитъ въ грабежъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: Одинъ Ижемецъ жилъ въ тундрѣ и преспокойно ковырялъ чашки и ложки въ то время, когда двое Самоѣдовъ поочередно отгоняли отъ него стада оленей. Когда они такимъ образомъ отогнали уже половину, Зырянинъ замѣтилъ это, замѣтилъ и обихъ грабителей—Самоѣдовъ. Воры, не думая долго, бросились на пастуха, а чтобъ онъ не кричалъ, набили ему въ ротъ нѣсколько горстей мху. По счастью, все это замѣтилъ, находившійся въблизи, другой пастухъ Ижемецъ: онъ побѣжалъ на помощь; одинъ Самоѣдинъ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ³⁾.

Но такіе случаи рѣдки; чаще бываетъ такъ, что Самоѣды, служащіе пастухами, вкрадутъ оленей у хозяевъ и передаютъ своимъ соплеменникамъ. Укравшій оленя какимъ бы то ни было способомъ или убиваетъ его, или спѣшитъ уничтожить клеймо настоящаго хо-

¹⁾ Путешествіе, I, стр. 316.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 22.

³⁾ Годъ на Сѣверѣ, стр. 447.

вина и поможить свое. Самоѣды крадутъ оленей не только у Русскихъ и Зырянъ, но и другъ у друга. Это преступленіе получило большое развитіе между Самоѣдами Большеземельской тундры, при чемъ обворованные сами раздѣливаются съ преступниками. Такъ, по словамъ священника Сидорова, если Вондырька у Лодей украсть 10 оленей, то Лодей не ищетъ суда, а старается только улучшить время, чтобы украсть у Вондырки еще болѣе. До суда дѣло доходить только тогда, когда менѣе успѣвшій и потерпѣвшій убытокъ приглашаетъ къ себѣ помощниковъ и отгоняетъ оленей у своего соперника явно и насильно.

Г. Гофманъ говоритъ о Самоѣдахъ: „Я нашелъ Самоѣдовъ довольно честнымъ народомъ, но оставя кочевную жизнь, они могутъ потерять эту добродѣтель; но крайней мѣрѣ Самоѣды, живущіе въ селѣ Колвѣ, извѣстны во всемъ краю какъ отчаяннѣйшіе воры“ ¹⁾). Причиной склонности къ воровству, какъ объясняетъ г. Иславинъ, служитъ крайняя бѣдность поселенцевъ Колвы. „Они живутъ бѣдно, ибо хлѣбопашества не имѣютъ, а луга по Колвѣ хотя и хорошіе, но колонисты не имѣютъ средствъ обзавестись скотоводствомъ; рыбою же, которою изобилуетъ Колва, они мало пользуются, потому что рѣка во многихъ мѣстахъ забрана Ижемцами, выдавливающими рыбу въ огромномъ количествѣ, да еслибъ и не существовало послѣдняго обстоятельства, то и тогда колонистамъ безъ оленей нельзя было бы подѣлать ни къ песцовымъ норамъ, ни къ рыбному озеру или рѣкѣ. Поэтому они или пускаются на лѣсной промыселъ, несравненно менѣе выгодный тундрянаго, но безъ оленей не могутъ далеко отойти отъ дому, или же въ сообществѣ родовачей своихъ, имѣющихъ маленькія стада, отправляются красть оленей у Ижемцевъ, такъ что Ижемцы боятся подходить близко къ церкви“ ²⁾).

Хотя самоѣдскія женщины вообще цѣломудренны, но все-таки нерѣдко случаются нарушенія супружеской вѣрности, что считается у Самоѣдовъ довольно важнымъ преступленіемъ. У нихъ существуетъ предрасудокъ, что трудные роды зависятъ отъ нару-

¹⁾ Сѣверный Уралъ, I, стр. 206.

²⁾ Современникъ 1848 г., № 9, смѣсь, стр. 2.

шенія супружеской вѣрности которымъ-либо изъ супруговъ, и потому повивальная бабка, при родахъ, требуетъ отъ той и другой стороны признанія, которое и дѣлается какъ женою, такъ и мужемъ; этотъ обычай даетъ мужу средство узнать о проступкѣ жены.

О самоѣдскихъ тадибеяхъ, то-есть, ихъ жрецахъ и знахаряхъ, и о связи поддерживаемыхъ ими преступленій съ суевѣрїями, будетъ сказано въ отдѣлѣ: „Общественный бытъ и расправа“.

Вредѣе всего вліяетъ на благосостояніе Самоѣдовъ пьянство, поддерживаемое и распространяемое Русскими и Зырянами. О значеніи водки при торговыхъ сдѣлкахъ и о томъ примѣненіи ея при торговлѣ, какое дѣлаютъ Русскіе и ижемскіе торговцы, было говорено выше.

По словамъ священника І. Синцова, Самоѣды Большеземельской тундры не такъ склонны къ вину, какъ Самоѣды Канинской и Тиманской тундръ, и если замѣчаютъ, что Русскій, развозищій по тундрѣ вино, обираетъ кого-либо изъ нихъ, то они вступаются за обиженнаго, отбираютъ у Русскаго вино и запрещаютъ ему впредъ являться въ тундру съ нимъ. Между тѣмъ Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ не любятъ тѣхъ Русскихъ, которые привозятъ къ нимъ безъ вина, а вида вино въ рукахъ Русскихъ, стараются его приобрести во что бы то ни стало, давая за него товару, сколько Русскій потребуетъ. Вслѣдствіе того они проигрываютъ постоянно все, что имѣютъ, и дѣлаются все бѣднѣе и бѣднѣе. Однакожъ бывали примѣры и въ Канинской тундрѣ, что Самоѣды, узнавъ, что строго запрещено ввозить вино въ тундру, давали себя напоить, но когда дѣло приходило къ расчету и бою оленей, то они, бросившись на Русскихъ и ихъ страшая тѣмъ, что свяжутъ и представятъ въ судъ, заставляли ихъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на долги и возвратиться скорѣе домой, сами же допивали остальное вино ¹⁾.

Не смотря на нѣкоторыя свои дурныя качества, Самоѣды, будучи еще въ язычествѣ, выработали себѣ нравственныя правила, которыя, по словамъ архимандрита Веніамина, словесно передаются отъ родителей къ дѣтямъ, а отъ тадибеевъ, ихъ жрецовъ и

¹⁾ *Иславинъ*, стр. 82.

учителей, ко всѣмъ язычникамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ нравственныхъ правилъ: Почитай отца и мать.—Почитай и уважай старшихъ себя.—Ни на кого напрасно ни наговаривай и надъ другимъ не смѣйся.—Не убивай.—Не воруй.—Люби свою жену и не желай чужой.—Всемирно старайся о сохраненіи оленей.— Не гордись.— Не пустословь.— Не щеголай.— Не пьянствуй.— Не будь сладкоѣдъ, а употребляй въ пищу что прилучилось.— Просящему у тебя давай, чтобы не ушелъ отъ тебя безъ пособія; за сіе Богъ отдастъ тебѣ болѣе.— Чтò видишь молчи, чтобы не вышло отъ тебя какое-либо дѣло ¹⁾).

В. Общественный бытъ, судъ и расправа.

Изъ всѣхъ инородцевъ Архангельской губерніи Самоѣды болѣе другихъ сохранили слѣды родового быта, особенно Самоѣды Большеземельской тундры, какъ болѣе удаленные отъ вліянія Русскихъ. У Канинскихъ Самоѣдовъ родовой бытъ замѣтно сгладился, перейдя въ семейный: хотя они и знаютъ еще, кто изъ нихъ происходитъ отъ котораго рода, но у нихъ нѣтъ ни родоначальниковъ, ничего другого, чтò связывало бы между собою родовую единицу. По однимъ свѣдѣніямъ, всѣ Самоѣды, обитающіе какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, раздѣляются только на три главныхъ рода, по другимъ одни Большеземельскіе Самоѣды распадаются на шесть главныхъ родовъ. Приведемъ сначала первое раздѣленіе, какъ его сообщаетъ г. Шренкъ ²⁾:

„Въ этнографическомъ отношеніи“, говоритъ г. Шренкъ,—„всѣ вообще европейскіе и азиатскіе Самоѣды, вплоть до р. Оби, раздѣляются на три главные рода или племени (Stamm): Lagä, Wanojta и Nagizi или Nagüzi (Карачен). Эти роды могутъ быть разсматриваемы какъ различные народы, потому что слово tñäz, которымъ обозначается такой родъ, употребляется для обозначенія понятія народа: какъ говорятъ Lagä-tänz, Wanojta-tänz о Само-

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 12, а также *Этногр. Сборникъ*, вып. IV.

²⁾ Путешествіе I, стр. 623 и слѣд.

ѣдахъ, такъ точно говорятъ Lutsä-tänz, о Русскихъ, Nabitj-tänz—объ Остякахъ, и т. д. Эти tänz или главные роды, можетъ быть, прежде имѣли свои особенныя мѣста жительства, тогда какъ теперь только одни Nagizi держатся отдѣльно, на полуостровѣ Jalmal, между Карскимъ моремъ и Обскою губою, въ такъ называемой Карачейской землѣ. Роды Lagä и Wanojta во всѣхъ мѣстахъ своего пребыванія, отъ р. Мезени до Оби, живутъ одинъ между другимъ безразлично, и съ тѣхъ поръ, какъ узнали ихъ Русскіе, находятся между собою въ мирныхъ отношеніяхъ, какъ бы составляя одинъ народъ, тогда какъ къ третьему роду, Карачеямъ, они стояли во враждебныхъ отношеніяхъ, и разбойническія нападенія Карачеевъ на нихъ продолжались до половины прошлаго столѣтія. Самоѣды описываютъ Карачеевъ, какъ многочисленный, дикій и неукротимый народъ. О нихъ у насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, а потому мы будемъ говорить о первыхъ двухъ племенахъ: Lagäj и Wanojta. Каждое изъ этихъ племенъ распадается на вѣтви (Zweige) и поколѣнія или роды (Geschlechter; по самоѣдски jerkar).

„I. Племя Lagäj раздѣляется на слѣдующія поколѣнія: 1) Nätyngzej; многочисленный родъ, подчиненный Зырянамъ и вмѣстѣ съ ними распространяющійся по большей части Большеземельской тундры; свободные Nätyngzej находятся только на сибирской сторонѣ, близъ владѣній Остяковъ. 2) Paqanzej (обитатели губъ морскихъ); часть ихъ свободна; свободные кочуютъ около Колвы-рѣки и морской губы Näjoderädäga, отъ которой получили свое имя (рада-губа); другая часть подчинена Пустозерамъ, съ которыми вмѣстѣ и странствуетъ. 3) Täjwori—около той же самой губы Näjoderädäga. 4) Tysuji, распадающіеся на двѣ побочныя вѣтви: Hohotysuje (песцовые тыси) и Wonakapa (собачьи санки); многочисленный родъ, который живетъ около лѣсныхъ границъ, за Пустозерскомъ, въ Большой землѣ, и находится большею частью въ услуженіи у Пустозерцевъ; свободные находятся на Колвѣ, Näjoderädäga, Kotaiha и до Урала. 5) Sadäj—въ пространной лаптѣ или равнинѣ, которая идетъ отъ праваго берега Колвы къ Устьцыльмѣ; многіе служатъ у Устьцылемовъ. Слѣдующіе роды состоятъ большею частью изъ свободныхъ Самоѣдовъ: 6) Ноно (песцы) — на Уралѣ, гдѣ особенно много песцовъ. 7) Pädäggasowo (лѣсные Самоѣды)—на сѣверномъ Уралѣ и нижней Оби. 8) Gyjwaj—на сибирской

сторонѣ, къ югу отъ Hätynzej, къ Остякамъ. 9) Seda,—въ Малой Землѣ. 10) Wägä—въ Малой Землѣ.

„II. Племя Wanojta раздѣляется на слѣдующіе роды: 1) Guätschi (въротно, Вучи), многочисленный родъ съ двумя вѣтвями: Lartander и Lamduj, изъ коихъ первый живетъ въ Малоземельской лаптѣ или равнинѣ, второй—только въ Большой Землѣ и въ Сибири, около сѣверной части Урала; на западѣ же отъ Урала повсемѣстно распространенъ въ услуженіи у Зырянъ и Русскихъ. 2) Walej, подчиненъ Зырянамъ и съ ними кочуетъ: свободные только въ Малой и Канинской земляхъ. 3) Pygirku, на Карѣ, свободный родъ. 4) Hude, сибирскіе Самоѣды, за Ураломъ, состоятъ, какъ и слѣдующіе четыре зауральскіе рода, изъ свободныхъ. 5) Horolo. 6) Särädäta. 7) Gokdäta. 8) Jäptik. 9) Myd, обитатели Малой земли, 10) Jabene, маленький родъ въ Малой Землѣ, распадается на двѣ вѣтви: Arizun и Warätsun. Между родами, происхожденія которыхъ я не могъ узнать, находятся: Mendlowo, на сибирской сторонѣ, кочуетъ съ Gujwaj, Jagaggasowoj (рѣчные Самоѣды), по лѣвому берегу Оби, на морскомъ берегу, и нѣкоторые другіе.

„Самоѣды сообщаютъ еще различныя преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ родовъ, объ обстоятельствахъ жизни и особенныхъ качествахъ ихъ родоначальниковъ. Такъ, родъ Jeda ведетъ свое названіе отъ того обстоятельства, что его родоначальникъ достигъ такого безпомощнаго состоянія, что внуки его клали въ колыбель, какъ младенца, и качали по снѣ. Wägä ведутъ родъ свой отъ Самоѣда, который, оставивъ Большую Землю, поселился въ Малой, отъ чего Малоземельцы и говорили о немъ: Wägätä jagghamu (у него чешутся подошвы), потому что онъ бѣжалъ изъ своей земли въ чужую, отъ этого его назвали Waga, и по немъ уже рѣчка въ сѣверной части Малой Земли, у которой онъ кочевалъ, названа Wägäj-jaga (Русскіе называютъ Черная), также, какъ лежащій на лѣвомъ берегу этой рѣчки лѣсъ Wägäj: здѣсь старикъ однажды нашелъ свое оленье стадо, которое въ одинъ лѣтній жаркій день убѣжало противъ вѣтра, и онъ долго искалъ его, пока не обѣщаль своему идолу богатой жертвы: наконецъ нашелъ его въ этомъ мѣстѣ, которое получило его имя Warätsun, боковая вѣтвь рода, Ябене, обязана своимъ именемъ дѣвушкамъ этого рода, принесшей

на свѣтъ дѣтя, котораго отца не знали, отчери насмѣшливо говорили о ней: wягäsjhowу (она имѣеть дѣтя, уграденное на сторонѣ): отъ этого мать, въ горести, пошла къ уединенному ручью, и горько плача, говорила мальчику: „Если ты украденъ на сторонѣ, долженъ ты называться Wаgätсуп и дать свое имя новому роду, Арісуп“. Другая вѣтвь того же рода получила свое имя отъ родоначальника Арізä, который былъ своимъ народомъ посланъ къ Московскому царю и получилъ отъ него жалованную грамоту на обладаніе Самоѣдами ихъ земель, за что они и сдѣлались подданными Русскаго царства. Родъ Муd происходитъ отъ старика этого имени. Lamduj имѣлъ родоначальникомъ Lamdo (низкій); который былъ такъ названъ по своему низкому росту. Jartik происходитъ отъ Jarto (тонкій). Родоначальникомъ Säradäta былъ обладатель бѣлыхъ оленей (sag—бѣлый, ta—олень). Родоначальникъ Gokdäta былъ обладатель множества оленей (gok—много и ta). Родоначальникъ Wopakana, одной вѣтви рода Тусује, пришелъ изъ владѣній Остяковъ, гдѣ онъ ѣздилъ на собачьихъ саняхъ (wopско—собака, и nan—сани). Другіе роды получили свои имена отъ свойствъ кочевьевъ, таковы: Pärängasowoj, Jagaggasowoj, Paganzėj, Noho, Sadäj“.

Таково дѣленіе и происхожденіе самоѣдскихъ родовъ по свѣденіямъ, собраннымъ г. Шренкомъ. Другіе изслѣдователи, напримѣръ г. Иславинъ и архимандритъ Веніаминъ, представляютъ совсѣмъ другое дѣленіе: они, какъ мы сказали, однихъ Самоѣдовъ Большеземельской тундры раздѣляютъ на шесть главныхъ родовъ. Кто изъ нихъ правъ—мы судить не можемъ, а приводимъ только факты, представляемые противною стороною.

По словамъ указанныхъ лицъ, „всѣхъ самоѣдскихъ родовъ считается шесть главныхъ, имѣющихъ нѣсколько подраздѣленій; названія свои они получали или отъ именъ родоначальниковъ или отъ урочищъ, въ которыхъ Самоѣды обыкновенно промышляютъ

Тундрные роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ Пустозерскаго и Устьцылемскаго вѣдомствъ): I. Тыссія, самый многочисленный, составляющій половину Самоѣдовъ Пустозерскаго вѣдомства: а) Яу-тыссія (отъ ямъ,—море), то-есть, занимающіеся морскими промыслами. б) Лапгандеры-тыссія, то-есть, кочующіе по лаптѣ. с) Ного-тыссія (отъ ного — песецъ),

то-есть, занимающіеся несповнымъ промысломъ: Весною, для теленія оленей, эти роды выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ: Ворвотъ, Сіюйдъ и Хузъмору; къ июню и июлю приближаются къ рѣкамъ Каръ и Коротаихъ, а племя Ну-тмесіи, для рыболовства и промысла моржей и бѣлыхъ медвѣдей, переходитъ даже на островъ Вайгачъ. Въ августѣ и сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ: Балбанскомъ и Письемъ и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту Ногосоты; къ зимѣ возвращаются въ лѣса.—d) Пагансѣда-тмесіи (отъ *пама*—губа, и *снда*—сопка) то-есть, кочующіе у Паганской губы или губы Пагансѣда, у Пытцова камня. е) Сіусѣда-тмесіи (отъ *сіу*—семь, и *снда*, сопка), то-есть, кочующіе у сопки Сіусѣда, у Заворотскаго носа, при вершинѣ р. Песчанки. Олени ихъ телятся у окраины лѣсовъ при рѣкахъ Шапкиной, Хабеагъ и Колгъ: къ июню племена Пагансѣда и Сіусѣда-тмесіи подвигаются къ вершинамъ этихъ рѣкъ и доходятъ до моря, гдѣ до половины сентября занимаются ловлею рыбы и морскаго звѣря: осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а на зиму становятся на Колвинской и Харнесъ-лапгъ.

II. Логей, также многочисленное племя: а) Сяден-Логей (*ся*—гора, *исядей*—горный идолъ). б) Уанакантъ-Логей (собачій родъ отъ *уанъ*—собака). в) Вылка-Логей (отъ Вылки — родоначальника). д) Пирерка-Логей (отъ *пире*—щука), то-есть, занимающіеся щучьимъ промысломъ); весную у вершинъ Хырмора, особенно у сопки Савасѣда; къ лѣту идутъ къ устью Коротаихи, гдѣ занимаются (особенно племя Вылки-Логей) морскимъ промысломъ: осенью ловятъ омулей, которые, почувавъ холодъ, идутъ въ рѣки изъ моря: въ половинѣ октября промышляютъ рыбу и песцовъ у озера Харвея.

III. Выучей (бобры) и племя Выучей-Лаптантеры, кочующіе по Малоземельской лапгъ (*Лаптантеръ*—Малоземелецъ). Весною кочуютъ у р. Шапкиной, лѣтомъ у Пытцова камня и р. Пайяги: осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а къ зимѣ приближаются къ озерамъ Арцею и Лайскому, и спускаются къ лѣсамъ по р. Хабеагъ.

Лѣсовые роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ Ижемскаго и частью Устьцылемскаго вѣдомствъ):

IV. Хатанзей, самый большой родъ изъ лѣсовыхъ.

V. Валеѣ, малочисленный.

VI. Ванюта или Уанюта, еще меньше.

Самоѣды, принадлежащіе къ лѣсовымъ родамъ, находятся болѣею частію въ работникахъ у Ижемцевъ. До 50-ти хозяевъ имѣютъ еще оленей, и то не болѣе 4,000 головъ. Кочевья ихъ такъ разбиты стадами Ижемцевъ, что не возможно опредѣлить постояннаго, ежегоднаго пребыванія ихъ на томъ или другомъ мѣстѣ, и полезительно можно сказать только, что они слѣдуютъ за Ижемцами при неизмѣнномъ походѣ этихъ послѣднихъ отъ лѣсовъ къ морю противъ теченія рѣкъ Хабейга, Колвы, Хирмора, Хузь-мора, Сойды и Воркоти, и отъ моря къ лѣсамъ ¹⁾).

Изъ этого видно, что въ Большеземельской тундрѣ родовой бытъ поддерживается тѣмъ, что каждый родъ знаетъ свое мѣсто и кочуетъ въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Въ Канинской тундрѣ этого условія нѣтъ: въ ней кочуютъ Самоѣды безъ всякаго раздѣленія тундры между собою. Между тѣмъ прежде, не въ очень отдаленное время, тундра со всѣми ея угодьями была раздѣлена не только между родами, но какъ кажется, и между семьями. Лепехинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Недвижимое имущество Самоѣдовъ заключается въ пространныхъ ихъ тундрахъ, означенныхъ рѣками, гдѣ поселились издревле старинные родоначальники самоѣдскихъ семей, и привыкли содержать свои кочевья. Напримѣръ, Канинская рѣка Вижисъ принадлежитъ, по сему земскому самоѣдскому праву, ко владѣнію частнаго самоѣдскаго рода Хударова; то же разумѣть должно и о прочихъ самоѣдскихъ семействахъ, которыя надъ извѣстными урочищами имѣютъ и употребляютъ право частныхъ владѣльцовъ“ ²⁾). Да и въ царской жалованной грамотѣ 1545 г. упоминаются владѣнія отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ: „да Индегу рѣку до желѣзна рѣки, чѣмъ владѣли Самоѣды Малкѣи да Торчило да Емба“.

Самоѣды разказываютъ, что у нихъ прежде были князья, какъ теперь у Карачеевъ. Можетъ быть, отъ этихъ князей получила происхождение самоѣдская аристократія, о которой говоритъ Кастренъ. Вотъ какъ онъ описываетъ встрѣчу свою съ однимъ самоѣдскимъ аристократомъ: „Одинъ изъ Самоѣдовъ обратилъ на себя мое вни-

¹⁾ *Иславиль*, стр. 132—135.

²⁾ Шут. Зап., IV, стр. 225.

маніе необыкновенною одеждою, странными видами и приемами. Самоѣдинъ этотъ былъ въ шапцѣ, покрытой свѣтло синимъ сукномъ и украшенной пухлятымъ подоломъ изъ собачьяго мѣху. Его перчатки сапоги были завязаны выше нюръ красными лентами съ выстѣлками, которыя спускались довольно низко. На самой шапцѣ у него была одѣта на бѣвернѣ остроконечная шапка изъ оленьяго мѣху. Во время разговора съ моими ямщиками Самоѣдинъ изгибался назадъ. Лѣвая рука неподвижно лежала при бедрѣ, правая была протанута, указательный палецъ дѣлалъ запятія и черточки. Одинъ глазъ былъ закрытъ, а другимъ Самоѣдинъ тѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ на свой предметъ. Его губы были чрезвычайно тонки и почти не шевелились, когда онъ говорилъ. Лобъ былъ низокъ, темя остроконечно. Эта странная фізіономія принадлежала Самоѣдину-аристократу.... Богатый Самоѣдинъ, въ собственномъ мнѣніи гораздо значительнѣе многихъ маленькихъ князей и терзаетъ своихъ, менѣе счастливыхъ, земляковъ съ большею строгостью, чѣмъ многіе изъ сильныхъ міра. Будь у него къ тому же небольшая должность,—и спѣси его нѣтъ предѣловъ. Мой Самоѣдинъ, избранный своими земляками въ помощники старшины Канинской тундры, считалъ себя выше всѣхъ прочихъ аристократовъ своего племени, и онъ умѣлъ вести себя соответственно той самоувѣренности, какую внушали ему богатство и важность его сана¹⁾.

Что эта аристократія не исключительно денежная, а именно аристократія по происхожденію, удостовѣряетъ г. Верещагинъ въ своихъ „Очеркахъ Архангельской губерніи“. Онъ говоритъ: „У Самоѣдовъ есть родъ аристократическій и плебейскій. Самоѣдскій аристократъ ничѣмъ не уступитъ всякому другому: осанка его важна, и одежда лучше, нежели у прочихъ. Если ему случится быть въ гостяхъ и пить чай, то разливъ въ блюдечко чаю, онъ отдаетъ чашку въ руки своему слугѣ, который смиренно ожидаетъ, пока господинъ его выкушаетъ блюдечко“.

Эти аристократы избираются преимущественно въ общественныя должности—старшинъ и ихъ помощниковъ. Въ самомъ уставѣ объ управленіи Самоѣдами сказано, что всѣ Самоѣды, носящія почетныя званія между своими родовичами, удерживаютъ свои

¹⁾ Современникъ 1845 г., № 7.

званія и пользуются „тѣми почестями, какія въ мѣстахъ ихъ жительства обычай имъ предоставляетъ“.

Самоѣды управляются двумя старшинами: одинъ завѣдуетъ Тиманскими и Канинскими Самоѣдами, другой—Вольшеземельскими. У Большеземельскаго старшины два помощника: одинъ Устьцылемскаго, другой—Ижемскаго вѣдомства. Старшины и ихъ помощники выбираютъ Самоѣдами на ихъ общихъ сходахъ, на три года, и имѣютъ надъ ними власть почти безапелляціонную¹⁾, но пользуется такою властью только тотъ старшина, который сумѣетъ возбудить къ себѣ уваженіе подчиненныхъ своими личными качествами. Кромѣ старшинъ и ихъ помощниковъ, есть еще сотскіе и десятскіе, вполнѣ зависящіе отъ первыхъ. Сотскіе, по словамъ Отчета Запечорской комиссіи, суть начальники главныхъ родовъ, и власть ихъ наслѣдственная. Обязанности сотскихъ состоятъ въ сборѣ ясава и доставленіи Самоѣдовъ по требованію старшинъ и ихъ помощниковъ. Старшинамъ принадлежитъ какъ административная, такъ и судебная власть. Къ каждому старшинѣ и его помощникамъ опредѣляется писарь, для выполненія канцелярскихъ обязанностей.

Кромѣ своего выборнаго начальства, Самоѣды имѣютъ понятіе о существованіи другого, высшаго начальства, хотя понятіе довольно неблагопріятное для послѣдняго, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго разказа Кастрена: „Дорогой наткнулся на Самоѣдина, который отдыхалъ съ своими оленями. „Куда?“ спросилъ я. „Въ питейный домъ“, отвѣчали мнѣ твердымъ голосомъ. Отрекомендовавшись Самоѣдину какъ путешествующій чиновникъ, я завелъ съ нимъ разговоръ, и между прочимъ, случайно спросилъ о числѣ его оленей. Изъ этого онъ подозрительнымъ самоѣдскимъ умомъ сдѣлалъ заключеніе, что у меня есть виды на его оленей. Вѣдьякъ сталъ умолять меня о пощадѣ, снялъ свою шапку и три раза ударился лбомъ о снѣгъ, покрывавшій мои сапоги“²⁾.

Старшинъ, ихъ помощниковъ и прочихъ должностныхъ лицъ Самоѣды выбираютъ на общественныхъ собраніяхъ, сходкахъ. При разбросанности членовъ самоѣдскаго общества эти собранія

¹⁾ Отчетъ комиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

²⁾ *Современникъ*, 1845 г., № 7.

у нихъ бываютъ рѣдко. У Канинскихъ Самоѣдовъ одинъ сборъ ихъ бываетъ осенью на полуостровѣ Канинѣ, на р. Губенихѣ, по окончаніи промысловъ. Второй сборъ бываетъ зимою въ селеніи Неси, гдѣ живетъ писарь и находится самоѣдская церковь. На этихъ собраніяхъ, кромѣ выбора должностныхъ лицъ, обсуждаются всѣ общественныя дѣла, напримѣръ, о повинностяхъ, разбираются всѣ частныя искн, составляются духовныя завѣщанія и т. п. Приговоры и сдѣлки записываются писаремъ въ книгу. Кромѣ этихъ большихъ собраній, бываютъ еще небольшія сходки въ другое время года и въ другихъ мѣстахъ.

На общественныя собранія являются представители семействъ, обыкновенно люди средняго возраста, не стареи и не молодые. Женщины ни въ какомъ случаѣ не допускаются. Главную роль на сходкахъ играютъ богачи, которыхъ голосъ наиболѣе уважается.

При выборѣ въ старшины Самоѣды не имѣютъ въ виду какихъ-либо умственныхъ и нравственныхъ качествъ человѣка, но единственно его матеріальное положеніе. Даже физическіе недостатки, какъ-то: глухота и т. п., не служатъ препятствіемъ, лишь бы избираемый былъ богатъ, обладалъ большимъ числомъ оленей, чтобы, въ случаѣ недоимки, могъ покрывать ее, вносить подати за немущихъ. Вслѣдствіе того выбираютъ въ старшины людей, иногда вовсе неспособныхъ исправлять свои обязанности, и власть такого старшины есть только номинальная, лишенная всякаго дѣйствительнаго значенія. Старшины служатъ безъ жалованья; прежде они пользовались за исправный платежъ ясака 2% ясачной сумми.

Если старшинѣ нужно потребовать оленей отъ Самоѣдовъ, для подводи, то онъ вырѣзываетъ на дощечкѣ клейма тѣхъ Самоѣдовъ, отъ которыхъ требуются олени, означая противъ каждаго клейма рубежками число оленей, и затѣмъ, вырѣзавъ на дощечкѣ свое клеймо, посылаетъ ее для исполненія со своими десятскими; Самоѣды своимъ уставомъ обязываются исполнять безпрекословно такія предписанія своего старшины. Точно также предписывается и о собраніи ясачной подати. Въ послѣднемъ случаѣ рубежками означается количество рублей или шкуръ, требуемыхъ съ извѣстнаго лица. Обычай разсылать предписанія такимъ образомъ ста-

ривный. О немъ упоминаетъ Лепехинъ, который и представляетъ изображение такой дощечки 1).

Изъ всѣхъ денежныхъ повинностей Самоѣды знаютъ только одну—платежъ податей, замѣнившій прежній ясакъ, который собирался пушнымъ товаромъ. Подати, уплачиваемыя Самоѣдами, очень не велики: одинъ рубль съ ревизской души. Онѣ взыскиваются старшиной на общественныхъ собраніяхъ. Кто не имѣетъ денегъ, тотъ представляетъ мѣха, кожи и другіе предметы, которые продаются старшиной, а деньги обращаются на уплату податей. Если отъ продажи вещей, полученныхъ старшиною для уплаты податей, будетъ выручено больше денегъ, нежели сколько слѣдуетъ, то старшина обязанъ возвращать остатокъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ были получены проданныя имъ вещи. Впрочемъ, каждый Самоѣдинъ имѣетъ право участвовать самъ въ продажѣ своихъ вещей и даже выкупать ихъ, внося слѣдующее для уплаты податей денегъ. Никто, кромѣ старшины, не имѣетъ права собирать съ Самоѣдовъ подати. Но Русскіе и здѣсь придумали средство поживиться: они, за извѣстную плату старшинѣ, берутся собирать подать съ самыхъ дальнихъ Самоѣдовъ, и пріѣзжая въ отдаленныя чумы, получаютъ не законенный рубль, а два или два съ полтиной, смотря по тому, сколько вздумается взять 2).

Изъ натуральныхъ повинностей Самоѣды отбываютъ только ямскую. Вблизи Неси устроенъ ямъ, то-есть, чумъ съ оленями, назначенными отъ извѣстныхъ хозяевъ. На общественныхъ собраніяхъ составляется списокъ лицъ, которыя должны ставить оленей, а также число оленей. Это замѣчается на биркахъ. Ыада бываетъ отъ Неси только до Семжи въ одну сторону и въ другую до ближайшаго селенія.

Кромѣ того, никакихъ повинностей и сборовъ не бываетъ. Отправленіе требъ священниками безмездное: Самоѣды ничего не платятъ за ихъ исполненіе. Впрочемъ, по добровольному желанію жертвуютъ иногда на церковь оленей, чѣмъ выражаютъ свое религиозное рвеніе. Отъ этихъ пожертвованій, производящихся съ давняго времени, образовались при церквахъ порядочныя стада

1) Путев. Зап., IV, стр. 293.

2) Годъ на Сѣверѣ, изд. 2-е, стр. 448.

олений, доходы съ которыхъ идутъ въ пользу церкви и священниковъ. Такъ въ Колвинской церкви, приходѣ Большеземельскихъ Самоѣдовъ, образовался блию нердочный капиталъ, до 10-ти тысячъ рублей, а стадо оленей въ нѣсколько тысячъ, пожертвованныхъ Самоѣдами въ прежнія времена, когда они находились въ лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ теперь ¹⁾).

У Самоѣдовъ-явичниковъ отправляютъ богослуженіе и другіе религиозные обряды ихъ жрецы-тадибеи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и знахарями. Званіе тадибея считается наследственнымъ; никто не можетъ быть тадибеемъ, если не происходитъ изъ рода тадибеевъ. Это званіе наследуется какъ мужчинами, такъ и женщинами; впрочемъ, женщины наследуютъ его только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ наследниковъ мужчинъ ²⁾. Тадибеи, по понятіямъ Самоѣдовъ, могутъ сносятся съ духами и вызывать ихъ посредствомъ особыхъ обрядовъ, называемыхъ *битьемъ кудесъ*; въ ихъ сверхъестественную власть вѣрятъ и крещеные Самоѣды, а отчасти и Русскіе. Тадибеи, съ своей стороны, стараются всѣми силами поддерживать свое значеніе, которое приносить имъ матеріальныя выгоды. Въ своей долгой практикѣ они выработали многіе приемы, фокусы, которыми удачно пользуются, чтобы морочить своихъ невѣжественныхъ поклонниковъ; напримѣръ, они проваютъ себя ножомъ, продѣваютъ чрезъ себя ремень и т. п. Кроме того, самый нарядъ тадибея, торжественность обрядовъ и его заученные приемы—все это разчитано на то, чтобы производить предрасполагающее впечатлѣніе. Тадибеи, впрочемъ не всегда только шарлатаны; иногда они и сами вѣрятъ въ свою силу, какъ вѣрятъ въ нее ихъ поклонники-Самоѣды и даже Русскіе. Вотъ доказательство того, какъ эти послѣдніе вѣрятъ въ тадибеевъ: одинъ мезенскій крестьянинъ выстрѣлилъ въ тадибея въ увѣренности, что нуля должна отскочить отъ него, какъ думаютъ Самоѣды, и разулѣтся, убилъ наповалъ. Самоѣды обращаются къ тадибеямъ за помощью для излѣченія отъ болѣзней и за различными предсказаніями, напримѣръ, о томъ, будетъ ли успешенъ промыселъ, и т. н.; въ случаѣ покражи, просятъ

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 103.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г., № 12.

его узнавъ вора и указать, гдѣ похищенное. Если обращаются къ нему по дѣлу послѣдняго рода, то онъ предварительно расширяется о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ кражу, и по разказу составляетъ свое предположеніе, которое, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и высказываетъ, когда приходитъ въ восторженное состояніе и черезъ битье кудесъ вышываетъ дуковъ. Тадибеи играютъ также роль лѣкарей, къ которымъ Самоѣды обращаются во всѣхъ болѣзняхъ, и имъ г. Максимовъ приписываетъ большую смѣртность между Самоѣдами, которые мрутъ, не достигая и 50-ти лѣтъ отъ роду ¹⁾; но разумѣется, это явленіе обусловливается причинами болѣе общими, чѣмъ лѣченіе тадибеевъ. Но если тадибеи, своими невѣжественными приемами при лѣченіи больныхъ, могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на увеличеніе смѣртности между Самоѣдами, то они еще гораздо вреднѣе въ томъ отношеніи, что, пользуясь своимъ значеніемъ, поддерживаютъ въ народѣ всякія вредныя суевѣрія и тѣмъ препятствуютъ его развитію, видя въ этомъ свои собственныя выгоды. Тадибеи за битье кудесъ или за совершеніе жертвоприношенія получаютъ плату оленями или какими-либо другими вещами, сколько это можетъ дать. Плата эта дается подъ такимъ условіемъ: если отъ кудеса послѣдуетъ желаемый результатъ, то тадибей можетъ удерживать плату; въ противномъ же случаѣ возвращается обратно ²⁾. Тадибей получаетъ также олени, когда разрѣшаетъ родовлину отъ грѣха нарушенія супружеской вѣрности, которому Самоѣды приписываютъ трудные роды ³⁾.

По закону, судебная власть надъ Самоѣдами предоставляется исключительно старшинѣ, но на самомъ дѣлѣ бываетъ не всегда такъ; часто старшина судить вмѣстѣ съ міромъ, и преобладающее значеніе имѣетъ именно голосъ общества. Самоѣды, судясь въ своихъ общественныхъ собраніяхъ черезъ своихъ старшинъ, считаютъ ихъ рѣшеніе почти всегда окончательнымъ и очень рѣдко апеллируютъ на него въ высшія инстанціи ⁴⁾.

¹⁾ Годъ на Сѣверѣ, стр. 488.

²⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1849 г. № 12.

³⁾ *Опис. Арх. Губ. Поимана*, стр. 136.

⁴⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1846 г., № 26.

Судебнымъ доказательствомъ служитъ снятіе виновнымъ иконы и положеніе себѣ на голову со словами: „Побей меня Богъ, когда я виноватъ“. Самоѣды нынѣ не считаютъ себя въ правѣ привести обвиняемаго къ цѣлованію образа. Старинная присяга Самоѣдовъ-язичниковъ—*рота*, нынѣ не употребляется официально, хотя и утверждена самоѣдскимъ уставомъ, какъ законная форма присяги для Самоѣдовъ некрещеныхъ; но промежь себя, частно, Самоѣды еще придерживаются ея. По уставу рота состоитъ въ слѣдующемъ: обвиненный, котораго заставляютъ принять присягу, вырѣзываетъ идола, виною изъ снѣгу, а глѣбомъ изъ земли, и разрубаетъ его пополамъ со словами: „Пусть я самъ такъ буду разрѣзанъ, если сказалъ неправду, и пусть мнѣ не встать завтра поутру съ мѣста, а какъ спать, такъ бы мнѣ вѣчно и лежать“¹⁾. Кромѣ этой, употребляются и другія формы роты. Самая употребительная состоитъ въ томъ, что оказывающіе свою правду грызутъ шкуру или *мырку* (морду) бѣлаго или бурога медвѣдя со словами: „Пусть меня изгрызетъ такъ звѣрь, какъ я грызу его, если я виноватъ“. Кастрень упоминаетъ о слѣдующаго рода присягѣ: если обокрадутъ Самоѣда, и подозрѣніе падетъ на кого-нибудь, то дѣлаютъ истуканъ изъ камня, дерева, земли или снѣгу, потомъ убиваютъ собаку, разбиваютъ истуканъ и обращаются къ заподозрѣнному въ воровствѣ со словами: „Если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака“. Обрядъ этотъ пользуется такимъ почтеніемъ у Самоѣдовъ, что преступникъ не рѣшится къ нему приступить, но скорѣе признается въ преступленіи. Вотъ еще одинъ торжественный видъ такой присяги: Самоѣды, собравшись въ одно мѣсто, дѣлаютъ изъ снѣгу или изъ глины нѣсколько остроконечныхъ треугольныхъ болвановъ, съ изображеніемъ лица, и поставя ихъ на снѣгъ, приводятъ къ тому мѣсту черную собаку и приносятъ носъ бѣлаго медвѣдя. Послѣ того прикосновенные къ дѣлу Самоѣды раздѣваются до-нага и становятся въ кучу лицомъ къ лицу,

¹⁾ Почтенный авторъ здѣсь, вѣроятно, смѣшиваетъ правила, составленныя въ особомъ временномъ комитетѣ, учрежденномъ на основаніи § 37 Устава, съ этимъ послѣднимъ, такъ какъ въ самомъ Уставѣ, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, вышеизложеннаго обряда роты или присяги не установлено.

Прим. ред.

глядя съ благоговѣніемъ на небо и произнося слѣдующія слова: „Богъ насъ накажи, чтобы пожрала насъ земля, растерзали бы тѣла наши дикіе звѣри“. Потомъ убиваютъ собаку и въ ту-же минуту вырѣзываютъ изъ нея сердце, которое бросаютъ на снѣгъ или на землю, и когда оно еще трепещетъ, каждый присягнувшій схватываетъ его поочередно съ земли, отрѣзываетъ отъ него ножомъ частицу и затѣмъ бросаетъ на землю; потомъ каждый отрѣзываетъ по частицѣ бѣлаго медвѣдя и ѣсть. Наконецъ болвана мажутъ кровью и разбиваютъ на мелкіе куски ¹⁾). Лепехинъ также упоминаетъ о самоѣдской ротѣ: „Самоѣды, жившіе по р. Вижаку за Канинымъ носомъ, клянутся или рожьются, какъ тамъ говорятъ Русскіе,—старыми деревянными, оставленными идолами или вырѣзаннымъ подобіемъ ихъ изъ снѣгу. Когда клянутся, то полагаютъ срокъ своей жизни на два-три дня или мѣсяца, принимаютъ за болвановъ и рѣжутъ ихъ ножомъ, говоря: „Чтобы мнѣ болѣе того срока не прожить, ежели я виноватъ“. Клятва эта имѣла тамъ превеликую силу и рѣзавшіе кумировъ, ежели въ самомъ дѣлѣ были виноваты, отъ угрызенія совѣсти умирали, а другихъ невинность отрывалась въ теченіе того времени, до котораго срокъ былъ положенъ“ ²⁾).

Кромѣ присяги, дознаніе и разборъ каждаго дѣла основывается на показаніяхъ свидѣтелей, которыхъ допрашиваютъ въ собраніи просто, безъ присяги.

Наказанія, какія полагаются самоѣдскими обычаями за различныя проступки и преступленія, излагаются въ уставѣ, изъ котораго мы и дѣлаемъ выписки съ примѣчаніями священника І. Синцова ³⁾):

1) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ, вытаскивая самовольно изъ существующихъ, не принадлежащихъ ему, лисьихъ или песцовыхъ норъ щепать, взломавъ норы, отъ чего они отбѣгають въ другія дальнія мѣста, причиняя черезъ сіе настоящимъ владѣльцамъ потомственный убытокъ,—то владѣлецъ сихъ норъ о виновномъ въ такомъ

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 11.

²⁾ *Пут. Зап.*, IV, стр. 113.

³⁾ Авторъ ошибочно называетъ и въ этомъ случаѣ Уставомъ вышеозначенныя правила, составленныя особымъ временнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи.

Прим. ред.

убыткѣ объявляетъ старостѣ, который заставляетъ виновнаго, чтобы онъ удовлетворилъ обиженнаго, по взаимному между ними согла-сію". Священникъ Синцовъ замѣчаетъ, что у Самоѣдовъ нѣтъ те-перь дѣленныхъ норъ, такъ какъ они владѣютъ тундрой и ея угольями сообща, а потому каждый можетъ пользоваться норой, какую найдетъ. Но замѣчаніе относится собственно къ Канинской тундрѣ; въ Большеземельской же эта статья устава можетъ имѣть примѣненіе, такъ какъ тамъ Зыряне дѣйствительно разоряютъ песцовыя норы, принадлежащія Самоѣдамъ ¹⁾. О разрытіи норъ крестоватиковъ и о выкуриваніи изъ нихъ животныхъ дымомъ, го-воритъ и г. Гофманъ: этотъ способъ охоты у Самоѣдовъ запрещенъ, потому что норы въ такомъ случаѣ навсегда покидаются пушными обитателями. Они безпрестанно приносятъ жалобы на Зырянъ, за то, что эти охотники выкуриваютъ лисецъ и разоряютъ норы. По-этому въ послѣднее время, по приговору мірской сходки, каждый Зырянинъ, выходящій въ тундру на охоту, долженъ сперва обя-заться въ Ижмѣ подпискою не выкуривать ни одного песца изъ норы ²⁾.

2) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ за отпущенное въ долгъ вино или за какіе-либо другіе долги самовольно захватить одного или нѣсколькихъ оленей, либо другое какое-либо имущество, или что изъ промысла,—то староста отнятое самовольно возвращаетъ оби-женному“. По словамъ священника Синцова, нѣтъ примѣровъ, чтобы Самоѣды торговали виномъ, крожѣ настоящаго ихъ писаря, незаконнорожденнаго Самоѣдина, который выросъ въ Архангельскѣ: у него цѣна вину опредѣленная—олень за $\frac{1}{4}$ ведра.

3) „Ежели Самоѣдинъ, встрѣтася на дорогѣ съ другимъ, кото-рый ему долженъ, выпряжетъ изъ саней оленя и уведетъ, а долж-ника оставить на пустомъ мѣстѣ: то сей, дошедъ до старости, объявляетъ о семъ ему, а староста призываетъ виновнаго и отби-раетъ отъ него то, что имъ отнято, заставляя при томъ вернуть обиженному вмѣсто одного двухъ оленей“. Священникъ Синцовъ замѣчаетъ: Никогда не случается, чтобы Самоѣдинъ лишилъ дру-гаго Самоѣдина оленей такимъ образомъ, и подобнаго лихоннца

¹⁾ *Исмавиль*, стр. 94.

²⁾ Сѣв. Уралъ, I.

засудили бы всё родовичи, а не одинъ старшина, такъ какъ у Самоѣдъ Тиманской и Канинской тундръ старшина есть только сборщикъ ясака, а дѣла рѣшаются по голосу собранія; вообще Самоѣды очень не притязательны во взысканіи долговъ.

4) „Ежели у настоящаго владѣльца другой займетъ лисьи или песцовыя норы, либо заборъ въ рѣкѣ или озерѣ, а прежняго владѣльца къ тому не допустить,—то староста, въ случаѣ жалобы, принуждаетъ виновнаго весь причиненный имъ убытокъ обиженному вознаградить“. Это относится къ Большеземельскимъ Самоѣдамъ.

5) „Ежели кто изъ поставленной въ тундрѣ чужой ловушки тайно вынетъ песка или другого звѣря и хозяинъ ловушки, узнавъ о виновномъ, объявить старостѣ, то сей послѣдній, по обличеніи виновнаго, принуждаетъ его удовлетворить обиженнаго вдвое.

6) „Ежели Самоѣдинъ что украдетъ и въ томъ сознается или будетъ изобличенъ, то староста приказываетъ виновному удовлетворить обиженнаго также вдвое“.

7) „Поелику каждый Самоѣдинъ имѣетъ обычай употреблять для себя собственное клеймо въ видѣ именнаго или другаго знава, которымъ клеймятъ своихъ оленей, а къ договорамъ и другимъ бумагамъ прикладываетъ оное вмѣсто рукоприкладства,—то тайно переклеймившій чужаго оленя, то-есть, изъ чужаго клейма сдѣлавшій на оленѣ свое, присуждается старостою отдать обиженному вдвое, то-есть вмѣсто одного—двухъ, вмѣсто десяти—двадцать и т. п.“

8) „Ежели сойдутся олени разныхъ хозяевъ, одно стадо съ другимъ, и хозяинъ или заступающій его мѣсто перегонитъ изъ чужаго стада въ свое и присвоитъ одного или нѣсколькихъ оленей, то староста присуждаетъ виновнаго заплатить за то обиженному вдвое“. По свидѣтельству священника Синцова, дѣла по послѣднимъ четыремъ статьямъ возникаютъ главнымъ образомъ не у Самоѣдовъ между собою, а у Самоѣдовъ съ Русскими. Онъ говоритъ также, что обычай уплачивать обиженному вдвое не есть чисто самоѣдскій, а прививается къ Самоѣдамъ искусственно правилами устава; но онъ, кажется, ошибается. Сколько намъ извѣстно, это коренной, древній обычай Самоѣдъ, какъ они сами свидѣлствуютъ, и справедливость его они отстаиваютъ твердо. Необходимость вознаграждать обиженнаго двумя оленями вмѣсто одного,

*

они доказываютъ такъ: если отдать одного оленя, то виновный вмѣсто хорошаго, убитаго имъ, можетъ дать худаго, и такимъ образомъ обиженный не будетъ вознагражденъ какъ слѣдуетъ.

9) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ избидитъ другого словами: то въ сей обидѣ Самоѣды не просятъ удовлетворенія, и одинъ съ другимъ взаимно по согласію примиряются“. Священникъ Синцовъ говоритъ, что Самоѣды рѣдко приносятъ жалобы объ обидахъ, а большею частью бросаютъ дѣло по вмѣшательству третьей стороны, примиряющей ихъ.

10) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ причинитъ другому побой руками или какимъ орудіемъ, то староста, по жалобѣ обиженнаго, присуждаетъ виновнаго заплатить первому одного или нѣсколько, не болѣе жъ однако двухъ или трехъ оленей, судя по состоянію виновнаго, либо удовлетворитъ обиженнаго на такую же сумму, сообразно цѣнности оленей, другимъ имуществомъ“.

11) „Ежели двое Самоѣдовъ промышляли вмѣстѣ и одинъ другому не отдалъ полной половины промысла, то по жалобѣ обиженнаго, староста принуждаетъ, чтобы удержавшій немедленно отдалъ первому все то, что имъ неправильно удержано“.

12) „Ежели кто съ товарищемъ отправится промыслать на море и товарищъ изломастъ у пригласившаго его лодку или повредитъ что-либо другое, и чрезъ то остановить промыселъ: то обиженный, по возвращеніи своемъ, объявляетъ о томъ старостѣ, а сей приказываетъ виновному заплатить обиженному убытокъ противъ того, на сколько другіе промышляли“.

13) „Ежели кто раньше другихъ прибудетъ на общее промышленное мѣсто и опромышляетъ звѣрей на ономъ, а остальныхъ разгонитъ, другіе же черезъ то лишаются промысла, то староста, по жалобѣ ихъ, приказываетъ добытый первымъ промыселъ раздѣлить на всѣхъ тѣхъ, кто подвергнулся черезъ то убытку“.

14) „Когда кто изъ Самоѣдовъ окормитъ оленьи мхи своимъ большимъ стадомъ, при морскихъ берегахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ многіе бѣдные Самоѣды производятъ промыслы морскихъ звѣрей и кормятъ своихъ оленей въ маломъ числѣ: то, по жалобѣ обиженныхъ, староста запрещаетъ окормливать такія притомныя мѣста“.

15) „Когда русскіе хозяева оленьихъ стадъ или богатые Самоѣды займутъ лучшія рѣки и сдѣлаютъ въ нихъ заборы или за-

владѣютъ лучшими озерами для ловли рыбы, а бѣдныхъ Самоѣдовъ, которые прежде въ тѣхъ рѣкахъ производили промыселъ, къ тому не допустить,—то, по жалобѣ сихъ послѣднихъ, староста запрещаетъ, какъ Русскимъ, такъ и богатымъ Самоѣдамъ, занимать тѣ рѣки и озера, предоставляя оныя бѣднымъ, которые и стари въ сихъ рѣкахъ и озерахъ промышляли. Эта статья не исполняется на дѣлѣ.

16) „Ежели сынъ отца не слушаетъ, а дѣлаетъ все по своему праву и отецъ объявить о семъ старостѣ при общественномъ собраніи, то по сей просьбѣ виновный сынъ, согласно желанію родителя своего, наказывается розгами“. Эта статья устава также не примѣняется на дѣлѣ: обыкновенно семейныя распри Самоѣдовъ не выходятъ на судъ, а улаживаются домашнимъ образомъ. Если сынъ не слушается отца, то послѣдній расправляется самъ, побьетъ ослушника, а не жалуется на него; розогъ также вовсе не знаютъ Самоѣды.

17) „Ежели братъ съ братомъ, живя вмѣстѣ, будетъ ссориться, и одинъ изъ нихъ объявить о томъ старостѣ съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздѣлить, то староста принуждаетъ обоихъ тѣхъ братьевъ при общественномъ собраніи безобидно раздѣлиться“. Священникъ Синцовъ замѣчаетъ, что и въ дѣлѣ Самоѣды также не прибѣгаютъ къ власти, а производятъ его сами.

18) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ возьметъ у другого, безъ согласія сего послѣдняго, топоръ, или ножъ, или долото, либо другое какое орудіе, употребляемое при дѣланіи санокъ и другихъ домашнихъ вещей и изломаетъ: то, по жалобѣ, хозяину сихъ вещей староста приказываетъ на мѣсто поврежденныхъ отдать свои или вновь купленныя цѣлыя вещи“.

19) „Ежели кто, потерявши оленя или оленью шкуру, либо другую какую вещь, увидитъ оную послѣ у другого и насильно возьметъ у него, какъ свою собственность, то, по дошедшей о томъ жалобѣ, староста оставляетъ оную во владѣніи того, кому она дѣйствительно принадлежитъ; а буде тотъ, у коего вещь сія будетъ отобрана, нашель ее и о томъ связалъ тогда, какъ она найдена, кому либо изъ принадлежащихъ къ семейству своему Самоѣдовъ, въ такомъ случаѣ хозяинъ таковыхъ вещей обязанъ возвратить нашедшему ихъ третью часть того, что они стоятъ“.

Вознагражденіе третью частью не есть коренной самоѣдскій обычай.

20) „Ежели кто издереть чумовыя вожи, изломаеть шести и другія чумовыя вещи: то, по жалобѣ обиженнаго, староста приказываетъ виновному немедленно заплатитъ или деньгами или оленями, либо другими вещами вдвое противъ того, чего поломанное стоило“. По обычаямъ самоѣдскимъ, вознаграждаютъ не вдвое въ этомъ случаѣ, а даютъ только стоимость того, что было поломано.

Жалобы по дѣламъ, до которыхъ касаются послѣднія три статьи устава, предъявляются словесно старшинѣ и собранію Самоѣдовъ, когда оно бываетъ. Тогда же онѣ разбираются и дается приказъ объ удовлетвореніи: если отвѣтчика нѣтъ, то мѣръ даетъ обиженному одного или двухъ десятскихъ для исполненія взыскаія.

Въ 21-й статьѣ говорится о способѣ, какимъ старосты требуютъ отъ Самоѣдовъ оленей посредствомъ рубежей. Но объ этомъ нами сказано было выше.

22) „Если староста потребуетъ кого-либо изъ Самоѣдовъ для спроса, или для какой-нибудь другой надобности, а онъ не послушается и добровольно не пріѣдетъ: то староста присылаетъ за нимъ десятскаго и велитъ привести его къ себѣ и заплатитъ, что слѣдуетъ, за подводу, на которой посланъ былъ десятскій“.

23) „Самоѣдскіе старосты жалобы Самоѣдовъ по разнымъ случаямъ разбираютъ посредствомъ свидѣтелей“.

24) „При семъ разборѣ старосты не приводятъ свидѣтелей крещенныхъ къ цѣлованію образа, а некрещенныхъ къ ротѣ, но вѣрать имъ просто по совѣсти“.

25) „Ежели обвиняемый Самоѣдъ по недостатку уликъ запирается въ винѣ своей, то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его, буде онъ изъ воспріавшихъ христіанскую вѣру, поцѣловать находящуюся въ чумѣ св. икону, съ тѣмъ, чтобы прекрестился передъ оною и произнесъ, что онъ цѣлуетъ сію святую икону въ томъ, что вноснаго на него онъ не сдѣлалъ“.

Въ 26-й статьѣ говорится о присягѣ обвиняемаго изъ некрещенныхъ Самоѣдовъ. Но объ этомъ упомянуто нами ранѣе ¹⁾.

¹⁾ Эти правила, составленныя по самоѣдскимъ законамъ и обычаямъ вышеозначеннымъ временнымъ Комитетомъ, приведены въ статьѣ архимандрита *Веніамина*: „Мезенскіе Самоѣды“, въ *Этногр. Сборникѣ*, выд. IV.

Вотъ всѣ выписки изъ устава, касающіяся суда и расправы. Изъ примѣчаній къ нимъ можно видѣть, что эти правила далеко не всегда основываются на самоѣдскихъ юридическихъ обычаяхъ, и что нѣкоторыя положенія устава произвольны. Кроме того, уставъ далеко не обнимаетъ всѣхъ юридическихъ отношеній, какія могутъ возникнуть даже въ такомъ несложномъ по составу обществѣ, каково самоѣдское.

Приведемъ въ дополненіе еще нѣсколько свѣдѣній, какія мы имѣемъ объ обычаяхъ Самоѣдовъ при судѣ и расправѣ.

Если богатый Самоѣдинъ отказалъ нуждающимся бѣднякамъ въ оленѣ для пропитанія, то тѣ угоняютъ у богача по оленю или по два на человѣка, и общій ихъ мірской судъ оставляетъ эту кражу безъ взысканія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, богатый обязанъ помогать бѣдному и не долженъ позволять ему страдать отъ голода. Нарушенія этого обязательства со стороны богачей бывають рѣдко; оттого очень рѣдко случается, чтобы Самоѣды крали у Самоѣдовъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ они врадуть часто.

За безчестье, нанесенное замужней женщиной или дѣвицей, или за причиненное насиліе виновный обязанъ заплатить въ пользу обиженныхъ, по приговору старшины, нѣсколько оленей ¹⁾).

Если дѣвушка родитъ ребенка, то ея не наказываютъ; но за нарушение супружеской вѣрности мужъ наказываетъ жену побоями или отсылаетъ обратно къ ея родителямъ, а любовнику жены мужъ мститъ слѣдующимъ образомъ: повстрѣчавшись съ нимъ, онъ отпрыгаетъ и уводитъ изъ его саней одного оленя; тотъ, чувствуя себя виновнымъ, не протестуетъ и ѣдетъ дальше ²⁾).

Въ заключеніе замѣтимъ, что преступленія между Самоѣдами очень рѣдки, и что проявленіе дикихъ страстей, очень естественное у народа, стоящаго на такой низкой ступени умственнаго развитія, смягчается у нихъ замѣчательнымъ добродушіемъ, склонностью прощать обиды и готовностью всегда помириться съ своимъ врагомъ. Между Самоѣдами, даже язычниками, очень нерѣдки примѣры такого великодушія, которые сдѣлали бы честь развитому человѣку, христіанину ³⁾).

1) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 26.

2) *Иславикъ*, стр. 131.

3) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 22.

ЗАМѢТКИ О КИРГИЗСКОМЪ СУДѢ ¹⁾.

Настоящія замѣтки имѣютъ цѣлью представить въ сжатомъ очеркѣ нѣкоторыя стороны быта Киргизовъ Средней орды, среди которыхъ автору пришлось прожить долгое время. Замѣтки эти касаются существеннаго для Киргизовъ предмета, а именно— ихъ суда по мѣстнымъ обычаямъ.

Киргизскій народный судъ вполне гласный и притомъ апелляціонный; толпа сидитъ и слушаетъ, а иногда вмѣшивается и въ рѣшеніе. Тажущіяся стороны должны сами явиться на судъ, который и рѣшаетъ ихъ дѣла. Заочныя рѣшенія бывають очень рѣдко, и то въ маловажныхъ только случаяхъ, но непременно при до- вѣренныхъ лицахъ.

¹⁾ Для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ киргизскаго суда, затронутыхъ настоящими замѣтками, написанными образованнымъ Башкиромъ, служащимъ переводчикомъ при Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, можно указать на статью о юридическихъ обычаяхъ Малой Киргизской орды, помѣщенную въ *Запискахъ Оренбургск. Отд. Русск. Геогр. Общ.* 1871 г., вып. 2-й, стр. 45—167. Г. Ибрагимовъ— авторъ интересныхъ „Очерковъ быта Киргизовъ“ въ *Древней и Новой Россіи* за 1876 г., № 9. Кроме того, любопытныя свидѣнія о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ заключаются въ Сборникѣ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, изданномъ по копіи съ рукописи П-го отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ 1876 г. въ Варшавѣ профессоромъ Варш. университета *Д. Я. Самоковскимъ*, стр. 245—272.

Прим ред.

Явившіяся на судъ лица должны сѣсть передъ судомъ не иначе, какъ „джугуныбъ“, то-есть, на колѣняхъ, поджавъ ноги подъ себя. Слово „джугуну“ значитъ: обращаться къ лицу за рѣшеніемъ.

Киргизъ, имѣющій претензію, обращается къ бію ¹⁾ (судья), или вѣрнѣе сказать, къ тому богатому лицу, въ аулѣ котораго проживаетъ его отвѣтчикъ, или что также часто случается—къ тому богатому и почетному лицу, подъ вліяніемъ котораго находится его отвѣтчикъ, или же наконецъ—къ своему родоначальнику.

Если истецъ не получить удовлетворенія отъ перваго изъ упомянутыхъ лицъ, то онъ обращается къ второму, и наконецъ, къ третьему лицу. Киргизъ, который не разчитываетъ на добросовѣстное рѣшеніе первыхъ двухъ лицъ, обращается прямо къ послѣднему, съ ясауломъ (исполнителемъ порученій) котораго и отправляется къ родоначальнику своего отвѣтника.

Если просьба просителя справедлива, то по рѣшенію родоначальника, отвѣтчикъ платитъ ясаулу „кутъ-май“ и „атъ-май“ ²⁾; въ противномъ же случаѣ ихъ платитъ проситель.

Киргизы, враждующіе между собою, по добровольному согласію выбираютъ для рѣшенія своихъ дѣлъ, на каждый случай отдѣльно, такихъ Киргизовъ или родоначальниковъ, которые не заинтересованы въ дѣлѣ. Нерѣдко бываетъ даже и такъ, что вдовы знатныхъ особъ, пользующіяся въ степи уваженіемъ, рѣшаютъ тяжбыныя дѣла. Есть впрочемъ въ степи такіе Киргизы, которые именуются біями, и которые своимъ умомъ и справедливыми рѣшеніями утвердили за собою это имя. Киргизы произносятъ имена такихъ лицъ не иначе какъ съ прибавкою къ ихъ собственному имени слово „бій“, на примѣръ: Арсланъ-бій, Чалдынь-бій, Джарылгабъ-бій, ³⁾ и т. д.

¹⁾ Біемъ въ степи считается всякій Киргизъ, избранный тажущимися для рѣшенія ихъ дѣла.

²⁾ *Кутъ*—задняя часть, *май*—жиръ, *атъ*—лошадь; значитъ, плата берется, буквально перевода, за убавку жира въ сидѣньи у сѣдока и его лошади.

³⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ оговорить, что слово *бій* имѣетъ различное значеніе; такъ на примѣръ, въ независимыхъ средне-азиатскихъ ханствахъ оно означаетъ особый чинъ, даваемый послѣ чина *токсаба*, и съ которымъ не связывали никакихъ судебныхъ обязанностей.

Отъ рѣшенія такихъ именитыхъ биевъ враждующія стороны не могутъ уклоняться; если одна которая-нибудь сторона отказывается отъ явки къ такимъ биямъ, то враждующіе, по соглашенію между собою, идутъ къ тому лицу, отъ рѣшенія котораго зависитъ идти или нѣтъ къ этому бію.

Недовольные рѣшеніемъ бія и родоначальниковъ терпѣливо ждутъ большаго собранія или *номинокъ*, куда они обыкновенно привозятъ съ собою старшаго изъ своего аула или изъ своего рода, и этотъ старшій долженъ защищать своихъ передъ собравшеюся публикой (въ этихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ старшій изъ прибывшихъ гостей), рѣшенію которой передается апелляціонное разсмотрѣніе дѣла, при чемъ такое рѣшеніе общества считается уже окончательнымъ.

Такъ какъ всякое мало мальски заслуживающее вниманія дѣло бываетъ въ степи болѣе или менѣе извѣстно всей окрестности со всеми подробностями, то народное собраніе немедленно постановляетъ рѣшеніе, такъ какъ Киргизы не любятъ волокиты въ рѣшеніи дѣлъ и не придаютъ большой вѣры показаніямъ свидѣтелей. Первому рѣшавшему дѣло бію, если онъ пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ, народное собраніе посылаетъ избранное изъ своей среды лицо для объясненія ему обстоятельствъ дѣла, на основаніи которыхъ они постановили новое рѣшеніе.

Нетерпѣливый Киргизъ, когда его отвѣтчикъ уклоняется отъ рѣшенія дѣла, заставляетъ его явиться на судъ барантой²⁾, то-есть, угономъ у отвѣтчика скота, который при разбирательствѣ дѣла возвращается явившемуся хозяину; этимъ онъ ускоряетъ рѣшеніе дѣла; за баранту отвѣтчикъ не подвергается никакой отвѣтственности и никакому штрафу; на баранту Киргизы смотрятъ какъ на мѣру побудительную. Баранту производятъ еще въ такихъ случаяхъ, когда одна сторона изъ тяжущихся не довольна постановленіемъ рѣшенія; посредствомъ баранты апеллирующій вызываетъ своего противника вторично на судъ, на разсмотрѣніе

²⁾ Слово *баранта*, или вѣрнѣе — *барымта*, вовсе не означаетъ грабежъ; по нашему извѣстію, оно происходитъ отъ слова *баръ*—есть, *барымъ*—тоже есть, *барымта* — мнѣ слѣдующее; *та* есть приставка, образующая имя существительное, наприимѣръ: *балмакта*, *турмакта*, *юрмакта* и т. д.

котораго представляет первое рѣшеніе. Но са баранту, произведенную въ третій разъ, виновные подвергаются штрафу, и т. д.

При барантѣ, строго говоря, угоняется не весь вообще скотъ, принадлежащій противной сторонѣ, а только та часть его, которая равняется заявленному иску. При этомъ, конечно, не всегда соблюдается справедливость и часто угоняется скота больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Безвзяно пострадавшимъ отъ притѣсненія и несправедливаго рѣшенія бievъ общество дѣлаетъ добровольный сборъ и тѣмъ заставляеть ихъ забыть обиду и прекратить дѣло.

Біи (судьи), которыхъ выбираютъ Киргизы для рѣшенія своихъ дѣлъ, рѣшаютъ всё безъ исключенія, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, не руководствуясь ни какими писанными законами, а своими обычаями, преданіями, повѣрьями и вѣрованіями, переходящими изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Слѣдовательно, они живутъ по своимъ законамъ и понятіямъ, установленнымъ вслѣдствіе ихъ образа жизни, взглядовъ, условій ихъ быта и проч. ¹⁾).

Біи эти, при рѣшеніи дѣлъ, внимательно выслушиваютъ сначала одну сторону—истца, потомъ—отвѣтчика. При этомъ для уясненія обстоятельства дѣла, какъ себѣ, такъ и слушающей публикѣ, они нерѣдко задаютъ той и другой сторонѣ вопросы, приводятъ примѣры, ловятъ на словѣ изворотливаго Киргиза, и такимъ образомъ, стараясь вызвать общее одобреніе со стороны публики, заявляютъ свои способности, употребляя для обнаруженія истины такіе приемы, которые принято относить къ обязанностямъ адвоката, а не судьи.

Біи большею частію дѣла не только маловажныя, но и самыя крупныя, уголовныя, роловыя, рѣшаютъ, если нѣтъ достаточныхъ уликъ, либо „варындасъ-кыбъ“, то-есть, миролюбиво, точнѣе говоря,

¹⁾ 9-я статья II-го отдѣла „О судѣ и судьяхъ“. Въ сборникѣ официально собранныхъ обычаевъ Киргизовъ сказано: „Судъ составляется изъ одного почетнаго біа, а оный уже собираетъ тоже достойныхъ шесть человекъ изъ Киргизовъ; всё они разбираютъ дѣло и совѣтуются, но біа какъ предсѣдателю дается первенство въ сужденіи и тѣмъ рѣшаются какія бы то ни было дѣла“ (см. Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, изд. пр. *Самоевасовымъ*, стр. 247).

Прим. ред.

по родственному, или же „джанъ-мненъ“—присягой ¹⁾. Вообще мудрые бии, пользующіеся въ народѣ уваженіемъ, стараются рѣшать дѣла миролюбиво; случается даже, что они нѣсколько задерживаютъ тяжущихся, не объявляя имъ своего рѣшенія, дабы сблизить ихъ и тѣмъ отстранить отъ присяги, не приносящей, какъ сами Киргизы говорятъ, никакой пользы, а только грѣхъ.

Нерѣдко такіе бии при рѣшеніи важныхъ дѣлъ, видя передъ собою двухъ сильныхъ тяжущихся и желая окончить дѣло миромъ, изъ боязни дурныхъ послѣдствій въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ, стараются связать стороны родственными узами, то есть, либо женятъ одного на сестрѣ, на дочери другого, или же, если у одного сынъ, а у другаго дочь, то заставляютъ ихъ обняться и назвать другъ друга „кудѣ“, сватами.

Бываетъ еще и такъ: у Киргизовъ, напримѣръ, существуетъ обычай дружитья, при чемъ одинъ обнимаетъ другаго черезъ обнаженную саблю, давая обѣтъ дружбы. Сущность такой дружбы заключается въ томъ, что друзья никогда и не въ чемъ не отказываютъ одинъ другому. Обыкновенно поочередно они приѣзжаютъ другъ къ другу, дѣлаютъ „калау“, выборъ, и безъ всякаго отказа получаютъ ту вещь или скотину, какую выбрали. Выборъ падаетъ на вноходцевъ, береутовъ, соколовъ, скакуновъ, ковры и вообще рѣдкости. Бии, пользуясь этимъ обычаемъ, заставляютъ двухъ тяжущихся обняться и даютъ право „калау“ той сторонѣ, которая заявила искъ, а отвѣтчику въ свою очередь опредѣляютъ для приѣзда за „калау“ самый отдаленный срокъ. Эта маленькая хитрость дѣлается для того, чтобы враги въ теченіе этого времени могли помириться и вознаградить взаимные убытки, такъ чтобы вражда ихъ не разгоралась болѣе, по крайней мѣрѣ до того времени (до какихъ-либо большихъ поминокъ, празднуемыхъ въ степи особенно торжественно), когда всѣ такіа тяжбы и иски превращаются посредствомъ вмѣшательства въ тяжбу вліятельныхъ лицъ цѣлаго племени.

Если нельзя обойтись безъ присяги, то бии обыкновенно

¹⁾ Буквально *джанъ-мненъ* значитъ: душою или по душѣ. Дать присягу, по понятію Киргиза, значитъ: отдать душу; у нихъ не существуетъ выраженія: я принялъ присягу, я принимаю присягу; вмѣсто этого они говорятъ: я отдаю душу, или отдаю душу.

опредѣляютъ, какая изъ сторонъ должна доставить людей къ присягѣ, для очищенія виновности или невиновности, потому что самихъ тяжущихся, какъ сказано выше, не допускаютъ къ принятію присяги, кромѣ маловажныхъ только случаевъ.

Послѣ этого опредѣляютъ, смотря по важности заявленнаго иска и достоинству заявившихъ личностей, которая сторона должна доставить людей для присяги. При этомъ опредѣляется и число присяжныхъ лицъ, а равно указываются роды, изъ которыхъ они должны быть доставлены.

Бываетъ еще и такъ, что бѣи по одному и тому же дѣлу для каждой стороны опредѣляютъ число лицъ для принятія присяги. При общемъ сознаніи у Киргизовъ, что извѣстные роды находятся въ болѣе близкомъ родствѣ одинъ къ другому, чѣмъ къ остальнымъ родамъ, обозначеніе въ данномъ случаѣ родовъ, изъ которыхъ должны быть доставлены присяжные лица, имѣетъ цѣлю сохранить полное безпристрастіе свидѣтелей. Противная сторона должна выбрать людей поименно на присягу, и затѣмъ уже бѣи назначаютъ, соображаясь съ разстояніемъ кочевковъ, какъ тяжущихся, такъ и выбранныхъ на присягу людей, мѣсто и время для явки на присягу.

Явка отвѣтчика и просителя въ назначенное мѣсто не обязательна.

Единственный сынъ въ семействѣ избавляется отъ присяги, и потому нерѣдко Киргизы, имѣющіе одного сына, завасаются охранными листами за печатью волостныхъ управителей и султановъ. Въ Сибири мы помнимъ, какъ одинъ Киргизъ умолялъ губернатора дать ему охранный листъ о избавленіи отъ присяги его единственнаго сына: „А то“, говорилъ онъ, — „Киргизы, зная, что я никогда не допущу моего сына до присяги, безпрестанно выбираютъ его по совершенно неизвѣстнымъ мнѣ дѣламъ“.

Малолѣтнія дѣти, приблизительно до 14-лѣтняго возраста, также и женскій полъ, къ присягѣ не допускаются.

Нерѣдко выбранные для присяги Киргизы, зная невиновность лица, со стороны котораго они выбраны, отказываются отъ дачи присяги и даже платятъ если не весь предъявленный искъ, то по крайней мѣрѣ часть онаго. Вообще выбранные для присяги лица неохотно являются въ назначенное мѣсто. Отправляясь по убѣ-

дательной просьбѣ того, со стороны котораго выбраны, къ назначенному мѣсту, они останавливаются на одинъ или на два перехода отъ этого мѣста, вызываютъ стороны и употребляютъ всевозможныя средства для склоненія ихъ къ миру, угрожая тому, право котораго они должны свидѣтельствовать на судѣ, отказомъ явиться, а противной сторонѣ своею явкой для дачи присяги. Такимъ образомъ нерѣдко они достигаютъ цѣли, и избавившись присяги, мирятъ враждующія стороны.

Собственно говоря, существеннымъ обстоятельствомъ у Киргизовъ считается не самая присяга, а прїѣздъ выбранныхъ въ определенное время на назначенное для суда мѣсто. Если въ назначенный день, до заката солнца, прибыли выбранныя лица, то этого совершенно достаточно; лицо, со стороны котораго они прибыли, выигрываетъ дѣло. Мѣстомъ для присягъ назначаются аулы влиятельныхъ Киргизовъ и султановъ въ особенности. Въ послѣднее время часто для присяги выбранныхъ лицъ стали назначать аулъ, въ которомъ есть мечеть, и даютъ цѣловать коранъ, заставляя произносить имена совершенно незнакомыхъ Киргизамъ мусульманскихъ святыхъ. Это нововведеніе нужно приписать татарскимъ мулламъ, усердно распространяющимъ между Киргизами мусульманскіе порядки и законы.

Очень часто русскіе чиновники, производящіе въ степи слѣдствія, бываютъ поставлены въ неловкое положеніе, когда Киргизы, съ которыхъ слѣдуетъ снять показаніе подъ присягою, положительно отказываются отъ принятія оной. Мнѣ не разъ приходилось быть очевидцемъ того, какъ Киргизы, озадаченные предложениемъ слѣдователя принять предварительно, до дачи показанія, присягу, спрашивали: „Кто меня выбралъ?“ Нѣкоторые говорили: „Сначала спросите, знаю ли я его; если вы не повѣрите моимъ отвѣтамъ, то пусть меня кто-нибудь выберетъ, и я прїиму присягу; но тогда я предварительно посоветуюсь со своими одноаульцами, потому что въ противномъ случаѣ они могутъ и не принять меня въ свой кругъ“. „Зачѣмъ же вы лишаете меня моего общества?“ жалостно твердили многіе.

Приведемъ еще другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во одному уголовному дѣлу къ допросу были вызваны въ городъ русскимъ чиновникомъ Киргизы, владѣющіе большими стадами,

слѣдовательно, пользующіеся въ народѣ громкою извѣстностью и уваженіемъ. Слѣдователь потребовалъ, чтобъ они дали показаніе подъ присягою, но Киргизы, отказываясь отъ присяги, доказывали чиновнику, что если они пріймутъ присягу, то потеряютъ въ народѣ вѣсъ, что народъ не будетъ имѣть никакого въ нихъ довѣрія, и что наконецъ, послѣ присяги имъ стыдно будетъ показываться въ степи.... Долго и много хлонтали они, какъ бы отдѣлаться отъ присяги но все-таки не могли этого добиться. Татарскій мулла, за что-то недовольный этими Киргизами, придумалъ для нихъ самую грозную присягу, назначая принятіе оной въ татарской мечети. Наконецъ Киргизы, поставленные въ безвыходное положеніе, посовѣтовавшись, пришли къ такому заключенію, что, во-первыхъ, принятіе татарской присяги въ русскомъ городѣ не оттолкнетъ отъ нихъ народъ, и что, во-вторыхъ, присяга ихъ не будетъ даже извѣстна въ степи. Послѣ того, по требованію чиновника, они приняли, наконецъ, присягу. Что, же касается до принятія Киргизами магометанской присяги, то она въ глазахъ ихъ никакого значенія не имѣетъ, ибо арабскихъ словъ, произносимыхъ ими при этомъ случаѣ, они вовсе не понимаютъ; да если бы даже и разъяснили имъ, что они отрекаются отъ Бога и его пророка, то это не особенно смутило бъ ихъ, такъ какъ Киргиза главнымъ образомъ занимаетъ мысль, узнаютъ ли въ степи, что онъ присягалъ, а какъ присягать—это для него безразлично.

Доказательствомъ тому, какъ Киргизы исполняютъ магометанскій законъ, можно привести слѣдующій фактъ: По магометанскому закону послѣ всякаго удовлетворенія плотскихъ страстей строго предписано полное омовеніе всего тѣла. Татары и всѣ магометане исполняютъ этотъ законъ весьма строго. Киргизы также знакомы съ этимъ постановленіемъ закона и признаютъ необходимость его исполненія. Но такъ какъ очень часто обычай пересиливаетъ законъ, то нерѣдко Киргизы въ зимнее времена года, каждый разъ, когда имъ слѣдуетъ произвести омовеніе, дѣлаютъ на „кереге“ (рѣшетка кибитки) черточки, а лѣтомъ уже по счету ихъ производятъ омовенія и такимъ образомъ приводятъ въ исполненіе предписаніе закона.

По нашему мнѣнію, русской администраціи въ кочевыхъ мѣстностяхъ слѣдовало бы такъ поставить дѣло присяги, чтобы

требованіе русскихъ порядковъ не нарушало въ этомъ случаѣ священныя у Киргизовъ обычаевъ относительно присяги, съ чѣмъ связаны всѣ нравственныя понятія присягающаго, а также его общественное положеніе среди своихъ сородичей.

У Киргизовъ есть своя присяга, которую они дѣйствительно чтятъ, и въ которую вполне вѣрятъ. Напримѣръ, присягающій долженъ поцѣловать дуло заряженнаго ружья; обращаясь къ мѣсяцу, долженъ лизнуть палецъ своего праваго большаго пальца или ножъ, или же обойти кругомъ могилы своихъ предковъ. Различныя виды киргизской присяги соответствуютъ различнымъ случаямъ; такъ напримѣръ, если въ аулѣ есть какая-нибудь кража и похитителя не могутъ найти, то берутъ *баканъ* — длинный щестъ, служащій главною принадлежностью каждой кибитки, и втыкаютъ въ землю въ центрѣ аула. Это принуждаетъ вора сознаться, потомучто если онъ этого не сдѣлаетъ, то, по понятіямъ Киргизовъ подвергается гнѣву Бога и бакана.

Киргизы, какъ извѣстно, чрезвычайно мстительны; для отомщенія своему врагу имъ ничего не стоитъ убить человѣка. Въ этомъ случаѣ жертвой обыкновенно являются либо малолѣтнія дѣти, либо отжившіе свой вѣкъ старцы: тутъ и самыя близкіе люди не составляютъ исключенія. Напримѣръ, мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай: Нѣсколько человѣкъ Киргизовъ обратились къ одному почетному бѣю съ просьбою слѣдующаго содержанія: запрошую зиму, темною ночью, угнали у нихъ со двора одиннадцать барановъ; рано утромъ на другой день они, по свѣжимъ слѣдамъ, пришли въ аулъ султана К., нашли тамъ барановъ и потребовали выдачи виновныхъ. Когда же требованіе ихъ въ аулѣ не было исполнено, то они начали бить ногайками по кибиткѣ султана. Послѣдній, разумеется, разсердился, и завязалась большая драка. Люди въ аулѣ, видя, что вся эта исторія можетъ имъ повредить въ общественномъ мнѣніи, которымъ Киргизы весьма дорожатъ ¹⁾, не долго думая, прибѣгли, для отомщенія врагамъ, къ слѣдующей штулкѣ: тутъ же убили дряхлую старуху мать султана и бросили ее подъ ноги лошадямъ прибывшихъ Киргизовъ, объявляя ихъ убійцами, а затѣмъ сами же дали знать русской власти о случившемся.

¹⁾ Одна изъ причинъ отказа Киргизовъ отъ дачи присяги.

Пріѣхавшіе въ ауль султана Киргизы попали подъ арестъ, израсходовались и освободились на волю (что для Киргизъ весьма дорого) только тогда, когда тотъ же находчивый султанъ засвидѣтельствовалъ на бумагѣ, что старуха ночью вышла изъ кибитки во время шума на дворѣ, испугалась его, вбѣжала въ коровій дворъ, гдѣ стояли и лошади, и тамъ будто бы найдена была мертвою. Киргизы, явившіеся къ бію, доложили, что это дѣло русскимъ судомъ окончено, и они оставлены въ подозрѣніи (что для Киргизъ ничего не значить) и просили взыскасть съ султана „чегинъ“ — издержки, состоящія изъ 300 руб. денегъ, одного ковра, 10 халатовъ и 15 барановъ, употребленныхъ ими на угощеніе прибывшихъ въ ихъ ауль русскихъ чиновниковъ, производившихъ по этому дѣлу слѣдствіе ¹⁾. Также просили они взыскасть съ виновныхъ за украденныхъ 11 барановъ и за арестъ, въ которомъ они содержались. Расходъ просителей составлялъ болѣе 600 р. Отвѣтчики представили по этому дѣлу свои издержки и насчитывали ихъ до 200 р. Послѣ долгихъ разпросовъ той и другой стороны біи рѣшилъ это дѣло такъ: „Такъ какъ“, началъ біи, — „отвѣтчикъ-султанъ наказанъ вдвойнѣ: онъ понесъ расхода двѣсти рублей по случаю пріѣзда въ его ауль Русскихъ, что подтвердили бывшіе свидѣтели, и лишился своей матери, нѣкоторымъ образомъ по винѣ просителей, потому что, если бы просители, требуя выдачи имъ виновныхъ, не стали бить по кибиткѣ, чѣмъ нанесли отвѣтчику большую обиду и вывели его этимъ изъ терпѣнія, то, быть можетъ, такихъ послѣдствій и не было бы. Расходы просителей по случаю пріѣзда въ ихъ ауль Русскихъ не подтвердились, а двухмѣсячный арестъ въ самое лучшее время года (апрѣль и май) считаю“, продолжалъ біи, — „наказаніемъ, равняющимся потери султаномъ своей матери, послѣдовавшей, опять повторяю — по винѣ просителей. Что же касается другихъ убытковъ просителей, то они превышаютъ расходъ султана, а потому, считая султана виновнымъ въ кражѣ барановъ, предлагаю ему заплатить 200 рублей просителямъ; украденныхъ барановъ также предлагаю возвратить хозяевамъ. Кромѣ того, предоставляю просителямъ, если они желаютъ получить съ султана болѣе, — по выбору послѣдняго, дать на присягу

¹⁾ Это было въ 1840-хъ годахъ.

одного Киргиза изъ своего рода А.; если же просители пожелають это дѣло покончить (нарындасъ-ыбъ) миролюбиво (грѣхъ пополамъ), безъ присяги, на что даю времени на размышленіе до заката солнца, то султанъ долженъ заплатить просителямъ, кромѣ двухъ сотъ рублей, еще сто рублей; окончивая этимъ дѣло, оставляю право выбора—присяги или денегъ—сторонѣ просителей“.

Вотъ еще другой примѣръ, который знакомъ съ киргизскою местью; даетъ и нѣкоторыя понятія о существующихъ выборахъ у Киргизовъ:

Въ 185* году въ Киргизской степи были выборы въ одной волости волостнаго управителя. Желающихъ было очень много, потому что волость, въ которую выбирали управителя, была богатая; многимъ хотѣлось покормиться на ней и набить себѣ карманы. Но когда главными претендентами на эту должность явились два довольно богатые Киргиза, съ давнихъ временъ задобравшіе и склонявшіе на свою сторону принимающихъ участіе въ выборахъ Киргизовъ, то все прочіе отказались, и ставъ въ числѣ избирателей, переходили на сторону того, который давалъ обѣщаніе рѣшить какое-нибудь дѣло въ его пользу¹⁾; другіе, не имѣющие никакихъ дѣлъ, требовали себѣ приличнаго награжденія.

Дѣло было лѣтомъ; поэтому выборы происходили въ степи, въ присутствіи русскаго чиновника, въ аулѣ родственниковъ одного изъ вышеназванныхъ двухъ богатыхъ Киргизовъ. Мы не будемъ подробно описывать ссоры и споры, происходившіе вслѣдствіе выбора мѣста, или точнѣе говоря, аула для производства выборовъ; скажемъ только, что каждый изъ претендентовъ желалъ, чтобы выборы были произведены въ аулѣ его родственниковъ. Посторонніе, не принимавшіе въ этомъ дѣлѣ никакого участія киргизскіе аулы за ранѣе отпочевали какъ можно дальше изъ раіона этой волости. Дѣйствительно, постороннимъ ауламъ не было рѣшительно никакой надобности разоряться гостепримствомъ, называемымъ у Киргизовъ „кунакъ-асы“. Къ назначенному дню какъ сказано выше, въ аулѣ родственниковъ одного изъ выбираемыхъ,

¹⁾ Въ сущности и теперь еще многія дѣла рѣшаютъ не бѣн, а волостные управители. Это, по вашему мнѣнію, происходитъ отъ недостатковъ тѣхъ бѣевъ, которые выбраны народомъ и утверждены начальствомъ.

сѣхались всѣ нужныя и не нужныя лица, первыя для выбора, а послѣднія—ноѣсты и поцитъ. Пользуясь большимъ степеніемъ публики, прибыли также истцы и отвѣтчики и спѣшили представить свои дѣла на обсужденіе и рѣшеніе собравшимся здѣсь бѣямъ и родоначальникамъ. Два претендента, не довѣряя словамъ своихъ родичей, угощали ихъ, дѣлали подарки, давали обѣщанія похлопотать о ихъ дѣлѣ, словомъ—мучились, волновались до тѣхъ поръ, пока наконецъ не настала часъ, назначенный для выборовъ. Выборы производились баллотировкой шарами, по обыкновенію на три года, и избранъ былъ въ волостные управители тотъ богатый Киргизъ, въ аулѣ родственниковъ котораго произведены выборы. Другой не выбранный Киргизъ, по имени Байсалъ, тотчасъ же оставилъ этотъ аулъ и отправилъ прошеніе губернатору, жалуясь на то, что выбранный подкупомъ сямонилъ на свою сторону всѣхъ участвовавшихъ въ выборѣ Киргизовъ. Разумѣется, эта жалоба не имѣла послѣдствій, и губернаторъ утвердилъ волостнымъ управителемъ избраннаго. Долго не прощаль Байсалъ новому волостному управителю, но наконецъ къ общему удивленію первый пришелъ къ нему, помирился и даже подружился съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько времени, и они даже обоудно рѣшали нѣкоторыя дѣла, отложенныя по случаю того, что Байсалъ не былъ избранъ на должность волостнаго управителя. Прошелъ годъ, даже болѣе; все, по видимому, утихло, возоблававшая страсти какъ будто совершенно успокоились. Но вотъ въ одинъ прекрасный день случилось въ аулѣ Байсала трагическое происшествіе. Сначала дѣло было представлено въ такомъ видѣ; Волостной управитель пріѣхалъ де въ аулъ къ своему другу Байсалу, котораго онъ все-таки считалъ заклятымъ врагомъ; желая отъ него какъ-нибудь избавиться и встрѣтившись съ нимъ при вѣздѣ въ аулъ, онъ пустилъ въ него пулю, но случайно убилъ не его, а его сестру, стоявшую съ нимъ рядомъ. Сейчасъ же, конечно, дали знать русской власти, прибывшей тотчасъ же на мѣсто и назначившей по этому дѣлу слѣдствіе. Волостной управитель попалъ подъ арестъ; свидѣтели, случившіеся тутъ, показали что убійца—волостной управитель; самъ онъ тѣмъ не менѣе отрицалъ свою виновность самымъ рѣшительнымъ образомъ, но ружье и пули, найденныя при немъ, обличили его въ совершеніи преступленія. Дѣло это производилось довольно долго,

и въ концѣ концовъ волостной управитель оставленъ былъ „въ сильномъ подозрѣнн“, съ тѣмъ, чтобы впредь его ни на какія должности не допускать. По прошествіи нѣкотораго времени все это дѣло въ степи объяснилось совсѣмъ иначе. Байсалъ, имѣя въ виду, что на слѣдующія трехлѣтія волостнымъ управителемъ снова можетъ быть выбранъ его противникъ, который уже началъ заблаговременно склонять на свою сторону вліятельныхъ лицъ, придумалъ отдѣлаться отъ своего соперника тѣмъ, что самъ убилъ свою большую сестру и оклеветалъ противника въ ея убійствѣ. Ружье и пули, служившія главнымъ обвиненіемъ волостнаго управителя, какъ оказалось впоследствии, были куплены у того же самаго мастера, который дѣлалъ ихъ для волостнаго управителя, и предъявлены слѣдователю послѣ совершения преступленія. Это обстоятельство я передаю со словъ достовѣрнаго свидѣтеля изъ Западной Сибири, лично мнѣ извѣстнаго.

Вообще въ Киргизской степи русскіе чиновники, пріѣзжающіе для дознаній, нерѣдко вводятся самими Киргизами въ заблужденіе и добиваются правды съ величайшими затрудненіями послѣ многихъ, не по своей винѣ сдѣланныхъ ошибокъ. Киргизы весьма изворотливы и безпрестанно мѣняютъ свои показанія, старающіеся этимъ обить русскаго чиновника съ толку. Переводчики изъ Татаръ, состоящіе при слѣдствіяхъ и пользующіеся почему-то большимъ довѣріемъ, но не вполнѣ знакомые съ киргизскимъ языкомъ, часто дѣлаютъ ошибки, легко объяснимыя свойствами киргизскаго языка, но совершенно запутывающія дѣло. Поэтому многотомныя слѣдственныя дѣла въ степи кончаются обыкновенно не обнаруженіемъ виновныхъ, а оставленіемъ лишь нѣсколькихъ лицъ въ подозрѣнн. Для примѣра укажу слѣдующій случай: Одинъ Киргизъ, сообщившій слѣды скрытаго убійства, на вопросъ русскаго слѣдователя: отъ кого онъ узналъ объ убійствѣ, отвѣчалъ: „Узунъ-Кулаканъ“, что переводчикъ передалъ такъ: отъ Узунъ-Кулака. Затѣмъ, когда слѣдователь спросилъ, гдѣ этотъ Узунъ-Кулакъ проживаетъ, Киргизъ отвѣчалъ: „Не знаю“. Вслѣдствіе того слѣдователь далъ предписаніе волостному управителю той волости, въ районѣ которой производилось это дѣло, немедленно доставить для допроса Киргиза Узунъ-Кулака. Черезъ нѣкоторое время волостной управитель донесъ, что въ его волости нѣтъ Киргиза, именующаго себя этимъ

иногда. Тогда слѣдователь дѣлать знаетъ всѣмъ волостнымъ управителямъ этого уѣзда о розысканіи Киргиза Узунъ-Кулака. Но и эти послѣдніе донесли, что въ ихъ волостяхъ Киргиза Узунъ-Кулака нѣтъ. Послѣ того слѣдователь вторично спросилъ Киргиза, и убѣдившись, что нѣтъ ошибки въ произношеніи имени Узунъ-Кулака, пишетъ бумагу уѣзднымъ начальникамъ смежныхъ уѣздовъ, проситъ сдѣлать публикацію, чрезъ волостныхъ управителей, о розысканіи Киргиза Узунъ-Кулака. Можетъ быть, долго пришлось бы разыскать Киргиза Узунъ-Кулака, но случайная встрѣча съ лицомъ, знающимъ киргизскій языкъ, объяснила, что слово „узунъ-кулакъ“, означаетъ по киргизски „слухъ и молва“, буквальный же значеніе этого слова—длинное ухо. Но вѣдь могло случиться, что напелся бы въ степи какой-нибудь Киргизъ, носящій имя Узунъ-Кулака, и тогда, конечно, пришлось бы ему прогуляться за нѣсколько сотъ верстъ и можетъ быть, даже послѣдить жерного. Другой случай былъ въ Средней Азіи: Одинъ Азіятецъ явился къ своему уѣздному начальнику съ жалобой о поджогѣ у него сѣна скарда хлѣба. Начальникъ потребовалъ виновнаго, и начался допросъ, на которомъ послѣдній призналъ себя виновнымъ, но оправдывался говоря, что онъ сдѣлалъ это неумышленно. „Я поджогъ“, говорилъ онъ, — „домъ Калла-муша и огонь случайно перешелъ на скардъ сѣна, отчего у него и сгорѣлъ хлѣбъ“. „А какъ ты сжѣлъ поджечь домъ Калла-муша?“ „Да, у насъ всегда такъ дѣлалось прежде: Калла-мушъ много дѣлаетъ вреда“, отвѣчалъ въ недоумѣніи перепуганный Азіятецъ. „Ты“, продолжалъ допрашивать начальникъ, — „развѣ не знаешь русскихъ законовъ; прежнія бухарскія времена прошли, за поджогъ по русскимъ законамъ ссылаютъ въ Сибирь... Гдѣ самъ Калла-мушъ, и спасли ли его семейство?“ озабоченно спросилъ начальникъ. „Калла-мушъ самъ и дѣти его сгорѣли“, отвѣчалъ Азіятецъ. „А есть ли у него по крайней мѣрѣ родные?“ спросилъ начальникъ. „Всѣ сгорѣли“, отвѣчалъ Азіятецъ. Послѣ этихъ словъ, взбѣшенный ими начальникъ приказалъ тотчасъ же надѣть на него банданы и въ сопровожденіи конвоя, чрезъ весь городъ, отпратить подъ арестъ, а уголовное дѣло передалъ судебному слѣдователю для производства слѣдствія. Чрезъ нѣсколько дней, когда слѣдователь прибылъ на мѣсто происшествія, дѣло разъяснилось: поджогъ дѣйствительно былъ совершенъ,

но сторбѣ только не домъ Калда-муша, а вора его, ибо калда-мушъ въ переводѣ на русскій языкъ: голова-мышь; такъ Азіатцы называютъ суслика.

Для характеристики киргизскихъ тяжбъ мы приведемъ здѣсь просьбу одной старухи-Киргизки, обратившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ своему начальнику съ слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ у Киргизовъ въ подобныхъ случаяхъ, приступомъ къ изложенію дѣла: „Исцитмаю посрамленіе, ѣмъ палу, неченъ въ грязи и спина въ водѣ“. Послѣ этого она начала вводить поговорки: „Коли дѣло правое, то Богъ за тебя; просиль—не дасть; плакаль—не выдасть; всѣ дѣла въ народѣ покончить нельзя; въ кругу большомъ начнешь одинъ, просьбу не выслушаютъ; одинъ потереть лукъ—не находится, у большаго племени лукъ потерется—не пропадетъ“. Затѣмъ, выражая свое беззащитное женское положеніе, она привела рифмованную старую поговорку въ четверостишіи: „Гремитъ юноша, какъ громъ при богатствѣ, не смѣль въ разговорѣ при бѣдности; опираясь на желтый лукъ, не погибнетъ, если есть въ немъ жизненность даже мухи!“ Мы привели здѣсь только одно предисловіе; они бываютъ довольно длинныя, и выслушивающимъ ихъ, чрезъ переводчиковъ, русскимъ чиновникамъ нужно имѣть дѣйствительно большое терпѣніе, а если кто изъ биевъ не выслушаетъ ихъ терпѣливо, то нерѣдко Киргизы остававливаются и передаютъ дѣло уже другому бію, благосклонно слушающему все, что говоритъ проситель. Сущность просьбы этой Киргизки оказалась въ томъ, что она годъ тому назадъ женила своего сына, заплативъ полный калымъ за невѣстку, и перевезла ее къ себѣ въ аулъ; но здѣсь послѣдняя по прошествіи зимы начала выражать свое неудовольствіе на мужа. При перекочевкѣ аула съ одного урочища на другое невѣстка ушла къ своимъ роднымъ, которые, какъ говорила старуха, безъ всякаго на то права, держатъ ее и не выдаютъ мужу, ѣздившему нѣсколько разъ за нею. Вслѣдствіе того старуха просила бія приказать возвратитъ невѣстку ея мужу. Отвѣтчикомъ со стороны невѣстки явился ея отецъ и на вопросъ бія: почему онъ ее задерживаетъ, отвѣчалъ, что мужъ его дочери неспособенъ къ сунружеской жизни. На этомъ основаніи біи, для постановленія по этому дѣлу рѣшенія, сейчасъ же приказалъ свести обоихъ сунруговъ и назначилъ нѣсколько человекъ изъ сво-

ихъ приближенныхъ наблюдать снаружи ихъ кибитки; кромѣ того, онъ назначилъ съ стороны истца и просительницы по одному человѣку. Наблюденіе не привело ни къ какому результату, потому что наблюдавшіе противорѣчили одинъ другому, да и сами молодые, спрошенные при собраніи публичнѣ, старались опровергнуть слова другъ друга, такъ что бій приказалъ отвести молодого человѣка въ отдѣльную кибитку и тамъ произвести тотъ же опытъ, но въ теплой водѣ. Этотъ опытъ подтвердилъ показаніе отвѣтника, и молодой человѣкъ, какъ неспособный исполнять супружескія обязанности, лишился своей жены. Бій предоставилъ ему получить обратно изъ заплаченнаго калима половину, чѣмъ и успокоилъ его немного и удержалъ разными увѣщаніями отъ самоубійства. Имущество и приданое жены бій приказалъ вернуть ей.

Приведенные примѣры, кажется, объясняютъ характеръ обычнаго права Киргизовъ и положеніе суда по мѣстнымъ обычаямъ. Не обременяя статьи излишними примѣрами, мы постараемся теперь указать, въ какомъ отношеніи киргизскій народный судъ находится въ русской администраціи, контролирующей этотъ судъ и придавшей ему извѣстный порядокъ.

При настоящемъ управленіи Киргизовъ (мы говоримъ о Киргизахъ Сибирскихъ), волостное киргизское общество выбираетъ чрезъ каждое трехлѣтіе двухъ или трехъ биевъ, которые утверждаются начальствомъ и снабжаются шнуровыми книгами, для записыванія тяжбныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ ими.

Такимъ образомъ въ настоящее время Киргизъ, судившійся испоконъ вѣка своимъ, такъ-сказать, общественнымъ судомъ, обязанъ обратиться не къ тому лицу, въ которому имѣеть довѣріе, а къ официальному бію, указанному начальствомъ.

Выборы биевъ и вообще начальствующихъ лицъ — волостныхъ управленій, аульныхъ старшинъ и проч., сопровождаются подкупами и разными мошенничествами и каждому выбранному стоитъ не мало денегъ. Само собою разумѣется, каждый выбранный на должность снѣшить пополнить свои издержки и поправить свое состояніе. Одна изъ причинъ, заставляющихъ избраннаго снѣшить скорѣе нажиться, есть та, что при настоящемъ положеніи увѣдний начальникъ можетъ отстранять выборныхъ отъ занимаемыхъ ими должностей и раньше трехлѣтняго срока. Тѣ вы-

бранные, которые сумѣли поставить себя близко къ начальствующимъ, не спѣшатъ нажитья и меньше дѣлають злоупотребленій, хотя, конечно, иногда бываетъ и на оборотъ, особенно когда эти выборные, пользуются безграничнымъ довѣріемъ начальствующихъ.

Неурядица въ степи происходитъ отчасти и по винѣ самой власти, которая впадаетъ въ ошибки по незнанію языка и обычаевъ Киргизовъ, съ которыми имѣеть дѣло. Напримѣръ, очень часто говори съ Киргизами о такихъ предметахъ, которые имѣють тѣсную связь съ мѣрами, принимаемыми со стороны русской власти, начальствующіе раздѣляютъ свой разговоръ на *частный* и *официальный*, чего Киргизъ никакъ понять не можетъ и въ простотѣ души удивляется тому, какъ это одно лицо можетъ говорить и какъ простой человекъ, и какъ власть имѣющій: вотъ почему Киргизы подозрѣвають всегда въ этомъ случаѣ со стороны начальства какую-нибудь противъ себя хитрость.

Относительно веденія бѣими книгъ для записыванія жалобъ и разбирательствъ можемъ сказать, что книги эти ни къ чему не служатъ, кромѣ злоупотребленій, дѣлаемыхъ подъ предлогомъ будто бы записыванія жалобъ; кромѣ того, втолковано Киргизамъ, что всякая жалоба, не записанная въ книгу, оставляется начальствомъ безъ послѣдствій. А между тѣмъ въ книги даже и у грамотныхъ бѣевъ почти никогда ничего не записывается, а если имъ приходится представлять ихъ начальству, то не рѣдко бѣи вписываютъ сами нѣсколько жалобъ, разобранныхъ, будто бы ими, и затѣмъ докладываютъ, что дѣлъ вообще мало, и все обстоитъ благополучно.

Киргизы, недовольные рѣшеніемъ выбранныхъ бѣевъ, по существующимъ порядкамъ должны обращаться къ съѣзду бѣевъ, при которомъ долженъ присутствовать либо самъ уѣздный начальникъ, либо его помощникъ. При этомъ нерѣдко происходитъ, что съѣхавшіеся бѣи, голодая нѣсколько дней въ степи, — потому что всѣ аулы откочевываютъ какъ можно дальше отъ мѣста сборища, какъ уже говорено выше, изъ опасенія „кунакъ-асы“, — сговорившись между собою, постановляютъ рѣшеніе для видимости начальства, которому и докладываютъ, что покончили и рѣшили всѣ дѣла, и затѣмъ спѣшатъ по домамъ, прося тяжущихся слѣдовать съ ними въ аулъ какого-нибудь богатаго Киргиза, гдѣ уже сами,

безъ натяжки и участія русской власти, сидя за ситнымъ ужномъ, попивая кумузъ или полулежа, не спѣша рѣшаютъ дѣла.

Киргизы, почему-либо (по родовой враждѣ и т. п.) не разчитывающіе на справедливое рѣшеніе биевъ, которые дѣйствительно имѣютъ большое пристрастіе къ сильнымъ и богатымъ, прямо обращаются къ русской власти и въ этомъ случаѣ по пословицѣ: „джегильсангъ нарданъ джегиль“ — (если падать, то ужъ лучше съ нара, то-есть, съ высокаго, одногорбаго верблюда) предпочитаетъ самую высшую; кромѣ того, по понятіямъ Киргизъ высшая власть есть какъ бы большой котелъ, въ которомъ спущенное мясо не можетъ не довариться. Такимъ образомъ завязывается дѣло, которое, при соблюденіи всѣхъ формальностей, не рѣдко задерживается нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ поступаетъ къ тѣмъ же лицамъ, то-есть, къ уѣздному начальству или волостному управленію, или же къ бію.

Киргизъ, подавшій просьбу, послѣ отправленія ея посѣщаетъ всѣхъ нужныхъ лицъ, хлопоча о своей жалобѣ. Иногда Киргизу приходится ждать мѣсяць, два и болѣе, справляясь объ участи своего прошенія. Наконецъ волостной управитель посылаетъ за нимъ своего джигита, которому, по заведенному порядку, проситель платитъ за труды его „кутъ-май“ и „ать-май“, хотя волостной управитель объявляетъ ему, положимъ, что начальство, къ которому онъ обращался, оставило просьбу его безъ послѣдствій за то, напримѣръ, что онъ не соблюлъ установленнаго порядка при подачѣ ея. Послѣ этого обиженный обыкновенно скачетъ въ городъ къ уѣздному начальнику и старается тамъ разузнать, можетъ ли онъ разчитывать на выигрышъ своего дѣла, подавъ просьбу уѣздному начальнику. Если жъ онъ встрѣтился даже случайно съ своимъ противникомъ, то не зная русскихъ порядковъ и мѣряя, такъ-сказать, на свой аршинъ, онъ уже не обращается къ своему начальнику, котораго онъ собирался просить, и не долго думая, пишетъ другую просьбу опять той же власти, которая уже разъ указала ему на неправильность подачи имъ прежней просьбы. Итакъ, другая, одного и того же содержанія, просьба подана. Разумѣется, на нее получается, какъ и въ первый разъ, отказъ. Чтѣ же теперь остается дѣлать Киргизу, совершенно незнакомому со всѣми подробностями, порядками и отношеніями русскихъ властей и учреж-

деній? Конечно, онъ рѣшаетъ въ этомъ случаѣ по своему, по тѣмъ соображеніямъ и догадкамъ, которыя могутъ явиться только у него, и только при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ выросъ и воспитался. Ему кажется, что или его противникъ опередилъ его своею просьбой, или послѣдній при русскихъ властяхъ имѣетъ доброжелателей, ишущихъ на эти просьбы одни только отказы. Вотъ Киргизъ и думаетъ: ѣхать ли ему теперь самому въ резиденцію генераль-губернатора, находящуюся въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ мѣста его кочевки, или же вмѣсто того найдти хорошаго „закончика“—такъ Киргизы называютъ людей, принужденныхъ прошеніи,—для написанія въ третій разъ такой просьбы, на которую не пришлось бы ему опять получить отказъ. А между тѣмъ, и то, и другое требуетъ большихъ издержекъ, а дѣло испорчено, потому что, разъ обратившись къ русской власти, проситель ни въ какомъ случаѣ не можетъ рассчитывать на выигрышъ дѣла по суду биевъ или своихъ родоначальниковъ. Если ему самому ѣхать, то нужно, вопервыхъ, отыскать и взять съ собою опытнаго бывалаго Татарина-переводчика, знающаго русскій языкъ, а вторыхъ, прежде чѣмъ дойти до генераль-губернатора, ему надо отыскать тамъ „вторю“ (чиновника), отъ котораго если не зависить дѣло, то по крайней мѣрѣ предвари-тельно можно узнать, въ какомъ положеніи находится его дѣло, и почему послѣдовалъ отказъ и проч. Это опять будетъ стоить денегъ. Кроме того, Киргизъ, не разсуждая по своему, задается цѣлью раз-узнать: нѣтъ ли при властяхъ какихъ ни будь сторонниковъ его противника; въ противномъ случаѣ, думаетъ онъ, всѣ труды его по этому дѣлу будутъ напрасны. При обращеніи къ закончику, первое ва-трудненіе заключается въ отысканіи хорошаго; но Киргизу нуженъ еще такой, который не зналъ бы его противника, а то бывали случаи, говорятъ Киргизы,—что одно лицо пишетъ обоимъ тяжущимся прошеніи, и выиграетъ дѣло та сторона, которая дороже заплатила за написаніе просьбы. Слѣдовательно, по мнѣнію Киргиза, обратиться къ ближайшему закончику ненадежно, а потому онъ, подъ благо-виднымъ предлогомъ отправляется изъ своего аула и какъ можно дальше отъ стоянки своего противника. Тамъ со всею осторож-ностію разпрашиваетъ онъ писавшаго прошеніе о своемъ против-никѣ и такимъ образомъ, написавъ просьбу, отправляетъ ее по

почтѣ изъ какого-нибудь другаго города, а не изъ того, въ уѣздѣ котораго онъ живетъ. Но кромѣ того, при написаніи просьбы, обыкновенно возбуждается еще одинъ важный вопросъ: на какомъ языкѣ написать просьбу — на русскомъ, или на киргизскомъ, и на какомъ листѣ бумаги — на гербовомъ или на простомъ? Киргизы предпочитаютъ въ этомъ случаѣ русскій языкъ и русскаго сочинителя; хотя послѣдній обыкновенно предостерегаетъ, что Киргизы избавлены отъ гербовой пошлины, но это нисколько не радуетъ ихъ, и онъ почти всегда проситъ написать просьбу на самомъ дорогомъ листѣ, думая, что простой листъ Русскіе могутъ уничтожить, тогда какъ гербовая бумага съ царскою печатью, по его мнѣнію, должна сохраниться на всегда. Какъ и слѣдуетъ ожидать, на эту третью по счету просьбу Киргизы опять получаютъ отвѣтъ, но и это не останавливаетъ его: онъ продолжаетъ подавать, отъ времени до времени, прошенія до тѣхъ поръ, пока наконецъ окончателно не выведетъ изъ терпѣнія русскую власть, которая иногда, если просьба очень назойливая, усмиряетъ рвеніе подателя арестомъ, хотя и эта мѣра не всегда кончается дѣломъ. Случается также, что вмѣсто послышки просьбы по почтѣ, обремененные сами отправляются въ резиденцію генералъ-губернатора, и тамъ начинается та же исторія — исканіе совѣтовъ, нужныхъ людей и закончиковъ. Здѣсь нередко Киргизы попадаютъ въ руки такихъ дѣльцовъ, которые вмѣсто одной просьбы пишутъ ихъ нѣскольکو, посылая просителя отъ одного начальника къ другому, при чемъ, разумеется, за каждую жалобу взимается особая плата. Надо къ этому прибавить, что Киргизъ, при подачѣ просьбы, никогда не обращается прямо къ тому, кому она должна быть вручена, но первоначально долго кружится около дома начальника, старается попасть какъ-нибудь съ задняго хода и только послѣ продолжительныхъ толкованій, которыхъ онъ старается какъ будто не понять, узнаетъ мѣсто и время приѣма.

Такимъ образомъ, не говоря о другихъ затрудненіяхъ, Киргизъ, послѣ многихъ, имъ же самимъ устроенныхъ мытарствъ, попадаетъ наконецъ къ начальнику. Но на этомъ дѣло еще не оканчивается, и онъ послѣ подачи просьбы, по совѣту написавшаго ее, отправляется въ канцелярію начальника, куда попасть Киргизу тоже не легко, и тамъ уже справляется о результатѣ своей просьбы.

Здѣсь Киргизу объявляютъ, что просьбу его велѣно отправить къ уѣздному начальнику или волостному управителю, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ отвѣтъ. Если же послѣдуетъ отказъ, то онъ повторитъ тутъ же свою просьбу другою просьбой. Такимъ образомъ, обыкновенно, проситель проѣздившись и издержавшись, возвращается ни съ чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ свой аулъ.

Тутъ онъ опять-таки разсуждаетъ по своему и воображаетъ, что всѣ его неудачи произошли отъ великой силы и значенія его волостнаго управителя, или его противника. Есть даже такіе, которые считая, по простотѣ души, начатое ими дѣло правымъ, получивъ рѣшительный отказъ, терпѣливо ждутъ по нѣвольному лѣтъ смѣны тѣхъ лицъ, которымъ они подавали просьбы, чтобы при новыхъ лицахъ опять возобновить свои просьбы.

Приведемъ здѣсь слѣдующій примѣръ: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сибирской степи Киргизъ по имени Алтай или Алтыбай (точно его имя теперь не помню) обратился къ своему волостному управителю съ просьбою слѣдующаго содержанія: Онъ, Алтай, имѣлъ двухъ братьевъ, которые еще при жизни ихъ отца были выдѣлены, самъ же Алтай остался при отцѣ до конца его жизни въ качествѣ „кешиже“, то-есть, младшаго сына, и владѣлъ сообща съ нимъ оставшеюся отъ раздѣла землею. По киргизскому обычаю эту землю наследуетъ младшій сынъ. Между тѣмъ—жаловался Алтай—братья его угрожаютъ теперь отнять у него землю, поѣтому онъ и проситъ защитить его отъ притѣсненій братьевъ. Братья Алтай между прочимъ объявили ему, что такъ какъ всѣ они состоятъ подъ русскими законами, по которымъ родные братья должны владѣть наследствомъ по ровну, то предупреждаютъ его, чтобы онъ не жаловался русскому начальнику, и требовали, чтобы Алтай переиѣнился съ однимъ изъ нихъ зимовками, въ противномъ случаѣ, какъ сказано выше, угрожали они отнять у него зимовку даромъ. Волостной управитель, къ которому обратился Алтай, уже предупрежденный братьями, отказалъ въ просьбѣ Алтая, а братья посоветовавшись съ волостнымъ управителемъ и съ вліятельными лицами, живніемъ которыхъ руководствуются русскія власти, какъ лица, выбранныя самими народомъ, съездовольно завладѣли принадлежащею Алтаю землею. Алтай за такую обиду задумалъ-было убить кого-нибудь и обвинить въ убійствѣ своихъ братьевъ;

но это какъ-то не удалось ему, и онъ, разбитая выиграть дѣло у русскихъ властей, поскакалъ къ волостному управителю. Волостной управитель ничего не сдѣлалъ, а лишь посоветовалъ Алтаю занять одну изъ зимовокъ своихъ братьевъ. Алтай, видя себя беззащитнымъ и не долго думая, написалъ просьбу генераль-губернатору, въ расчетѣ, что послѣдній, какъ глава всѣхъ Киргизовъ, прочтаетъ справедливую его просьбу, немедленно и строго прикажетъ братьямъ возвратитъ ему отобранную у него зимовку. Отправление Алтайемъ просьбы къ генераль-губернатору не на шутку встревожило его братьевъ, полагавшихъ, что генераль-губернаторъ, видя ихъ самоуправство, можетъ разсердиться, и что это дѣло кончится весьма печально для нихъ, а именно — ссылкой въ такія страны, гдѣ бѣдять только на собакахъ. Но волостной управитель успокоилъ ихъ и взялся дѣло устроить въ ихъ пользу и съ этою цѣлью, вызвавъ Алтая, предложилъ ему мировую. Алтай не соглашался не только мѣняться зимовками, но и взять обратно свою зимовку, безъ уматы издержекъ, сдѣланныхъ имъ по этому дѣлу, и вернувшись домой, спокойно ждалъ рѣшенія генераль-губернатора, которому была подана просьба. Алтай ждетъ мѣсяць, другой, и не получая отвѣта, пишетъ вторичную просьбу. Между тѣмъ волостной управитель, къ которому поступить объ просьбѣ Алтая съ отказомъ отъ генераль-губернатора за несоблюденіе установленныхъ правилъ при подачѣ, представляетъ уѣздному начальнику фальшивую подписку Алтая о томъ, что ему будто бы объявлено распоряженіе генераль-губернатора. Тѣмъ временемъ Алтай, ничего не подозревая, пишетъ третью просьбу, но на этотъ разъ, не смѣя безвокоить генераль-губернатора, подаетъ ее только губернатору, которому объявляетъ, что онъ подавалъ уже двѣ просьбы, и что на обѣ почему-то не получилъ отвѣта, а потому проситъ его, чтобъ онъ, при свиданіи съ генераль-губернаторомъ, какъ-нибудь между прочимъ шепнулъ ему на ухо о его просьбѣ и тѣмъ ускорилъ ея рѣшеніе. На это отвѣта опять не послѣдовало. Тогда Алтай отправляется въ городъ къ уѣздному начальнику, котораго между прочимъ успѣли предупредить о несправедливости будто бы жалобъ Алтая; поэтому Алтай мало того, что получилъ на свою просьбу отказъ,

но и выговоръ за то, что утруждаетъ высшія власти несправедливыми просьбами.

Конечно, уѣздному начальнику при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, не всегда возможно провѣрять каждую просьбу Киргизовъ, которые весьма искусны запутывать дѣла, такъ что разборъ ихъ тяжбъ, при самомъ тщательномъ стараніи, требуетъ много времени и знанія ихъ быта. Киргизскіе бии и родоначальники, знающіе до тонкости хитрость и ловкость своихъ одноплеменниковъ, среди которыхъ они выросли, и тѣ иногда впадаютъ въ ошибки и на большихъ собраніяхъ, куда недозвольная рѣшеніемъ сторона, посредствомъ баранты, заставляють явиться своего противника на новый судъ, частенько отказываются отъ рѣшенныхъ ими дѣлъ. Слѣдовательно, тѣмъ легче могутъ впасть въ ошибку уѣздные начальники, менѣе ихъ знакомые съ бытомъ и обычаями Киргизовъ.

Волостной управитель, узнавъ, что Алтай думаетъ возобновить свою просьбу къ генераль-губернатору, боясь дурныхъ послѣдствій, составляетъ удостовѣреніе о несправедливости, будто бы жалобы Алтая и прилагаетъ печати биевъ и Киргизовъ, довѣрчиво вручающихъ эти печати для приложенія ихъ къ маловажнымъ дѣловымъ бумагамъ, требующимъ общаго ихъ собранія или совѣщанія; вообще. Киргизамъ не нравится, когда ихъ часто требуютъ для рѣшенія и утвержденія печатами такихъ дѣлъ, которыхъ не заслуживаютъ, по ихъ мнѣнію, пріѣзда (за нѣсколько десятковъ верстъ) и особаго вниманія. Такое удостовѣреніе волостной управитель представилъ уѣздному начальнику, который, въ свою очередь, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія губернатора, и донесъ, что просьба Алтая не заслуживаетъ никакого вниманія. По прошествіи нѣкотораго времени волостной управитель вызвавъ Алтая, объявилъ ему, что поданная имъ просьба оставлена начальствомъ безъ послѣдствій. Послѣ того получается и предписаніе губернатора, которому было представлено удостовѣреніе народа въ несправедливости жалобы Алтая, о заарестованіи его на одну или двѣ недѣли на гаубвахту. Алтай мужественно перенесъ этотъ арестъ и затѣмъ отъ стыда не могъ далѣе оставаться въ своемъ аулѣ, простился съ своими родственниками и одноаульцами и уѣхалъ въ редищенцію генераль-губернатора, объявляя всѣмъ, что онъ не вернется

обратно въ ауль, а будетъ продолжать подавать прошенія до тѣхъ поръ, пока или не выиграетъ свое дѣло, или не сошлютъ его туда, гдѣ вѣзять на собакахъ. Дѣйствительно, онъ поселился въ русскомъ городѣ и не переставалъ подавать просьбы, которыя, впрочемъ всѣ препровождались установленнымъ порядкомъ одна за другою къ уѣздному начальнику; поэтому, по мнѣнію Алтая, возвращаться ему обратно въ свои кочевья было нѣкоторымъ образомъ даже и не безопасно. Наконецъ генераль-губернаторъ, вида, что къ нему очень часто стали поступать просьбы одного и того же Киргиза Алтая, послалъ предписаніе уѣздному начальнику, чтобы онъ дѣла Алтая передалъ въ своемъ присутствіи на разсмотрѣніе бievъ постороннихъ волостей и затѣмъ донесъ бы ему что окажется. Алтай радостно вернулся обратно, и дѣло передано было, согласно предписанію, бiамъ другихъ волостей.

Вызванные бiи прежде всего были крайне недовольны тѣмъ, что ихъ вызвали изъ дальнихъ мѣстъ. Между тѣмъ волостной управитель, съ которымъ они объяснялись передъ рѣшеніемъ дѣла, поставилъ имъ на видъ, что если они рѣшатъ дѣло въ пользу Алтая, то подведутъ бievъ и почетныхъ лицъ, давшихъ приложить печати къ удостовѣренію, представленному губернатору, и что разоблаченіе всего этого дѣла подорветъ довѣріе къ нимъ русскаго начальства; но болѣе всего волостной управитель подѣйствовалъ на бievъ предположеніемъ, что если они постановятъ по этому дѣлу справедливое новое рѣшеніе, то русское начальство можетъ ихъ признать лучшихъ за самыхъ и справедливыхъ бievъ въ цѣломъ уѣздѣ, и каждый разъ потомъ будетъ требовать ихъ изъ дальнихъ мѣстъ для рѣшенія дѣлъ въ разныхъ волостяхъ, „Такимъ образомъ“, говорилъ онъ, — „вы навсегда водворитесь въ русскомъ городѣ для справедливаго рѣшенія дѣлъ цѣлаго уѣзда, а быть можетъ, и нѣсколькихъ уѣздовъ“. Поэтому и по многимъ другимъ побочнымъ обстоятельствамъ (какъ-то: сытное угощеніе и проч.), вызванные бiи въ присутствіи уѣзднаго начальника постановили *отказать Алтаю*. Послѣ этого Алтай, увидѣвъ, что ему ничего не оставалось, какъ ждать болѣе благоприятнаго времени.

Ожиданіе Алтая исполнилось, и управление степью ввѣрено было новому генераль-губернатору, прибывшему изъ Петербурга. При самомъ своемъ приѣздѣ уже онъ получилъ просьбу Алтая,

который чуть ли въ этомъ случаѣ не былъ первымъ просителемъ; Генераль тотчасъ же привазалъ состоящему при себѣ чиновнику, помимо официальныхъ источниковъ, распросить прибывшихъ въ городъ для встрѣчи его султановъ и другихъ вліятельныхъ Киргизъ и что окажется—доложить ему. Между тѣмъ среди султановъ и вліятельныхъ Киргизовъ былъ распущенъ слухъ, что просьбу Алтай генераль-губернаторъ получилъ не по пріѣздѣ въ край, а привезъ съ собою изъ Петербурга, что онъ весьма остался недоволенъ и намѣренъ жестоко наказать какъ волостнаго управителя, такъ и бievъ, приложившихъ свои печати къ первому удостоверенію; слѣдовательно, заключили султаны,—не минуютъ наказанія и тѣ бii постороннихъ волостей, которые разбирали это дѣло въ послѣдній разъ.

Теперь Киргизы посмотрѣли на это дѣло серьезно, тѣмъ болѣе, что чиновникъ, которому поручено было дѣло, какъ оказалось по ихъ справкамъ, не имѣлъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, чрезъ которыхъ можно было бы подѣйствовать на него въ свою пользу. Родственники бievъ и волостнаго управителя дѣйствительно испугались на этотъ разъ дурныхъ послѣдствій этого злополучнаго дѣла, потому что въ городѣ вромѣ того разказывали, что новый генераль-губернаторъ строго смотритъ вообще на дѣла и на другой или третій день по своемъ пріѣздѣ уже выгналъ со службы одного чиновника; они зазвали скорѣе къ себѣ Алтай, тутъ же уплатили ему часть его расходовъ и подпиской обязались тотчасъ же по возвращеніи въ аулъ отдать въ его владѣніе принадлежащія ему земли. Такимъ образомъ Алтай явился къ чиновнику и представилъ свою подписку, что онъ миролюбиво окончилъ дѣло и болѣе никакихъ прошеній ни на кого не имѣетъ.

Тѣмъ кончилось въ одинъ день нѣсколько лѣтъ танувшея дѣло, и Алтай получилъ наконецъ удовлетвореніе, а молва въ Киргизской степи о строгости и дальновидности новаго генераль-губернатора, который, собственно говоря, тутъ былъ не при чемъ,—охватила всю степь, и вслѣдствіе того масса дѣлъ давно законченныхъ и забытыхъ вновь ожила и начала испытывать терпѣніе вновь прибывшаго начальника.

И. Ибрагимовъ.

ОЧЕРКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА ЯКУТОВЪ ¹⁾,

I.

Введеніе.—Литература.—Географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Якутахъ.—Религія Якутовъ и обращеніе ихъ въ христіанство.—Свойства народнаго характера.

Якуты составляютъ одно изъ самыхъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ Сибири. Число ихъ простирается приблизительно до 200,500 душъ. Жилища Якутовъ, начинаясь на югѣ съ рѣки Нюи, впадающей въ Лену между Витимомъ и Олекмою, тянутся по Ленѣ на сѣверъ до Ледовитаго моря, на западъ до Енисея и на востокъ отъ устья рѣки Май до Охотскаго моря. Площадь земли, на которой разбросаны жилища Якутовъ,—огромна, такъ какъ одна Якутская область занимаетъ приблизительно до 3.422,000 квадратныхъ верстъ, а Якуты живутъ еще въ Енисейской губерніи отъ рѣки Анабары до самаго Енисея. Однако,

¹⁾ Авторъ этихъ любопытныхъ очерковъ, членъ-сотрудникъ Имп. Р. Географическаго Общества князь Н. А. Костровъ, живетъ въ Сибири и усердно и много лѣтъ работаетъ по этнографіи этого края. Работы этого почтеннаго изслѣдователя касаются какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія. Не останавливаясь на длинномъ перечнѣ всѣхъ его трудовъ, ограничимся указаніемъ на болѣе крупныя изъ нихъ и притомъ касающіяся юридическаго быта: 1) Женщина у инородцевъ Томской губерніи—въ *Сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири*, томъ первый и второй, изданный подъ редакціей Б. А. Милотина. С.-Петербургъ, 1875; часть этого изслѣдованія была первоначально напечатана въ *Томскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ* въ 1871 годъ; 2) Юридическіе обычаи крестьянъ-сторожковъ Томской губерніи. Томскъ, 1876.

*

не смотря на такую разбросанность, Якуты почти вездѣ сохранили свои племенные особенности—обликъ, языкъ, нравы, обычаи, одежду, и не только не поддались вліянію окружающих ихъ другихъ народностей, но даже подчинили ихъ своему вліянію. Въ Енисейской губерніи живущее вмѣстѣ съ Якутами Тунгусское племя Долгановъ совершенно объякутилось; во многихъ мѣстахъ Якутской области то же самое постигло даже Русское населеніе. По этой причинѣ племя Якутовъ, способное и даровитое, хотя и съ большими недостатками, заслуживало всегда особеннаго вниманія со стороны нашихъ ученыхъ путешественниковъ. Всѣ они, посѣщая Якутскую область, болѣе или менѣе касались разныхъ сторонъ быта Якутовъ и оставили болѣе или менѣе подробныя и вѣрныя замѣтки по этому предмету. Но что касается до юридическаго быта Якутовъ, до ихъ юридическихъ обычаевъ, то въ этомъ отношеніи въ сказанныхъ замѣткахъ можно найти только отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія. Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы сколько-нибудь пополнить этотъ пробѣлъ и вызвать тѣмъ самымъ новый, болѣе подробный и обстоятельный трудъ о юридическомъ бытѣ Якутовъ со стороны тѣхъ лицъ, которымъ болѣе, нежели намъ, доступно это. Мы, съ своей стороны, составляя эту статью, не желали только оставить безъ всякаго употребленія тѣ материалы, которые имѣлись у насъ по этому предмету. Но какъ юридическій бытъ извѣстнаго племени всегда находится въ тѣсной связи съ другими сторонами его быта, то предварительно изложенія юридическихъ обычаевъ Якутовъ мы считаемъ необходимымъ помѣстить здѣсь нѣсколько общихъ этнографическихъ свѣдѣній о нихъ, руководствуясь наиболѣе достовѣрными источниками; считаемъ это нужнымъ тѣмъ болѣе, что хотя о Якутахъ писано у насъ много, однако все это разбросано въ десяткахъ сочиненій и періодическихъ изданій, изъ коихъ нѣкоторые даже вышли изъ обращенія и не существуютъ въ продажѣ. Приводимъ названія важнѣйшихъ изъ нихъ: 1) *Георги*. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. С.-Пб. 1799.—2) *Спасскій*. *Сибирскій Вѣстникъ*, журналъ 1818—1824 гг. С.-Пб. — 3) *Геденштромъ*. Отрывки о Сибири. С.-Пб. 1830.—4) *Врангль*. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири. С.-Пб. 1841.—5) *Шушинъ*. Поѣздка въ Якутскъ.

С.-Пб. 1844 г.; его же статья о Якутахъ въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* 1854 г.—6) *Миддендорфъ*. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. С.-Пб. 1860 и слѣд. годовъ.—7) *Мордвиновъ*. Инородцы Туруханскаго края въ *Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, 1860 г., кн. 2.—8) *Очеркъ Якутска*. Въ *Иркутскій Губернск. Вѣдомостяхъ* 1862 г., №№ 26 и 27.—9) *Сузановъ*. Якутскіе праздники. Газета: *Амуръ*, 1862 г., № 68.—10) *Налабардинъ*. Поѣздка въ Якутскую область. *Иркутск. Губ. Вѣд.* 1863 г., № 40.—11) *Павловскій*. Поѣздка въ Якутска на Учурскую армарку. *Записки Сибирск. Отдѣла Им. Р. Г. Общ.* 1863 г., VI.—12) *Шашковъ*. Шаманство въ Сибири. *Записки Сибирск. Отдѣла Им. Р. Г. Общ.* 1864 г., кн. 2.—13) *Третьяковъ*. Туруханскій край. С.-Пб. 1871 г. и въ *Запискахъ Им. Р. Г. Общ. по общей географіи*, т. II.—14) *Памятная книжка Якутской области* 1868 и 1867 гг. С.-Пб. 1864 и 1869 г.—15) *Гошулециій*. О Якутахъ Батурускаго и Меггискаго улусовъ. *Сибирск. Вѣстн.* 1866 г., №№ 18 и 20.

Якуты называютъ себя *Сакка*, во множественномъ числѣ *Саккаларь*. Слова *Якутъ* въ языкѣ ихъ не существуютъ, и вѣроятно, оно заимствовано Русскими у Тунгузовъ, отъ которыхъ мы получили первое свѣдѣніе объ Якутахъ. Тунгузы называютъ ихъ *Ежо*, а отсюда *Ежотъ* и *Янутъ*. По преданіямъ Якутовъ, они—пришельцы къ верховьямъ Енисея. Дѣйствительно, на югѣ Енисейской губерніи, именно въ Минусинскомъ округѣ, и теперь еще, въ вѣдомствѣ Сагайскаго родоначалія, есть одинъ родъ Татаръ, называющихъ себя *Сакка*, *Саккаларь*. Надо полагать, что какое-нибудь особенное обстоятельство, неизвѣстное исторіи и не сохраненное преданіями, заставило Якутовъ покинуть свою первоначальную родину—подножіе Алтая и Саяна—и спуститься внизъ по Енисею до Нижней Тунгуски; здѣсь они могли узнать отъ Тунгузовъ, что къ востоку лежатъ степи по р. Вилюю, переметались на эту рѣку, дошли до Лены, и такимъ образомъ, распространились по нынѣшней Якутской области, оставивъ часть своихъ родичей на пути—въ Туруханскомъ крайѣ Енисейской губерніи. Когда произошло заселеніе нынѣшней Якутской области Якутами—положительно опредѣлить невозможно, но во всякомъ случаѣ за нѣсколько вѣковъ до появле-

ніа здѣсь Русскихъ. Якуты принадлежатъ къ многочисленному Тюркскому племени и говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ, съ примѣскою нѣкотораго числа монгольскихъ словъ, такъ какъ имъ доводилось быть въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ Бурятами, народомъ Монгольскаго племени.

Якуты вообще средняго роста и въ физиономіи имѣютъ много обще-тюркскаго типа: они смуглы, съ черными или карими блестящими глазами, нѣсколько суженными, съ широкимъ и приплюснутымъ носомъ, почти безъ бороды и усовъ, но за то съ густыми, черными волосами на головѣ. Мужчины стригутся довольно коротко, оставляя волоса подлиннѣе только на затылкѣ. Женщины обыкновенно отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, невысокимъ ростомъ и менѣе грубыми чертами лица. Встрѣчаются между ними даже весьма красивыя, съ большими черными и выразительными глазами. Вообще Якуты—здоровый, крѣпкій народъ и живутъ до глубокой старости, сохраняя бодрость.

Одежда Якутовъ проста и соответствуетъ климату занимаемой ими страны. У мужчинъ она состоитъ изъ шубы или полукафтана, длиною до колѣнъ, съ разрѣвомъ позадѣ для большаго удобства при верховой ѣздѣ. У богатыхъ этотъ кафтанъ шьется изъ тонкаго сукна различныхъ цвѣтовъ и обкладывается по бортамъ краснымъ или другимъ яркаго цвѣта сукномъ, въ ладонь шириною; но у бѣдныхъ онъ бываетъ обыкновенно изъ сѣраго крестьянскаго или солдатскаго сукна. Зимой сверхъ первой шубы надѣваютъ другую, шерстью вверхъ, называемую *самалкъ*. Онъ дѣлается, по большей части, изъ шкуръ тарбагана (сурокъ). Шапки или *чебаки*, съ суконнымъ верхомъ, обшиваются по околышу бобримъ, росомахой или котикомъ. На шею надѣваютъ ошейники изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы, по большей части изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ; бливъ ладони дѣлается у нихъ прорѣзъ, въ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно что-нибудь сдѣлать на морозѣ голою рукою. Нижнее платье, чрезвычайно короткое, гораздо выше колѣнъ, дѣлается изъ замши; къ нему надѣваютъ такъ-называемыя *сутуры*, простирающіяся до плечей и привязываемыя ремнями къ исподнему платью за кольца. На голыя ноги надѣваютъ заячьи головки, а сверху *тюрбасы* изъ оленьихъ или лошадиныхъ ногъ. Подъ колѣномъ и по вышнѣ ло-

дыжки они перевязываются ремнями. Одежда женская во всемъ походитъ на мужскую, только шуба или кафтанъ подлиннѣе. Въ ухахъ женщины носятъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги, которыя не рѣдко разрѣзываютъ ухо своею тяжестью. На шею надѣваютъ серебряное ожерелье, шириною въ палецъ, на руки—за-рукавья. Во время праздниковъ на голову подъ шапку надѣваютъ повязку, отъ которой идутъ по спинѣ два широкіе ремня, покры-тые серебряными чеканеными пластинками. Такіе же ремни не-рѣдко висятъ спереди. Шапка такая же, какъ у мужчинъ, но съ тѣмъ различіемъ, что верхъ ея вышитъ серебромъ. Днемъ Якуты всегда одѣты, но спитъ раздѣвшись до нага.

Жилища Якутовъ двоякаго рода: лѣтомъ *уросы*, зимою *юрты*. Уросы—родъ легкыхъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обтянутыхъ берестомъ. На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кожу березы и шиваютъ вмѣстѣ. Будучи снаружи бѣлы, а внутри желтые, уросы представляютъ видъ весьма красивый и издали походятъ на исполнскіе холстинные шатры. Въ нихъ ко-чуютъ Якуты по обильнымъ травоямъ лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ какъ хозяйка стада безпрестанно запа-саются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна. Если въ извѣстномъ мѣстѣ травы недостаточно для скота, то уросъ переносится на другое. Съ наступленіемъ зимы Якуты переходятъ въ свои теплыя юрты, находящіяся всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Юрта—родъ хижины, построенной изъ тонкихъ бревенъ въ видѣ срѣ-занной пирамиды; снаружи она покрывается тонкимъ слоемъ тра-вы, глины и дерна. Размѣръ юрты всегда сообразенъ съ потреб-ностями погѣщающихся въ ней лицъ. Въ такихъ жилищахъ окна замѣ-няются однимъ или двумя, тускло освѣщающими внутренность юрты, небольшими квадратными отверстіями, въ которыя вставляють льди-ны, брюшину, рыбы пузыри и даже пропитанную жиромъ бумагу. Дверь юрты всегда обращена на востокъ. У бѣдныхъ полъ опускает-ся внизъ, обыкновенно на два или на три фута, и плотно убивается глиной, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются изъ лежащихъ шестовъ широкія нары, кото-рыя служатъ постелями. По числу жильцовъ, или по крайней мѣрѣ, женатыхъ, нары разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій досками или лошадиными шкурами. По срединѣ юрты,

близко отъ дверямъ, становится мусоръ, родъ очага или открытаго зиница, съ трубой, проведенною въ провалу; въ немъ безпрестанно горитъ огонь для тепла въ юртѣ и для варенья пищи. По отъѣзду называется пшатъ, бѣлье и другая домашняя рухлядь; но во всемъ господствуетъ беспорядокъ и величайшая неопрятность. Въ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько подобныхъ образомъ построенныхъ сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ подъ крышей и кормятся сѣномъ; иногда въ жестокіе морозы ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ и скудно кормятся изсохшею осеннею травой, выгребасемою копытомъ изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальнихъ поѣздокъ кормятъ ихъ сѣномъ. Хотя устройство якутскихъ жилищъ крайне несовершенно, однако они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ мѣстному климату и потребностямъ обитателей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже предпочтительнѣе русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни тонкіе деревянные стволы; равномѣрно и чувадь, съ вѣчно пылающимъ огнемъ, представляетъ то преимущество предъ русскою печью, что, вытягивая безпрестанно воздухъ, очищаетъ въ юртѣ атмосферу, налитанную всякаго рода испареніями. Однако, не смотря на то, послѣ долгаго странствованія по якутскимъ стойбищамъ путешественники возвращаются домой всегда съ тяжелымъ запахомъ, которымъ пропитывается не только одежда, но и они сами. Отъ этого запаха якутскихъ юртъ можно освободиться не иначе, какъ послѣ неоднократнаго провѣтриванія и паренья въ русской банѣ. Съ такимъ же запахомъ бываютъ почти всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя въ городъ изъ якутскихъ стойбищъ. Не говоря ужь о мягкой рухляди, запахъ этотъ крѣпко прилипаетъ къ деревянной посудѣ и косянымъ надѣльямъ Якутовъ.

Жилища Якутовъ чрезвычайно разсѣяны: юрта отъ юрты стоитъ обыкновенно верстахъ въ двухъ и болѣе. Селиться обществомъ у нихъ не въ обычаѣ. Только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встрѣчаются кое-гдѣ стойбища, состоящія изъ нѣсколькихъ юртъ; но за Верхоянскимъ хребтомъ одна юрта отъ другой отстоитъ часто верстъ на 200,

такъ что ближайшіе сосѣди не видятся иногда по дѣльнымъ годамъ. Въ такому необыкновенному удаленію побуждается Якутъ не столько мѣстными условіями, напримѣръ, нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя сильную склонность въ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклониться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ жилищъ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева. Туруханскіе Якуты любятъ жить болѣе обществами, чѣмъ другіе инородцы и даже русскіе крестьяне Затундринаго края. Здѣсь встрѣчается по нѣскольку якутскихъ юртъ вмѣстѣ.

Главнѣйшую пищу Якутовъ составляетъ мясо, и чѣмъ оно жирнѣе—тѣмъ лучше. Мясо употребляется въ пищу полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое, большею частію безъ соли и почти всегда безъ хлѣба. Многіе Якуты въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣлія не существуетъ, совсѣмъ не знаютъ хлѣба, а если и случится имъ покушать печеный хлѣбъ, то употребляютъ его вмѣсто лакомства, бережливо и понемногу. Какъ печеный хлѣбъ, такъ и муку, Якуты называютъ *бурдука*. Самое любимое мясо—конское; впрочемъ, ѣдятъ все—еврашекъ, кротовъ и т. п. За мясомъ слѣдуетъ молоко, изъ котораго готовится такъ-называемое *якутское масло*, по настоящему родъ сыра или творога, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно порядочную пищу. Свѣжее молоко Якуты сами рѣдко употребляютъ, оберегая его для обыкновеннаго масла на продажу. Дичь и рыбу Якуты промышляютъ только тамъ, гдѣ представляется къ этому возможность, слѣдовательно, не всегда и не вездѣ; однакоже, во многихъ мѣстностяхъ рыба служитъ почти единственною пищею Якутовъ. За неимѣніемъ мяса и рыбы, они варятъ себѣ похлебку изъ сосновой коры или лыжа, съ молокомъ, а если есть мука, то и съ небольшимъ количествомъ муки. Заготовленіе коры или лыжа почти всеобщее у Якутовъ и производится въ половинѣ іюня, когда сосна начинаетъ цвѣсти и сочиться. Въ самые самые знойные дни Якуты отправляются въ сосновые лѣса и отнекиваютъ глэдкія безъ сучьевъ деревца верни-

ковъ въ 6—8 толщиною у корня, срубають ихъ и осторожно снимають съ нихъ верхнюю кору, послѣ чего оставшееся на деревѣ лыко, при помощи деревянныхъ лопаточекъ, сдирають очень легко. Полосы этого лыка, длиною аршина въ полтора, вѣшаютъ на сучья для того, чтобъ они провяли; потомъ связываютъ ихъ пучками полосъ въ 50—60 и тщательно берегутъ отъ сырости и дожда, потому что если лыко заплесневѣетъ, то дѣлается негоднымъ къ употребленію. Зимой его окончательно просушиваютъ, поджариваютъ на огнѣ чувала, а потомъ толкутъ и превращаютъ въ муку. Но величайшимъ лакомствомъ у Якутовъ считается жиръ, а возможность ѣсть его до пресыщенія—выспимъ блаженствомъ. Жиръ Якуты употребляютъ въ различныхъ видахъ—сырой и топленый, свѣжій и испортившійся. Вообще достоинство пищи у нихъ играетъ второстепенную роль, а обращается вниманіе, главнымъ образомъ, на количество. Разказы о томъ, что тамъ-то, напримеръ, Якутъ съѣлъ въ три дня лошадей, а тамъ-то выпилъ за одинъ присѣсть пудъ топленого масла,—не рѣдкость, и хотя они на первый разъ кажутся совершенно невѣроятными, однакожь тѣмъ не менѣе совершенно справедливы. Англійскій путешественникъ Симпсонъ призвалъ къ себѣ однажды въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла; каждому дали ровно по пуду мяса, а масло они должны были пить или ѣсть большими ложками. Одинъ Якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаждень. Послѣдній имѣлъ сначала преимущество. „У него зубы хороши“, сказалъ старикъ;—„но съ помощью святыхъ (здѣсь онъ перекрестился), я его скоро догоню“. Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ благодарныхъ гостей надзору своего секретаря. Когда путешественникъ возвратился черезъ два часа, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили растаявшіеся на полу обжоры, которые, цалуя землю, благодарили за обильный обѣдъ. Послѣ того, они, какъ змѣи, три-четыре дня пробыли въ какомъ-то полусовнательномъ положеніи, не пили и не ѣли и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе. При каждой богатой свадьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаютъ родня молодого, другого — родня молодой, в сторону

побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе. Вообще должно сказать, что обжорство не только не считается у Якутовъ какимъ-либо порокомъ, но особенною доблестью. Въ памяти Якутовъ сохранилось преданіе объ одномъ воеводѣ, жившемъ въ концѣ XVII вѣка, именно потому, что онъ необыкновенно много ѣлъ. Говорятъ, будто самаго тощаго Якута недѣли въ двѣ можно откормить, какъ лошадь.

Любимое питье Якутовъ, какъ и всѣхъ Тюркскихъ племенъ, составляетъ *кумисъ*, приготовленный изъ кобыляго молока. Нѣкоторые выпиваютъ его по ведру за одинъ присѣсть. Курить вино изъ молока, подобно тому, какъ, напримѣръ, Минусинскіе Татары курятъ свой айранъ, Якуты не умѣютъ. Но какъ для того, чтобъ охмѣлѣть отъ кумиса, его надо выпить очень много, то они предпочитаютъ ему обыкновенную водку, почему она играетъ весьма видную роль въ торговлѣ съ Якутами. Достаточные Якуты пьютъ съ молокомъ кирпичный чай изъ мѣдныхъ чайниковъ; у нѣкоторыхъ есть даже самовары и хорошій чай.

Всѣ Якуты, какъ мужчины, такъ и женщины, страстно любятъ курить табакъ, и притомъ самый вѣрпній, какой только могутъ достать, преимущественно черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ него въ опьяненіе, которое имѣетъ иногда вредныя послѣдствія, если Якутъ выведенъ чѣмъ-нибудь изъ себя.

Якуты—собственно пастушескій народъ. Главное ихъ богатство состоитъ въ скотѣ, и каждый изъ нихъ имѣетъ хоть одну корову, молокомъ которой и питается. Овецъ не держатъ. У богатыхъ бываетъ до тысячи штукъ скота. Лошади служатъ имъ для дальнихъ переездовъ, и въ особенности для верховой ѣзды; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей всегда служатъ волю, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ посредствомъ поводьевъ, привязываемыхъ за деревянные кольца, продѣтыя въ ноздри животныхъ.

Звѣроловство составляетъ вторую статью промышленности Якутовъ, хотя въ настоящее время, по случаю повсемѣстнаго уменьшенія звѣря въ Сибири, оно далеко уже не такъ значительно, какъ прежде, когда Якуты за мѣдный котель платили соболями, набивъ его до верху, и когда въ Москвѣ удивлялись успѣшному сбору съ Якутовъ ясака, а воеводы получали за то благодарность

и награды. На ловлю соболей теперь отправляются только немногие Якуты—но отдаленности от ихъ стойбищъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ водятся соболя. Больше всего Якуты занимаются добычею лисицы и бѣлки.

Хлѣбопашество, послѣ долго господствовавшаго предубѣжденія въ его невозможности, начинаетъ мало по малу прививаться къ Якутамъ. Правда, земледѣіе въ Якутской области сопряжено съ большими трудностями. Всѣ сибирскія рѣки текутъ между горами, и луговаго берега у нихъ нѣтъ; поэтому всѣ лучшія мѣста заняты подъ сѣнокосы, а разчищать подъ хлѣбопашество землю на горахъ— работа не легкая и требующая много времени. Сначала надо подсушить лѣсъ, выжечь его, выворотить корни и сжечь ихъ, собрать дерецъ и потомъ уже приступить къ приготовленію земли подъ посѣвы. Но долгій трудъ окунается порядочнымъ урожаемъ. Въ среднемъ теченіи Лены урожан истребляются иногда ранними морозами, а въ низовьяхъ ея хлѣбопашество не возможно по суровости климата. Подгородные Якуты занимаются разведеніемъ въ небольшомъ количествѣ картофеля и огородныхъ овощей.

Способностью къ ремесламъ Якуты превосходятъ всѣ другіе сибирскіе народы, и нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Задолго до покоренія Сибири Русскими они умѣли ковать ножи, топоры и другое оружіе изъ виллюфской желѣзной руды. Эти желѣзные издѣлія, отъ доброты ли матеріала, или отъ превосходной обработки, не ломаются даже въ самые сильные холода,—качество, котораго не имѣютъ даже лучшіе англійскіе топоры. Рукоять якутскаго кинжала искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черною кожей; для прочности ихъ оковываютъ жестяными полосами. Якутская рѣзьба изъ мамонтовой кости равныхъ вещей, какъ-то: гребней, шкатулокъ, ящичковъ и т. п., извѣстна во всей Сибири. Изъ Якутовъ выходятъ очень хорошіе плотники, столары, и при обученіи, могли бы выходить хорошіе музыканты и живописцы. Якутскія женщины сами шьютъ всѣ принадлежности одежды для себя, для мужей и для дѣтей. Нитки при этомъ употребляются иногда обыкновенныя, но больше сдѣланныя изъ свѣтскихъ жилъ. Кромѣ одежды, онѣ искусно шьютъ узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ

воровскихъ кожъ и плетутъ изъ длинной травы ситки, половики или постилки не только для себя, но и на продажу.

Якуты въ высшей степени одарены памятью и зрѣніемъ. Достаточно проѣхать ему одинъ разъ по дорогѣ, чтобы запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, незначительный пригорокъ, которыхъ онъ не забудетъ во всю свою жизнь. Якуты разказываютъ друзьямъ и дѣтямъ исторію своей жизни, не упуская ни малѣйшей подробности, съ такою ясностію и точностію, что кажется, будто всѣ разказываемыя происшествія случились съ нимъ только вчера. Что касается до зрѣнія, то по словамъ спутника Врангеля при изслѣдованіи сѣверныхъ береговъ Сибири, лейтенанта Анжу, одинъ Якутъ говорилъ ему, что часто видитъ, какъ одна звѣзда побольше глотаетъ другія маленькія звѣздочки и потомъ опять ихъ выплевываетъ, то-есть, онъ видѣлъ простыми глазами затмѣніе спутниковъ Юпитера,—вещь совершенно невозможная для Европейца. Кроме того, Якуты очень легко бѣгаютъ и превосходно ѣздятъ верхомъ.

Въ лѣтнее время Якуты занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ и заготовленіемъ на зиму сѣна, а съ наступленіемъ зимы—звѣроловствомъ. Днемъ въ эту пору мужчины ходятъ на промыселъ, а женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриную кожу, шьютъ платье, вяжутъ веревки, вяжутъ сѣти и т. п. Вечеромъ вся семья собирается вмѣстѣ. Тутъ курятъ табакъ, пьютъ кумысъ, ѣдятъ. Случается, что въ это время князь или старшина разбираетъ небольшіе споры между своими родовичами. День заключается верѣдко чародѣйствомъ какого-нибудь шамана, который въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольевъ, совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излѣченія отъ какой-нибудь болѣзни или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ, иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, не оконченной обыкновеннымъ порядкомъ. Зимой, на голомъ земляномъ полу въ юртахъ, передъ огнемъ, всегда вѣртается полунаріе и совѣтъ нагіе ребятишки, которые, при появленіи Русскихъ, выбѣгаютъ на встрѣчу къ нимъ на улицу, не смотря ни на какой морозъ.

Нечувствительность Якутовъ къ холоду простирается до того, что въ этомъ отношеніи имъ удивляются даже Сибиряки, при-

вышше къ своимъ жестокии морозамъ, и называютъ Якутовъ „железными“. Въ самыя далекія зимнія поѣздки они не берутъ съ собою ни палатокъ, ни одѣяль, ни даже большихъ шубъ. Во время своихъ путешествій Якутъ носить свое обыкновенное домашнее платье и при этомъ почти всегда проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попона служитъ ему постелью, деревянное сѣдло—подушкой. Кафтаномъ, который днемъ служилъ ему платьемъ, и который снимается на ночь, покрываетъ онъ себѣ спину и плечи, а переднюю часть тѣла, почти совершенно раскрытую, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до поту, Якутъ затягиваетъ себѣ носъ и уши ключами шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія: вотъ все, что нужно Якуту для того, чтобы не замерзнуть во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ.

Къ такой терпѣливости Якуты привыкаютъ съ самаго младенчества. Новорожденныхъ дѣтей у нихъ натираютъ по нѣскольку разъ въ сутки снѣгомъ или обливаютъ холодною водою, приговаривая: „Терпи холодъ—стерпишь холодъ; терпи стужу—стерпишь стужу“. Само собою разумѣется, что ребенокъ, который не умретъ отъ подобныхъ операций, въ состояніи будетъ перевозить въ послѣдствіи самую сильную стужу. Тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей у Якутовъ не въ обычаѣ: они кладутъ ихъ нагижъ въ жесткія, почти голыя ящики или корыта на бересту съ подставленными внизу лотками для стока мочи; сверху покрываютъ ихъ какими-нибудь лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою, почти не ухаживаютъ ихъ и не обращаютъ много вниманія на ихъ плачь и вѣли, думая даже, что чѣмъ больше кричитъ младенецъ, тѣмъ больше и скорѣе растетъ. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда ужъ и родители одѣваютъ ихъ въ платья изъ кожи коровьей или какой-нибудь звѣриной, а по праздникамъ—въ свіяя рубашки. Всѣ вообще Якуты, а по преимуществу Якутен, изъявляютъ дружбу свою къ ближнимъ и особенно любовь къ дѣтямъ на своему: обнимаютъ ихъ голову, шею и самую одежду, но никогда не цѣлуютъ. Только немногіе Якуты, бывающіе часто въ городѣ и обращающіеся съ Русскими, нарѣдка выражаютъ свою привязь къ нимъ поцѣлуями.

Введеніе между Якутами христіанства началось съ перваго времени покоренія ихъ русской власти, при чемъ дѣло не обошлось безъ повудительныхъ мѣръ. Такъ въ 1814 г. на дано было постановленіе объ уничтоженіи у нихъ кумировъ и кумирницъ и о крещеніи Якутовъ. Наибольшее число ихъ было обращено въ христіанство въ 1804 г. протоіереемъ Слѣпцовымъ, который обошелъ ихъ стойбища отъ Анабара до Колымы, водружая въ каждомъ крестъ, и необыкновеннымъ умѣньемъ убѣждать крестилъ ихъ тысячами. Для большаго утвержденія христіанства и распространенія его между Якутами, признано было необходимымъ перевести на якутскій языкъ священныя и богослужебныя книги. Къ настоящему времени переведены и отпечатаны славянскими буквами, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ для выраженія тѣхъ звуковъ якутскаго языка, какихъ нѣтъ въ языкѣ славянскомъ, — всѣ книги Новаго Завѣта, кромѣ Апокалипсиса, а изъ ветхозавѣтныхъ—книга Бытія и Псалтирь. Первая литургія на якутскомъ языкѣ была совершена 19-го іюля 1859 г. и произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при божественной службѣ Якутовъ, въ средѣ которыхъ этотъ день постоянно празднуется.

Въ настоящее время почти всѣ Якуты крещены; однакожъ, не смотря на то, только немногіе изъ нихъ, и то долго жившіе между Русскими, имѣютъ нѣкоторыя основныя понятія о христіанской вѣрѣ; остальные же затѣмъ, въ особенности живущіе въ отдаленныхъ и малодоступныхъ мѣстахъ, все еще придерживаются прежнихъ языческихъ вѣрованій, извѣстныхъ вообще подъ названіемъ шаманства.

На первомъ планѣ въ шаманствѣ стоятъ обожаніе природы; оно потеряло нынѣ прежній характеръ фетишизма и замѣнилось поклоненіемъ духамъ—„хозяйкамъ“ различныхъ явленій природы. Каждое естественное явленіе, каждая форма міровой жизни имѣетъ своего духа-власителя. Пространства воздуха, воды, горы, лѣса, планеты, самая внутренность земли, все это наполнено легіонами духовъ.

Рядомъ съ духами въ шаманской религіи стоятъ души умершихъ людей и фетиши-идолы естественныя и не естественныя. Одни изъ этихъ идоловъ представляются существами живыми,

личными; другіе же считаются только вмѣстилищемъ, мѣстопробываніемъ извѣстныхъ духовъ, вторые такимъ образомъ дѣлають для человѣка удобнымъ непосредственное сношеніе съ ними.

Всѣ упомянутыя божества дѣлятся на два разряда—добрыхъ и злыхъ. Если вліяніе послѣднихъ и слабѣе, чѣмъ вліяніе первыхъ, за то числомъ злыхъ божества превосходятъ добрыхъ. Вездѣ, куда бы ни пошелъ шаманистъ, ему грозитъ опасность отъ сатаны; во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ думаетъ встрѣтить препятствія отъ легионовъ злыхъ духовъ. Не только въ настоящей, но и въ будущей жизни ждуть человѣка демоны и ужасныя отъ нихъ муки.

Чтобъ умиловить духовъ и отклонить вредное вліяніе ихъ шаманисты задебриваютъ ихъ жертвами. Но такъ какъ духи злы и часто биваютъ недовольны этими приношеніями или до того уже раздражены, что никакія жертвы не въ состояніи утолить ихъ гнѣва, тогда обращаются въ добрымъ духамъ. Послѣдніе, ненавидя тьму и зло, постоянно борются съ демонами и умѣряютъ вредное вліяніе ихъ на человѣка, но окончательно уничтожить ихъ не въ состояніи.

Такъ какъ духи могутъ быть умиловлены жертвами, то нужно знать, какой хотятъ они жертвы; такъ какъ инстинктъ самосохраненія побуждаетъ охранять себя отъ вредныхъ вліяній природы или воображаемыхъ духовъ, то нужно знать и имѣть средства къ избавленію отъ нихъ. Разныя обстоятельства жизни требуютъ, для блага общаго и частнаго, знанія многихъ вещей, недоступныхъ для обыкновеннаго ума человѣческаго. Все это повлекло за собою волшебство, заминанія, предеказанія. Люди, посвятившіе себя этой профессіи, образовали особую касту шамановъ, жрецовъ-кудесниковъ. Теперь, въ большинствѣ случаевъ, это—люди, эксплуатирующіе простодушныхъ и живущіе на ихъ счетъ.

По вѣрованіямъ Якутовъ, придерживающихся еще шаманства, существуетъ девять небесъ, изъ коихъ на семи обитають разныя животныя, употребляемыя въ пищу покойниками; на восьмомъ живетъ богъ грома—Сурдыкъ-Сюгя-Тоёнъ, то-есть, Страшный Топоръ-Господинъ, на девятомъ—два первые небожителя Арь-Тоёнъ, то-есть, Чистый Господинъ, и жена его: Кубей-Хатунъ, то-есть, Почтенная Госпожа. Ходатаями за Якутовъ предъ небожителями является Жаугай-Тоёнъ, податель дѣтей, богатства, виновникъ счастливыхъ про-

мысловъ, и жена его Айсытъ, то-есть, Подательница. Кромѣ того, въ каждомъ родѣ Якутовъ есть еще особый заступникъ и ходатай— Ескентъ, который принимаетъ отъ людей молитвы, возноситъ ихъ къ главнымъ богамъ и возвѣщаетъ повелѣнія ихъ людямъ; его представляютъ въ видѣ бѣлогубаго или косматаго жеребца, ворона, лебедя, сокола и т. п. Каждый родъ не убиваетъ олицетвореній своего ходатая. Но это все благія божества. Представителемъ злаго начала является Абысъ, сатана, владика легионовъ демоновъ. И самъ, и черезъ нихъ онъ всячески старается вредить человѣку. Разлетаясь по всему міру, демоны ссорятъ людей, вовлекаютъ ихъ въ преступленія, насылаютъ страшныя болѣзни, каковы, на примѣръ, проказа (улаханъ-амъ), оспа, корь, венерическая и пр., и самую смерть. Душа человѣка послѣ смерти остается между демонами, а потому награды за добрую жизнь нѣтъ.

Если Якутъ умретъ, то его хоронятъ въ тотъ же день, при чемъ кладутъ вмѣстѣ съ нимъ его платье и убитую верховую лошадь со сбруею. Надъ могилою дѣлаютъ срубъ, который обносится заборомъ; на столбы забора вѣшаются нѣсколько конскихъ шкуръ съ головами. Потомъ присутствовавшіе при похоронахъ объѣзжаютъ могилу три раза по теченію солнца. Близкіе родственники къ могилѣ не приближаются, но стоя вдали, произносятъ троекратно жалобный крикъ. Юрта, гдѣ умеръ Якутъ, оставляется, и всѣ его домашніе переходятъ въ новую, потому что умершихъ они считаютъ съѣденными дьяволомъ, а дома ихъ—съ тѣхъ поръ жилищемъ бѣса, нашедшаго себѣ жертву. При погребеніи шамана кладутъ съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшается разодранный бубень. Вообще съ умершимъ Якуты кладутъ говядину и масло, полагая, что они будутъ ему нужны. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ впрочемъ вышли ужъ изъ употребленія.

Весною, когда много молока, Якуты справляютъ свой старинный праздникъ *исеть*. Приготовивъ нѣсколько десятковъ ведеръ кумысу, Якутъ приглашаетъ на праздникъ своихъ сосѣдей, но молва о настоящемъ пиршествѣ и безъ того распространяется повсюду. Въ назначенный день званые и незваные, одѣвшись въ лучшее платье, ѣдутъ на праздникъ. Еще по утру въ юртѣ хозяина нѣсколько человѣкъ садятся впереди на посланныя шкурки; возлѣ нихъ помѣщаются начальники, почетные гости и т. д. Тогда

выбираются одинъ или два молодые человѣка, не бывшіе въ томъ мѣсяцѣ при жертвѣ, не избовленные ни въ воровствѣ, ни въ лжесвидѣтельствѣ; имъ даютъ въ руки по большой деревянной стопѣ съ кумысомъ и ставятъ передъ погасшимъ огнемъ, лицомъ къ востоку. Подержавъ нѣсколько времени стопу противъ груди, каждый изъ нихъ льетъ по немногу до трехъ разъ на пепель. Это жертва первому божеству Арь-Тоену. Поворотясь немного на право, они дѣлаютъ возліаніе жегѣ его Кубей-Хатунъ. Поворачиваясь, такимъ образомъ, по немногу на право и возливая богамъ, они доходятъ до юга. Потомъ поворачиваются на западъ и возливаютъ въ честь двадцати-семи митарствъ. Поворотясь къ сѣверу, они возливаютъ преисподнимъ духамъ—тѣнямъ умершихъ шамановъ. Последнее возліаніе дѣлается старухѣ, называемой Инахсыгъ, о которой думаютъ, что она вредитъ тельнымъ коровамъ. Окончивъ церемонію, молодые люди обращаются къ востоку. Тогда одинъ изъ сидящихъ впереди громкимъ голосомъ благодаритъ Бога за посланные имъ блага и проситъ о томъ же въ будущемъ. Окончивъ молитву, онъ снимаетъ шапку и громко кричитъ: „Уруй!“ то-есть, подай, благоволи. Это слово трижды повторяютъ всѣ сидящіе въ юртѣ. Послѣ молитвъ молодые люди берутъ стопы съ оставшимся кумысомъ, пьютъ сами и подаютъ прочимъ. Женщины не могутъ участвовать въ этомъ обрядѣ.

Въ вечеру начинаются различныя игры. Женщины, въ лучшихъ своихъ нарядахъ, становятся въ кругъ; схватившись руками, такъ что пальцы одной сплетаются съ пальцами другой, идутъ онѣ тихо по теченію солнца, дѣлая по три шага всѣ вдругъ и напѣвая что въдумается, такъ что въ цѣломъ пѣніи ихъ ничего не выражаетъ. Мужчины плясками не занимаются; они устраиваютъ скачки, борьбу, бѣгъ и пр.

Между тѣмъ предъ юртою хозяина, справляющаго праздникъ, ставятъ три столба съ перекладиной, украшенные березками; подъ столбы помѣщаютъ огромные кожаные мѣшки съ кумысомъ; но чтобы мѣшки эти стояли прямо, не падая, привязываютъ ихъ къ перекладинамъ. Это кумысъ для мужчинъ; для женщинъ же ставятъ другіе три столба съ такими же мѣшками. Всѣ Якуты садятся въ нѣсколько рядовъ на землю, лицомъ къ востоку, протянувъ ноги. Женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ. Тогда при-

носить огромные деревянные кувшины. Нѣсколько человекъ, взявъ въ руки по кувшину, идутъ къ мѣшкамъ. Стоящій подлѣ нихъ Якутъ длиннымъ деревяннымъ ковшомъ наливаетъ каждому полный кувшинъ; получившій отходитъ прочь и становится лицомъ къ востоку; подлѣ него другой и т. д. У женщинъ дѣлается то же самое. Послѣ того, люди, держащіе кувшины, подходятъ къ гостямъ. Хозяинъ, взявъ одинъ кувшинъ, подаетъ его почтеннѣйшему гостю, который, напившись кумысу въ нѣсколько приемовъ, передаетъ его сосѣду, и такимъ образомъ идетъ круговая до тѣхъ поръ, пока пить не окажется болѣе возможности. Затѣмъ, у женщинъ начинаются пляски, а у мужчинъ—борьба. Два атлета, въ одномъ короткомъ исподнемъ платьѣ, выводятся на сцену посредниками. Борьба состоитъ въ томъ, что противники схватываютъ другъ друга за руки и стараются освободить ихъ другъ у друга. Въ то же самое время нѣкоторые поднимаются вверхъ по высокому, гладкому шесту, вбитому близъ юрты хозяина, или вытянувъ по шесту руку во весь ростъ и держась за него, стараются ногою достать руку. При этомъ обыкновенно поются пѣсни.

Хотя Якуты охотно поютъ, но у нихъ нѣтъ пѣсень, то-есть, такихъ, которыя, будучи разъ сложены, переходили бъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Когда Якутъ поетъ, то обыкновенно импровизируетъ; вотъ обращенъ такой импровизаціи: „Послѣ морозовъ Богъ далъ намъ тепло. Коровы наши отелились, показалась трава, скотъ нашъ сдѣлался жирнѣе, сталъ давать намъ больше молока; мы изъ него дѣлаемъ кумысъ, пьемъ, веселимся!“

Такимъ образомъ Якуты, какъ видно, не одарены поэтическимъ творчествомъ; но въ замѣнъ того они хорошіе ораторы. Въ путешествіи Миддендорфа мы находимъ любопытный образецъ таланта Якутовъ произносить рѣчи. Эта рѣчь или молитва, слышанная нашимъ путешественникомъ на одномъ ночлегѣ въ дикой нагорной мѣстности близъ китайской границы, въ странѣ Оленныхъ Тунгузовъ, при слѣдующей обстановкѣ: Дерево богато убрано приносимыми въ жертву гривами; ораторъ—одѣтый въ кожу Якутъ, стоитъ передъ костромъ и держитъ свою рѣчь въ то время, какъ передъ нимъ другой Якутъ поднимаетъ къ небу горячую саламату. Жертвенное мѣсло, влоочетъ на огнѣ въ видѣ отвѣта призываемыхъ духовъ. „Бабушка Кербе“, говоритъ Якутъ, — „отъ вѣка древняя, и

*

ты, дѣдушка Буряя (двѣ рѣки), равный первой годами! Пошлите милость намъ, путешествующимъ по вашимъ скрытымъ оврагамъ, защитите, одарите счастьемъ и благословите насъ! Мы идемъ во имя великаго духа! Вы, стекающіе съ пѣніемъ съ высокихъ горъ! Во имя ваше мы идемъ,—пусть девять разъ счастливо будетъ наше шествіе! И ты, живущая на нашемъ пути, ты вдругъ и повсюду являющаяся, и подобно снѣгу, исчезающая, необъяснимо быстрая, волшебная дѣва Сыриная; ты, быстро бѣгущій Курхачи, и вы, гномы, живущіе справа на девяти, а слѣва на восьми горахъ! Будьте милостивы къ намъ! Я васъ всѣхъ угощаю за разъ (въ это время изъ торжественно поднятаго котла бросаются на огонь три ложки масла и саламаты), кушайте, лакомьтесь! Но не пробуйте разборчивымъ языкомъ,—будьте довольны. Молясь, взываю къ вамъ: ведите насъ счастливо, чтобы мы шли рядомъ съ лучшими и обогнали посредственныхъ. Ты же, здѣсь управляющій, горный старецъ, ты страшно богатый Борилохъ! Доставь намъ еще въ утреннемъ сумрагѣ темныхъ звѣрей и на ранней утренней зарѣ яркobleстящихъ звѣрей, дорогіе мѣха! Наполни наши широкіе вьюки, нанижи соболей на наши длинные ремни, наведи на насъ краснаго звѣря! Счастье и благословеніе намъ въ путь!“

О нравственныхъ качествахъ Якутовъ много хорошаго сказать нельзя. Путешественники описываютъ ихъ какъ народъ хитрый, мстительный, склонный къ сутяжничеству. Русскимъ они почти никогда не даются въ обманъ, а напротивъ того, Русскіе весьма часто бываютъ обманываемы Якутами, принимая ихъ притворство за искренность. Якутъ никогда не забываетъ нанесенной ему обиды, и если ему самому не удастся отомстить за нее, онъ непременно передаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ тяжбамъ беспредѣльна; только представлялась бы возможность затѣять что-нибудь, похожее на жалобу или доносъ, они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за одной полтины. Этимъ отличаются особенно подгородныя Якуты, благодаря содѣйствію мелкихъ чиновниковъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ и пользующихся ихъ страстію

къ тяжбамъ. Кромѣ того, Якуты весьма склонны къ воровству во всѣхъ его видахъ.

Послѣ этого общаго очерка быта Якутовъ переходимъ къ юридическому ихъ быту.

II.

Бракъ. — Семья. — Положеніе малолѣтнихъ сиротъ. — Право собственности: виды пріобрѣтенія собственности; права по наслѣдству. — Договоры и сдѣлки. — Помочи; артели; товарищества.

При вступленіи въ бракъ Якуты принимаютъ въ разчетъ только родство по мужскому колѣну, ставя ни во чтò родство по колѣну женскому, такъ что, по ихъ понятіямъ, отецъ съ сыномъ и братъ съ братомъ могутъ свободно жениться на родныхъ сестрахъ, а дядя—на родной племянницѣ. Но какъ подобные браки по церковнымъ правиламъ не допускаются, то Якутъ, истощивъ всѣ средства, чтобы какъ-нибудь уладить подобное дѣло, обыкновенно прибѣгаетъ къ слѣдующей фикціи: не получая разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, какъ слѣдуетъ по закону, женихъ нанимаетъ невѣсту какъ бы въ работу и такимъ образомъ проживаетъ съ нею весь вѣкъ, если только супруги сойдутся характерами. Нисходящая линія, даже до десятаго колѣна, не можетъ вступить между собою въ бракъ. Родство духовное, именно кумовство (паджи), играетъ у Якутовъ весьма важную роль. На кумѣ, по мнѣнію Якутовъ, не только грѣшно жениться или находиться съ нею въ близкихъ отношеніяхъ,—съ нею грѣшно даже ссориться. Поэтому, при выборѣ кума и кумы, Якуты поступаютъ весьма осмотрительно и приглашаютъ для воспріятія дѣтей обыкновенно дальнихъ сосѣдей или лицъ изъ другихъ наслеговъ, такъ чтобы близкое сосѣдство не послужило поводомъ къ ссорамъ и дракамъ, которыя относительно кума и кумы—великій грѣхъ предъ Богомъ и стыдъ передъ ближними, то-есть, передъ сосѣдами и родственниками. До чего доходитъ подобная осмотрительность, видно изъ слѣдующаго случая: Однажды мѣстный священникъ, вмѣстѣ съ причетникомъ, пріѣхалъ въ какой-то дальній и уединенный наслегъ для исполненія требъ, и въ томъ числѣ, для окрещенія новорожденныхъ. Якуты представили дѣтей, но около часу продержали священника,

по непредставленію воспріемниковъ. Оказалось, что всѣ жители двухъ или трехъ юртъ, составлявшихъ наслегъ, отказались идти въ кумы и кумовья, потому что, живя въ сосѣдствѣ и притомъ въ малолюдномъ мѣстѣ, они едва ли могутъ обойтись безъ того, чтобы не посягнуть на чужую собственность, а относительно кума и кумы это недозволительно. Чтобы не остановить совершеніе крещенія, священникъ поставилъ причетника воспринимать новокрещенныхъ. Пріемыши съ принявшими ихъ лицами, а равно съ ихъ дѣтьми, въ бракъ вступаютъ свободно.

Совершеніе брака по обрядамъ православной церкви обуславливается достиженіемъ со стороны жениха 18, а со стороны невѣсты 16 лѣтъ. Однако въ мѣстностяхъ удаленныхъ и малопосяцаемыхъ, гдѣ Якуты живутъ еще по старинѣ, у многихъ существуетъ обычай сватать своихъ дѣтей въ малолѣтствѣ, 10 лѣтъ, а иногда находящихся еще въ колыбели. Въ послѣдствіи времени когда дѣти подростутъ, конечно, можетъ случиться, что свадьба разстроится или потому, что отцы не сойдутся въ количествѣ калыма, то-есть, платы за невѣсту, или потому, что женихъ и невѣста не понравятся другъ другу. Но въ большинствѣ случаевъ, подобное сватовство оканчивается тѣмъ, что женихъ и невѣста едва только достигнутъ 10—11 лѣтъ, начинаютъ жить какъ мужъ съ женою. Женихъ и невѣста обыкновенно бываютъ почти однихъ лѣтъ, или же невѣста немногимъ моложе жениха. Исключенія изъ этого правила рѣдки.

Первымъ условіемъ для вступленія въ бракъ считается согласіе на то родителей жениха и невѣсты. Браковъ уходомъ или убѣгомъ между Якутами не бываетъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ молодые лишились бы наслѣдства, которое могутъ получить послѣ своихъ родителей. Если у жениха или невѣсты нѣтъ отца или матери, или если они круглые сироты, то мѣсто родителей заступаютъ ближайшіе родственники, но не въ качествѣ лицъ, разрѣшающихъ вступленіе въ бракъ или благословляющихъ на это дѣло, а въ качествѣ совѣтниковъ. Вообще у Якутовъ не въ обычаѣ принимать кого-либо въ *благословенные родители*. Въмѣсто нихъ важную роль играетъ у нихъ *тысячій*, который, находясь при совершеніи брачнаго обряда, служитъ передъ духовенствомъ порукою того, что къ совершенію брака между молодыми людьми

нѣтъ никакой препятствующей причины. Въ тысяцкому молодце въ теченіе всей жизни питаютъ особое уваженіе, каковымъ пользуются у Русскихъ такъ называемые благословенные родители.

Браки не по обоюдному согласію жениха и невѣсты, а по волѣ родителей ихъ, бывають у Якутовъ силою и рядомъ, и это преимущественно относится до людей богатыхъ. На случай, что богатый женится на бѣдной, или на оборотъ, можно уважать, какъ на весьма рѣдкія явленія. Очень часто случается, что родители, равные по состоянію, просватываютъ своихъ дѣтей подъ веселую руку, не спросивъ даже молодыхъ людей, нравятся ли они другъ другу, а не исполнить волю старшихъ они не смѣютъ изъ опасенія лишиться наслѣдства. Послѣдствіемъ такого порядка вещей въ большинствѣ случаевъ бываетъ то, что женихъ и невѣста совершенно равнодушно вступаютъ въ бракъ и совершенно равнодушно живутъ какъ мужъ и жена; если же при этомъ они не сошлись еще, характерами, то разводъ между ними—дѣло неизбежное.

Свадебное дѣло у Якутовъ происходитъ обыкновенно слѣдующимъ порядкомъ: Отецъ, имѣющій у себя сына, котораго намѣренъ женить, предварительно посылаетъ въ юрту, откуда хочетъ взять невѣсту, кого-нибудь разузнать, согласны ли будутъ родители ея вести дѣло *на счетъ родни* (уру). Если тѣ согласны, то пригласивъ кого-нибудь изъ почетныхъ лицъ, напримѣръ, старосту наслег¹⁾, отецъ жениха, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками и сыномъ, отправляется въ юрту своего будущаго свата, при чемъ несетъ или везетъ съ собою отъ 10 до 50 р. деньгами, смотря по состоянію, и нѣсколько ведеръ водки. По прибытіи въ жилище невѣсты староста или другое почетное лицо обращается къ отцу и матери невѣсты съ рѣчью, что вотъ такой-то сродникъ его желаетъ дать своему сыну прочное положеніе въ семейномъ быту, хочетъ сдѣлать его полнымъ человекомъ; но это желаніе его можетъ осуществиться только тогда, когда настоящее совѣщаніе на счетъ родства окончится обоюднымъ согласіемъ и съ выгодой какъ для той,

¹⁾ О значеніи слова *наслегъ* см. въ гл. IV этой статьи. Въ пояснительной запискѣ къ Своду Стенныхъ Законовъ сказано, что наслегомъ называется вѣдомство, въ которомъ соединено нѣсколько частныхъ родовъ якутскихъ.

Ред.

такъ и для другой стороны. Вообще, ведя эти переговоры, сватающій старается блеснуть всѣмъ своимъ искусствомъ. По окончаніи предложенія отецъ невѣсты спрашиваетъ: „А что будетъ дано за невѣсту?“ „Столько, сколько угодно будетъ запросить моему будущему свату“, отвѣчаетъ отецъ жениха. Сперва отецъ невѣсты запрашиваетъ за дочь весьма значительную сумму, которую отецъ жениха старается уменьшить; потомъ цѣна постепенно понижается по всѣмъ правиламъ торга, и наконецъ, доходитъ до нормальной. Если желающіе вступить въ родство имѣютъ достаточное состояніе, то цѣна останавливается обыкновенно на 10 *курумахъ*, иногда болѣе, а иногда и менѣе. *Курумомъ* называется у Якутовъ лошадь или быкъ, но не корова. Такимъ образомъ, въ 10-ти курумахъ должно быть 3 быка, 8 коровъ и 4 жеребца или мерена; изъ этого числа 5 животныхъ могутъ быть представлены въ штукахъ, а 5 на ногахъ. Кромѣ того, часть цѣны за невѣсту должна состоять изъ чистыхъ денегъ. Если цѣна остановилась на 10 курумахъ, то денежная часть состоитъ изъ 150—300 рублей, и въ томъ числѣ четвертая часть непременно серебромъ, употребляемымъ на украшеніе сѣделъ, поясовъ и другихъ подѣлокъ. Опредѣливъ цѣну невѣсты, будущіе родственники начинаютъ толковать о томъ, какое приданое будетъ дано за нею. Порѣшивъ и это обстоятельство, отецъ жениха и невѣсты, въ знакъ заключенія условія, *ударяютъ по рукамъ*, при чемъ на руки кладется иногда шкура красной лисицы, а иногда деньги. Руки будущихъ сватовъ различаетъ староста или другое какое-нибудь почетное лицо, въ пользу котораго и поступаютъ лисица или деньги. Послѣ того невѣсту выводятъ къ жениху, и они целуются три раза и трижды пьютъ по рюмкѣ водки.

Съ этого времени свадебный договоръ считается оконченнымъ, а на жениха и невѣсту смотрятъ уже какъ на мужа и жену.

На третій день послѣ рукобитья женихъ, по обыкновенію въ новолуніе, пріѣзжаетъ къ своей невѣстѣ съ частью калыма и гостинцами, которые называются *стальными*, потому что съ этого времени онъ имѣетъ право спать съ нею. Жениха обыкновенно сопровождаютъ родственники и друзья, но женщины при этомъ не бываетъ. По пріѣздѣ, женихъ входитъ въ юрту одинъ и становится по правую сторону чувала, а отецъ и мать невѣсты—по

дѣву. Женихъ бросаетъ въ огонь коровьяго масла, становится на правое колѣно, потомъ, приподнявъ шапку, киваетъ трижды головою. Если случится въ это время шаманъ, то онъ сидитъ на отцовской постели и во всеуслышаніе призываетъ на жениха благополучіе, чадородіе и т. п. По окончаніи этой церемоніи женихъ выходитъ вонъ, снимаетъ съ себя дорожное платье, надѣваетъ праздничное и входитъ въ юрту со всѣмъ поѣздомъ; затѣмъ онъ пробирается къ невѣстной постели, садится на нее и закрывается досками. Во все время торжества невѣста сидитъ гдѣ-нибудь въ сосѣдней юртѣ. Гости садятся, и начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ ложатся спать или въ той же юртѣ, или уходятъ въ другую; женихъ же вступаетъ въ права мужа.

По прошествіи трехъ сутокъ гости разѣзжаются, отдавъ часть калыма и подарки и получивъ отъ отца молодой часть приданнаго и полное носильное платье для молодого и его отца.

Спустя нѣсколько времени, а иногда и черезъ годъ, къ молодой пріѣзжаетъ свекровь, выполняетъ при входѣ въ юрту тотъ же обрядъ, какъ и сынъ, гостить у невѣсты трое сутокъ и потомъ отправляется домой, но платья въ подарокъ не получаетъ.

Пока не уплатится весь калымъ, что бываетъ, обыкновенно, не одновременно, а въ нѣсколько сроковъ, молодой навѣщаетъ свою жену и спитъ съ нею, когда ему угодно. По уплатѣ всей договорной цѣны, онъ имѣетъ полное право взять жену для совмѣстнаго жительства съ нимъ и повѣнчанія по православному обряду. Если отецъ жены отказываетъ ему въ этомъ по какому-либо случаю, то долженъ заплатить всѣ расходы, да еще съ процентами. За каждые 100 р. калыма въ годъ полагается не менѣе 15—17 р. процентовъ, за cadaго жеребца по 10 р., кобылы возвращаются съ приплодомъ, а быки безъ всякой приплаты, такъ какъ работа ихъ не могла принести хозяйну особой выгоды.

Выше сказано, что по уплатѣ всего калыма мужъ имѣетъ полное право взять къ себѣ жену для совмѣстнаго жительства. Временемъ для отправленія жены къ мужу избирается также по-волуніе. Молодую женщину сопровождаютъ всѣ ея родственники и знакомые, непременно верхами. Сама она, если отецъ ея богатъ, ѣдетъ на лошади подъ дорогимъ сѣдломъ съ серебрянными украшениями, такую же уздой и вышитымъ чепракомъ. Передъ отъ-

ѣдомъ, убиваютъ жирную корову, и сваривъ ея потрахъ, везутъ съ собою вмѣстѣ съ остальнымъ сырмъ мясомъ, кромѣ того, везутъ также девять берестяныхъ сосудовъ, изъ которыхъ въ трехъ находятся шангы, въ другихъ трехъ—олады, а въ остальныхъ—масло. Когда процессія приблизится къ юртѣ молодаго (юрта строится новая), то родственники молодой завѣшиваютъ у нея лицо горностаями, а между тѣмъ два человѣка изъ поѣзда отправляются къ юртѣ отца молодаго съ извѣстіемъ о прибытіи сюди. При входѣ имъ подають по кружкѣ кумысу, мѣрой около четверти ведра, и обычай требуетъ, чтобъ они выпили всю кружку. Послѣ того они выходятъ вонъ, соединяются съ процессіей и ѣдутъ къ юртѣ молодаго. При входѣ молодая становится на правое колѣно, кладетъ на огонь масло и дѣлаетъ три поклона, а если случится при этомъ шаманъ, то онъ говоритъ тѣ же слова, какія говорилъ прежде жениху. Послѣ того всѣ идутъ къ отцу молодаго и пируютъ. Во время пира привезенный съ молодою сваренный потрахъ коровы ставятъ передъ затопленнымъ чуваломъ, въ берестяныхъ посудинахъ, на особо приготовленной для того подстилкѣ изъ кобыльей шкуры или изъ самаго зеленого сѣна. Всѣ гости садятся вокругъ чувала. Затѣмъ лицо, особо выбранное для этой церемоніи, встаетъ, ставитъ на поднось рюмку, наливаетъ ее виномъ, и держа поднось надъ головой, идетъ къ четыремъ угламъ юрты, угощая Айсытъ, жену Жаюгай-Тоёна, виновника счастливыхъ премысловъ и подателя богатства и дѣтей. Возвратившись послѣ того къ чувалу, онъ выливаетъ въ него изъ рюмки вино въ трехъ мѣстахъ по три раза. А между тѣмъ готовится закуска, для которой крошатъ потрахъ—три куса сердца, три печенки и три кашоель. Закуска ставится на столъ вмѣстѣ съ шангыями и оладьями.

На другой день молодую вводятъ во свекру въ юрту на шомлонъ; затѣмъ ея отецъ отсылаетъ къ тестю подарки, во время принятія которыхъ шаманъ садится вовлѣ отца молодаго, надѣваетъ на него новую шапку, и бросивъ на огонь часть изъ присланнаго масла, призываетъ духовъ, умершихъ шамановъ и шаманокъ, просить, чтобъ они изливали свои милости на вновь сочѣтавшихся. По окончаніи этого заклинанія, принесшимъ подарки подають по кружкѣ кумыса, и они уходятъ.

Вечеромъ къ отцу молодаго собираются въ гости родные и со-

сѣди, мужчины и женщины. Пиръ, къ которому они приглашаются, происходитъ при различныхъ увеселеніяхъ—пѣніи, плясѣхъ, борьбѣ и т. п. Въ это же время составляютъ между собою и ѣдоки.

На третій день родственники молодыхъ дѣлаютъ другъ другу подарки, и если они хотя немного не удовлетворяютъ взаимнымъ ожиданіямъ, то новые родственники остаются на всю жизнь непримиримыми врагами.

Приданое у Якутовъ не составляетъ исключительной собственности жены, и мужъ можетъ распоряжаться имъ, какъ ему угодно. По смерти жены оно также поступаетъ во владѣніе мужа, хотя бы даже у нея остались дѣти. Богатня Якутки продаютъ, безъ вѣдома мужей, масло, молоко и пр., скрывая деньги для собственнаго употребленія; но бѣдняки не въ состояніи этого дѣлать, потому что всѣ источники пропитанія извѣстны не только мужу, но и всѣмъ прочимъ членамъ семьи.

Такъ какъ вѣнчаніе по обрядамъ православной церкви совершается у Якутовъ послѣ брачнаго сожитія мужа и жены, когда супруги имѣли полную возможность ознакомиться съ характеромъ и свойствами другъ друга, то разводы между ними послѣ вѣнца весьма рѣдки, хотя и встрѣчаются случаи, что нѣкоторые мужья, поживъ съ женой, бросаютъ ее. Оставленная жена обыкновенно находитъ себѣ любовника, къ которому и переходитъ жить; чтобы избѣжать преслѣдованія властей, мужъ и любовникъ жены обыкновенно заключаютъ словесное, а иногда и письменное условіе о томъ, что первый изъ нихъ отдаетъ въ работницы второму жену свою, съ согласія ея и для поддержанія хозяйства. Что касается до разводовъ съ не вѣнчанными женами, то они весьма часты, такъ что Якутъ вѣнчается только развѣ на четвертой или на пятой женѣ, бросивъ остальныхъ на произволь судьбы, одну за другою.

Якутская семья представляетъ сожитіе на столько же по происхожденію, на сколько по труду. Въ прежнее время власть старшаго въ домѣ была весьма велика, такъ что онъ былъ не только главнымъ распорядителемъ въ семействѣ, но и главнымъ судьей. Теперь за нимъ осталось только право распоряжаться имуществомъ, власть же суда сосредоточилась у наследнаго старосты. Поэтому, теперь нельзя встрѣтить у Якутовъ такое безусловное повиновеніе стар-

шему въ семействѣ, какое бывало прежде, такъ что два мальчика, подравшись между собою, идутъ судиться не къ домохозяину, а къ наследному старостѣ. По смерти отца власть его, по установившемуся обычаю, переходитъ къ старшему совершеннолѣтнему сыну, а за немѣнѣемъ его — къ матери, но вліяніе ихъ еще менѣе, чѣмъ вліяніе отца. Мать при жизни мужа хотя и пользуется одинаковымъ съ нимъ уваженіемъ, но особенной власти въ домѣ не имѣетъ и не можетъ распорядиться имуществомъ. Пасынки и падчерицы не пользуются имуществомъ вочина и послѣ смерти его получаютъ только то, что онъ самъ имъ назначить. Въ устраненіе распрей объ имуществѣ между родными дѣтьми и пасынками, Якуты всячески стараются избѣгать женитьбы на женщинахъ, у которыхъ есть уже дѣти. Исключенія изъ этого правила биваютъ только тогда, когда или женихъ самъ бездѣтенъ, или невѣста имѣетъ достаточное состояніе. О томъ, куда поступаетъ имущество жены, послѣ ея смерти, сказано уже выше: оно поступаетъ во владѣніе мужа, ибо какъ она сама, такъ и все ея приданое, куплено за калымъ. Женатый сынъ по смерти отца не имѣетъ уже права въ наследствѣ, если только самъ отецъ при жизни не назначить ему участія въ немъ. Основаніемъ къ этому служитъ то, что въ большинствѣ случаевъ сынъ при женитьбѣ получаетъ часть отцовскаго имущества и обмѣновенно заводится особымъ хозяйствомъ. Богатые и бездѣтные Якуты усыновляютъ обоюга дѣтей своихъ ближайшихъ родственниковъ, дѣлая ихъ вполне своими наследниками.

Если послѣ смерти обюга родителей остаются малолѣтнія дѣти, то общество отыскиваетъ ихъ родственниковъ, которые и должны приютить сиротъ. Если родственниковъ нѣтъ, то эта обязанность возлагается на лицъ, съ которыми умершій отецъ семейства находился въ одномъ родоначаліи (агауса). Оставшіяся послѣ покойнаго юрты съ разнымъ имуществомъ, скотъ, огороды, разчищенные мѣста для хлѣбопашества, все это поступаетъ въ распоряженіе тѣхъ лицъ, которыя приняли на себя опеку. Сиротъ мужскаго пола Якуты берутъ въ себѣ въ опеку весьма охотно, чуть не съ боя, въ надеждѣ имѣть въ послѣдствіи даровыхъ работниковъ. Если опекуны, при воспитаніи дѣтей мужскаго пола, держатъ ихъ наравнѣ съ собственными дѣтьми, женятъ и дадутъ кое-

что на заведеніе ихъ собственнаго хозяйства, тогда сироты числятся какъ-бы принадлежащими къ семейству опекуновъ. Въ противномъ случаѣ, по достиженіи совершеннолѣтія, то-есть, возможности распоряжаться имуществомъ, они отходятъ отъ опекуновъ и заводятся особымъ семействомъ.

Способами приобрѣтенія разнаго рода имущества являются у Якутовъ: 1) разчистка пустопорожнихъ земель подъ хлѣбопашество, 2) завладѣніе, 3) дареніе, 4) наслѣдство и 5) различнаго рода договоры и сдѣлки.

По недостатку удобной земли для хлѣбопашества Якуты съ нѣкотораго времени дружно принялись за разчистку рощъ и лѣсовъ подъ посѣвы хлѣба. А какъ силы одного семейства для подобнаго предпріятія недостаточны, то они составляютъ между собою товарищества и въ свободное отъ другихъ занятій время рубятъ лѣса, выжигаютъ пни, вспахиваютъ землю и т. д. Разчищенное мѣсто составляетъ общую собственность трудившихся и переходитъ по наслѣдству ко всѣмъ потомкамъ тѣхъ лицъ, которые его разчищали.

Случаи завладѣнія подобными мѣстами, равно какъ сѣнокосами, скотомъ, юртами и другимъ имуществомъ, у Якутовъ весьма нередки. Тяжбы по этому предмету разбираются на общественныхъ сходкахъ при старостахъ, и если жалующійся представитъ несомнѣнные доказательства своего права на извѣстное имущество, то искъ рѣшается въ его пользу. Но большая часть подобныхъ дѣлъ оканчивается мирною, при чемъ водка, необходимая въ такихъ случаяхъ, должна быть куплена на счетъ того, на кого послѣдовала жалоба.

Дареніе между Якутами весьма часто. Но если Якутъ даритъ чѣмъ-нибудь Якута, то при этомъ имѣетъ въ виду что пріятель одаритъ его непременно вещью большей цѣны, чѣмъ подаренная; словомъ, онъ закидываетъ удочку въ карманъ своего пріятеля (таптаряня-бераря). Другой характеръ имѣетъ дареніе относительно Русскихъ. У Якутовъ въ обычаѣ, вмѣстѣ съ угощеніемъ, непременно дѣлать подарокъ каждому заѣзжему русскому гостю, а въ особенности гостю, имѣющему какое-нибудь значеніе, при чемъ Якутъ оскорбился бы, если бы тотъ не принялъ отъ него подарка, или весьма удивился бы, если бы гость вздумалъ

отдарить его. Сдѣланный между Якутами даръ принадлежитъ въ неотъемлемую собственность получившаго его.

Относительно наслѣдства должно замѣтить, что каждый Якутъ знаетъ хорошо, что если онъ умретъ, не распредѣливъ подробно своего имущества между членами семьи, то это породитъ между ними нескончаемыя и разорительныя тяжбы, а потому словесныя завѣщанія между Якутами—дѣло совершенно обыкновенное. Чувствуя приближеніе смерти или просто находясь въ тяжелой болѣзни, Якутъ предъ всѣми членами семьи распредѣляетъ подробно, какую часть и что именно изъ имущества слѣдуетъ отдать женѣ, сыновьямъ, дочерямъ, приемъшамъ. Говоря о скотѣ, онъ упоминаетъ даже масть его. Убѣжденіе въ томъ, что душа умершаго въ теченіе срока дней не разлучается съ жилищемъ своимъ и слѣдитъ за дѣйствіями всѣхъ домашнихъ, заставляетъ Якутовъ буквально выполнять подобныя завѣщанія. Въ мѣстахъ подгородныхъ, гдѣ старыя народныя обычаи мало по малу исчезаютъ, употребляются и письменныя духовныя завѣщанія, для составленія которыхъ приглашается обыкновенно священникъ и свидѣтели.

Договоры и сдѣлки у Якутовъ бываютъ большею частію словесныя. Послѣ совершенія каждаго договора и сдѣлки слѣдуетъ угощеніе со стороны того, кто остается въ большей выгодѣ отъ этого. Задатки даются обыкновенно нанимателемъ нанимающемуся, да оно иначе и не возможно въ край, гдѣ весьма мало рабочихъ рукъ, и гдѣ нанимается въ работы только бѣднѣй. Это обусловливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ большей части Якутской области всѣ необходимыя жизненныя потребности удобно покупать только въ извѣстное время, именно въ періодъ армарокъ, когда инородцы вносятъ слѣдующій съ нихъ ясакъ и другія повинности. Въ это-то время бѣдняки, имѣя нужду въ деньгахъ, и нанимаются въ разныя работы у богатыхъ, или лучше скавать, закабаляютъ себя, а нѣкоторые, въ замѣнъ личныхъ работъ, уступаютъ, часто за безцѣнокъ, своя участки покосовъ и пашень. Кредиторъ, который даетъ возможность займодавцу пользоваться четвертою частью уступленнаго имъ покоса или пашни, считается весьма добродѣтельнымъ человекомъ, хотя онъ, конечно, не теряетъ ничего своего: покосъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ дать ему не менѣе 100 р. дохода, между тѣмъ

какъ онъ далъ подь него 10, 15 и много 25 р. Многие изъ Якутовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ Тунгузовъ, Ламутовъ и Юагировъ, стараются всячески сдѣлать ихъ своими должниками, напримѣръ, снабжаютъ ихъ съѣстными припасами въ голодное время. Сдѣлавшись разь должникомъ Якута, Тунгузъ, Ламуть или Юагиръ уже никогда не выходятъ изъ этого состоянія, хотя вполне чувствуютъ всю тягость своего положенія. Тѣ изъ Якутовъ, которые пробираются для торговли въ Удскій край, мало того что совершенно обираютъ пьяныхъ должниковъ своихъ Тунгузовъ, но развѣзая по ихъ звѣроловнымъ мѣстамъ, вынимаютъ попавшагося въ ловушку звѣря. Когда же придетъ время Тунгузу платить ясакъ, Якутъ снабжаетъ его звѣриными шкурами, у него же взятыми, и поставляетъ его опять въ положеніе должника.

При совершеніи нѣкоторыхъ договоровъ, значительныхъ по суммѣ, требуются поручители и свидѣтели. Поручитель обыкновенно принимаетъ на себя всю отвѣтственность за неисполненіе договора. Свидѣтели пользуются большимъ авторитетомъ въ случаѣ спора, вытекающаго отъ обязательства: на судѣ достаточно показанія двухъ или даже одного извѣстнаго своимъ хорошимъ поведеніемъ свидѣтеля для того, чтобы дѣло было рѣшено согласно этому показанію. Часто, совершивъ какой-нибудь договоръ или сдѣлку, Якуты берутъ другъ друга за руки, приподнимаютъ ихъ къ иконамъ и разнимаютъ, говоря, что свидѣтель совершенія договора самъ Богъ.

Если лошади или рогатый скотъ покупаются для употребленія по хозяйству, то лошади продаются непременно съ образами, а рогатый скотъ съ веревками; но если эти животныя покупаются на убой, то образъ и веревка не считаются принадлежностью продаваемаго.

Цѣны на различныя сельско-хозяйственныя работы, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ, бываютъ различны. Работникъ, нанявшійся съ Покрова до Николы вешняго, получаетъ обыкновенно отъ 18 до 20 р., съ хозяйскимъ содержаніемъ, а со своимъ содержаніемъ—отъ 50 до 70 р. Во время уборки сѣна подневная плата доходитъ отъ 50 до 70 к. въ день. Съ нѣкотораго времени Якуты стали нанимать для производства нѣкоторыхъ работъ—скопцовъ и другихъ ссыльныхъ. Чтобы свосить десятину

сѣна, такія лица берутъ отъ 2 р. 50 к. до 2 р. 70 к., а чтобы свосить и убрать—до 5 р.

Иногда нѣкоторыя работы исполняются помочами. Хозяинъ помочей обязанъ приготовить для помочанъ завтракъ и сытный обѣдъ, съ приличнымъ количествомъ кумыса или водки. На помочъ, гдѣ не предвидится этихъ напитковъ, народу собирается немного, да и то такого, который плохой работникъ, „не стоитъ своего горла“, по мѣстному выраженію. При жатвѣ хлѣба на помочи собираются только однѣ женщины, угощеніе которыхъ состоитъ изъ чая и саламаты или заварухи.

О товариществахъ при разчистѣ роцъ и лѣсовъ мы говорили выше. Другихъ видовъ подобнаго рода договоровъ у Якутовъ не существуетъ.

Артели у Якутовъ состояются только такія, въ которыхъ одна сторона полагаетъ только капиталъ, а другая—только трудъ. Когда наступаетъ пора звѣроловства, то богатые обыкновенно посылаютъ на промыселъ звѣра бѣдныхъ, снабдивъ ихъ ружьями, порохомъ, свинцомъ, а также съѣстными припасами. Какая часть добычи идетъ въ пользу снарядившаго артель, и какая—въ пользу артельщиковъ, зависитъ отъ многихъ мелочныхъ и случайныхъ условій. Однако, во всякомъ случаѣ, на долю снарядившаго артель достается львиная часть добычи, такъ какъ онъ всѣ выданные артельщикамъ припасы ставитъ по цѣнамъ чрезвычайно высокимъ.

III.

Взглядъ на преступления.—Преступность.—Виды преступленій: убійства; личныя оскорбленія, оскорбленія женской чести; воровство, конокрадство; бродяжничество.—Якутскіе шаманы.

Взглядъ Якутовъ на преступленія и преступниковъ вообще не отличается особенною мягкостію къ нимъ и снисходительностію. На каждого преступника они смотрятъ какъ на человѣка, потерявшаго на всегда совѣсть, къ которому не возможно имѣть ни малѣйшаго довѣрія. Однако, не смотря на то, процентъ участія Якутовъ въ общемъ числѣ преступленій довольно значителенъ. Въ 1863 г., напримѣръ, въ Якутской области было совершено 74 преступленія, по которымъ открытъ 51 преступникъ; изъ

ихъ числа Якутовъ было 34. Въ 1866 г. въ области совершено 128 преступленій, по которымъ открыто 98 преступниковъ, и изъ ихъ числа Якутовъ было 56. Въ 1814 г. въ Туруханскомъ краѣ вращавшійся Якутъ Налтановъ удавилъ своихъ дочерей Агриппу 12 и Дарью 8 лѣтъ, изрубилъ ихъ тѣла и варенныя съѣлъ вмѣсто нищи— не отъ голода и не въ безуміи, а по одному лишь „звѣрскому сластолюбію“. Въ такомъ употребленіи человѣческаго мяса участвовала вращавшаяся Якутка Сотникова съ дочерью. Но подобное возмутительное преступленіе едва ли не единственное въ своемъ родѣ между Якутами. Убіиства, разбои, грабежи, поджигательства между ними весьма рѣдки.

Самоубіиства случаются, но также очень рѣдко; онѣ совершаются большею частію влѣдствіе какой-нибудь неизлѣчимой болѣзни, отчаянія и страха. Наибольше распространенный способъ самоубіиства—повѣшеніе.

Дѣтубіиство и изгнаніе плода совершенно неизвѣстны Якутамъ, У нихъ плодородіе женщины считается едва ли не главною ея добродѣтелью. Поэтому и незамужнія дѣвушки не считаютъ за стыдъ родить дѣтей отъ любовниковъ. На дѣвушекъ, не вышедшихъ замужъ до старости и никогда не родившихъ, Якуты смотрятъ какъ на существа отвергнутыя, которыя по смерти будутъ постоянно находиться въ объятіяхъ какихъ-то драблехъ, гнилыхъ, деревянныхъ чурокъ или болвановъ. Душа такой дѣвушки, по разлуцѣ съ тѣломъ и при вступленіи въ загробную жизнь, не встрѣтитъ ни одной зажженной свѣчи и должна будетъ странствовать въ темнотѣ. По мнѣнію Якутовъ, умершіе младенцы въ видѣ зажженныхъ свѣчъ являются родителямъ послѣ ихъ смерти, освѣщая имъ путь въ могильномъ мрацѣ.

Личныя оскорбленія между Якутами довольно часты и разбираются обыкновенно общественными сходками.

На оскорбленіе чести дѣвушки Якуты смотрятъ довольно равнодушно; но если кто-либо изъ мужчинъ оскорбитъ замужнюю женщину, наиримѣръ, собьетъ съ головы ея шапку или сорветъ платокъ, то это считается, что онъ лишилъ ее добраго имени, и за такое дѣйствіе оскорбитель судится по всей строгости народнымъ обычаемъ, подвергаясь въ пользу обиженнаго штрафа отъ 10 до 25 рублей.

Выше уже замѣчено о склонности Якутовъ къ воровству и мошенничествамъ разнаго рода. Отъ сообщенія съ ссыльными наклонность эта усовершенствовалась до того, что нѣкоторые Якуты не уступаютъ въ этомъ отношеніи самымъ дерзкимъ столичнымъ мошенникамъ. Разказываютъ, напримѣръ, что одинъ Якутъ укралъ у какаго-то чиновника изъ чулана рыбу, но въ воротахъ встрѣтился съ хозяиномъ. „Куните, тоёнъ (господинъ), рыбу“, сказалъ Якутъ. — „Что просишь?“ Якутъ запросилъ въ тридорога. „Вонъ, бездѣльники!“ Якутъ смиренно поклонился и ушелъ. „Хорошо я сдѣлалъ“, думалъ чиновникъ, — „что не купилъ рыбы, вѣдь у меня есть своя“. Но при входѣ въ комнату кухарка объявляетъ ему, что изъ чулана пропала рыба. „Давно ли?“ „Должно быть, недавно, потому что по утру она была еще цѣла“. Чиновникъ догадался, что Якутъ продавалъ ему рыбу, у него украденную, послалъ за нимъ въ пороги, но ужъ и слѣдъ его простылъ. — Другой случай: Одна купчиха поручила своему родственнику купить для нея на рынкѣ тушу мерзлой говядины. Родственникъ вмѣсто одной туши купилъ двѣ — одну для купчихи, а другую для себя, и убѣдилъ стоявшаго тутъ Якута, которому, вѣроятно, разказалъ исторію своего порученія, пособить ему довести говядину до дому. Хозяйки не было дома, и говядину приняла кухарка. Едва лишь купчиха успѣла придти домой, какъ вдругъ является къ ней Якутъ. „Давича“, говоритъ онъ, — „я купилъ на рынкѣ говядину; а какъ мнѣ не на чемъ было довести ее до своей квартиры, то упробилъ я вашего родственника взять мою говядину и припрятать въ амбаръ; теперь я йду въ улусъ, привезите кухаркѣ вашей отдать мнѣ говядину“. Хозяйка позвала кухарку. „Знаешь ли ты этого Якута?“ „Знаю, онъ давича съ нашимъ родственникомъ привезъ говядину“. „Сколько?“ „Двѣ туши“. „Ну, такъ отдай же одну изъ нихъ этому Якуту“. Якутъ получилъ и какъ ни въ чемъ не бывало, отправился домой. — Если Якутъ украдетъ корову, то чтобы не добрались до него по слѣдамъ ея, особенно зимой, онъ надѣваетъ ей на ноги сани или сапоги изъ конской кожи, какіе носитъ самъ, и такимъ образомъ скрываетъ слѣдъ. Въ прежнее время въ Якутскѣ не проходило дня безъ подобныхъ шалостей Якутовъ.

Если Якутъ попался въ воровствѣ и изобличенъ, то по обы-

чаемъ, онъ приговаривается въ уплатѣ вдвое болѣе того, что стоитъ украденое; на примѣръ, если онъ украсть корову, то долженъ не только возвратить украденное животное, но прибавить еще двѣ коровы и т. д.; кромѣ того, если виновный замѣченъ въ воровствѣ не первый разъ, то онъ подвергается еще наказанію розгами. Произведено ли воровство днемъ или ночью, со взломомъ или безъ взлома, на это не обращается никакого вниманія. Но если нѣтъ явныхъ уликъ, то обвиняемый обыкновенно освобождается отъ всякаго взысканія. Часто бываетъ, что въ такомъ случаѣ тотъ, кто обокраденъ, заключаетъ словесное или письменное условіе, при свидѣтеляхъ, съ ошодозрѣвавшимися въ воровствѣ въ томъ, что если послѣдній попадетъ еще разъ хоть въ какой-нибудь кражѣ, то онъ долженъ заплатить ему втрое и цѣну той вещи, похититель которой не открыть.

Точно такимъ же образомъ наказывался воровство звѣря и рыбы изъ ловушекъ.

Конюкрадство распространено у Якутовъ въ значительной степени, и этому способствуетъ отчасти самый характеръ нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ Олекминскомъ округѣ, на примѣръ, по недостатку сѣнокосныхъ и хлѣбопахатныхъ мѣстъ, Якуты принуждены бывать въ маѣ мѣсяцѣ, съ открытіемъ весеннихъ полевыхъ работъ, угонять табуны своихъ лошадей и стада въ горы, облегающія оба берега р. Лены, и здѣсь до октября мѣсяца скотъ находится безъ всякаго присмотра—„въ рукахъ Божіихъ“, какъ говорятъ Якуты. Этимъ-то временемъ пользуются конюкрады и воруютъ лошадей, а равно и рогатый скотъ, безъ всякаго опасенія что ихъ станетъ кто-нибудь преслѣдовать, потому что хозяева все это время заняты на островахъ Лены заготовленіемъ сѣна или пашней и не имѣютъ возможности осведомляться о цѣлости своихъ табуновъ и стада.

На бродягъ, нищихъ и странниковъ Якуты смотрятъ съ недоброжелательностью, хотя ни кому изъ нихъ не откажутъ дать у себя пріютъ на день или два и потомъ снабжаютъ на дорогу чѣмъ Богъ пошлетъ, съ пожеланіемъ счастливаго пути. Нищихъ и бродягъ собственно изъ Якутовъ нѣтъ, потому что, по ихъ обычаю, бѣдныхъ и сиротъ должны содержать родственники. Главною причиною развитія нищенства и бродяжничества обыкновенно бы-

вадут неурожайные годы, наступающіе периодически и продолжающіеся по нѣсколькѣ лѣтъ сряду.

Притворяющихся яродивыми и святыми здѣсь нѣтъ. Якути всякаго набожнаго человѣка принимаютъ за великаго грѣшника, а потому всячески стараются набѣгать его.

Здѣсь, какъ кажется, не будетъ неумѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о шаманахъ, какъ людяхъ, проживающихъ на счетъ простоты и суевѣрія ближнихъ.

Шаманъ считается у Якутовъ человѣкомъ, имѣющимъ сообщеніе съ дьяволомъ. Шаманомъ не всякій можетъ сдѣлаться, но обрѣченный судьбою на этотъ подвигъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ мечется въ огонь и въ воду, хватается за оружіе, чтобы заволотъ себя. По этимъ признакамъ родственники узнаютъ будущаго шамана. Тогда призываютъ стараго шамана, съ которымъ ученикъ шаманитъ три вечера сряду; старшій знакомитъ молодого съ духами и научаеъ его способу призывать ихъ. Но часто бываетъ что ученикъ призываетъ духовъ другими словами и дѣлаеъ иные штуки, нежели учитель, напримѣръ, ученикъ умѣеъ вонзаетъ въ себя ножъ, а учитель этого не дѣлаеъ и т. д. Шаманы бывають обоеихъ половъ. Ихъ призываютъ по большей части къ больнымъ и преслѣдуемымъ несчастьями. Въ такомъ случаѣ приглашенный шаманъ предварительно беретъ пруть, къ которому привязываетъ нѣсколько волосъ изъ конской гривы, и начинаеъ надъ больнымъ что-то читать на неизвѣстномъ языкѣ; потомъ, объявъ его, сообщается съ духомъ, который какъ полагають, мучитъ больнаго. Духъ этотъ объявляетъ ему, откуда онъ, а равно чѣмъ больной заслужилъ гнѣвъ его, почему онъ и рѣшился непремѣнно его умертвить но склоняясь на просьбы родственниковъ и самого больнаго, требуетъ только въ жертву животное такой-то шерсти и съ такими-то примѣтами. Когда корова или лошадь, требуемая духомъ, будетъ отыскана и приведена, тогда шаманъ надѣваеъ на себя полное свое платье и начинаеъ шаманитъ.

Платье шаманское не походитъ на обыкновенную якутскую одежду, да и шаманъ, для отличія отъ простыхъ смертныхъ, не стрижетъ волосъ, а расчесывая ихъ на двѣ стороны, заплетаеъ въ косу. При шаманствѣ онъ распускаеъ ихъ для эффекта. Шаманское платье состоитъ изъ короткаго кожанаго полукафтана, у

котораго задъ длиннѣе передъ, какъ у фрака. По краямъ обшивается онъ длинными, до земли простирающимися кистями. Вдоль по спинѣ въ пять рядовъ нашиваются различныя желѣзныя побрякушки; посреди спины лежитъ большой желѣзный кругъ, который называется *солнцема*. Кафтаныя эти не сходится пола съ полой и завязывается ремешками; а чтобы передняя часть тѣла была закрыта, шаманъ надѣваетъ передникъ, который оканчивается выше колѣнъ. На передникѣ бывають нашиты два желѣзные круга, изображающіе груди; внизу увѣшиваются онъ различными желѣзными фигурами и кончается такими же кистями, какъ и кафтанъ. На рукава нашиваются также побрякушки и фигуры. Все это производитъ при шаманствѣ непріятный шумъ. Въ лѣвую руку шаманъ беретъ бубень, а въ правую—лопатку оклеенную шкурою; этою лопаткой онъ и бьетъ по бубну.

Переселивъ демона изъ больного въ себя, шаманъ обращается къ животному, назначенному въ жертву, разсматриваетъ его и если найдетъ не съ тѣми признаками, какіе указалъ духъ, то требуетъ другое; если напротивъ животное окажется съ надлежащими признаками, то шаманъ схватываетъ его пеперекъ и кричитъ неизвѣстныя слова. Сжатая скотина мечется во все стороны и реветъ, а между тѣмъ присутствующіе полагають, что духъ изъ шамана переходитъ въ животное. На завтра скотину отводятъ на мѣсто, назначенное для жертвоприношенія, и убивають. Кожу съ головы вѣшаютъ на столбахъ, а мясо варятъ и съѣдаютъ.

Не все однако ѣдятъ такое мясо—изъ омервенія, что оно заколдовано; даже и шаманъ гнушается иногда этою пищею. Повѣсивъ шкуру на столбы, шаманъ опять начинаетъ шаманить, и если больной въ назначенный день выздоровѣетъ, то шаманъ получаетъ плату, простирающуюся обыкновенно до 5 р.; но если больному не легче, то шаманство и жертвы продолжаются. Если жъ онъ умретъ, то шаманъ лишается платы.

Вообще шаманство состоитъ въ кривляніяхъ, крикахъ и грубомъ обманѣ, будто шаманъ колетъ себя ножемъ, что весьма примѣтно для наблюдательнаго зрителя. Шаманъ могъ бы лучше дѣлать свои штуки, еслибы умѣлъ. Иногда подъ одежду онъ прячетъ кишку, наполненную кровью; расперовъ ее ножемъ, шаманъ показываетъ зрителямъ текущую кровь, а они вѣрятъ, что это кровь

шамана. Иногда онъ покрываетъ животь нѣсколькими рядами бересты, воззаетъ въ нихъ ножъ, ходитъ съ нимъ по юртѣ, вынимаетъ его, снова воззаетъ въ животь и испускаетъ крики. Къ сожалѣнію, многіе Русскіе столько же вѣрятъ шаманамъ, сколько и Якуты, и даже разказывають, что шаманъ, отрѣзавъ себѣ голову, кладетъ ее на ножъ; пошаманивъ же нѣсколько минутъ безъ головы, ставитъ ее на шею, и голова тотчасъ прирастаетъ.

Вообще, представленія шамана производять тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

IV.

Общественное устройство.—Роды.—Общественныя сходки и судъ.—Наказанія.

Первое знакомство Русскихъ съ Якутами относится къ началу XVII вѣка. Въ 1636 г. былъ уже zaloженъ среди ихъ кочевьевъ, подъ названіемъ крѣпости или острога, городъ Якутскъ, а два года спустя сюда присланы были, какъ представители русской власти, первый воевода стольникъ Головинъ съ товарищемъ стольникомъ же Глѣбовымъ. Началось управленіе, а съ нимъ вмѣстѣ отягощенія и огромныя налоги на покоренныхъ, но не для правительства, а изъ личныхъ корыстныхъ видовъ управителей. Якутовъ тѣснили, мучили и пытали подъ предлогомъ неуплаты ясака, хотя количество требуемаго ясака не было опредѣлено, и плательщики не знали, сколько они обязаны платить. На первыхъ же порахъ, вѣроятно, при первой дѣлѣжкѣ, Глѣбовъ не поладилъ съ Головиннымъ, и между ними возникли несогласія, которыя повлекли за собою доносы ихъ другъ на друга. Покоренные пользовались такимъ благоприятнымъ случаемъ для возвращенія себѣ утраченной независимости и производили бунты и частыя набѣги на острожки. Огнестрѣльное оружіе Русскихъ, конечно, вездѣ торжествовало; Якуты были усмиряемы и забираемы въ плѣтъ. Плѣнникамъ не было никакой пощады. По приказанію Головина у Якутовъ рѣзали носы и уши, выкалывали глаза, вѣшали за ребра, закапывали живыхъ въ землю. Преданіе, сохранившееся до нашего времени въ памяти Якутовъ и Русскихъ, разказываетъ, что Головинъ въ мирное время приказалъ секретно, внутри крѣпости, сдѣлать навѣсъ на подвижные

столбах и покрыть его круглыми сирими лѣсомъ, на который толсто набросали земли, и тридцать, а по словамъ Якутовъ—триста, почетныхъ гражданъ и якутскихъ родоначальниковъ приглашены были туда на пиръ, во время котораго столбы выдвинули, и неровавшіе подъ навѣсомъ погибли мучительною смертію. Одинъ изъ преемниковъ Головина и Глѣбова, воевода Барышевъ (1675—1672 гг.), употреблялъ чуть не каждодневно смертныя казни въ различныхъ жестокихъ видахъ надъ якутскими родоначальниками, обвиняя ихъ въ набѣгахъ и заговорахъ. Говорятъ, что воевода не садился за столъ, не предавъ кого-нибудь самой ужасной смерти—четвертованію, повѣшенію и др. Въ управленіе воеводы Преклонскаго (1681—1684 гг.), былъ послѣдній такъ-называемый бунтъ Якутовъ, при чемъ также казнены нѣкоторые изъ якутскихъ родоначальниковъ. Впрочемъ Преклонскій былъ однимъ изъ лучшихъ воеводъ того времени. По сказаніямъ Якутовъ, онъ былъ необыкновеннаго роста, богатырской силы, неподражаемой военной хитрости; мечъ воеводы былъ такъ тяжелъ, что двое съ трудомъ прицѣпляли его къ перевязи, и размахивая этимъ-то мечемъ, онъ сокрушалъ несмѣтное число людей. Въ теченіе XVIII вѣка характеръ представителей русской власти въ странѣ Якутовъ смягчился; хотя тягостныя поборы взятки и т. п. существовали въ самомъ обширномъ размѣрѣ до самаго пріѣзда въ Сибирь Сперанскаго.

Всѣ эти явленія, конечно, не могли не имѣть вліянія на то понятіе, какое образовалось у Якута о мѣстной власти, и которому онъ остался вѣренъ до сихъ поръ, хотя времена теперь уже совершенно другія. Понятіе это состоитъ въ томъ, что Якутъ подъ именемъ власти разумѣетъ такую всемогущую силу, которая можетъ дѣлать все, противъ которой идти, какъ противъ судьбы, не возможно, но которая тѣмъ не менѣе можетъ ослабить свое карающее дѣйствіе, если ей, какъ злему духу, будутъ принесены своего рода жертвы. Злоупотребленія мѣстной власти Якуты ставятъ въ вину ей одной, а къ справедливости и безкористию питаютъ большое довѣріе, вслѣдствіе чего и обращаются съ жалобами къ каждому пріѣзжему изъ столицы, полагая, что онъ ближе къ высшей власти, и потому, окажетъ болѣе справедливости, чѣмъ власть мѣстная. Государя Императора Якуты называютъ Краснымъ Солнышкомъ.

До поворенія Русскими Якуты раздѣлялись на роды, изъ ко-

торыхъ каждый управлялся особымъ тоёмомъ (господиномъ). Тоёны были между собою въ безпрестанной войнѣ. Тамерь Якуты раздѣляются на улусы, а эти послѣдніе на наслеги. Улусъ составляетъ нѣсколько тысячъ душъ; наслегомъ называется нѣсколько разбросанныхъ, въ 20 или около 70 верстахъ другъ отъ друга, юрты, въ которыхъ живетъ иногда до нѣсколькихъ сотъ душъ, происходящихъ отъ одного корня, поколѣнія или рода. Лица, принадлежащія къ одному улусу, называются родовичами. Въ Якутской области считается 18 улусовъ и 231 наслегъ, въ Туруханскомъ краѣ—два рода или наслега. Улусомъ управляетъ голова; наслегомъ—староста или князекъ. Голова набирается изъ князцовъ на три года; князцы избираются безсрочно изъ народа. Название *князекъ* было причиною страннаго и ошибочнаго о нихъ мнѣнія въ Россіи. Многіе принимали ихъ за якутскихъ князей, но таковыхъ никогда не существовало. Однако нѣкоторые князцы умѣли употребить въ свою пользу такое о себѣ мнѣніе. Они завели при себѣ скороходовъ, которые предшествовали имъ, когда они выѣзжали куда-нибудь; было время, что плутни князцовъ, довели было Якутовъ до крайности: они держали бѣдныхъ въ совершенномъ рабствѣ, затрудняли имъ способнъ идти въ городъ приобрести что-нибудь работой, а чрезъ они дѣлали изъ вѣчными своими работниками. Въ настоящее время въ этомъ отношеніи послѣдовала перемена къ лучшему, и старосты стали заботливѣе къ нуждамъ и интересамъ своихъ сородичей. По инициативѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ или слѣдуя ихъ примѣру, Якуты стали болѣе заниматься разчисткою мѣстъ для сѣнокосенія и хлѣбопашества, заводятъ у себя школы для обученія грамотѣ дѣтей, болѣе сближаются съ духовенствомъ и т. д. Семейные раздоры старосты стараются улаживать посредствомъ мировой, не допуская охотниковъ тягаться до разорительныхъ процессовъ въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ.

Всѣ дѣла, какъ общественныя, такъ и незначительныя судебныя, разбираются у Якутовъ на сходкахъ. Собрать наследную сходку имѣетъ право только староста, а улусную по какимъ-либо дѣламъ—голова. Наследная сходка обыкновенно бываетъ тамъ, гдѣ живетъ староста, а улусная—гдѣ находится инородная управа. Впрочемъ сходка можетъ быть вездѣ, гдѣ находится староста и голова и во всякое время, кромѣ ночи.

По какому бы случаю сходка ни собралась, на ней председательствует всегда староста или голова. На сходкѣ дозволяется участвовать всѣмъ, кто бы они ни были, лишь бы говорили умно и законно. Если кто не можетъ говорить самъ, потому, напримеръ, что заика, тому дозволяется представить вмѣсто себя другое лицо, въ качествѣ оратора или адвоката.

Между сходками, собираемыми для обсуждения дѣлъ общественныхъ, и сходками, собираемыми для суда, нѣтъ никакого различія. На сходки по дѣламъ общественнымъ родовичи собираются только въ большемъ числѣ, особенно въ то время, когда дѣлать между собою сѣнокосныя мѣста. Это относится впрочемъ до Оленинскаго округа, гдѣ дѣлежь покосовъ имѣетъ совершенно другой характеръ, нежели въ другихъ мѣстахъ Якутской области. Здѣсь, по неизмѣннѣю сѣнокосныхъ мѣстъ въ большихъ размѣрахъ, родовичи дѣлать между собою сѣнокосныя луга ежегодно, смотря по урожаю сѣна; между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ области одинажды принятое для сѣнокоса мѣсто остается въ постоянномъ владѣніи извѣстнаго наслѣга.

За исключеніемъ важныхъ уголовныхъ преступленій (убійство, разбой, грабежь, поддѣлка фальшивой монеты), на сходкахъ разбираются вообще всѣ какъ гражданскія дѣла, такъ и дѣла по маловажнымъ проступкамъ, не влекущимъ за собою уголовныхъ наказаній.

Сходка, по распоряженію старосты, собирается десятниками которые требуютъ на нее тяжущихся или виновныхъ въ какомъ-либо проступкѣ и свидѣтелей. Если кто, безъ уважительныхъ причинъ, не явится на судъ, того штрафуютъ деньгами отъ 3 до 5 р., смотря по обстоятельствамъ дѣла, и приводятъ насильно. На судѣ говорятъ сперва истецъ или обиженный, потомъ отвѣтчикъ или обидчикъ, а за нимъ свидѣтели. Въ прежнее время, если Якутъ въ чемъ-нибудь уличался, а свидѣтелей не было, то въ такомъ случаѣ виноватаго призывали въ дорту къ старостѣ, гдѣ на огнѣ стояло уже топленое масло, а подлѣ него медвѣжьимъ голова. Обвиняемаго ставили подлѣ огня на колѣни и приказывали ему говорить слѣдующія слова: „Если я показываю ложно, то пусть масло это пройдетъ во мнѣ насквозь, и я не буду имѣть счастья въ скотѣ, а медвѣдь пусть изгрызетъ меня такъ, какъ я грызу его голову“.

Затѣмъ, посыпавъ голову пепломъ, обвиняемый выпивалъ масло и три раза кусалъ медвѣжью голову. Эта клятва считалась до того страшною, что дѣйствительно виновный ни за что не осмѣливался приступить къ ней, считая за лучшее прямо сознаться въ своемъ проступкѣ. Но теперь она вывелась изъ употребленія. По выслушаніи тяжущихся сторонъ или обиженного и обидчика, а равно свидѣтелей, при чемъ также допускаются ораторы или адвокаты, сходка произноситъ свой приговоръ о правѣ или неправѣ, о виновности или невинности извѣстнаго лица. Если при этомъ одна половина родовичей держится одного мнѣнія, а другая — другаго, то староста велитъ, чтобъ они раздѣлились и стали — одна сторона на право, а другая на лѣво. Затѣмъ начинается счетъ голосовъ, и дѣло рѣшается по большинству. Обыкновенно бываетъ такъ, что родовичи идутъ болѣе въ ту сторону, на которую склоняется староста.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ старинномъ судебномъ обычаѣ Якутовъ: Если во время пастбы скота издохнетъ по какой-либо причинѣ лошадь или корова, и если пастухъ представить хозяину шкуру издохшаго животнаго и свидѣтелей, что дѣйствительно издохло, то сходка приговариваетъ пастуха къ уплатѣ хозяину не менѣе 5 р. „за душу“ лошади или коровы, а шкуру предоставляеть ему взять себѣ.

Противъ виновныхъ своихъ членовъ община употребляетъ слѣдующія наказанія: 1) арестъ, 2) денежный штрафъ и 3) тѣлесное наказаніе розгами. Если тотъ, на кого наложенъ денежный штрафъ, не имѣетъ возможности заплатить его, то присуждается къ общественнымъ работамъ, состоящимъ въ разчиствѣ пустопорожныхъ мѣстъ подъ сѣнокосы, въ исправленіи дорогъ и мостовъ. Къ этому же наказанію присуждаются ябедники и доносчики, жалобы которыхъ оказались несправедливыми. Тѣлесное наказаніе считается самымъ тяжелымъ и навсегда обезщивающимъ того, кто ему подвергся. Къ нему обыкновенно присуждаются уже такіа лица, которыя нѣсколько разъ были замѣчены въ предосудительныхъ поступкахъ.

Въ заключеніе необходимо сказать, что русскіе обычаи не имѣютъ никакого вліянія на бытъ Якутовъ, а напротивъ, языкъ и обычаи Якутовъ во многихъ мѣстностяхъ Якутской области сдѣ-

лались всецѣло достоиніемъ Русскаго населенія. Даже въ самомъ Якутскѣ старушки нерѣдко толкуютъ между собою по якутски. Въ обществѣ, между всѣми классами, языкъ этотъ господствуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ недавно господствовалъ французскій. Нѣтъ ни одного жителя, который не зналъ бы по якутски. Да и не удивительно: въ домѣ нянька—Якутка, кухарка—Якутка, работникъ кучерь—всѣ Якуты. Дѣта, съ появленіемъ чувства слуха, поражается звуками якутскаго языка; поступая въ исправленіе обязанностей гражданина, имѣеть дѣло по большей части съ Якутами. Здѣшній житель, отъ обращенія съ ними, нечувствительно перенимаетъ всѣ ихъ обычаи и лучше говорить по якутски, нежели по русски. Простой народъ одѣвается совершенно по якутски, особенно зимою. Только въ Туруханскомъ краѣ незначительный Порохинскій родъ Якутовъ, отъ сближенія и родства съ Русскими, совершенно утратилъ свою народность и усвоилъ себѣ всѣ обычаи Русскихъ. Напротивъ того, другой родъ—Затундринскій, не только сохранилъ народность, но, какъ уже замѣчено выше, объякутилъ тунгусское племя Долгановъ.

Князь Н. Костровъ.

THE HISTORY OF THE

Faint, illegible text covering the majority of the page, likely bleed-through from the reverse side of the document.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЗАМѢТКИ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ.

ЗАМѢТКИ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ.

I.

Народные обычаи по уголовному праву.

(Докладъ, представленный И. Я. Фойницкимъ комиссіи о народныхъ юридическихъ обычаяхъ въ засѣданіи 10-го октября 1877 года).

По лестному порученію комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, я разсмотрѣлъ двѣ опубликованныя до настоящаго времени программы для собиранія уголовно-юридическихъ обычаевъ (профессора А. Ѳ. Кистяковскаго и В. Н. Майнова), и кромѣ того, программу П. С. Ефименка, обязательно доставленную мнѣ въ рукописи П. А. Матвѣевымъ. Имъ предшествовала программа, составленная еще въ 1864 году Отдѣленіемъ Этнографіи Общества. Эти предварительные труды служили для меня большимъ подспорьемъ при составленіи системы вопросовъ, которая въ сегодняшнемъ засѣданіи подлежитъ разсмотрѣнію комиссіи, и потому да позволено мнѣ будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ; чтобы не утомлять комиссію, вполне знакомую съ хорошими сторонами этихъ трудовъ, я остановлюсь преимущественно на тѣхъ положеніяхъ ихъ, съ которыми я не могъ согласиться, или которыя, по моему мнѣнію, должны быть дополнены.

Я не знаю, когда составлена программа П. С. Ефименка; во всякомъ случаѣ, она еще до сихъ поръ не опубликована и пред-

*

ставляетъ скорѣе сырой, черновой матеріалъ для составленія программы, чѣмъ программу въ строгомъ смыслѣ; вопросы въ ней не только не приведены въ общую систему, но даже не нумерованы; за то въ ней много намековъ на уголовно-юридическіе обычаи весьма важныхъ для составителя программы. Остаются затѣмъ труды профессора Кистяковскаго и В. Н. Майнова, значительно опередившіе программу, которая въ 1864 г. издана Отдѣленіемъ Этнографіи и уже признана неполною. На программѣ В. Н. Майнова, помѣщенной въ 1875 г. въ журналѣ *Знаніе* и болѣе другихъ удовлетворительной, видно уже вліяніе труда А. Θ. Кистяковскаго, который появился раньше, въ 1874 году. Честь индивидуального почина, такимъ образомъ, должна быть признана за послѣднимъ ¹⁾.

Профессоръ А. Θ. Кистяковскій, какъ показывается названіе его труда („Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“), находитъ невозможнымъ ограничивать собирателя „обычаями“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, возлагая на него и сообщеніе „народныхъ воззрѣній“. Въ основѣ эта мысль совершенно правильна. Картина обычаевъ не можетъ быть признана полною, если она не иллюстрирована тѣми народными воззрѣніями, которые поддерживаютъ существованіе опредѣленныхъ правилъ обычаевъ и даже иногда дополняютъ пробѣлы въ нихъ. Но при собираніи обычнаго матеріала, дѣломъ первой важности представляется отдѣленіе въ немъ того, что можетъ быть признано дѣйствующимъ въ народѣ юридическимъ правиломъ, отъ того, что, не имѣя значенія юридическаго правила, составляетъ лишь пожеланіе и мнѣніе народа. Между тѣмъ профессоръ Кистяковскій не различаетъ этихъ понятій въ своей программѣ (что и составляетъ ея важнѣйшій недостатокъ со стороны юридической) и ставитъ собирателя въ затруднительное положеніе вопросами: „что думаетъ народъ о томъ-то“; эта неопредѣлительная редакція особенно часто встрѣчается у П. С. Ефименка.

¹⁾ Нѣкоторое сходство между этими программами, кажется, надо объяснить тѣмъ, что пр. Кистяковскій и г. Майновъ имѣли въ виду программу для собиранія славянскихъ юридическихъ обычаевъ В. В. Богинича, первое изданіе которой появилось въ 1867 г., а второе значительно дополненное въ 1872 г.

Прим. ред.

Программа Отдѣленія Этнографіи 1864 г. отводила уголовному праву всего лишь 16 вопросовъ; программа профессора Кистяковскаго состоитъ изъ 50 вопросовъ; В. Н. Майновъ отводитъ уголовному праву 77 вопросовъ; программа П. С. Ефименка не перенумерована по вопросамъ, но гораздо обширнѣ первыхъ трехъ. Я говорю „обширнѣ“, а не „полнѣ“, потому что, послѣднее выраженіе было бы не точно, за исключеніемъ развѣ программы 1864 г.; полнѣ, не смотря на сравнительную ихъ скатость, оказываются программы А. Θ. Кистяковскаго и В. Н. Майнова, такъ какъ въ нихъ обращено вниманіе не только на отдѣльные виды преступленій, но и на общій составъ ихъ. Тѣмъ не менѣ всѣ эти программы страдаютъ многими, порою весьма существенными пробѣлами. Правиламъ обычая о различіи между покущеніемъ и совершеніемъ, а также о степеняхъ участія отводится мѣсто только у В. Н. Майнова, но и то въ самыхъ общихъ чертахъ. Весьма важные для криминалиста понятія вмѣняемости, совокупности преступленій, рецидива и давности совершенно не затронуты. Равнымъ образомъ ни въ одной изъ программъ я не нашелъ вопросовъ объ институтѣ, развитіе котораго уголовнымъ законодательствомъ всецѣло предоставлено народной жизни, и который имѣетъ самую тѣсную связь съ отравленіемъ уголовной юстиціи: я говорю о надзорѣ общества, какъ послѣдствіи важнѣйшихъ исправительныхъ наказаній, и о смыслѣ по приговорамъ обществъ. Нѣтъ также вопросовъ объ отдачѣ въ общественныя заработки и о способахъ исполненія наказаній, примѣняемыхъ народомъ. Существенный пробѣлъ составляетъ также отсутствіе вопросовъ о существѣ и органахъ карательной власти по взглядамъ и обычаямъ народа. Равнымъ образомъ и въ особенной части я нашелъ необходимымъ восполнить пробѣлы, которые замѣчены въ трудахъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ.

Профессору Кистяковскій и В. Н. Майновъ, требуя отъ собирателя отвѣты объ обычаяхъ и возрѣвнiяхъ „народа“, не говорятъ въ какомъ именно смыслѣ употребляется има это выраженіе. Г. Ефименко замѣняетъ его другимъ; онъ интересуется не народомъ вообще, а только однимъ классомъ народа, крестьянствомъ. Сошлюсь на первый же вопросъ его программы, который редактированъ слѣдующимъ образомъ: „Каковы взгляды *крестьянъ* на пре-

ступленія и проступки вообще, а также взгляды ихъ на преступниковъ". Какъ извѣстно, та же редакція была принята въ программѣ Отдѣленія Этнографіи, появившейся въ 1864 году. Но эту замѣну я не могу признать удачною, такъ какъ она совершенно не соотвѣтствуетъ задачамъ изслѣдованія обычнаго права. До извѣстной степени, и то только до извѣстной степени, она могла бы показаться правильною лишь при взглядѣ на обычное право, какъ на одну изъ историческихъ ступеней развитія русскаго правосознанія. Сельское населеніе, болѣе другихъ консервативное, бережетъ лучше преданія отцовъ и дѣдовъ, имѣя такимъ образомъ за собою всѣ преимущества лучшаго хранителя и оберегателя исконныхъ обычаевъ, вытѣсненныхъ законодательствомъ изъ среды другихъ классовъ общественныхъ. Но выступая въ роли первенствующей, крестьянство и съ этой точки зрѣнія на обычное право не можетъ претендовать на роль исключительную. Мѣщанство, не смотря на принадлежность свою къ городу, легче разрывающему связи съ прошлымъ, чѣмъ село,—духовное сословіе, не смотря на нивелирующее значеніе консисторій и высшаго духовнаго начальства, — даже купечество и мелкопомѣстное, но не чиновное дворянство,—всѣ эти классы, въ большей или меньшей степени, служатъ дѣлу развитія обычнаго права и свято оберегаютъ многія начала его; исключивъ ихъ изъ области изслѣдованія, мы вводимъ въ разработку обычнаго права совершенно произвольныя ограниченія, непонятныя тѣмъ болѣе, что тѣ же изслѣдователи находятъ нужнымъ останавливаться на обычаяхъ инородцевъ, связь которыхъ съ русскимъ обычнымъ правомъ и съ процессомъ историческаго развитія русскаго правосознанія во всякомъ случаѣ несравненно меньше, чѣмъ связь послѣдняго съ обычаями не крестьянскихъ классовъ русскаго же общества. Притомъ, едва ли можно признать правильнымъ взглядъ на обычное право только какъ на вспомогательный матеріалъ для воспроизведенія прежнихъ взглядовъ. Рядомъ съ этимъ историческимъ значеніемъ, обычное право представляетъ еще другое, несравненно большее для юриста и для этнографа — *догматическое*, какъ система юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ отдѣльно отъ законодательства и составляющихъ пробный камень законодательныхъ начинаній. А между тѣмъ безспорно, что такія нормы обычнаго права дѣй-

ствують далеко не исключительно среди крестьянъ; бесспорно, что дѣло развитія его началъ, для восполненія пробѣловъ законодательства или для устраненія не соответствующихъ жизни законодательныхъ опредѣленій, находится не только въ рукахъ земледѣльцевъ, но и въ рукахъ другихъ классовъ общества; бесспорно потому, что правильное представленіе объ обычномъ правѣ Россіи мы получимъ тогда лишь, когда привлечемъ къ изслѣдованію всю Россію, живущую обычаями, а не ту или другую только часть ея по нашему произволу. Только въ такомъ случаѣ мы можемъ стоять на твердой почвѣ, которая неминуемо ускользаетъ изъ-подъ нашихъ ногъ, какъ скоро мы пойдемъ по стезѣ произвольныхъ ограниченій понятія о народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ на точку зрѣнія программы Отдѣленія Этнографіи 1864 г., и г. Ефименна, неминуемо слѣдовало бы задаться вопросами: всѣхъ ли крестьянъ слѣдуетъ относить къ понятію „народъ“? Не нужно ли выдѣлить отсюда классъ фабричныхъ рабочихъ, какъ порвавшій уже связи съ селомъ и испорченный вліяніемъ города? Не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ изслѣдованія всѣ мѣстности, изрѣзанныя желѣзными дорогами, которыя отрываютъ народъ отъ прежняго цикла понятій? Можно ли относить въ народу крестьянъ, занимающихся отхожими промыслами и потому приходящихъ въ частыхъ столкновеніяхъ съ посторонними элементами? Этими вопросамъ при принятіи оспариваемой мною редакціи не было бы конца, и потому, высказываясь противъ нея, я понимаю подъ выраженіемъ „народъ“ всѣ вообще классы общества, уголовно-юридическая жизнь которыхъ опредѣляется не только постановленіями закона, но и правилами дѣйствующаго среди ихъ обычая.

Обычай и законъ имѣють одну и ту же основу существованія— необходимость удовлетворенія разнообразныхъ потребностей правовой жизни народа. При совершенномъ состояніи права, они дѣйствуютъ другъ подлѣ друга, взаимно пополняясь и видоизмѣняясь въ практическомъ примѣненіи. Поэтому при собираніи обычаевъ необходимо имѣть въ виду двѣ различныя стороны, въ которыхъ проявляется сила и содержаніе обычая; это 1) отиѣна и видоизмѣненіе закона обычаемъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ; такимъ образомъ, первая задача собирателя уголовно-юридическихъ обычаевъ состоитъ въ томъ, чтобы представить матеріалъ, кото-

рый выяснил бы взгляд народа на преступление и наказание по закону. Здесь ему придется иметь дело не с системой самостоятельных юридических понятий, выработанных правовую жизнью народа, а лишь с теми модуляциями, которыми подвергается уголовный закон в рефлекс народнаго мышления. Конечно, исполнение такой задачи требует от собирателя знакомства съ уголовнымъ законодательствомъ, но если собиратель самъ не юристъ, онъ легко можетъ разрѣшить представляющіяся сомнѣнія сношеніями съ судебными слѣдователями и другими представителями юстиціи въ своей мѣстности. 2) За этою задачею слѣдуетъ вторая, именно собираніе обычаевъ, вызванныхъ самостоятельнымъ развитіемъ народнаго правосознанія и создавшихъ *систему правилъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ обычнаго*, неизвѣстныхъ закону въ принимаемой народомъ формѣ.

Кромѣ этихъ двухъ задачъ, программы моихъ предшественниковъ, придерживаясь мысли Отдѣленія Этнографіи, высказанной въ 1864 году, возлагаютъ на собирателя народныхъ юридическихъ обычаевъ еще одну, именно—разрѣшеніе вопросовъ о степени распространенности того или другаго преступленія въ данной мѣстности, о причинахъ, его вызывающихъ, о способахъ его совершенія и о влияніи, производимомъ имъ на народную нравственность и народное благосостояніе. При всей важности этихъ вопросовъ, не трудно замѣтить, что они имѣютъ своимъ предметомъ *воспроизведеніе картины народной преступности и ея причинъ*, не имѣя ничего общаго съ системой уголовно-юридическихъ правилъ обычая. Всѣ такіе вопросы выдѣлены мною изъ программы по собиранію народныхъ обычаевъ. Но имѣя въ виду, что собираніе по нимъ матеріала представляетъ общій этнографическій интересъ, что этотъ матеріалъ можетъ бросить яркій свѣтъ и на нѣкоторыя правила обычая, я считъ своимъ долгомъ принять на себя редакцію, дополненіе и группировку вопросовъ и этой категоріи; они изложены мною въ III-мъ отдѣлѣ программы, подъ названіемъ: „народная преступность и ея причины“, который прилагается какъ дополненіе къ программѣ собиранія народныхъ уголовно-юридическихъ обычаевъ. Впрочемъ, если коммиссія найдетъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ, эти особые вопросы легко могутъ быть включены въ общую программу.

Считаю *небезполезнымъ* коснуться еще способа изложенія вопросовъ въ программѣ для собирателя народныхъ обычаевъ. Разсматривая труды моихъ предшественниковъ, я не могъ не замѣтить, что вопросы собирателямъ редактированы въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ, которые способны затруднить ихъ. Мастерская точность научныхъ положеній, выраженныхъ въ вопросительной формѣ профессоромъ Кистяковскимъ, нерѣдко переходитъ у почтеннаго криминалиста въ неопредѣлительность вопроса или по общности, или по сжатости его. Таковы, наприимѣръ, вопросы: „какой вообще взглядъ имѣетъ народъ на преступленіе“; „какъ смотритъ народъ на незаконное сожителство, на рожденіе ребенка внѣ брака, на прелюбодѣяніе, на вровосмѣшеніе“; „по какимъ основаніямъ народъ считаетъ необходимымъ наказывать преступниковъ“. Но выводъ общаго взгляда народнаго на преступленіе или на тѣ основанія, по которымъ народъ признаетъ наказаніе необходимыми, всецѣло принадлежитъ труду изслѣдователя обычнаго права; задача же собирателя народныхъ обычаевъ состоитъ въ представленіи возможно болѣе конкретныхъ указаній о способѣ разрѣшенія въ народномъ быту различныхъ уголовно-юридическихъ случаевъ. Въ детальной программѣ П. С. Ефименка вопросы выражены въ менѣе абстрактной формѣ, но и въ ней встрѣчаются подобные слѣдующему: „каковъ вообще взглядъ крестьянъ на убійство, грабежи, разбой, поджогъ, воровство?“ Нѣкоторое преимущество въ отношеніи редакціонномъ принадлежитъ программѣ В. Н. Майнова, хотя вполнѣ удовлетворительною признать нельзя и ее. Редакція вопросовъ для собирателя народныхъ обычаевъ, во первыхъ, должна постоянно напоминать ему, что отъ него требуются факты, а не выводы; поэтому отдѣльные вопросы должны быть изложены какъ можно болѣе конкретно; во вторыхъ, она должна поставить собирателя въ положеніе свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ народномъ быту, постоянно напоминая ему объ обязанности быть свидѣтелемъ добросовѣстнымъ и достовѣрнымъ, но стнудъ не возлагая на него въ то же время обязанности эксперта; послѣднія будутъ выполнены изслѣдователями, и это раздѣленіе труда тѣмъ болѣе необходимо, что имъ можетъ быть обезпечено участіе большаго числа лицъ въ дѣлѣ собиранія народныхъ обычаевъ;

поэтому я старался сообщить вопросам, особенно стоящим на первом мѣстѣ программы, форму личного обращенія къ собирателю обычаевъ; вторыхъ, наконецъ, при редакціи вопросовъ необходимо имѣть въ виду облегчить собирателю сношенія съ народомъ; самую лучшую редакціей была бы та, при которой вопросы программы могли бы быть прямо прочитываемы народу; но такой удобопонятности у насъ, по различію мѣстныхъ говоровъ, достигнуть трудно, и остается довольствоваться исполненіемъ этого требованія лишь отчасти.

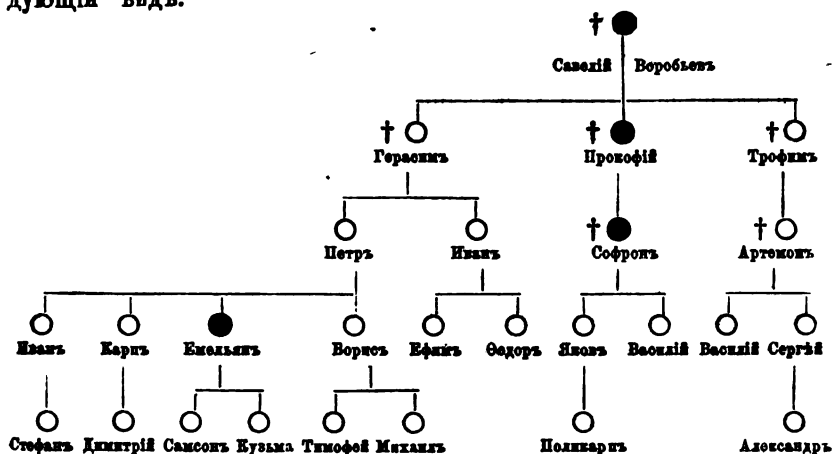
Программа профессора А. Э. Кистяковского заканчивается нѣсколькими наставленіями собирателю обычаевъ; эту мысль нельзя не признать въ высшей степени удачною, такъ какъ подобное наставленіе значительно облегчаетъ собирателя, поясняя ему, на что должно быть обращено его преимущественное вниманіе. Къ ней примыкаетъ и составленная мною программа, съ тѣмъ лишь незначительнымъ различіемъ, что я предполагалъ бы болѣе удобнымъ помѣстить обращеніе къ собирателю въ началѣ программы, а не въ концѣ ея. Представляемая мною программа, въ окончательной редакціи которой принималъ участіе мой почтенный товарищъ по университету Н. С. Таганцевъ, распадается на три отдѣла: 1) вопросы, относящіеся ко всѣмъ преступленіямъ и наказаніямъ вообще, 2) вопросы объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ преступленій, и 3) вопросы о народной преступности и ея причинахъ. Вводя это дѣленіе, я разошелся съ трудами моихъ предшественниковъ на томъ основаніи, что, по моему мнѣнію, правильная классификація понятій нужна не только при научныхъ работахъ по обычному праву, но уже при собираніи сырого матерьяла, значительно облегчая трудъ собирателя.

II.

Семейная община въ Курскомъ уѣздѣ 1).

Въ 1872 году, во время изслѣдованія кургановъ въ Курскомъ уѣздѣ, я узналъ отъ рабочихъ, что въ селеніи Воробьевѣ, Черемошенской волости, живеть семья, состоящая изъ 42 человекъ и управляемая выборнымъ старшиною.

Желаю ближе познакомиться съ устройствомъ этой семьи, я посѣтилъ село Воробьевку и узналъ тамъ слѣдующее: Сказанная семья извѣстна между сосѣдями подъ именемъ семьи Софрона; ея мужское поколѣніе въ наглядномъ изображеніи имѣеть слѣдующій видъ:

● означаетъ старшину, † умершаго.

Около 60 лѣтъ тому назадъ умеръ въ с. Воробьевѣ государственный крестьянинъ (одиндворецъ) Савелій Воробьевъ, оставив-

1) Хотя вопросъ о большой и малой семьѣ вызвалъ продолжительныя пренія въ двухъ засѣданіяхъ Отдѣленія Этнографіи (въ декабрь 1876 г. и въ январь 1877 г.), тѣмъ не менѣе почти всѣ изслѣдователи народнаго быта признають существованіе двухъ различныхъ видовъ или типовъ семьи въ крестьянскомъ быту. Это *большая* или *родовая* семья, которую г. Самовъ называетъ *семейною общиною*, и *малая* или *отцовская* семья.

шій тремъ его сыновьямъ, Герасиму, Прокофію и Трофиму, дворъ съ огородомъ, усадебное мѣсто, 50 десятинъ пахатной земли и разную движимость. По смерти отца, братья Савельичи согласились владѣть наслѣдствомъ сообща нераздѣльно и жить вмѣстѣ, поручивъ главенство въ семьѣ Прокофію Савельичу. У каждаго изъ братьевъ были дѣти мужскаго и женскаго пола; Прокофіи имѣлъ сына Софрона, Герасимъ — Ивана и Петра, и Трофимъ — Артемона. По смерти Прокофія главенство въ семьѣ перешло къ его сыну — Софрону, управлявшему дѣлами семьи около 40 лѣтъ, въ теченіе коихъ семья разрослась до 39 человекъ, между которыми было 8 супружествъ, двѣ вдовы и 21 молодыхъ людей, дѣвиць и дѣтей. Во время моего знакомства съ семьей Софрона родство между членами различныхъ боковыхъ линий было такъ отдаленно, что они могли вступать въ бракъ между собою. Всѣ Софроничи жили въ одномъ дворѣ, состоявшемъ изъ 4 избъ; въ одной изъ нихъ жилъ Софронъ съ женой и дѣтьми, а въ остальныхъ помѣщались его двоюродные братья, ихъ жены и потомки. Въ отношеніи хозяйственнаго управленія всѣ Софроничи повиновались безпрекословно распоряженіямъ Софрона и его жены. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ семейныхъ, такъ и хозяйственныхъ, Софронъ совѣтовался со всѣми взрослыми домочадцами. Самъ Софронъ очень рѣдко принималъ участіе въ хозяйственныхъ работахъ, ограничиваясь наблюденіемъ за ходомъ работъ, но его жена всегда принимала личное участіе въ работахъ женскаго пола. Не

Споръ, собственно говоря, шелъ объ установленіи терминовъ для обозначенія этихъ двухъ видовъ семьи, а не о фактѣ ихъ существованія. Сравнивая описанную г. Самоквасовымъ семейную общину и другія ей подобныя наши крестьянскія семьи съ южно-славянскою *задругой*, не смотря на значительное между ними сходство, встрѣчаемъ одно существенное различіе. Въ составъ задруги входятъ и постороннія лица, не связанные съ ея членами узамъ родства и свойства, наиримѣръ, работники; въ нашей же крестьянской семейной общинѣ или большой семьѣ этого не замѣчается. Мы извѣстны нѣсколько большихъ семей, изъ которыхъ одна описана въ напечатанныхъ въ настоящемъ томѣ Очеркахъ юридическаго быта Самарской губерніи; такимъ образомъ это заключеніе сдѣлано изъ нѣсколькихъ наблюденій (правда, недостаточныхъ для рѣшенія вопроса), а не изъ единичнаго случая. Вообще говоря, весьма желательно возможно большее число монографическихъ описаній большихъ семей, въ родѣ предлагаемаго.

Ред.

смотря на размноженіе членовъ семьи, въ періодъ управленія Софрона ея благосостояніе постоянно возрастало.

Къ концу жизни Софрона Софроничи владѣли усадьбой и 50 десятинами пахатной земли, полученными по наслѣдству; при Софронѣ въ разное время, по мѣрѣ накопленія капитала, было приобретено покупкою 109 десятинъ земли; наслѣдственная земля называлась *дядовицкой*, а благоприобретенная — *прикупиною*. Въ 1872 году, кромѣ усадьбы и пахатной земли, имущество семьи Софрона составляло 30 лошадей, 13 коровъ, 60 овецъ и 15 свиней. Заработки всѣхъ членовъ семьи поступали въ общую кассу, которая хранилась и расходовалась Софрономъ; эта касса расходовалась на приобретение сельско-хозяйственныхъ орудій, домашней утвари, одежды для отдѣльныхъ членовъ семьи, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; изъ нея выплачивались подати и нанимались рекруты, если жребій военной повинности падалъ на семью Софрона. При выдачѣ въ замужество лицъ женскаго пола семья надѣляла ихъ приданымъ, состоявшимъ изъ движимости одежды, домашнихъ животныхъ и денегъ).

За три года до моего знакомства съ семьей Софрона, ее постигло несчастье, доводомъ къ которому послужило слѣдующее обстоятельство: Одна изъ вдовъ семьи (вторая жена Артемона Трофимовича) съ малолѣтнимъ сыномъ пожелала отдѣлиться, и получивъ часть имѣнія, слѣдовавшую ей по приговору семейнаго совета, осталась этою частію недовольна, а потому обратилась съ жалобою къ г. Курносову (сначала мѣстный мировой посредникъ, потомъ мировой судья), который призналъ Софронова виновнымъ и присудилъ его къ трехмѣсячному тюремному заключенію (этотъ приговоръ былъ отмѣненъ мировымъ съѣздомъ). Приговоръ такъ подѣйствовалъ на подсудимаго, что онъ, выслушавъ его, на пути изъ домъ свой помѣшался и оставался въ состояніи помѣшательства четыре года, до смерти. Послѣ помѣшательства Софрона, помимо его братьевъ и дѣтей, старшиною семьи Софроничи избрали двоюроднаго племянника Софрона — Емельяна Петровича (отъ котораго и получены мною сказанныя слѣдствія). Емельянъ управлялъ семейными дѣлами 4½ года на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Софронъ, но не пользовался такимъ авторитетомъ, какъ послѣдній.

Въ прошедшемъ году маѣ сообщили, что вскорѣ послѣ смерти Софрона, Софроничи раздѣлились и составили 4 двора: первый дворъ составили потомки Софрона, при раздѣлѣ, получившіе 17 десятинъ родовой земли и 48 десятинъ благопріобрѣтенной; второй дворъ составили потомки Артемона отъ первой жены, получившіе родовой земли 17 десятинъ и благопріобрѣтенной одну десятину; третій дворъ составили потомки Герасима отъ сына его Ивана, получившіе родовой земли $8\frac{1}{2}$ десятинъ и благопріобрѣтенной 20 десятинъ; наконецъ, четвертый дворъ составили потомки Герасима отъ сына его Петра, получившіе $8\frac{1}{2}$ десятинъ родовой земли, и 40 десятинъ благопріобрѣтенной.

Не смотря на усилившіеся въ позднѣйшее время семейные раздѣлы въ крестьянскомъ быту, въ Курской и Черниговской губерніяхъ, въ деревняхъ и селеніяхъ, населенныхъ преимущественно бывшими однодворцами и казаками, большія семейства (состояща изъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ съ ихъ потомками, живущихъ въ одномъ дворѣ и владѣющихъ наслѣдствомъ отъ предковъ нераздѣльно, и управляемыхъ однимъ изъ выборныхъ родичей) встрѣчаются довольно часто. Такія семейства или семейныя общины имѣютъ обыкновенно два названія, изъ которыхъ одно происходитъ отъ имени настоящаго главы семейства, которому онъ повинуется, и чрезъ котораго сносятся съ волостнымъ и уѣзднымъ начальствомъ, а другое происходитъ отъ имени прежде бывшаго главы семьи, предка-родоначальника, которое сохраняется въ сосѣдствѣ, не смотря на смерть родоначальника и перемѣну главы семьи. Первое названіе употребляется во всѣхъ официальныхъ случаяхъ, на примѣръ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ по поводу податей и повинностей; второе названіе, неофициальное, называется *уличнымъ* и сохраняется въ сосѣдствѣ.

Въ періодъ управленія Емельяна описанная семья официально называлась именемъ семьи Емельяна, а въ околотѣ извѣстна была подъ именемъ семьи Софрона. Софроничами назывались всѣ лица, состоявшія подъ управленіемъ Софрона, хотя большинство этихъ лицъ приходилось Софрону не дѣтьми или внуками, а братьями и племянниками.

Мѣстные старожилы-помѣщики увѣряютъ, что участвовавшіе въ послѣдніе 15—20 лѣтъ семейные раздѣлы между крестьянами со-

ставляютъ собою „новую моду“, въ крестьянскомъ быту очень вредно отражающуюся на экономическомъ состояніи крестьянскаго сословія.

Варшава. 29-го мая 1877 года.

Д. Саможвасовъ.

III.

Самосуды у крестьянъ Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Въ средѣ крестьянъ Чистопольскаго уѣзда ¹⁾ существуетъ обычай самовольно наказывать воровъ и другихъ преступниковъ и лишь послѣ этой расправы предавать ихъ въ руки правосудія. Въ исполненіи такого наказанія принимаютъ участіе не только потерпѣвшіе отъ преступленія, но и другіе крестьяне, и даже сельскія власти. Самосудъ производится такимъ образомъ:

Винновнй въ воровствѣ, и притомъ вещей не крупныхъ, если онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, обыкновенно выводится на средину улицы; здѣсь ему вѣшаютъ на шею украденныя вещи, даже мелкій скотъ, какъ напримѣръ, телятъ, поросятъ, овецъ, козъ и проч. (конечно, по одной штукѣ), и въ такомъ видѣ ведутъ по улицѣ, при чемъ каждый изъ толпы, состоящей иногда до 50 человекъ, имѣетъ право наносить виновному удары по какой угодно части тѣла; преимущественно однако бьютъ по шеѣ сзади, такъ что не извѣстно—кто бьетъ вора. Ведутъ виновнаго тихо, чтобы, какъ говорятъ крестьяне, посрамить его при всемъ честномъ народѣ, чтобы всѣ знали вора. Когда виновный отъ ударовъ ослабѣетъ, то начинаетъ просить своихъ судей о пощадѣ, но жалобы его бывають напрасны, пока процессія не обойдетъ всей улицы. Стоящая на улицѣ толпа народа поощряетъ бьющихъ. „Хорошенько

¹⁾ Подобные случаи самосуда, по словамъ г. Соловьева, встрѣчаются также въ Вятской и Нижегородской губерніяхъ. Впрочемъ это—не мѣстное явленіе названныхъ губерній; такой же самосудъ практикуется и во многихъ другихъ мѣстностяхъ какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ.

Ред.

его, мошенника! Такъ его, такъ!" восклицаетъ толпа, когда видитъ кого-нибудь изъ судей, усердно колотящаго виновнаго. Наконецъ виновный, выбившись изъ силъ, падаетъ. Двое изъ судей берутъ его подъ руки и еле живаго тащатъ на себѣ далѣе, по врежнему предоставляя его на жертву побоямъ.

Послѣ такого обхода всей деревни, вора буквально тащатъ или въ волостное правленіе, если оно недалеко, или къ сельскому старостѣ. Послѣдній или волостной старшина обыкновенно являются сами на мѣсто экзекуціи. Судьи самосуда тотчасъ же останавливаютъ шествіе и даютъ дорогу своему непосредственному начальству къ виновному. „Вотъ я его отдаю въ свои руки“, говоритъ начальство и лично принимаетъ участіе въ экзекуціи.

Наконецъ, староста или старшина кричитъ: „Будетъ, ребята, бить, а то пожалуй на смерть, мошенника, забьемъ, тогда отвѣчать за него придется“. Витье прекращается, и жертву тащатъ подъ арестъ, гдѣ и оставляютъ за крѣпкимъ карауломъ. Нерѣдко бывали такіе случаи, что на утро въ арестантской находили трупъ положеннаго въ нее вора; бываетъ иногда и такъ, что виновнаго убиваютъ во время экзекуціи.

Если воръ остается живъ, то его обыкновенно держать подъ арестомъ нѣсколько дней, пока онъ не оправится отъ побоевъ, чтобы никакихъ знаковъ на немъ не было видно. Послѣ того передаютъ вора изъ руки власти. При слѣдствіи весьма трудно обнаружить обстоятельства такого истязанія вора, потому что не только крестьяне, но даже церковнослужители деревни, гдѣ происходилъ самосудъ, обыкновенно не хотятъ показывать противъ лицъ, участвовавшихъ въ немъ, то-есть, всей деревни. Не желая ссориться съ крестьянами, церковный причетъ говоритъ по такому дѣлу, что ему ничего не извѣстно: ничего молъ не выдали и не слышали.

Когда поймаютъ конокрада, то увраденную имъ лошадь, обыкновенно ведутъ за нимъ во время совершенія вышеописанной экзекуціи¹⁾.

То же наказаніе употребляютъ судьи-крестьяне относительно

¹⁾ Самосуды обыкновенно имѣютъ мѣсто при поимкѣ вора съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія.

крестьянина, пойманнаго въ прелюбодѣяннн. Въ дѣлахъ этого рода до суда доходить весьма рѣдко, развѣ въ томъ случаѣ, если при самосудѣ забили виновнаго до смерти, или если крестьянинъ, пойманный въ прелюбодѣяннн, не ублаготворилъ своихъ судей и потерпѣвшихъ родственниковъ въ лицѣ отца и матери дѣвицы водкой, деньгами или согласіемъ взять дѣвушку за себя замужъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что крестьяне смотрятъ на послѣдній родъ преступленія гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на грабежъ и вражу, особенно если прелюбодѣемъ оказался молодой крестьянинъ. Обыкновенно о немъ снисходительно говорится: „По младости лѣтъ согрѣшилъ“. Но не смотря на такое снисходительное отношеніе, поколотить виновнаго считаютъ нелишнимъ и даже необходимымъ, и притомъ поколотить непременно публично, въ виду всѣхъ жителей села.

Казань.

6-го іюня 1875 года.

Иванъ Соловьевъ.

IV.

Судья-земля.

Обычай, существующій въ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи.

Сѣнокосныя крестьянскія земли у каждаго домохозяина или составляютъ совершенно отдѣльный кругъ, или находятся въ смежности съ сѣнокосами сосѣдей. Пограничную черту смежныхъ сѣнокосовъ указываютъ то протекающіе ручьи и рѣчки, то небольшіе кустарники, а нерѣдко и камни, едва видныя изъ травы. Случается, что хозяева двухъ смежныхъ поженъ, забывъ граничную черту, или просто въ видахъ захвата части чужаго сѣнокоса, заводятъ споръ о границѣ. Одинъ хозяинъ утверждаетъ: „мнѣ слѣдуетъ косить вотъ до тѣхъ и тѣхъ кустиковъ или камешковъ“, а сосѣдь оспариваетъ: „нѣтъ, не до тѣхъ, а вотъ до такихъ-то кустиковъ или камешковъ“. Для разрѣшенія спора, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Каргопольскаго уѣзда выбираютъ въ судьи между собою *мать сыру землю*. Одинъ изъ спорщиковъ говоритъ другому: отдѣль III—2

„пусть разсудит насъ мать сыра земля“. Если на это послѣдуетъ согласіе другого спорщика, то одинъ изъ нихъ вырываетъ кусокъ дерна съ землею, полагаетъ его на голову и идетъ по тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, должна быть дѣйствительная граничная межа повосовъ. Если при этомъ несущій на головѣ землю, при обходѣ граничной межи и захватитъ край пожни сѣсѣда, съ которымъ ведетъ споръ, послѣдній не обижается и добровольно отдастъ своему противнику всю обойденную имъ землю, приговаривая только, крестясь: „Съ Богомъ! Бери, чѣд обошелъ: такъ разсудила насъ мать сыра земля!“

Учитель Рѣчно-Георгиевскаго сельскаго училища Г. Соколовъ.

V.

Замѣтка къ предшествующей статьѣ.

Обычай обходить спорную межу съ кускомъ земли или дерна на головѣ—весьма древній, идущій изъ глубокой старины. Вообще земля или дернъ имѣли символическое значеніе при передачѣ владѣнія землей и рѣшеніи споровъ о землѣ. Въ сѣверно-русскихъ купчихъ XIV, XV и XVI столѣтій; напечатанныхъ въ издаваемыхъ Археографическою Коммиссіей Актахъ Юридическихъ, упоминается объ особомъ обрядѣ, довершавшемъ передачу владѣнія землей или такъ называемый *загодъ* или *отводъ* земли, совершавшійся — судя по выраженію актовъ: „продать земли въ *дернъ* или *одеренъ*“ — посредствомъ символическаго употребленія земли и дерна¹⁾.

Въ писцовыхъ книгахъ, данныхъ Сольвычегодскому монастырю на пожни и покосы 7153 (1625) г., упоминается о такомъ же способѣ рѣшать споры о межѣ; именно, когда у служки Коряжемскаго монастыря Олешки Сергѣева былъ споръ о пожнѣ передъ

¹⁾ См. изслѣдованіе проф. П. Капмыкова: „О символическѣ права вообще и русскаго въ особенности. С.-Петербургъ. 1839. Книжная ярлысть Нарепольда Ивана Меженикова 1568 г., напеч. въ Актахъ Юридическихъ подл. № 86; Новгородскія купчія XIV и XV вв.—тамъ же, № 71.

писцами съ крестьяниномъ Окиноенцомъ Болакшинымъ, „а вѣрностной никто на ту землю не положилъ, и въ томъ имъ данъ судъ и съ суда имъ *учинена вѣра*, и отвѣтчикъ Окиноенко *далъ истцу Олешкѣ на душу*. И Олешка, *положа земли себѣ на голову*, отвелъ той *пожити межи*“. Ниже въ той же писцовой книгѣ записано: „Да у тое жѣ деревни Погорѣлки судъ былъ передъ писцы у старцевъ Коряжемскаго монастыря съ крестьяниномъ Пачезерскія волости съ Ероѣенкомъ Шелешевымъ о спорной землѣ, что межъ тѣхъ деревень, о сѣнномъ перекося, и въ томъ спорномъ мѣстѣ розвести ихъ нѣчимъ, и съ суда *дана имъ вѣра*; и отвѣтчикъ Ероѣенко въ томъ *далъ на душу* старцамъ и слугамъ; и монастырской служка Пронька Михайловъ, *положа земли на голову*, ту спорную землю *обвелъ* и межу имъ впередъ учинили, куда *шолъ* Пронька Михайловъ“.

Этотъ любопытный обычай, сохранившійся до сихъ поръ, какъ видно изъ сообщенія г. Соколова, въ одномъ изъ уѣздовъ Олонецкой губерніи, было преимущественно распространено въ сѣверныхъ областяхъ, входившихъ въ составъ Великаго Новгорода. Но есть указаніе, хотя и не основанное на историческихъ и юридическихъ актахъ, на существованіе этого обычая и въ средней полосѣ. Именно извѣстный изслѣдователь нашей старины М. Н. Макаровъ ¹⁾ говоритъ, что онъ видѣлъ близъ г. Сапожка, въ Рязанской губерніи, простолюдина, который, споря о принадлежности ему луга, „вырѣзалъ дернину, положилъ ее себѣ на голову, и оградясь крестомъ, клялся передъ спорящими и свидѣтелями, что если покосъ не принадлежитъ ему, тогда сама мать родная земля прикроетъ его на вѣки“.

Въ настоящее время этотъ обычай въ указанной формѣ, сколько мнѣ извѣстно, не сохранился въ центральныхъ губерніяхъ, или точнѣе говоря, встрѣчается тамъ въ измѣненной формѣ: спорную межу обходятъ съ иконой. Указаніе на такой обходъ межи мы встрѣчаемъ въ Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, гл. X, статьи 236 и 237.

Весьма было бы желательно знать, на сколько распространены обычай, описанный г. Соколовымъ, въ другихъ мѣстностяхъ сѣ-

¹⁾ Въ статьѣ: Древнія и Новыя божбы, клятвы и присяги русскія, въ *Трудахъ Общества Ист. и Древн. Росс.*, ч. IV, кн. I. Москва, 1828.

вернаго края Россіи, который, какъ извѣстно, лучше другихъ умѣлъ сохранить преданія и обычаи старины.

Вобщемъ отдѣль о доказательствахъ, практикуемыхъ народнымъ судомъ, обработанъ менѣе другихъ частей нашего народнаго юридическаго быта, и потому весьма желательно, чтобы наши собиратели юридическихъ обычаевъ обратили на него должное вниманіе. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ членомъ Географическаго Общества Г. К. Властовымъ, имѣвшимъ полную возможность близко изучить народный бытъ Грузіи во время продолжительной своей службы въ этомъ краѣ, обычай обходить спорную межу съ дерномъ на головѣ извѣстенъ и въ Грузіи, гдѣ къ нему часто прибѣгаютъ.

II. Матвѣевъ.

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

П Р Е Д И С Л О В І Е.

Со времени изданія первой программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, выработанной Отдѣленіемъ Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, то-есть, съ 1864 года, прошло болѣе десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ изученіе народнаго юридическаго быта сдѣлало значительные успѣхи.

Изученіе юридическихъ обычаевъ началось у насъ давно: въ общей программѣ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, изданной Географическимъ Обществомъ въ 1847 году, уже намѣчено для нихъ мѣсто въ рубрикѣ объ особенностяхъ общественнаго быта, а частные изслѣдователи и собиратели занимались этимъ предметомъ еще гораздо ранѣе. Путешественники XVIII вѣка, каковы напримѣръ, И. И. Лепехинъ ¹⁾ и П. С. Палласъ ²⁾, уже обращаютъ вниманіе на особенности общественнаго быта нашихъ инородцевъ и сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о ихъ юридическихъ обычаяхъ; еще болѣе данныхъ этого рода мы находимъ въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ, которые иногда посвящали юридическимъ обычаямъ цѣлыя моно-

¹⁾ Дневныя Записки путешествія И. Лепехина, изд. 2-е: С.-Пб. 1796—1806 г., 4 части.

²⁾ Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи С.-Пб. 1777 г., 4 тома.

графіи (таковы: М. Н. Макарова: Древнія и новыя клятвы и присяги русскія; И. М. Снегирева: Обзорніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской народной жизни, В. В. Тарновскаго: Юридическій бытъ Малороссіи, въ *Юридическихъ Запискахъ*, изд. П. Г. Родкина, 1842 г. и др.), но чаще касались этого предмета въ небольшихъ замѣткахъ разсѣянныхъ по различнымъ изданіямъ, въ особенности провинціальнымъ.

Въ сороковыхъ годахъ устраненіе отставныхъ солдатъ, по существующимъ въ крестьянскомъ быту обычаямъ, отъ участія въ наслѣдствѣ послѣ ихъ родныхъ возбуждало съ ихъ стороны жалобы, которыя не мало затрудняли бывшія Палаты Государственныхъ Имуществъ по неизвѣстности на этотъ предметъ прямыхъ указаній закона; вслѣдствіе того и былъ возбужденъ вопросъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Управлявшій тогда Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ графъ П. Д. Киселевъ нашелъ, что такого рода дѣла должны рѣшаться по обычаямъ, и вслѣдствіе того въ 1847 году было предписано нѣкоторымъ, а вслѣдъ затѣмъ и всѣмъ палатамъ — доставить обстоятельныя свѣдѣнія, по составленной въ Министерствѣ программѣ, о порядкѣ наслѣдованія и раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ. Свѣдѣнія эти, доставленныя палатами въ теченіе 1848 и 1849 годовъ изъ 44 губерній, послужили матеріаломъ для любопытной статьи по сему предмету О. Л. Барыкова въ *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ* 1862 года.

Но прочную основу собраніе и изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ получаетъ лишь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за крестьянскою реформой 1861 года, придавшею юридическимъ обычаямъ живое практическое значеніе; съ этого времени начинаютъ ими заниматься юристы наравнѣ съ этнографами. Когда созрѣла мысль о систематизированіи собранія обычаевъ, она осуществилась сперва въ Кіевѣ, въ 1863 году: г. Стояновъ, редакторъ *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣ-*

домостей, напечатавъ въ этомъ изданіи довольно подробную и обстоятельную программу южно-русскаго обычнаго права (№ 32), но она ограничивалась только областью гражданскаго права и состояла всего изъ двухъ отдѣловъ: 1) союзъ семейный и 2) право на чужую вещь. Въ слѣдующемъ 1864 году *Архангельскія Губернскія Вѣдомости* издали свою программу по образцу Кіевской, но расширенную, такъ что ихъ программа состояла ужъ изъ трехъ отдѣловъ: къ вышеуказаннымъ отдѣламъ прибавленъ былъ третій — общественное устройство и управленіе. Въ этомъ же году Отдѣленіе Этнографіи Географическаго Общества, по инициативѣ предсѣдательствовавшаго д. чл. Н. В. Калачова, составило и издало свою извѣстную программу для собранія юридическихъ обычаевъ. То былъ первый опытъ начертать полную систему обычнаго права; цѣль эта не была однако достигнута названною программой вполне, такъ въ нее хотя и было введено уголовное право, но за то были упущены такіе вопросы, какъ народныя воззрѣнія на государство и международныя отношенія, и что еще важнѣе — не обращено было вниманія на народныя обычаи, касающіеся поземельной общины, ея устройства и возникающихъ изъ нея юридическихъ отношеній.

Въ это же время народныя юридическіе обычаи стали предметомъ научныхъ изысканій и у другихъ славянскихъ народовъ, въ Россіи. Именно въ 1865 году вышла въ свѣтъ обширная программа для собранія южно-славянскихъ народныхъ обычаевъ извѣстнаго юриста профессора В. В. Богинича, которая значительно расширила рамки изученій въ области народнаго юридическаго быта и указала нашимъ изслѣдователямъ новыя цѣли и задачи ¹⁾.

¹⁾ Эта программа первоначально напечатана въ 1865 г. по сербски латинскимъ алфавитомъ въ одномъ изъ издающихся въ Загребѣ журналовъ, а въ 1870 году перепечатана кириллицей. Кромѣ того, она издана по мажороссійски львовскою газетою *Правда*, и сверхъ того есть переводы ея на языки чешскій и болгарскій. Эта программа извѣстна въ ученой литературѣ какъ нѣмецкой, такъ и французской.

Издание программы Отдѣленія Этнографіи совпало съ введеніемъ у насъ судебной реформы, когда все вниманіе юристовъ было отвлечено въ эту сторону; тѣмъ не менѣе, эта программа произвела замѣтное движеніе въ разработкѣ нашего обычнаго права и вызвала на это поприще не мало новыхъ дѣятелей, изъ коихъ достаточно указать П. С. Ефименка, изслѣдователя юридическаго быта Архангельскаго края, издавшаго въ 1869 году прекрасный сборникъ тамошнихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, и въ позднѣйшее время князя Н. А. Кострова, изслѣдователя юридическаго быта Томской губерніи ¹⁾.

Снаряженная Географическимъ Обществомъ этнографическо-статистическая экспедиція въ Западно-Русскій край обратила, по инициативѣ П. П. Чубинскаго, серьезное вниманіе на народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ и посвятила этому предмету въ 1872 году VI-й томъ своихъ Трудовъ. Въ этотъ томъ вошли рѣшенія 82 судовъ изъ губерній Юго-западнаго края, разработанныя и приведенныя въ порядокъ по гражданскому праву П. П. Чубинскимъ, а по уголовному праву пр. А. Ѳ. Кистяковскимъ, при чемъ тотъ и другой предположили изложенію рѣшеній волостныхъ судовъ обстоятельныя изслѣдованія, первый — краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній, а второй: „Волостные суды, ихъ исторія, практика и настоящее положеніе“. Напечатанныя въ этомъ сборникѣ рѣшенія волостныхъ судовъ снабжены указателемъ, весьма старательно составленнымъ П. А. Гильтебрандтомъ.

Въ 1872 г., по Высочайшему повелѣнію вслѣдствіе доклада Министра Юстиціи, предпринято болѣе обширное изслѣдованіе положенія волостныхъ судовъ особою комиссіей, состоявшею подъ предсѣдательствомъ сенатора М. Н. Любоцинскаго изъ чиновъ Министерства Юстиціи и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Эта комиссія, изслѣдовавъ въ теченіе лѣта 1872

¹⁾ См. его брошюру: Юридическіе обычаи крестьянъ-старожилъ Томской губерніи. Томскъ, 1876 г.

года положеніе волостныхъ судовъ въ 15 губерніяхъ различныхъ полось Имперіи, и притомъ не только какъ судебного учрежденія вообще, но и какъ суда по народному обычаю, дала массу матеріаловъ для обычнаго права, заключающагося въ шести томахъ своихъ Трудовъ ¹⁾. Наиболье цѣнную часть этого изданія, съ точнѣнрвнїа изслѣдователя обычнаго права, представляетъ обширное собраніе рѣшеній волостныхъ судовъ. Эти матеріалы, изданные комиссіей въ сыромъ и не обработанномъ видѣ, стали предметомъ цѣлаго ряда монографическихъ работъ, изъ которыхъ мы укажемъ статью А. С. Ефименко: „Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ“ (по матеріаламъ I-го тома Трудовъ комиссіи: Тамбовская губернія) въ журналѣ *Знаніе* за январь 1874 г., — г. К. Чепурнаго: „Къ вопросу о юридическихъ обычаяхъ: устройство и состояніе волостной юстиціи въ Тамбовской губерніи“ въ *Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ* за 1874 г., и наконецъ, прекрасную статью г. Оршанскаго въ *Журналъ Гражданскаго Права* за 1875 годъ: „Народный Судъ и Народное Право“. Въ настоящемъ 1877 году матеріалы помянутой комиссіи по отношенію къ гражданскому праву въ полномъ объемѣ получили систематическую научную обработку въ трудѣ профессора С. В. Пахмана: „Обычное Гражданское Право въ Россіи, юридическіе очерки, т. I. Томъ этотъ обнимаетъ: собственность, обязательства и средства судебного охраненія. Второй томъ будетъ посвященъ семейнымъ правамъ, наслѣдству и опекаѣ.

Благодаря такому развитію изслѣдованій о нашемъ обычномъ правѣ за послѣднія десять лѣтъ, программа, изданная Географическимъ Обществомъ въ 1864 году, не смотря на всея достоинства, значительно устарѣла. Поэтому учрежденная при Отдѣленіи Этнографіи комиссія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, въ засѣданіи своемъ 17-го февраля 1876 года, по выслушаніи доклада своего предсѣдателя Н. В. Калачова, что

¹⁾ VII-й томъ Трудовъ Комиссіи заключаетъ въ себѣ письменные отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ о волостныхъ судахъ.

всѣ экземпляры программы 1864 года разошлись, единогласно постановила составить и издать новую программу. Сообщенная комиссіи программа В. Н. Майнова, основанная на программѣ В. В. Богишича и на матеріалахъ для программы, присланныхъ въ Географическое Общество П. С. Ефименкомъ, также не могла быть признана комиссіей вполне удовлетворительною¹⁾. Вслѣдствіе того, комиссія поручила мнѣ войти въ сношеніе съ г. Ефименкомъ объ окончательномъ представленіи имъ въ распоряженіе Отдѣленія Этнографіи его матеріаловъ для программы, и затѣмъ—принять мѣры къ заготовленію матеріаловъ для составленія новой программы.

Въ засѣданіи комиссіи 28-го сентября 1876 года, по выслушаніи моего доклада по этому предмету комиссія въ виду того развитія, которое за послѣднее время получило обычное право, признала необходимымъ раздѣлить трудъ составленія всей программы между нѣсколькими лицами и вѣсть съ тѣмъ постановила: возложить на меня составленіе проекта новой программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ по гражданскому праву на основаніи матеріаловъ П. С. Ефименка.

Изготовленный мною въ январѣ мѣсяцѣ текущаго 1877 года проектъ программы по гражданскому праву былъ напечатанъ и внесенъ на разсмотрѣніе комиссіи, которая посвятила обсужденію его особое засѣданіе, и послѣ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній одобривъ его въ общихъ основаніяхъ, постановила: отпечатать этотъ проектъ въ видѣ программы по гражданскому праву отъ моего имени и съ тѣми измѣненіями, которыя я признаю нужными въ немъ сдѣлать, съ тѣмъ чтобы второе изданіе этой программы, обработанное при участіи всей комиссіи, вошло въ составъ общей программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, которая будетъ издана комиссіей уже непосредственно отъ ея имени.

Членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Павелъ Матвѣевъ.

С.-Петербургъ.
25-го Мая 1877 года.

¹⁾ Программа г. Майнова напечатана въ журналѣ *Знаніе* за 1875 годъ, № 4.

Программа для собиранія Народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Гражданское право.

А. Союзъ родовой и семейный.

1. Какое понятіе имѣетъ народъ о *родствѣ* вообще? Знаетъ ли онъ различіе между кровнымъ родствомъ и свойствомъ—двухроднымъ и трехроднымъ? Какое понятіе у народа о духовномъ родствѣ, усыновленіи, побратимствѣ? Какія вытекаютъ отношенія изъ кумовства между духовными и плотскими родителями и воспринятыми и ихъ родственниками? Въ какихъ случаяхъ берутъ въ кумовья перваго встрѣчнаго?

Какъ заключается братанье, и какія изъ него вытекаютъ отношенія между побратавшимися? Существуетъ ли посестріе? Существуетъ ли обычай кумиться между женщинами въ опредѣленный праздникъ или при совершеніи извѣстныхъ поминовъ и какими обрядами сопровождается? ¹⁾

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ указать— различается ли кровное родство по мужской и женской линіи, а также на всѣ существующія въ народѣ дѣленія родства и свойства, напримѣръ, родство по крови, по молоку и проч.

2. Имѣетъ ли народъ понятіе о степеняхъ, линіяхъ и колѣнахъ родства и свойства, и какъ онъ ихъ опредѣляетъ?

3. Какія въ данной мѣстности существуютъ слова для обозначенія родства и свойства вообще (*родъ, родня, корень свой, сродственникъ*), и въ частности родства и свойства между от-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается указаніе на существованіе такъ называемыхъ *куръячьихъ братчипъ*. Въ Котельничскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи вдовушки кумятся *натрапезъ троецымядниципъ*. Этотъ любопытный обычай обнаруженъ и записанъ пока только въ этой мѣстности.

дѣльными лицами (*деверь, шурикъ, влезень, зятевья, золовки, свотка, сватъ, дядина, двоюродники, крестовый братъ* и т. д.)?

Примчаніе. Желательно имѣть родословную таблицу, составленную изъ народныхъ названій родства и свойства. Каковы взаимныя отношенія между родней вообще, и въ чемъ они проявляются (въ радушномъ приѣмѣ, почетномъ мѣстѣ во время гостыи, участіи въ семейномъ совѣтѣ, оказаніи матеріальной помощи и т. д.)?

4. Какія существуютъ въ народѣ повѣрья и сказанія объ участіи судьбы въ *брактѣ*? Какія извѣстны повѣрья и сказанія о тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые умерли до вступленія въ *бракъ*? Бываютъ ли въ народѣ случаи безбрачія, какъ часты и по какимъ причинамъ?

5. Какими побужденіями руководствуются при заключеніи браковъ, т. е. имѣются ли въ виду только взаимное влеченіе брачущихся или также и хозяйственныя соображенія, на примѣръ, недостатокъ въ работницахъ? Какія качества особенно цѣнятся въ невѣстѣ, т. е. дородство ли ея, способность ам въ работѣ, нравственныя ли качества — непорочность въ смыслѣ соблюденія дѣвственности, послушливость, имущественный достатокъ и т. д.? Какія существуютъ на этотъ счетъ пословицы и поговорки (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ: *выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по родамъ*)?

6. Въ какихъ степеняхъ родства и свойства вступаютъ въ бракъ, и въ какихъ браки воспрещаются народною совѣстью? Чѣмъ руководствуются въ этихъ случаяхъ для опредѣленія дозволительности или грѣховности брака? Какую роль тутъ играетъ духовное родство: кумовство, братанье (побратимство) и уснивленіе? Могутъ ли приемныя вступать въ бракъ, въ крестьянскомъ семействѣ, съ принявшими ихъ лицами, а равно и съ дѣтми послѣднихъ?

7. Не распространяется ли запрещеніе браковъ, по народнымъ понятіямъ, на однофамильцевъ, жителей одного и того же села, обитателей извѣстной мѣстности, лицъ извѣст-

ной національности или принадлежащих известной религиозной сектѣ? Допускаются ли обычаемъ браки между православными и раскольниками, и притомъ съ чьей стороны болѣе препятствій къ такимъ бракамъ—со стороны ли православныхъ или раскольниковъ?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскіе парни, приходящіе погулять съ дѣвушками въ чужую деревню, должны предварительно угостить водкой мѣстныхъ парней, и кромѣ того, домохозяинъ можетъ не пускать дѣвушекъ на вечеринки, говоря, что онѣ гуляютъ съ чужими парнями.

8. Въ какомъ возрастѣ крестьяне преимущественно вступаютъ въ браки, и почему именно предпочитается этотъ возрастъ? Существуетъ ли обычай не отдавать дѣвушекъ замужъ, пока она не пробудетъ въ домѣ известное число лѣтъ работницей? Не сохранилось ли преданій, что въ прежнее время соединяли бракомъ малолѣтнихъ? Наблюдается ли при выдачѣ дочерей замужъ очередь, т. е., младшую не выдаютъ ранѣе замужества старшей? Соблюдается ли отношеніе между лѣтами жениха и невесты?

9. Нужно ли для брака родительское разрѣшеніе и благословеніе, и въ какой формѣ оно проявляется? Требуется ли согласіе и благословеніе наибольшаго (большака, домохозяина), когда онъ не отецъ вступающихъ въ бракъ, или большухи, когда она не мать, или вотчина, мачихи или другихъ ближайшихъ родственниковъ, а также воспитателей, опекуновъ, попечителей, хозяевъ, мастеровъ и т. д.?

10. Бываютъ ли браки уходомъ или убѣгомъ, т. е., тайные, безъ согласія и вѣдома родителей? Почему бываютъ такіе браки, какъ они называются и чѣмъ отличаются отъ браковъ добромъ или обыкновенныхъ? Какіе обряды совершаются при бракахъ убѣгомъ? Какія послѣдствія браковъ, совершаемыхъ *дѣйствительно* безъ согласія родителей, и какъ поступаютъ

въ такихъ случаяхъ родители, приносятъ ли жалобы, требуя наказанія дѣтей, лишаютъ ли наслѣдства и т. д.?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Шадринскомъ уѣздѣ, браки *убтомъ* совершаются во избѣжаніе расходовъ, сопряженныхъ съ брачнымъ иршествомъ, т. е., убѣгъ невѣсты дѣлается только для видности, ради экономіи, и притомъ съ вѣдома и согласія родителей невѣсты; въ другихъ мѣстахъ, на Волгѣ напримѣръ, не рѣдки случаи, что дѣвушка изъ раскольничьяго толка, выходя замужъ за православнаго, бѣжитъ изъ родительскаго дома, также только для видности, съ вѣдома и согласія отца и матери, чтобы старикамъ не стыдно было передъ своими, что выдали дочь за мужа другой вѣры и тѣмъ обнаружили холодность къ своей. Поэтому здѣсь слѣдуетъ различать браки дѣйствительно совершаемые безъ вѣдома и согласія родителей отъ вышеуказанныхъ.

11. Какъ поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у жениха и невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, или когда они — круглые сироты, и нѣтъ ни отчима, ни мачихи, которые могли бы заступитъ ихъ мѣсто? Какія отношенія устанавливаются въ этихъ случаяхъ между благословенными родителями и дѣтьми? Передъ совершеніемъ браковъ не созываются ли семейные и родственные совѣты, и въ какихъ случаяхъ это дѣлается?

12. Бываютъ ли браки безъ обоюднаго предварительнаго согласія брачующихся, а по соглашенію лишь родителей, и какъ часто? Не бываетъ ли предварительнаго соглашенія родителей относительно браковъ малолѣтнихъ дѣтей? Бываетъ ли противодѣйствіе со стороны дѣтей, и прибѣгаютъ ли родители въ такихъ случаяхъ къ принужденію (напримѣръ, не бываетъ ли въ такихъ случаяхъ отказовъ и какихъ-либо заявленій при самомъ обрядѣ вѣнчанія въ церкви)?

Какое вообще вліяніе имѣютъ подобные браки на семейную жизнь, нравственность сунруговъ и матеріальный ихъ бытъ?

Не бываетъ ли случаевъ, чтобы само общество, т. е., міръ, принуждало ко вступленію въ бракъ?

13. Какого рода условія заключаются предъ бракомъ, словесныя или письменныя (о залогѣ, неустойкѣ, дарахъ, сва-

дебныхъ расходахъ, приданомъ или платѣ за невѣсту (*кладка*)¹⁾, времени свадьбы и т. п.), а также не дѣлается ли особнхъ условий при бракѣ вдовъ, напримѣръ, относительно ихъ дѣтей, имущества и уплаты податей за умершаго мужа? Нѣтъ ли обыкновенія брать съ жениха выводныя деньги, когда невѣста выходитъ замужъ въ другое общество или деревню?

Если женихъ или его родители уплачиваютъ невѣстѣ или ея семьѣ известную сумму за полученіе невѣсты, то какъ велика бываетъ эта плата и къ кому поступаетъ въ собственность, т. е., самой ли невѣстѣ, всей ли семьѣ или хозяину дома, или матери невѣсты, ея холостныя братья и незамужнимъ сестрамъ?

14. Если женихъ или невѣста отказываются почему-либо отъ вступленія въ бракъ, то взыскивается ли за это неустойка, кладка, расходы и убытки, причиненные створомъ? Не платится ли въ такихъ случаяхъ за безчестье, и не приговариваютъ ли крестьянскіе суды виновныхъ въ отказѣ къ какимъ-либо другимъ наказаніямъ?

15. Въ какое время года и въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ наиболѣе свадебъ, въ какомъ числѣ и почему?

Примчаніе. Здѣсь желательно указаніе на существующія въ народномъ быту поговорки: *на пестрой *) жениться — съ бядой породиться; въ мазъ жениться — весь отъ мазаться; кто на казанской женится, счастливыъ бываетъ* и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напри- мѣръ, въ Орловской, Калужской, Тульской, Архангельской и Самарской губерніяхъ, праздникъ Покрова называется *свадьбами*, такъ какъ во время этого праздника бываетъ много свадебъ.

¹⁾ Здѣсь желательно имѣть подробное указаніе на то, что понимаетъ народъ подъ *кладкой*, именно: есть ли кладка — плата за невѣсту, или выкупъ ея коробки и вознагражденіе свадебныхъ расходовъ, дѣлаемыхъ семьей невѣсты?

^{*)} *Пестрой* недѣлей называется недѣля передъ масляницей, потому что среда и пятница въ этой недѣли постныя, тогда какъ предъидущая и послѣдующая недѣля всеѣдная.

16. Какія составныя части брачнаго обряда (сватовство, смотрины, рукобитье или стговоръ, свадьба)?

Примѣчаніе. Необходимо привести народныя названія помянутыхъ обрядовъ и краткое ихъ описаніе, особенно тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ символическими дѣйствіями выясняются юридическія возрѣнія на бракъ (напримѣръ, даваніе ружниковъ, раздѣваніе жениха невестой, поднесеніе кнута жениху, тамъ гдѣ этотъ обычай еще сохранился, и т. д.).

По исполненіи какихъ обрядовъ брачный договоръ считается заключеннымъ? Какое значеніе придаетъ народъ вѣнчанію и свадебному торжеству? Бываютъ ли случаи, что вѣнчаются, но не празднуютъ свадьбы и допускается ли въ подобныхъ случаяхъ сожитіе молодыхъ? Сколько времени проходитъ между стговоромъ и вѣнчаніемъ и допускается ли въ подобныхъ случаяхъ сожитіе молодыхъ? Сколько, когда и у кого бываетъ стговорныхъ и послѣстговорныхъ сходбищъ, и какія ихъ названія, а также совершаются ли при этомъ какіе-либо обряды и какіе именно? Случается ли, что стговоренный, обезчестивъ створенную, оставляетъ ее? Какъ на это смотрятъ и какъ поступаютъ, когда послѣдняя забеременитъ, т. е., къ чему обязываетъ въ такихъ случаяхъ виновнаго народный судъ? Какъ велики бываютъ свадебныя издержки съ одной стороны и съ другой? Какіе бываютъ дары со стороны жениха и невесты родственникамъ и постороннимъ? Какъ называются лица, участвующія въ свадьбѣ, и въ чемъ состоятъ ихъ права и обязанности? Придается ли особое значеніе дѣвственности новобрачной, и требуются ли на это доказательства? Каковы послѣдствія для невесты и ея родителей, если невеста до вступленія въ бракъ не сохранила дѣвства (напримѣръ, приносятъ ли матери такой невесты рѣшето, дырявый горшокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ)?

17. Какъ совершаются браки у раскольниковъ различныхъ сектъ?

18. Какъ понимается приданое въ народномъ быту и различныя его наименованія (*платное, скрыня, надѣлюкъ, на-*

гражденіе и т. д.)? Кто и какъ копитъ приданое? Какое имущество дается въ приданое, и какова его стоимость? Бываютъ ли письменныя рядныя записи о приданомъ? Какъ и когда передается приданое: до свадьбы, послѣ нея или вмѣстѣ съ невѣстой? Бываютъ ли споры и иски о приданомъ между зятемъ и родными жены? Какое значеніе приданого въ общей массѣ семейнаго имущества? Поступаетъ ли оно въ общую собственность мужа и жены, или же мужу принадлежитъ лишь право распоряжаться приданнымъ? Или же не составляетъ ли оно исключительной собственности жены? Не различается ли приданое въ отношеніи права распоряженія имъ (*платное*, напримѣръ, не составляетъ ли исключительной собственности жены, а мужъ распоряжается лишь *надѣлкою*)? Бываютъ ли случаи, что мужа присуждаютъ вознаградить жену за растрату ея приданого? Какая участь приданого по смерти жены? Поступаетъ ли оно въ собственность мужа и дѣтей, или за неизвѣнемъ дѣтей въ собственность мужа или въ доль мужа, или наконецъ возвращается въ ту семью, въ тотъ родъ, откуда была взята умершая жена? Въ послѣднемъ случаѣ отвѣчаетъ ли мужъ за растроченную часть приданого, и дѣлается ли въ этомъ отношеніи различіе между платнымъ и надѣлкою?

19. Бываютъ ли формальныя разводы въ крестьянскомъ быту, по какимъ причинамъ и какъ часто? Расходятся ли супруги по какимъ-либо причинамъ, чтобы вести жизнь раздѣльно, и что бываетъ въ такомъ случаѣ съ приданнымъ и дѣтьми? Остаются ли дѣти при отцѣ или матери, и обязаны ли отцы давать пропитаніе въ такихъ случаяхъ дѣтямъ до ихъ совершеннолѣтія? Обязаны ли мужъ въ этомъ случаѣ давать содержаніе женѣ? Какъ народъ относится къ подобнымъ *расходамъ*?

20. Черезъ сколько времени послѣ смерти одного изъ супруговъ, другой можетъ вторично вступить въ бракъ? Нѣтъ ли обычая, воспрещающаго вдовѣ отходить отъ свекра послѣ смерти

мужа до истечения шести недѣль? Нѣтъ ли какихъ-либо повѣрій въ народѣ, удерживающихъ вдовыхъ супруговъ отъ вторичнаго брака (напримѣръ, повѣрье объ обидѣннѣ женами на томъ свѣтѣ и прочее)? Не удерживаетъ ли отъ вторичнаго брака вдову-мать участь пасынковъ и падчерицъ, ожидающая ея дѣтей въ семьѣ втораго мужа?

21. Какое вообще въ крестьянскомъ быту значеніе семьи: кровное или хозяйственное, сожитіе общее по происхожденію или по труду? Какова власть мужа надъ женой: можетъ ли онъ требовать только полнаго повиновенія и работы, или имѣетъ право живота и смерти, т. е., можетъ бить и увѣчить жену? Не сохранилось ли преданіе о томъ, что въ старину мужья продавали женъ, отдавали на подержаніе, въ закладъ и прочее? Что дѣлаютъ жены въ случаѣ дурнаго обращенія съ ними мужей: уходятъ ли къ родителямъ, жалятся ли начальству или безропотно подчиняются такой долѣ? Не бываетъ ли преступленій, вызываемыхъ такимъ жестокииъ обращеніемъ мужей съ женами?

Кто разбираетъ дѣла по жалобамъ между супругами объ обидѣ: волостные суды или старики? Чѣмъ эти дѣла рѣшаются, т. е., подписками ли, выдачей ли билетовъ на отдѣльное проживание, наказаніями, или еще чѣмъ другимъ? Въ случаѣ дурной жизни мужа для обезпеченія жены и дѣтей не дается ли женѣ, по рѣшенію мірскаго схода, главенство въ семьѣ такъ называемая *болышина*?

Одинаково ли крестьяне смотрятъ на нарушеніе супружеской вѣрности мужемъ и женой? Какъ поступаютъ супруги въ случаѣ нарушенія вѣрности однимъ изъ нихъ?

22. Какъ распредѣляются домашнія и полевыя работы между мужемъ и женой? Обязанъ ли мужъ кормить и вообще содержать жену, и если обязанъ, то не бываетъ ли на это жалобъ? Если мужъ бѣденъ, а жена богата, то какія отношенія устанавливаются между ними?

23. Совершаются ли между супругами какія-либо имуще-
ственныя сдѣлки: купля, продажа, наемъ имущества и пр.? Со-
ставляетъ ли имущество мужа и жены раздѣльную собственность,
какъ это признается по существующимъ у насъ общимъ зако-
намъ, или напротивъ считается общею нераздѣльною собствен-
ностью супруговъ или цѣлой семьи? Если мужъ расточаетъ общее
имущество или имущество жены, то какъ поступаетъ въ этомъ
случаѣ жена? Вездѣ ли существуетъ обычай, по которому до-
ходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній (молочныхъ ско-
повъ, птицеводства, пряжи, замашки, перевесла, т. е., перевязи
сноповъ при жатвѣ и т. д.) поступаютъ въ исключительную
собственность жены или вообще женщинъ-работницъ въ домѣ?
Кому принадлежитъ приплодъ женинаго скота и птицы? Вообще
на какіе продукты хозяйства жена имѣетъ полную власть, такъ
что можетъ распоряжаться ими безъ спроса и согласія мужа?
Присуждается ли съ мужа долгъ жены, и вообще обязательны
ли для мужа договоры жены, когда они живутъ совмѣстно?
Жена и дѣти обязаны ли платить такой долгъ домохозяина,
который сдѣланъ для пьянства и наперекоръ семьѣ?

24. Каковы отношенія между родителями и дѣтьми? Распоря-
жается ли болѣе отецъ сыновьями, а мать—дочерьми, отецъ—
взрослыми, а мать— малолѣтними? Дочь вдова подчиняется ли
родительской власти въ одинаковой мѣрѣ съ дочерью-дѣвушкой?
Какова власть отца надъ дѣтьми, т. е., имѣетъ ли онъ право
отдавать ихъ въ наймы, принуждать къ браку, и т. д.? Пола-
гаетъ ли народъ, что отецъ *всегда* надъ сыномъ властенъ, или
же—что власть имѣетъ извѣстный предѣлъ, т. е., въ извѣстномъ
случаѣ прекращается и какой именно, т. е., совершеннолѣтній, же-
нившійся и отдѣлившійся или вышедшій изъ семьи сынъ нахо-
дится ли подъ властью отца? Сохраняетъ ли отецъ или вообще
родители какую-нибудь власть надъ выданной замужъ до-
черью? Какая доля власти принадлежитъ матери при жизни
отца и послѣ его смерти (т. е., материнская власть вдовы)?
Каковы отношенія между вотчимомъ или мачихою и пасынками?

Каковы обязанности родителей къ дѣтямъ (кормить, содержать, учить страху Божию и пр.)? Каковы обязанности дѣтей къ родителямъ (повиноваться, поконить и кормить въ старости)? Какъ поступаютъ родители въ случаѣ непослушанія дѣтей или отказа въ дачѣ содержанія? Когда крестьянскій судъ опредѣляетъ давать содержаніе родителямъ, то какъ велико бываетъ такое опредѣленное судомъ содержаніе? Возлагается ли на дѣтей обязанность честно похоронить и помянуть родителей? Какія существуютъ въ народѣ вѣрованія и преданія о силѣ родительскаго благословенія и проклятія?

Примѣчаніе. Здѣсь же слѣдуетъ указать, не сохранилось ли въ народѣ преданій объ обычаяхъ убивать дѣтей, продавать, отдавать въ закладъ, и объ обычаяхъ въ старину убивать престарѣлыхъ родителей. Нѣтъ ли также между крестьянами рассказовъ, что въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сектахъ и теперь убиваютъ стариковъ и больныхъ? Этими рассказами обрисовываются народныя воззрѣнія на этотъ обычай.

25. Каковы имущественныя отношенія между дѣтьми холостыми и женатыми, отдѣленными и не отдѣленными? Могутъ ли послѣдніе имѣть свое собственное имущество, и какими образомъ приобретается таковое (посредствомъ заработка, дара отъ кого-либо, наслѣдства отъ дѣда и пр.)? Отвѣчаютъ ли родители за растрату дѣтскаго имущества? Имѣетъ ли отецъ право отнять у сына завѣщенное ему дѣдомъ имущество? Имѣетъ ли, вообще, отецъ право отчуждать какую-либо долю изъ дѣдовскаго (родоваго) имущества? Имѣетъ ли право закладывать его? Имѣютъ ли дѣти при жизни родителей какое-либо право на ихъ имущество, т. е., при жизни большака-отца могутъ ли женатыя дѣти-нажившики, въ случаѣ разоренія хозяйства безпутствомъ и пьянствомъ отца, принять какія-либо мѣры въ охраненію имущества дома, напримѣръ, просить миръ о лишеніи отца главенства въ домѣ и распоряженія имуществомъ? Отвѣчаютъ ли не отдѣленные дѣти за долги и наоборотъ? Отвѣчаютъ ли не отдѣленные сыновья при жизни отца за несправное отбываніе семьей повинностей и податей?

Не бываетъ ли между родителями и отдѣленными сыновьями особыхъ условий относительно отбыванія податей и повинностей, и какіе споры и иски возникаютъ изъ такихъ условий?

26. Какъ смотрятъ крестьяне на сыновей и дочерей, т. е., кого предпочитаютъ, больше любятъ, кому больше радуются при рожденіи и почему (народная поговорка: *сына корми — послѣ пригодится, дочь корми — модямъ пригодится*)?

Какъ празднуется или чѣмъ обозначается вступленіе малолѣтнихъ въ совершеннолѣтіе (принятіе въ общество, измѣненіе одежды и т. д.)? Чѣмъ отличается дочь невѣста передъ прочими сестрами (напримѣръ, въ отношеніи одежды, занятія лучшаго мѣста на вечерницахъ, во время жнитва и т. д.)? Что такое *черничка*? Какое ихъ положеніе въ семьѣ? Кто даетъ имъ содержаніе?

Какія устанавливаются отношенія между братьями отдѣленными и не отдѣленными, между братьями и сестрами отъ одного брака и отъ разныхъ браковъ, т. е., между единородными и единоутробными, приемышами и усыновленными?

Каковы права и обязанности незаконнорожденныхъ къ своимъ родителямъ? Чье имя обыкновенно носятъ незаконнорожденные? Нѣтъ ли особыхъ прозвищъ незаконнорожденныхъ и какія именно? Кто обязанъ кормить такого ребенка, и не возскаивается ли въ пользу матери съ лица, прижившаго съ нею ребенка, вознагражденіе?

Какъ часто въ народномъ быту случаи рожденія дѣтей вне брака, и какъ вообще смотритъ на это народъ?

Примечаніе. Здѣсь слѣдуетъ особенно различить воззрѣнія и обычаи православнаго населенія отъ воззрѣній и обычаевъ послѣдователей различныхъ раскольничьихъ сектъ.

27. Часты ли случаи усыновленія въ крестьянскомъ быту и какіе для этого бываютъ поводы? Усыновляются ли только мальчики или равно и дѣвочки, и кто болѣе?

Какое обыкновенно бываетъ отношеніе между годами приемыша и усыновляемаго? Усыновляютъ ли только малолѣтнихъ

сиротъ, или иногда и взрослыхъ, имѣющихъ своихъ дѣтей, и какія отношенія этихъ послѣднихъ къ усыновившему?

Усыновляются ли по преимуществу родственники (напримѣръ, племянники, племянницы), или же безразлично и чужіе?

Кому принадлежитъ право усыновленія, т. е., однимъ ли мужчинамъ, или равно и женщинамъ? Какіе существуютъ обряды при усыновленіи, мірскіе и церковные? Мѣняетъ ли усыновленный свою фамилію? Измѣняются ли вслѣдствіе усыновленія, и въ чемъ именно, отношенія усыновленного къ роднымъ отцу и матери?

Какія отношенія личныя и имущественныя устанавливаются между усыновителемъ и усыновленнымъ? Кто надѣляетъ землей усыновленного — общество или усыновитель?

Вездѣ ли и всегда ли приѣмъ зятя въ домъ составляетъ фактъ усыновленія? Какъ называются зятя — приемыши, и что о нихъ думаетъ народъ, удерживаютъ ли они свое прозвище или берутъ прозвище жены и ея двора? Власть зятя-приемыша или влазена, какъ его обыкновенно называютъ, надъ женой и имуществомъ такова ли, какъ вообще власть мужа, или ограниченна? При приѣмѣ зятьевъ совершаются ли письменныя условія и духовныя завѣщанія?

28. Какую роль играютъ въ крестьянскихъ семьяхъ отставные солдаты, ихъ жены и дѣти? Какое положеніе солдатокъ, мужа которыхъ на службѣ, а также солдатокъ вдовъ? Однородно ли положеніе такой вдовы, когда она бездѣтна, или когда у ней есть дѣти — сыновья? Обеспечиваютъ ли семья или общество возвратившагося со службы на родину солдата? Получаетъ ли такой солдатъ въ надѣлъ землю и отъ кого — отъ семьи или отъ общества? Не избавляются ли солдаты отъ какихъ либо общественныхъ повинностей? Имѣютъ ли право голоса на сходахъ?

29. Въ данной мѣстности какія семьи преобладаютъ *болшія* или *малыя*, т. е., состояція только изъ отца съ дѣтьми? Если пре-

обладаютъ большія семьи, то изъ сколькихъ членовъ онѣ состоятъ, и каковъ ихъ составъ, т. е., состоятъ ли такія семьи изъ отца и женатыхъ сыновей и внуковъ или нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ и т. д.?

Примчаніе. Такое различіе между семьями надо основывать не на количествѣ только работниковъ или тягловъ, а на составѣ семьи вообще. Семья въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е., состоящая изъ главы дома отца съ дѣтьми, сколько бы ихъ ни было—это малая семья. Семья же, состоящая изъ нѣсколькихъ семей, подъ главенствомъ одного хозяина большака—это большая семья. Весьма желательно также имѣть указаніе, не существуетъ ли въ народѣ особыхъ названій для обозначенія этихъ видовъ семьи.

30. Въ большой или многочленной семьѣ одинъ ли глава семейства, или ихъ нѣсколько? Какія названія для различныхъ членовъ семьи (*большакъ, наибольшой, старшой, меньшикъ* и т. д.)?

Въ многочленной семьѣ всѣ ли члены родня по крови или есть и чужіе? Случается ли когда-нибудь, что совершенно чужіе люди сходятся жить въ одинъ домъ? Каковы отношенія членовъ крестьянской семьи къ батракамъ и вообще наемнымъ рабочимъ, и какія для нихъ существуютъ названія? Большакомъ можетъ ли быть только женатый, или бываютъ холостые большаки, и притомъ требуется ли извѣстный возрастъ, ранѣе котораго нельзя быть большакомъ? Можетъ ли женщина быть главой большой семьи и въ какихъ именно случаяхъ?

31. Избирается ли большакъ, или это званіе переходитъ къ членамъ семьи по наслѣдству, или же нѣкоторые члены семьи могутъ сами присвоивать себѣ это званіе? При избраніи большака на какія свойства обращается вниманіе? Какія права и обязанности принадлежатъ большаку въ отношеніи къ остальнымъ членамъ семьи и семейному имуществу? Можетъ ли большакъ что-нибудь купить или продать безъ согласія членовъ семьи? Можетъ ли большакъ судить проступки членовъ семьи и налагать на нихъ наказанія, или такой судъ производится всѣми членами семьи? Каковы обязанности большака къ общинѣ, властямъ и церкви?

*

32. Можетъ ли большакъ быть лишенъ своего званія, кто властенъ это сдѣлать и за какіе проступки? Когда большакъ смѣненъ или умеръ, то требуетъ ли обычай, чтобъ онъ былъ тотчасъ же замѣненъ другимъ, или же временно можетъ исполнять его обязанности кто-либо изъ членовъ семьи, и кто именно?

33. Всегда ли большухой бываетъ жена главы семьи (большака), или иногда ею можетъ быть другая женщина? Можетъ ли быть большухой вдова или дѣвушка, или она всегда замужняя? Выбирается ли большуха, или она назначается наибольшимъ? Какія ея права и обязанности, отношенія къ большаку и другимъ мужчинамъ семьи? Каковы ея отношенія къ женщинамъ семьи?

34. Каковы права и обязанности личные, имущественныя и хозяйственныя, женатыхъ членовъ семьи мужскаго пола, и вообще взрослыхъ? Какъ распредѣляются подати и повинности между женатыми членами семьи? Съ какого времени членъ семьи получаетъ право голоса въ домашнемъ совѣтѣ? Что бываетъ предметомъ общаго совѣщанія, и что дѣлается по желанію или распоряженію большака и большухи?

35. Могутъ ли члены семьи, кромѣ общаго имущества, имѣть еще свое собственное, и изъ чего таковое обыкновенно состоитъ? Въ неурожайный годъ или въ случаѣ другого несчастья обязана ли членъ семьи отдавать въ общую пользу свое частное имущество и на какихъ условіяхъ? Одежда и обувь дѣлаются ли на общія средства или на личные? Когда члены семьи уходятъ въ заработки и отхожіе промыслы, то эти заработки поступаютъ ли въ распоряженіе всего дома или дѣлаются личнымъ достояніемъ члена въ цѣломъ или частью? Долговременная отлучка не лишаетъ ли права на общее достояніе дома? При уходѣ изъ дома на долгій срокъ не вносится ли залогъ или какое-другое обезпеченіе своевременнаго

возвращения? Какое положеніе жены и дѣтей такого отсутствующаго члена семьи?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно имѣть также указаніе, ходятъ ли односемейники въ сторонніе заработки, куда, въ какіе именно, и на какихъ правахъ.

36. Каковы права и обязанности, личныя и имущественныя, женщины въ большой семьѣ? Имѣютъ ли женщины какія-либо вещи, которыми могутъ располагать не спрашивая мужчинъ (например, птицы, яйца, льняное сѣмя, запашки, перевесло, молочные скопы и т. д.)? Каждая изъ женщинъ имѣетъ ли въ своемъ распоряженіи эти предметы, или они находятся въ общемъ распоряженіи всѣхъ или нѣсколькихъ женщинъ семьи? Одежда и обувь для женщинъ пріобрѣтается ли семьей, или онѣ сами должны пріобрѣтать ее и какимъ порядкомъ?

Уходятъ ли жены, вдовы и дѣвушки въ сторонніе заработки? Какія особыя права и обязанности дѣвушекъ въ семействѣ, и чѣмъ онѣ отличаются отъ замужнихъ женщинъ? Какъ и кто распредѣляетъ между женщинами работу?

Есть ли особое дѣвичье имущество, и въ чемъ оно заключается?

37. Если въ данной мѣстности крестьяне живутъ подѣлившись, т. е., малыми семьями, то какія причины раздѣловъ, и какъ на эти раздѣлы смотритъ самъ народъ?

Б. Опекa и попечительство.

38. Какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ быту опека и попечительство, т. е., кто по смерти родителей вступаетъ въ ихъ права, какъ въ отношеніи личности, такъ и имущества малолѣтнихъ? Какое участіе принимаетъ община въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся послѣ родителей безъ призрѣнія, т. е., какого рода бывають распоряженія мірскихъ сходо́въ для устройства участи малолѣтнихъ сиротъ? Можетъ ли міръ въ

случаѣ не желанія принять добровольно на воспитаніе такихъ сиротъ обязать къ тому, и на какихъ условіяхъ? Въ случаѣ принятія малолѣтнихъ на воспитаніе бываетъ ли со стороны міра какой-либо контроль надъ ихъ имуществомъ? При достиженіи находящихся подъ опекой совершеннолѣтій какимъ порядкомъ они принимаютъ свое имущество отъ опекуна? Какое вознагражденіе получаетъ опекунъ за управленіе имуществомъ малолѣтней сироты? Имѣетъ ли опекунъ право за свои труды пользоваться прибыткомъ отъ имущества малолѣтняго или приплодомъ отъ его скота? Какихъ лѣтъ сироты мужскаго и женскаго пола вступаютъ въ свои права? На чей счетъ воспитываются сироты, не имѣющія ни какого имущества, и какія бываютъ на ихъ счетъ распоряженія міра? Дѣлаются ли различія между сиротами мальчиками и дѣвочками? Какое положеніе малолѣтнихъ, когда ихъ мать вторично выйдетъ за мужъ—поступаютъ ли они подъ опеку къ своему отчиму вмѣстѣ съ приходящимся на ихъ долю имуществомъ, или нѣтъ?

39. Какія бывають злоупотребленія со стороны опекуновъ? Какъ поступаетъ міръ въ случаѣ растраты имущества малолѣтнихъ опекуномъ, матерью или отчимомъ? Часты ли случаи такой растраты, и доходятъ ли они до разсмотрѣнія волостныхъ судовъ?

Примчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣла этого рода обыкновенно рѣшаются мірскими сходами, не доходя до волостныхъ судовъ.

40. Есть ли различіе въ назначеніи опекуновъ въ большой и малой семьѣ? Всегда ли опекунами назначаются ближайшіе родственники малолѣтнихъ, или назначеніе ихъ даже при существованіи близкихъ родственниковъ безусловно зависитъ отъ міра? Считается ли мать естественной опекушкой своихъ дѣтей, и не теряетъ ли она этого права при выходѣ вторично замужъ?

В. Раздѣлы и наслѣдство.

41. Какіе у крестьянъ данной мѣстности существуютъ термины (выраженія) для обозначенія дѣлежа имущества, наслѣ-

дованія, наслѣдниковъ, наслѣдства и т. п. (напримѣръ, *раздѣлъ, выдѣлъ, отдѣлъ, отходъ, надѣлокъ, накражденіе, осталье, участникъ* и т. д.)? Есть ли различіе между раздѣломъ, выдѣломъ, отдѣломъ и отходомъ? Когда выходитъ изъ семьи ея холостой членъ противъ воли хозяина дома, будетъ ли это выдѣлъ, отдѣлъ или отходъ?

42. Какими обрядами и символическими дѣйствіями сопровождается дѣлежъ въ крестьянскихъ семействахъ и въ частности выдѣлы дѣтей родителями (благословеніе иконой, разрѣзываніе хлѣба на части и т. д.)?

43. Какіе поводы и причины къ дѣлежамъ, усиливаются ли они послѣдніе годы, и съ какого именно времени? Какъ объясняютъ эти причины сами крестьяне, и согласно ли ихъ объясненіе съ дѣйствительностью? Какія причины и соображенія задерживаютъ дѣлежъ, и какое вліяніе дѣлежей на хозяйство и вообще на благосостояніе крестьянъ?

44. Какія устанавливаются отношенія между отдѣленными и не отдѣленными дѣтьми, между отдѣленными дѣтьми и ихъ родителями и вообще между раздѣлившимися и выдѣлившимися или отдѣлившимися членами семьи? Не бываетъ ли случаевъ, чтобы разошедшіеся члены семьи снова сходились въ одну семью, часто ли это бываетъ и на какихъ условіяхъ?

45. Какіе порядки и правила при раздѣлахъ и выдѣлахъ? Одинаковъ ли порядокъ и правила раздѣла, когда онъ происходитъ при жизни отца, хозяина дома, или послѣ его смерти, по волѣ хозяина дома или противъ него? Производится ли при этихъ дѣлежахъ предварительная оцѣнка имущества, или оно распределяется на части при жизни? Паи или части распределяются между дольщиками по уговору или по жребію? Что служитъ жребіемъ при дѣлежѣ: части ли разрѣзаннаго хлѣба, жеребьи съ мѣтами или клеймами, рукавицы или палка, по которой конаются ¹⁾?

¹⁾ *Конаются* значить братья рукой по палкѣ: чей конецъ, того и жребій.

46. Какъ дѣлятся домами, строениями, заводами, мельницами и т. д.? Признается ли такое имущество дѣлящимъ, или принимающій такое имущество выплачиваетъ остальнымъ деньгами, или сообща выстраиваютъ каждому отдѣльное домъ и строения?

Какъ дѣлятся землями, усадьбами, скотомъ, деньгами? Сады дѣлятся по количеству земли подъ ними, или же по числу корней, т. е., деревьевъ?

Бываютъ ли такъ-называемыя *приклады* при дѣлѣжѣ?

47. Дѣлится ли имущество по тягламъ (по числу работниковъ), или по ревизскимъ душамъ, или поколѣнно (по отцамъ, какъ говорятъ крестьяне), или по дѣдамъ? Не дѣлается ли при этомъ различія, смотря по роду имущества, т. е., движимое имущество — однимъ порядкомъ, земля — другимъ, а хлѣбъ — третьимъ? При дѣлѣжѣ имущества дома не принимается въ расчетъ работа, т. е., кто больше трудился въ пользу дома, тотъ больше и получаетъ, и кѣмъ нажито это имущество — отцомъ. дѣдомъ или пришло изъ другой семьи по боковой линіи? Нѣтъ ли для всѣхъ этихъ видовъ имущества особыхъ названій?

48. Остается ли послѣ дѣлежа какое-либо имущество въ общемъ владѣніи раздѣлившимся? Какъ распределяются общесемейные долги, подати и повинности между дѣлящимися?

49. Не составляется ли письменныхъ записей о раздѣлахъ, выдѣлахъ и отдѣлахъ? Присутствуютъ ли при этомъ свидѣтели, и не приглашаются ли для этихъ случаевъ посредники? Какъ вознаграждаются такіе посредники? Какое участіе во всѣхъ этихъ дѣлежахъ принимаютъ мірскіе сходы и волостные суды? Бываютъ ли самовольныя дѣленія, т. е., безъ разрѣшенія схода, какъ часто и въ какихъ случаяхъ?

50. Отъ кого зависитъ выдѣлъ нисходящихъ членовъ семьи тамъ, гдѣ большакъ или хозяинъ дома не отецъ выдѣляюще-

муса изъ семьи: отъ него ли или отъ роднаго отца, да и возможенъ ли такой случай, чтобы сынъ выдѣлился изъ такой семьи, когда отецъ въ ней остается? Какіе члены крестьянской семьи имѣютъ право требовать раздѣла, т. е., дѣлежа дома съ получениемъ полного пая изъ общаго достоянія семьи? Можетъ ли требовать раздѣла холостой членъ семьи, хотя бы хозяинъ дома былъ не отецъ, а старшій братъ?

51. Получаютъ ли при дѣлежахъ женщины какую-либо часть имущества изъ общаго достоянія дома, или уносятъ съ собой только свою коробью или приданое? Поступаетъ ли коробья-приданое и вообще бабье добро въ общій дѣлежъ?

52. Какіе члены семьи при раздѣлахъ получаютъ одинаковые пай, и какіе — уменьшенные. Сирота-племянникъ получаетъ ли пай своего отца или какой другой?

53. Зятя-влазени, свойственники, живущіе въ домѣ, и вообще приемыши получаютъ ли какой-либо пай при дѣлежѣ и одинаковый ли съ кровными родственниками?

54. Отдѣлившіеся или вышедшіе изъ семьи члены, хотя бы самыхъ близкихъ степеней, участвуютъ ли въ дѣлежѣ имущества дома, пока въ семьѣ остаются какіе-либо члены?

55. При выдѣлахъ и отдѣлахъ всегда ли величина пая зависитъ отъ воли отца? При самовольномъ выходѣ изъ семьи какого-либо члена, т. е., при такъ-называемомъ *отходѣ*, можетъ ли отецъ или вообще хозяинъ дома отпустить отходящаго члена съ однимъ крестомъ?

Имѣютъ ли мужскіе члены семьи свою отдѣльную собственность, которую могутъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е., при самовольномъ отходѣ изъ семьи, унести съ собою, и если такая бываетъ, то въ чемъ она заключается?

56. Оскорбительные поступки сыновей даютъ ли отцу право лишить ихъ наслѣдства, т. е., выгнать изъ семьи безъ выдачи

ная изъ общаго семейнаго достоянія, и вообще можетъ ли отецъ выгнать сына, не давъ ему части, или въ нѣкоторомъ имуществѣ онъ не въ правѣ отказать (напримѣръ, въ платѣ, частныхъ деньгахъ, душевомъ земельномъ надѣлѣ и т. д.)?

57. Если живъ дѣдъ, то можетъ ли отецъ выдѣлить сына? Если домою управляетъ старшій сынъ по старости отца, то властенъ ли послѣдній въ раздѣлѣ сыновей? Можетъ ли отецъ взять назадъ разъ выдѣленное сыну? Бываетъ ли выдѣлъ всѣхъ сыновей разомъ, и какъ въ такомъ случаѣ отецъ дѣлитъ части между сыновьями—по ровну или нѣтъ? Если не поровну, то чѣмъ руководствуется отецъ, награждая одного болѣе, другаго менѣе? Беретъ ли себѣ при этомъ отецъ какую часть, и въ кому она поступаетъ послѣ смерти старика?

58. Если отецъ не беретъ себѣ части или пая при общемъ дѣлежѣ имущества дома между сыновьями, то кто его обязанъ содержать, и въ какой мѣрѣ дается ему содержаніе?

59. Кому изъ сыновей достается отцовскій домъ и домашнее хозяйство: старшему или младшему, и почему тому или другому? Какое вознагражденіе дается тому, который остается безъ дома? Зависитъ ли отъ воли отца оставить домъ тому изъ сыновей, котораго онъ больше любитъ?

Примчаніе. Здѣсь желательно имѣть подробное указаніе всѣхъ тѣхъ основаній, которыми опредѣляются при дѣлежахъ различіе паевъ, получаемыхъ членами дѣлящейся семьи, какъ-то: работа (кто больше трудится, тотъ больше и получаетъ), попеченіе и кормленіе родителей (не рѣдко мірскіе сходы присуждаютъ большую часть тому изъ сыновей, который похоронилъ и поминиваетъ своихъ родителей), воспитаніе (старшій братъ, который воспиталъ и вывелъ въ люди младшихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ уравнивать ихъ доли со своими собственными сыновьями) и т. д.

60. Выдѣляются ли сестрамъ опредѣленные части имущества, и каковы вообще обязанности братьевъ по отношенію къ сестрамъ? Какъ поступаютъ, когда представительницей семьи

является одна лишь дочь? Кому принадлежит имущество выморочной семьи? Каковы наследственные права чернышекъ въ семьѣ?

61. Наслѣдуютъ ли родители послѣ умершихъ безпотомственно отдѣленныхъ дѣтей, и дѣлается ли при этомъ различіе въ имуществѣ, получаемомъ отъ родителей такими дѣтьми и пріобрѣтеннымъ ими самими?

62. Наслѣдуютъ ли между собою супруги, и въ какомъ именно имуществѣ? Какъ наследуютъ бездѣтные супруги одинъ послѣ другаго, и какую долю они получаютъ? Получаетъ ли жена часть имѣнія, причитающагося умершему мужу отъ свекра, а мужъ послѣ смерти жены отъ тестя? Какое вліяніе на эти права имѣетъ вторичный бракъ? Какъ поступаютъ съ имуществомъ отдѣленнаго сына, оставившаго жену безъ дѣтей, при жизни отца покойнаго и послѣ его смерти? Жена, послѣ смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, остается ли полною хозяйкой, т. е., можетъ ли самостоятельно распоряжаться имуществомъ, или дѣйствуетъ только какъ опекунша? Всегда ли вдова, оставшаяся полною хозяйкой въ семьѣ, по наступленіи совершеннолѣтія и женитьбы сыновей теряетъ свои права, или можетъ при желаніи сохранить ихъ до своей смерти?

63. Когда у наследодателя, имѣющаго свое частное имущество, или единственнаго представителя всего имущества семьи нѣтъ нисходящихъ родственниковъ, то призываются ли къ наследству боковыя линіи, и въ какомъ порядкѣ?

64. Имущество, принесенное женой въ домъ мужа, послѣ ея смерти принадлежитъ ли только дочерямъ, или и сыновья имѣютъ въ немъ долю? Если нѣтъ дочерей, то раздѣляется ли имущество матери между сыновьями? Возвращается ли такое имущество за неимѣніемъ дочерей и сыновей въ тотъ домъ, изъ котораго оно принесено?

65. Имѣютъ ли дѣти при жизни матери право раздѣлиться дѣдовскимъ и отцовскимъ имуществомъ, не требуя материнскаго согласія? Какая участь матери по раздѣлѣ: получаетъ ли она часть, и какую именно? Если мать не получаетъ части, то кто долженъ ее содержать?

66. Каковы наследственные и вообще имущественныя права солдата на общее достояніе дома? Получаетъ ли онъ равную часть съ другими членами семьи, или ограничивается награжденными деньгами, даваемыми ему при поступленіи на службу, и пособіями въ продолженіе ея. Если солдатъ, поступая на службу, сохраняетъ свой пай въ общемъ имуществѣ семьи, то не бываетъ ли это только въ томъ случаѣ, если у него въ семьѣ остается жена съ дѣтьми, или когда онъ присылаетъ семьѣ деньги?

Если солдатъ получаетъ по возвращеніи со службы пай въ имуществѣ семьи, то дается ли онъ ему изъ наличнаго имущества, или принимается въ расчетъ то имущество, которое было во время его поступленія въ солдаты или во время смерти его отца?

67. Какой порядокъ наследованія между лицами различныхъ раскольническихъ сектъ?

68. Часто ли составляются духовныя завѣщанія, словесныя или письменныя, и притомъ въ какихъ семьяхъ, т. е., только въ тѣхъ ли, гдѣ глава дома всѣмъ членамъ отецъ, или во всякой семьѣ? Какое значеніе имѣютъ такія завѣщанія родителей, т. е., имѣютъ ли право родители или одинъ изъ нихъ (отецъ) умирая завѣщать наследственное или прижитое имущество одному изъ наследниковъ или даже дальнему родственнику, или завѣщаніе имѣетъ только распорядительное значеніе, т. е., изъ распредѣляется имущество между обычными наследниками въ видахъ предотвращенія ссоръ между ними при дѣлѣжѣ? Если имущество завѣщается только одному сыну, то какія причины

такого предпочтенія и устраненія другихъ сыновей? Не бываетъ ли это только въ тѣхъ случаяхъ, когда остальные сыновья отбыли отъ дома, или когда отецъ, раздѣливши имущество дома между сыновьями, получаетъ себѣ пай, который и передаетъ при наступленіи смерти одному изъ сыновей. Можетъ ли мать завѣщать свое имущество, и кому—дочерямъ или сыновьямъ?

69. Какія обязанности возлагаются на сыновей по отношенію къ завѣщателю, къ его женѣ и дочерямъ (кормить ихъ до смерти, честно похоронить и поминать, сестеръ кормить до замужества и выдать замужъ и т. д.)?

70. Можетъ ли мужъ, за неизмѣнимъ дѣтей, завѣщать свое имущество женѣ, и если можетъ, то не имѣютъ ли права родственники мужа отобрать у нея это имущество при выходѣ ея вторично замужъ?

71. Какъ относятся наслѣдники и родственники завѣщателей къ ихъ волѣ, т. е., исполняется ли она безпрекословно, или оспаривается иногда наслѣдниками? Если завѣщаніе кажется несправедливымъ по народнымъ воззрѣніямъ (напримѣръ, если отецъ при жизни сыновей завѣщаетъ имущество другимъ родственникамъ), то считается ли дозволительнымъ его нарушеніе?

72. Какое значеніе имѣютъ въ крестьянскомъ быту словесныя духовныя завѣщанія (духовныя памяти)? Признаютъ ли ихъ волостные суды? Призываются ли при совершеніи духовныхъ завѣщаній духовные отцы, свидѣтели и наслѣдники? Требуется ли обычаемъ нѣвѣстное опредѣленное число свидѣтелей? Кто обыкновенно призывается въ свидѣтели: сосѣди или посторонніе? Не утверждаются ли духовныя завѣщанія на сельскомъ сходѣ при жизни завѣщателя? Наблюдаетъ ли мирской сходъ, чтобы завѣщаніе было согласно съ круговою порукой тамъ, гдѣ она существуетъ? Назначаются ли душеприкащики? Гдѣ хранятся писемныя духовныя завѣщанія (въ церкви, дома или волостномъ правленіи)? Какимъ образомъ приводятся въ

исполненіе духовныхъ завѣщаній? Какимъ образомъ рѣшаются споры, возникающіе при исполненіи духовныхъ завѣщаній? Какое значеніе имѣютъ духовныя завѣщанія между раскольниками различныхъ сектъ?

73. Существуютъ ли у крестьянъ какія-либо обыкновенія, касающіяся охраненія наслѣдства, переходящаго какъ по обычаю, такъ и по завѣщанію, а также касающіяся ввода во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ? Послѣ смерти крестьянки, оставившей малолѣтнихъ дѣтей, не дѣлается ли родней описи имущества умершей, оставляемаго на сохраненіе отцу малолѣтнихъ?

Примчаніе. Кромѣ завѣщаній, слѣдуетъ указать и на другіе письменные акты и договоры о наслѣдствѣ, если они встрѣчаются въ народномъ быту.

Г. Вещное право.

74. Раздѣляетъ ли народъ имущество на недвижимое и движимое, и нѣтъ ли у него особыхъ названій для тѣхъ и другихъ (*движимость, животъ, добро* и пр.)? Знаетъ ли народъ дѣленіе имущества на родовое и благопріобрѣтенное, и какъ ихъ называетъ (*коренное, отцовщина, материзна, дѣдовщина, наживной животъ* и т. д.)?

75. Ясно ли различаетъ народъ собственность отъ владѣнія и пользованія имуществомъ? Какъ народъ называетъ собственность и собственниковъ (*собина, вотчина, вотчинникъ, коренникъ* и проч.)?

76. Какіе знаки (*пятна, знамена, меты, клейма, тамги, тавры*) служатъ для обозначенія собственности, какъ на отдѣльныхъ предметахъ, такъ и на вспаханныхъ поляхъ и скотѣ?

Примчаніе. Желательно имѣть самое изображеніе этихъ знаковъ.

77. Какъ знаки собственности переходятъ у крестьянъ по наслѣдству, и какъ ихъ измѣняютъ въ случаѣ продажи, мѣны, залога, найма вещи и другихъ сдѣловъ?

78. Чѣмъ обозначаются границы владѣній, и какъ онѣ называются? Какое понятіе въ народѣ о *межѣ* (поговорки: *межи— святое дѣло; безъ межи не вотчина; межи да грани—ссоры да брани*)? Уваженіе, питаемое народомъ къ межѣ, не имѣетъ ли основаніемъ суевѣрнаго страха?

Примчаніе. Не лишнимъ ли будетъ указаніе о различныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ, существующихъ въ народѣ относительно межъ въ родѣ того, что на межахъ да на распутьяхъ нечистая сила,— что подь черепками да угольками въ межевыхъ ямахъ домовой съ гѣшимъ сходятся, или—что утопленниковъ на межѣ хоронять.

79. Существовалъ и существуетъ ли обычай при межеваніи съѣчь на межѣ парнишекъ, чтобы помнили до старости, гдѣ межи (поговорки: *кто на межѣ съченъ, тотъ и въ понятые иди; или: не разказывай, я на межѣ съченъ*)?

80. Постановка колыевъ служить ли знакомъ завладѣнія недвижимымъ имуществомъ, напримѣръ, при заявленіи мѣстъ для рыбной ловли, при разграниченіи земель?

81. Какіе существуютъ въ крестьянскомъ быту способы для пріобрѣтенія собственности (завладѣніе, находка, дареніе и т. д.)?

82. Бываютъ ли случаи завладѣнія полями, лугами, гѣсами, рыболовными мѣстами и вообще промысловыми угодьями? Какое имущество подвергается такимъ захватамъ: никому не принадлежащее, или казенное? Какіе при этомъ возникаютъ споры, и при какихъ условіяхъ завладѣнное имущество или возвращается хозяину, или обращается въ собственность завладѣвшаго?

83. Кому принадлежитъ находка—нашедшему, или владѣльцу ея, и въ какихъ случаяхъ бываетъ то или другое? Какъ дѣлится находка, когда ее найдутъ нѣсколько человекъ?

84. Какъ поступаютъ съ найденнымъ на своей землѣ домашнимъ скотомъ, птицей или пчелинымъ роемъ? Чтѣ дѣлаютъ

съ пригубнымъ свотомъ, заявляется ли, и гдѣ именно и какъ—о всѣхъ такихъ случаяхъ, въ волостномъ ли правленіи, у церкви, на торгу, или гдѣ еще?

85. Какое вознагражденіе дается нашедшему, и притомъ дается ли известная опредѣленная часть, или это вознагражденіе опредѣляется соглашеніемъ нашедшаго съ хозяиномъ вещи? Кому передается найденная вещь—хозяину, или мѣстному начальству?

86. Каковъ взглядъ народа на клады? Можно ли искать кладъ на чужой землѣ? Кому принадлежитъ кладъ, т. е., нашедшему, или хозяину земли, или обоимъ вмѣстѣ? Бываетъ ли, чтобы кладъ искало нѣсколько человѣкъ?

87. Бываютъ ли случаи даренія въ крестьянскомъ быту, и какое именно имущество можетъ передаваться этимъ способомъ? Бываетъ ли формальное дареніе? Въ какихъ случаяхъ даются подарки (напримѣръ, на свадьбѣ, родинахъ, крестинахъ, при новосельи, наймѣ рабочихъ и т. д.)? Бываютъ ли при дареніи письменныя условія, и какія именно? Какого рода обязанности соединяются съ принятіемъ дара? Бываютъ ли примѣры, что подаренное отбирается назадъ? Пестунаетъ ли даръ обратно дарителю, и въ какихъ случаяхъ?

Примѣчаніе. Нѣкоторыя вещи, напримѣръ, острия металлическихъ издѣлій, считается неприличнымъ дарить; дарящій острую вещь, какое-либо оружіе или орудіе, беретъ обыкновенно за это мелкую монету, т. е., какъ бы продаетъ даримое.

88. Если берегъ рѣчки, составляющій собою живую границу отъ наносимаго водой песка или ила получить приращеніе, то чьею собственностью, считается это послѣднее по народнымъ воззрѣніямъ, и существуетъ ли въ народѣ понятіе о приращеніи, какъ объ одномъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности? Если рѣчка измѣнитъ свое теченіе, то считается ли границей прежнее русло? Продолжаетъ ли и послѣ перемѣны теченія каждый изъ

владѣльцевъ пользоваться выгодами отклонившейся рѣки? Если пограничная рѣчка образуетъ новый островъ, то считается ли онъ принадлежностью одной изъ прилегающихъ дачъ, или дѣлится между обѣими, и какъ? Какъ распределяется между прибрежными владѣльцами пользованіе рѣкой, т. е., отъ берега до середины, или какъ-нибудь иначе *)?

89. Въ большихъ прибрежныхъ озерахъ считаются ли только берега и береговое пространство достояніемъ прибрежныхъ жителей, а середина вольная, или нѣтъ?

90. Если кто безъ умысла построить что-либо на чужой землѣ или посѣвъ, или изъ чужаго платья сошьетъ новую одежду, то кому въ такомъ случаѣ принадлежитъ строеніе, посѣвъ, посадка и платье, и какъ вообще разрѣшаются такіе случаи?

91. Имѣетъ ли право хозяинъ дома требовать, чтобы сосѣдь его не дѣлалъ оконъ на его дворъ, не лилъ къ нему во дворъ воды, не дѣлалъ ската кровли и т. д.? Не бываетъ ли изъ-за этого споровъ, доходящихъ до разсмотрѣнія мірскихъ сходовъ или волостныхъ судовъ?

Долженъ ли хозяинъ терпѣть вѣтви сосѣдскаго дерева, свѣсившіяся на его землю, и на какихъ условіяхъ, и кто пользуется плодами съ такого дерева?

92. Какія существуютъ въ народѣ правила относительно поднятія воды и подтопа чужихъ полей, луговъ и проч. при устройствѣ плотинъ или мельницъ (поговорка: *мельницу строить — за подтопъ отъгнать*). Имѣетъ ли право хозяинъ одного берега рѣки приныкать свою плотину къ берегу другаго хозяина, безъ согласія этого послѣдняго?

93. Какія существуютъ у крестьянъ правила и понятія относительно прохода и проѣзда по большимъ и малымъ дорогамъ,

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сложилась такая народная пословица: *чей берегъ, того и рыба.*

улицамъ, проулкамъ, по чужимъ полямъ, а также водными сообщеніямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ?

Какіе существуютъ обычаи относительно водопользованія въ чужой рѣкѣ, пастбищъ на чужой землѣ, и относительно прогона скота? Какія наблюдаются правила относительно пользованія лѣсомъ въ чужихъ дачахъ, по праву вѣзда (для пользованія дровами, валежникомъ, травой, ягодами, бортными угодыми) безвозмездно или за извѣстную плату?

Какія существуютъ правила пользованія водой изъ чужихъ колодезевъ и должны ли пользующіеся водой участвовать въ чисткѣ и исправленіи колодезей?

94. Бываютъ ли случаи самовольныхъ входовъ крестьянъ въ чужіе лѣса по грибы, ягоды, орѣхи, за мохомъ и вѣтвями, и какъ смотрятъ на это крестьяне: не дѣлаютъ ли они при этомъ различія между казенными, помѣщичьими и другихъ частныхъ лицъ лѣсами? Не послѣдовало ли въ этомъ отношеніи измѣненій со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости?

95. Допускается ли пользованіе звѣриными, птичьими и рыбными промыслами въ чужихъ дачахъ безвозмездно, или за извѣстное вознагражденіе? Если кто охотится въ чужомъ лѣсу на птицъ или звѣрей, или собираетъ яйца съ птичьихъ гнѣздъ, или ловитъ рыбу въ чужихъ водахъ, то кому по обычаю принадлежитъ добыча, т. е., имѣетъ ли хозяинъ земли или воды отобрать добычу? Съ каковаго времени года допускается обычаемъ охота за дичью?

96. Въ какихъ еще случаяхъ допускается пользованіе чужой вещью, напримѣръ, лошадыю, воломъ, телегой и т. д., и на какихъ основаніяхъ?

97. Часты ли между крестьянами случаи общаго владѣнія (товарищества) какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуще-

ствомъ, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ обществъ или артелей? И чѣмъ именно владѣютъ сообща (общія мельницы, бани, овины, колодцы, неводы и т. д.)?

98. Существуютъ ли, и какія именно, названія для общаго владѣнія въ народѣ? Какимъ порядкомъ распоряжаются такимъ общимъ имуществомъ, т. е., всѣ ли владѣльцы, или одинъ избранный? Какъ имъ пользуются, т. е., по очереди, или дѣлятся доходами? Можетъ ли каждый изъ такихъ владѣльцевъ продать свою часть кому захочетъ, или на это требуется согласіе товарищей, имѣющихъ предпочтительное право покупки?

99. Деревья, растущія на межѣ двухъ сосѣдей, составляютъ ли ихъ общую собственность или нѣтъ?

100. Какой порядокъ пользованія общими (но не всею общиною) лугами, озерами, рѣками, соляными ключами и т. д.?

101. Различается ли народомъ, при разбирательствѣ тяжобныхъ дѣлъ, недобросовѣстное завладѣніе чужимъ имуществомъ отъ добросовѣстнаго (т. е., когда захватившій имущество не знаетъ, что оно чужое, а не его)? Есть ли разница въ послѣдствіяхъ такого захвата чужихъ имуществъ? Сдѣлавшій самовольно, но безъ умысла, а по ошибкѣ посѣвъ на чужой землѣ, имѣетъ ли право на нѣкоторую часть этого посѣва въ видѣ вознагражденія за сѣмена и трудъ обработки земли? Не принимается ли къ такимъ случаямъ правило грѣхъ пополамъ?

102. Не существуетъ ли обычая, по которому завладѣвшій добросовѣстно чужимъ имуществомъ по простествіи навѣстнаго числа лѣтъ (извѣстной давности), получаетъ на него право собственности? Если существуютъ такіе сроки давности, то какіе именно?

103. Знаетъ ли народъ и соблюдаетъ ли установленное закономъ правило, по которому не дозволяется самоуправство относительно имущества, находящагося въ чужомъ владѣніи, хотя бы и незаконномъ?

Д. Д о г о в о р ы.

104. Считаетъ ли народъ за грѣхъ, стыдъ или проступокъ не исполнить слова, обѣщанія или договора (поговорка: *до слова держись, а за слово крѣпись*)? Каковы общія понятія крестьянъ о договорахъ, выражаемыя въ пословицахъ (напримѣръ: *уговоръ дороже денегъ; на чемъ рядишь, на томъ и ѣдешь*, и т. п.)? Какіе существуютъ въ народѣ термины для обозначенія вообще разнаго рода договоровъ (*ряда, ладъ, съемка, прага, съемъ, заемъ, отсутное* и т. д.)? Нѣтъ ли особыхъ въ году дней, когда крестьяне обыкновенно заключаютъ разнаго рода договоры (напримѣръ, съ весенняго Егорья по Семень-день, либо по Покровъ—сроки торговцевъ и сроки сдѣлкамъ и наймамъ)?

105. Какого рода обмененія (предварительные переговоры) предшествуютъ заключенію различныхъ договоровъ? Какіе обряды и символическія дѣйствія сопровождаютъ заключеніе и совершеніе договоровъ (могарычи или литки, чаепитіе, рукобитье, молитва, ѣда земли и проч.)? Какое они имѣютъ значеніе, и послѣ какихъ изъ нихъ договоръ считается окончательно заключеннымъ? Кто даетъ могарычи, кому и сколько? Значеніе рукобитья (заложить правую руку значитъ—дать слово; выкупить правую руку—исполнить слово)? Въ какихъ формахъ выражается рукобитье (напримѣръ, рукобитье вообще между договаривающимися сторонами; рукобитье обернутою, а не голою рукою; разниманіе рукъ постороннимъ лицомъ-свидѣтелемъ; передача известной вещи для обозначенія заключенія договора; передача поводка, узды при куплѣ-продажѣ лошади и т. п.).

106. Требуется ли обычаями, чтобы лица, совершающія договоры, были полноправны, т. е., совершеннолѣтны, здоровы умственно и т. п.? Не ограничиваются ли права такихъ лицъ, и въ какой именно мѣрѣ? Какіе изъ договоровъ и въ какихъ случаяхъ облакаются крестьянами въ письменныя формы? Какую

роль играютъ при совершеиіи договоровъ свидѣтели, и кто считается самымъ благонадежнымъ свидѣтелемъ? Какое вообще число свидѣтелей считается необходимымъ для удостовѣренія совершеиія какой-либо сдѣлки, или же для разбирательства споровъ относительно условій заключенія договора?

107. Какіе договоры и въ какихъ случаяхъ у крестьянъ облекаются въ письменныя формы? Какую роль играютъ при совершеиіи договоровъ свидѣтели? Какое число свидѣтелей считается достаточнымъ для засвидѣльствованія сдѣлки, удостовѣренія условій, разрѣшенія спора?

108. Чѣмъ обезпечивается исполненіе или нерушимость договора (поручительствомъ, задаткомъ, залогомъ, неустойкой)? Каково понятіе народа о поручительствѣ, и легко ли крестьянинъ находитъ поручителя (поговорки: *порука — мука; кто поручится, тотъ и поручится; тотъ печалься, кто ручался*)? Какую роль играетъ поручительство при договорахъ, и въ чемъ заключается отвѣтственность поручителя при неисполненіи договоровъ? Получаетъ ли поручитель вознагражденіе, и чѣмъ именно, т. е., извѣстнымъ процентомъ, или просто угощеніемъ (напримѣръ, въ купеческомъ быту за поручительство при займѣ платится извѣстный процентъ изъ занятаго капитала)?

109. Какое значеніе имѣютъ при заключеніи договоровъ задатки? Кто и кому даетъ задатокъ — нанимающійся ли нанимателю, или на оборотъ? Въ какихъ случаяхъ бываетъ тотъ или другой порядокъ, а также для какой стороны бываетъ выгоднѣе дать или получить задатокъ? Въ какихъ случаяхъ задатокъ возвращается назадъ давшему, и въ какихъ случаяхъ онъ теряется? Бываютъ ли двойные задатки, т. е., взисканіе, кромѣ задатка, еще такой же суммы въ видѣ неустойки? Бываютъ ли вещественныя задатки или такъ называемыя залого, т. е., оставленіе въ обезпеченіе договора какой-либо вещи: шапки, рукавицы, телеги, паспорта и т. д., дача впередъ изъ условлен-

ной платы какъ-нибудь продустовъ? Не называется ли у крестьянъ залогомъ, если кто послѣ совершенія договора въ обезпеченіе платежа насильственно беретъ какую-либо вещь (например, когда за неплатежъ при неравовѣ снимають одежду)?

110. Существуетъ ли у крестьянъ въ обезпеченіе договоровъ неустойка, и какъ велика она бываетъ?

Что народъ разумѣетъ подъ неустойкой — плату ли убытковъ, или штрафъ за неисполненіе договора? Присуждается ли крестьянскимъ судомъ неустойка, если она не была условлена при заключеніи договора? Взыскивають ли крестьяне убытки, когда договоръ обезпеченъ неустойкой, или довольствуются взысканіемъ одной неустойки? При взысканіи убытковъ или неустойки самій договоръ приводится ли въ исполненіе?

111. Что такое отсталое или отступное, когда оно дается и въ какихъ размѣрахъ?

112. Какія условія прекращенія договора, т. е., прекращается ли договоръ лишь соглашеніемъ сторонъ, или судъ можетъ прекратить его? Какъ смотритъ народъ на уничтоженіе договора, заключеннаго подъ вліяніемъ обмана, ошибки и ошьяненія, или малолѣтнимъ и вообще не имѣющимъ права распоряжаться семейнымъ имуществомъ? Какое вліяніе на обязанность договора имѣетъ исполненіе или неисполненіе такихъ формальностей, которыя, какъ нотаричи, рукобитье и пр., выражаютъ окончательное совершеніе договора? Какое вліяніе на силу договора имѣетъ неисполненіе его одною изъ сторонъ въ цѣломъ или въ части? Не влечетъ ли неисполненіе договора личнаго взысканія съ виновнаго?

113. Какія права и обязанности сторонъ при заключеніи договора купли-продажи?

114. Какія права и обязанности сторонъ при заключеніи договоровъ займа и ссуды?

115. Какія права и обязанности сторонъ при займѣ личноть и имущества?

116. Не смѣшивается ли народъ купли съ имущественнымъ наймомъ или мѣной (напримѣръ, о наймѣ имущества говорятъ: *купить на время*, о куплѣ-продажѣ: *купить на отъчность*, о мѣнѣ: *купить такую-то вещь за такую-то*)?

117. Различаютъ ли крестьяне три рода договоровъ купли: собственно куплю-продажу, запродажу (т. е., торговый договоръ, по которому стороны обязываются совершить сдѣлку купли какой-либо вещи въ извѣстный срокъ, съ означеніемъ цѣны запродаваемой вещи) и поставку (т. е., договоръ о продажѣ вещи, которой можетъ и не быть еще на лицо, но которая должна быть поставлена купившему въ извѣстный срокъ)?

118. Что считается принадлежностью покупаемой вещи (напримѣръ, образъ при покупкѣ дома, узда при покупкѣ лошади, подойникъ при покупкѣ коровы)? Какія бываютъ условія относительно количества и срока уплаты? Нѣтъ ли обычая платить за вещь натурой (поговорка: *насыть по край мукой, такъ и горшочекъ твой*)?

119. Допускается ли обычаемъ продажа крестьянскаго надѣла на какихъ условіяхъ и какъ совершаются подобныя сдѣлки? Какъ и на какихъ условіяхъ совершается купля и продажа земли принадлежащей въ личную собственность.

120. Допускается ли обычаемъ вмѣшательство въ чужой торгъ, т. е., перебиванье у покупателя покупаемой имъ вещи? Какіе вообще взгляды народа на куплю-продажу, на запросъ цѣны, на обманъ при продажѣ, барышничество и т. д.?

Примѣчаніе. Здѣсь желательны имѣть указаніе на пословицы и поговорки, высказывающія народный взглядъ на этотъ предметъ.

121. Не продаютъ ли старыя люди домовъ или кѣсбище имущество съ условіемъ, чтобы покупатель содержалъ ихъ, кормилъ, поилъ до смерти?

122. Какія мѣры употребляютъ крестьяне для опредѣленія длины, ширины и высоты или толщины, вѣса и времени вообще, и въ частности при продажѣ? Не имѣютъ ли крестьяне, кромѣ казенныхъ мѣръ, и своихъ особенныхъ? Не имѣютъ ли крестьяне особыхъ способовъ для измѣренія и какая мѣра ими для этого употребляется?

123. Какъ преимущественно совершается договоръ купли-продажи: словесно или письменно, и въ какихъ случаяхъ употребляется этотъ послѣдній способъ? Призываются ли свидѣтели, и въ какихъ случаяхъ?

124. Кѣмъ и какъ разрѣшаются споры между продавцами и покупателями о качествахъ и цѣнѣ проданнаго имущества? Не призываются ли для того стороннія лица или посредники?

125. Съ какого момента договоръ купли-продажи считается окончательно совершеннымъ — со времени ли соглашенія сторонъ (т. е., со времени рубобитья, питья могоаричей и т. д.), или со времени передачи проданной вещи покупщику?

126. Какое вліяніе имѣютъ народныя суевѣрія на условія купли-продажи (напримѣръ, лошадь или корова, которая пришлась, какъ говорятъ крестьяне, — не ко двору, продается за безцѣнокъ, бракуются такъ-называемыя двужилыныя лошади и т. д.)?

127. Чѣмъ обезпечиваются договоры купли, запродажи и поставки, т. е., задаткомъ, неустойкой или чѣмъ еще? Кто даетъ задатокъ — покупщикъ или продавецъ? При покупке скотины не даетъ ли продавецъ, а при продажѣ сѣна покупатель какого залога въ обезпеченіе продажи?

128. По полученіи задатка можетъ ли быть расторгнута купля, если проданная вещь окажется, напримѣръ, обманною и нигде не годною? Какія послѣдствія неисполненія договора купли (потеря или возвращеніе задатка, извѣстная неустойка и т. п.)? Если покупщикъ не уплатилъ въ срокъ покупной суммы,

то договоръ считается ли несостоявшимся, и онъ получаетъ дан- ный продавцу задатокъ, или задатокъ остается въ пользу по- слѣдняго?

129. Если при продажѣ вещи сдѣланъ обманъ (напримѣръ, про- данная вещь имѣетъ скрытые недостатки и т. д.), то такая сдѣл- ка обязательна ли для обманутой стороны? Такой обманъ вле- четъ ли совершенное уничтоженіе сдѣлки, или налагаетъ лишь обязанность на обманувшаго вознаградить потерѣвшую сторону?

130. Не существуетъ ли права перекупа для родныхъ и сосѣдей, если продана какая-либо вещь или недвижимое иму- щество, и какіе сроки для такого выкупа, если онъ существуетъ въ народномъ быту?

131. Часты ли случаи мѣны недвижимыми имуществами (на- примѣръ, мѣна пашенными и сѣнокосными полями, усадьбами, домами и проч.)?

Какъ совершается мѣна движимыми имуществами, напримѣръ, мѣна лошадьми, мѣна домашнею птицею? Какое значеніе имѣютъ при мѣнѣ такъ-называемые барышники?

Какіе существуютъ обычаи и предрасудки при мѣнѣ раз- ными предметами?

132. Какіе существуютъ виды и формы имущественнаго най- ма, или отдачи имущества въ содержаніе (напримѣръ, аренда пахатныхъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ земель, рыбныхъ ло- вель, — фрахтъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ, —наемъ домовъ, квартиръ, амбаровъ, гумень, мельницъ, садовъ, огородовъ, домашняго скота для работы или приплода и т. п.)?

133. Какого рода заключаются при этомъ условія относи- тельно срока найма, цѣны, сроковъ платы, правъ и обязанно- стей хозяина и наемщика, правилъ пользованія арендованнымъ имуществомъ, ответственности за ущербъ, передѣлку, порчу и за самую гибель имущества и т. д.)?

134. Бываютъ ли случаи имущественнаго найма не за деньги, а изъ части прибыли или изъ-за работы, напримеръ, наемъ земли изъ-полу, или изъ мѣшковъ, изъ-за взноса податей и посылки хлѣбомъ, наемъ пасѣчниковъ изъ-полу молодой пчелы, наемъ сѣтей изъ известнаго пая, наемъ квартиры изъ-за работы или отопленія и т. п.?

135. При спорахъ объ арендной платѣ за землю цѣна найма опредѣляется ли сторонами, или наемщикъ платитъ владельцу ту цѣну, по которой земля нанимается въ ближайшемъ соседствѣ? Требуется ли обычай, чтобы при договорахъ найма имущественнаго и личнаго стороны предупреждали до наступленія срока о желаніи прекратить силу договора?

136. Въ какихъ случаяхъ договоры найма бываютъ словесные при свидѣтеляхъ, и въ какихъ случаяхъ письменные?

137. Какія бываютъ послѣдствія неисполненія тою или другою стороною договора найма?

138. Какіе предметы даются въ ссуду на подержаніе (домашній и рабочій скотъ, земледѣльческія и промышленныя орудія, зерновой хлѣбъ для посѣва, платья, разныя домашнія вещи и т. д.)? Ссудой на подержаніе считается ли въ народѣ только договоръ о безмездномъ займѣ движимаго имущества, съ условіемъ возвратить то самое имущество, которое занято и въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было дано, или же ссудой считается заемъ вещей со вздой?

139. Какого рода вознагражденіе дается за ссуду (т. е., деньги, вещи или работа): не даютъ ли домашняго скота для приплода и изъ приплода, зерноваго хлѣба подѣ посѣвъ изъ присыпа, т. е., прибавки сѣменами, и пр.? Каковъ обыкновенно бываетъ размѣръ такого вознагражденія?

140. Какъ опредѣляется отвѣтственность за керчу или за уничтоженіе имущества, взятаго на подержаніе, напримеръ, если взята въ пользованіе скотина пала?

141. Какія бываютъ въ народномъ быту разнаго рода поклажи, т. е., отдача вещей на сохраненіе впредь до востребованія (напримѣръ, ссннѣ хлѣба въ чужой амбаръ, поставка хлѣба на чужомъ гумнѣ)? Сюда же относятся такіе случаи, какъ отдача на сохраненіе, кому мѣръ укажетъ, вещей погорѣльцевъ и т. п.

При поклажахъ на сохраненіе не употребляются ли бирки и жеребайки? Допускаетъ ли обычай пользованіе вещами, данными на сохраненіе?

142. Бываютъ ли условія относительно вознагражденія лица, принимающаго вещи на сохраненіе? Чѣмъ обезпечивается договоръ поклажи? Въ какомъ случаѣ принимающій на сохраненіе отвѣчаетъ за порчу или истребленіе вещи?

143. Въ какой формѣ совершаются разнаго рода займы? Кто занимается въ деревняхъ дачей денегъ въ долгъ, и нѣтъ ли ростовщиковъ между крестьянами?

Какія бываютъ условія относительно уплаты долговъ? Не оплачиваютъ ли по договору долговъ работою, вещами, хлѣбомъ и проч.? Совершаются ли займы на срокъ или безъ срока, и какіе чаще? Нѣтъ ли обычныхъ сроковъ для уплаты или дней для собранія долговъ (напримѣръ, Юрьевъ день, Ильи Пророка)?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ поговорка: *пятница субботъ поощала, суббота бы долги считала*, указывающая на обычай собирать долги по субботамъ.

144. Заимодавцы обезпечиваютъ ли себя залогомъ, или обходятся безъ него, и когда даютъ залогъ, то въ чемъ онъ обыкновенно заключается? Бываютъ ли займы безъ процентовъ? Какъ великъ размѣръ процентовъ, и въ какомъ видѣ взимаются проценты, т. е., деньгами, работою, отдачею земли или чѣмъ еще? Не считается ли грѣхомъ брать большіе и вообще проценты? При нежеланіи или невозможности должника платить не подвергается ли его судъ наказанію?

Примѣчаніе. Какъ извѣстно, условія займа въ крестьянскомъ быту весьма различны, и потому желательно имѣть указанія на причины, вліяющія на такое различіе.

145. Займодавецъ, требуя уплаты долга до срока, не теряет ли права на получение процентовъ? Должникъ, уплачивая до срока, можетъ ли заплатить проценты не сподна, а не рачету времени?

146. Словесныя обязательства по займу имѣютъ ли силу передъ крестьянскимъ судомъ, т. е., допускается ли народными обычаями доказывать существованіе такихъ обязательствъ свидѣтельскими показаніями? Можно ли доказывать свидѣтельскими показаніями уплату денегъ по роспискѣ?

147. Бирки или рubeжи въ употребленіи ли у крестьянъ, и имѣютъ ли они силу долговаго акта или обязательства въ народномъ быту и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ? Существуетъ ли обычай срѣзать съ бирки, т. е., уничтожать долгъ? Когда это бываетъ, и какъ относятся къ тому? Какіе знаки вырѣзываются на долговыхъ биркахъ: не вырѣзываютъ ли иѣты или клейма должника?

148. Имѣетъ ли залогоприниматель право пользоваться заложеною вещью, и притомъ до срока на выкупъ, или только послѣ наступленія срока? Право выкупа заложеной вещи распространяется ли по смерти хозяина вещи на его родственниковъ?

Не представившій выкупа за вещь къ сроку теряетъ ли свои права на заложенную вещь, или нѣтъ? Нѣтъ ли обычая установленнаго срока, по истеченіи котораго заложная вещь переходитъ въ собственность принявшаго вещь въ залогъ?

149. Какъ поступаютъ въ случаѣ непризнанія должникомъ долга, если онъ далъ подъ залогъ вещь, или если займодавецъ не признаетъ долга, чтобы воспользоуаться залогомъ?

150. Существуетъ ли обычай *грабить* должника, т. е., забирать у неплательщика вещи и держать ихъ у себя до уплаты денегъ по займу?

Примечаніе. Здѣсь желательно также имѣть указанія на существующія суевѣрія относительно займовъ, напримѣръ, не давать въ займы въ тотъ день, когда родится какое-либо домашнее животное, и т. д.

151. Отличаетъ ли народъ договоръ подряда (т. е., обязательство совершать съ помощью другихъ лицъ за известное вознагражденіе въ теченіе известнаго времени какой-либо трудъ) отъ договора личнаго найма?

Для исполненія какихъ именно работъ нанимаютъ подрядчиковъ (постройки, обработка полей, промыслы, перевозка людей и тяжестей, набирание грузовъ и т. д.)?

152. Какія дѣлаются при подрядахъ условія относительно срока подряда, платы, ответственности той или другой стороны за неисполненіе договора и т. д.?

Въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ находятся подрядчики къ нанятымъ или рабочимъ при разнаго рода подрядныхъ работахъ?

Кто отвѣчаетъ за неисправную или испорченную работу—подрядчикъ или рабочіе?

153. Какимъ порядкомъ и на какихъ условіяхъ дѣлаются заказы шерстобитамъ; швецамъ, ткачамъ, красильщикамъ холста, овчинникамъ и т. д.? На какихъ условіяхъ отдають дѣтей для обученія ремесламъ?

154. При заказахъ работы ремесленникамъ (шерстобитамъ, овчинникамъ, красильщикамъ), какимъ образомъ удостовѣряются въ дѣйствительной отдачѣ предмета для обработки? Если для этого употребляютъ жеребья, то какъ поступаютъ въ случаѣ потери жеребья? Кто отвѣчаетъ за порчу отданнаго для обработки матеріала, и какъ вознаграждается его хозяинъ?

155. На какихъ условіяхъ нанимаютъ возчиковъ? Чѣмъ обезпечиваются наниматели возчиковъ въ исправной доставкѣ влады: не берутъ ли съ нихъ задатковъ, не отбираютъ ли отъ нихъ паспортовъ, не даютъ ли имъ накладныхъ?

Примечаніе. Желательно имѣть свидѣнія о чумачествѣ на югѣ.

156. Какія условія найма для сельскохозяйственныхъ работъ въ данной мѣстности (рабочіе годовые, сороковые, лѣтніе,

мѣсячные, поденные)? нѣтъ ли особыхъ условій найма рабочихъ на плантаціи свекловичныя, табачныя и пр., какое значеніе задатка при подобномъ наймѣ? Не нанимають ли жнецовъ за извѣстный снопокъ, напримѣръ, по снопу съ кошмы? Не нанимають ли молотильщиковъ за извѣстную часть (напримѣръ, изъ десятой мѣры) намолоченнаго хлѣба? На какихъ условіяхъ нанимаетъ хозяинъ мельницы мельника? Какую плату получаетъ мельникъ за помолъ хлѣба? При помолѣ соблюдается ли чередъ и кому мелють хлѣбъ безъ череды (поговорка: попу нѣтъ череды на мельницѣ)?

157. Какъ производится наемъ пастуха и подпасковъ, также церковнаго сторожа, перевозчиковъ, прорубниковъ, и десятскихъ, т. е., какія бываютъ при этомъ условія найма и способы содержанія?

Какіе праздники устраиваются пастухамъ, и какіе дары имъ даются при выгонѣ скота на лѣтнее пастбище?

158. Какимъ порядкомъ ведется инопастушный счетъ? Если по чередамъ, то какъ опредѣляется чередъ, т. е., какая скотина составляетъ полный чередъ, и какая часть череда? Въ какое время производится плата общественнымъ пастухамъ? За скотину, взятую изъ стада среди лѣта, получаетъ ли пастухъ полную плату? Какія мѣры принимаются пастухами въ случаѣ неплатежа кѣмъ-либо изъ хозяевъ за его скотину?

159. Въ какихъ именно случаяхъ пастухъ отвѣчаетъ передъ хозяиномъ за утрату скота, и чѣмъ отвѣчаетъ? Какія доказательства требуются отъ пастуха въ томъ, что выбывшее изъ стада животное дѣйствительно пало или съѣдено звѣремъ? Какая отвѣтственность пастуха за поправу?

160. Какія отношенія установлены обычаями въ крестьянскомъ быту между хозяевами и рабочими? Можетъ ли хозяинъ по собственному усмотрѣнію наказывать рабочаго, именно—бить его, штрафовать, отослать до срока и т. д.?

Установлены ли обычаями каких-либо мѣръ для защиты рабочаго отъ притѣсненія со стороны хозяина? Чѣмъ и какъ обезпеченъ хозяинъ отъ убытковъ, причиняемыхъ ему нерадивостью или проступками рабочихъ?

161. Договоры личного найма вообще въ крестьянскомъ быту считаются ли только обязательными для лицъ, заключившихъ ихъ, или распространяются и на потомство?

Какія личныя отношенія крестьянъ-хозяевъ къ своимъ работникамъ? Имѣютъ ли они общій столъ и т. д.? Считается ли работникъ-батракъ, долго живущій въ крестьянской семьѣ членомъ ея, или нѣтъ?

Примѣчаніе. Въ свѣдѣніяхъ о договорахъ найма рабочихъ желательно имѣть указанія на различные обряды и формальности, сопровождающіе этотъ наемъ, на сроки найма, наемной платы и выговорномъ кромѣ платы вознагражденіи натурой.

162. Существуютъ ли въ крестьянскомъ быту данной мѣстности обычай помогать другъ другу въ полевицкѣхъ и другихъ работахъ, а также при вывозѣ дѣса для крестьянскихъ построекъ, а въ особенности послѣ пожара, и на какихъ условіяхъ? Какія названія даются такимъ работамъ (помочи, толоки, работы на вино, на кашу и т. д.)? Какія вообще отношенія помочанъ къ хозяевамъ?

163. Бываютъ ли общія помочи, т. е., сперва помогаютъ одному, потомъ другому, третьему и т. д., или помочи попризыву? Помогаютъ ли за одно угощеніе, или берется еще какое-нибудь вознагражденіе? Какіе бываютъ условія и договоры относительно исполненія работъ общими силами?

164. Не существуетъ ли обычая соединяться нѣсколькимъ хозяевамъ лошадьми, волами, телегами для общей работы, и какія при этомъ устанавливаются отношенія?

Примѣчаніе. Этотъ обычай извѣстенъ въ Малороссіи подъ названіемъ *супржа*.

165. Существуют ли товарищества парней и молодых дѣвушекъ для общихъ работъ или для добыванія денегъ съ благотворительною цѣлью или для першества?

Существуетъ ли сходка или собраніе парней или молодыхъ дѣвушекъ для полевой работы въ праздничные дни или такъ-называемыя гульби, и на какихъ условіяхъ нанимаютъ такіа гульби?

Примѣчаніе. Въ Малороссіи существуютъ паробочьки громады, брагья и сестрички, а также вечерниці и досвітки, объ устройствѣ которыхъ желательно имѣть свѣдѣнія.

166. Какія существуютъ въ данной мѣстности артели: для приобрѣтенія сообша сыраго матеріала на издѣлія, или для производства и сбыта послѣднихъ, или для общаго пользованія заведеніемъ, машиной, судномъ и т. д., или харчевня (потребительныя) для общаго пользованія столомъ, одеждой, помѣщеніемъ и т. д., или для взаимнаго вспомошествованія, страхованія, или съ круговою порукой въ смыслѣ отвѣтственности передъ хозяиномъ и т. д.? Не существуетъ ли смѣшанныхъ артелей, преслѣдующихъ разомъ нѣсколько вышеуказанныхъ или какихъ-нибудь другихъ цѣлей?

167. Заключаются ли особые договоры о составленіи артели, и притомъ какіе—словесные или письменные? Какъ производится дѣлежъ прибыли и убытковъ? Какъ избирается староста? Какъ и чѣмъ наказываются неисправные члены артели?

168. Не ходять ли крестьяне артелями на заработки, и на какихъ основаніяхъ? Какое устройство этихъ артелей, и въ чемъ заключаются различіе и особенности каждой изъ нихъ?

169. Какимъ способомъ рѣшаются вопросы, возникающіе въ средѣ артели: посредствомъ ли выборныхъ, или артельныхъ сходомъ? Какой порядокъ счетоводства, отчетности и вообще сведенія счетовъ въ артеляхъ? Какой порядокъ взысканія съ членовъ артели въ случаѣ неисполненія договора или условія.

170. Занимають ли артель рабочих или подручников временно или постоянно, и на какихъ условіяхъ?

171. Кто является представителемъ артели въ дѣлахъ тяжбныхъ или въ случаѣ какой-либо ответственности передъ казною (например, по отбыванію повинностей, при взятіи промысловаго свидѣтельства и т. д.)—все ли члены артели, или только староста?

Примѣчаніе. Желательно имѣть списки съ условій договора и обязательствъ, заключаемыхъ артелями, а также перечень всехъ артелей, которыя существуютъ въ данной мѣстности.

172. Какое устройство ремесленныхъ цеховъ, составъ ихъ, управленіе, касса, право и обязанности членовъ, обряды вступленія и проч.

Примѣчаніе. Въ Малороссіи цехи сохранились не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но даже въ большихъ селеніяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ иныхъ мѣстностяхъ они называются цеховыми или цеховниками, а въ другихъ братчиками и сестричками.

Общее примѣчаніе. При записываніи того или другаго обычая необходимо въ точности означать мѣсто, гдѣ онъ былъ наблюдаемъ (указать не только губернію, но уѣздъ или округъ, волость и даже селеніе), а также, если возможно, объяснить—составляетъ ли этотъ обычай принадлежность данной мѣстности, или же существуетъ и въ другихъ мѣстахъ въ томъ же видѣ или съ измѣненіями. Слѣдуетъ также, если возможно, собирать свѣдѣнія о томъ, составляетъ ли извѣстный обычай принадлежность русскаго населенія, или же извѣстенъ и между инородцами, или заимствованъ даже отъ нихъ. Вообще нужно обращать вниманіе и на инородческіе юридическіе обычаи, опредѣляя по мѣрѣ возможности, какое вліяніе русскіе обычаи имѣютъ на инородческіе, и на оборотъ, такъ какъ нѣкоторые рус-

скіе обычай сложились подъ вліяніемъ инородческихъ. Сооб-
щая въ подтвержденіе существованія известнаго обычая рѣше-
нія народныхъ судовъ, слѣдуетъ приводить эти рѣшенія въ
подлинникѣхъ и съ обозначеніемъ — рѣшено ли дѣло волостными
судомъ, или сельскимъ сходомъ, и записано ли рѣшеніе лично
собрателямъ, присутствовавшимъ при разбирательствѣ дѣла, или
же выписано изъ книги рѣшеній волостныхъ судовъ.

Нѣтъ сомнѣній, что въ настоящее время въ волостныхъ судахъ и сельскихъ сходахъ

судятъ по стариннымъ обычаямъ, и потому въ оныхъ рѣшеніяхъ должно указывать на то, по какому обычаю

судятъ, и какому именно обычаю, а также и на то, кто именно присутствовалъ при разбирательствѣ

дѣла, и каковы были результаты разбирательства, а также и на то, каковы были причины рѣшенія

дѣла, и каковы были мотивы рѣшенія, а также и на то, каковы были результаты разбирательства, а также и на то, каковы были причины рѣшенія

дѣла, и каковы были мотивы рѣшенія, а также и на то, каковы были результаты разбирательства, а также и на то, каковы были причины рѣшенія

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

У г о л о в н о е п р а в о ¹⁾.

П Р Е Д И С Л О В И Я

Правила, принятыя народомъ при сужденіи непопулярныхъ въ обществѣ дѣйствій, называются уголовно-юридическими обычаями. Отъ обычаевъ слѣдуетъ отличать: 1) воззрѣнія народа или какихъ-либо классовъ его, хотя и общераспространенныя, но не находящія себѣ дѣйствительнаго приѣнія; 2) мѣры, дѣйствительно принимаемыя иногда потерпѣвшими, но расходящіяся со взглядомъ народа, который относится къ нимъ какъ къ актамъ самосуда; 3) взгляды и мѣры, вышедшіе изъ употребленія, о которыхъ сохранились лишь преданія.

Для полноты картины уголовно-юридическихъ обычаевъ желательно собирать не только обычай въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но также воззрѣнія народа, общеупотребительные акты самосуда и преданія, съ тѣмъ однако, чтобъ изъ сообщенія видно было отличіе ихъ отъ обычаевъ.

Подъ вліяніемъ обычаевъ народъ или 1) создаетъ самостоятельныя понятія о преступленіи и наказаніи, или 2) видоизмѣняетъ въ практическомъ приѣненіи тѣ нестановленія, которыя содержатся въ законахъ. Поэтому, при собираніи уголовно-юридическихъ обычаевъ весьма важно выяснитъ, какіе

¹⁾ Программа эта составлена профессоромъ С.-Петербургскаго университета Н. Я. Фойницкимъ.

изъ нихъ явились какъ плодъ самостоятельнаго правоваго мышленія и правовыхъ потребностей народа, какіе вызваны желаніемъ противодѣйствовать закону вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, и какіе, наконецъ, появились для восполненія пробѣловъ закона. Желательно было бы также, съ другой стороны, указать, не было ли обычаевъ, которые оставлены народомъ вслѣдствіе сознанаго превосходства закона, и какіе именно.

Подъ именемъ народа въ вопросахъ программы понимаются всѣ вообще классы общества, среди которыхъ къ недопустимымъ дѣйствіямъ находятъ дѣйствительное примѣненіе не только правила, изложенныя въ законахъ писанныхъ, но и отмѣняющія или дополняющія ихъ правила обычая. Непременное требованіе отъ собирателя обычаевъ при записываніи ихъ есть самое точное обозначеніе: 1) мѣстности, гдѣ данный обычай примѣняется (губернія, уѣздъ, станъ, волость, село), 2) времени, когда данный обычай примѣнялся въ послѣдній разъ, часто ли онъ примѣняется и когда записанъ, 3) того класса общества, занятій его и образа жизни, среди котораго онъ примѣняется, съ оговоркой — не замѣчается ли онъ между лицами другихъ классовъ (мищане, крестьяне, однодворцы, колонисты, инородцы такіе-то и пр.), и 4) способа, которымъ данный обычай дошелъ до свѣдѣнія собирателя (напримѣръ, по разказу, и чьему именно, наблюденіемъ въ волостныхъ судахъ или на сходѣ или инымъ путемъ, чтеніемъ приговоровъ волостнаго суда и т. д.) Въ крайнемъ случаѣ, при запоминаніи, можно умолчать о 2-мъ и 4-мъ пунктахъ; но отвѣты на 1-й и 3-й пункты безусловно необходимы: безъ нихъ сообщаемое свѣдѣніе не имѣетъ никакой цѣны.

При описаніи наказаній, употребительныхъ по обычаю, желательно обозначить: 1) кого народъ считаетъ имѣющимъ право примѣненія ихъ; 2) распространяется ли данное наказаніе только на виновнаго, или и на лицъ близкихъ къ нему, и въ какой именно степени близости, и 3) какими способомъ они примѣняются и какими послѣдствіями сопровождаются.

Источниками для получения матеріала по предложеннымъ въ программѣ вопросамъ могутъ служить: 1) приговоры волостныхъ судовъ, занесенные въ волостныя книги; 2) наблюденіе надъ производствомъ уголовныхъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ; 3) приговоры сельскихъ сходовъ; 4) народныя поговорки о преступленіяхъ и наказаніяхъ; 5) наблюденіе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей; 6) прошенія и инныя бумаги, представляемыя въ судебныя мѣста и административныя установленія и содержащія въ себѣ ссылку на дѣйствующіе въ мѣстности обычаи; 7) собраніе устныхъ разказовъ и преданій о разныхъ уголовныхъ событіяхъ прошедшаго и настоящаго времени; 8) наблюденіе, какъ народъ поступаетъ въ данномъ случаѣ, напримѣръ, при надзорѣ обществъ; 9) разпросы и бесѣды, прямо направленные къ тому, чтобъ узнать, какъ народъ поступаетъ въ томъ или другомъ случаѣ, напримѣръ, въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, въ случаѣ рожденія дѣвушкою ребенка и т. под.

Собиратель обычаевъ есть свидѣтель видѣннаго и слышаннаго имъ въ народномъ быту; поэтому, отвѣты его будутъ тѣмъ драгоценнѣе, чѣмъ точнѣе и полнѣе они воспроизводятъ дѣйствительность; наиболѣе характерныя разказы и рѣшенія народныхъ судовъ желательно приводить цѣликомъ.

Вопросы программы изложены въ трехъ отдѣлахъ. Первый объѣмаетъ всѣ преступленія въ ихъ общихъ признакахъ, требуемыхъ народнымъ обычаемъ, и назначаема за нихъ наказанія. Такъ напримѣръ, различныя отбѣнки вины, участія и обстановки (нужда и пр.) могутъ встрѣтиться при кражѣ, грабежѣ, убійствѣ и иныхъ преступленіяхъ; отвѣчая на соотвѣтственные вопросы, нужно указать, какъ относится народный обычай къ этимъ общимъ признакамъ, и не дѣлаетъ ли онъ различія въ оцѣнкѣ ихъ по различію преступленій. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены вопросы по каждому роду и виду преступленій. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ содержатся вопросы о распространенности преступленій и о причинахъ, ихъ вызывающихъ.

*

Затрудненія, которыя встрѣтятся въ пониманіи точнаго смысла юридическихъ выраженій, употребляемыхъ въ программѣ (напримѣръ, покушеніе, укрывательство), всего удобнѣе разрѣшать сношеніями съ мѣстными судебными слѣдователями, мировыми судьями и членами судебныхъ установленій.

Не требуется отвѣчать непременно на всѣ вопросы разомъ; съ благодарностію будутъ приняты отвѣты и на часть вопросовъ, по выбору отвѣчающаго. На всякомъ отвѣтномъ листѣ, вверху, слѣдуетъ обозначить: „уголовные обычаи N губерніи, N уѣзда, N волости, такой-то мѣстности и такого-то класса лицъ“. Въ отвѣтахъ должна быть сохранена нумерація вопросовъ программы, съ обозначеніемъ приложений (разказовъ, копій приговоровъ волостныхъ судовъ и пр.), которыя при нихъ препровождаются.

ОТДѢЛЪ I.

Народные обычаи о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще.

1. Кому, по понятіямъ и обычаямъ народа, принадлежитъ власть преслѣдовать, судить и наказывать виновныхъ въ преступленіяхъ?

2. Не замѣчали ли вы въ народѣ убѣжденія, что преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ принадлежитъ карѣ Божіей? Не является ли Богъ, по понятіямъ народа, истителемъ оставшихся безнаказанными преступленій, и если является, то какихъ именно, и въ чемъ состоятъ такія кары по мнѣнію народа?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно выяснитъ взглядъ народа на общія и частныя бѣдствія, напримѣръ, на войну, голодъ, повальныя болѣзни, семейныя несогласія и т. под.

3. Не преслѣдуетъ ли народъ нѣкоторыхъ преступленій по религіознымъ побужденіямъ, и какія именно? Различаетъ ли народъ преступленіе отъ грѣха, въ чемъ состоитъ это различіе, и какія дѣйствія относятся къ каждому изъ этихъ разрядовъ? Что считается важнѣе — грѣхъ или преступленіе? Если вы замѣчали случаи наказанія поступковъ, которые суть толь-

ко грѣховныя (напримѣръ, работа въ праздникъ), то какіе именно, какъ и къмъ они обсуждались и наказывались?

4. Существуетъ ли въ вашей мѣстности обычай мстить виновному за преступленіе? Если существуетъ, то кто является мстителемъ, въ какихъ преступленіяхъ и въ какихъ предѣлахъ месть допускается? Нѣтъ ли случаевъ, и какіе именно, когда мстить можетъ только самъ обиженный? Не наблюдаетъ ли общество, чтобы мститель не переступалъ за установленныя обычаями предѣлы, и если переступаетъ, то какія его ожидаютъ послѣдствія?

5. Не замѣчается ли въ вашей мѣстности частныхъ сдѣловъ между виновнымъ въ преступленіи и потерпѣвшимъ, съ цѣлью примиренія или оставленія дѣла безъ судебного разбора? Если замѣчаются, то въ какихъ преступленіяхъ онѣ допускаются, въ чью пользу идетъ выкупъ, какъ онъ называется народомъ, и какъ смотритъ народъ на того, кто, получивъ выкупъ, станетъ судиться? Не замѣчали ли вы слѣдовъ напередъ установленнаго размѣра выкупа за каждое преступленіе, или же цифра выкупа опредѣляется каждый разъ особымъ соглашеніемъ, и на чемъ она основывается?

Примѣчаніе. Въ народѣ для обозначенія выкупа употребляются выраженія „откупиться“ и другія, которыми желательнѣе правести.

6. Независимо отъ наказанія, признаетъ ли обычай за потерпѣвшимъ отъ преступленія право на вознагражденіе за причиненный ему вредъ, притомъ — только ли за имущественный, или и за иные случаи вреда, и какіе именно? Отвѣчаютъ ли вознагражденіемъ только совершившіе преступленіе, или также подговорщики и помогавшіе преступленію? Отвѣчаютъ ли предѣ потерпѣвшимъ наследники за умершихъ, родители за дѣтей и мужъ за жену?

7. Не замѣчали ли вы преступленій, которыми вся община считала бы себя обиженною? Какія это преступленія, и къ чему въ такихъ случаяхъ прибѣгала община?

8. Не замѣчали ли вы взгляда народа на нѣкоторые преступленія какъ на дѣло царское, и на какія именно? Какія наказанія употребляются въ этихъ случаяхъ?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, запрещается стрѣлять орловъ, какъ царскому птицу.

9. Принимаются ли народными судами вашей мѣстности уголовные законы, изданные правительствомъ, какіе именно, и въ какой мѣрѣ они считаются обязательными по обычаю?

10. Не извѣстны ли вамъ случаи, и какіе именно, которые, будучи не наказуемы по закону, запрещаются и наказываются по обычаю?

Примѣчаніе. Сюда, напримѣръ, относятся: перемѣна мѣтъ на скотѣ, работа въ праздники, рваніе и тины женщиной и т. д.

11. На оборотъ, не извѣстны ли вамъ случаи, и какіе именно, которые наказываются закономъ, а народъ не считаетъ ихъ преступными и не наказываетъ ихъ? Какія тому причины?

Примѣчаніе. Сюда, напримѣръ, относятся: мѣсныя порубки, контрабанда въ пограничныхъ мѣстностяхъ, мелкіе фбаны въ торговлѣ и т. под.

12. Нѣтъ ли въ вашей мѣстности преступленій, совершаемыхъ единственно по суевѣріямъ, предразсудкамъ и народнымъ обыкновениямъ? Какія именно суевѣрія, предразсудки и обыкновения, вызывающія преступленія, извѣстны вамъ, и какъ народъ относится къ преступленіямъ, вызваннымъ ими? На оборотъ, нѣтъ ли суевѣрій и предразсудковъ, и какіе именно, которые уничтожаютъ возможность совершенія нѣкоторыхъ преступленій?

Примѣчаніе. Здѣсь желательно обратить вниманіе не только на суевѣрія и предразсудки (напримѣръ, кража сѣмянъ для лучшаго урожая, обычай воровъ заворовывать на Благовѣщеніе, расправы съ вѣдьмами и колдунами), но и на обыкновения, въ силу которыхъ произведенное нарушеніе права превращается, по взгляду народа, въ дозволенную шутку или въ обязательный обрядъ; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ объявленный женихъ долженъ угощать всѣхъ парней, при чемъ послѣднимъ дозволяется даже похитать вещи жениха при отглазѣ его отъ добровольнаго угощенія; на вечеринкахъ дозволяется обращеніе съ дѣвушками, которое запрещается въ иное время, и т. под.

13. Проводить ли народъ различіе между гражданскими и уголовными нарушеніями? Не въ обычаѣ ли назначать наказанія и за неисполненіе договоровъ гражданскихъ, и при какихъ обстоятельствахъ? Если существуетъ такой обычай, то какіе извѣстны по этому предмету случаи, не примѣнялось ли въ нихъ правило „грѣхъ пополамъ“, и въ какомъ именно значеніи?

14. Запрещаетъ ли народъ извѣстныя дѣйствія потому только, что ими причиняется какой-нибудь вредъ, или же потому, что они сами по себѣ представляются дѣйствіями дурными по мнѣнію народа? Примѣры.

15. Различаетъ ли народъ преступленія по тяжести ихъ, или по инымъ признакамъ, и наказанія именно? Какія выраженія употребительны въ народѣ для означенія разныхъ родовъ преступленій (напримѣръ, „преступленіе“, „проступокъ“, „уголовье“, „уголовщина“, „злодѣяніе“, „лихое дѣло“ и т. под.) и въ какомъ именно смыслѣ?

16. Требуется ли для наказанія злая воля, и какими словами обозначается злоумышленность? Придаетъ ли народъ значеніе тому обстоятельству, что преступленіе было задумано задолго до его исполненія, и какое именно? Не отнесется ли народъ снисходительнѣе къ тѣмъ случаямъ, когда преступленіе совершено въ раздраженіи, особенно если оно вызвано самимъ пострадавшимъ?

17. Не считаетъ ли народъ достаточнымъ для наказанія небрежность, въ какихъ именно случаяхъ, и какъ народъ относится къ неосторожнымъ дѣйствіямъ? Какъ относится народъ къ случайному причиненію вреда? Какія выраженія употребляются для означенія небрежности и случая? Что именно разумѣется подъ нечаянностью, и какъ относится къ ней народный обычай?

18. Не замѣчается ли въ народѣ стремленія объяснять преступленія причинами, лежащими внѣ воли человека, и какъ къ нимъ въ такихъ случаяхъ относится народъ? Что значить ви-

раженія „Божья воля“, „грѣхъ попуталь“, „навожденіе дьявольское“ и другія, употребляемыя для объясненія преступленій, и какъ народный обычай относится къ этимъ объясненіямъ?

19. Какъ народъ относится къ безумнымъ отъ рожденія, помѣшаннымъ, больнымъ и глухонѣмымъ при совершеніи ими преступленій?

20. Извѣстны ли вамъ случаи наказанія народомъ злодѣйныхъ? Если извѣстны, то за какія преступленія, въ какомъ возрастѣ, какія и кѣмъ назначались наказанія?

21. Не наказываетъ ли народъ однихъ лицъ за другихъ (напримѣръ, родителей за преступленія дѣтей)?

22. Не встрѣчались ли въ вашей мѣстности случаи наказанія народомъ животныхъ, за что именно и какъ?

23. Наказываются ли дѣйствія, совершенныя для обороны себя или другихъ, и что считается обороною?

24. Каковы народныя обычай относительно преступленій, совершенныхъ дѣтьми по приказу своихъ родителей, или женами по приказу своихъ мужей, или отдѣльными членами общества по распоряженію всего общества?

25. Какое значеніе народный обычай придаетъ согласію потерпѣвшаго на совершеніе преступленія?

26. Наказываетъ ли народъ за попытку (покушеніе) на преступленіе, а также за приготовленіе къ нему, какъ именно и чѣмъ отличаетъ попытку и приготовленіе отъ оконченнаго преступленія (совершенія)? Какъ смотритъ народъ на одну заявку о желаніи совершить преступленіе (напримѣръ, похвальба, угроза)?

27. Различаетъ ли народъ тѣхъ, кто совершаетъ преступленіе, отъ тѣхъ, кто подговариваетъ на преступленіе и помогаетъ преступнику? Какіе вамъ извѣстны случаи наказанія

народомъ за подговоръ и за помощь къ преступленію? Кого считаютъ подговорщиками и помощниками, и какія для нихъ употребляются названія? Не дѣлаетъ ли народъ различія между совершающими преступленіе по предварительному уговору и безъ него, и какое именно?

28. Какъ относится народъ къ тѣмъ, кто укрываетъ преступленіе, или преступника, или вещи, добытыя преступленіемъ? Существуютъ ли въ вашей мѣстности пристанодержатели, занимающіеся въ видѣ ремесла скупомъ краденаго и укрываніемъ преступниковъ; если существуютъ, то какъ къ нимъ относится народъ?

29. Какъ смотритъ народъ на донесеніе о преступленіи и на доносителей? Не существуетъ ли для нихъ особыхъ названій, и какія именно?

30. Нѣтъ ли въ вашей мѣстности людей, занимающихся преступленіями, и какими именно, въ видѣ постоянного промысла? Если есть, то какъ къ нимъ относится народъ и какими мѣрами ведетъ съ ними борьбу? Чѣмъ объясняется существованіе такихъ людей?

31. Отличаетъ ли народный обычай совершеніе нѣсколькихъ, еще не наказанныхъ преступленій (совокупность преступленій) отъ повторенія преступленія послѣ суда и наказанія за прежнія? Какіе признаки усваиваются каждому изъ этихъ понятій, и какое они имѣютъ значеніе для отвѣтственности?

32. Какія, по народнымъ понятіямъ, обстоятельства, кромѣ указанныхъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ важность преступленія и строгость наказанія?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на обстоятельства времени (днемъ, ночью), мѣста (въ полѣ, на дворѣ, въ кѣтѣ) и свойства предмета (кража плетя, хлѣба, лошадей и проч.), а также на отношенія виновнаго къ потерпѣвшему и на способъ совершенія преступленія (со взломомъ, крадучись, обманъ съ божбою, кража съ переменной мѣтой и т. д.).

33. Какія наказанія употребительны по обычаю?

34. Въ какихъ случаяхъ и размѣрахъ примѣняются денежные взысканія? Денежныя взысканія назначаются ли всегда въ денежныхъ винахъ, или и въ вещахъ, и въ какихъ именно? При опредѣленіи размѣра денежныхъ взысканій не обращается ли вниманіе на состоятельность виновнаго, на семейное его положеніе и на возможность уплатить повинности? Не известны ли вамъ случаи назначенія денежныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія, отдѣльно отъ вознагражденія его за причиненный вредъ? Не известны ли вамъ случаи замѣны денежныхъ взысканій другими наказаніями, какими именно, и при какихъ условіяхъ?

35. Какъ часто и въ какой формѣ примѣняется народомъ наказаніе лишеніемъ свободы? Какъ относится народъ къ этому наказанію?

36. Какъ часто и въ какихъ видахъ примѣняются тѣлесныя наказанія? Не известны ли вамъ обычаи объ изыятіи нѣкоторыхъ лицъ, и какихъ именно, отъ тѣлесныхъ наказаній? Допускается ли выкупъ отъ тѣлесныхъ наказаній и отъ лишенія свободы, при какихъ условіяхъ и въ какой формѣ?

37. Употребительна ли въ вашей мѣстности отдача въ общественныя заработки, и если употребительна, то въ какихъ случаяхъ примѣняется эта мѣра, и какъ она исполняется?

38. Часты ли случаи ссылки по приговорамъ общества, какъ относится народъ къ этой мѣрѣ, и какими она причинами вызывается? Считаетъ ли народъ эту мѣру справедливою и необходимою и въ какихъ случаяхъ къ ней прибѣгаетъ? Не принимаютъ ли при этомъ въ разчетъ возрастъ, полъ, семейность, зажиточность или иныя обстоятельства, и какія именно? Какъ поступаютъ съ имуществомъ, домомъ, надѣломъ и семействомъ ссылаемаго? Не оказываетъ ли вліянія на число ссылаемыхъ величина надѣловъ или иныя обстоятельства, и какія именно?

39. Употребляется ли въ народѣ лишеніе родительскихъ благословенія своихъ дѣтей или даже проклятіе? Если употребляется, то какія изъ этого вытекають послѣдствія по обычаю и по народнымъ вѣрованіямъ?

40. Какіе встрѣчаются случаи обрядовыхъ наказаній и за какія именно дѣйствія?

Примечаніе. Во многихъ мѣстностяхъ въ смыслѣ осрамительныхъ наказаній употребляются воженіе по улицѣ съ украденною вещью, отрѣзаніе дѣвущихъ косы или покрытіе ее очинкомъ, надѣваніе осрамительныхъ уборовъ и проч. Желательно обратить вниманіе на тѣ обряды и пѣсни, которыми сопровождается исполненіе такихъ наказаній.

41. Какъ смотритъ народъ на установленные закономъ наказанія, считаетъ ли онъ ихъ достаточными, а если нѣтъ, то не пополняютъ ли онъ ихъ мѣрами обычая, и какими именно? Какіе существуютъ въ народѣ взгляды на смертную казнь? Какъ народный обычай относится къ лицамъ, которые, по лишеніи или ограниченіи судомъ ихъ правъ, возвращаются въ среду общества?

42. Не замѣчается ли въ вашей мѣстности стремленія народа судить своимъ судомъ людей, совершившихъ преступленія, которыя подлежатъ суду государственному (мировымъ судьямъ и окружнымъ судамъ)? Если замѣчается, то въ какихъ по преимуществу случаяхъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаетъ народъ и почему не обращается къ судамъ государственнымъ?

43. Не старается ли народъ облегчить наказываемыхъ правительственною властью, и если да, то какъ именно (например, въ Сибири выставляютъ хлѣбъ и молоко для бродягъ), и вызывается ли это взглядомъ народа на преступленіе какъ на несчастіе, или осрамленіемъ жести и безпорядкомъ, или же мѣрнымъ народомъ объ излишней строгости уголовнаго закона? На какихъ именно случаяхъ вы основываете вашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ?

44. Какъ народъ относится къ людямъ, бывшимъ подъ уголовнымъ судомъ? Считаются ли они полноправными членами общества, или подвергаются по обычаю ограниченіямъ, и какими именно?

45. Охотно ли принимаютъ общества людей, отдаваемыхъ подъ ихъ надзоръ послѣ отбытія наказанія въ арестантскихъ ротахъ или въ рабочемъ домѣ? Чѣмъ объясняется медленность въ дѣлахъ этого рода? Если общества неохотно принимаютъ наказанныхъ, то какими это объясняется причинами (напримѣръ, недовѣріе въ достаточности наказанія, опасеніе преступника по прежнимъ его дѣйствіямъ, незначительность надѣловъ и т. п.)? Не замѣчается ли, что женщины охотнѣе принимаются обществами, чѣмъ мужчины, молодые охотнѣе, чѣмъ старики, и изъ зажиточныхъ семействъ охотнѣе, чѣмъ изъ бѣдныхъ? Какъ именно отправляется надзоръ надъ лицами, принятыми обществомъ, подвергаются ли они по обычаю ограниченіямъ, и какими именно?

46. Признаетъ ли народъ предожительную безгласность преступленія причиной, устраняющею наказаніе? Что считается давностью, и сколько требуется лѣтъ для того, чтобы преступленіе оставалось по давности не наказаннымъ?

ОТДѢЛЪ II.

Народные обычаи объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ преступленій.

47. Какія преступленія по народнымъ обычаямъ считаются болѣе тяжкими, и какія менѣе тяжкими? Къ какимъ преступленіямъ народный обычай относится строже, нежели наши законы? На оборотъ, къ какимъ преступленіямъ народный обычай относится снисходительнѣе законовъ?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе на сравнительную тяжесть, по взглядамъ народа, преступленій противъ личности и имущества, на отношеніе народа къ нарушеніямъ

правиль о паспортахъ, о повинностяхъ, о безопасности и благосостояніи, а также на преступленія противъ нравственности и религіозныя, и опредѣлить по возможности ихъ сравнительную важность по обычаямъ, указывая и карательныя послѣдствія, назначающія за нихъ народомъ.

Преступленія религіозныя.

48. Признаетъ ли народный обычай преступленіемъ отступленіе и отвлеченіе изъ православія въ расколъ?

Считаются ли скопцы преступниками, или же о нихъ говорятъ: „пусть спасаются“? Какъ понимается это выраженіе, и какъ народный обычай относится къ скопцамъ и другимъ раскольникамъ?

49. Существуютъ ли, и какіе именно, обычай относительно исполненія постановленій церкви (например, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодымъ обычай запрещаетъ быть у исповѣди и св. причастія)? Если такіе обычай существуютъ, то охраняются ли они какими-либо карательными мѣрами?

50. Признается ли народомъ богохульство и кощунство за тяжкое преступленіе, и какъ къ нему относится народный обычай?

51. Неисполненіе поста и пьянство признаются ли грѣхомъ, или же проступкомъ, и который изъ нихъ важнѣе?

52. Какія существуютъ правила обычай относительно лжеприсяги и лжесвидѣтельства? Не соединяетъ ли народъ съ понятіемъ о лжеприсягѣ представленія о карѣ Божіей? Если соединяетъ, то распространяется ли это представленіе и на лжесвидѣтельство у мировыхъ судей подъ обѣщаніемъ присяги, но безъ дѣйствительнаго принесенія ея? Какой смыслъ имѣютъ выраженія: „нужная присяга не нашъ грѣхъ“; „нужнаго Богъ прощаетъ“? Примеры.

53. Какъ относится народный обычай къ оскорбленію священно- и церковнослужителей?

54. Признаетъ ли народъ похищеніе вещей изъ церкви простою кражею, или тяжкою, или особымъ преступленіемъ? Доходятъ ли подобные случаи до разбора волостныхъ судовъ? Не соединяетъ ли народъ съ этихъ преступленіемъ представленія о карѣ Божіей, и въ какихъ случаяхъ? Какъ народный обычай относится къ кражамъ у священнослужителей?

55. Какіе существуютъ обычай о разрытіи могилъ, поруганіи мертвыхъ и похищеніи съ кладбищъ, какъ христіанскихъ, такъ и не христіанскихъ?

Преступленія государственныя и противъ управленія.

56. Какъ относится народъ къ государственнымъ преступленіямъ и преступникамъ?

Что разумѣется народомъ подъ выраженіемъ „бунтъ“? Не существуетъ ли какихъ-либо обычаевъ по этому предмету?

57. Какъ относится народъ къ преступленіямъ противъ своего выборнаго или общиннаго управленія и суда, напримѣръ, къ ложнымъ показаніямъ на волостномъ судѣ и пр.? Принимаются ли народомъ въ этихъ случаяхъ карательныя мѣры, и какія именно?

Отличаетъ ли народъ оскорбленіе власти отъ оскорбленія частныхъ лицъ, и какіе по этому предмету существуютъ обычай?

58. Знакомо ли народнымъ обычаямъ понятіе запрещенныхъ сходбищъ, и какъ они къ нимъ относятся? Признаетъ ли обычай невольными собранія раскольниковъ для молитвы и т. п.? Какіе другіе виды запрещенныхъ сходбищъ извѣстны народу, кто и какъ за нихъ наказывается по обычаямъ?

Преступленія служебныя.

59. Какія служебныя преступленія запрещаются обычаями? Какъ относятся народные обычай къ взяточничеству, казнокрадству, растратѣ общественныхъ суммъ и инымъ служебнымъ

преступленіямъ должностныхъ лицъ общественнаго управленія? Кто по обычаю считается наиболѣе виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ? Каковы обычаи относительно содержанія, препровожденія и выпуска арестантовъ?

Преступленія противъ повинностей, безопасности и благосостоянія общественнаго.

60. Какія повинности отбываются народомъ успѣшнѣе, и какія менѣе успѣшно? Какія мѣры примѣнимы по обычаю въ случаѣ неисполненія повинностей, кто и какъ отвѣчаетъ за неисправность по обычаю? Не было ли случаевъ назначенія народомъ наказаній за неисправность въ платежѣ повинностей, и если были, то при какихъ именно условіяхъ, и въ чемъ состояли наказанія?

61. Какъ относится народный обычай къ уклоняющимся отъ воинской повинности, и въ частности, къ членовредителямъ?

62. Каковы народные обычаи и возрѣвія относительно нарушенія уставовъ акцизнаго (напримѣръ, относительно тайныхъ кабаковъ), торговаго (напримѣръ, относительно торговли безъ свидѣтельства), и монетнаго (напримѣръ, относительно поддѣльвателей и распространителей поддѣльныхъ ассигнацій, доносителей о нихъ и др.)?

63. Какъ относится народный обычай къ занимающимся контрабандой? Не считаютъ ли народъ (напримѣръ, въ мѣстностяхъ пограничныхъ) долгомъ скрывать и помогать этому преступленію, и чѣмъ это объясняется? Какъ устроиваются партіи контрабандистовъ, и какъ производится контрабанда?

64. Какія по преимуществу совершаются среди народа преступленія противъ народнаго здравія (напримѣръ, вредныя подмѣсы въ жизненные припасы, продажа иванъ-чая и проч.), и какъ относится къ нимъ народный обычай?

65. Совершаются ли среди народа преступленія о не дозволенномъ врачеваніи (напримѣръ, знахарями), о похищеніи и содер-

жаніи запасныхъ магазиновъ, о безвременномъ истребленіи служащихъ на пищу дикихъ животныхъ, птицы и рыбы (напримѣръ, отравленіе рыбы кукельваномъ и т. п.), и какъ относится къ нимъ народный обычай?

66. Нѣтъ ли обычаевъ, которыми упраздняются или видоизмѣняются правила уставовъ строительнаго и пожарнаго, и суевѣрія не оказываютъ ли вреднаго вліянія на исполненіе означенныхъ уставовъ?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что держать въ исправности пожарные саряды значить искушать Бога, или что не слѣдуетъ тушить пожара, причиненнаго молніей.

67. Нѣтъ ли среди народа преступныхъ шаекъ, какими они занимаются преступленіями, какова организація ихъ, и какъ относится къ нимъ народный обычай?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣля села занимаются кражами какъ промысломъ; желательно обозначить эти села, ихъ специальность и отношеніе къ нимъ окрестныхъ жителей.

68. Какъ относится народный обычай къ нарушенію паспортныхъ правилъ, напримѣръ, къ отлучкѣ и проживанію безъ паспорта и къ поддѣлкѣ паспортовъ? Доходятъ ли эти случаи до разбора народныхъ судовъ, при какихъ условіяхъ, и какія за нихъ назначаются карательныя послѣдствія?

Случаются ли среди народа незаконныя переселенія на жительство, какими они вызываются причинами, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Не сохранилось ли въ народѣ по этому предмету какихъ-либо преданій? Нѣтъ ли повѣрій о мочочныхъ рѣкахъ, и гдѣ, по мнѣнію народа, онѣ находятся?

69. Каковы народныя обычай о бродяжествѣ и странничествѣ? Различаются ли эти понятія, и какими именно признаками? Не приобѣгаютъ ли бродяги и странники къ обманамъ, къ какимъ именно, и какъ къ нимъ относится тогда народный обычай?

Запрещается ли по обычаю нищенство? Если запрещается, то при какихъ условіяхъ, и какія назначаются за то послѣдствія?

70. Преслѣдуются ли народомъ азартныя игры, какія именно и какъ?

71. Какъ относится народный обычай къ ложнымъ слухамъ, къ проявленіямъ лжовныкъ чудесъ и другимъ подобнымъ обманамъ?

72. Часты ли доносы въ средѣ народа, дѣлаются ли они только противъ лицъ постороннихъ классовъ, или и противъ своихъ? Какъ народный обычай относится къ нимъ? Отличаетъ ли ихъ отъ ябедничества, что поднимаетъ подъ послѣднимъ и какъ къ нему относится?

Преступленія противъ нравственности, дозволенія женою и части.

73. Какъ смотритъ народный обычай на вольное обращеніе съ дѣвушками? Какъ относится народъ къ насилванію женщинъ, взрослыхъ или несовершеннолѣтнихъ, замужнихъ или дѣвицъ, свѣтскихъ или монашествующихъ?

74. Какіе существуютъ обычай относительно лицъ мужскаго и женскаго пола, заболѣвающихъ венерическими болѣзнями? Распространены ли эти болѣзни и между какими классами?

75. Считается ли потеря дѣвственности преступленіемъ по обычаю, каковы ея послѣдствія, и какъ относится къ потерявшей дѣвственность ея подруги, молодые парни, взрослые люди, родители и вообще народъ? Не подвергается ли она наказаніямъ, и каковы именно? Не воспрещается ли по обычаю беременѣвшей дѣвушкѣ носить дѣвичьи наряды? Какъ относится обычай къ случаямъ незаконнаго сожитія безъ обѣщанія брака? Не возлагается ли на незаконнаго отца обязанность давать содержаніе беременѣвшей дѣвушкѣ и ея ребенку, и какіе именно по этому предмету существуютъ обычай? Не возлагается ли на незаконнаго отца обязанность вступить съ беременѣвшею дѣвушкою въ бракъ?

76. Какъ относится народный обычай къ плотскому разврату въ видѣ пронисла и къ сводничеству? Нѣтъ ли преданій или

обычаевъ предлагать почетнымъ гостямъ женщины, притомъ ка-кихъ именно: замужнихъ или незамужнихъ, женъ, дочерей или сестеръ и т. под.?

77. Распространены ли противоестественныя пороки въ на-родѣ? Какъ народный обычай относится къ нимъ и въ частно-сти въ скотодожству и мужедожству, считаетъ ли ихъ тяжкими преступлениями и какія за нихъ назначаетъ наказанія?

Преступленія противъ семейнаго и родственнаго союза.

78. Прелюбодѣяніе считается ли въ народѣ преступленіемъ только со стороны женщины, или и со стороны мужчины, и нѣтъ ли какого-либо различія въ оцѣнкѣ нарушенія супруже-ской вѣрности между мужчиной и женщиной? Въ случаѣ безпло-дія не приглашается ли посторонній мужчина, по взаимному согласію супруговъ, съ заключеніемъ даже договора объ ис-полненіи супружескихъ обязанностей и съ обѣщаніемъ вознагра-жденія, безусловно или подъ условіемъ рожденія дѣтей, и какое значеніе придаетъ обычай такимъ договорамъ?

79. Считается ли кровосмѣшеніе въ народѣ тяжкимъ пре-ступленіемъ, или только грѣхомъ? Каковы нравныя обычая от-носительно кровосмѣшителей? Въ частности, распространено ли въ народѣ снохачество, и какъ къ нему народъ относится? Какое значеніе придается при кровосмѣшеніи незаконному род-ству, свойству, духовному родству и побратимству?

80. Извѣстны ли обычаями, и какія именно, преступленія дѣтей противъ родителей, жены противъ мужа, родителей про-тивъ дѣтей, членовъ семьи противъ „большухъ“ „старшихъ“ и т. под.? Кѣмъ и какъ рассматриваются и наказываются та-кія преступленія?

Оскорбленіе родителей словомъ или дѣйствіемъ рассматри-вается ли по обычаю какъ тяжелая или какъ легкая вина? Не со-единяетъ ли народъ съ понятіемъ объ этой винѣ какихъ-либо представлений о карѣ Божіей?

Принимаетъ ли народъ участіе въ распряхъ между супругами, когда именно, и въ какихъ приобѣтахъ мѣрамъ? Не замѣчается ли въ народѣ признанія за мужемъ права наказывать жену въ видѣ побоевъ, и какіе размѣры этого права? Считаетъ ли обычай преступленія мужа противъ жены столь же тяжкими, какъ и преступленія жены противъ мужа (напримѣръ, побоя)?

Преступленія противъ жизни.

81. Каковы обычай и воззрѣнія народа на убійство? Не сохранилось ли обычаевъ о правѣ родственниковъ убитаго мстить себѣ убійцею? Въ розыскѣ убійцы принимаетъ ли участіе все общество, или только родственники убитаго? Не было ли случаевъ родственной мести за убійство?

82. Признаетъ ли народъ одинаково важнымъ убійство всякаго человѣка? Не имѣютъ ли разновѣріе и разноплеменность вліянія на оцѣнку убійства? Если имѣютъ, то какое именно, и въ чемъ заличаются? Не различаетъ ли народъ убійства знатаго человѣка отъ убійства простаго, и какія дѣлаетъ иныя различія при оцѣнкѣ убійства? Какъ относится народный обычай къ убійству колдуновъ и преступниковъ, на примѣръ, конокрадовъ?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ между прочимъ указать на обстоятельства, привлекающія во вниманіе присяжными заседателями при разсмотрѣніи дѣлъ уголовныхъ.

83. Признаетъ ли народный обычай самоубійство дѣйствіемъ преступнымъ, или только грѣховнымъ, или же безразличнымъ? Не подвергается ли народъ покушавшихся на самоубійство какинъ-либо ограниченіямъ, осрамительнымъ обрядамъ или насильствамъ? Не объясняетъ ли народъ самоубійствъ наважденіемъ дьявольскимъ, и каковъ юридическій смыслъ этого объясненія?

84. Признаетъ ли народный обычай убійство женщиною своего незаконнорожденнаго ребенка столь же тяжкимъ преступленіемъ, какъ другіе виды убійства, и какъ относится къ виновной женщинѣ?

85. Какъ народъ относится къ убійству родителей и родственниковъ? Какое значеніе придаетъ онъ отношеніямъ по незаконному рожденію и усыновленію?

86. Какъ относится народный обычай къ изгнанію плода и къ лицамъ (напримѣръ, повивальнымъ бабкамъ, знахарямъ и пр.), которыя занимаются этимъ въ видѣ промысла?

87. Нѣтъ ли въ народѣ убѣжденія, что повальная болѣзнь прекращается, если зарыть живаго человека въ могилу; или нѣтъ ли преданій, что въ старину такъ и дѣлали? Непозвѣстны ли другія суевѣрія, вызывающія убійства, и какъ народъ относится въ такимъ случаямъ? Нѣтъ ли повѣрья, что если привести виновнаго, но еще не уличеннаго въ убійствѣ, то изъ трупа убитаго имъ человека покажется кровь въ свидѣтельство виновности?

88. Различаетъ ли народъ въ убійствѣ отѣнки вины умнеленной и неосторожной, и какіе именно? Какъ относится народъ къ покушенію на убійство и къ угрозѣ убійствомъ? Каковъ взглядъ народа на убійство во время драки?

Тѣлесныя поврежденія.

89. Какіе существуютъ народные обычай относительно тѣлесныхъ поврежденій, напримѣръ, увѣчья, нанесенія ранъ, побоевъ и т. под.? Различаетъ ли ихъ народъ на тяжкія и легкія, не дѣлаетъ ли между ними другихъ различій, и какія именно? Не въ обычай ли допускать примиреніе во всѣхъ случаяхъ тѣлесныхъ поврежденій, независимо отъ тяжести ихъ? Если въ обычай, то какъ именно происходятъ подобныя примиренія, и каковы ихъ послѣдствія по взглядамъ народа?

90. Нѣтъ ли повѣрья, что если колдунъ или колдунья будутъ подвергнуты тяжкимъ побоямъ, то заболѣвшее отъ порчи ихъ лицо выздоровѣетъ? Если такое повѣрье существуетъ, то не употребляются ли особые обряды и приговариванія при побояхъ колдуновъ, и какъ къ нимъ относится народный обычай?

Преступленія противъ свободы.

91. Существуютъ ли въ народѣ преступленія противъ свободы, какія именно, и какъ къ нимъ относится народный обычай?

Преступленія противъ чести.

92. Каковы обычай относительно личныхъ оскорбленій и клеветъ? Въ какомъ смыслѣ употребляются выраженія: „брань на вороту не виснеть“; „за дѣло побѣдить — повинись, да пониже поклонись“ и т. под.? Оскорбленіе дѣйствіемъ считается ли тяжкою обидою? Какъ относится народъ къ семейнымъ дракамъ? Какія среди народа извѣстны символическія обиды (например, мазанье воротъ, подрываніе косы и пр.), и какъ къ нимъ относится обычай?

Преступленія противъ чуждаго имущества.

93. Какіе виды поджоговъ встрѣчаются въ народѣ, по какимъ причинамъ, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Поджогъ какихъ имущества считается болѣе тяжкимъ?

94. Встрѣчаются ли въ народѣ подлоги, какія именно, и какъ къ нимъ относится народный обычай? Встрѣчается ли уничтоженіе или измѣненіе жѣтъ, какъ относится къ этому обычай, и что разумѣется подъ жѣтами, знаменами и лѣтними? Какъ относится народный обычай къ передвиженію и уничтоженію граничныхъ знамовъ?

95. Различаетъ ли обычай разбой, грабежъ и кражи, какое именно дѣлаетъ между ними различіе и какъ относится къ этимъ преступленіямъ? Какое при однихъ ихъ придаетъ значеніе нужды, и не дѣлаетъ ли различія между случайными ворами и ворами вѣдомыми? Какія названія присвоиваются послѣднимъ? Не сохранилось ли въ народѣ преданій о разбойникахъ какъ о добрыхъ удалихъ молодцахъ, и какія именно?

96. Нѣтъ ли при кражѣ уменьшающихъ и увеличивающихъ обстоятельствъ, смотря по тому, что украдено, кто укралъ, у кого, какъ и гдѣ? Въ частности, кражи какихъ предметовъ считается болѣе тяжкою?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на мѣстныя особенности, подъ влияніемъ которыхъ обнаруживаются различія во взглядахъ обычая на кражи. Такъ напримѣръ, крестьяне сѣверныхъ губерній считаютъ тяжкою вѣсною подражудобичи изъ сѣнокосъ; южныхъ — увозъ сѣятаго хлѣба съ полей; кража меду черезъ напусканіе пчелъ на чужіе ульи и кража пчелъ во многихъ мѣстахъ считаются за важное преступленіе, имѣющее богатныя преданія, которыми желательно записать возможно подробно.

97. Срываніе плодовъ и овощей для непосредственнаго употребленія считается ли кражей? Каковы обычай о вынутіи рыбы, звѣря или птицы изъ чужихъ сѣтковъ и сѣтей и о самовольномъ пользованіи сѣномъ въ чужихъ дугахъ, рыбой въ чужихъ рѣкахъ и озерахъ и другіи предметами? Какіе существуютъ обычай о погромахъ?

Примѣчаніе. Здѣсь нужно обратить вниманіе на обычай, касающійся охоты и ловли чужады снарядомъ для охоты и лова. Въ некоторыхъ мѣстахъ есть обычай за самовольное пользованіе рыбой или сѣномъ оставлять деньги, а за взятый во время нужды съ поля хлѣбъ возвращать его съ избавкомъ во время урожая, при чемъ покража и самовольное пользованіе не считаются преступленіями.

98. Какъ относится народный обычай къ конокрадству? Не встрѣчаются ли здѣсь случаи самоубійства, каковы они сопровождаютъ послѣдствіями и каковы вынуждаются причинами? Нѣтъ ли лицъ, и каковы именно (напримѣръ, Цыганы, Татары), которые занимаются конокрадствомъ, какъ промысломъ? Почему народъ не можетъ искоренить этого промысла и какъ относится къ занимающимся имъ? Нѣтъ ли артелей конокрадовъ и укрывателей ихъ, и какъ онѣ устраиваются? Не бываетъ ли выкупа лошадей у конокрадовъ, и какія при этомъ заключаются сдѣлки? Считается ли по обычаю дозволеннымъ преслѣдовать передъ уголовнымъ судомъ конокрада, съ которымъ заключена сдѣлка? Какія наказанія признаетъ народъ необходимыми для конокрадовъ?

99. Не дѣлаетъ ли народъ различія между воровствомъ у богатого и бѣднаго, и если дѣлаетъ, то какое именно? Какъ

относится народный обычай къ кражѣ домашнихъ животныхъ и птицъ? Различаетъ ли народный обычай кражу со взломомъ и безъ взлома, и какъ именно, также — кражу съ перемѣной мѣты или безъ перемѣны, кражу у односельцевъ и у постороннихъ? Какія иныя различія въ кражахъ по способу дѣйствія замѣчаются въ народныхъ обычаяхъ? Не смотритъ ли народъ на ловкаго вора снисходительнѣе, нежели на простоватого?

Какъ понимается народомъ „шабашное“? Въ фабричномъ быту не переходитъ ли шабашное въ кражу, и какъ къ ней относится народный обычай? Есть ли по народному обычаю кражи не наказуемыя, при какихъ условіяхъ, и какія именно? Какъ смотритъ народъ на кражу для голодной нужды? Что значитъ поговорка: „не поймавъ — не воръ“?

100. Что признается семейною кражею, не имѣетъ ли она особаго названія, и какое именно, какъ къ ней относится народный обычай?

101. Въ какихъ лѣсахъ (въ частныхъ или казенныхъ, или общественныхъ) преимущественно производится порубки, и почему? Какія порубки обычай считаетъ преступными, и какія не преступными? Какъ народъ относится къ свидѣтельскимъ показаніямъ о порубкахъ, и часты ли лѣсвидѣтельства? Не принимаются ли какія-либо особыя мѣры для обезпеченія сохранности частныхъ и общественныхъ лѣсовъ, напримѣръ, не заключается ли по этому предмету сдѣлокъ между селеніями и частными лицами, и какъ относится обычай къ нарушенію ихъ?

102. Встрѣчаются ли мошенническія продѣлки въ народномъ быту, напримѣръ, при куплѣ-продажѣ (обмѣръ, обвѣсъ, поддѣлки)? Какъ они по преимуществу совершаются, считаетъ ли ихъ народный обычай преступленіями тяжкими или легкими, или же дѣйствіями безразличными („на то глаза“)?

103. Какъ относится народный обычай къ присвоенію и растратѣ чужаго имущества, къ присвоенію плодовъ и къ зло-

употребленіи доверенныхъ обществъ и частныхъ лицъ? Доходятъ ли эти случаи до разсмотрѣнія народныхъ судовъ, и какія за нихъ полагаются наказанія?

ОТДѢЛЪ III.

Народная преступность и ея причины.

104. Какія преступленія наиболее распространены въ вашей мѣстности, и вълѣдствіе какихъ причинъ? Не стоятъ ли они въ зависимости, и въ какой именно, отъ положенія мѣстности (например, у границъ Имперіи и на границахъ губерній), отъ характера жителей, ихъ привычекъ, народности и занятій (вліяніе фабрикъ, заводовъ и отхожихъ промысловъ), ихъ предразсудковъ и равнодушія (легкость сокрытія слѣдовъ преступленія), или же отъ невозможности или опасности преслѣдованія ихъ, и почему именно?

105. Часто ли бывали въ данной мѣстности неповиновенія власти и волненія? Какія были тому причины, чѣмъ окончивались эти волненія, и какія воспоминанія остались о нихъ въ народѣ?

106. Часто ли оказываетъ народъ явное неуваженіе къ должностнымъ лицамъ вообще, и въ частности къ волостному и сельскому начальству? Какія тому причины?

107. Какъ относится народъ къ судамъ своимъ и государственнымъ? Бываютъ ли подкупы и подпаванія оцѣдителей, и какъ къ этому относится народъ? Не смотритъ ли народъ на присягу предъ судомъ какъ на принудительство?

108. Распространено ли въ народѣ взяточничество, и какія тому причины?

109. Какіе существуютъ въ данной мѣстности виды злонамеренныхъ шаекъ; кристалодержательства, укрывательства бѣглыхъ, и каковы причины этихъ преступленій?

110. Не существуют ли въ данной мѣстности артели бродягъ, нищихъ и страждивовъ, на какихъ основаніяхъ они устроиваются и чѣмъ промышляютъ?

111. Распространяются ли въ народѣ вредные слухи, что служатъ предметомъ ихъ, и есть ли по преимуществу распространяются?

112. Есть ли мѣстности, гдѣ въ особенности замѣтно стремленіе народа къ сутяжничеству и близуничеству, и вълѣдетіе какихъ причинъ?

113. Существуетъ ли въ мѣстности плотскій развратъ въ видѣ промысла и сводничества, и какія тому причины? Каковъ процентъ незаконныхъ рожденій относительно законныхъ? Чѣмъ вызываются незаконныя сожитія? Имѣютъ ли они характеръ постоянныхъ или скоропреходящихъ связей?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на преданія о помѣщичьей власти, на положеніе солдатскихъ женъ, а также на вліяніе фабрикъ, заводовъ и отхожихъ промысловъ на народную нравственность.

114. Распространены ли въ данной мѣстности поджоги жилищъ, лѣса и другихъ имуществъ? Кѣмъ они по преимуществу совершаются и какими причинами вызываются?

115. Распространены ли въ данной мѣстности самоубійства, и между какими лицами? Какими способами они совершаются и какими причинами вызываются?

116. Какими побужденіями вызываются убійства и часты ли они? Распространены ли въ данной мѣстности случаи супругоубійства, дѣтоубійства и изгнанія плода? Изгнаніе плода не составляетъ ли особаго промысла или профессіи, и какіе классы лицъ этимъ по преимуществу занимаются? Какія при этомъ дѣйствительныя и суевѣрныя средства употребляются ими? Не было ли случаевъ, что они сопровождалось тяжкими послѣдствіями, и какими именно?

117. Распространены ли среди народа кулачные бои, драки и оскорбления тому причины, и не сопровождались ли они какими последствиями?

118. Вь данной местности не замечается ли особой чуждости по отношению кь чужому имуществу и какия тому причины?

119. Какія имущественныя преступления и особенно какія виды краж преобладают вь данной местности? Какими по преимуществу побуждениями вызываются преступления имущественныя? Часты ли семейныя кражи и каковы ихь причины?

120. Какое влияние оказывають распространеныя вь местности преступления на народную нравственность и благосостояніе жителей?

Журналы засѣданій комиссіи о народныхъ юри- дическихъ обычаяхъ.

I.

17-го февраля 1876 года.

Присутствовали предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: О. Л. Барыковъ, С. В. Пахманъ, П. А. Мулловъ, Л. Н. Майковъ, А. Н. Труворовъ, П. А. Матвѣевъ, и приглашенные въ качествѣ экспертовъ-гостей М. И. Зарудный, князь О. С. Голицынъ и П. В. Полежаевъ.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель Комиссіи прежде всего обратилъ вниманіе на необходимость спеціальнаго изданія, которое могло бы служить органомъ для развивающагося съ каждымъ днемъ изученія обычнаго права, указавъ при этомъ, что на *первое время* эта цѣль можетъ быть достигнута помещеніемъ въ одномъ изъ томовъ Записокъ Отдѣленія Этнографіи исключительно матеріаловъ и изслѣдованій по народному юридическому быту. Въ этому предложенію отнеслись вполне сочувственно, какъ предсѣдатель Отдѣленія Этнографіи Л. Н. Майковъ, признавшій возможнымъ по мѣрѣ накопленія статей по обычному праву издавать ихъ особыми томами, подъ общимъ заглавіемъ Записокъ Отдѣленія, такъ и прочіе члены Комиссіи.

Переходя затѣмъ къ обсужденію плана и характера этого изданія, Н. В. Калачовъ предложилъ проектировать его такъ образомъ:

1) Каждый томъ Записокъ Отдѣленія Этнографіи, посвященный исключительно обычному праву, будетъ имѣть второе заглавіе: «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ».

2) Въ составъ этого сборника должны войти изслѣдованія и матеріалы по обычному праву, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые будутъ нуждаться въ сокращеніи, должны быть предварительно обработаны Коммиссіей, которая кроиѣ того должна позаботиться приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ имѣющихся по обычному праву матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, съ каковою цѣлью работу между членами коммиссіи слѣдуетъ раздѣлить по отдѣламъ.

3) Окончательная редація Сборника будетъ возложена на одного или нѣсколькихъ, особо на это избранныхъ лицъ изъ среды настоящей Коммиссіи.

При возникшихъ при обсужденіи вышеизложеннаго предложенія преніяхъ были выражены слѣдующія соображенія:

Н. А. Мулловымъ было указано, что работу въ отношеніи уже напечатанныхъ матеріаловъ по обычному праву удобнѣе раздѣлить не по отдѣламъ, а по изданіямъ.

М. И. Заруднымъ было предложено снарядить особую экспедицію въ одну изъ центральныхъ губерній, на примѣръ, въ Московскую, съ тѣмъ чтобъ она собирала обычаи на мѣстѣ, не стѣсняясь временемъ, и притомъ въ видахъ большей достоверности дѣйствительности этихъ обычаевъ, представила бы свидѣтельница *мирскихъ приговоровъ*, а равно и другихъ органовъ общественной жизни — о существованіи таковыхъ.

Д. Н. Майковымъ было заявлено, что въ архивѣ Географическаго Общества находится значительное количество матеріаловъ, не попавшихъ въ печать, такъ какъ въ дѣломъ они были признаны неудобными для помѣщенія ихъ въ изданіяхъ Общества, но которые тѣмъ не менѣе могутъ представить не мало интересныхъ свѣдѣній по вопросу о народныхъ юридическихъ обычаяхъ.

Въ возраженіяхъ на мнѣніе, высказанное М. И. Заруднымъ, было указано, что предлагаемый имъ способъ собиранія юридическихъ обычаевъ едва ли соответствуетъ такому предмету, какъ обычное право, такъ какъ сами крестьяне несомнѣнно

знающіе и сознающіе свои обычаи, тѣмъ не менѣе вовсе не способны формулировать ихъ надлежащимъ образомъ, и что исследование народныхъ юридическихъ обычаевъ путемъ мирскихъ приговоровъ о дѣйствительности существованія ихъ поэтому едва ли можетъ быть признано целесообразнымъ; что, кромѣ того, настоящая Комиссія, имѣя въ виду преимущественно научныя цѣли, а также и средства, которыя она имѣетъ, не можетъ принять указанный М. И. Заруднымъ способъ собиранія обычаевъ, такъ какъ свѣдѣнія и материалы, которыми можетъ располагать Отдѣленіе Этнографіи и наша Комиссія, состоящая при этомъ Отдѣленіи, доставляются исключительно частными лицами, которыя не могутъ созрывать мирскіе сходки для констатированія существующихъ обычаевъ.

Проверка этихъ свѣдѣній на мѣстахъ путемъ снаряженія на этотъ предметъ особой экспедиціи изъ специалистовъ, какъ того желаетъ г. Зарудный, конечно весьма желательна и полезна, но эта задача не можетъ входить въ кругъ дѣятельности настоящей Комиссіи, цѣли которой гораздо скромнѣе и заключаются лишь въ болѣе развитіи и некоторой организаціи собиранія обычаевъ, чему начало положено Отдѣленіемъ Этнографіи въ 1864 году изданіемъ программы Отдѣленія, имѣвшей такое значительное вліяніе на развитіе изученія у насъ обычнаго права, такъ какъ программа эта не только вызвала на это поприще многихъ новыхъ дѣателей, но и создала цѣлую литературу.

Проверка доставляемыхъ свѣдѣній возможна для нашей Комиссіи и помимо снаряженія экспедиціи, требующей значительныхъ затратъ, на покрытіе которыхъ въ настоящее время не имѣется въ виду никакихъ источниковъ, — въ самой средѣ Комиссіи, въ составъ которой входятъ лица, много имѣтъ специально занимающіяся изученіемъ народнаго юридического быта, и притомъ, имѣющія возможность лично ознакомиться съ нимъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Сверхъ того, Комиссія имѣетъ основанія разчитывать на содѣйствіе въ этомъ случаѣ всѣхъ

нашихъ специалистовъ по общему праву, то-есть, даже и тѣхъ, которые, проживая въ Петербурга, не могутъ участвовать въ нашихъ засѣданіяхъ, но, какъ Е. И. Ягушанинъ и П. С. Ефименко, отнеслись съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи настоящей Коммиссіи, и въ которыхъ всегда можно обратиться за отзывомъ и замѣчаніями, если это будетъ признано необходимымъ для оцѣнки поступающихъ матеріаловъ.

Въ настоящее время число изслѣдователей общаго права растетъ съ каждымъ днемъ; оно обращаетъ на себя вниманіе цѣлыхъ учреждений, наковы, напримеръ, Губернскіе Статистическіе Комитеты въ Архангельскѣ, Ярославлѣ и Самарѣ и Юридическое Общество въ Курскѣ; къ интересуются многіе изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ органовъ нашей печати; слѣдовательно, недостатка въ отзывахъ и замѣчаніяхъ быть не можетъ. При наличности всѣхъ этихъ условій трудно предполагать, чтобы Коммиссія не сумѣла опредѣлить по достоинству доставляемыя ей свѣдѣнія и различить точныя и достовѣрныя данныя отъ произвольныхъ.

Наконецъ, если со стороны какого-либо вѣдомства, напримеръ, Министерства Юстиціи, явится желаніе и будутъ даны средства провѣрить собранныя и разработанныя нашею Коммиссіей матеріалы путемъ снаряженія особой экспедиціи изъ специалистовъ для изслѣдованія на мѣстахъ въ нѣсколькихъ или даже во всѣхъ губерніяхъ—существующихъ въ народномъ быту юридическихъ обычаевъ, то такая экспедиція, конечно, можетъ оказать существенныя услуги, въ значительной степени приспособить эти матеріалы для законодательныхъ цѣлей, облегчивъ такимъ образомъ трудъ будущихъ составителей нашего Гражданскаго Уложенія въ отношеніи пользования обычаями, и займетъ видное мѣсто въ вѣтописяхъ развитія русскаго общаго права.

Затѣмъ Коммиссія, принявъ къ свѣдѣнію замѣненіе Л. Н. Майкова и соглашаясь съ планомъ изданія, напечатаннымъ въ предложеніи г. председателя, приняла въ настоящее время

дальнѣйшее обсужденіе подробностей и частности изданія будущаго сборника прѣждевременнымъ и перешла въ разсмотрѣнію вопроса о составленіи и изданіи программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Г. председатель сообщилъ Комиссiи, что всѣ экземпляры программы, изданной въ 1864 году Отдѣленіемъ Этнографіи, уже разошлись, и что поэтому давно ощущается настоятельная потребность новаго изданія, но что съ 1864 года изученіе обычного права получило значительное развитіе, вслѣдствіе чего указанная программа, очевидно, не можетъ соответствовать предъявленнымъ въ ней въ настоящее время требованіямъ, и что необходимость дополненія и упрощенія этой программы была неоднократно указываемая какъ въ литературѣ, такъ и мѣстными собирателями, которые, между прочимъ, жаловались на слишкомъ книжное изложеніе прежней программы; что въ настоящее время, кромѣ программы Отдѣленія Этнографіи 1864 г., еще нѣтъ въ виду программы, составленной професс. Богитщевымъ и г. Ефименкомъ, которыя послужили матеріаломъ для программы, составленной секретаремъ Отдѣленія Этнографіи В. Н. Майновымъ и напечатанной въ журналѣ *Знаеіе* за апрѣль 1875 г., и что, кромѣ того, программа Отдѣленія Этнографіи была перепечатана многими изъ губернскихъ ведомостей, съ различными дополненіями и измѣненіями, изъ коихъ нѣкоторые заслуживаютъ вниманія.

При обсужденіи этого вопроса Комиссiя выразила единогласное желаніе имѣть программу, составляемую нашимъ извѣстнымъ изслѣдователемъ Н. С. Ефименкомъ въ полномъ объемѣ, чтобы на основаніи всѣхъ имѣющихся матеріаловъ составить программу, которая была бы программой не отдѣльнаго лица, а Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества, и стояла бы въ уровенъ съ тѣмъ развитіемъ, которое получило въ настоящее время наше обычное право.

При этомъ членомъ Э. Л. Барыковымъ выражено было желаніе, чтобы по примѣру программы 1864 г., новая программа

Отдѣленія. Этнографія была снабжена образцами или приѣбрами, которые много содѣйствуютъ усвоенію собирателямъ ихъ задачи. Въ томъ же смыслѣ высказался и членъ Н. А. Матвѣевъ, которому Комиссія поручила войти въ сношеніе съ П. С. Ефименкомъ по предмету скорѣйшаго доставленія окончанія его программы.

Послѣ того предсѣдатель прочиталъ рефератъ, сдѣланный имъ лѣтомъ 1875 года на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ: „Объ отношеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“. Рефератъ этотъ былъ выслушанъ Комиссіей съ живѣйшимъ вниманіемъ и вызвалъ оживленные пренія. Проф. Шахманъ, относясь съ пожимымъ сочувствіемъ къ мысли о введеніи въ наше законодательство нѣкоторыхъ началъ общаго права, въ особенности при предстоящемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, выразилъ желаніе, чтобъ эта мысль не была неиспользована какъ поводъ къ регламентаціи народныхъ юридическихъ обычаевъ въ видѣ особаго сельскаго устава, исключашаго самостоятельное существованіе и развитіе народнаго общаго права. Жизнь постоянно и непрерывно создаетъ новыя правовыя отношенія и нормы, и замыкаетъ этотъ живой процессъ народнаго творчества въ какія-либо неподвижныя рамки — крайне нежелательно.

При дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса предсѣдателемъ было обращено вниманіе на историческое развитіе нашего законодательства, которое постепенно воспринимало обычаи, создавшіеся бытовымъ жизнію народа, несколько не стѣсняя тѣмъ дальнѣйшаго развитія общаго права. Таковъ характеръ не только древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, каковы Русская Правда и др., но и самаго Уложенія 1649 г., а потому и въ настоящее время, когда самостоятельное и свободное развитіе общаго права стало общезвѣстнымъ и общепринятымъ принципомъ науки, нѣтъ сомнѣнія, что для устраненія возможныхъ недоразумѣній Комиссія не преминетъ выставить съ наибольшою рельефностью и силой въ своихъ работахъ это общезвѣстное положеніе науки.

По выслушаніи всего вышеизложеннаго Комиссіи пришла къ заключенію: 1) что слѣдуетъ составить сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, такъ какъ это есть требованіе жизни, согласное съ указаніемъ науки и историческимъ развитіемъ нашего законодательства; 2) что таковой сборникъ можетъ и долженъ послужить весьма цѣннымъ матеріаломъ для многихъ законодательныхъ работъ, такъ какъ согласованіе началъ нашего кодекса съ условіями и потребностями народнаго юридического быта составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ существенныхъ задачъ нашего времени, успѣшное разрѣшеніе которой будетъ имѣть послѣдствіемъ столь желательное развитіе чувства законности во всѣхъ слояхъ нашего общества; 3) что такой сборникъ, представляя матеріалъ для нашего будущаго гражданскаго уложенія, кромѣ того, дастъ возможность привести въ извѣстность всю область народнаго юридического быта, пока еще столь мало намъ знакомую, и такимъ образомъ послужитъ твердою почвою для правильнаго и зрѣлаго обсужденія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи волостныхъ судовъ; 4) что только путемъ серьезнаго изученія народнаго юридического быта можетъ быть достигнуто усовершенствованіе его, и что существующіе народные юридическіе обычаи не могутъ быть уничтожены однимъ почеркомъ пера, такъ какъ они связаны съ жизненными потребностями и бытовыми условіями жизни народа, вслѣдствіе чего ломка ихъ, на основаніи однихъ отвлеченныхъ умозаключеній и безъ знанія фактической стороны дѣла, будетъ не только безцѣльною, но и крайне вредною.

П. А. Матвѣевъ обратилъ вниманіе Комиссіи на *Самарскія Епархіальныя Вѣдомости*, въ которыхъ печатается любопытное изслѣдованіе о народныхъ обычаяхъ с. Кракова, Самарскаго уѣзда, составленное священникомъ Архангельскимъ; къ сожалѣнію, это довольно объемистое изслѣдованіе издается такимъ образомъ, что, вѣроятно, пройдетъ еще не одинъ годъ, прежде чѣмъ оно будетъ окончено, такъ какъ въ каждомъ номерѣ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, которыхъ въ годъ выходитъ 24,

печатаются всего по нѣсколькx строкъ, за недостаткомъ мѣста; поэтому П. А. Матвѣевъ и предложилъ войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, для помѣщенія труда свящ. Архангельскаго въ проектируемомъ сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Выслушавъ сочувственно это заявленіе, Комиссія постановила войти, чрезъ предсѣдателя Н. В. Калачова, въ сношеніе съ преосвященнымъ Герасимомъ, епископомъ Самарскимъ, не признаетъ ли его преосвященство возможнымъ предоставить въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества упомянутое изслѣдованіе народныхъ обычаевъ с. Кракова.

Въ заключеніе Комиссія постановила обязанность секретаря возложить на члена Комиссіи П. А. Матвѣева, который долженъ сообщать журналы засѣданій Комиссіи къ свѣдѣнію Отдѣленія Этнографіи, согласно желанію, выраженному въ настоящемъ засѣданіи предсѣдателемъ упомянутаго Отдѣленія, Л. Н. Майковымъ.

II.

28-го сентября 1876 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ и П. А. Матвѣевъ.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель представилъ поступившія въ Комиссію въ теченіе лѣта отъ г. Е. Т. Соловьева статьи слѣдующаго содержанія:

- 1) Юридическія отношенія членовъ семьи въ Казанской и другихъ поволжскихъ и среднихъ губерніяхъ Россіи;
- 2) Опека и попечительство въ поволжскихъ и среднихъ губерніяхъ Россіи;
- 3) Способы приобрѣтенія собственности въ Казанской и другихъ поволжскихъ и среднихъ губерніяхъ Россіи;
- 4) Юридическіе обычаи по возникновенію и прекращенію взаимныхъ обязательствъ въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ;

- 5) Уголовное право крестьянъ Казанской губерніи;
- 6) Общественный бытъ, судъ и расправа крестьянъ Казанской губерніи;
- 7) Самосудство на Волгѣ и ея притокахъ;
- 8) Самосудство въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ, живущихъ около Казани;
- 9) Свидѣтельскія показанія въ поволжскихъ губерніяхъ Россіи;
- 10) Лѣсныя порубки и потравы въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

Предлагая вниманію Комиссіи вышеозначенныя статьи члена-сотрудника Отдѣленія Этнографіи Е. Т. Соловьева, предсѣдатель Н. В. Калачовъ объяснилъ, что, по его мнѣнію, статьи эти не могутъ войти въ проектированный Комиссіей сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. П. А. Матвѣевъ замѣтилъ, что изъ краткаго обзорѣнія статей г. Соловьева онъ пришелъ къ заключенію, что онѣ не только отличаются небрежностью и растянутостью изложенія, но что приводимыя въ нихъ свѣдѣнія, не будучи приурочены къ какой-либо опредѣленной мѣстности, по этому самому имѣютъ весьма мало значенія и въ большинствѣ случаевъ представляютъ ни что иное, какъ весьма слабо мотивированныя разсужденія автора по различнымъ вопросамъ изъ области народнаго юридическаго быта. Кромѣ того, г. Соловьевъ не указываетъ источниковъ и способовъ собираяія имъ обычаевъ для означенныхъ статей. По соображенію всего вышеизложеннаго, Комиссія постановила: статьи, присланныя г. Соловьевымъ, какъ неудобныя для помѣщенія въ сборникѣ, но могущія служить небезполезнымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, сдать въ архивъ Географическаго Общества.

Послѣ сего, по приглашенію предсѣдателя, членъ Комиссіи П. А. Матвѣевъ сдѣлалъ докладъ слѣдующаго содержанія:

„Въ первомъ изданіи Комиссіи, бывшемъ 17-го февраля 1876 года, Комиссія пришла къ заключенію о необходимости со-

*

ставленія новой программы для собранія народныхъ юридиче-скихъ обычаевъ, такъ какъ изданная въ 1864 году. Отдѣле-ніемъ Этнографіи вся разошлась, и кромѣ того, будучи со-ставлена слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ, уже не со-отвѣтствуетъ тому развитію, которое получила за послѣднее время разработка обычнаго права.

„При обсужденіи этого вопроса, въ нашей Комиссіи было выражено желаніе, чтобы при составленіи этой новой программы было принято во вниманіе все, что сдѣлано и дѣлается въ области изслѣдованія обычнаго права, вслѣдствіе чего я и вошелъ въ сношеніе съ П. С. Ефименкомъ, обязательно доста-вившимъ въ распоряженіе нашей Комиссіи свою программу, или точнѣе говоря, матеріалы для программы.

„Начало этой программы извѣстно Отдѣленію Этнографіи и было въ его разсмотрѣніи, послуживъ матеріаломъ для програм-мы, составленной секретаремъ Отдѣленія Этнографіи В. Н. Майновымъ и напечатанной въ журналѣ *Знаніе* за апрѣль 1874 года; тѣмъ не менѣе я нахожу болѣе удобнымъ дать отчетъ о программѣ г. Ефименка во всей ея цѣлости.

„Программа эта весьма объемиста и полна; раздѣляется она на слѣдующіе отдѣлы и рубрики: I. Гражданское право. 1) Союзъ семейный и родовой (17 страницъ). 2) Опекa и по-печительство (2 страницы). 3) Раздѣлы и наслѣдованіе (9 страницъ). 4) Вещное право (5 страницъ). 5) Договоры (10 страницъ). II. Уголовное право (6 страницъ). III. Судъ и рас-права (7 страницъ). IV. Община (9 страницъ). V. Отношенія виѣбщинныя и международныя (2 страницы),

Такимъ образомъ вся программа, состоящая изъ пяти от-дѣловъ, изъ которыхъ первый—право гражданское—раздѣленъ еще на пять рубрикъ, изложена на 78 двойныхъ страницахъ.

„Мнѣ приходится опредѣлять размѣры программы г. Ефи-менка числомъ страницъ, а не вопросовъ, по той причинѣ, что не всѣ отдѣлы этой программы имѣютъ нумерацію вопросовъ, которая доведена г. Ефименкомъ до вещнаго права, хотя въ от-

дѣлѣ „раздѣлы и наследство“ нумерація вопросовъ не проведена послѣдовательно, какъ въ первомъ и второмъ отдѣлѣ.

„Я назвалъ программу г. Ефименка только матеріаломъ для программы на томъ основаніи, что она предложена мнѣ въ распоряженіе нашей Комиссіи въ необработанномъ видѣ, именно состоитъ изъ текста, изложеннаго въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, и изъ различныхъ добавленій и примѣчаній на поляхъ, сдѣланныхъ г. Ефименкомъ впоследствии, при его дальнейшихъ работахъ, подѣ влияніемъ новыхъ наблюденій и изслѣдованій, какова, наприимѣръ, прекрасная статья г. Оршанскаго: „Народный Судъ и Народное Право“; она сдѣлалась извѣстна г. Ефименку лишь послѣ составленія текста его программы и дала поводъ къ нѣкоторымъ вопросамъ и замѣткамъ на поляхъ, которые служатъ пополненіемъ и развитіемъ текста программы, нерѣдко замѣняя и исключая соотвѣтствующія мѣста текста.

„Я не буду подробно останавливаться на сравненіи программы г. Ефименка съ программой Отдѣленія Этнографіи 1864 года; между ними лежитъ большой промежутокъ времени, въ теченіе котораго разработка обычнаго права сдѣлала большіе успѣхи; укажу только, что программа 1864 года заключаетъ въ себѣ всего 53 вопроса, а въ одномъ первомъ отдѣлѣ программы г. Ефименка: „союзъ семейный и родовой“ ихъ 34; затѣмъ цѣлые отдѣлы, каково, наприимѣръ, „вещное право“, превосходно разработанное г. Ефименко, вовсе не тронуты въ первой.

„Кромѣ того, при составленіи программы 1864 года не было обращено вниманіе на два различные вида или типа крестьянской семьи, которые за неимѣніемъ другаго болѣе подходящаго выраженія и назову большою и малю семей, и въ юридическомъ быту которыхъ замѣчаются существенныя черты различія, такъ что имущественныя и личныя отношенія членовъ крестьянской семьи весьма различны, смотря по тому, въ какомъ изъ этихъ двухъ видовъ ея мы ихъ наблюдаемъ.

„На этотъ вопросъ обращено серьезное вниманіе какъ въ

программъ г. Майнова, такъ и г. Ефименка, хотя этотъ отдѣлъ программы у послѣдняго обработанъ менѣе другихъ, недостаточно выяснено значеніе терминовъ *большая* и *малая* семья, и не обращено вниманіе собирателями на то, не существуетъ ли въ народномъ языкѣ какихъ-либо особыхъ названій для обозначенія этихъ двухъ видовъ семьи.

„По содержанію программа г. Ефименка ближе подходитъ къ программѣ г. Майнова, что объясняется временемъ ихъ составленія и тѣмъ, что оба придерживались известной программы для собиранія славянскихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ проф. Вогишича; но между ними замѣчается и значительная, даже существенная разница; такъ въ программѣ г. Ефименка болѣе обращено вниманія на юридическую сторону обычаевъ, довольно слабую въ программѣ г. Майнова; послѣдній, если ми не ошибаемся, имѣлъ въ виду исключительно этнографическія цѣли и задачи, не вдаваясь въ подробности и частности, интересныя съ юридической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего тѣ отдѣлы программы г. Майнова, гдѣ говорится, напримѣръ, о *договорахъ* и *вещномъ правѣ*, которое онъ предпочитаетъ называть *вещественнымъ*, не удовлетворяютъ юриста. Въ программѣ же г. Ефименка они изложены обстоятельнѣе и подробнѣе.

„Что касается приѣмовъ и способа изложенія, то въ этомъ отношеніи различіе между обѣими программами переходитъ въ совершенную противоположность.

„Программа г. Майнова отличается большимъ обобщеніемъ и дробностью вопросовъ, сжатостью изложенія и отсутствіемъ поясненій въ видѣ примѣровъ или образцовъ. Желаніе сдѣлать свою программу доступною пониманію народа заставляетъ г. Майнова избѣгать юридическихъ терминовъ, хотя бы совершенно ясныхъ и понятныхъ для народа (*имущество потамственное*, а не *родовое*,—не *купля*, а *покупка*,—не *имущество*, а вещь,—право не *вещное*, а *вещественное* и т. д.).

Вслѣдствіе усвоеннаго г. Майновымъ порядка изложенія, его программа отличается отрывчатостью, и вопросы изложены

не въ послѣдовательномъ порядкѣ; такъ, въ первомъ отдѣлѣ программы, посвященномъ *семьѣ*, именно рубрикѣ: *семья въ тѣсномъ смыслѣ слова*, г. Майновъ начинаетъ съ условій для вступленія въ бракъ (вопросъ 72-й и слѣд.; я привожу номера вопросовъ не по печатной редакціи программы г. Майнова, а по рукописной, которая была обязательно сообщена мнѣ составителемъ ея; эта редакція нѣсколько измѣнена и дополнена, вслѣдствіе чего измѣнилась и нумерація вопросовъ); затѣмъ программа касается порядка сговора, случаевъ обезпеченія невѣсты женихомъ, незаконнаго сожителства и затѣмъ снова переходитъ къ условіямъ для вступленія въ бракъ; именно—вопросъ 89-й касается браковъ уводомъ или тайныхъ, и затѣмъ въ вопросѣ 91-мъ рѣчь снова сводится на условія для вступленія въ бракъ—согласіе родителей. Приводимый мной примѣръ далеко не единственный въ этомъ родѣ.

„Такое отсутствіе системы въ изложеніи, по моему мнѣнію, нѣсколько вредитъ достоинству программы г. Майнова, хотя во всякомъ случаѣ это—весьма полезный и почтенный трудъ, заслуживающій серьезнаго вниманія.

„Программа г. Ефименка составлена такъ, что, касаясь того или другаго института народнаго обычнаго права, она изчерпываетъ его по возможности до конца, вслѣдствіе чего его программа представляется какъ нѣчто цѣлое, изложенное въ систематическомъ порядкѣ. Отвѣты на нее могутъ быть даны не отрывочно, а въ видѣ связаннаго разсказа, и по моему мнѣнію, отвѣчать на нее легче и удобнѣе, чѣмъ на программу г. Майнова, не смотря на всю кажущуюся простоту и понятность этой послѣдней. Для собиранія статистическихъ матеріаловъ такая форма вопросовъ весьма удобна, но юридическіе обычаи—не цифры; они имѣютъ свою фізіономію, которая легко можетъ стѣреться при лаконической и обрубленной формѣ отвѣтовъ, требуемой программой г. Майнова“.

По выслушаніи этого доклада, Комиссія постановила просить г. Матвѣева составить, руководствуясь программой г. Ефи-

менва, проектъ новой программы и по отпечатаніи внести его на обсужденіе Комиссіи.

III.

22-го ноября 1876 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: О. Л. Варыковъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ, С. В. Паханъ и П. А. Матвѣевъ.

По приглашенію предсѣдателя, членъ Комиссіи П. А. Матвѣевъ, прочелъ начало составленнаго имъ проекта программы народныхъ юридическихъ обычаевъ—именно первый отдѣлъ ея—союзъ семейный и родовой.

При этомъ г. Матвѣевъ объяснилъ, что принятый имъ на себя трудъ составленія программы народныхъ юридическихъ обычаевъ по гражданскому праву, которыхъ онъ и ограничился, будетъ оконченъ въ началѣ будущаго года. Затѣмъ остается еще уголовное право, судъ и расправа, община и отношенія въѣобщинныя и международныя, по которыхъ составленіе программъ, можетъ быть, пожелаетъ принять на себя еще кто-либо изъ членовъ Комиссіи; эти послѣдніе отдѣлы по сложности и объему значительно уступаютъ отдѣлу, посвященному гражданскому праву, и обработка ихъ потребуетъ сравнительно менѣе времени.

Кромѣ того, при обсужденіи вопроса о программѣ, нельзя не упомянуть о земельной крестьянской общинѣ, народные обычаи устройства которой не вошли ни въ программу Отдѣленія Этнографіи 1864 г., ни въ программу г. Майнова. Въ матеріалахъ, доставленныхъ Комиссіи г. Ефименкомъ, этотъ вопросъ также не затронутъ, на томъ основаніи, что онъ предлагаетъ составить особую программу для собранія обычаевъ, касающихся земельной общины.

Выслушавъ этотъ докладъ и первую часть проекта программы г. Матвѣева съ полнымъ сочувствіемъ, Комиссія, одо-

брия въ общихъ основаніяхъ прочитанное начало проекта, постановила: отложить дальнѣйшее обсужденіе этого проекта до слѣдующаго засѣданія, когда проектъ программы будетъ оконченъ, отпечатанъ и разосланъ членамъ Комиссіи для предварительнаго его изученія.

Въ возникшихъ затѣмъ преніяхъ относительно включенія въ приготовляемую Комиссіей программу вопросовъ о земельной общинѣ, съ одной стороны, было указано на важность и практическое значеніе этого вопроса, а съ другой—на значительное разширеніе черезъ это объема программы, изданіе которой такимъ образомъ немало замедлится, и что, кромѣ того, собраніе матеріаловъ о земельной крестьянской общинѣ по тому значенію, которое она имѣетъ въ народной жизни, требуетъ особой спеціальной программы.

Въ заключеніе этихъ преній членъ Комиссіи **Θ. Л. Барниковъ**, имѣвшій случай близко изучить вопросъ о народныхъ обычаяхъ, касающихся устройства земельной общины въ разныхъ губерніяхъ, выразилъ готовность приготовить для Комиссіи конспектъ программы вопросовъ о земельной общинѣ. Это предложеніе г. Барникова было принято Комиссіей съ живѣйшею благодарностью, и вопросъ о включеніи земельной общины въ программу Комиссіи оставленъ открытымъ.

IV.

12-го апрѣля 1877 г.

Присутствовали: предсѣдатель **Н. В. Калачовъ**, члены: **Θ. Л. Барниковъ**, кн. **Θ. С. Голицынъ**, **Л. Н. Майковъ**, **П. А. Муловъ**, **С. В. Пахманъ**, **П. П. Чубинскій** и **П. А. Матвѣвъ**.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель просилъ члена-секретаря Комиссіи прочесть журналъ предыдущаго засѣданія, который при этомъ и былъ подписанъ присутствующими членами.

Затѣмъ **П. А. Матвѣвъ** представилъ нижеизложенный отчетъ о дѣятельности Комиссіи за первый годъ ея существованія:

„Согласно выработанной въ первомъ засѣданіи (17-го февраля 1876 года) программѣ занятій, дѣятельность Комиссіи сосредоточилась по преимуществу на выполненіи слѣдующихъ двухъ задачъ: 1) составленіе и изданіе новой программы для собиранія обычаевъ и 2) изданіе сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ.

„Что касается до составленія свода печатныхъ матеріаловъ по обычному праву, о чемъ между прочимъ было говорено въ нашихъ засѣданіяхъ, то это дѣло, весьма полезное и желательное, оказывается неосуществимымъ при тѣхъ личныхъ силахъ и матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ Комиссія.

„Предлагая вниманію Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи составленный мною и ужь отпечатанный проектъ программы по гражданскому праву, составляющему самую серьезную и обширную часть народнаго обычнаго права, я съ особеннымъ удовольствіемъ могу доложить Комиссіи, что составленіе программы по уголовному праву согласился принять на себя нашъ извѣстный криминалистъ, профессоръ уголовного права въ С.-Петербургскомъ университетѣ И. Я. Фойницкій. Прекрасная программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, составленная недавно кievскимъ криминалистомъ А. Θ. Кистяковскимъ ¹⁾, можетъ послужить значительнымъ облегченіемъ въ предстоящемъ трудѣ профессора Фойницкаго.

„Конспектъ программы о поземельной общинѣ, составленный нашимъ почтеннымъ членомъ Θ. Л. Барыковымъ, я имѣю честь предложить вниманію Комиссіи въ настоящемъ засѣданіи, вмѣстѣ съ письмомъ по этому вопросу корреспондента нашей Комиссіи П. С. Ефименка. Въ отвѣтъ на мое приглашеніе дополнить вышеуказанный конспектъ программы г. Ба-

¹⁾ Напечатана въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1874 г.; въ настоящее время эта программа вышла вторымъ изданіемъ значительно дополненная и улучшенная.

рыкова, П. С. Ефименко отвѣчалъ, что въ настоящее время онъ, при всемъ желаніи, этимъ дѣломъ заняться не можетъ за недостаткомъ времени, а равно и потому, что составленная имъ обширная программа вопросовъ общиннаго землевладѣнія отослана недавно (въ мартѣ мѣсяцѣ) Е. И. Якушкину, который занимается спеціально изученіемъ крестьянскаго землевладѣнія и намѣренъ составить по имѣющимся у него матеріаламъ подробную программу для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, заключаетъ свое письмо г. Ефименко,—всего удобнѣе будетъ обратиться къ самому г. Якушкину за содѣйствіемъ въ настоящемъ дѣлѣ. Съ своей стороны г. Ефименко сообщилъ ему о доставленіи копій съ программы въ нашу Комиссію. Затѣмъ Комиссіи предстоитъ озаботиться составленіемъ программы для собиранія свѣдѣній объ обычаяхъ, касающихся суда и расправы, и о народныхъ воззрѣніяхъ на отношенія въобщинныя и международныя.

„Переходя къ проектированному сборнику народныхъ юридическихъ обычаевъ, я могу заявить Комиссіи, что старанія мои о собраніи матеріаловъ для этого сборника дали на столько благоприятные результаты, что въ настоящее время оказалось уже возможнымъ приступить къ печатанію его, согласно распоряженію Отдѣленія Этнографіи. Этотъ томъ, объемомъ около 30 печатныхъ листовъ, печатается подъ моею редакціей и выйдетъ въ свѣтъ осенью нынѣшняго года въ видѣ VIII-го тома Записокъ Отдѣленія Этнографіи, итѣя, согласно постановленію нашей Комиссіи, вторымъ заглавіемъ: „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“. Наша Комиссія при настоящемъ своемъ положеніи не можетъ руководить работой изслѣдователей общаго права и направлять ихъ, а можетъ только пользоваться ихъ трудами, выбирая для сборника тѣ матеріалы и изслѣдованія, которые представляютъ наиболѣе интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ научными достоинствами. Такимъ образомъ, совершенно независимо отъ моей воли и отъ моихъ

желаній, въ приготовленныхъ мною для сборника матеріалахъ преобладаютъ свѣдѣнія объ юридическомъ бытѣ нашихъ окраинъ, объ обычаяхъ нашихъ инородцевъ. Сознавая серьезное научное и практическое значеніе юридическаго быта этихъ послѣднихъ, я, конечно, весьма далеко отъ мысли отводить имъ первое мѣсто въ трудахъ нашей Комиссіи и сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, для того чтобы дать надлежащее мѣсто въ нашемъ сборникѣ народнымъ обычаямъ кореннаго Русскаго населенія. Вотъ перечень тѣхъ матеріаловъ, которые приготовлены для перваго тома сборника:

- 1) Статья нашего предсѣдателя Н. В. Балачова: „Объ отношеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“.
 - 2) „Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи“ — мое изслѣдованіе.
 - 3) „О наймѣ пастуховъ и табунщиковъ“ — изслѣдованіе П. С. Ефименка.
 - 4) „О наследованіи вѣтвь-пріемншей въ Архангельской губерніи“ (матеріалы, извлеченные изъ рѣшеній волостныхъ судовъ).
- Это по русскому обычному праву, которое составитъ первый отдѣлъ сборника.

Второй отдѣлъ — обычное право инородцевъ:

- 1) Юридическихъ обычаевъ Лопарей Архангельской губерніи.
- 2) Обычаевъ Кореловъ той же губерніи.
- 3) Обычаевъ Самоѣдовъ той же губерніи.

Эти статьи принадлежатъ А. Я. Ефименку.

- 4) „Замѣтки о Киргизскомъ судѣ“ И. И. Ибрагимова, переводчика при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

„Кромѣ того, какъ секретарь Комиссіи, я велъ довольно дѣятельную переписку съ различными лицами, занимающимися изученіемъ народнаго юридическаго быта, и слѣдилъ въ печати за всѣмъ, что дѣлается въ этой области знанія.“

„Въ заключеніе моего отчета представляю краткій очеркъ моихъ наблюденій.“

„Съ дѣятельностью нашей Комиссіи совпало появленіе пре-

краснаго труда сибирскаго изслѣдователя народнаго быта, князя Николая Алексѣевича Кострова, члена-сотрудника Географическаго Общества: „Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиль Томской губерніи“. Изслѣдованіе помянутаго автора служитъ отвѣтомъ на программу Отдѣленія, изданную въ 1864 году; оно появилось въ концѣ прошлаго года и напечатано въ г. Томскѣ. На дѣятельность нашей Комиссіи весьма сочувственно отзывались многіе провинціальныя дѣятели. Такъ между прочимъ Олонецкій Статистическій Комитетъ увѣдомилъ Отдѣленіе Этнографіи о своемъ горячемъ сочувствіи занятіямъ Комиссіи; въ этомъ отношеніи мѣстный комитетъ указываетъ и на мѣры, принятія имъ для разработки и собиранія обычаевъ. Въ своей дѣятельности Статистическій Комитетъ встрѣчаетъ живую поддержку со стороны представителя мѣстной судебной власти предсѣдателя палаты г. Шестакова. Кромѣ Олонецкаго Комитета, сколько мнѣ извѣстно, вопросомъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ занимались также Статистическіе Комитеты Самарскій, Ярославскій и Вятскій. Въ Самарѣ, съ отъездомъ моимъ и П. С. Ефименка, который въ настоящее время перешелъ на службу въ г. Черниговъ, остался одинъ только дѣятель, на труды котораго можно разчитывать по занимающему насъ вопросу; это — священникъ с. Бравова, Самарскаго уѣзда, членъ Статистическаго Комитета, о. Іоаннъ Архангельскій. Въ концѣ прошлаго года онъ писалъ мнѣ, что предполагаетъ заняться изслѣдованіемъ семейныхъ обычаевъ с. Бравова въ отношеніи ихъ вліянія на общинное владѣніе крестьянскимъ надѣломъ и отбыванія податей и повинностей. Въ Тамбовской губерніи, какъ сообщалъ мнѣ предѣдатель Отдѣленія Этнографіи Л. Н. Майковъ, собираніемъ юридическихъ обычаевъ занимается одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, землевладѣлецъ Борисоглѣбскаго уѣзда П. Б. Бланкъ. Кромѣ того, мнѣ извѣстно изъ личнаго разговора съ профессоромъ Варшавскаго университета Д. Я. Самоковасовымъ, издавшимъ въ прошломъ году по рукописи сенатора Губе Сборникъ обычаевъ Сибирскихъ инородцевъ, что онъ занимается

вопросом о большой и малой семьѣ (возбудившимъ столько преній по поводу моего чтенія о народныхъ обычаяхъ Самарской губерніи въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Этнографіи) и имѣлъ случай наблюдать въ Курской губерніи юридическій бытъ обыкновенно большой крестьянской семьи, состоявшей изъ 42 (если не ошибаюсь) работниковъ. Г. Самоковасовъ общалъ сообщать свои наблюденія нашей Комиссіи.

„Какъ ни скромны результаты дѣятельности Комиссіи сравнительно съ тѣмъ, что желательно было бы сдѣлать въ области обычнаго права, но они мнѣ кажутся достаточными, если принять въ разчетъ тѣ средства и силы, которыми располагаетъ Комиссія.

Послѣ этого доклада, принятаго Комиссіею съ живѣйшимъ сочувствіемъ, членъ Комиссіи С. В. Пахманъ сдѣлалъ сообщеніе о приготовленномъ имъ къ печати трудѣ: „Гражданское Обычное Право“, составленномъ на основаніи трудовъ Комиссіи о волостныхъ судахъ и другихъ печатныхъ матеріаловъ. Первый томъ этого изданія, посвященный вещному праву, обязательству и судебному охраненію правъ, ужь оконченъ и печатается. Второй томъ будетъ посвященъ семейному праву, наслѣдству и опекаѣ. Комиссія выслушала это сообщеніе съ полнымъ вниманіемъ, такъ какъ разработка началъ обычнаго права такимъ опытнымъ юристомъ, какъ г. Пахманъ, общаетъ весьма много, и конечно, поставитъ внѣ всякаго спора вопросъ о значеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Затѣмъ Комиссія занялась разсмотрѣніемъ I-го отдѣла проекта программы, составленнаго г. Матвѣевымъ, и послѣ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ предсѣдателемъ и членами, въ виду настоятельной потребности въ скорѣйшемъ изданіи новой программы, которое замедлилось бы въ случаѣ подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ отдѣловъ ея по вопросамъ, въ засѣданіи Комиссіи постановлено: издать проектъ программы въ его настоящемъ видѣ отъ имени г. Матвѣева, включивъ его въ печатающійся томъ сборника народныхъ юридическихъ

обычаевъ, съ тѣми измѣненіями, какія въ немъ сдѣлаеть самъ г. Матвѣевъ, и съ тѣмъ чтобы второе вновь пересмотрѣнное изданіе этой программы вошло въ составъ общей программы, которая будетъ издана отъ имени Комиссіи.

V.

10-го октября 1877 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: О. Л. Барниковъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ, С. В. Пахманъ, А. Н. Труворовъ, П. П. Чубинскій, И. Я. Фойницкій и П. А. Матвѣевъ.

По открытіи засѣданія П. А. Матвѣевъ представилъ краткій отчетъ о сношеніяхъ своихъ съ различными лицами по предмету занятій Комиссіи, сообщивъ при этомъ содержаніе писемъ Е. И. Якушкина изъ Ярославля и г. П. Хаждеу изъ Букарешта. Г. Якушкинъ, извѣстный изслѣдователь народныхъ обычаевъ, издавшій въ 1875 г. весьма полезный библиографическій указатель и занимающійся въ настоящее время собираніемъ матеріаловъ о поземельной общинѣ, на сдѣланное ему предложеніе сообщить Комиссіи составляемую имъ по этому предмету программу выразилъ полную готовность представить въ распоряженіе Комиссіи свою работу; сначала г. Якушкинъ предполагалъ это сдѣлать въ теченіе текущаго октября мѣсяца, но затѣмъ извѣстилъ секретаря Комиссіи, что служебныя занятія мѣшаютъ ему окончить эту программу, которая составляется имъ по возможности подробно, и притомъ такъ, что подъ каждымъ вопросомъ приводятся примѣры, взятые какъ изъ печатныхъ матеріаловъ, такъ и изъ собранныхъ имъ лично данныхъ.

Принявъ съ благодарностью это заявленіе г. Якушкина, Комиссія обратилась къ своему сочлену О. Л. Барникову съ просьбою дополнить составленный имъ для Комиссіи конспектъ про-

граммы объ обычаяхъ, опредѣляющихъ порядокъ крестьянскаго землеустройства, на что г. Барниковъ и выразилъ свое согласіе.

Затѣмъ по приглашенію предсѣдателя проф. И. Я. Фойницкій прочелъ составленный имъ проектъ программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ по уголовному праву, которому предпослалъ нѣсколько общихъ соображеній о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ народными юридическими обычаями, и критическій обзоръ печатной программы проф. Кистяковскаго и рукописныхъ матеріаловъ для программы собиранія обычаевъ по уголовному праву П. С. Ефименка, которыми референтъ воспользовался для составленія своего проекта.

По мнѣнію г. Фойницкаго, главный недостатокъ обѣихъ указанныхъ программъ, которыя отличаются многими несомнѣнными достоинствами, есть тотъ, что онѣ не проводятъ послѣдовательно различія между народными юридическими воззрѣніями и обычаями, то-есть, точными правилами, соблюдаемыми въ народномъ быту при разсмотрѣніи извѣстныхъ случаевъ. Затѣмъ обѣ программы не даютъ надлежащаго опредѣленія, что слѣдуетъ разумѣть подъ обычаями народа, которые предполагается собирать. Проф. Кистяковскій вовсе не касается этого предмета, а г. Ефименко даетъ слишкомъ ученое опредѣленіе слову „народъ“, разумѣя подъ нимъ одно только сословіе крестьянъ. На возраженіе, сдѣланное по этому предмету П. А. Матвѣевымъ въ защиту матеріаловъ г. Ефименка, референтъ сослался на первый вопросъ программы г. Ефименка, въ которомъ сказано: „каковъ взглядъ крестьянъ на преступленіе и проступокъ“, на что было замѣчено, что если въ нѣкоторыхъ вопросахъ программы спеціально упоминается о крестьянахъ, то это указываетъ, что составитель ея не смѣшиваетъ этихъ понятій, а напротивъ различаетъ ихъ, вслѣдствіе чего иногда и задается вопросомъ объ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, исключительно между крестьянами существующихъ.

Въ заключеніе перечисленія пробѣловъ и недостатковъ

своихъ предшественниковъ г. Фойницкій указалъ на бѣдность въ вышеуказанныхъ программахъ отдѣла, касающагося общаго состава преступленія.

Затѣмъ г. Фойницкій приступилъ къ чтенію самаго проекта свѣлей программы, въ который онъ включилъ и вопросъ о надзорѣ общества какъ послѣдствіи важнѣйшихъ исправительныхъ наказаній: предметъ, котораго не касались изданія доселѣ программы. Проектъ этотъ, выслушанный Комиссіей съ живѣйшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны членовъ какъ въ отношеніи редакціи—въ смыслѣ исключенія нѣкоторыхъ научныхъ словъ и выраженій, могущихъ ввести затрудненіе собирателей, такъ и въ отношеніи пополненія программы нѣкоторыми новыми вопросами. Затѣмъ постановлено: слѣдующее засѣданіе посвятить снова обсужденію проекта г. Фойницкаго, по предложенію котораго рѣшено пригласить къ участію въ этомъ засѣданіи и проф. Н. С. Таганцева.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель Н. В. Калачовъ обратилъ вниманіе Комиссіи на появленіе въ печати книги одного изъ членовъ ея С. В. Пахмана: „Обычное Гражданское Право въ Россіи“, которая составляетъ весьма пріятное явленіе въ нашей юридической литературѣ, и по всей вѣроятности, вызоветъ должную оцѣнку въ средѣ изслѣдователей нашего шего народнаго юридическаго быта. Въ отвѣтъ на эти слова предсѣдателя члены Комиссіи П. А. Мулловъ, П. П. Чубинскій и П. А. Матвѣевъ представили свои отзывы о книгѣ г. Пахмана, въ конхъ было указано, что достоинство ея заключается въ удачномъ выдѣленіи и анализѣ тѣхъ юридическихъ началъ, которыя заключаются въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ.

VI.

8-го ноября 1877 года.

Присутствовали: предсѣдатель Н. В. Калачовъ, члены: Ф. Д. Варыковъ, Л. Н. Майковъ, П. А. Мулловъ, Н. С. Таган-

цевъ, А. Н. Труверовъ, П. П. Чубинскій, И. Я. Фойницкій и П. А. Матвѣевъ.

По открытіи засѣданія секретарь Комиссіи П. А. Матвѣевъ сдѣлалъ докладъ о поступившихъ матеріалахъ и между прочимъ представилъ присланную изъ Бухареста проф. Хаждеу программу для собиранія румынскихъ народныхъ обычаевъ, при составленіи которой принята была въ руководство недавно изданная Комиссіей программа по гражданскому праву.

Затѣмъ по предложенію предѣдателя было приступлено къ дальнѣйшему обсужденію проекта программы народныхъ юридическихъ обычаевъ по уголовному праву, составленнаго И. Я. Фойницкимъ.

Проф. Таганцевъ, которому этотъ проектъ былъ сообщенъ для просмотра, высказалъ по поводу его слѣдующія соображенія, объяснивъ предварительно, что изученіе обычнаго права занимаетъ его исключительно съ точки зрѣнія догматической, то-есть, въ отношеніи того вліянія, которое народные обычаи могутъ и должны оказывать на наше законодательство: Это вліяніе можетъ быть двоякое — положительное и отрицательное; первое производится путемъ пригнѣнія юридическихъ началъ въ предѣлахъ, указанныхъ законамъ, именно — волостными судами и ихъ практикой; второе проявляется въ отношеніи народа и лицъ пріязненныхъ къ закону въ дѣлахъ, подлежащихъ зѣлу суда. Обращаясь къ программѣ И. Я. Фойницкаго, Н. С. Таганцевъ указалъ: 1) на снѣженіе въ ней этихъ различныхъ сторонъ, такъ какъ обычай въ вопросахъ программы недостаточно отличенъ отъ воарвѣнія, что подтверждается приваде-ніемъ въ ней вопросовъ о преступленіяхъ, не подлежащихъ во-лостнымъ судамъ (напримѣръ, о богохуленіи и пр.); по этимъ пре-ступленіямъ слѣдовало бы ставить вопросы о причинахъ оправ-дательныхъ или обвинительныхъ по нимъ приговоровъ, а не о взглядахъ на нихъ народа, такъ какъ послѣднимъ не при-своивается никакой юридической силы; 2) на отсутствіе въ программѣ вопросовъ процессуальныхъ, хотя сами дѣйствіи

большое значение. Въ отношеніи редакціи программы г. Таганцевъ обратилъ вниманіе на ея краткость, подробность, которая можетъ затруднить собирателя, также какъ и на употребленіе составителемъ отвлекающихъ терминовъ, заимствованныхъ изъ уложенія о наказаніяхъ (напримѣръ, зачинщикъ, подстрекатель и т. д.), которые по своей неопредѣленности вызываютъ споры даже между специалистами.

И. Я. Фойницкій, возражая на эти замѣчанія, объяснилъ, что по его мнѣнію, было бы нецѣлесообразно при собираніи народныхъ уголовно-юридическихъ обычаевъ ограничиться исключительно задачами догматическими и законодательными, такъ какъ обычное право представляетъ, вромѣ того, весьма серьезный историческій и этнографическій интересъ. Полагая, что обычное право оказываетъ положительное вліяніе на юридическую жизнь только посредствомъ практики волостныхъ судовъ въ предѣлахъ отведенной имъ закономъ компетенціи, г. Таганцевъ расходится какъ съ тѣмъ общезвѣстнымъ фактомъ, что народныя суды вѣдаютъ несравненно большее число преступленій, чѣмъ то, которое указано имъ закономъ, такъ и съ принятымъ уже Комиссіей взглядомъ, что собираніе уголовно-юридическихъ обычаевъ не должно ограничиться однимъ крестьянскимъ сословіемъ. Свѣдѣнія о причинахъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ заседателей собираются уже нѣсколько лѣтъ министерствомъ юстиціи, но безъ особеннаго успѣха; притомъ настоящую Комиссію, по мнѣнію г. Фойницкаго, интересуютъ не столько эти свѣдѣнія, сколько взгляды народа на рассматриваемыя имъ и совершающіяся въ его средѣ преступленія.

Вопросъ процессуальные не включены въ программу потому, что, по предположенію Комиссіи, они должны быть разработаны особо. Подробность программы вызвала желаніе составителя, редакціи и Комиссіей, указать собирателямъ столь возможно конкретнѣе—какого рода свѣдѣнія нужны Комиссіи; что касается редакціи программы, то г. Фойницкій согласился съ замѣчаніями, высказанными по этому предмету

въ предыдущемъ засѣданіи Н. В. Балачовникъ и П. А. Матвѣевы и развиты въ настоящемъ засѣданіи г. Таганцевы и высказали готовность пересмотрѣть редакцію проекта программы вмѣстѣ съ г. Таганцевымъ, съ цѣлью замѣнить встрѣчающіеся въ немъ юридическіе термины общепонятными описаніями.

Ө. Л. Варыковъ замѣтилъ, что подробность всякой программы составляетъ ея достоинство и значительно облегчаетъ собирателя. Въ этомъ же смыслѣ высказался и П. А. Муловъ. Секретарь Комиссіи П. А. Матвѣевъ напомнилъ, что въ предыдущемъ засѣданіи сдѣлано было нѣсколько указаній въ смыслѣ пополненія проекта программы г. Фойницкаго нѣкоторыми новыми вопросами. Л. Н. Майковъ и Н. П. Чубинскій заявили мнѣніе о совершенной невозможности ограничивать собраніе обычаевъ исключительно догматическими цѣлями.

По соображеніи всего вышесказаннаго Комиссія постановила: по исправленіи проекта программы согласно сдѣланному на него замѣчанію, помѣстить его въ Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, который печатается подъ редакціей П. А. Матвѣева.

Потомъ секретарь Комиссіи прочелъ присланную ему изъ Кіева профессоромъ уголовного права А. Ө. Кистаковскимъ статью для помѣщенія въ сборникъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“. Въ этой любопытной статьѣ нашъ извѣстный криминалистъ изслѣдуетъ цензуру нравовъ, которую народъ проявляетъ во время совершенія браковъ, и указываетъ, что до сихъ поръ въ народѣ брачное торжество составляетъ дѣло общественное. Очертивъ подробно эти обычаи въ Малороссіи, на основаніи какъ печатныхъ матеріаловъ, такъ и собранныхъ имъ вновь данныхъ, г. Кистаковский приходитъ къ заключенію, что изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ прольетъ свѣтъ на нѣкоторые темные вопросы въ исторіи уголовного права. Такъ напримѣръ, занимавшій не малое кримина-

листовъ вопросъ о непонятномъ для нихъ вмѣшательствѣ общественной власти въ столь чуждую ей сферу интимныхъ семейныхъ отношеній есть продуктъ вліянія стародавнихъ народныхъ обычаевъ, сложившихся въ періодъ родового быта. Комиссія выслушала чтеніе этой любопытной статьи съ живѣйшимъ вниманіемъ.
